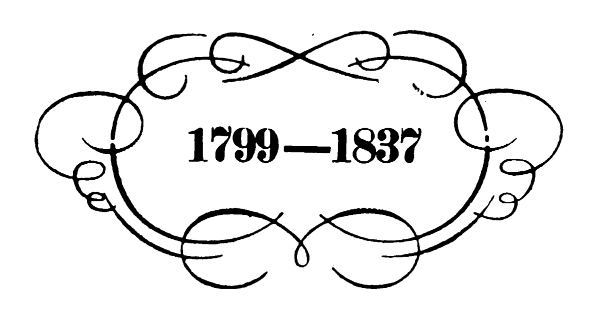

А. С. ПУШКИН

ACADEMIA

1799—1837

К СТОЛЕТИЮ СО ДНЯ ГИБЕЛИ
1837—1937

А. С. ПУШКИН

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

В ШЕСТИ ТОМАХ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
М. А. ЦЯВЛОВСКОГО

ТОМ ПЕРВЫЙ

ACADEMIA
МОСКВА—ЛЕНИНГРАД

А. С. ПУШКИН
1799—1837

СТИХОТВОРЕНИЯ

1813—1830

ACADEMIA
1936

Настоящее полное собрание сочинений выпускается издательством в связи со столетним юбилеем со дня смерти „великого русского поэта, создателя русского литературного языка и родоначальника новой русской литературы — **Александра Сергеевича Пушкина**, обогатившего человечество бессмертными произведениями художественного слова“.

(Из постановления Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР от 16|XII 1935 г. об учреждении Всесоюзного Пушкинского Комитета.)

„ACADEMIA“

А. С. Пушкин. С портрета маслом *В. А. Тропинина* 1827 г.
(Госуд. Третьяковская галлерея)

От редакции

Полное собрание сочинений Пушкина, выпускаемое издательством „Academia", дает советскому читателю канонический текст всего литературного наследия Пушкина, со сводом важнейших печатных и рукописных вариантов и комментариев, объединяющим в очень сжатой форме исторические, литературные и библиографические справки, необходимые для понимания текста и уяснения условий его создания.

Текст, установленный в итоге работ советских пушкиноведов над выпущенными ранее „собраниями сочинений" А. С. Пушкина, в настоящем, юбилейном издании вновь выверен по рукописям Пушкина и прижизненным его публикациям и дополнен неизвестной ранее поэмой „Тень Фонвизина", документальными приложениями к „Истории Пугачева" и полным собранием писем Пушкина. Для стихотворений учтена рукопись собрания стихотворений, приготовленная поэтом в 1836 году к печати. На основании этой рукописи изменены традиционные заглавия ряда стихотворений, как например, „Соловей и роза" (вместо „Соловей"), „Послание Дельвигу" (вместо „Череп"), „Поэт и толпа" (вместо „Чернь").

В основу распределения произведений Пушкина по томам положен жанровый признак: лирика, сказки, поэмы, роман в стихах, драматические произведения, художественная проза, критика и публицистика, исторические исследования, автобиографические записи. В пределах каждого тома материал распределяется в хронологическом порядке, при обязательном выделении в особую рубрику: 1) отрывков и набросков и 2) произведений, принадлежность которых Пушкину может быть оспариваема (Dubia).

Все тексты печатаются по новой орфографии, с сохранением, однако, тех особенностей правописания самого Пушкина, которые свидетельствуют о фонетических, морфологических и лексических отличиях его языка от современного книжного (например: дальный,

живый, святый, противуречия, незапно, бревны, приближился, оспоривать, эвнух) или закреплены рифмовкой: в бани (рифма „няни"), „ея" „оне" (рифмы типа „семья" и „вполне").

Сохраняются характерные для написаний Пушкина прописные буквы в отвлеченных словах типа „Безумие", „Злодейство" и пр., но вовсе не учитываются прописные буквы в тех написаниях, которые вызваны орфографической условностью или бытовым этикетом (например: названия народностей, титула, представления религиозного порядка).

Пунктуация рукописных и печатных первоисточников сохраняется во всех тех случаях, когда она не создает затруднений для понимания текста. В отступление от норм Пушкинской пунктуации все придаточные предложения выделяются, однако, запятыми, концевое тире заменяется точкой.

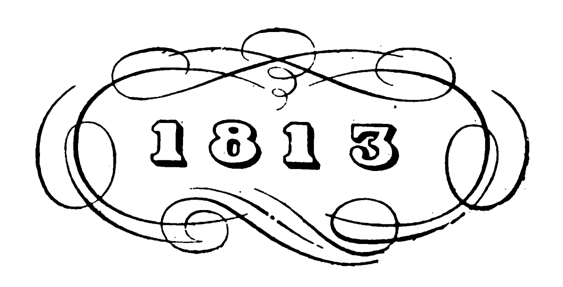
Все тексты, печатающиеся с автографов, воспроизводятся в их последних редакциях, причем зачеркнутые строки и слова отмечаются в прямых скобках [ ]. В ломаные скобки 〈 〉 заключены слова, чтение которых предположительно, а также все вставки редактора. На местах слов, вовсе не поддающихся прочтению, ставится: 〈нрзбр〉. Явные описки и опечатки первоисточников исправляются без оговорок.

При обозначении в комментариях основных государственных архивохранилищ и библиотек, в которых находятся ныне рукописи Пушкина, редакция пользуется следующими сокращенными обозначениями: ПБЛ (Государственная Публичная библиотека в Ленинграде); ЛБ (Всесоюзная Публичная библиотека имени В. И. Ленина); ПД (Пушкинский Дом Академии Наук СССР), ЦА (Центрархив).

СТИХОТВОРЕНИЯ
1813–1830

Подготовка текста и комментарии

М. А. Цявловского.

Послание к Наталье

Pourquoi craindrais-je de le dire?
C'est Margot qui fixe mon goût.*

Так и мне узнать случилось,
Что за птица Купидон;
Сердце страстное забилось;
Признаюсь, и я влюблен.
Пролетело счастья время,
Как, любви не зная бремя,
Я живал да попевал,
Как в театре и на балах,
На гуляньях иль в воксалах
Легким зефиром летал;
Как, смеясь во зло Амуру,
Я писал карикатуру

---

* 〈Почему мне бояться сказать это?
Марго пленила мой вкус.〉

На любезный женской пол.
Но напрасно я смеялся,
Наконец и сам попался,
Сам, увы, с ума сошел.
Смехи, вольность — всё под лавку,
Из Катонов я в отставку,
И теперь я — Целадон.
Миловидной жрицы Тальи
Видел прелести Натальи,
И уж в сердце — Купидон!

Так, Наталья, признаюся,
Я тобою полонен,
В первый раз еще (стыжуся)
В женски прелести влюблен.
Целый день, как ни верчуся,
Лишь тобою занят я;
Ночь придет, и лишь тебя
Вижу я в пустом мечтаньи,
Вижу — в легком одеяньи
Будто милая со мной;
Робко, сладостно дыханье,
Белой груди колебанье,
Снег затмившей белизной,
И полуотверсты очи...
Скромный мрак безмолвной ночи...
Дух в восторг приводят мой —
Я один в беседке с нею...
Вижу... девственну лилею,
Трепещу, томлюсь, немею...
И проснулся... вижу мрак
Вкруг постели; одинокой
Испускаю вздох глубокой!
Сон ленивый, томноокой
Отлетает на крылах.
Страсть сильнее становится,
А любовью утомясь,
Я слабею всякой час.
Всё к чему-то ум стремится...
А к чему? — никто из нас

Дамам вслух того не скажет,
А уж так и сяк размажет. —
Я — по-свойски объяснюсь.

Все любовники желают
И того, чего не знают;
Это свойство их — дивлюсь.
Завернувшись балахоном,
С хватской шапкой набекрень,
Я желал бы Филимоном
Под вечер, как всюду тень,
Взяв Анюты нежну руку,
Изъяснять любовну муку,
Говорить: она моя.
Я желал бы, чтоб Назорой
Ты старалася меня
Удержать умильным взором.
Иль седым Опекуном
Легкой, миленькой Розины,
Старым пасынком судьбины,
В епанче и с париком,
Дерзкой пламенной рукою
Белоснежну, полну грудь...
Я желал... да ведь ногою
Моря не перешагнуть,
И, хоть по уши влюбленный,
Но с тобою разлученный,
Всей надежды я лишен.

Но, Наталья, ты не знаешь,
Кто твой нежный Целадон?
Ты еще не понимаешь,
Отчего не смеет он
И надеяться? Наталья,
Выслушай еще меня!

Ни владетель я сераля,
Ни араб, ни турок я.
За учтивого китайца,

Грубого американца
Почитать меня нельзя.
Не представь и немчурою,
С колпаком на волосах,
С кружкой, пивом налитою,
И с цыгаркою в зубах.
Не представь кавалергарда
В каске, с длинным палашом:
Не люблю я бранный гром;
Шпага, сабля, галебарда
Не тягчат моей руки
За Адамовы грехи.

„Да кто ж ты, болтун влюбленный?“
— Взглянь на стены возвышенны,
Где безмолвья вечный мрак;
Взглянь на окны загражденны,
На лампады там зажженны...
Знай, Наталья — я... монах!

Монах

Песнь первая

Святой монах, грехопадение, юбка

Хочу воспеть, как дух нечистый ада
Оседлан был брадатым стариком;
Как овладел он черным клобуком,
Как он втолкнул монаха грешных в стадо.

Певец любви, фернейской старичок,
К тебе, Вольтер, я ныне обращаюсь.
Куда, скажи, девался твой смычок,
Которым я в Жан д'Арке восхищаюсь,
Где кисть твоя, скажи, ужели ввек
Их ни один не найдет человек?
Вольтер! Султан французского Парнаса,
Я не хочу седлать коня Пегаса,
Я не хочу из муз наделать дам,
Но дай лишь мне твою златую лиру,
Я буду с ней всему известен миру.
Ты хмуришься и говоришь: не дам.
А ты поэт, проклятый Аполлоном,
Испачкавший простенки кабаков,
Под Геликон упавший в грязь с Вильоном,
Не можешь ли ты мне помочь, Барков?
С усмешкою даешь ты мне скрыпицу,
Сулишь вино и музу пол-девицу:
„Последуй лишь примеру моему".
Нет, нет, Барков! скрыпицы не возьму,
Я стану петь, что в голову придется,
Пусть как-нибудь стих за стихом польется.

Невдалеке от тех прекрасных мест,
Где дерзостный восстал Иван-великой,
На голове златой носящий крест,

В глуши лесов, в пустыне мрачной, дикой,
Был монастырь; в глухих его стенах
Под старость лет один седой монах
Святым житьем, молитвами спасался
И дней к концу спокойно приближался.
Наш труженик не слишком был богат,
За пышность он не мог попасться в ад.
Имел кота, имел псалтырь и чотки,
Клобук, стихарь да штоф зеленой водки.
Взошедши в дом, где мирно жил монах,
Не золота увидели б вы горы,
Не мрамор там прельстил бы ваши взоры,
Там не висел Рафаэль на стенах.
Увидели б вы стул об трех ногах,
Да в уголку скамейка в пол-аршина,
На коей спал и завтракал монах.
Там пуховик над лавкой не вздувался.
Хотя монах, он в пухе не валялся
Меж двух простынь на мягких тюфяках.
Весь круглый год святой отец постился,
Весь божий день он в кельи провождал,
„Помилуй мя“ вполголоса читал,
Ел плотно, спал и всякой час молился.

А ты, монах, мятежный езуит!
Красней теперь, коль ты краснеть умеешь,
Коль совести хоть капельку имеешь;
Красней и ты, богатый кармелит,
И ты стыдись, Печерской лавры житель,
Сердец и душ смиренный повелитель...
Но, лира, стой! — Далеко занесло
Уже меня противу рясок рвенье;
Бесить попов не наше ремесло.

Панкратий жил счастлив в уединеньи,
Надеялся увидеть вскоре рай,
Но ни один земли безвестный край
Защитить нас от дьявола не может.
И в тех местах, где черный сатана
Под стражею от злости когти гложет,

Узнали вдруг, что разгорожена
К монастырям свободная дорога.
И вдруг толпой все черти поднялись,
По воздуху на крыльях понеслись —
Иной в Париж к плешивым картезианцам
С копейками, с червонцами полез,
Тот в Ватикан к брюхатым итальянцам
Бургонского и макарони нес;
Тот девкою с прелатом повалился,
Тот молодцом к монашенкам пустился.
И слышал я, что будто старый поп,
Одной ногой уже вступивший в гроб,
Двух молодых венчал перед налоем.
Чорт прибежал амуров с целым роем,
И вдруг дьячок на крылосе всхрапел,
Поп замолчал — на девицу глядел,
А девица на дьякона глядела.
У жениха кровь сильно закипела,
А бес всех их к себе же в ад повел.

Уж темна ночь на небеса всходила,
Уж в городах утих вседневный шум,
Луна в окно монаха осветила. —
В молитвенник весь устремивший ум,
Панкратий наш Николы пред иконой
Со вздохами земные клал поклоны.
Пришел Молок (так дьявола зовут),
Панкратия под черной ряской скрылся.
Святой монах молился уж, молился,
Вздыхал, вздыхал, а дьявол тут как тут.
Бьет час, Молок не хочет отцепиться,
Бьет два, бьет три — нечистый всё сидит.
„Уж будешь мой“, — он сам с собой ворчит.
А наш старик уж перестал креститься,
На лавку сел, потер глаза, зевнул,
С молитвою три раза протянулся,
Зевнул опять, и... чуть-чуть не заснул.
Однако ж нет! Панкратий вдруг проснулся,
И снова бес монаха соблазнять,
Чтоб усыпить, Боброва стал читать.

Монах скучал, монах тому дивился.
Век не зевал, как богу он молился.
Но — нет уж сил, кресты, псалтырь, слова, —
Всё позабыл; седая голова,
Как яблоко, по груди покатилась,
Со лбу рука в колени опустилась,
Молитвенник упал из рук под стол,
Святой вздремал, всхрапел, как старый вол.

Несчастный! спи... Панкратий вдруг проснулся,
Взад и вперед со страхом оглянулся,
Перекрестясь с постели он встает,
Глядит вокруг — светильня нагорела;
Чуть слабый свет вокруг себя лиет;
Что-то в углу как будто забелело.
Монах идет — что ж? юбку видит он.

„Что вижу я!.. иль это только сон? —
Вскричал монах, остолбенев, бледнея. —
Как! это что?..“ и, продолжать не смея,
Как вкопанный, пред белой юбкой стал,
Молчал, краснел, смущался, трепетал.

Огню любви единственна преграда,
Любовника сладчайшая награда
И прелестей единственный покров,
О юбка! речь к тебе я обращаю,
Строки сии тебе я посвящаю,
Одушеви перо мое, любовь!

Люблю тебя, о юбка дорогая,
Когда меня под вечер ожидая,
Наталья, сняв парчовый сарафан,
Тобою лишь окружит тонкий стан.
Что может быть тогда тебя милее?
И ты, виясь вокруг прекрасных ног,
Струи ручьев прозрачнее, светлее,
Касаешься тех мест, где юный бог
Покоится меж розой и лилеей.

Иль, как Филон, за Хлоей побежав,
Прижать ее в объятия стремится,
Зеленый куст тебя вдруг удержав... —
Она должна, стыдясь, остановиться.
Но поздно всё, Филон, ее догнав,
С ней на траву душистую валится,
И пламенна, дрожащая рука
Счастливого любовью пастуха
Тебя за край тихонько поднимает...
Она ему взор томный осклабляет,
И он... но нет; не смею. продолжать.
Я трепещу, и сердце сильно бьется,
И, может быть, читатели, как знать?
И ваша кровь с стремленьем страсти льется.
Но наш монах о юбке рассуждал
Не так, как я (я молод, не пострижен
И счастием ни мало не обижен).
Он не был рад, что юбку увидал,
И в тот же час смекнул и догадался,
Что в когти он нечистого попался.

Песнь вторая

Горькие размышления, сон, спасительная мысль

Покамест ночь еще не удалилась,
Покамест свет лила еще луна,
То юбка всё еще была видна.
Как скоро ж твердь зарею осветилась,
От взоров вдруг сокрылася она.

А наш монах, увы, лишен покоя.
Уж он не спит, не гладит он кота,
Не помнит он церковного налоя,
Со всех сторон Панкратию беда.
„Как, — мыслит он, — когда и собачонки
В монастыре и духа нет моем,
Когда здесь ввек не видывал юбчонки,
Кто мог ее принесть ко мне же в дом?

Уж мнится мне... прости, владыко, в том!
Уж нет ли здесь... страшусь сказать...
девчонки".
Монах краснел и делать что не знал.
Во всех углах, под лавками искал.
Всё тщетно, нет, ни с чем старик остался,
Зато весь день, как бледна тень, таскался,
Не ел, не пил, покойно и не спал.

Проходит день, и вечер наступая
Зажег везде лампады и свечи.
Уже монах, с главы клобук снимая,
Ложился спать. — Но только что лучи
Луна с небес в окно его пустила
И юбку вдруг на лавке осветила,
Зажмурился встревоженный монах
И, чтоб не впасть кой-как во искушенье,
Хотел уже навек лишиться зренья,
Лишь только бы на юбку не смотреть.
Старик кряхтя на бок перевернулся
И в простыню тепленько завернулся,
Сомкнул глаза, заснул и стал храпеть.

Тотчас Молок вдруг в муху превратился
И полетел жужжать вокруг него.
Летал, летал, по комнате кружился
И на нос сел монаха моего.
Панкратья вновь он соблазнять пустился.
Монах храпит и чудный видит сон.

Казалося ему, что средь долины,
Между цветов, стоит под миртом он,
Вокруг него сатиров, фавнов сонм.
Иной смеясь льет в кубок пенны вины;
Зеленый плющ на черных волосах,
И виноград на голове висящий,
И легкий фирз, у ног его лежащий, —
Всё говорит, что вечно юный Вакх,
Веселья бог, сатира покровитель.
Другой, надув пастушечью свирель,

Поет любовь, и сердца повелитель
Одушевлял его веселу трель.
Под липами там пляшут хороводом
Толпы детей и юношей, и дев.
А далее, ветвей под темным сводом,
В густой тени развесистых дерев,
На ложе роз, любовью распаленны,
Чуть-чуть дыша, весельем истощенны,
Средь радостей и сладостных прохлад,
Обнявшися любовники лежат.

Монах на всё взирал смятенным оком.
То на стакан он взоры обращал,
То на девиц глядел чернец со вздохом,
Плешивый лоб с досадою чесал,
Стоя, как пень, и рот в сажень разинув.
И вдруг, в душе почувствовав кураж
И набекрень взъярясь клобук надвинув,
В зеленый лес, как белоусый паж,
Как легкий конь, за девкою погнался.

Быстрей орла, быстрее звука лир
Прелестница летела, как зефир.
Но наш монах Эол пред ней казался,
Без отдыха за новой Дафной гнался.
„Не дам, — ворчал, — я промаха в кольцо“,
Но леший вдруг, мелькнув из-за кусточка,
Панкратья хвать юбчонкою в лицо.
И вдруг исчез приятный вид лесочка.
Ручья, холмов и нимф не видит он;
Уж фавнов нет, вспорхнул и Купидон,
И нет следа красоточки прелестной.
Монах один в степи глухой, безвестной,
Нахмуря взор; темнеет небосклон,
Вдруг грянул гром, монаха поражает —
Панкратий: „Ах!..“, и вдруг проснулся он.

Смущенный взор он всюду обращает:
На небесах, как яхонты, горя,

Уже восток румянила заря.
И юбки нет. — Панкратий встал, умылся
И, помолясь, он плакать сильно стал,
Сел под окно и горько горевал.
„Ах! — думал он, — почто ты прогневился?
Чем виноват, владыко, пред тобой?
Как грешником, вертит нечистый мной.
Хочу не спать, хочу тебе молиться,
Возьму псалтырь, а тут и юбку вдруг.
Хочу вздремать и ночью сном забыться,
Что ж снится мне? смущается мой дух.
Услышь мое усердное моленье,
Не дай мне впасть, господь, во искушенье!“
Услышал бог молитвы старика,
И ум его в минуту просветился.
Из бедного седого простяка
Панкратий вдруг в Невтоны претворился.
Обдумывал, смотрел, сличал, смекнул
И в радости свой опрокинул стул.
И, как мудрец, кем Сиракуз спасался,
По улице бежавший бос и гол,
Открытием своим он восхищался
И громко всем кричал: „Нашел! нашел!“
„Ну! — думал он, — от бесов и юбчонки
Избавлюсь я — и милые девчонки
Уже меня во сне не соблазнят.
Я заживу опять монах монахом,
Я стану ждать последний час со страхом
И с верою, и всё пойдет на лад“.
Так мыслил он — и очень ошибался.
Могущий рок, вселенной господин,
Панкратием, как куклой, забавлялся.

Монах водой наполнил свой кувшин,
Забормотал над ним слова молитвы
И был готов на грозны ада битвы.
Ждет юбки он — с своей же стороны
Нечистый дух весь день был на работе
И весь в жару, в грязи, в пыли и поте
Предупредить спешил восход луны.

Песнь третия

Пойманный бес

Ах, отчего мне дивная природа
Корреджио искусства не дала?
Тогда б в число парнасского народа
Лихая страсть меня не занесла.
Чернилами я не марал бы пальцы,
Не засорял бумагою чердак,
И за бюро, как девица за пяльцы,
Стихи писать не сел бы я никак.
Я кисти б взял бестрепетной рукою
И, выпив вмиг шампанского стакан,
Трудиться б стал я жаркой головою,
Как Цициан иль пламенный Альбан.
Представил бы все прелести Натальи,
На полну грудь спустил бы прядь волос,
Вкруг головы венок душистых роз,
Вкруг милых ног одежду резвой Тальи,
Стан обхватил Киприды б пояс злат.
И кистью б был счастливей я стократ!

Иль краски б взял Вернета иль Пуссина;
Волной реки струилась бы холстина;
На небосклон палящих, южных стран
Возведши ночь с задумчивой луною,
Представил бы над серою скалою,
Вкруг коей бьет шумящий океан,
Высокие, покрыты мохом стены;
И там в волнах, где дышит ветерок,
На серебре, вкруг скал блестящей пены,
Зефирами колеблемый челнок.
Нарисовал бы в нем я Кантемиру,
Ее красы... и рад бы бросить лиру,
От чистых муз навеки удалясь.
Но Рубенсом на свет я не родился,
Не рисовать, я рифмы плесть пустился.

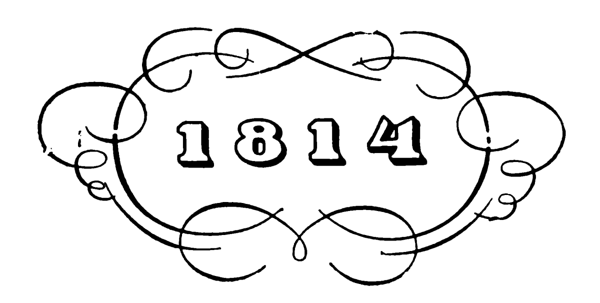
М<артынов> пусть пленяет кистью нас,
А я — я вновь взмостился на Парнас.
Исполнившись иройскою отвагой,
Опять беру чернильницу с бумагой
И стану вновь я песни продолжать.

Что делает теперь седой Панкратий?
Что делает и враг его косматый?
Уж перестал Феб землю освещать;
Со всех сторон уж тени налетают;
Туман сокрыл вид рощиц и лесов;
Уж кое-где и звездочки блистают...
Уж и луна мелькнула сквозь лесов...
Ни жив, ни мертв сидит под образами
Чернец, молясь обеими руками.
И вдруг бела, как вновь напавший снег
Москвы реки на каменистый брег,
Как легка тень, в глазах явилась юбка...
Монах встает, как пламень покраснев,
Как модинки прелестной ала губка,
Схватил кувшин, весь гневом возгорев,
И всей водой он юбку обливает.
О чудо!.. вмиг сей призрак исчезает —
И вот пред ним с рогами и с хвостом,
Как серый волк, щетиной весь покрытый,
Как добрый конь с подкованным копытом,
Предстал Молок, дрожащий под столом,
С главы до ног облитый весь водою,
Закрыв себя подолом епанчи,
Вращал глаза, как фонари в ночи.
„Ура! — вскричал монах с усмешкой злою, —
Поймал тебя, подземный чародей.
Ты мой теперь, не вырвешься, злодей.
Все шалости заплатишь головою.
Иди в бутыль, закупорю тебя,
Сейчас ее в колодезь брошу я.
Ага, Мамон! дрожишь передо мною".
„Ты победил, почтенный старичок, —
Так отвечал смирнехонько Молок. —
Ты победил, но будь великодушен,

В гнилой воде меня не потопи.
Я буду ввек за то тебе послушен,
Спокойно ешь, спокойно ночью спи,
Уж соблазнять тебя никак не стану".
„Всё так, всё так, да полезай в бутыль,
Уж от тебя, мой друг, я не отстану,
Ведь плутни все твои я не забыл".
„Прости меня, доволен будешь мною,
Богатства все польют к тебе рекою,
Как Банкова, я в знать тебя пущу,
Достану дом, куплю тебе кареты,
Придут к тебе в переднюю поэты;
Всех кланяться заставлю богачу.
Сниму клобук, по моде причешу.
Всё променяв на длинный фрак с штанами,
Поскачешь ты гордиться жеребцами,
Народ, смеясь, колесами давить
И английской каретой всех дивить.
Поедешь ты потеть у Шиловского
За ужином дремать у Горчакова,
К Нарышкиной подправливать жилет.
Потом всю знать (с министрами, с князьями
Ведь будешь жить, как с кровными друзьями)
Ты позовешь на пышный свой обед".
„Не соблазнишь! тебя я не оставлю,
Без дальних слов сейчас в бутыль иди".
„Постой, постой, голубчик, погоди!
Я жен тебе и красных дев доставлю".
„Проклятый бес! как? и в моих руках
Осмелился ты думать о женах!
Смотри какой! но нет, работник ада,
Ты не прельстишь Панкратья суетой.
За всё про всё готова уж награда,
Раскаешься, служитель беса злой!"
„Минуту дай с тобою изъясниться,
Оставь меня, не будь врагом моим.
Поступок сей наверно наградится,
А я тебя свезу в Иерусалим".
При сих словах монах себя не вспомнил.
„В Иерусалим!"—дивясь он бесу молвил.

„В Иерусалим!— да, да, свезу тебя“.
„Ну, если так, тебя избавлю я“.

Старик, старик, не слушай ты Молока,
Оставь его, оставь Иерусалим.
Лишь ищет бес поддеть святого с бока,
Не связывай ты тесной дружбы с ним.
Но ты меня не слушаешь, Панкратий,
Берешь седло, берешь чепрак, узду.
Уж под тобой бодрится чорт проклятый,
Готовится на адскую езду.
Лети, старик, сев на плеча Молока,
Толкай его и в зад и под бока,
Лети, спеши в священный град Востока,
Но помни то, что не на лошака
Ты возложил свои почтенны ноги.
Держись, держись всегда прямой дороги,
Ведь в мрачный ад дорога широка!

К другу стихотворцу

Арист! и ты в толпе служителей Парнаса!
Ты хочешь оседлать упрямого Пегаса;
За лаврами спешишь опасною стезей,
И с строгой критикой вступаешь смело в бой!

Арист, поверь ты мне, оставь перо, чернилы,
Забудь ручьи, леса, унылые могилы,
В холодных песенках любовью не пылай;
Чтоб не слететь с горы, скорее вниз ступай!
Довольно без тебя поэтов есть и будет;
Их напечатают — и целый свет забудет.
Быть может, и теперь, от шума удалясь
И с глупой музою навек соединясь,
Под сенью мирною Минервиной эгиды*

---

* Т. е. в школе.

Сокрыт другой отец второй „Телемахиды“.
Страшися участи бессмысленных певцов,
Нас убивающих громадою стихов!
Потомков поздных дань поэтам справедлива:
На Пинде лавры есть, но есть там и крапива.
Страшись бесславия! — Что, если Аполлон,
Услышав, что и ты полез на Геликон,
С презреньем покачав кудрявой головою,
Твой гений наградит спасительной лозою?

Но что? Ты хмуришься и отвечать готов;
„Пожалуй, — скажешь мне, — не трать излишних слов;
Когда на что решусь, уж я не отступаю,
И знай, мой жребий пал, я лиру избираю.
Пусть судит обо мне, как хочет, целый свет,
Сердись, кричи, бранись, — а я таки поэт“.

Арист, не тот поэт, кто рифмы плесть умеет
И, перьями скрыпя, бумаги не жалеет.
Хорошие стихи не так легко писать,
Как Витгенштеину французов побеждать.
Меж тем как Дмитриев, Державин, Ломоносов,
Певцы бессмертные, и честь, и слава россов,
Питают здравый ум и вместе учат нас,
Сколь много гибнет книг, на свет едва родясь!
Творенья громкие Рифматова, Графова
С тяжелым Бибрусом гниют у Глазунова;
Никто не вспомнит их, не станет вздор читать,
И Фебова на них проклятия печать!

Положим, что, на Пинд взобравшися счастливо,
Поэтом можешь ты назваться справедливо:
Все с удовольствием тогда тебя прочтут.
Но мнишь ли, что к тебе рекой уже текут
За то, что ты поэт, несметные богатства,
Что ты уже берешь на откуп государства,
В железных сундуках червонцы хоронишь
И, лежа на боку, покойно ешь и спишь?
Не так, любезный друг, писатели богаты;
Судьбой им не даны ни мраморны палаты,

Ни чистым золотом набиты сундуки:
Лачужка под землей, высоки чердаки —
Вот пышны их дворцы, великолепны залы.
Поэтов — хвалят все, питают — лишь журналы;
Катится мимо их Фортуны колесо;
Родился наг и наг ступает в гроб Руссо;
Камоэнс с нищими постелю разделяет;
Костров на чердаке безвестно умирает,
Руками чуждыми могиле предан он:
Их жизнь — ряд горестей, гремяща слава — сон.

Ты, кажется, теперь задумался немного.
„Да что же,— говоришь,— судя о всех так строго,
Перебирая всё, как новый Ювенал,
Ты о поэзии со мною толковал;
А сам, поссорившись с парнасскими сестрами,
Мне проповедовать пришел сюда стихами?
Что сделалось с тобой? В уме ли ты, иль нет?“
Арист, без дальных слов, вот мой тебе ответ:

В деревне, помнится, с мирянами простыми,
Священник пожилой и с кудрями седыми
В миру с соседями, в чести, довольстве жил
И первым мудрецом у всех издавна слыл.
Однажды, осушив бутылки и стаканы,
Со свадьбы, под вечер, он шел немного пьяный;
Попалися ему навстречу мужики.
„Послушай, батюшка,— сказали простяки,—
Настави грешных нас — ты пить ведь запрещаешь,
Быть трезвым всякому всегда повелеваешь,
И верим мы тебе; да что ж сегодня сам...“
„Послушайте,— сказал священник мужикам,—
Как в церкви вас учу, так вы и поступайте;
Живите хорошо, а мне — не подражайте“.

И мне то самое пришлося отвечать;
Я не хочу себя ни мало оправдать:
Счастлив, кто, ко стихам не чувствуя охоты,
Проводит тихой век без горя, без заботы,
Своими одами журналы не тягчит

И над экспромптами недели не сидит!
Не любит он гулять по высотам Парнаса,
Не ищет чистых муз, ни пылкого Пегаса;
Его с пером в руке Рамаков не страшит;
Спокоен, весел он. Арист, он — не пиит.

Но полно рассуждать — боюсь тебе наскучить
И сатирическим пером тебя замучить.
Теперь, любезный друг, я дал тебе совет;
Оставишь ли свирель, умолкнешь или нет?..
Подумай обо всем и выбери любое:
Быть славным — хорошо, спокойным — лучше вдвое.

Несчастие Клита

Внук Тредьяковского Клит гекзаметром песенки пишет,
Противу ямба, хорея злобой ужасною дышет:
Мера простая сия всё портит, по мнению Клита,
Смысл затмевает стихов и жар охлаждает пиита.
Спорить о том я не смею; пусть он безвинных поносит,
Ямб охладил рифмача, гекзаметры ж он заморозит.

Кольна

Подражание Оссиану

(Фингал послал Тоскара воздвигнуть на берегах источника Кроны памятник победы, одержанной им некогда на сем месте. Между тем, как он занимался сим трудом, Карул, соседственный государь, пригласил его к пиршеству; Тоскар влюбился в дочь его, Кольну; нечаянный случай открыл взаимные их чувства и осчастливил Тоскара.)

Источник быстрый Каломоны,
Бегущий к дальним берегам,
Я зрю, твои взмущенны волны
Потоком мутным по скалам
При блеске звезд ночных сверкают
Сквозь дремлющий пустынный лес,
Шумят и корни орошают
Сплетенных в темный кров древес.
Твой мшистый брег любила Кольна,
Когда по небу тень лилась;
Ты зрел, когда в любви невольна,
Здесь другу Кольна отдалась.

В чертогах Сельмы царь могущих
Тоскару юному вещал:
„Гряди во мрак лесов дремучих,
Где Крона катит черный вал,
Шумящей прохлажден осиной.
Там ряд является могил;
Там с верной, храброю дружиной
Полки врагов я расточил,
И много, много сильных пало;
Их гробы черный вран стрежет.

Гряди — и там, где их не стало,
Воздвигни памятник побед!“
Он рек, и в путь безвестный, дальный
Пустился с бардами Тоскар,
Идет во мгле ночи печальной,
В вечерний хлад, в полдневный жар.
Денница красная выводит
Златое утро в небеса,
И вот уже Тоскар подходит
К местам, где в темные леса
Бежит седой источник Кроны
И кроется в долины сонны.
Воспели барды гимн святой;
Тоскар обломок гор кремнистых
Усильно мощною рукой
Влечет из бездны волн сребристых,
И с шумом на высокой брег
В густой и дикой злак поверг;
На нем повесил черны латы,
Покрытый кровью предков меч,
И круглый щит, и шлем пернатый,
И обратил он к камню речь:

„Вещай, сын шумного потока,
О храбрых поздним временам!
Да в страшный час, как ночь глубока
В туманах ляжет по лесам,
Пришлец, дорогой утомленный,
Возлегши под надежный кров,
Воспомнит веки отдаленны
В мечтаньи сладком легких снов!
С рассветом алыя денницы,
Лучами солнца пробужден,
Он узрит мрачные гробницы...
И грозным видом поражен,
Вопросит сын иноплеменный:
«Кто памятник воздвиг надменный?»
И старец, летами согбен,
Речет: «Тоскар наш незабвенный,
Герой умчавшихся времен!»“

Небес сокрылся вечный житель,
Заря потухла в небесах;
Луна в воздушную обитель
Спешит на темных облаках;
Уж ночь на холме — берег Кроны
С окрестной рощею заснул.
Владыко сильный Каломоны,
Иноплеменных друг, Карул
Призвал Морвенского героя
В жилище Кольны молодой
Вкусить приятности покоя
И пить из чаши круговой.

. . . .
. . . .

Близ пепелища все воссели;
Веселья барды песнь воспели;
И в пене кубок золотой
Кругом несется чередой.
Печален лишь пришелец Лоры,
Главу ко груди преклонил;
Задумчиво он страстны взоры
На нежну Кольну устремил,
И тяжко грудь его вздыхает,
В очах веселья блеск потух,
То огнь по членам пробегает,
То негою томится дух;
Тоскует, втайне ощущая
Волненье сильное в крови,
На юны прелести взирая,
Он полну чашу пьет любви.

Но вот уж дуб престал дымиться,
И тень мрачнее становится,
Чернеет тусклый небосклон,
И царствует в чертогах сон.

. . . .
. . . .

Редеет ночь — заря багряна
Лучами солнца возжена;

Пред ней златится твердь румяна.
Тоскар покинул ложе сна;
Быстротекущей Каломоны
Идет по влажным берегам,
Спешит узреть долины Кроны
И внемлет плещущим волнам.
И вдруг из сени темной рощи,
Как в час весенней полунощи
Из облак месяц золотой,
Выходит ратник молодой.
Меч острый на бедре сияет,
Копье десницу вооружает;
Надвинут на чело шелом,
И гибкой стан покрыт щитом;
Зарею латы серебрятся
Сквозь утренний в долине пар.

„О юный ратник! — рек Тоскар, —
С каким врагом тебе сражаться?
Ужель и в сей стране война
Багрит ручьев струисты волны?
Но всё спокойно — тишина
Окрест жилища нежной Кольны“.
„Спокойны дебри Каломоны,
Цветет отчизны край златой;
Но Кольна там не обитает
И ныне по стезе глухой
Пустыню с милым протекает,
Пленившим сердце красотой“.
„Что рек ты мне, младой воитель?
Куда сокрылся похититель?
Подай мне щит твой!“ И Тоскар
Приемлет щит, пылая мщеньем.
Но вдруг исчез геройства жар;
Что зрит он с сладким восхищеньем?
Не в силах в страсти воздохнуть,
Пылая вдруг восторгом новым...
Лилейна обнажилась грудь,
Под грозным дышуща покровом...
„Ты ль это?...“ — возопил герой

И трепетно рукой дрожащей
С главы снимает шлем блестящий —
И Кольну видит пред собой.

Старик

Из Марота

Уж я не тот философ страстный,
Что прежде так любить умел,
Моя весна и лето красно
Ушли — за тридевять земель!
Амур, свет возраста златого!
Богов тебя всех боле чтил.
Ах! если б я родился снова,
Уж так ли бы тебе служил.

Рассудок и любовь

Младой Дафнис, гоняясь за Доридой,
„Постой, — кричал, — прелестная! постой!
Скажи: «Люблю» — и бегать за тобой
Не стану я — клянуся в том Кипридой“.
„Молчи, молчи!“ — Рассудок говорил,
А плут Эрот: „Скажи: ты сердцу мил!“

„Ты сердцу мил!“ — пастушка повторила,
И их сердца огнем любви зажглись,
И пал к ногам красавицы Дафнис,
И страстный взор Дорида потупила.
„Беги, беги!“ — Рассудок ей твердил,
А плут Эрот: „Останься!“ говорил.

Осталася — и трепетной рукою
Взял руку ей счастливый пастушок.
„Взгляни, — сказал, — с подругой голубок
Там обнялись под тенью лип густою!“
„Беги! беги!“ — Рассудок повторил,
„Учись от них!“ — Эрот ей говорил.

И нежная улыбка пробежала
Красавицы на пламенных устах,
И вот она с томлением в глазах
К любезному в объятия упала...
„Будь счастлива!“ — Эрот ей прошептал,
Рассудок что ж? Рассудок уж молчал.

К сестре

Ты хочешь, друг бесценный,
Чтоб я, поэт младой,
Беседовал с тобой
И с лирою забвенной,
Мечтами окриленный,
Оставил монастырь
И край уединенный,
Где непрерывный мир
Во мраке опустился
И в пустыни глухой
Безмолвно воцарился
С угрюмой тишиной.*

И быстрою стрелой
На невской брег примчуся,
С подругой обнимуся
Весны моей златой,
И, как певец Людмилы,
Мечты невольник милый,
Взошед под отчий кров,
Несу тебе не злато
(Чернец я небогатый),
В подарок пук стихов.

Тайком взошед в диванну,
Хоть помощью пера,
О, как тебя застану,
Любезная сестра?
Чем сердце занимаешь
Вечернею порой?
Жан-Жака ли читаешь,
Жанлис ли пред тобой?
Иль с резвым Гамильтоном
Смеешься всей душой?

* 〈После этого стиха недостает нескольких стихов.〉

Иль с Греем и Томсоном
Ты пренеслась мечтой
В поля, где от дубравы
В дол веет ветерок,
И шепчет лес кудрявый,
И мчится величавый
С вершины гор поток?
Иль моську престарелу,
В подушках поседелу,
Окутав в длинну шаль
И с нежностью лелея,
Ты к ней зовешь Морфея?
Иль смотришь в темну даль
Задумчивой Светланой
Над шумною Невой?
Иль звучным фортепьяно
Под беглою рукой
Моцарта оживляешь?
Иль тоны повторяешь
Пиччини и Рамо?

Но вот уж я с тобою,
И в радости немой
Твой друг расцвел душою,
Как ясный вешний день.
Забыты дни разлуки,
Дни горести и скуки,
Исчезла грусти тень.

Но это лишь мечтанье!
Увы, в монастыре,
При бледном свеч сиянье,
Один пишу к сестре.
Всё тихо в мрачной кельи:
Защелка на дверях,
Молчанье, враг веселий,
И скука на часах!
Стул ветхой, необитый,
И шаткая постель,
Сосуд, водой налитый,

Соломенна свирель —
Вот всё, что пред собою
Я вижу, пробужден.
Фантазия, тобою
Одной я награжден,
Тобою пренесенный
К волшебной Иппокрене,
И в келье я блажен.

Что было бы со мною,
Богиня, без тебя?
Знакомый с суетою,
Приятной для меня,
Увлечен в даль судьбою,.
Я вдруг в глухих стенах,
Как Леты на брегах,
Явился заключенным,
Навеки погребенным,
И скрыпнули врата,
Сомкнувшися за мною,
И мира красота
Оделась черной мглою!..
С тех пор гляжу на свет,
Как узник из темницы
На яркий блеск денницы.
Светило ль дня взойдет,
Луч кинув позлащенный
Сквозь узкое окно,
Но сердце помраченно
Не радует оно.
Иль позднею порою,
Как луч на небесах,
Покрытых чернотою,
Темнеет в облаках, —
С унынием встречаю
Я сумрачную тень
И с вздохом провожаю
Скрывающийся день!..
Сквозь слез смотрю в решетки,
Перебирая четки.

Но время протечет,
И с каменных ворот
Падут, падут затворы,
И в пышный Петроград
Через долины, горы
Ретивые примчат;
Спеша на новоселье,
Оставлю темну келью,
Поля, сады свои;
Под стол клобук с веригой —
И прилечу расстригой
В объятия твои!

* * *

Вот зеркало мое — прими его, Киприда!
Богиня красоты прекрасна будет ввек,
Седого времени не страшна ей обида:
Она — не смертный человек;
Но я, покорствуя судьбине,
Не в силах зреть себя в прозрачности стекла,
Ни той, которой я была,
Ни той, которой ныне.

Эпиграмма

Арист нам обещал трагедию такую,
Что все от жалости в театре заревут,
Что слезы зрителей рекою потекут.

Мы ждали драму золотую.
И что же? дождались — и, нечего сказать,
Достоинству ее нельзя убавить весу:
Ну, право, удалось Аристу написать
Прежалкую пиесу.

Опытность

Кто с минуту переможет
Хладным разумом любовь,
Бремя тягостных оков
Ей на крылья не возложит.
Пусть не смейся, не резвись,
С строгой мудростью дружись;
Но с рассудком вновь заспоришь,
Хоть не рад, но дверь отворишь,
Как проказливый Эрот
Постучится у ворот.

Испытал я сам собою
Истину сих правых слов.
„Добрый путь! прости, любовь!
За богинею слепою,
Не за Хлоей, полечу,
Счастье, счастье ухвачу!“ —
Мнил я в гордости безумной.
Вдруг услышал хохот шумный,
Оглянулся... и Эрот
Постучался у ворот.

Нет! мне, видно, не придется
С богом сим в размолвке жить,
И покамест жизни нить
Старой Паркой *там* прядется,
Пусть владеет мною он!
Веселиться — мой закон.
Смерть откроет гроб ужасный,
Потемнеют взоры ясны,
И не стукнется Эрот
У могильных уж ворот!

Блаженство

В роще сумрачной, тенистой,
Где, журча в траве душистой,
Светлый бродит ручеек,
Ночью на простой свирели
Пел влюбленный пастушок;
Томный гул унылы трели
Повторял в глуши долин...

Вдруг из глубины пещеры
Чтитель Вакха и Венеры,
Резвых фавнов господин,
Выбежал Эрмиев сын.
Розами рога обвиты,
Плющ на черных волосах,
Козий мех, вином налитый,
У Сатира на плечах.
Бог лесов, в дугу склонившись
Над искривленной клюкой,
За кустами притаившись,
Слушал песенки ночной,
В лад качая головой.

„Дни, протекшие в весельи!
(Пел в тоске пастух младой)
Отчего, явясь мечтой,
Вы, как тень, от глаз исчезли
И покрылись вечной тьмой?

Ах! когда во мраке нощи,
При таинственной луне,
В темну сень прохладной рощи,
Сладко спящей в тишине,
Медленно, рука с рукою,
С нежной Хлоей приходил,
Кто сравниться мог со мною?
Хлое был тогда я мил!

А теперь мне жизнь — могила,
Белый свет душе постыл,
Грустен лес, поток уныл...
Хлоя — другу изменила!..
Я для милой... уж не мил!..“

Звук исчез свирели тихой;
Смолк певец — и тишина
Воцарилась в роще дикой;
Слышно, плещет лишь волна,
И колышет повиликой
Тихо-веющий зефир...
Древ оставя сень густую,
Вдруг является Сатир;
Чашу дружбы круговую
Пенистым сребря вином,
Рек с осклабленным лицом:
„Ты уныл, ты сердцем мрачен:
Посмотри ж, как сок прозрачен
Блещет, осветясь луной!
Выпей чашу — и душой
Будешь так же чист и ясен.
Верь мне: стон в бедах напрасен.
Лучше, лучше веселись,
В горе с Бахусом дружись!“
И пастух, взяв чашу в руки,
Скоро выпил всё до дна.
О могущество вина!
Вдруг сокрылись скорби, муки,
Мрак душевный вмиг исчез!
Лишь фиал к устам поднес,
Всё мгновенно пременилось,
Вся природа оживилась,
Счастлив юноша в мечтах!
Выпив чашу золотую,
Наливает он другую;
Пьет уж третью... но в глазах
Вид окрестный потемнился —
И несчастный... утомился.
Томну голову склоня,

„Научи, Сатир, меня, —
Говорит пастух со вздохом, —
Как могу бороться с роком?
Как могу счастливым быть?
Я не в силах вечно пить".
„Слушай, юноша любезный,
Вот тебе совет полезный:
Миг блаженства *век* лови;
Помни дружбы наставленья:
Без вина здесь нет веселья,
Нет и счастья без любви;
Так поди ж теперь с похмелья
С Купидоном помирись;
Позабудь его обиды
И в объятиях Дориды
Снова счастьем насладись!"

1814

Казак

Раз, полунощной порою,
Сквозь туман и мрак,
Ехал тихо над рекою
Удалой казак.

Черна шапка набекрене,
Весь жупан в пыли,
Пистолеты при колене,
Сабля до земли.

Верный конь, узды не чуя,
Шагом выступал;
Гриву долгую волнуя,
Углублялся вдаль.

Вот пред ним две, три избушки,
Выломан забор;
Здесь — дорога к деревушке,
Там — в дремучий бор.

„Не найду в лесу девицы,—
Думал хват Денис:—
Уж красавицы в светлицы
На ночь убрались“.

Шевельнул донец уздою,
Шпорой прокольнул,
И помчался конь стрелою,
К избам завернул.

В облаках луна сребрила
Дальни небеса;
Под окном сидит уныла
Девица-краса.

29 Храбрый видит красну деву;
Сердце бьется в нем,
Конь тихонько к леву, к леву —
Вот уж под окном.

33 „Ночь становится темнее,
Скрылася луна.
Выдь, коханечка, скорее,
Напои коня“.

37 „Нет! к мужчине молодому
Страшно подойти,
Страшно выйти мне из дому,
Коню дать воды“.

41 „Ах, небось, девица красна,
С милым подружись!“
„Ночь красавицам опасна“.
„Радость! не страшись!

45 Верь, коханечка, пустое;
Ложный страх отбрось!
Тратишь время золотое;
Милая, небось!

49 Сядь на борзого, с тобою
В дальний еду край;
Будешь счастлива со мною:
С другом всюду рай“.

53 Что же девица? Склонилась,
Победила страх,
Робко ехать согласилась.
Счастлив стал казак.

57 Поскакали, полетели.
Дружку друг любил;
Был ей верен две недели,
В третью изменил.

Князю А. М. Горчакову

Пускай, не знаясь с Аполлоном,
Поэт, придворный философ,
Вельможе знатному с поклоном
Подносит оду в двести строф;
Но я, любезный Горчаков,
Не просыпаюсь с петухами
И напыщенными стихами,
Набором громозвучных слов,
Я петь пустого не умею
Высоко, тонко и хитро
И в лиру превращать не смею
Мое гусиное перо!
Нет, нет, любезный князь, не оду
Тебе намерен посвятить;
Что прибыли соваться в воду,
Сначала не спросившись броду,
И вслед Державину парить?
Пишу своим я складом ныне
Кой-как стихи на именины.
Что должен я, скажи, в сей час
Желать от чиста сердца другу?
Глубоку ль старость, милый князь,
Детей, любезную супругу,
Или богатства, громких дней,
Крестов, алмазных звезд, честей?
Не пожелать ли, чтобы славой
Ты был увлечен в путь кровавый,
Чтоб в лаврах и венцах сиял,
Чтоб в битвах гром из рук метал,
И чтоб победа за тобою,
Как древле невскому герою,
Всегда, везде летела вслед?
Не сладострастия поэт
Такою песенкой поздравит,
Он лучше муз навек оставит!

Дай бог любви, чтоб ты свой век
Питомцем нежным Эпикура
Провел меж Вакха и Амура!
А там, когда стигийской брег
Мелькнет в туманном отдаленьи,
Дай бог, чтоб в страстном упоеньи,
Ты с томной сладостью в очах,
Из рук младого Купидона,
Вступая в мрачный чолн Харона,
Уснул... Ершовой на грудях!

К Наташе

Вянет, вянет лето красно:
Улетают ясны дни;
Стелется туман ненастный
Бора в дремлющей тени.
Опустели злачны нивы;
Хладен ручеек игривый,
Лес кудрявый поседел;
Свод небесный побледнел.

Свет-Наташа! где ты ныне?
Как мне горьких слез не лить?
Иль не хочешь час единый
С другом сердца поделить?
Ни над озером волнистым,
Ни под кровом лип душистым
Ранней, утренней порой
Не встречаюсь я с тобой.

Скоро, скоро холод зимный
Рощу, поле посетит;
Огонек в лачужке дымной
Скоро ярко заблестит.
Не увижу я прелестной!
И, как чижик в клетке тесной,
Стану дома горевать
И Наташу вспоминать!

Пирующие студенты

Друзья, досужный час настал,
Всё тихо, всё в покое,
Скорее скатерть и бокал!
Сюда, вино златое!
Шипи, шампанское, в стекле.
Друзья, почто же с Кантом
Сенека, Тацит на столе,
Фольянт над фолиантом?
Под стол холодных мудрецов,
Мы полем овладеем,
Под стол ученых дураков,
Без них мы пить умеем.

Ужели трезвого найдем
За скатертью студента?
На всякой случай изберем
Скорее президента.
В награду пьяным он нальет
И пунш, и грог душистый,
А вам, спартанцы, поднесет
Воды в стакане чистой.
Апостол неги и прохлад,
Мой добрый Галич, vale! *
Ты Эпикуров младший брат,
Душа твоя в бокале.
Главу венками убери,
Будь нашим президентом,
И станут самые цари
Завидовать студентам.

Дай руку, Дельвиг, что ты спишь?
Проснись, ленивец сонный,
Ты не под кафедрой сидишь,
Латынью усыпленный.

---

* ‹Будь здоров.›

Взгляни, здесь круг твоих друзей,
Бутыль вином налита,
За здравье нашей музы пей,
Парнасской волокита.
Остряк любезный, по рукам!
Полней бокал досуга,
И вылей сотню эпиграмм
На недруга и друга.

А ты, красавец молодой,
Сиятельный повеса,
Ты будешь Вакха жрец лихой,
На прочее — завеса!
Хотя студент, хотя я пьян,
Но скромность почитаю,
Придвинь же пенистый стакан,
На брань благословляю.

Товарищ милый, друг прямой,
Тряхнем рукою руку,
Оставим в чаше круговой
Педантам сродну скуку,
Не в первый раз мы вместе пьем,
Нередко и бранимся,
Но чашу дружества нальем
И тотчас помиримся.

А ты, который с детских лет
Одним весельем дышешь,
Забавный, право, ты поэт,
Хоть плохо басни пишешь.
С тобой тасуюсь без чинов,
Люблю тебя душою,
Наполни кружку до краев, —
Рассудок, бог с тобою!

А ты, повеса из повес,
На шалости рожденный,
Удалый хват, головорез,
Приятель задушевный,

Бутылки, рюмки разобьем
За здравие Платова,
В казачью шапку пунш нальем,
И пить давайте снова.

73 Приближься, милый наш певец,
Любимый Аполлоном,
Воспой властителя сердец
Гитары тихим звоном.
Как сладостно в стесненну грудь
Томленье звуков льется,
Но мне ли страстью воздохнуть?
Нет! пьяный лишь смеется.

81 Не лучше ль, Роде записной,
В честь Вакховой станицы
Теперь скрыпеть тебе струной
Расстроенной скрыпицы?
Запойте хором, господа,
Нет нужды, что нескладно.
Охрипли... это не беда:
Для пьяных всё ведь ладно.

89 Но что?.. я вижу всё вдвоем.
Двоится штоф с араком,
Вся комната пошла кругом,
Покрылись очи мраком.
Где вы, товарищи? где я?
Скажите, Вакха ради...
Вы дремлете, мои друзья.
Склонившись на тетради...
Писатель за свои грехи!
Ты с виду всех трезвее.
Вильгельм, прочти свои стихи,
Чтоб мне заснуть скорее.

Эпиграмма

Подражание французскому

Супругою твоей я так пленился,
Что если б три в удел достались мне,
Подобные во всем твоей жене,
То даром двух я б отдал сатане,
Чтоб третью лишь принять он согласился.

К Н. Г. Ломоносову

И ты, любезный друг, оставил
Надежну пристань тишины,
Челнок свой весело направил
По влаге бурной глубины;
Судьба на руль уже склонилась,
Спокойно светят небеса,
Ладья крылатая пустилась —
Расправит *счастье* паруса.
Дай бог, чтоб грозной непогоды
Вблизи ты ужас не видал,
Чтоб бурный вихорь не вздувал
Пред челноком шумящи воды!
Дай бог, под вечер к берегам
Тебе пристать благополучно
И отдохнуть спокойно там
С *любовью, дружбой* неразлучно!
Нет! ты не можешь их забыть!
Но что! Не скоро, может быть,
Увижусь я, мой друг, с тобою
Укромной хаты в тишине;
За чашей пунша круговою
Подчас воспомнишь обо мне;
Когда ж пойду на новоселье
(Заснуть ведь общий всем удел),
Скажи: „Дай бог ему веселье!
Он в жизни хоть любить умел“.

К Батюшкову

Философ резвый и пиит,
Парнасский счастливый ленивец,
Харит изнеженный любимец,
Наперсник милых аонид!
Почто на арфе златострунной
Умолкнул, радости певец?
Ужель и ты, мечтатель юный,
Расстался с Фебом наконец?

Уже с венком из роз душистых,
Меж кудрей вьющихся, златых,
Под тенью тополов ветвистых,
В кругу красавиц молодых,
Заздравным не стучишь фиалом,
Любовь и Вакха не поешь;
Довольный счастливым началом,
Цветов парнасских вновь не рвешь;
Не слышен наш Парни российской!..
Пой, юноша — Певец тииской
В тебя влиял свой нежный дух.
С тобою твой прелестный друг,
Лилета, красных дней отрада:
Певцу любви любовь награда.
Настрой же лиру; по струнам
Летай игривыми перстами,
Как вешний зефир по цветам,
И сладострастными стихами,
И тихим шопотом любви
Лилету в свой шалаш зови;
И звезд ночных при бледном свете,
Плывущих в дальной вышине,
В уединенном кабинете,
Волшебной внемля тишине,
Слезами счастья грудь прекрасной,
Счастливец милый, орошай;
Но, упоен любовью страстной,

И нежных муз не забывай!
Любви нет боле счастья в мире:
Люби — и пой ее на лире.

Когда ж к тебе в досужный час
Друзья, знакомые сберутся,
И вины пенные польются,
От плена с треском свободясь,
Описывай в стихах игривых
Веселье, шум гостей болтливых
Вокруг накрытого стола,
Стакан, кипящий пеной белой,
И стук блестящего стекла;
И гости дружно стих веселый,
Бокал в бокал ударя в лад,
Нестройным хором повторят.

Поэт! в твоей предметы воле!
Во звучны струны смело грянь,
С Жуковским пой кроваву брань
И грозну смерть на ратном поле.
И ты в строях ее встречал,
И ты, постигнутый судьбою,
Как росс, питомцем славы пал!
Ты пал, и хладною косою
Едва скошенный не увял!.. *

Иль, вдохновенный Ювеналом,
Вооружись сатиры жалом;
Подчас прими ее свисток,
Рази, осмеивай порок;
Шутя, показывай смешное
И, если можно, нас исправь,
Но Тредьяковского оставь
В столь часто рушимом покое.
Увы! довольно без него
Найдем бессмысленных поэтов,

* Кому неизвестны *Воспоминания на 1807 год*?

Довольно в мире есть предметов,
Пера достойных твоего!

Но что! Цевницею моею,
Безвестный в мире сем поэт,
Я песни продолжать не смею.
Прости — но помни мой совет:
Доколе музами любимый,
Ты пиэрид горишь огнем,
Доколь, сражен стрелой незримой,
В подземный ты не снидешь дом,
Мирские забывай печали,
Играй: тебя младой Назон,
Эрот и грации венчали,
А лиру строил Аполлон.

На Рыбушкина

Бывало прежних лет герой,
Окончив славну брань с противной стороной,
Повесит меч войны средь отческия кущи;
А трагик наш Бурун, скончав чернильный бой,
Повесил уши.

Вид лицея в Царском селе. С рис. пером *А. С. Пушкина* 1829—30 г.

Городок

К***

Прости мне, милый друг,
Двухлетнее молчанье:
Писать тебе посланье
Мне было недосуг.
На тройке пренесенный
Из родины смиренной
В великой град Петра,
От утра до утра
Два года всё кружился
Без дела в хлопотах,
Зевая веселился
В театре, на пирах;
Не ведал я покоя,
Увы! ни на часок,
Как будто у налоя
В великой четверток
Измученный дьячок.
Но слава, слава богу!
На ровную дорогу
Я выехал теперь;
Уж вытолкал за дверь
Заботы и печали,
Которые играли,
Стыжусь, столь долго мной;
И в тишине святой
Философом ленивым,
От шума вдалеке,
Живу я в городке,
Безвестностью счастливым.
Я нанял светлый дом
С диваном, с камельком;
Три комнатки простые —
В них злата, бронзы нет,
И ткани выписные
Не кроют их паркет.
Окошки в сад веселый,

Где липы престарелы
С черемухой цветут;
Где мне в часы полдневны
Березок своды темны
Прохладну сень дают;
Где ландыш белоснежный
Сплелся с фиалкой нежной,
И быстрый ручеек,
В струях неся цветок,
Невидимый для взора,
Лепечет у забора.
Здесь добрый твой поэт
Живет благополучно;
Не ходит в модный свет;
На улице карет
Не слышит стук докучный;
Здесь грома вовсе нет;
Лишь изредка телега
Скрыпит по мостовой,
Иль путник, в домик мой
Пришед искать ночлега,
Дорожною клюкой
В калитку постучится...

Блажен, кто веселится
В покое, без забот,
С кем втайне Феб дружится
И маленькой Эрот;
Блажен, кто на просторе
В укромном уголке
Не думает о горе,
Гуляет в колпаке,
Пьет, ест, когда захочет,
О госте не хлопочет!
Никто, никто ему
Лениться одному
В постеле не мешает;
Захочет — аонид
Толпу к себе сзывает;
Захочет — сладко спит,

На *Рифмова* склоняясь
И тихо забываясь.
Так я, мой милый друг,
Теперь расположился;
С толпой бесстыдных слуг
Навеки распростился;
Укрывшись в кабинет,
Один я не скучаю
И часто целый свет
С восторгом забываю.
Друзья мне — мертвецы,
Парнасские жрецы;
Над полкою простою
Под тонкою тафтою
Со мной они живут.
Певцы красноречивы,
Прозаики шутливы
В порядке стали тут.
Сын Мома и Минервы,
Фернейский злой крикун,
Поэт в поэтах первый,
Ты здесь, седой шалун!
Он Фебом был воспитан,
Издетства стал пиит;
Всех больше перечитан,
Всех менее томит;
Соперник Эврипида,
Эраты нежной друг,
Арьоста, Тасса внук —
Скажу ль?.. отец Кандида
Он всё; везде велик
Единственный старик!
На полке за Вольтером
Вергилий, Тасс с Гомером
Все вместе предстоят.
В час утренний досуга
Я часто друг от друга
Люблю их отрывать.
Питомцы юных граций —
С Державиным потом

Чувствительный Гораций
Является вдвоем.
И ты, певец любезный,
Поэзией прелестной
Сердца привлекший в плен,
Ты здесь, лентяй беспечный,
Мудрец простосердечный,
Ванюша Лафонтен!
Ты здесь — и Дмитрев нежный,
Твой вымысел любя,
Нашел приют надежный
С Крыловым близ тебя.
Но вот наперсник милый
Психеи златокрылой!
О добрый Лафонтен,
С тобой он смел сразиться...
Коль можешь ты дивиться,
Дивись: ты побежден!
Воспитанны Амуром
Вержье, Парни с Грекуром
Укрылись в уголок.
(Не раз они выходят
И сон от глаз отводят
Под зимний вечерок.)
Здесь Озеров с Расином,
Руссо и Карамзин,
С Мольером-исполином
Фонвизин и Княжнин.
За ними, хмурясь важно,
Их грозный Аристарх
Является отважно
В шестнадцати томах.
Хоть страшно стихоткачу
Лагарпа видеть вкус,
Но часто, признаюсь,
Над ним я время трачу.

Кладбище обрели
На самой нижней полке
Все школьнически толки,

Лежащие в пыли:
Визгова сочиненья,
Глупона псалмопенья,
Известные творенья
Увы! одним мышам.
Мир вечный и забвенье
И прозе и стихам!
Но ими огражденну
(Ты должен это знать)
Я спрятал потаенну
Сафьянную тетрадь.
Сей свиток драгоценный,
Веками сбереженный,
От члена русских сил,
Двоюродного брата,
Драгунского солдата
Я даром получил.
Ты, кажется, в сомненьи...
Нетрудно отгадать;
Так, это сочиненьи,
Презревшие печать.
Хвала вам, чады славы,
Враги парнасских уз!
О князь, наперсник муз,
Люблю твои забавы;
Люблю твой колкий стих
В посланиях твоих,
В сатире — знанье света
И слога чистоту,
И в резвости куплета
Игриву остроту.
И ты, насмешник смелый,
В ней место получил,
Чей в аде свист веселый
Поэтов раздражил,
Как в юношески леты
В волнах туманной Леты
Их гуртом потопил;
И ты, замысловатый
Буянова певец,

В картинах толь богатый
И вкуса образец;
И ты, шутник бесценный,
Который Мельпомены
Котурны и кинжал
Игривой Тальи дал!
Чья кисть мне нарисует,
Чья кисть скомпанирует
Такой оригинал!
Тут вижу я с *Чернавкой*
Подщипа слезы льет;
Здесь князь дрожит под лавкой,
Там дремлет весь совет;
В трагическом смятеньи
Плененные цари,
Забыв войну, сраженьи,
Играют в кубари...
Но назову ль детину,
Что доброю порой
Тетради половину
Наполнил лишь собой!
О ты, высот Парнаса
Боярин небольшой,
Но пылкого Пегаса
Наездник удалой!
Намаранные оды,
Убранство чердаков,
Гласят из рода в роды:
Велик, велик — Свистов!
Твой дар ценить умею,
Хоть право не знаток;
Но здесь тебе не смею
Хвалы сплетать венок:
Свистовским должно слогом
Свистова воспевать;
Но, убирайся с богом,
Как ты, в том клясться рад,
Не стану я писать.

О вы, в моей пустыне

Любимые творцы!
Займите же отныне
Беспечности часы.
Мой друг! весь день я с ними,
То в думу углублен,
То мыслями своими
В Элизий пренесен.
Когда же на закате
Последний луч зари
Потонет в ярком злате,
И светлые цари
Смеркающейся ночи
Плывут по небесам,
И тихо дремлют рощи,
И шорох по лесам,
Мой гений невидимкой
Летает надо мной;
И я в тиши ночной
Сливаю голос свой
С пастушьею волынкой.
Ах! счастлив, счастлив тот,
Кто лиру в дар от Феба
Во цвете дней возьмет!
Как смелый житель неба,
Он к солнцу воспарит,
Превыше смертных станет,
И слава громко грянет:
„Бессмертен ввек пиит!“

Но ею мне ль гордиться,
Но мне ль бессмертьем льститься?..
До слез я спорить рад,
Не бьюсь лишь об заклад,
Как знать, и мне, быть может,
Печать свою наложит
Небесный Аполлон;
Сияя горним светом,
Бестрепетным полетом
Взлечу на Геликон.
Не весь я предан тленью;

С моей, быть может, тенью
Полунощной порой
Сын Феба молодой,
Мой правнук просвещенный,
Беседовать придет
И мною вдохновенный
На лире воздохнет.

Покамест, друг бесценный,
Камином освещенный,
Сижу я под окном
С бумагой и с пером,
Не слава предо мною,
Но дружбою одною
Я ныне вдохновен.
Мой друг, я счастлив ею.
Почто ж ее сестрой,
Любовию младой
Напрасно пламенею?
Иль юности златой
Вотще даны мне розы,
И лить навеки слезы
В юдоли, где расцвел
Мой горестный удел?..
Певца сопутник милый,
Мечтанье легкокрыло!
О, будь же ты со мной,
Дай руку сладострастью
И с чашей круговой
Веди меня ко счастью
Забвения тропой;
И в час безмолвный ночи,
Когда ленивый мак
Покроет томны очи,
На ветреных крылах
Примчись в мой домик тесный,
Тихонько постучись,
И в тишине прелестной
С любимцем обнимись!
Мечта! в волшебной сени

Мне милую яви,
Мой свет, мой добрый гений,
Предмет моей любви,
И блеск очей небесный,
Лиющих огнь в сердца,
И граций стан прелестный
И снег ее лица;
Представь, что на коленях
Покоясь у меня,
В порывистых томленьях
Склонилася она
Ко груди грудью страстной,
Устами на устах,
Горит лицо прекрасной,
И слезы на глазах!..
Почто стрелой незримой
Уже летишь ты вдаль?
Обманет — и пропал
Беглец невозвратимый!
Не слышит плач и стон,
И где крылатый сон?
Исчезнет обольститель,
И в сердце грусть-мучитель.

Но всё ли, милый друг,
Быть счастья в упоеньи?
И в грусти томный дух
Находит наслажденье:
Люблю я в летний день
Бродить один с тоскою,
Встречать вечерню тень
Над тихою рекою
И с сладостной слезою
В даль сумрачну смотреть;
Люблю с моим Мароном
Под ясным небосклоном
Близ озера сидеть,
Где лебедь белоснежный,
Оставя злак прибрежный,
Любви и неги полн,

С подругою своею,
Закинув гордо шею,
Плывет во злате волн.
Или, для развлеченья,
Оставя книг ученье,
В досужный мне часок
У добренькой старушки
Душистый пью чаек;
Не подхожу я к ручке,
Не шаркаю пред ней;
Она не приседает,
Но тотчас и вестей
Мне пропасть наболтает.
Газеты собирает
Со всех она сторон,
Всё сведает, узнает:
Кто умер, кто влюблен,
Кого жена по моде
Рогами убрала,
В котором огороде
Капуста цвет дала,
Фома свою хозяйку
Не за что наказал,
Антошка балалайку
Играя разломал,—
Старушка всё расскажет;
Меж тем как юбку вяжет,
Болтает всё свое;
А я сижу смиренно
В мечтаньях углубленный,
Не слушая ее.
На рифмы удалого
Так некогда *Свистова*
В столице я внимал,
Когда свои творенья
Он с жаром мне читал,
Ах! видно, бог пытал
Тогда мое терпенье!

Иль добрый мой сосед,
Семидесяти лет,

Уволенный от службы
Майором отставным,
Зовет меня из дружбы
Хлеб-соль откушать с ним.
Вечернею пирушкой
Старик, развеселясь,
За дедовскою кружкой
В прошедшем углубясь,
С очаковской медалью
На раненой груди,
Воспомнит ту баталью,
Где роты впереди
Летел навстречу славы,
Но встретился с ядром
И пал на дол кровавый
С булатным палашом.
Всегда я рад душою
С ним время провождать,
Но, боже, виноват!
Я каюсь пред тобою,
Служителей твоих,
Попов я городских
Боюсь, боюсь беседы
И свадебны обеды
Затем лишь не терплю,
Что сельских иереев,
Как папа иудеев,
Я вовсе не люблю,
А с ними крючковатый
Подьяческий народ,
Лишь взятками богатый
И ябеды оплот.

Но, друг мой, если вскоре
Увижусь я с тобой,
То мы уходим горе
За чашей круговой;
Тогда, клянусь богами,
(И слово уж сдержу)
Я с сельскими попами
Молебен отслужу.

Воспоминания в Царском Селе

Навис покров угрюмой нощи
На своде дремлющих небес;
В безмолвной тишине почили дол и рощи,
В седом тумане дальний лес;
Чуть слышится ручей, бегущий в сень дубравы,
Чуть дышит ветерок, уснувший на листах,
И тихая луна, как лебедь величавый,
Плывет в сребристых облаках.

Плывет — и бледными лучами
Предметы осветила вкруг.
Аллеи древних лип открылись пред очами,
Проглянули и холм и луг;
Здесь, вижу, с тополом сплелась младая ива
И отразилася в кристале зыбких вод;
Царицей средь полей лилея горделива
В роскошной красоте цветет,

С холмов кремнистых водопады
Стекают бисерной рекой,
Там в тихом озере плескаются наяды
Его ленивою волной;
А там в безмолвии огромные чертоги,
На своды опершись, несутся к облакам.
Не здесь ли мирны дни вели земные боги?
Не се ль Минервы росской храм?

Не се ль Элизиум полнощный,
Прекрасный царскосельской сад,
Где, льва сразив, почил орел России мощный
На лоне мира и отрад?
Увы! промчалися те времена златые,
Когда под скипетром великия жены
Венчалась славою счастливая Россия,
Цветя под кровом тишины!

Здесь каждый шаг в душе рождает
Воспоминанья прежних лет;
Воззрев вокруг себя, со вздохом росс вещает:
„Исчезло всё, великой нет!“
И в думу углублен, над злачными брегами
Сидит в безмолвии, склоняя ветрам слух;
Протекшие лета мелькают пред очами,
И в тихом восхищеньи дух.

Он видит: окружен волнами,
Над твердой мшистою скалой
Вознесся памятник. Ширяяся крылами,
Над ним сидит орел младой.
И цепи тяжкие, и стрелы громовые
Вкруг грозного столпа трикраты обвились;
Кругом подножия, шумя, валы седые
В блестящей пене улеглись.

В тени густой угрюмых сосен
Воздвигся памятник простой.
О, сколь он для тебя, кагульской брег, поносен
И славен родине драгой!
Бессмертны вы вовек, о росски исполины,
В боях воспитанны средь бранных непогод;
О вас, сподвижники, друзья Екатерины,
Пройдет молва из рода в род.

О громкий век военных споров,
Свидетель славы россиян!
Ты видел, как Орлов, Румянцев и Суворов,
Потомки грозные славян,
Перуном Зевсовым победу похищали.
Их смелым подвигам страшась дивился мир;
Державин и Петров героям песнь бряцали
Струнами громозвучных лир.

И ты промчался, незабвенный!
И вскоре новый век узрел
И брани новые, и ужасы военны;
Страдать есть смертного удел.

Блеснул кровавый меч в неукротимой длани
Коварством, дерзостью венчанного царя.
Восстал вселенной бич — и вскоре лютой брани
    Зарделась грозная заря.

73 И быстрым понеслись потоком
    Враги на русские поля.
Пред ними мрачна степь лежит во сне глубоком,
    Дымится кровию земля;
И селы мирные, и грады в мгле пылают,
И небо заревом оделося вокруг,
Леса дремучие бегущих укрывают,
    И праздный в поле ржавит плуг.

81 Идут — их силе нет препоны,
    Всё рушат, всё свергают в прах,
И тени бледные погибших чад Беллоны,
    В воздушных съединясь полках,
В могилу мрачную нисходят непрестанно,
Иль бродят по лесам в безмолвии ночи...
Но клики раздались!.. Идут в дали туманной...
    Звучат кольчуги и мечи!..

89 Страшись, о рать иноплеменных!
    России двинулись сыны;
Восстал и стар и млад; летят на дерзновенных,
    Сердца их мщеньем возжены.
Вострепещи, тиран! уж близок час паденья!
Ты в каждом ратнике узришь богатыря,
Их цель иль победить, иль пасть в пылу сраженья
    За веру, за царя.

97 Ретивы кони бранью пышут,
    Усеян ратниками дол,
За строем строй течет; все местью, славой дышут,
    Восторг во грудь их перешел.
Летят на грозный пир; мечам добычи ищут,
И се — пылает брань; на холмах гром гремит,
В сгущенном воздухе с мечами стрелы свищут,
    И брызжет кровь на щит.

Сразились. Русской — победитель!
И вспять бежит надменный галл,
Но сильного в боях небесный вседержитель
Лучом последним увенчал,
Не здесь его сразил воитель поседелый.
О бородинские кровавые поля!
Не вы неистовству и гордости пределы.
Увы! на башнях галл Кремля!..

Края Москвы, края родные,
Где на заре цветущих лет
Часы беспечности я тратил золотые,
Не зная горестей и бед,
И вы их видели, врагов моей отчизны,
И вас багрила кровь и пламень пожирал!
И в жертву не принес я мщенья вам и жизни...
Вотще лишь гневом дух пылал!

Где ты, краса Москвы стоглавой,
Родимой прелесть стороны?
Где прежде взору град являлся величавый,
Развалины теперь одни.
Москва! сколь русскому твой зрак унылый страшен,
Исчезли здания вельможей и царей,
Всё пламень истребил. Венцы затмились башен,
Чертоги пали богачей.

И там, где роскошь обитала,
В сенистых рощах и садах,
Где мирт благоухал, и липа трепетала,
Там ныне угли, пепел, прах.
В часы безмолвные прекрасной, летней нощи
Веселье шумное туда не полетит,
Не блещут уж в огнях брега и светлы рощи:
Всё мертво, всё молчит.

Утешься, мать градов России,
Воззри на гибель пришлеца.
Отяготела днесь на их надменны выи
Десница мстящая творца.

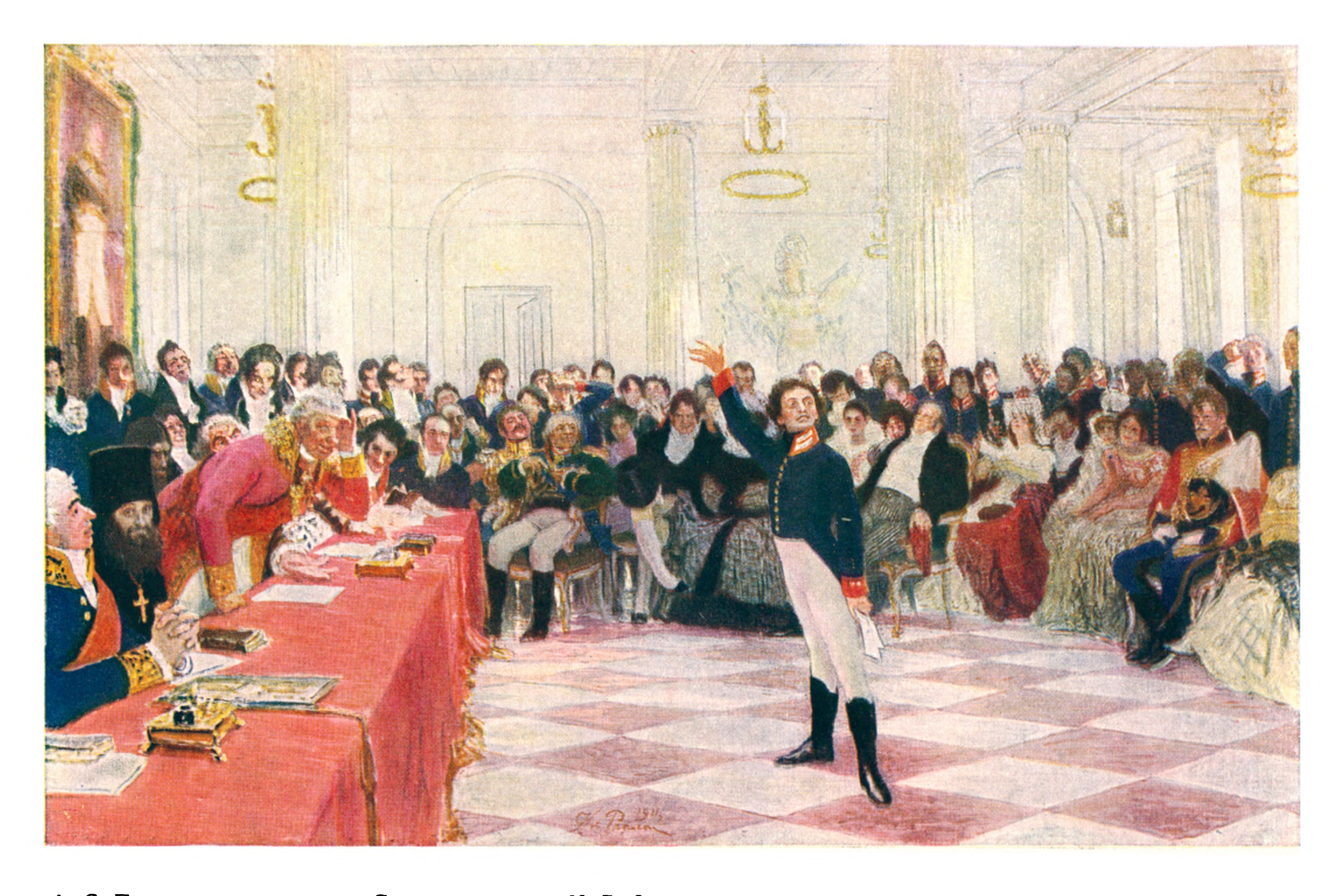
Взгляни: они бегут, озреться не дерзают,
Их кровь не престает в снегах реками течь;
Бегут — и в тьме ночной их глад и смерть сретают,
А с тыла гонит россов меч.

О вы, которых трепетали
Европы сильны племена,
О галлы хищные! и вы в могилы пали.
О страх, о грозны времена!
Где ты, любимый сын и счастья и Беллоны,
Презревший правды глас и веру, и закон,
В гордыне возмечтав мечом низвергнуть троны?
Исчез, как утром страшный сон!

В Париже росс! Где факел мщенья?
Поникни, Галлия, главой!
Но что я зрю? Герой с улыбкой примиренья
Грядет с оливою златой.
Еще военный гром грохочет в отдаленьи,
Москва в унынии, как степь в полнощной мгле,
А он — несет врагу не гибель, но спасенье
И благотворный мир земле.

Достойный внук Екатерины!
Почто небесных аонид,
Как наших дней певец, славянской бард дружины,
Мой дух восторгом не горит!
О, если б Аполлон пиитов дар чудесный
Влиял мне ныне в грудь! тобою восхищен,
На лире б возгремел гармонией небесной
И воссиял во тьме времен!

О скальд России вдохновенный,
Воспевший ратных грозный строй!
В кругу друзей твоих, с душой воспламененной,
Взгреми на арфе золотой.
Да снова стройный глас герою в честь прольется,
И струны трепетны посыплют огнь в сердца,
И ратник молодой вскипит и содрогнется
При звуках бранного певца.

А. С. Пушкин на акте в лицее. С картины маслом *И. Е. Репина*
(Госуд. Третьяковская галлерея)

Красавице, которая нюхала табак

Возможно ль? вместо роз, Амуром насажденных,
Тюльпанов гордо наклоненных,
Душистых ландышей, ясминов и лилей,
Которых ты всегда любила
И прежде всякой день носила
На мраморной груди твоей —
Возможно ль, милая Климена?
Какая странная во вкусе перемена!..
Ты любишь обонять не утренний цветок,
А вредную траву зелену,
Искусством превращенну
В пушистый порошок!
Пускай уже седой профессор Геттингена,
На старой кафедре согнувшися дугой,
Вперив в латинщину глубокой разум свой,
Раскашлявшись, табак толченый
Пихает в длинный нос иссохшею рукой.
Пускай младой драгун усатый
Поутру, сидя у окна,
Стаканы сушит все до дна
И, чтоб прогнать остаток сна,
Из трубки пенковой дым гонит сероватый.
Пускай красавица шестидесяти лет,
У коей держится вся прелесть на подставке,
У коей без морщин на теле места нет,
Чаек в прикуску попивает,
С сарептским табаком печали забывает.
А ты, прелестная!.. Но если уж табак
Столь нравится тебе — о пыл воображенья! —
Ах! если, превращенный в прах,
И в табакерке, в заточеньи,
Я в персты нежные твои попасться мог,
Тогда б в сердечном восхищеньи
Рассыпался на грудь и может сквозь платок
Проникнуть захотел ... о сладость вожделенья,

...До тайных прелестей, которых сам Эрот
Запрятал за леса и горы,
Чтоб не могли нескромны взоры
Открыть вместилище божественных красот.
Но что! мечта, мечта пустая.
Не будет этого никак.
О доля человека злая!
Ах, отчего я не табак!..

Романс

Под вечер, осенью ненастной,
В далеких дева шла местах
И тайный плод любви несчастной
Держала в трепетных руках.
Всё было тихо — лес и горы,
Всё спало в сумраке ночном;
Она внимательные взоры
Водила с ужасом кругом.

И на невинное творенье,
Вздохнув, остановила их...
„Ты спишь, дитя, мое мученье,
Не знаешь горестей моих —
Откроешь очи и тоскуя
Ко груди не прильнешь моей,
Не встретишь завтра поцелуя
Несчастной матери твоей.

Ее манить напрасно будешь!
Стыд вечный мне вина моя —
Меня навеки ты забудешь...
Тебя не позабуду я;
Дадут покров тебе чужие
И скажут: „Ты для нас чужой!“
Ты спросишь: „Где ж мои родные?“
И не найдешь семьи родной!

Мой ангел будет грустной думой
Томиться меж других детей!
И до конца с душой угрюмой
Взирать на ласки матерей;
Повсюду странник одинокой,
Предел неправедный кляня,
Услышит он упрек жестокой...
Прости, прости тогда меня...

Быть может, сирота унылый,
Узнаешь, обоймешь отца.
Увы! где он, предатель милый,
Мой незабвенный до конца? —
Утешь тогда страдальца муки,
Скажи: „ее на свете нет —
Лаура не снесла разлуки
И бросила пустынный свет“.

Но что сказала я?.. быть может
Виновную ты встретишь мать —
Твой скорбный взор меня встревожит!
Возможно ль сына не узнать?
Ах, если б рок неумолимый
Моею тронулся мольбой...
Но может быть пройдешь ты мимо —
Навек рассталась я с тобой.

Ты спишь — позволь себя, несчастный,
К груди прижать в последний раз.
Закон неправедный, ужасный
К страданью присуждает нас.
Пока лета не отогнали
Беспечной радости твоей —
Спи, милый! горькие печали
Не тронут детства тихих дней!“

Но вдруг за рощей осветила
Вблизи ей хижину луна...
С волненьем сына ухватила
И к ней приблизилась она;

Склонилась, тихо положила
Младенца на порог чужой,
Со страхом очи отвратила
И скрылась в темноте ночной.

Эвлега

Вдали ты зришь утес уединенный;
Пещеры в нем изрылась глубина;
Темнеет вход, кустами окруженный,
Вблизи шумит и пенится волна.
Вечор, когда туманилась луна,
Здесь милого Эвлега призывала;
Здесь тихий глас горам передавала
Во тьме ночной печальна и одна:

„Приди, Одульф, уж роща побледнела.
На дикой мох Одульфа ждать я села,
Пылает грудь, за вздохом вздох летит...
О, сладко жить, мой друг, душа с душою.
Приди, Одульф, забудусь я с тобою,
И поцелуй любовью возгорит.

Беги, Осгар, твои мне страшны взоры,
Твой грозен вид, и хладны разговоры.
Оставь меня, не мною торжествуй!
Уже другой в ночи со мною дремлет,
Уж на заре другой меня объемлет,
И сладостен его мне поцелуй.

Что ж медлит он свершить мои надежды?
Для милого я сбросила одежды!
Завистливый покров у ног лежит.
Но чу!.. идут — так, это друг мой нежный.
Уж начались восторги страсти нежной!
И поцелуй любовью возгорит".

Идет Одульф: во взорах — упоенье,
В груди — любовь, и прочь бежит печаль;
Но близ его во тьме сверкнула сталь,
И вздрогнул он — родилось подозренье:
„Кто ты? — спросил, — почто ты здесь? Вещай,
Ответствуй мне, о сын угрюмой ночи!“

„Бессильный враг! Осгара убегай!
В пустынной тьме что ищут робки очи?
Страшись меня, я страстью воспален:
В пещере здесь Эвлега ждет Осгара!“
Булатный меч в минуту обнажен,
Огонь летит струями от удара...

Услышала Эвлега стук мечей
И бросила со страхом хлад пещерный.
„Приди узреть предмет любви твоей! —
Вскричал Одульф подруге нежной, верной. —
Изменница! ты здесь его зовешь?
Во тьме ночной вас услаждает нега,
Но дерзкого в Валгалле ты найдешь!“

Он поднял меч... и с трепетом Эвлега
Падет на дерн, как клок летучий снега,
Мятелицей отторженный со скал!
Друг на друга соперники стремятся,
Кровавый ток по камням побежал:
В кустарники с отчаяньем катятся.
Последний глас Эвлегу призывал,
И смерти хлад их ярость оковал.

Осгар

По камням гробовым, в туманах полуночи,
Ступая трепетно усталою ногой,
По Лоре путник шел; напрасно томны очи
Ночлега мирного искали в тьме густой.
Пещеры нет пред ним, на береге угрюмом
Не видит хижины, наследья рыбаря;
Вдали дремучий бор качают ветры с шумом,
Луна за тучами, и в море спит заря.

Идет, и на скале, обросшей влажным мохом,
Зрит барда старого — веселье прошлых лет:
Склонясь седым челом над воющим потоком,
В безмолвии времен он созерцал полет.
Зубчатый меч висел на ветви мрачной ивы.
Задумчивый певец взор тихий обратил
На сына чуждых стран, и путник боязливый
Содрогся в ужасе и мимо поспешил.

„Стой, путник! стой! — вещал певец веков минувших: —
Здесь пали храбрые, почти их бранный прах,
Почти геройства чад, могилы сном уснувших!“
Пришлец главой поник — и, мнилось, на холмах
Восставший ряд теней главы окровавленны
С улыбкой гордою на странника склонял.
„Чей гроб я вижу там?“ — вещал иноплеменный
И барду посохом на берег указал.

Колчан и шлем стальной, к утесу пригвожденный,
Бросали тусклый луч, луною озлатясь.
„Увы, здесь пал Осгар! — рек старец вдохновенный. —
О, рано юноше настал последний час!
Но он искал его: я зрел, как в ратном строе
Он первыя стрелы с весельем ожидал
И рвался из рядов, и пал в кипящем бое:
Покойся, юноша! ты в брани славной пал!

Во цвете нежных лет любил Осгар Мальвину;
Не раз он в радости с подругою встречал
Вечерний свет луны, скользящий на долину,
И тень, упадшую с приморских грозных скал.
Казалось, их сердца друг к другу пламенели.
Одной, одной Осгар Мальвиною дышал.
Но быстро дни любви и счастья пролетели,
И вечер горести для юноши настал.

Однажды, в темну ночь зимы порой унылой,
Осгар стучится в дверь красавицы младой
И шепчет: „Юный друг, не медли, здесь твой милый!"
Но тихо в хижине. Вновь робкою рукой
Стучит и слушает: лишь ветры с свистом веют.
„Ужели спишь теперь, Мальвина? — Мгла вокруг,
Валится снег, власы в тумане леденеют.
Услышь, услышь меня, Мальвина, милый друг!"

Он в третий раз стучит. Со скрыпом дверь шатнулась.
Он входит с трепетом. Несчастный! что ж узрел?
Темнеет взор его; Мальвина содрогнулась;
Он зрит — в объятиях изменницы Звигнел!
И ярость дикая во взорах закипела,
Немеет и дрожит любовник молодой;
Он грозный меч извлек — и нет уже Звигнела,
И бледный дух его сокрылся в тьме ночной!

Мальвина обняла несчастного колена,
Но взоры отвратив: „Живи! — вещал Осгар,—
Живи, уж я не твой: презренна мной измена,
Забуду, потушу к неверной страсти жар".
И тихо за порог выходит он в молчанье,
Окован мрачною, безмолвною тоской —
Исчезло сладкое на век очарованье!
Он в мире одинок, уж нет души родной.

Я видел юношу: поникнув головою,
Мальвины имя он в отчаяньи шептал;
Как сумрак, дремлющий над бездною морскою,
На сердце горестном унынья мрак лежал.

На друга детских лет взглянул он торопливо:
Уже недвижный взор друзей не узнавал.
От пиршеств удален, в пустыне молчаливой
Он одиночеством печаль свою питал.

73 И длинный год провел Осгар среди мучений.
Вдруг грянул трубный глас: Оденов сын, Фингал,
Вел грозных на мечи, в кровавый пыл сражений.
Осгар послышал весть и бранью воспылал.
Здесь меч его сверкнул, и смерть пред ним бежала;
Покрытый ранами, здесь пал на груду тел.
Он пал — еще рука меча кругом искала,
И крепкий сон веков на сильного слетел.

81 Побегли вспять враги — и тихий мир герою!
И тихо всё вокруг могильного холма.
Лишь в осень хладную, безмесячной порою,
Когда вершины гор тягчит сырая тьма,
В багровом облаке, одеянна туманом,
На камне гробовом уныла тень сидит,
И стрелы дребезжат, стучит броня с колчаном,
И клен, зашевелясь, таинственно шумит".

Леда

Кантата

Средь темной рощицы, под тенью лип душистых,
В высоком тростнике, где частым жемчугом
Вздувалась пена вод сребристых,
Колеблясь тихим ветерком,
Покров красавицы стыдливой,
Небрежно кинутый, у берега лежал,
И прелести ее поток волной игривой
С весельем орошал.

Житель рощи торопливый,
Будь же скромен, о ручей!
Тише, струйки говорливы,
Изменить страшитесь ей!

Леда робостью трепещет,
Тихо дышит снежна грудь,
Ни волна вокруг не плещет,
Ни зефир не смеет дуть.

В роще шорох утихает,
Всё в прелестной тишине;
Нимфа далее ступает,
Робкой вверившись волне.

Но что-то меж кустов прибрежных восшумело,
И чувство робости прекрасной овладело;
Невольно вздрогнула, не в силах воздохнуть.
И вот пернатых царь из-под склоненной ивы,
Расправя крылья горделивы,
К красавице плывет; веселья полна грудь;
С шумящей пеною отважно волны гонит,
Крылами воздух бьет,
То в кольцы шею вьет,
То гордую главу, смирясь пред Ледой, клонит.

Леда смеется.
Вдруг раздается
Радости клик...
Вид сладострастный!
К Леде прекрасной
Лебедь приник.
Слышно стенанье,
Снова молчанье.
Нимфа лесов
С негою сладкой
Видит украдкой
Тайну богов.

Опомнясь, наконец, красавица младая
Открыла тихий взор, в томленьях воздыхая,
И что ж увидела? — На ложе из цветов
Она покоится в объятиях Зевеса;
Меж ними юная любовь,
И пала таинства прелестного завеса.

Сим примером научитесь,
Розы, девы красоты;
Летним вечером страшитесь
В темной рощице воды:

В темной рощице таится
Часто пламенный Эрот,
С хладной струйкою катится,
Стрелы прячет в пене вод.

Сим примером научитесь,
Розы, девы красоты;
Летним вечером страшитесь
В темной рощице воды.

Stances

Avez-vous vu la tendre rose,
L'aimable fille d'un beau jour,
Quand au printemps à peine éclose,
Elle est l'image de l'amour?

Telle à nos yeux, plus belle encore,
Parut Eudoxie aujourd'hui,
Plus d'un printemps la vit éclore,
Charmante et jeune comme lui.

Mais, hélas! Les vents, les tempêtes,
Ces fougueux enfants de l'hiver,
Bientôt vont gronder sur nos têtes,
Enchaîner l'eau, la terre et l'air.

Et plus de fleurs, et plus de rose!
L'aimable fille des amours
Tombe fanée, à peine éclose;
Il a fui, le temps des beaux jours!

Eudoxie! aimez! Le temps presse;
Profitez de vos jours heureux!
Est-ce dans la froide vieillesse
Que de l'amour on sent les feux? *

***⟨ Стансы**

Видали ль вы нежную розу,
Любезную дочь ясного дня
Когда весной, едва расцветши,
Она являет образ любви?

Такою глазам нашим, еще прекраснее,
Ныне явилась Евдокия.
Не раз видела весна, как она расцветала,
Прелестная и юная, подобная ей самой.

Но увы! ветры и бури,
Эти лютые дети зимы,
Скоро заревут над нашими головами,
Окуют воду, землю и воздух.

Mon portrait

Vous me demandez mon portrait,
Mais peint d'après nature;
Mon cher, il sera bientôt fait,
Quoique en miniature.

5 Je suis un jeune polisson,
Encore dans les classes;
Point sot, je le dis sans façon
Et sans fades grimaces.

9 Onc il ne fut de babillard,
Ni docteur en Sorbonne —
Plus ennuyeux et plus braillard,
Que moi-même en personne.

13 Ma taille à celles des plus longs
Ne peut être égalée;
J'ai le teint frais, les cheveux blonds
Et la tête bouclée.

17 J'aime et le monde et son fracas,
Je hais la solitude;
J'abhorre et noises, et débats,
Et tant soit peu l'étude.

21 Spectacles, bals me plaisent fort,
Et d'après ma pensée,
Je dirais ce que j'aime encore...
Si n'étais au Lycée.

25 Après cela, mon cher ami,
L'on peut me reconnaître:

---

13 И нет более цветов, и нет более розы.
Любезная дочь любви,
Завянув, падает, едва расцветшая:
Миновала пора ясных дней!

17 Евдокия! Любите, время не терпит:
Пользуйтесь вашими счастливыми днями!
В хладной ли старости
Дано нам ведать пыл любви?>

Oui! tel que le bon dieu me fit,
Je veux toujours paraître.

29 Vrai démon pour l'espièglerie,
Vrai singe par sa mine,
Beaucoup et trop d'étourderie.
Ma foi, voilà Pouchkine. *

---

* <**Мой портрет**

Вы просите, чтобы я написал свой портрет
И притом с натуры;
Дорогой мой, его не долго сделать.
Правда — в виде миниатюры,

5 Я — молодой шалун,
Еще на школьной скамье;
Отнюдь не глуп, скажу без жеманства
И приторных ужимок.

9 Никогда не было болтуна,
Ни доктора Сорбонны
Несносней и крикливей,
Чем моя особа.

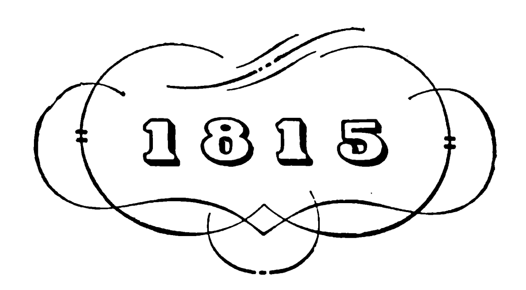
13 Рост мой с самыми долговязыми
Не может сравняться;
Я свеж лицом, у меня русые волосы
И курчавая голова.

17 Люблю и свет, и его шум,
Ненавижу одиночество;
Гнушаюсь распрями и ссорами,
А малость и науками.

21 Спектакли, балы мне весьма по вкусу,
И, если говорить начистоту,
Сказал бы я, что̀ еще люблю,
Когда бы не был в Лицее.

25 По всему этому, дорогой мой друг,
Легко меня узнать.
Да! Каким господь меня создал,
Я и хочу всегда казаться.

29 Сущий бес в проказах,
Сущая мартышка лицом,
Много, слишком много ветрености —
Вот вам Пушкин.>

Бова

(Отрывок из поэмы)

Часто, часто я беседовал
С болтуном страны Эллинския
И не смел осиплым голосом
С Шапеленом и с Рифматовым
Воспевать героев севера.
Несравненного Вергилия
Я читал и перечитывал,
Не стараясь подражать ему
В нежных чувствах и гармонии.
Разбирал я немца Клопштока
И не мог понять премудрого.
Не хотел я воспевать, как он;
Я хочу, чтоб меня поняли
Все от мала до великого.
За Мильтоном и Камоэнсом
Опасался я без крил парить;

Не дерзал в стихах бессмысленных
Херувимов жарить пушками,
С сатаною обитать в раю,
Иль святую богородицу
Вместе славить с Афродитою.
Не бывал я греховодником!
Но вчера, в архивах роясь,
Отыскал я книжку славную,
Золотую, незабвенную,
Катехизис остроумия,
Словом: Жанну Орлеанскую.
Прочитал, — и в восхищении
Про Бову пою царевича.

О Вольтер, о муж единственный!
Ты, которого во Франции
Почитали богом некиим,
В Риме дьяволом, антихристом,
Обезьяною в Саксонии!
Ты, который на Радищева
Кинул было взор с улыбкою,
Будь теперь моею музою!
Петь я тоже вознамерился,
Но сравняюсь ли с Радищевым?

Не запомню, сколько лет спустя
После рождества Спасителя,
Царь Дадон со славой царствовал
В Светомире, сильном городе.
Царь Дадон венец со скипетром
Не прямой достал дорогою,
Но убив царя законного,
Бендокира *Слабоумного*.
(Так бывало верноподданны
Величали королей своих,
Если короли беспечные,
Не в постеле и не ночкою
Почивали с камергерами.)
Царь Дадон не Слабоумного
Был достоин злого прозвища,

Но тирана неусыпного,
Хотя, впрочем, не имел его.
Лень мне все его достоинства
И пороки вам показывать:
Вы слыхали, люди добрые,
О царе, что двадцать целых лет
Не снимал с себя оружия,
Не слезал с коня ретивого,
Всюду пролетал с победою,
Мир крещеный потопил в крови,
Не щадил и некрещеного,
И в ничтожество низверженный
Александром, грозным ангелом,
Жизнь проводит в унижении
И, забытый всеми, кличется
Ныне Эльбы императором:—
Вот таков-то был и царь Дадон.

Раз, собрав бородачей совет
(Безбородых не любил Дадон),
На престоле пригорюнившись,
Произнес он им такую речь:
„Вы, которые советами
Облегчили тяжесть скипетра,
Усладили участь царскую
(Не горька она была ему),
Мудрые друзья, сподвижники!
К вам прибегнуть я решаюся:
Что мне делать ныне? — слушайте“.

Все привстали, важно хмуряся,
Низко, низко поклонилися
И, подправя ус и бороду,
Сели на скамьи дубовые.

„Вам известно, — продолжал Дадон, —
Что искусством и неправдою
Я достиг престола шаткого
Бендокира Слабоумного,
Сочетался с Милитрисою,

С милой женкой Бендокировой,
И в темницу посадил Бову,
Принца крови, сына царского.
Легче, легче захватить было
Слабоумного златой венец,
Чем, надев венец на голову,
За собою удержать его.
Вот уже народ бессмысленный,
Ходя в праздники по улицам,
Меж собой не раз говаривал:
Дай бог помочь королевичу.
Ведь Бова уже не маленькой,
Не в отца своей головушкой,
Нужды нет, что за решеткою,
Он опасен моим замыслам.
Что мне делать с ним? скажите мне,
Не оставить ли в тюрьме его?"

Всё собранье призадумалось,
Все в молчаньи потупили взор.
То-то, право, золотой совет!
Не болтали здесь, а думали:
Арзамор, муж старый, опытный,
Рот открыл было (советовать
Знать хотелось поседелому),
Громко крякнул, но одумался
И в молчаньи закусил язык.
Ко лбу перст приставя тщательно,
Лекарь славный, Эскулапа внук,
Эзельдорф, обритый шваб, зевал,
Табакеркою поскрыпывал,
Но молчал, — своей премудрости
Он пред всеми не показывал.
Вихромах, Полкан с Дубынею,
Стража трона, славны рыцари,
Все сидели, будто вкопаны.
Громобурь, известный силою,
Но умом непроницательный,
Думал, думал и нечаянно
Задремал... и захрапел в углу.

Что примера лучше действует?
Что людьми сильней ворочает?
Вот зевнули под перчаткою
Храбрый Мировзор с Ивашкою,
И Полкан, и Арзамор седой...
И ко груди преклонилися
Тихо головами буйными...
Глядь, с Дадоном задремал совет...
Захрапели много-мыслящи!

Долго спать было советникам,
Если б немцу не пришлось из рук
Табакерку на пол выронить.
Табакерка покатилася
И о шпору вдруг ударилась
Громобуря, крепко спящего,
Загремела, раздвоилася,
Отлетела в разны стороны...
Храбрый воин пробуждается,
Озирает всё собрание...
Между тем табак рассыпался,
К носу рыцаря подъемлется,
И чихнул герой с досадою,
Так что своды потрясаются,
Окны все дрожат и сыплются,
И на петлях двери хлопают...
Пробуждается собрание!

„Что тут думать, — закричал герой: —
Царь! Бова тебе не надобен,
Ну, и к чорту королевича!
Решено: ему в живых не быть.
После, братцы, вы рассудите,
Как с ним надобно разделаться“.
Тем и кончил: храбры воины
Речи любят лаконически.
„Ладно! мы тебя послушаем, —
Царь промолвил, потянувшися, —
Завтра, други, мы увидимся,
А теперь ступайте все домой“.

Оплошал Дадон отсрочкою.
Не твердил он видно в азбуке:
Не откладывай до завтрого,
Что сегодня можешь выполнить.
Разошлися все придворные.
Ночь меж тем уже сгущалася,
Царь Дадон в постелю царскую
Вместе с милой лег супругою,
С несравненной Милитрисою,
Но спиной оборотился к ней:
В эту ночь его величеству
Не играть, а спать хотелося.

Милитрисина служаночка,
Зоя, молодая девица,
Ангел станом, взором, личиком,
Белой ручкой, нежной ножкою,
С госпожи сняв платье шелково,
Юбку, чепчик, ленты, кружева,
Всё под ключ в шкатулку спрятала
И пошла тихонько в девичью.
Там она сама разделася,
Подняла с трудом окошечко
И легла в постель пуховую,
Ожидая друга милого,
Светозара, пажа царского:
К темной ночке обещался он
Из окна прыгнуть к ней в комнату.
Ждет, пождет девица красная;
Нет, как нет всё друга милого.
Чу! бьет полночь — что же Зоинька?
Видит — входят к ней в окошечко...
Кто же? друг ли сердца нежного?
Нет! совсем не то, читатели!
Видит тень иль призрак старого
Венценосца, с длинной шапкою,
В балахоне вместо мантии,
Опоясанный мочалкою,
Вид невинный, взор навыкате,
Рот разинут, зубы скалятся,

Уши длинные, ослиные
Над плечами громко хлопают;
Зоя видит и со трепетом
Узнает она, читатели,
Бендокира Слабоумного.

Трепетно, смятенья полная,
Стала на колени Зоинька,
Съединила ручку с ручкою,
Потупила очи ясные,
Прочитала скорым шопотом
То, что ввек не мог я выучить:
Отче наш и *Богородице,*
И тихохонько промолвила:
„Что я вижу? Боже! Господи...
О Никола! Савва мученик!
Осените беззащитную.
Ты ли это, царь наш батюшка?
Отчего, скажи, оставил ты
Ныне царствие небесное?“

Глупым смехом осветившися,
Тень рекла прекрасной Зоиньке:
„Зоя, Зоя, не страшись, мой свет,
Не пугать тебя мне хочется,
Не на то сюда явился я
С того света привидением.
Весело пугать живых людей,
Но могу ли веселиться я,
Если сына Бендокирова,
Милого Бова царевича,
На костре изжарят завтра же?“

Бедный царь заплакал жалобно.
Больно стало доброй девушке.
„Чем могу, скажи, помочь тебе,
Я во всем тебе покорствую“.—
„Вот что хочется мне, Зоинька!
Из темницы сына выручи,
И сама в жилище мрачное

Сядь на место королевича,
Пострадай ты за невинного,
Поклонюсь тебе низехонько
И скажу: *спасибо, Зоинька!*

Зоинька тут призадумалась
За *спасибо* в темну яму сесть!
Это жестко ей казалося.
Но, имея чувства нежные,
Зоя втайне согласилася
На такое предложение.

Так ты прав, оракул Франции!
Говоря, что жены, слабые
Против стрел Эрота юного,
Все имеют душу добрую,
Сердце нежно непритворное.
„Но скажи, о царь возлюбленный!—
Зоя молвила покойнику:—
Как могу (ну, посуди ты сам)
Пренестись в темницу мрачную,
Где горюет твой любезный сын?
Пятьдесят отборных воинов
Днем и ночью стерегут его.
Мне ли, слабой, робкой женщине,
Обмануть их очи зоркие?“ —
„Будь покойна, случай найдется,
Поклянись лишь только, милая,
Не отвергнуть сего случая,
Если сам тебе представится“. —
„Я клянусь!“— сказала девица.
Вмиг исчезло привидение,
Из окошка быстро вылетев.
Воздыхая тихо, Зоинька
Опустила тут окошечко
И в постеле, успокоившись,
Скоро, скоро сном забылася.

Вода и вино

Люблю я в полдень воспаленный
Прохладу черпать из ручья
И в роще тихой, отдаленной
Смотреть, как плещет в брег струя.
Когда ж вино в края поскачет,
Напенясь в чаше круговой,
Друзья,— скажите,— кто не плачет,
Заране радуясь душой?

Да будет проклят дерзновенный,
Кто первый грешною рукой,
Несчастьем буйным ослепленный,
О страх!.. смесил вино с водой!
Да будет проклят род злодея!
Пускай не в силах будет пить,
Или, стаканами владея,
Лафит с цымлянским различить!

Измены

„Всё миновалось!
Мимо промчалось
Время любви.
Страсти мученья!
В мраке забвенья
Скрылися вы.
Так я премены
Сладость вкусил;
Гордой Елены
Цепи забыл.
Сердце, ты в воле!
Всё позабудь;
В новой сей доле
Счастливо будь.
Только весною

Зефир младою
Розой пленен;
В юности страстной
Был я прекрасной
В сеть увлечен.
Нет, я не буду
Впредь воздыхать,
Страсть позабуду;
Полно страдать!
Скоро печали
Встречу конец.
Ах! для тебя ли,
Юный певец,
Прелесть Елены
Розой цветет?..
Пусть весь народ,
Ею прельщенный,
Вслед за мечтой
Мчится толпой;
В мирном жилище,
На пепелище,
В чаше простой
Стану в смиреньи
Черпать забвенье
И для друзей
Резвой рукою
Двигать струною
Арфы моей".

В скучной разлуке
Так я мечтал,
В горести, в муке
Себя услаждал;
В сердце возженный
Образ Елены
Мнил истребить.
Прошлой весною
Юную Хлою
Вздумал любить.
Как ветерочек

Ранней порой
Гонит листочек
С резвой волной,
Так непрестанно
Непостоянный
Страстью играл,
Лилу, Темиру,
Всех обожал,
Сердце и лиру
Всем посвящал. —
Что же? напрасно
С груди прекрасной
Шаль я срывал.
Тщетны измены!
Образ Елены
В сердце пылал!
Ах! возвратися,
Радость очей,
Хладна, тронися
Грустью моей. —
Тщетно взывает
Бедный певец!
Нет! не встречает
Мукам конец...
Так до могилы
Грустен, унылый,
Крова ищи!
Всеми забытый,
Терном увиты
Цепи влачи...

К Лицинию

С латинского

Лициний! зришь ли ты? на быстрой колеснице,
Увенчан лаврами, в блестящей багрянице,
Спесиво развалясь, Ветулий молодой
В толпу народную летит по мостовой.
Смотри, как все пред ним усердно спину клонят,
Как ликторов полки народ несчастный гонят.
Льстецов, сенаторов, прелестниц длинный ряд
С покорностью ему умильный мещут взгляд,
Ждут в тайном трепете улыбку, глаз движенья,
Как будто дивного богов благословенья;
И дети малые, и старцы с сединой
Стремятся все за ним и взором, и душой,
И даже след колес, в грязи напечатленный,
Как некий памятник им кажется священный.

О Ромулов народ! пред кем ты пал во прах?
Пред кем восчувствовал в душе столь низкой страх?
Квириты гордые под иго преклонились!
Кому ж, о небеса! кому поработились?
Скажу ль — Ветулию! — Отчизне стыд моей,
Развратный юноша воссел в совет мужей,
Любимец деспота Сенатом слабым правит,
На Рим простер ярем, отечество бесславит!
Ветулий — римлян царь!.. О срам! о времена!
Или вселенная на гибель предана?

Но кто под портиком с руками за спиною,
В изорванном плаще и с нищенской клюкою,
Поникнув головой, нахмурившись идет?
Не ошибаюсь я — философ то Дамет.
„Дамет! куда, скажи, в одежде столь убогой
Средь Рима пышного бредешь своей дорогой?“ —

„Куда? не знаю сам. Пустыни я ищу,
Среди разврата жить уж боле не хочу;
Япетовых детей пороки, злобу вижу,
Навек оставлю Рим: я людства ненавижу“.

Лициний, добрый друг! не лучше ли и нам,
Отдав поклон мечте, Фортуне, суетам,
Седого стоика примером научиться?
Не лучше ль поскорей со градом распроститься,
Где всё на откупе: законы, правота,
И жены, и мужья, и честь, и красота?
Пускай Глицерия, красавица младая,
Равно всем общая как чаша круговая,
Других неопытных в любовну ловит сеть, —
Нам стыдно слабости с морщинами иметь.
Летит от старика любовь в толпе веселий!..
Пускай бесстыдный Клит, вельможей раб Корнелий,
Оставя ложе сна с запевшим петухом,
От знатных к богачам бегут из дома в дом;
Я сердцем римлянин, кипит в груди свобода,
Во мне не дремлет дух великого народа.
Лициний! поспешим далеко от забот,
Безумных гордецов, обманчивых красот,
Докучных риторов, парнасских Геростратов;
В деревню пренесем отеческих пенатов.
В тенистой рощице, на берегу морском
Найти нетрудно нам красивый, светлый дом,
Где, больше не страшась народного волненья,
Под старость отдохнем в тиши уединенья,
И там, расположась в уютном уголке,
При дубе пламенном, возженном в камельке,
Воспомнив старину за дедовским фиялом,
Свой дух воспламеню Петроном, Ювеналом,
В гремящей сатире порок изображу
И нравы сих веков потомству обнажу.

О Рим! о гордый край разврата, злодеянья,
Придет ужасный день — день мщенья, наказанья;
Предвижу грозного величия конец,
Падет, падет во прах вселенныя венец!

Народы дикие, сыны свирепой брани,
Войны ужасной меч прияв в кровавы длани,
И горы, и моря оставят за собой
И хлынут на тебя кипящею рекой.
Исчезнет Рим; его покроет мрак глубокой,
И путник, обратив на груды камней око,
Речет задумавшись, в мечтаньях углублен:
„Свободой Рим возрос — а рабством погублен!"

Батюшкову

В пещерах Геликона
Я некогда рожден;
Во имя Аполлона
Тибуллом окрещен,
И светлой Ипокреной
С издетства напоенный,
Под кровом вешних роз,
Поэтом я возрос.

9 Веселый сын Эрмия
Ребенка полюбил,
В дни резвости златые
Мне дудку подарил.
Знакомясь с нею рано,
Дудил я непрестанно;
Нескладно хоть играл,
Но музам не скучал.

17 А ты, певец забавы
И друг пермесских дев,
Ты хочешь, чтобы, славы
Стезею полетев,
Простясь с Анакреоном,
Спешил я за Мароном
И пел при звуках лир
Войны кровавый пир.

Дано мне мало Фебом:
Охота, скудный дар.
Пою под чуждым небом,
Вдали домашних лар,
И, с дерзостным Икаром
Страшась летать не даром,
Бреду своим путем:
Будь всякой при своем.

Наполеон на Эльбе (1815)

Вечерняя заря в пучине догорала,
Над мрачной Эльбою носилась тишина,
Сквозь тучи бледные тихонько пробегала
Туманная луна;
Уже на западе седой, одетый мглою,
С равниной синих вод сливался небосклон.
Один во тьме ночной над дикою скалою
Сидел Наполеон.
В уме губителя теснились мрачны думы,
Он новую в мечтах Европе цепь ковал
И, к дальним берегам возведши взор угрюмый,
Свирепо прошептал:

„Вокруг меня всё мертвым сном почило,
Легла в туман пучина бурных волн,
Не выплывет ни утлый в море челн,
Ни гладный зверь не взвоет над могилой —
Я здесь один, мятежной думы полн...

О, скоро ли, напенясь под рулями,
Меня помчит покорная волна,
И спящих вод прервется тишина?..
Волнуйся, ночь, над эльбскими скалами!
Мрачнее тмись за тучами, луна!

Там ждут меня бесстрашные дружины.
Уже сошлись, уже сомкнуты в строй!

Уж мир лежит в оковах предо мной!
Прейду я к вам сквозь черные пучины
И гряну вновь погибельной грозой!

И вспыхнет брань! за галльскими орлами,
С мечем в руках победа полетит,
Кровавый ток в долинах закипит,
И троны в прах низвергну я громами
И сокрушу Европы дивный щит!..

Но вкруг меня всё мертвым сном почило,
Легла в туман пучина бурных волн,
Не выплывет ни утлый в море челн,
Ни гладный зверь не взвоет над могилой —
Я здесь один, мятежной думы полн...

О счастье! злобный обольститель,
И ты, как сладкой сон, сокрылось от очей,
Средь бурей тайный мой хранитель
И верный пестун с юных дней!
Давно ль невидимой стезею
Меня ко трону ты вело
И скрыло дерзостной рукою
В венцах лавровое чело!
Давно ли с трепетом народы
Несли мне робко дань свободы,
Знамена чести преклоня;
Дымились громы вкруг меня,
И слава в блеске над главою
Неслась, прикрыв меня крылом?..
Но туча грозная нависла над Москвою,
И грянул мести гром!..
Полнощи царь младой! — ты двигнул ополченья,
И гибель вслед пошла кровавым знаменам,
Отозвалось могущего паденье,
И мир земле, и радость небесам,
А мне — позор и заточенье!
И раздроблен мой звонкой щит,
Не блещет шлем на поле браней;
В прибрежном злаке меч забыт
И тускнет на тумане.

И тихо всё кругом. В безмолвии ночей
Напрасно чудится мне смерти завыванье,
И стук блистающих мечей,
И падших ярое стенанье —
Лишь плещущим волнам внимает жадный слух.
Умолк сражений клик знакомый,
Вражды кровавой гаснут громы,
И факел мщения потух.
Но близок час! грядет минута роковая!
Уже летит ладья, где грозный трон сокрыт;
Кругом простерта мгла густая,
И, взором гибели сверкая,
Бледнеющий мятеж на палубе сидит.
Страшись, о Галлия! Европа! мщенье, мщенье!
Рыдай, твой бич восстал — и всё падет во прах,
Всё сгибнет, и тогда, в всеобщем разрушенье,
Царем воссяду на гробах!“

Умолк. На небесах лежали мрачны тени,
И месяц, дальних туч покинув темны сени,
Дрожащий, слабый свет на запад изливал;
Восточная звезда играла в океане,
И зрелася ладья, бегущая в тумане
Под сводом эльбских грозных скал.
И Галлия тебя, о хищник, осенила;
Побегли с трепетом законные цари.
Но зришь ли? Гаснет день, мгновенно тьма сокрыла
Лицо пылающей зари,
Простерлась тишина над бездною седою,
Мрачится неба свод, гроза во мгле висит,
Всё смолкло... Трепещи! погибель над тобою,
И жребий твой еще сокрыт!

К Пущину

4 мая

Любезный именинник,
О Пущин дорогой!
Прибрел к тебе пустынник
С открытою душой.
С пришельцем обнимися,
Но доброго певца
Встречать не суетися
С парадного крыльца.
Он гость без этикета,
Не требует привета
Лукавой суеты.
Прими ж его лобзанья
И чистые желанья
Сердечной простоты!
Устрой гостям пирушку;
На столик вощаной
Поставь пивную кружку
И кубок пуншевой.
Старинный собутыльник!
Забудемся на час,
Пускай ума светильник
Погаснет ныне в нас;
Пускай старик крылатый
Летит на почтовых:
Нам дорог миг утраты
В забавах лишь одних!

Ты счастлив, друг сердечный!
В спокойствии златом
Течет твой век беспечный,
Проходит день за днем,
И ты в беседе граций,
Не зная черных бед,

Живешь, как жил Гораций,
Хотя и не поэт.
Под кровом небогатым
Ты вовсе не знаком
С зловещим Гипократом,
С нахмуренным попом;
Не видишь у порогу
Толпящихся забот;
Нашли к тебе дорогу
Веселость и Эрот;
Ты любишь звон стаканов
И трубки дым густой,
И демон метроманов
Не властвует тобой.
Ты счастлив в этой доле.
Скажи, чего же боле
Мне другу пожелать?
Придется замолчать...

Дай бог, чтоб я, с друзьями
Встречая сотый май,
Покрытый сединами,
Сказал тебе стихами:
Вот кубок; наливай!
Веселье! будь до гроба
Сопутник верный наш,
И пусть умрем мы оба
При стуке полных чаш!

А. С. Пушкин. С акварели неизвестного художника, относимой к 1817 г. (Институт Литературы Академии Наук СССР)

К Галичу

Пускай угрюмый рифмотвор,
Повитый маком и крапивой,
Холодных од творец ретивый,
На скучный лад сплетая вздор,
Зовет обедать генерала, —
О Галич, верный друг бокала
И жирных утренних пиров,
Тебя зову, мудрец ленивый,
В приют поэзии счастливый,
Под отдаленный неги кров.
Давно в моем уединеньи,
В кругу бутылок и друзей,
Не зрели кружки мы твоей,
Подруги долгих наслаждений,
Острот и хохота гостей.
В тебе трудиться нет охоты.
Садись на тройку злых коней,
Оставь Петрополь и заботы,
Лети в счастливый городок,
Зайди к жиду Золотареву,
В его, всем общий, уголок;
Мы там, собравшися в кружок,
Прольем вина струю багрову,
И с громом двери на замок
Запрет веселье молодое.
И гордый на столе пирог
Друзей стесненными рядами,
Сверкая светлыми ножами,
С тобою храбро осадим
И мигом стены разгромим;
Когда ж, вином отягощенный,
С главой, в колени преклоненной,
Захочешь в мире отдохнуть
И, опускаяся в подушку,

Дабы спокойнее заснуть,
Уронишь налитую кружку
На старый бархатный диван, —
Тогда послания, куплеты,
Баллады, басенки, сонеты
Покинут скромный наш карман,
И крепок сон ленивца будет!..
Но рюмок звон тебя разбудит,
Ты вскочишь с бодрой головой,
Оставишь смятую подушку,
Подымешь милую подружку —
И в келье снова пир горой.

О Галич, время невозвратно,
И близок, близок грозный час,
Когда, послыша славы глас,
Покину кельи кров приятный,
Татарской сброшу свой халат.
Простите, девственные Музы!
Прости, приют младых отрад!
Надену узкие рейтузы,
Завью в колечки гордый ус,
Заблещет пара эполетов;
И я — питомец важных Муз —
В числе воюющих корнетов!
О Галич, Галич, поспешай!
Тебя зовут и сон ленивый,
И друг ни скромный, ни спесивый,
И кубок полный через край.

1815

Мечтатель

По небу крадется луна,
На холме тьма седеет,
На воды пала тишина.
С долины ветер веет,
Молчит певица вешних дней
В пустыне темной рощи,
Стада почили средь полей,
И тих полет полнощи;

И мирный неги уголок
Ночь сумраком одела,
В камине гаснет огонек,
И свечка нагорела;
Стоит богов домашних лик
В кивоте небогатом,
И бледный теплится ночник
Пред глиняным пенатом.

Главою на руку склонен,
В забвении глубоком,
Я в сладки думы погружен
На ложе одиноком;
С волшебной ночи темнотой,
При месячном сияньи,
Слетают резвою толпой
Крылатые мечтаньи,

И тихой, тихой льется глас;
Дрожат златые струны.
В глухой, безмолвный мрака час
Поет мечтатель юный;
Исполнен тайною тоской,
Молчаньем вдохновенный,
Летает резвою рукой
На лире оживленной.

Блажен, кто в низкой свой шалаш
В мольбах не просит Счастья!
Ему Зевес надежный страж
От грозного ненастья;
На маках лени, в тихой час,
Он сладко засыпает,
И бранных труб ужасный глас
Его не пробуждает.

Пускай, ударя в звучный щит
И с видом дерзновенным,
Мне Слава издали грозит
Перстом окровавленным,
И бранны вьются знамена,
И пышет бой кровавый —
Прелестна сердцу тишина;
Нейду, нейду за Славой.

Нашел в глуши я мирный кров
И дни веду смиренно;
Дана мне лира от богов,
Поэту дар бесценный;
И Муза верная со мной:
Хвала тебе, богиня!
Тобою красен домик мой
И дикая пустыня.

На слабом утре дней златых
Певца ты осенила,
Венком из миртов молодых
Чело его покрыла,
И, горним светом озарясь,
Влетала в скромну келью
И чуть дышала, преклонясь
Над детской колыбелью.

О, будь мне спутницей младой
До самых врат могилы!
Летай с мечтаньем надо мной,
Расправя легки крылы;

Гоните мрачную печаль,
Пленяйте ум... обманом,
И милой жизни светлу даль
Кажите за туманом!

И тих мой будет поздний час;
И смерти добрый гений
Шепнет у двери постучась:
„Пора в жилище теней!..“
Так в зимний вечер сладкой сон
Приходит в мирны сени,
Венчанный маком и склонен
На посох томной лени...

Посланье молодой актрисе

Ты не наследница Клероны,
Не для тебя свои законы
Владелец Пинда начертал,
Тебе не много бог послал:
Твой голосок, телодвиженья,
Немые взоров обращенья
Не стоят, признаюсь, похвал
И шумных плесков удивленья;
Жестокой суждено судьбой
Тебе актрисой быть дурной.
Но, Клоя, ты мила собой.
Тебе во след толпятся смехи,
Сулят любовникам утехи —
Итак, венцы перед тобой,
И несомнительны успехи.

Ты пленным зрителя ведешь,
Когда без такта ты поешь,
Недвижно стоя перед нами.
Поешь — и часто невпопад;
А мы усердными руками

Все громко хлопаем; кричат:
„Bravo! bravissimo! чудесно!“
Свистки сатириков молчат,
И все покорствуют прелестной.

Когда в неловкости своей,
Ты сложишь руки у грудей,
Или подымешь их — и снова
На грудь положишь, застыдясь;
Когда Милона молодого,
Лепеча что-то не для нас,
В любви без чувства уверяешь,
Или без памяти в слезах,
Холодный испуская: „ах!“,
Спокойно в креслы упадаешь,
Краснея и чуть-чуть дыша,—
Все шепчут: „Ах, как хороша!“
Увы, другую б освистали:
Велико дело красота.
О Клоя, мудрые солгали:
Не всё на свете суета.

Пленяй же, Клоя, красотою!
Стократ блажен любовник тот,
Который нежно пред тобою,
Осмелясь, о любви поет,
В стихах и прозою на сцене
Тебя клянется обожать,
Кому ты можешь отвечать,
Не смея молвить об измене.
Блажен, кто может роль забыть
На сцене с миленькой актрисой,
Жать руку ей, надеясь быть
Еще блаженней за кулисой!

1815

К ней

Эльвина, милый друг! приди, подай мне руку:
Я вяну, прекрати тяжелый жизни сон;
Скажи — увижу ли... на долгую ль разлуку
Я роком осужден?

Ужели никогда на друга друг не взглянет?
Иль вечной темнотой покрыты дни мои?
Ужели никогда нас утро не застанет
В объятиях любви?

Эльвина, почему в часы глубокой ночи
Я не могу тебя с весельем обнимать?
На милую стремить томленья полны очи
И страстью трепетать?

И в радости немой, в восторгах наслажденья
Твой шопот сладостный и тихой стон внимать
И тихо в скромной тьме для неги пробужденья
Близ милой засыпать?

Послание к Галичу

Где ты, ленивец мой?
Любовник наслажденья!
Ужель уединенья
Не мил тебе покой?
Ужели мне с тобой
Лишь помощью бумаги
Минуты провождать
И больше не видать
Парнасского бродяги?
На Пинде мой сосед,
И ты от муз укрылся,

Минутный домосед,
С пенатами простился!
Уж темный уголок
И садик опустели,
Где мы под вечерок
За рюмками шумели;
Где Ком нас угощал
Форелью, пирогами,
И пенистый бокал
Нам Бахус подавал.
Бегут за днями дни
Без дружеских собраний;
Веселых пирований
Веселые сыны
С тобой разлучены;
И шумные беседы
И долгие обеды
Не столь оживлены.

Один в каморке тесной
Вечерней тишиной
Хочу, мудрец любезный,
Беседовать с тобой.
Уж темна ночь объемлет
Брега спокойных вод;
Мурлыча, в келье дремлет
Спесивый, старый кот.
Покамест сон прелестный,
Под сенью тихих крил,
В обители безвестной
Меня не усыпил,
Морфея в ожиданьи
В постеле я лежу
И беглое посланье
Без строгого старанья
Предателю пишу.
Далече той станицы,
Где Фебовы сестрицы
Мне с негой вьют досуг,
Скажи — среди столицы

Чем занят ты, мой друг?
Ужель приют поэта
Теперь средь вихря света,
Вдали родных полей
И ближних, и друзей?
Ужель в театре шумном,
Где дюжий Аполлон
Партером полуумным
Прославлен, оглушен,
Измученный напевом
Бессмысленных стихов,
Ты спишь под страшным ревом
Актеров и смычков?
Или, мудрец придворный,
С улыбкою притворной
Пред лентою цветной
Поникнув головой,
С вертушкою слепой
Знакомиться желаешь?
Иль Креза за столом
В куплете заказном
Трусливо величаешь?..
Нет, добрый Галич мой!
Поклону ты не сроден.
Друг мудрости прямой
Правдив и благороден,
Он любит тишину;
Судьбе своей послушный,
На барскую казну
Взирает равнодушно,
Рублям откупщика
Смеясь веселым часом,
Не снимет колпака
Философ пред Мидасом.
Пускай не дружен он
С Фортуною коварной,
Но Вакхом награжден
Философ благодарный,
Когда сей бог младой
Вечернею порой

Лафит и грог янтарный
С улыбкой на устах
В стекле ему подносит
И каплю выпить просит,
Качаясь на ногах.
Мечтанье обнимая,
Любовь его ведет,
И дружба молодая
Венки ему плетет.
И счастлив он, признаться,
На деле, и в мечтах,
Когда минуты мчатся
Веселья на крылах;
Когда друзья-поэты
С утра до ночи с ним
Шумят, поют куплеты,
Пьют *мозель* разогретый,
Приятелям своим
Послания читают
И трубку разжигают
Безрифминым лихим!..

Оставь же город скучный,
С друзьями съединись
И с ними неразлучно
В пустыне уживись.
Беги, беги столицы,
О Галич мой, сюда!
Здесь розовой денницы
Не видя никогда,
Ленясь под одеялом,
С тибурским мудрецом
Мы часто за бокалом
Проснемся — и заснем.
Смотри: тебе в награду
Наш Дельвиг, наш поэт,
Несет свою балладу,
И стансы винограду,
И к лилии куплет.
И полон становится

Твой малый, тесный дом;
Вот с милым остряком
Наш песельник тащится
По лестнице с гудком,
И все к тебе нагрянем —
И снова каждый день
Стихами, прозой станем
Мы гнать печали тень.
Подруги молодые
Нас будут посещать;
Нам жизни дни златые
Не страшно расточать.
Поделимся с забавой
Мы веком остальным,
С волшебницею-славой
И с Вакхом молодым.

Моя эпитафия

Здесь Пушкин погребен; он с музой молодою,
С любовью, леностью провел веселый век,
Не делал доброго — однако ж был душою,
Ей-богу, добрый человек.

К Дельвигу

Послушай, муз невинных
Лукавый духовник!
Жилец полей пустынных,
Поэтов грешный лик
Умножил я собою,
И я главой поник
Пред милою мечтою;
Мой дядюшка-поэт
На то мне дал совет
И с музами сосватал.
Сначала я шалил,
Шутя стихи кроил,
А там их напечатал —
И вот теперь я брат
Бестолкову пустому,
Тому, сему, другому,
Да я ж и виноват!

Спасибо за посланье —
Но что мне пользы в том?
На грешника потом
Ведь станут в посмеянье
Указывать перстом!
Изменник! с Аполлоном
Ты, видно, заодно;
А мне прослыть Прадоном
Отныне суждено.
Везде беды застану!
Увы, мне, метроману,
Куда сокроюсь я?
Предатели-друзья
Невинное творенье
Украдкой в город шлют
И плод уединенья
Тисненью предают —

Бумагу убивают!
Поэта окружают
С улыбкой остряки.
„Ах, сударь! — мне сказали, —
Вы пишете стишки,
Увидеть их нельзя ли?
Вы в них изображали,
Конечно, ручейки,
Конечно, василечек,
Иль тихий ветерочек,
И рощи, и цветки...“

О Дельвиг! начертали
Мне музы мой удел;
Но ты ль мои печали
Умножить захотел?
В объятиях Морфея
Беспечный дух лелея,
Еще хоть год один
Позволь мне полениться
И негой насладиться,
Я, право, неги сын!
А там, хоть нет охоты,
Но придут уж заботы
Со всех ко мне сторон:
И буду принужден
С журналами сражаться,
С газетой торговаться,
С Графовым восхищаться...
Помилуй, Аполлон!

Роза

Где наша роза?
Друзья мои!
Увяла роза,
Дитя зари!..
Не говори:
Вот жизни младость,
Не повтори:
Так вянет радость,
В душе скажи:
Прости! жалею...
И на лилею
Нам укажи.

На возвращение государя императора из Парижа в 1815 году

Утихла брань племен; в пределах отдаленных
Не слышен битвы шум и голос труб военных;
С небесной высоты, при звуке стройных лир,
На землю мрачную нисходит светлый мир.
Свершилось!.. Русской царь, достиг ты славной цели!
Вотще надменные на родину летели;
Вотще, впреди знамен бесчисленных дружин
В могущей дерзости венчанный исполин
На гибель грозно шел, влек цепи за собою:
Меч огненный блеснул за дымною Москвою!
Звезда губителя потухла в вечной мгле,
И пламенный венец померкнул на челе!

Содрогся счастья сын, и, брошенный судьбою,
Он землю русскую не взвидел под собою.
Бежит... и мести гром слетел ему во след;
И с трона гордый пал... и вновь восстал... и нет!
Тебе, наш храбрый царь, хвала, благодаренье!
Когда полки врагов покрыли отдаленье,
Во броню ополчась, взложив пернатый шлем,
Колена преклонив пред вышним алтарем,
Ты браней меч извлек и клятву дал святую
От ига оградить страну свою родную.
Мы вняли клятве сей; и гордые сердца
В восторге пламенном летели вслед отца
И смертью роковой горели и дрожали;
И россы пред врагом твердыней грозной стали!..
„К мечам!“ раздался клик, и вихрем понеслись;
Знамена, восшумев, по ветру развились;
Обнялся с братом брат; и милым дали руку
Младые ратники на грустную разлуку;
Сразились. Воспылал свободы ярый бой,
И смерть хватала их холодною рукой!..
А я... вдали громов, в сени твоей надежной...
Я тихо расцветал, беспечный, безмятежный!
Увы, мне не судил таинственный предел
Сражаться за тебя под градом вражьих стрел!..
Сыны Бородина, о кульмские герои!
Я видел, как на брань летели ваши строи;
Душой восторженной за братьями спешил.
Почто ж на бранный дол я крови не пролил?
Почто, сжимая меч младенческой рукою,
Покрытый ранами, не пал я пред тобою
И славы под крылом на утре не почил?
Почто великих дел свидетелем не был?
О, сколь величествен, бессмертный, ты явился,
Когда на сильного с сынами устремился,
И, челы приподняв из мрачности гробов,
Народы, падшие под бременем оков,
Тяжелой цепию с восторгом потрясали
И с робкой радостью друг друга вопрошали:
„Ужель свободны мы?.. Ужели грозный пал?..
Кто смелый? Кто в громах на севере восстал?..“

И ветхую главу Европа преклонила,
Царя-спасителя колена окружила
Освобожденною от рабских уз рукой,
И власть мятежная исчезла пред тобой!

И ныне ты к сынам, о царь наш, возвратился,
И край полуночи восторгом озарился!
Склони на свой народ смиренья полный взгляд —
Все лица радостью, любовию блестят.
Внемли — повсюду весть отрадная несется,
Повсюду гордый клик веселья раздается;
По стогнам шум, везде сияет торжество,
И ты среди толпы, России божество!
Встречать вождя побед летят твои дружины.
Старик, счастливый век забыв Екатерины,
Взирает на тебя с безмолвною слезой.
Ты наш, о русской царь! оставь же шлем стальной
И грозный меч войны, и щит — ограду нашу,
Излей пред Янусом священну мира чашу,
И, брани сокрушив могущею рукой,
Вселенну осени желанной тишиной!..
И придут времена спокойствия златые,
Покроет шлемы ржа, и стрелы каленые,
В колчанах скрытые, забудут свой полет;
Счастливый селянин, не зная бурных бед,
По нивам повлечет плуг, миром изощренный;
Суда летучие, торговлей окриленны,
Кормами рассекут свободный океан,
И юные сыны воинственных славян
Спокойной праздности с досадой предадутся,
И молча некогда вкруг старца соберутся,
Преклонят жадный слух, и ветхим костылем
И стан, и ратный строй, и дальний бор с холмом
На прахе начертит он медленно пред ними,
Словами истины, свободными, простыми,
Им славу прошлых лет в рассказах оживит
И доброго царя в слезах благословит.

* * *

Итак я счастлив был, итак я наслаждался,
Отрадой тихою, восторгом упивался...
И где веселья быстрый день?
Промчался лётом сновиденья,
Увяла прелесть наслажденья,
И снова вкруг меня угрюмой скуки тень!..

Слеза

Вчера за чашей пуншевою
С гусаром я сидел,
И молча с мрачною душою
На дальний путь глядел.

„Скажи, что смотришь на дорогу? —
Мой храбрый вопросил. —
Еще по ней ты, слава богу,
Друзей не проводил“.

К груди поникнув головою,
Я скоро прошептал:
„Гусар! уж нет ее со мною!..“ —
Вздохнул — и замолчал.

Слеза повисла на реснице
    И канула в бокал.
„Дитя, ты плачешь о девице,
    Стыдись!“ — он закричал.

17 „Оставь, гусар! ох! сердцу больно —
    Ты, знать, не горевал.
Увы! одной слезы довольно,
    Чтоб отравить бокал!..“

* * *

    Угрюмых тройка есть певцов —
Шихматов, Шаховской, Шишков,
Уму есть тройка супостатов —
Шишков наш, Шаховской, Шихматов,
Но кто глупей из тройки злой?
Шишков, Шихматов, Шаховской!

К бар. М. А. Дельвиг

Вам восемь лет, а мне семнадцать било.
И я считал когда-то восемь лет;
Они прошли. — В судьбе своей унылой,
Бог знает как, я ныне стал поэт.
Не возвратить уже того, что было,
Уже я стар, мне незнакома ложь:
Так верьте мне — мы спасены лишь верой.
Послушайте: Амур, как вы, хорош;
Амур дитя, Амур на вас похож —
В мои лета вы будете Венерой.
Но если только буду жив,
Всевышней благостью Зевеса,
И столько же красноречив —
Я напишу вам, баронесса,
В латинском вкусе мадригал,
Чудесный, вовсе без искусства —
Не много истинных похвал,
Но много истинного чувства.
Скажу я: „Ради ваших глаз,
О баронесса! ради балов,
Когда мы все глядим на вас,
Взгляните на меня хоть раз
В награду прежних мадригалов“.
Когда ж Амур и Гименей
В прелестной Марии моей
Поздравят молодую даму —
Удастся ль мне под старость дней
Вам посвятить эпиталаму?

Моему Аристарху

Помилуй, трезвый Аристарх
Моих бахических посланий,
Не осуждай моих мечтаний
И чувства в ветреных стихах!
Плоды веселого досуга,
Не для бессмертия они
На свет небрежно рождены,
Но, право, для меня, для друга,
Или для Хлои молодой.
Помилуй, сжалься надо мной!
Я знаю сам свои пороки.
Не нужны мне твои уроки.
Конечно беден гений мой:
За рифмой часто холостой,
На зло законам сочетанья,
Бегут трестопные толпой
На *аю, ает* и на *ой.*
Еще немногие признанья:
Я ставлю (кто же без греха?)
Пустые часто восклицанья
И сряду плоских три стиха.
Нехорошо, но оправданья
Нельзя ли скромно принести?
Мои летучие посланья
В потомстве будут ли цвести?
Не думай, цензор мой угрюмый,
Что я, беснуясь по ночам,
Окован стихотворной думой,
Покоем жертвую стихам,
Что, бегая по всем углам,
Ерошу волосы клоками,
Подобно Фебовым жрецам
Сверкаю грозными очами.
Едва дыша, нахмуря взор
И засветив потом лампаду,

За шаткой стол, кряхтя, засяду,
Сижу, сижу три ночи сряду
И высижу — трестопный вздор...
Так пишет (молвить не в укор)
Конюший дряхлого Пегаса,
Свистов, Хлыстов или Графов,
Служитель отставной Парнаса,
Родитель стареньких стихов
И од не слишком громозвучных,
И сказочек довольно скучных.

Люблю я праздность и покой,
И мне досуг совсем не бремя,
И есть и пить найду я время.
Когда ж нечаянной порой
Стихи кропать найдет охота,
На славу дружбы иль Эрота,
Я мигом труд окончу свой.
Сижу ли с добрыми друзьями,
Лежу ль в постеле пуховой,
Брожу ль над тихими водами
В дубраве темной и глухой,
Задумаюсь — взмахну руками,
На рифмах вдруг заговорю
И никого уж не морю
Моими резвыми стихами...
Но ежели когда-нибудь,
Желая в неге отдохнуть,
Расположась перед камином,
Один, свободным господином,
Поймаю прежню мысль мою,—
То не для имени поэта
Мараю два иль три куплета
И их вполголоса пою.

Но знаешь ли, о мой гонитель,
Как я беседую с тобой?
Беспечный Пинда посетитель,
Я с музой нежусь молодой...
Уж утра яркое светило

Поля и рощи озарило;
Давно пропели петухи;
Вполглаза дремля — и зевая,
Шапеля в песнях призывая,
Пишу короткие стихи,
Среди приятного забвенья
Склонясь в подушку головой,
И в простоте, без принужденья,
Мои слагаю извиненья
Немного сонною рукой.
Под сенью лени неизвестной
Так нежился певец прелестный,
Когда Вер-Вера воспевал,
Или с улыбкой рисовал
Веселья в резвом упоеньи
Уединенный свой чердак.
В таком ленивом положеньи
Стихи текут и так и сяк.
Возможно ли в свое творенье
Тогда вперять холодный ум,
Уняв веселых мыслей шум,
Отделкой портить небылицы,
И сокращать свои страницы?

Анакреон, Шолье, Парни,
Враги труда, забот, печали,
Не так, бывало, в прежни дни
Своих любовниц воспевали.
О вы, любезные певцы,
Сыны беспечности ленивой!
И мне готовятся венцы
От музы праздности счастливой,
Но не блестящие дары
Поэзии трудолюбивой.
На верх фессальския горы
Вели вас тайные извивы;
И милых граций перст игривый
Младые лиры оживлял,
И ваши челы обвивал
Веселий, смехов рой шутливый.

И я — неопытный поэт —
Небрежный ваших рифм наследник,
За вами крадуся вослед...
А ты, мой скучный проповедник,
Смири жестокой вкуса гнев!
Поди, кричи, брани другого
И брось ленивца молодого,
Об нем тихонько пожалев.

Тень Фонвизина

В раю, за грустным Ахероном,
Зевая в рощице густой,
Творец, любимый Аполлоном,
Увидеть вздумал мир земной.
То был писатель знаменитый,
Известный русский весельчак,
Насмешник, лаврами повитый,
Денис, невежде бич и страх.
„Позволь на время удалиться,—
Владыке ада молвил он,—
Постыл мне мрачный Флегетон,
И к людям хочется явиться“.—
„Ступай!“ — в ответ ему Плутон;
И видит он перед собою:
В ладье с мелькающей толпою
Гребет наморщенный Харон
Челнок ко брегу; с подорожной
Герой поплыл в ладье порожной
И вот — выходит к нам на свет.
Добро пожаловать, поэт!

Мертвец в России очутился,
Он ищет новости какой,
Но свет ни в чем не пременился.
Всё идет той же чередой;
Всё так же люди лицемерят,

Всё те же песенки поют,
Клеветникам как прежде верят,
Как прежде все дела текут;
В окошки миллионы скачут,
Казну все крадут у царя,
Иным житье, другие плачут,
И мучат смертных лекаря,
Спокойно спят архиереи,
Вельможи, знатные злодеи
Смеясь в бокалы льют вино,
Невинных жалобе не внемлют,
Играют ночь, в сенате дремлют,
Склонясь на красное сукно;
Всё столько ж трусов и нахалов,
Рублевых столько же Киприд,
И столько ж глупых генералов,
И столько ж старых волокит.

Вздохнул Денис: „О боже, боже!
Опять я вижу то ж да то же.
Передних грозный Демосфен,
Ты прав, оратор мой Петрушка:
Весь свет бездельная игрушка,
И нет в игрушке перемен.
Но где же братии-поэты,
Мои парнасские клевреты,
Питомцы граций молодых?—
Желал бы очень видеть их“.
Небес оставя светлы сени,
С крылатой шапкой набекрене,
Богов посланник молодой
Слетает вдруг к нему стрелой.
„Пойдем,— сказал Эрмий поэту,—
Я здесь твоим проводником,
Сам Феб меня просил о том;
С тобой успеем до рассвету
Певцов российских посетить,
Иных — лозами наградить,
Других — венком увить свирели“.—
Сказал, взвились и полетели.

Уже сокрылся ясный день,
Уже густела мрачна тень,
Уж вечер к ночи уклонялся,
Мелькал в окошки лунный свет
И всяк, кто только не поэт,
Морфею сладко предавался.
Эрмий с веселым мертвецом
Влетели на чердак высокой;
Там Кропов в тишине глубокой
С бумагой, склянкой и пером
Сидел в раздумьи за столом
На стуле ветхом и треногом
И площадным, раздутым слогом
На наши смертные грехи
Ковал и прозу и стихи.—
„Кто он?“ — Издатель „Демокрита“!
Издатель право пресмешной,
Не жаждет лавров он пиита,
Лишь был бы только пьян порой.
Стихи читать его хоть тяжко,
А проза, ох! горька для всех;
Но что ж? смеяться над бедняжкой,
Ей-богу, братец, страшный грех;
Не лучше ли чердак оставить,
И далее полет направить
К певцам российским записным?
„Быть так, Меркурий, полетим“.—
И оба путника пустились,
И в две минуты опустились
Хвостову прямо в кабинет.
Он не спал; добрый наш поэт
Унизывал на случай оду,
Как божий мученик кряхтел,
Чертил, вычеркивал, потел,
Чтоб стать посмешищем народу.
Сидит; перо в его зубах,
На ленте анненской табак,
Повсюду разлиты чернилы,
Сопит себе Хвостов унылый.
„Ба! в полночь кто катит ко мне?

Не брежу, полно ль, я во сне!
Что сталось с бедной головою!
Фонвизин! ты ль передо мною?
Помилуй! ты... конечно он!"—
„Я, точно я, меня Плутон
Из мрачного теней жилища
С почетным членом адских сил
Сюда на время отпустил.
Хвостов! старинный мой дружище!
Скажи, как время ты ведешь?
Здорово ль, весело ль живешь?"—
„Увы! несчастному поэту,—
Нахмурясь отвечал Хвостов,—
Давно ни в чем удачи нету.
Скажу тебе без дальних слов:
По мне с парнасского задору
Хоть удавись — так в ту же пору.
Что я хорош, в том клясться рад,
Пишу, пою на всякой лад,
Хвалили гений мой в газетах,
В „Аспазии" боготворят.
А всё последний я в поэтах,
Меня бранит и стар и млад,
Читать стихов моих не хочут,
Куда ни сунусь, всюду свист —
Мне враг последний журналист,
Мальчишки надо мной хохочут.
Анастасевич лишь один,
Мой верный крестник, чтец и сын,
Своею прозой уверяет,
Что истукан мой увенчает
Потомство лавровым венцом.
Никто не думает о том.
Но я — поставлю на своем.
Пускай мой перукмахер снова
Завьет у бедного Хвостова
Его поэмой заказной
Волос остаток уж седой;
Геройской воружась отвагой,
И жизнь я кончу над бумагой

И буду в аде век писать
И притчи дьяволам читать". —
Денис на то пожал плечами;
Курьер богов захохотал
И, над свечей взмахнув крылами,
Во тьме с Фонвизиным пропал.
Хвостов не слишком изумился,
Спокойно свечку засветил —
Вздохнул, зевнул, перекрестился,
Свой труд доканчивать пустился,
Поутру оду смастерил
И ею город усыпил.—

Меж тем поклон отдав Хвостову,
Творец, списавший Простакову,
Три ночи в мрачных чердаках
В больших и малых городах
Пугал российских стиходеев.
В своем *боскете* князь Шальной,
Краса писателей-Морфеев,
Сидел за книжкой записной,
Рисуя в ней цветки, кусточки,
И, движа вздохами листочки,
Мочил их нежною слезой;
Когда же призрак столь чудесный
Очам влюбленного предстал,
За платье ухватясь любезной,
О страх! он в обморок упал.
И ты славяно-росс надутый,
О Безглагольник пресловутый,
И ты едва не побледнел,
Как будто от Шишкова взгляда;
Из рук упала *Петриада*,
И дикой взор оцепенел.
И ты, попами воскормленный,
Дьячком псалтире обученный,
Ужасный критикам старик!
Ты видел тени грозный лик,
Твоя невинная другиня,
Уже поблекший цвет певиц,

Вралих Петрополя богиня,
Пред ним со страхом пала ниц.
И ежемесячный вздыхатель,
Что в свет бесстыдно издает
Кокетки старой кабинет,
Безграмотный школяр-писатель,
Был строгой тенью посещен;
Не спас ребенка Купидон;
Блюститель чести муз усердный
Его журил немилосердно
И уши выдрал бедняка;
Страшна Фонвизина рука!

„Довольно! нет во мне охоты, —
Сказал он, — у худых писцов
Лишь время тратить; от зевоты
Я снова умереть готов;
Но где певец Екатерины?“ —
„На берегах поет Невы“.—
„Итак стигийския долины
Еще не видел он?“ — „Увы!“ —
„Увы? скажи что значит это?“ —
„Денис! полнощный лавр отцвел,
Прошла весна, прошло и лето,
Огонь поэта охладел;
Ты всё увидишь сам собою;
Слетим к певцу под сединою
На час послушать старика“.—
Они летят, и в три мига
Среди разубранной светлицы
Увидели певца Фелицы.
Почтенный старец их узнал.
Фонвизин тотчас рассказал
Свои в том мире похожденья.
„Так ты здесь в виде привиденья?..—
Сказал Державин,— очень рад;
Прими мои благословенья...
Брысь, кошка!.. сядь, усопший брат;
Какая тихая погода!..
Но кстати вот на славу ода,—

Послушай, братец",— и старик,
Покашляв, почесав парик,
Пустился петь свое творенье,
Статей библейских преложенье;
То был из гимнов гимн прямой.
Чета бесплотных в удивленьи
Внимала молча песнопенье,
Поникнув долу головой:

„Открылась тайн священных дверь!..
Из бездн исходит Луцифер,
Смиренный, но челоперунный.
Наполеон! Наполеон!
Париж, и новый Вавилон,
И кроткий агнец белорунный,
Превосходясь, как дивий Гог,
Упал как дух Сатанаила,
Исчезла демонская сила!..
Благословен господь наш бог..."—

„Ого!— насмешник мой воскликнул,—
Что лучше эдаких стихов?
В них смысла сам бы не проникнул
Покойный господин Бобров;
Что сделалось с тобой, Державин?
И ты судьбой Невтону равен,
Ты бог — ты червь, ты свет — ты ночь...
Пойдем, Меркурий, сердцу больно;
Пойдем, бешуся я невольно".—
И мигом отлетел он прочь.

„Какое чудное явленье!"—
Фонвизин спутнику сказал.
„Оставь пустое удивленье,—
Эрмий с усмешкой отвечал.—
На Пинде славный Ломоносов
С досадой некогда узрел,
Что звучной лирой в сонме россов
Татарин бритый возгремел,
И гневом Пиндар Холмогора,

И тайной завистью горел.
Но Феб услышал глас укора,
Его спокоить захотел,
И спотыкнулся мой Державин,
Апокалипсис преложить —
Денис! он вечно будет славен,
Но, ах, почто так долго жить?“ —

„Пора домой, — вещал Эрмию
Ужасный рифмачам мертвец, —
Оставим наскоро Россию;
Бродить устал я наконец“.
Но вдруг близ мельницы стучащей,
Средь рощи сумрачной, густой,
На берегу реки шумящей
Шалаш является простой;
К калитке узкая дорога;
В окно склонился древний клен,
И Фальконетов Купидон
Грозит с усмешкой у порога.
„Конечно, здесь живет певец, —
Сказал обрадуясь мертвец, —
Взойдем!“ Взошли и что ж узрели?
В приятной неге, на постеле
Певец пенатов молодой
С венчанной розами главой,
Едва прикрытый одеялом
С прелестной Лилою дремал
И подрумяненный фиалом
В забвеньи сладостном шептал.
Фонвизин смотрит изумленный.
„Знакомый вид; но кто же он?
Уж не Парни ли несравненный,
Иль Клейст? иль сам Анакреон?“ —
„Он стоит их, — сказал Меркурий, —
Эрата, грации, амуры
Венчали миртами его,
И Феб цевницею златою
Почтил любимца своего;
Но лени связанный уздою,

Он только пьет, смеется, спит
И с Лилой нежится младою,
Забыв совсем, что он пиит". —
„Так я же разбужу повесу", —
Сказал Фонвизин рассердясь
И вмиг отдернул занавесу.
Певец, услыша вещий глас,
С досадой весь в пуху проснулся,
Лениво руки протянул,
На свет насилу проглянул,
Потом в сторонку обернулся
И снова крепким сном заснул.
Что делать нашему герою?
Повеся нос, идти к покою
И только про себя ворчать.
Я слышал будто бы с досады
Бранил он русских без пощады
И вот изволил что сказать:
„Когда Хвостов трудиться станет,
А Батюшков спокойно спать,
Наш гений долго не восстанет,
И дело не пойдет на лад".

Гроб Анакреона

Всё в таинственном молчаньи,
Холм оделся темнотой,
Ходит в облачном сияньи
Полумесяц молодой.
Темных миртов занавеса
Наклонилася к водам;
В их сени, у входа леса,
Чью гробницу вижу там?
Розы юные алеют
Камня древнего кругом,
И зефиры их не смеют
Свеять трепетным крылом.
Вижу: лира над могилой
Дремлет в сладкой тишине,
Лишь порою звон унылый,
Будто лени голос милый,
В мертвой слышится струне.
Вижу: горлица на лире,
В розах кубок и венец...
Други, други! в вечном мире
Здесь теосской спит мудрец.
Посмотрите: на гробнице
Сын отрад изображен.
Здесь на ветреной цевнице
Резвый наш Анакреон,
Красотой очарованный,
Нежно гимны ей поет,
Виноградом увенчанный,
В чашу сок его лиет.
Здесь он в зеркало глядится,
Говоря: „Я сед и стар;
Жизнью дайте ж насладиться —
Жизнь, увы! не вечный дар!..“
Здесь, на лиру кинув длани
И нахмуря важно бровь,

Хочет петь он бога брани,
Но поет одну любовь.
Здесь готовится природе
Тяжкой долг он заплатить;
Старый пляшет в хороводе,
Жажду просит утолить.
Вкруг философа седого
Девы пляшут и поют;
Он у времени скупого
Крадет несколько минут.
Вот и музы, и хариты
В гроб любимца увели,
Плющем, розами повиты,
Игры, смехи вслед ушли;
Он исчез, как наслажденье,
Как невнятный вздох любви.
Смертный! век твой — сновиденье:
Счастье резвое лови,
Наслаждайся! наслаждайся!
Чаще кубок наливай,
Страстью нежной утомляйся,
А за чашей отдыхай!

Сраженный рыцарь

Последним сияньем за лесом горя,
Вечерняя тихо потухла заря,
    Безмолвна долина глухая;
В тумане пустынном клубится река,
Ленивой грядою идут облака,
    Меж ими луна золотая.

7 Чугунные латы на холме лежат,
Копье раздробленно, в перчатке булат,
    И щит под шеломом заржавым,

Вонзилися шпоры в увлаженный мох: —
Лежат неподвижно, и месяца рог
Над ними в блистаньи кровавом.

13 Вкруг холма обходит друг сильного конь;
В очах горделивых померкнул огонь,
Он бранную голову клонит.
Беспечным копытом бьет камень долин,
И смотрит на латы конь верный один,
И дико трепещет, и стонет.

19 Во тьме заблудившись, пришелец идет,
С надеждою робость он в сердце несет;
Склонясь над дорожной клюкою,
На холм он взобрался, и в тусклую даль
Он смотрит, и сходит, и звонкую сталь
Толкает усталой ногою.

25 Хладеет пришелец — кольчуги звучат.
Погибшего грозно в них кости стучат,
По камням шелом покатился,
Скрывался в нем череп... При звуке глухом
Заржал конь ретивый — скок лётом на холм —
Взглянул... и главою склонился.

31 Уж путник далече в тьме бродит ночной,
Всё мнится, что кости хрустят под ногой...
Но утро денница выводит;
Сраженный во брани на холме лежит,
И латы недвижны, и шлем не стучит,
И конь вкруг погибшего ходит.

Мое завещание

Друзьям

Хочу я завтра умереть
И в мир волшебный наслажденья,
На тихой берег вод забвенья,
Веселой тенью отлететь...
Прости навек, очарованье,
Отрада жизни и любви!
Приближьтесь, о друзья мои,
Благоговенье и вниманье!
Певец решился умереть.
Итак, с вечернею луною,
В саду нельзя ли дерн одеть
Узорной белой пеленою?
На темный берег сонных вод,
Где мы вели беседы наши,
Нельзя ль, устроя длинный ход,
Нести наполненные чаши?
Зовите на последний пир
Спесивой Семелеи сына,
Эрота, друга наших лир,
Богов и смертных властелина.
Пускай веселье прибежит,
Махая резвою гремушкой,
И нас от сердца рассмешит
За полной пенистою кружкой.
Пускай игривою толпой
Слетят родные наши музы;
Им первый кубок круговой,
Друзья! священны нам их узы;
До ранней утренней звезды,
До тихого лучей рассвета
Не выйдут из руки поэта
Фиалы братской череды;

В последний раз мою цевницу,
Мечтаний сладостных певицу,
Прижму к восторженной груди.
В последний раз, томимый нежно,
Не вспомню вечность и друзей;
В последний раз на груди снежной
Упьюсь отрадой юных дней!

Когда ж восток озолотится
Во тьме денницей молодой,
И белый топол озарится,
Покрытый утренней росой,
Подайте грозд Анакреона,
Он был учителем моим,
И я сойду путем одним
На грустный берег Ахерона...
Простите, милые друзья,
Подайте руку; до свиданья!
И дайте, дайте обещанье,
Когда навек укроюсь я,
Мое исполнить завещанье.
Приди, певец мой дорогой,
Воспевший Вакха и Темиру,
Тебе дарю я лень и лиру;
Да будут музы над тобой...
Ты не забудешь дружбы нашей,
О Пущин, ветреный мудрец!
Прими с моей глубокой чашей
Увядший миртовый венец!
Друзья! вам сердце оставляю
И память прошлых красных дней,
Окованных счастливой ленью
На ложе маков и лилей;
Мои стихи дарю забвенью,
Последний вздох, о други, ей!..

На тихой праздник погребенья
Я вас обязан пригласить;
Веселость, друг уединенья,
Билеты будет разносить...

Стекитесь резвою толпою,
Главы в венках, рука с рукою,
И пусть на гробе, где певец
Исчезнет в рощах Геликона,
Напишет беглый ваш резец:
„*Здесь дремлет юноша-мудрец,*
Питомец нег и Аполлона".

Послание к Юдину

Ты хочешь, милый друг, узнать
Мои мечты, желанья, цели
И тихой глас простой свирели
С улыбкой дружества внимать.
Но можно ль резвости поэту,
Невольнику мечты младой,
В картине быстрой и живой
Изобразить в порядке свету
Всё то, что в юности златой
Воображение мне кажет?

Теперь, когда в покое лень,
Укрыв меня в пустынну сень,
Своею цепью чувства вяжет,
И век мой тих, как ясный день,
Пустого неги украшенья
Не видя в хижине моей,
Смотрю с улыбкой сожаленья
На пышность бедных богачей
И, счастливый самим собою,
Не жажду горы серебра,
Не знаю *завтра*, ни *вчера*,
Доволен скромною судьбою
И думаю: „К чему певцам
Алмазы, яхонты, топазы,

Порфирные пустые вазы,
Драгие куклы по углам?
К чему им сукны Альбиона
И пышные чехлы Лиона
На модных креслах и столах,
И ложе шалевое в спальней?
Не лучше ли в деревне дальней,
Или в смиренном городке,
Вдали столиц, забот и грома,
Укрыться в мирном уголке,
С которым роскошь незнакома,
Где можно в праздник отдохнуть!"
О, если бы когда-нибудь
Сбылись поэта сновиденья!
Ужель отрад уединенья
Ему вкушать не суждено?
Мне видится мое селенье,
Мое Захарово; оно
С заборами в реке волнистой
С мостом и рощею тенистой
Зерцалом вод отражено.
На холме домик мой; с балкона
Могу сойти в веселый сад,
Где вместе Флора и Помона
Цветы с плодами мне дарят,
Где старых кленов темный ряд
Возносится до небосклона,
И глухо тополы шумят —
Туда зарею поспешаю
С смиренным заступом в руках,
В лугах тропинку извиваю,
Тюльпан и розу поливаю —
И счастлив в утренних трудах;
Вот здесь под дубом наклоненным,
С Горацием и Лафонтеном
В приятных погружен мечтах.
Вблизи ручей шумит и скачет,
И мчится в влажных берегах,
И светлый ток с досадой прячет
В соседних рощах и лугах,

Но вот уж полдень. В светлой зале
Весельем круглый стол накрыт;
Хлеб-соль на чистом покрывале,
Дымятся щи, вино в бокале,
И щука в скатерти лежит.
Соседи шумною толпою
Взошли, прервали тишину,
Садятся; чаш внимаем звону:
Все хвалят Вакха и Помону
И с ними красную весну...

Вот кабинет уединенный,
Где я, Москвою утомленный,
Вдали обманчивых красот,
Вдали нахмуренных забот
И той волшебницы лукавой,
Которая весь мир вертит,
В трубу немолчную гремит,
И, помнится, зовется славой —
Живу с природной простотой,
С философической забавой
И с музой резвой и младой...
Вот мой камин; под вечер темный,
Осенней бурною порой,
Люблю под сению укромной
Пред ним задумчиво мечтать,
Вольтера, Виланда читать,
Или в минуту вдохновенья
Небрежно стансы намарать
И жечь потом свои творенья...
Вот здесь... но быстро привиденья,
Родясь в волшебном фонаре,
На белом полотне мелькают;
Мечты находят, исчезают,
Как тень на утренней заре.
Меж тем, как в келье молчаливой
Во плен отдался я мечтам,
Рукой беспечной и ленивой
Разбросив рифмы здесь и там,
Я слышу топот, слышу ржанье.

Блеснув узорным чепраком,
В блестящем ментии сияньи
Гусар промчался под окном...
И где вы, мирные картины
Прелестной сельской простоты?
Среди воинственной долины
Ношусь на крыльях я мечты,
Огни во стане догорают;
Меж них, окутанный плащом,
С седым, усатым казаком
Лежу — вдали штыки сверкают,
Лихие ржут, бразды кусают,
Да изредка грохочет гром,
Летя с высокого раската...
Трепещет бранью грудь моя,
При блеске бранного булата,
Огнем пылает взор, и я
Лечу на гибель супостата.
Мой конь в ряды врагов орлом
Несется с грозным седоком —
С размаха сыплются удары.
О вы, отеческие лары,
Спасите юношу в боях!
Там свищет саблей он зубчатой,
Там кивер зыблется пернатый;
С черкесской буркой на плечах,
И молча преклонясь ко гриве,
Он мчит стрелой по скользкой ниве
С цыгарой дымною в зубах...

Но лаврами побед увиты,
Бойцы из чаши мира пьют.
Военной славою забытый,
Спешу в смиренный свой приют;
Нашед на поле битв и чести
Одни болезни, костыли,
Навек оставил саблю мести...
Уж вижу в сумрачной дали
Мой тесный домик, рощи темны,
Калитку, садик, ближний пруд,

И снова я, философ скромный,
Укрылся в милый мне приют
И, мир забыв и им забвенный,
Покой души вкушаю вновь...

Скажи, о сердцу друг бесценный,
Мечта ль и дружба и любовь?
Доселе в резвости беспечной
Брели по розам дни мои;
В невинной ясности сердечной
Не знал мучений я любви,
Но быстро день за днем умчался;
Где же детства ранние следы?
Прелестный возраст миновался,
Увяли первые цветы!
Уж сердце в радости не бьется
При милом виде мотылька,
Что в воздухе кружит и вьется
С дыханьем тихим ветерка,
И в беспокойстве непонятном
Пылаю, тлею, кровь горит,
И всё языком, сердцу внятным,
О нежной страсти говорит...
Подруга возраста златого,
Подруга красных детских лет,
Тебя ли вижу, взоров свет,
Друг сердца, милая <Сушкова>?
Везде со мною образ твой,
Везде со мною призрак милый:
Во тьме полуночи унылой,
В часы денницы золотой.
То на конце аллеи темной
Вечерней, тихою порой,
Одну, в задумчивости томной,
Тебя я вижу пред собой,
Твой шалью стан не покровенный,
Твой взор, на груди потупленный,
В щеках любви стыдливый цвет.
Всё тихо; брезжит лунный свет;
Нахмурясь топол шевелится,

Уж сумрак тусклой пеленой
На холмы дальние ложится,
И завес рощицы струится
Над тихо-спящею волной,
Осеребренною луной.
Одна ты в рощице со мною,
На костыли мои склонясь,
Стоишь под ивою густою,
И ветер сумраков, резвясь,
На снежну грудь прохладой дует,
Играет локоном власов
И ногу стройную рисует
Сквозь белоснежный твой покров...
То часом полночи глубоким,
Пред теремом твоим высоким,
Угрюмой зимнею порой,
Я жду красавицу драгую —
Готовы сани; мрак густой;
Всё спит, один лишь я тоскую,
Зову часов ленивый бой...
И шорох чудится глухой,
И вот уж шопот слышу сладкой, —
С крыльца прелестная сошла,
Чуть-чуть дыша; идет украдкой,
И дева друга обняла.
Помчались кони, вдаль пустились,
По ветру гривы распустились,
Несутся в снежной глубине,
Прижалась робко ты ко мне,
Чуть-чуть дыша; мы обомлели,
В восторгах чувства онемели...
Но что! мечтанья отлетели!
Увы! я счастлив был во сне...

В отрадной музам тишине
Простыми звуками свирели,
Мой друг, я для тебя воспел
Мечту, младых певцов удел.
Питомец муз и вдохновенья,
Стремясь фантазии вослед,

Находит в сердце наслажденья
И на пути грозящих бед.
Минуты счастья золотые
Пускай мне Клофо не совьет:
В мечтах все радости земные!
Судьбы всемощнее поэт.

К живописцу

Дитя харит и воображенья,
В порыве пламенной души,
Небрежной кистью наслажденья
Мне друга сердца напиши;

Красу невинности небесной,
Надежды робкия черты,
Улыбку душеньки прелестной
И взоры самой красоты.

Вкруг тонкого Гебеи стана
Венерин пояс повяжи,
Сокрытой прелестью Альбана
Мою царицу окружи.

Прозрачны волны покрывала
Накинь на трепетную грудь,
Чтоб и под ним она дышала,
Хотела тайно воздохнуть.

Представь мечту любви стыдливой,
И той, которою дышу,
Рукой любовника счастливой
Внизу я имя подпишу.

Воспоминания

К Пущину

Помнишь ли, мой брат по чаше,
Как в отрадной тишине
Мы топили горе наше
В чистом, пенистом вине?

5 Как, укрывшись молчаливо
В нашем тесном уголке,
С Вакхом нежились лениво,
Школьной стражи вдалеке?

9 Помнишь ли друзей шептанье
Вкруг бокалов пуншевых,
Рюмок грозное молчанье,
Пламя трубок грошевых?

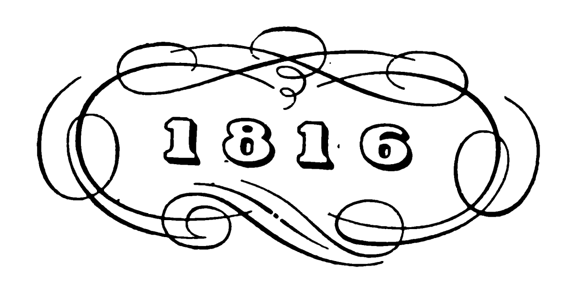
13 Закипев, о, сколь прекрасно
Токи дымные текли!..
Вдруг педанта глас ужасный
Нам послышался вдали...

17 И бутылки вмиг разбиты,
И бокалы все в окно —
Всюду по полу разлиты
Пунш и светлое вино.

21 Убегаем торопливо —
Вмиг исчез минутный страх!
Щек румяных цвет игривый,
Ум и сердце на устах,

25 Хохот чистого веселья,
Неподвижный тусклый взор
Изменяли час похмелья,
Сладкой Вакха заговор.

29 О друзья мои сердечны!
Вам клянуся, за столом
Всякой год в часы беспечны
Поминать его вином.

* * *

Заутра с свечкой грошевою
Явлюсь пред образом святым:
Мой друг! остался я живым,
Но был уж смерти под косою:
Сазонов был моим слугою,
А Пешель — лекарем моим.

Усы

Философическая ода

Глаза скосив на ус кудрявый,
Гусар с улыбкой величавой
На палец завитки мотал;
Мудрец с обритой бородою,
Качая тихо головою,
Со вздохом усачу сказал:

7 „Гусар! всё тленно под луною;
Как волны следом за волною,
Проходят царства и века.
Скажи: где стены Вавилона?
Где драмы тощие Клеона?
Умчала всё времен река.

13 За уши ус твой закрученный,
Вином и ромом окропленный,
Гордится юной красотой,
Не знает бритвы; выписною
Он вечно лоснится сурьмою,
Расправлен гребнем и рукой.

19 Чтобы не смять уса лихого,
Ты к ночи одою Хвостова
Его тихонько обвернешь,
В подушку носом лечь не смеешь,
И в крепком сне его лелеешь,
И утром вновь его завьешь.

25 На долгих ужинах веселых,
В кругу гусаров поседелых
И черноусых удальцов,
Веселый гость, любовник пылкий,
За чье здоровье бьешь бутылки?
Коня, красавиц и усов.

31 Сраженья страшный час настанет,
В ряды ядро со треском грянет;
А ты, над ухарским седлом,
Рассудка, памяти не тратишь:
Сперва кудрявый ус ухватишь,
А саблю верную потом.

37 Окованный волшебной силой,
Наедине с красоткой милой
Ты маешься — одной рукой,
В восторгах неги сладострастной,

Блуждаешь по груди прекрасной,
А грозный ус крутишь другой.

43 Гордись, гусар! но помни вечно,
Что всё на свете скоротечно —
Летят губительны часы,
Румяны щеки пожелтеют,
И черны кудри поседеют,
И старость выщиплет усы".

Из письма к кн. П. А. Вяземскому

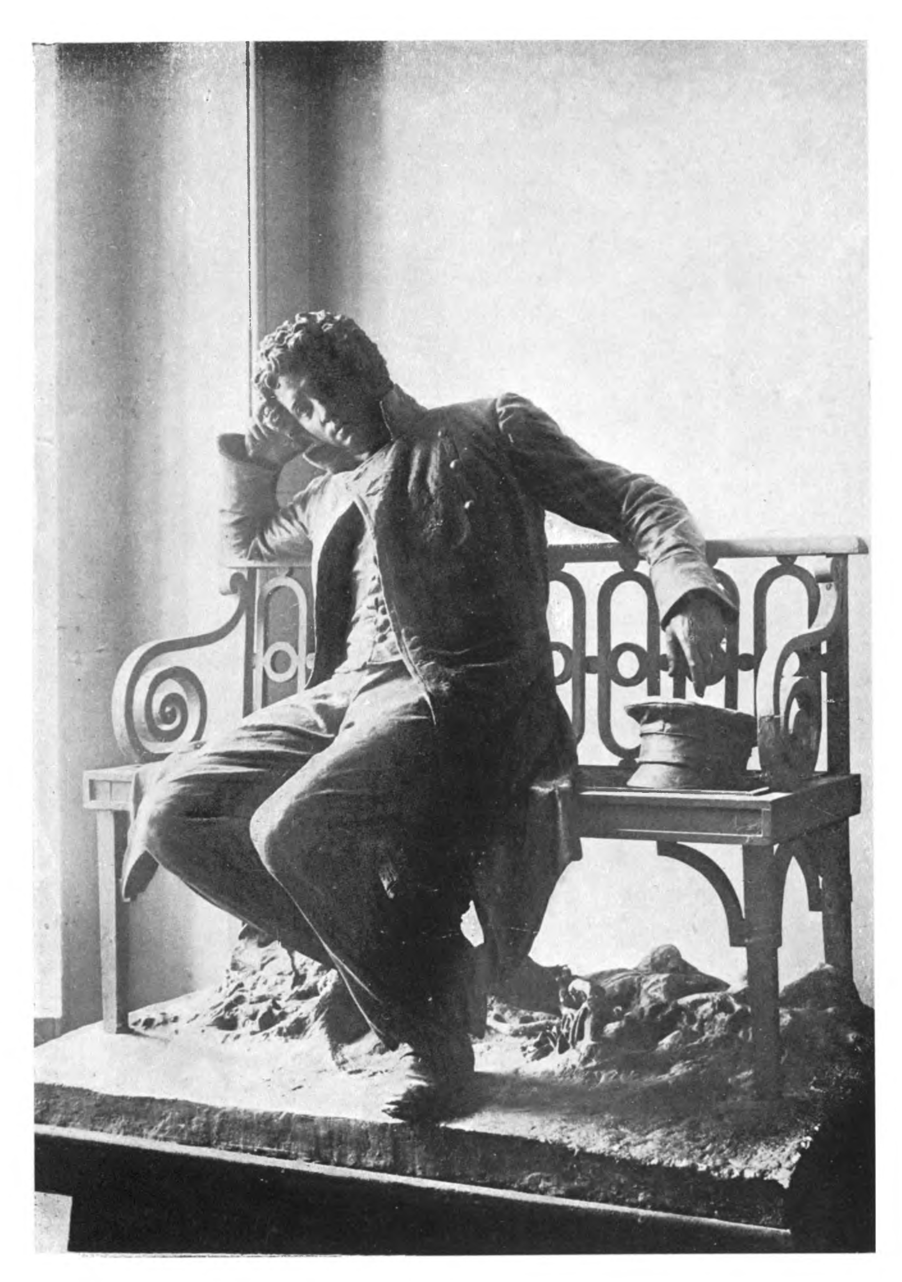
Блажен, кто в шуме городском
Мечтает об уединеньи,
Кто видит только в отдаленьи
Пустыню, садик, сельской дом,
Холмы с безмолвными лесами,
Долину с резвым ручейком
И даже... стадо с пастухом!
Блажен, кто с добрыми друзьями
Сидит до ночи за столом,
И над славенскими глупцами
Смеется русскими стихами;
Блажен, кто шумную Москву
Для хижинки не покидает...
И не во сне, а наяву
Свою любовницу ласкает!..

Из письма к В. Л. Пушкину

Христос воскрес, питомец Феба!
Дай бог, чтоб милостию неба
Рассудок на Руси воскрес;
Он что-то, кажется, исчез.
Дай бог, чтобы во всей вселенной
Воскресли мир и тишина,
Чтоб в Академии почтенной
Воскресли члены ото сна;
Чтоб в наши грешны времена
Воскресла предков добродетель;
Чтобы Шихматовым на зло
Воскреснул новый Буало —
Расколов, глупости свидетель;
А с ним побольше серебра
И золота et cetera.*

Но да не будет воскресенья
Усопшей прозы и стихов.
Да не воскреснут от забвенья
Покойный господин Бобров,
Хвалы газетчика достойный,
И Николев, поэт покойный,
И беспокойный граф Хвостов,
И все, которые на свете
Писали слишком мудрено,
То есть, и хладно и темно,
Что очень стыдно и грешно!

* ⟨И тому подобного.⟩

Памятник А. С. Пушкину в Детском селе работы *Р. Баха*

1816

Принцу Оранскому

Довольно битвы мчался гром,
Тупился меч окровавленный,
И смерть погибельным крылом
Шумела грозно над вселенной!

Свершилось... взорами царей
Европы твердый мир основан;
Оковы свергнувший злодей
Могущей бранью снова скован.

Узрел он в пламени Москву —
И был низвержен ужас мира,
Покрыла падшего главу
Благословенного порфира.

И мглой повлекся окружен;
Притек, и с буйной вдруг изменой
Уж воздвигал свой шаткой трон...
И пал отторжен от вселенной.

Утихло всё. — Не мчится гром,
Не блещет меч окровавленный,
И брань погибельным крылом
Не мчится грозно над вселенной.

Хвала, о юноша герой!
С героем дивным Альбиона
Он верных вел в последний бой
И мстил за лилии Бурбона.

Пред ним мятежных гром гремел,
Текли вослед щиты кровавы;
Грозой он в бранной мгле летел
И разливал блистанье славы.

Его текла младая кровь,
На нем сияет язва чести:
Венчай, венчай его любовь!
Достойный был он воин мести.

Сон

Отрывок

Пускай поэт с кадильницей наемной
Гоняется за счастьем и молвой,
Мне страшен свет, проходит век мой темный
В безвестности, заглохшею тропой.
Пускай певцы гремящими хвалами
Полубогам бессмертие дают,
Мой голос тих, и звучными струнами
Не оглашу безмолвия приют.
Пускай любовь Овидии поют,
Мне не дает покоя Цитерея,
Счастливых дней амуры мне не вьют.
Я сон пою, бесценный дар Морфея,
И научу, как должно в тишине
Покоиться в приятном, крепком сне.

Приди, о Лень! приди в мою пустыню.
Тебя зовут прохлада и покой;
В одной тебе я зрю свою богиню;
Готово всё для гостьи молодой.
Всё тихо здесь; докучный шум укрылся
За мой порог; на светлое окно
Прозрачное спустилось полотно,
И в темный ниш, где сумрак воцарился,

Чуть крадется неверный свет дневной.
Вот мой диван. Приди ж в обитель мира;
Царицей будь, я пленник ныне твой.
Всё, всё твое: вот краски, кисть и лира,—
Учи меня, води моей рукой.

А вы, друзья моей прелестной музы,
Которыми любви забыты узы,
Которые владычеству земли,
Конечно б, сон спокойный предпочли,
О мудрецы! дивиться вам умея,
Для вас одних я ныне трон Морфея
Поэзии цветами обовью,
Для вас одних блаженство воспою.
Внемлите же с улыбкой снисхожденья
Моим стихам, урокам наслажденья.

В назначенный природой неги час
Хотите ли забыться каждый раз
В ночной тиши, средь общего молчанья,
В объятиях игривого мечтанья?
Спешите же под сельской мирный кров,
Там можно жить и праздно и беспечно,
Там прямо рай; но прочь от городов,
Где крик и шум ленивцев мучит вечно.
Согласен я: в них можно целый день
С прелестницей ловить веселья тень;
В платок зевать, блистая в модном свете;
На бале в ночь вертеться на паркете,
Но можно ли вкушать отраду снов?
Настала тень, — уснуть лишь я готов,
Обманутый призраками ночными,
И вот уже, при свете фонарей,
На бешеной четверке лошадей,
Стуча, гремя колесами златыми,
Катится *Спесь* под окнами моими.
Я дремлю вновь, вновь улица дрожит —
На скучный бал *Рассеянье* летит...
О боже мой! ужели здесь ложатся,
Чтобы всю ночь бессонницей терзаться?

Еще стучат, а там уже светло,
И где мой сон? не лучше ли в село?
Там рощица листочков трепетаньем,
В лугу поток таинственным журчаньем,
Златых полей, долины тишина:
В деревне всё к томленью клонит сна.
О сладкой сон, ничем не возмущенный!
Один петух, зарею пробужденный,
Свой резкой крик подымет, может быть;
Опасен он — он может разбудить.
Итак, пускай, в сералях удаленны,
Султаны кур гордятся заключенны
Иль поселян сзывают на поля:
Мы спать хотим, любезные друзья.
Стократ блажен, кто может сном забыться
Вдали столиц, карет и петухов!
Но сладостью веселой ночи снов
Не думайте вы даром насладиться
Средь мирных сел, без всякого труда.
Что ж надобно?—Движенье, господа!

Похвальна лень, но есть всему пределы.
Смотрите: Клит, в подушках поседелый,
Размученный, изнеженный, больной,
Весь век сидит с подагрой и тоской.
Наступит день: несчастный задыхаясь,
Кряхтя, ползет с постели на диван;
Весь день сидит; когда ж ночной туман
Подернет свет, во мраке расстилаясь,
С дивана Клит к постеле поползет.
И как же ночь несчастный проведет?
В покойном сне, в приятном сновиденье?
Нет! сон ему не радость, а мученье;
Не маками, тяжелою рукой
Ему Морфей закроет томны очи,
И медленной проходят чередой
Для бедного часы угрюмой ночи.
Я не хочу, как общий друг Бершу,
Предписывать вам тяжкие движенья:
Упрямый плуг, охоты наслажденья.

Нет, в рощи я ленивца приглашу:
Друзья мои, как утро здесь прекрасно!
В тиши полей, сквозь тайну сень дубрав,
Как юный день сияет гордо, ясно!
Светлеет всё; друг друга перегнав,
Журчат ручьи, блестят брега безмолвны;
Еще роса над свежей муравой;
Златых озер недвижно дремлют волны.
Друзья мои! возьмите посох свой,
Идите в лес, бродите по долине,
Крутых холмов устаньте на вершине,
И в долгу ночь глубок ваш будет сон.

Как только тень оденет небосклон,
Пускай войдет отрада жизни нашей,
Веселья бог с широкой, полной чашей,
И царствуй, Вакх, со всем двором своим.
Умеренно пируйте, други, с ним:
Стакана три шипящими волнами
Румяных вин налейте вы полней;
Но толстый Ком с надутыми щеками,
Не приходи стучаться у дверей.
Я рад ему, но только за обедом,
И дружески я в полдень уберу
Его дары; но, право, ввечеру
Гораздо я дружней с его соседом.
Не ужинать — святой тому закон,
Кому всего дороже легкий сон.
Брегитесь вы, о дети мудрой лени!
Обманчивой успокоенья тени.
Не спите днем: о горе, горе вам,
Когда дремать привыкли по часам!
Что ваш покой? бесчувствие глубоко.
Сон истинный от вас уже далеко.
Не знаете веселой вы мечты;
Ваш целый век — несносное томленье,
И скучен сон, и скучно пробужденье,
И дни текут средь вечной темноты.

Но ежели в глуши, близ водопада,
Что под горой клокочет и кипит,

Прелестный сон, усталости награда,
При шуме волн на дикой брег слетит,
Покроет взор туманной пеленою,
Обнимет вас, и тихою рукою
На мягкой мох преклонит, осенит:
О! сладостно близ шумных вод забвенье.
Пусть долее продлится ваш покой,
Завидно мне счастливца наслажденье.

Случалось ли ненастной вам порой
Дня зимнего, при позднем, тихом свете,
Сидеть одним, без свечки в кабинете:
Всё тихо вкруг; березы больше нет;
Час-от-часу темнеет окон свет;
На потолке какой-то призрак бродит;
Бледнеет угль, и синеватый дым,
Как легкий пар, в трубу виясь уходит;
И вот, жезлом невидимым своим
Морфей на всё неверный мрак наводит.
Темнеет взор; „Кандид“ из ваших рук,
Закрывшися, упал в колени вдруг;
Вздохнули вы; рука на стол валится,
А голова с плеча на грудь катится,
Вы дремлете! над вами мира кров:
Нежданный сон приятней многих снов!

Душевных мук волшебный исцелитель,
Мой друг Морфей, мой давний утешитель!
Тебе всегда я жертвовать любил,
И ты жреца давно благословил:
Забуду ли то время золотое,
Забуду ли блаженный неги час,
Когда, в углу под вечер притаясь,
Я призывал и ждал тебя в покое...
Я сам не рад болтливости своей,
Но детских лет люблю воспоминанье.
Ах! умолчу ль о мамушке моей,
О прелести таинственных ночей,
Когда в чепце, в старинном одеянье,
Она, духов молитвой уклоня,

С усердием перекрестит меня
И шопотом рассказывать мне станет
О мертвецах, о подвигах Бовы...
От ужаса не шелохнусь бывало,
Едва дыша, прижмусь под одеяло,
Не чувствуя ни ног, ни головы.
Под образом простой ночник из глины
Чуть освещал глубокие морщины,
Драгой антик, прабабушкин чепец
И длинный рот, где зуба два стучало,—
Всё в душу страх невольный поселяло.
Я трепетал и—тихо наконец
Томленье сна на очи упадало.
Тогда толпой с лазурной высоты
На ложе роз крылатые мечты,
Волшебники, волшебницы слетали,
Обманами мой сон обворожали.
Терялся я в порыве сладких дум;
В глуши лесной, средь муромских пустыней
Встречал лихих Полканов и Добрыней,
И в вымыслах носился юный ум...

Но вы прошли, о ночи безмятежны!
И юности уж возраст наступил...
О дайте мне Альбана кисти нежны,
И я мечту младой любви вкусил.
И где ж она? Восторгами родилась,
И в тот же миг восторгом истребилась.
Проснулся я; ищу на небе день,
Но всё молчит; луна во тьме сокрылась,
И вкруг меня глубокой ночи тень.
Но сон мой тих! Беспечный сын Парнаса,
В ночной тиши я с рифмою не бьюсь,
Не вижу ввек ни Феба, ни Пегаса,
Ни старый двор каких-то старых муз.

Я не герой, по лаврам не тоскую;
Спокойствием и негой не торгую,
Не чудится мне ночью грозный бой;
Я не богач — и лаем пес привратный

Не возмущал мечты моей приятной;
Я не злодей, с волненьем и тоской
Не зрю во сне кровавых привидений,
Убийственных детей предрассуждений,
И в поздний час ужасный бледный *Страх*
Не хмурится угрюмо в головах.

Кж. В. М. Волконской

On peut très bien, mademoiselle,
Vous prendre pour une maquerelle,
Ou pour une vieille guenon,
Mais pour une grâce, — oh, mon dieu, non.*

Экспромпт на Огареву

В молчаньи пред тобой сижу.
Напрасно чувствую мученье,
Напрасно на тебя гляжу:
Того уж верно не скажу,
Что говорит воображенье.

---

* <Mademoiselle! Вас отлично можно
Принять за сводню,
Либо за старую шкуру,
Но за грацию — конечно, нет.>

Наездники

Глубокой ночи на полях
Давно лежали покрывала,
И слабо в бледных облаках
Звезда пустынная сияла.
При умирающих огнях,
В неверной темноте тумана,
Безмолвно два стояли стана
На помраченных высотах.
Всё спит; лишь волн мятежный ропот
Разносится в тиши ночной,
Да слышен из дали глухой
Булата звон и конской топот.
Толпа наездников младых
В дубраве едет молчаливой.
Дрожат и пышут кони их,
Главой трясут нетерпеливой.
Уж полем всадники спешат,
Дубравы кров покинув зыбкой,
Коней ласкают и смирят
И с гордой шепчутся улыбкой.
Их лица радостью горят,
Огнем пылают гневны очи;
Лишь ты, воинственный поэт,
Уныл, как сумрак полуночи,
И бледен, как осенний свет.
С главою, мрачно преклоненной,
С укрытой горестью в груди,
Печальной думой увлеченный,
Он едет молча впереди.

„Певец угрюмый, что с тобою?
Один пред боем ты уныл;
Поник бесстрашною главою,
Бразды и саблю опустил!
Ужель, невольник праздной неги,

Отрадней мир душе твоей,
Чем наши бурные набеги
И ночью бранный стук мечей?
Стезя войны пускай опасна,
Завиден гордый наш удел.
Тебе ли ныне смерть ужасна?
Ты ввек средь боев не бледнел.
Тебя мы зрели под мечами
С спокойным, дерзостным челом,
Всегда меж первыми рядами,
Всё там, где битвы падал гром.
С победным съединяясь кликом,
Твой голос нашу славу пел —
А ныне ты в уныньи диком,
Как беглый ратник, онемел".

Но медленно певец печальный
Главу и взоры приподнял,
Взглянул угрюмо в сумрак дальный
И вздохом грудь поколебал.

„Глубокой сон в долине бранной;
Одни мы мчимся в тьме ночной,
Предчувствую конец желанный!
Меня зовет последний бой!
Расторгну цепь судьбы жестокой,
Влечу я с братьями в огонь,
Влечу грозой! — и одинокой
В долину выбежит мой конь.

О вы, которым здесь со мною
Предел могильный положен,
Скажите: милая слезою
Ваш усладит ли долгой сон?
Но для меня никто не дышит,
Меня настигнет тишина...
Эльвина смерти весть услышит
И втайне не вздохнет она.

А вы, хранимые судьбами
Для счастья жизненных отрад,

Пускай любовницы слезами
Благословится ваш возврат!
За чашей сладкого спасенья,
О братья! вспомните певца,
Его любовь, его мученья
И славу грозного конца!“

Окно

Недавно темною порою,
Когда пустынная луна
Текла туманною стезею,
Я видел — дева у окна
Одна задумчиво сидела,
Дышала в тайном страхе грудь,
Она с волнением глядела
На темный под холмами путь.

9 „Я здесь!“ — шепнули торопливо.
И дева трепетной рукой
Окно открыла боязливо...
Луна покрылась темнотой.
„Счастливец! — молвил я с тоскою: —
Тебя веселье ждет одно.
Когда ж вечернею порою
И мне откроется окно?“

Элегия

Счастлив, кто в страсти сам себе
Без ужаса признаться смеет;
Кого в неведомой судьбе
Надежда робкая лелеет;
Кого луны туманный луч
Ведет в полночи сладострастной;
Кому тихонько верный ключ
Отворит дверь его прекрасной!
Но мне в унылой жизни нет
Отрады тайных наслаждений;
Увял надежды ранний цвет:
Цвет жизни сохнет от мучений!
Печально младость улетит,
Услышу старости угрозы,
Но я, любовью позабыт,
Моей любви забуду ль слезы!

Месяц

Зачем из облака выходишь,
Уединенная луна,
И на подушки, сквозь окна,
Сиянье тусклое наводишь?
Явленьем пасмурным своим
Ты будишь грустные мечтанья,
Любви напрасные страданья
И, гордым разумом моим
Чуть усыпленные, желанья.
Летите прочь, воспоминанья!
Засни, несчастная любовь!
Уж не бывать той ночи вновь,
Когда спокойное сиянье

Твоих таинственных лучей
Сквозь темный ясень проницало
И бледно, бледно озаряло
Красу любовницы моей.
Что вы, восторги сладострастья,
Пред тайной прелестью отрад
Прямой любви, прямого счастья?
Примчатся ль радости назад?
Почто, минуты, вы летели
Тогда столь быстрой чередой?
И тени легкие редели
Пред неожиданной зарей?
Зачем ты, месяц, укатился
И в небе светлом утонул?
Зачем луч утренний блеснул?
Зачем я с милою простился?

Певец

Слыхали ль вы за рощей глас ночной
Певца любви, певца своей печали?
Когда поля в час утренний молчали,
Свирели звук унылый и простой —
Слыхали ль вы?

Встречали ль вы в пустынной тьме лесной
Певца любви, певца своей печали?
Прискорбную ль улыбку замечали,
Иль тихий взор, исполненный тоской,—
Встречали вы?

Вздохнули ль вы, внимая тихой глас
Певца любви, певца своей печали?
Когда в лесах вы юношу видали,
Встречая взор его потухших глаз —
Вздохнули ль вы?

К сну

Знакомец милый и старинный,
О сон, хранитель добрый мой!
Где ты? Под кровлею пустынной
Мне ложе стелет уж покой
В безмолвной тишине ночной.
Приди, задуй мою лампаду,
Мои мечты благослови,
До утра только дай отраду
Моей мучительной любви.
Сокрой от памяти унылой
Разлуки грустный приговор,
Пускай увижу милый взор,
Пускай услышу голос милый.
Когда ж умчится ночи мгла,
И ты мои покинешь очи, —
О, если бы душа могла
Забыть любовь до новой ночи.

Слово милой

Я Лилу слушал у клавира;
Ее прелестный, томный глас
Волшебной грустью нежит нас,
Как ночью веянье зефира.
Упали слезы из очей,
И я сказал певице милой:
„Волшебен голос твой унылый,
Но слово милыя моей
Волшебней нежных песен Лилы“.

К Жуковскому

Благослови, поэт!.. В тиши парнасской сени
Я с трепетом склонил пред музами колени:
Опасною тропой с надеждой полетел,
Мне жребий вынул Феб, и лира мой удел.
Страшусь, неопытный, бесславного паденья,
Но пылкого смирить не в силах я влеченья,
Не грозный приговор на гибель внемлю я:
Сокрытого в веках священный судия,*
Страж верный прошлых лет, наперсник Муз любимый
И бледной зависти предмет неколебимый
Приветливым меня вниманьем ободрил;
И Дмитрев слабый дар с улыбкой похвалил;
И славный старец наш, царей певец избранный,**
Крылатым гением и грацией венчанный,
В слезах обнял меня дрожащею рукой
И счастье мне предрек, незнаемое мной.
А ты, природою на песни обреченный!
Не ты ль мне руку дал в завет любви священный?
Могу ль забыть я час, когда перед тобой
Безмолвный я стоял, и молненной струей
Душа к возвышенной душе твоей летела
И, тайно съединясь, в восторгах пламенела.
Нет, нет! решился я — без страха в трудный путь,
Отважной верою исполнилася грудь.
Творцы бессмертные, питомцы вдохновенья!..
Вы цель мне кажете в туманах отдаленья,
Лечу к *безвестному* отважною мечтой,
И, мнится, гений ваш промчался надо мной!

Но что? Под грозною парнасскою скалою
Какое зрелище открылось предо мною?
В ужасной темноте пещерной глубины
Вражды и Зависти угрюмые сыны,
Возвышенных творцов зоилы записные

* Карамзин.
** Державин.

Сидят — Бессмыслицы дружины боевые.
Далеко диких лир несется резкой вой,
Варяжские стихи визжит варягов строй.
Смех общий им ответ; над мрачными толпами
Во мгле два призрака склонилися главами. —
Один на груды сел и прозы и стихов —
Тяжелые плоды полунощных трудов,
Усопших од, поэм забвенные могилы!
С улыбкой внемлет вой стопосложитель хилый:
Пред ним растерзанный стонает Тилимах;
Железное перо скрыпит в его перстах
И тянет за собой гекзаметры сухие,
Спондеи жесткие и дактилы тугие.
Ретивой Музою прославленный певец,
Гордись — ты Мевия надутый образец!
Но кто другой, в дыму безумного куренья,
Стоит среди толпы друзей непросвещенья?
Торжественной хвалы к нему несется шум:
Он, он под рифмою попрал и Вкус и Ум;
Ты ль это, слабое дитя чужих уроков,
Завистливый гордец, холодный Сумароков,
Без силы, без огня, с посредственным умом,
Предрассуждениям обязанный венцом
И с Пинда сброшенный и проклятый Расином?
Ему ли, карлику, тягаться с исполином?
Ему ль оспоривать тот лавровый венец,
В котором возблистал бессмертный наш певец,
Веселье россиян, полунощное диво?..*
Нет! в тихой Лете он потонет молчаливо,
Уж на челе его забвения печать,
Предбудущим векам что мог он передать?
Страшилась грация цинической свирели,
И персты грубые на лире костенели.
Пусть будет Мевием в речах превознесен —
Явится Депрео, исчезнет Шапелен.

И что ж? всегда смешным останется смешное;
Невежду пестует Невежество слепое.

* Ломоносов.

Оно сокрыло их во мрачный свой приют;
Там прозу и стихи отважно все куют,
Там все враги Наук, все глухи — лишь не немы,
Те слогом Никона печатают поэмы,
Одни славянских од громады громоздят,
Другие в бешеных трагедиях хрипят,
Тот, верный своему мятежному союзу,
На сцену возведя зевающую Музу,
Бессмертных гениев сорвать с Парнаса мнит.
Рука содрогнулась, удар его скользит,
Вотще бросается с завистливым кинжалом,
Куплетом ранен он, низвержен в прах журналом,
При свистах критики к собратьям он бежит...
И маковый венец Феспису ими свит.
Все, руку положив на том „Телемахиды“,
Клянутся отомстить сотрудников обиды,
Волнуясь восстают неистовой толпой.
Беда, кто в свет рожден с *чувствительной* душой!
Кто тайно мог пленить красавиц нежной лирой,
Кто смело просвистал шутливою сатирой,
Кто выражается правдивым языком
И русской Глупости не хочет бить челом!..
Он враг Отечества, он сеятель разврата!
И речи сыплются дождем на сопостата.

И вы восстаньте же, парнасские жрецы,
Природой и трудом воспитанны певцы
В счастливой ереси и Вкуса и Ученья,
Разите дерзостных друзей Непросвещенья.
Отмститель гения, друг истины, поэт!
Лиющая с небес и жизнь и вечный свет,
Стрелою гибели десница Аполлона
Сражает наконец ужасного Пифона.
Смотрите: поражен враждебными стрелами,
С потухшим факелом, с недвижными крылами
К вам Озерова дух взывает: други! месть!..
Вам оскорбленный вкус, вам Знанья дали весть,
Летите на врагов: и Феб и Музы с вами!
Разите варваров кровавыми стихами;

Невежество, смирясь, потупит хладный взор,
Спесивых риторов безграмотный собор...

Но вижу: возвещать нам истины опасно,
Уж Мевий на меня нахмурился ужасно,
И смертный приговор талантам возгремел.
Гонения терпеть ужель и мой удел?
Что нужды? смело *вдаль*, дорогою прямою,
Ученью руку дав, поддержанный тобою,
Их злобы не страшусь; мне твердый Карамзин,
Мне ты пример. Что крик безумных сих дружин?
Пускай беседуют отверженные Феба;
Им прозы, ни стихов не послан дар от неба.
Их слава — им же стыд; творенья — смех уму;
И в тьме возникшие низвергнутся во тьму.

Осеннее утро

Поднялся шум; свирелью полевой
Оглашено мое уединенье,
И с образом любовницы драгой
Последнее слетело сновиденье.
С небес уже скатилась ночи тень,
Взошла заря, блистает бледный день —
А вкруг меня глухое запустенье...
Уж нет ее... я был у берегов,
Где милая ходила в вечер ясный;
На берегу, на зелени лугов
Я не нашел чуть видимых следов,
Оставленных ногой ее прекрасной.
Задумчиво бродя в глуши лесов,
Произносил я имя несравненной;
Я звал ее, — и глас уединенный
Пустых долин позвал ее вдали.
К ручью пришел, мечтами привлеченный;
Его струи медлительно текли,
Не трепетал в них образ незабвенный.
Уж нет ее!.. До сладостной весны
Простился я с блаженством и с душою.

Уж осени холодною рукою
Главы берез и лип обнажены,
Она шумит в дубравах опустелых;
Там день и ночь кружится желтый лист,
Стоит туман на волнах охладелых,
И слышится мгновенный ветра свист.
Поля, холмы, знакомые дубравы!
Хранители священной тишины!
Свидетели моей тоски, забавы!
Забыты вы... до сладостной весны!

Разлука

Когда пробил последний счастью час,
Когда в слезах над бездной я проснулся,
И, трепетный, уже в последний раз
К руке твоей устами прикоснулся —
Да! помню всё; я сердцем ужаснулся,
Но заглушал несносную печаль;
Я говорил: „Не вечная разлука
Все радости уносит ныне вдаль.
Забудемся, в мечтах потонет мука;
Уныние, губительная скука
Пустынника приют не посетят;
Мою печаль усладой Муза встретит;
Утешусь я — и дружбы тихой взгляд
Души моей холодный мрак осветит“.

Как мало я любовь и сердце знал!
Часы идут, за ними дни проходят,
Но горестям отрады не приводят,
И не несут забвения фиал.
О милая, повсюду ты со мною:
Но я уныл и втайне я грущу.
Блеснет ли день за синею горою,
Взойдет ли ночь с осеннею луною —
Я всё тебя, прелестный друг, ищу;
Засну ли я, лишь о тебе мечтаю,
Одну тебя в неверном вижу сне;

Задумаюсь — невольно призываю,
Заслушаюсь — твой голос слышен мне.
Рассеянный сижу между друзьями,
Невнятен мне их шумный разговор,
Гляжу на них недвижными глазами,
Не узнает уж их мой хладный взор!

И ты со мной, о лира, приуныла,
Наперсница души моей больной!
Твоей струны печален звон глухой
И лишь любви ты голос не забыла!..
О верная, грусти, грусти со мной,
Пускай твои небрежные напевы
Изобразят уныние мое,
И, слушая бряцание твое,
Пускай вздохнут задумчивые девы.

* * *

Любовь одна — веселье жизни хладной,
Любовь одна — мучение сердец.
Она дарит один лишь миг отрадный,
А горестям не виден и конец.
Стократ блажен, кто в юности прелестной
Сей быстрый миг поймает на лету;
Кто к радостям и неге неизвестной
Стыдливую преклонит красоту!

Но кто любви не жертвовал собою?
Вы, чувствами свободные певцы!
Пред милыми смирялись вы душою,
Вы пели страсть — и гордою рукою
Красавицам несли свои венцы.
Слепой Амур, жестокий и пристрастный,
Вам терния и мирты раздавал;
С пермесскими царицами согласный,
Иным из вас на радость указал;
Других навек печалями связал,
И в дар послал огонь любви несчастной.

Наследники Тибулла и Парни!
Вы знаете бесценной жизни сладость;
Как утра луч, сияют ваши дни.
Певцы любви! младую пойте радость,
Склонив уста к пылающим устам,
В объятиях любовниц умирайте;
Стихи любви тихонько воздыхайте!..
Завидовать уже не смею вам.

Певцы любви! вы ведали печали,
И ваши дни по терниям текли;
Вы свой конец с волненьем призывали;
Пришел конец, и в жизненной дали
Не зрели вы минутную забаву;
Но, не нашед блаженства ваших дней,
Вы встретили по крайней мере славу,
И мукою бессмертны вы своей!

Не тот удел судьбою мне назначен:
Под сумрачным навесом облаков,
В глуши долин, в печальной тьме лесов,
Один, один брожу уныл и мрачен.
В вечерний час над озером седым
В тоске, слезах нередко я стенаю;
Но ропот волн стенаниям моим
И шум дубрав в ответ лишь я внимаю.
Прервется ли души холодный сон,
Поэзии зажжется ль упоенье, —
Родится жар, и тихо стынет он:
Бесплодное проходит вдохновенье.
Пускай она прославится другим,
Один люблю, — он любит и любим!..
Люблю, люблю!.. но к ней уж не коснется
Страдальца глас; она не улыбнется
Его стихам небрежным и простым.
К чему мне петь? под кленом полевым
Оставил я пустынному зефиру
Уж навсегда покинутую лиру,
И слабый дар, как легкий скрылся дым.

Элегия

Я видел смерть; она в молчаньи села
У мирного порогу моего;
Я видел гроб; открылась дверь его;
Душа, померкнув, охладела...
Покину скоро я друзей,
И жизни горестной моей
Никто следов уж не приметит;
Последний взор моих очей
Луча бессмертия не встретит,
И погасающий светильник юных дней
Ничтожества спокойный мрак осветит.
. . . .
Прости, печальный мир, где темная стезя
Над бездной для меня лежала,
Где вера тихая меня не утешала,
Где я любил, где мне любить нельзя!

Прости, светило дня, прости, небес завеса,
Немая ночи мгла, денницы сладкий час,
Знакомые холмы, ручья пустынный глас,
Безмолвие таинственного леса,
И всё... прости в последний раз.

А ты, которая была мне в мире богом,
Предметом тайных слез и горестей залогом,
Прости! минуло всё... Уж гаснет пламень мой,
Схожу я в хладную могилу,
И смерти сумрак роковой
С мученьями любви покроет жизнь унылу.

А вы, друзья, когда лишенный сил,
Едва дыша, в болезненном бореньи,
Скажу я вам: „О други! я любил!..“
И тихой дух умрет в изнеможеньи,
Друзья мои, — тогда подите к ней;
Скажите: взят он вечной тьмою...
И, может быть, об участи моей
Она вздохнет над урной гробовою.

Желание

Медлительно влекутся дни мои,
И каждый миг в унылом сердце множит
Все горести несчастливой любви
И все мечты безумия тревожит.
Но я молчу; не слышен ропот мой;
Я слезы лью; мне слезы утешенье;
Моя душа, плененная тоской,
В них горькое находит наслажденье.
О жизни час! лети, не жаль тебя,
Исчезни в тьме, пустое привиденье;
Мне дорого любви моей мученье
Пускай умру, но пусть умру любя!

Друзьям

К чему, веселые друзья,
Мое тревожить вам молчанье?
Запев последнее прощанье,
Уж Муза смолкнула моя.
Напрасно лиру брал я в руки
Бряцать веселье на пирах
И на ослабленных струнах
Искал потерянные звуки...
Богами вам еще даны
Златые дни, златые ночи,
И на любовь устремлены
Огнем исполненные очи;
Играйте, пойте, о друзья,
Утратьте вечер скоротечный,
И вашей радости беспечной
Сквозь слезы улыбнуся я,

Элегия

Я думал, что любовь погасла навсегда,
Что в сердце злых страстей умолкнул глас
мятежный,
Что дружбы наконец отрадная звезда
Страдальца довела до пристани надежной.
Я мнил покоиться близ верных берегов,
Уж издали смотреть, указывать рукою
На парус бедственный пловцов,
Носимых яростной грозою.
И я сказал: „Стократ блажен,
Чей век, свободный и прекрасный,
Как век весны промчался ясной
И страстью не был омрачен,
Кто не страдал в любви напрасной,
Кому неведом грустный плен.
Блажен! но я блаженней боле.
Я цепь мученья разорвал,
Опять я дружбе... я на воле,
И жизни сумрачное поле
Веселый блеск очаровал!"
Но что я говорил... несчастный!
Минуту я заснул в неверной тишине,
Но мрачная любовь таилася во мне,
Не угасал мой пламень страстный.
Весельем позванный в толпу друзей моих,
Хотел на прежний лад настроить резву лиру,
Хотел еще воспеть прелестниц молодых,
Веселье, Вакха и Дельфиру.
Напрасно!.. я молчал; усталая рука
Лежала, томная, на лире непослушной,
Я всё еще горел — и в грусти равнодушной
На игры младости взирал издалека.
Любовь, отрава наших дней,
Беги с толпой обманчивых мечтаний.
Не сожигай души моей,
Огонь мучительных желаний.

Летите, призраки... Амур, уж я не твой,
Отдай мне радости, отдай мне мой покой...
Брось одного меня в бесчувственной природе,
Иль дай еще летать надежды на крылах,
Позволь еще заснуть и в тягостных цепях
Мечтать о сладостной свободе.

Наслажденье

В неволе скучной увядает
Едва развитый жизни цвет,
Украдкой младость отлетает,
И след ее — печали след.
С минут бесчувственных рожденья
До нежных юношества лет
Я всё не знаю наслажденья,
И счастья в томном сердце нет.

9 С порога жизни в отдаленье
Нетерпеливо я смотрел:
„Там, там, — мечтал я, — наслажденье!"
Но я за призраком летел.
Златые крылья развивая,
Волшебной нежной красотой
Любовь явилась молодая
И полетела предо мной.

17 Я вслед... но цели отдаленной,
Но цели милой не достиг!..
Когда ж весельем окриленный
Настанет счастья быстрый миг?
Когда в сияньи возгорится
Светильник тусклый юных дней,
И мрачный путь мой озарится
Улыбкой спутницы моей?

Истина

Издавна мудрые искали
Забытых Истины следов
И долго, долго толковали
Давнишни толки стариков.
Твердили: „Истина нагая
В колодезь убралась тайком“,
И, дружно воду выпивая,
Кричали: „Здесь ее найдем!“

Но кто-то, смертных благодетель
(И чуть ли не старик Силен),
Их важной глупости свидетель,
Водой и криком утомлен,
Оставил невидимку нашу,
Подумал первый о вине
И, осушив до капли чашу,
Увидел Истину на дне.

На Пучкову

Зачем кричишь ты, что ты *дева*
На каждом девственном стихе?
О, вижу я, певица Ева,
Хлопочешь ты об женихе.

Дяде, назвавшему сочинителя братом

Я не совсем еще рассудок потерял
От рифм бахических — шатаясь на Пегасе —
Я не забыл себя, хоть рад, хотя не рад.
Нет, нет — вы мне совсем не брат;
Вы дядя мне и на Парнасе.

К Маше

Вчера мне Маша приказала
В куплеты рифмы набросать,
И мне в награду обещала
Спасибо в прозе написать.

Спешу исполнить приказанье;
Года не смеют погодить:
Еще семь лет — и обещанье
Ты не исполнишь, может быть.

Вы чинно, молча, сложа руки,
В собраньях будете сидеть
И, жертвуя богине скуки,
С воксала в маскерад лететь —

И уж не вспомните поэта!..
О Маша, Маша, поспеши,
И за четыре мне куплета
Мою награду напиши!

Заздравный кубок

Кубок янтарный
Полон давно —
Пеною парной
Блещет вино;
Света дороже
Сердцу оно.
Ну! за кого же
Выпью вино?

Пейте за славу,
Славы друзья!
Браней забаву

Любит не я.
Это веселье
Не веселит,
Дружбы похмелье
Грома бежит.

17 Вы, Геликона
Давни жильцы!
За Аполлона
Пейте, певцы!
Резвой Камены
Ласки — беда;
Ток Ипокрены,
Други, вода.

25 Пейте за радость
Юной любви —
Скроется младость,
Дети мои...
Кубок янтарный
Полон давно.
Я — благодарный
Пью за вино.

Послание Лиде

Тебе, наперсница Венеры,
Тебе, которой Купидон
И дети резвые Цитеры
Украсили цветами трон,
Которой нежные примеры,
Улыбка, взоры, нежный тон
Красноречивей, чем Вольтеры,
Нам проповедуют закон
И Аристиппов, и Глицеры,—
Тебе приветливый поклон,
Любви венок и лиры звон.
Презрев Платоновы химеры,
Твоей я святостью спасен,
И стал апостол мудрой веры
Анакреонов и Нинон:
Всего... но лишь известной меры.
Я вижу: хмурится Зенон,
И вся его седая свита:
И мудрый друг вина Катон,
И скучный раб Эпафродита,
Сенека, даже Цицерон
Кричат: „Ты лжешь, профан! мученье —
Прямое смертных наслажденье!"
Друзья, согласен: плач и стон
Стократ, конечно, лучше смеха;
Терпеть — великая утеха;
Совет ваш вовсе не смешон;
Но мне он, слышите ль, не нужен,
Затем, что слишком он мудрен;
Дороже мне хороший ужин
Философов трех целых дюжин;
Я вами, право, не прельщен.
Собор угрюмый рассержен.
Но пусть кричат на супостата,
Их спор — лишь времени утрата:

Кто их примером обольщен?
Люблю я доброго Сократа!
Он в мире жил, он был умен;
С своею важностью притворной
Любил пиры, театры, жен;
Он, между прочим, был влюблен
И у Аспазии в уборной
(Тому свидетель сам Платон),
Невольник робкий и покорный,
Вздыхал частёхонько в хитон,
И ей с улыбкою придворной
Шептал: „Всё призрак, ложь и сон:
И мудрость, и народ, и слава.
Что ж истинно? Одна забава,
Поверь: одна любовь не сон!“
Так ладан жег прекрасной он,
И ею... бедная Ксантиппа!
Твой муж, совместник Аристиппа,
Бывал до неба вознесен.
Меж тем, на милых грозно лая,
Злой циник, негу презирая,
Один, всех радостей лишен,
Дышал от мира отлучен.
Но с бочкой странствуя пустою
Вослед за мудростью слепою,
Пустой чудак был ослеплен;
И воду черпая рукою,
Не мог зачерпнуть счастья он.

Амур и Гименей

Сказка

Сегодня, добрые мужья,
Повеселю вас новой сказкой.
Знавали ль вы, мои друзья,
Слепого мальчика с повязкой?
Слепого?.. вот! помилуй, Феб!
Амур совсем, друзья, не слеп,
Но шалости — его забавы:
Ему хотелось — о лукавый! —
Чтоб, людям на смех и на зло,
Его дурачество вело.
Дурачество ведет Амура;
Но скоро богу моему
Наскучила богиня дура,
Не знаю верно почему.
Задумал новую затею:
Повязку с милых сняв очей,
Идет проказник к Гименею...
А что такое Гименей?
Он из Кипридиных детей,
Бедняжка, дряхлый и ленивый,
Холодный, грустный, молчаливый,
Ворчит и дремлет целый век,
И впрочем — добрый человек,
Да нрав имеет он ревнивый.
От ревности печальный бог
Спокойно и заснуть не мог;
Всё трусил маленького брата,
За ним подсматривал тайком
И караулил сопостата,
Шатаясь вечно с фонарем.
Вот мальчик мой к нему подходит
И речь коварную заводит:
„Помилуй, братец Гименей!

Что это? Я стыжусь, любезный,
И нашей ссоры бесполезной,
И вечной трусости твоей;
Ну, помиримся, будь умней;
Забудем наш раздор постылый,
Но только навсегда — смотри!
Возьми ж повязку в память, милый,
А мне фонарь свой подари".
И что ж? Поверил бог унылый;
Амур от радости прыгнул,
И на глаза со всей он силы
Обнову брату затянул.
С тех пор таинственные взоры
Не страшны больше красотам,
Не страшны грустные дозоры,
Ни пробужденья по ночам.
Спокоен он, но брат коварный,
Шутя над честью и над ним,
Войну ведет, неблагодарный,
С своим союзником слепым.
Лишь сон на смертных налетает,
Амур в молчании ночном
Фонарь любовнику вручает
И сам счастливца провождает
К уснувшему супругу в дом;
Сам от беспечного Гимена
Он охраняет тайну дверь...
Пожалуйста, мой друг Елена,
Премудрой повести поверь!

Фиал Анакреона

Когда на поклоненье
Ходил я в древний Пафос,
Поверьте мне, я видел
В уборной у Венеры
Фиал Анакреона.
Он Вакхом был наполнен
Светлеющею влагой;
Кругом висели розы,
Зеленый плющ и мирты,
Сплетенные рукою
Царицы наслаждений.
На краюшке я видел
Коварного Амура;
Смотрел он, пригорюнясь,
На пенистую влагу.
„Что смотришь ты, проказник,
На пенистую влагу? —
Спросил я Купидона: —
Скажи, что так утихнул?
Иль хочется зачерпнуть
Тебе вина златого,
Да ручка не достанет?“ —
„Нет, — отвечал малютка, —
Резвясь, я в это море
Колчан, и лук, и стрелы
Все бросил не нарочно,
А плавать не умею:
Вон, вон на дне блистают;
Ох, жалко мне — послушай,
Достань мне их оттуда!“ —
„О, нет, — сказал я богу: —
Спасибо, что упали;
Пускай там остаются“.

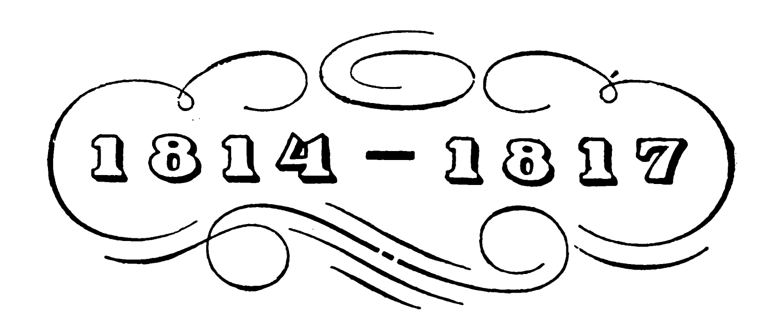
К Шишкову

Шалун, увенчанный Эратой и Венерой,
Ты ль узника манишь в владения свои,
В поместье мирное меж Пиндом и Цитерой,
Где нежился Шолье с Мелецким и Парни?
Тебе, балованный питомец Аполлона,
С их пеньем соглашать игривую свирель:
Веселье резвое и нимфы Геликона
Твою счастливую качали колыбель.
И ныне, в юности прекрасной,
С тобою верные сопутницы твои.
Бряцай, о трубадур, на арфе сладострастной
Мечтанье раннее любви,
Пой сердца юного кипящее желанье,
Красавицы твоей упорство, трепетанье,
Со груди сорванный завистливый покров,
Стыдливости последнее роптанье
И страсти торжество на ложе из цветов, —
Пой, в неге устремив на деву томны очи,
Ее волшебные красы,
В объятиях любви утраченные ночи —
Блаженства быстрые часы...
Мой друг, *она* — твоя, *она* — твоя награда,
Таинственной любви бесценная отрада!
Дерзну ль тебя я воспевать,
Когда гнетет меня страданье,
Когда на каждое мечтанье
Унынье черную кладет свою печать.
Нет, нет! Друзей любить открытою душою,
В молчаньи чувствовать, пленяться красотою —
Вот жребий мой: ему я следовать готов,
Покорствую судьбам, но сжалься надо мною,
Не требуй от меня стихов.
Не вечно нежиться в прелестном ослепленьи,
Уж хладной истины докучный вижу свет.

По доброте души я верил в упоеньи
Волшебнице-мечте, шепнувшей: ты поэт,
И, презря мудрости угрозы и советы,
С небрежной легкостью нанизывал куплеты,
Игрушкою себя невинной веселил;
Угодник Бахуса, с веселыми друзьями
Бывало пел вино водяными стихами,
В дурных стихах дурных писателей бранил,
Иль дружбе плел венок — и дружество зевало
И сонные стихи впросонках величало,
И даже, — каюсь я, — пустынник согрешил,
Я первой пел любви невинное начало,
Но так таинственно, с таким разбором слов,
С такою скромностью стыдливой,
Что, не краснея боязливо,
Меня бы выслушал и девственный К<озлов>.
Но скрылись от меня парнасские забавы!..
Не долго был я усыплен,
Не долго снились мне мечтанья муз и славы:
Я строгим *опытом* невольно пробужден.
Уснув меж розами, на тернах я проснулся, —
Увидел, что еще не гения печать —
Охота смертная на рифмах лепетать,
Сравнив стихи твои с моими, улыбнулся —
И полно мне писать.

Пробужденье

Мечты, мечты,
Где ваша сладость?
Где ты, где ты,
Ночная радость?
Исчезнул он,
Веселый сон,
И одинокой
Во тьме глубокой
Я пробужден!..
Кругом постели
Немая ночь;
Вмиг охладели,
Вмиг улетели
Толпою прочь
Любви мечтанья;
Еще полна
Душа желанья
И ловит сна
Воспоминанья.
Любовь, любовь!
Пусть упоенный,
Усну я вновь
Обвороженный,
И поутру
Вновь утомленный,
Пускай умру
Непробужденный!..

На гр. А. К. Разумовского

Ах! боже мой, какую
Я слышал весть смешную:
Разумник получил ведь ленту голубую.
— Бог с ним! я недруг никому:
Дай бог и царствие небесное ему.

К Делии

О Делия драгая!
Спеши, моя краса;
Звезда любви златая
Взошла на небеса;
Безмолвно месяц покатился;
Спеши — твой Аргус удалился,
И сон сомкнул его глаза.

8 Под сенью потаенной
Дубравной тишины,

Где ток уединенный
Сребристыя волны
Журчит с унылой Филомелой,
Готов приют любви веселый
И блеском освещен луны.

Накинут тени ночи
Покровы нам свои,
И дремлют сени рощи,
И быстро миг любви
Летит, — я весь горю желаньем,
Спеши, о Делия! свиданьем,
Спеши в объятия мои.

Делия

Ты ль передо мною,
Делия моя!
Разлучен с тобою —
Сколько плакал я!
Ты ль передо мною,
Или сон мечтою
Обольстил меня?

7 Ты узнала ль друга?
Он не то, что был,
Но тебя, подруга!
Всё ж не позабыл —
И твердит унылый:
„Я любим ли милой
Как бывало был?“

14 Что теперь сравнится
С долею моей!
Вот слеза катится
По щеке твоей —
Делия стыдится?..
Что теперь сравнится
С долею моей!

Твой и мой

Бог весть, за что философы, пииты
На *твой* и *мой* давным-давно сердиты.
Не спорю я с ученой их толпой,
Но и бранить причины не имею
То, что дарит мне радость и покой.
Что, ежели б ты не была *моею*?
Что, ежели б я не был, Ниса, *твой*?

Надпись к беседке

С благоговейною душой
Приблизься, путник молодой,
Любви к пустынному приюту.
Здесь ею счастлив был я раз —
В восторге пламенном погас,
И время самое для нас
Остановилось на минуту.

* * *

Вот Виля — он любовью дышет,
Он песни пишет зло,
Как Геркулес, сатиры пишет,
Влюблен, как Буало.

Эпиграмма

„Скажи, что нового“.—„Ни слова“.—
„Не знаешь ли, где, как и кто?“—
„О братец, отвяжись — я знаю только то,
Что ты дурак... но это уж не ново“.

* * *

„Больны вы, дядюшка? Нет мочи,
Как беспокоюсь я! Три ночи,
Поверьте, глаз я не смыкал“. —
„Да, слышал, слышал: в банк играл“.

На Пучкову

Пучкова, право, не смешна:
Пером содействует она
Благотворительным газет недельных видам,
Хоть в смех читателям, да в пользу инвалидам.

Сновидение

Недавно, обольщен прелестным сновиденьем,
В венце сияющем, царем я зрел себя;
Мечталось, я любил тебя —
И сердце билось наслажденьем.
Я страсть у ног твоих в восторгах изъяснял.
Мечты! ах! отчего вы счастья не продлили?
Но боги не всего теперь меня лишили:
Я только — царство потерял.

Погреб

О сжальтесь надо мною,
Товарищи друзья!
Красоткой удалою
Вконец измучен я.

Всечасно я тоскую,
Горька моя судьба,
Несите ж круговую,
Откройте погреба.

Там, там во льду хранится
Бутылок гордый строй,
И портера таится
Боченок выписной.

Нам Либер, заикаясь,
К нему покажет путь —
Пойдемте все, шатаясь,
Под бочками заснуть!

В них сердца утешенье,
Награда для певцов,
И мук любви забвенье,
И жар моих стихов.

* * *

Ты хочешь ли узнать, моя драгая,
Всю разницу меж Буало и мной?
У Буало была одна лишь — запятая,
А у меня — две точки с запятой.

* * *

Тошней идиллии и холодней чем ода,
От злости мизантроп, от глупости поэт —
Как страшно над тобой забавилась природа,
Когда готовила на свет.
Боишься ты людей, как черного недуга,
О жалкой образец уродливой мечты!
Утешься, злой глупец! иметь не будешь ты
Ввек ни любовницы, ни друга.

* * *

Пожарский, Минин, Гермоген
или Спасенная Россия.
Слог дурен, темен, напыщен —
И тяжки словеса пустые.

Она

„Печален ты; признайся, что с тобой".
— Люблю, мой друг. — „Но кто ж тебя пленила?"
— Она. — „Да кто ж? Глицера ль, Хлоя, Лила?"
— О, нет! — „Кому ж ты жертвуешь душой?"
— Ах! *ей*! — „Ты скромен, друг сердечный!
Но почему ж ты столько огорчен?
И кто виной? Супруг, отец, конечно..."
— Не то, мой друг! — „Но что ж?" — Я *ей* не *он*.

* * *

От всенощной, вечор идя домой,
Антипьевна с Марфушкою бранилась;
Антипьевна отменно горячилась.
„Постой, — кричит, — управлюсь я с тобой;
Ты думаешь, что я уж позабыла
Ту ночь, когда, забравшись в уголок,
Ты с крестником Ванюшкою шалила?
Постой, о всем узнает муженек!“
„Тебе ль грозить! — Марфушка отвечает: —
Ванюша — что? Ведь он еще дитя,
А сват Трофим, который у тебя
И день, и ночь? Весь город это знает.
Молчи ж, кума: и ты, как я, грешна;
А всякого словами разобидишь;
В чужой - - - соломинку ты видишь,
А у себя не видишь и бревна“.

На Баболовский дворец

Прекрасная! пускай восторгом насладится
В объятиях твоих российский полубог.
Что с участью твоей сравнится?
Весь мир у ног его — здесь у твоих он ног.

Эпиграмма на смерть стихотворца

Покойник Клит в раю не будет:
Творил он тяжкие грехи.
Пусть бог дела его забудет,
Как свет забыл его стихи!

Фавн и пастушка

Картины

I. Пастушка

С пятнадцатой весною,
Как лилия с зарею,
Красавица цветет;
Всё в ней очарованье:
И томное дыханье,
И взоров томный свет,
И груди трепетанье,
И розы нежный цвет —
Всё юность изменяет,
Уж Лилу не пленяет
Веселый хоровод:
Одна у сонных вод
В лесах она таится,
Вздыхает и томится,
И с нею там Эрот.
Когда же ночью темной
Ее в постеле скромной
Застанет тихий сон,
В полуночном молчаньи,
При месячном сияньи,
Слетает Купидон
С волшебною мечтою;
И тихою тоскою
Исполнит сердце он, —
И Лила в сновиденье
Вкушает наслажденье
И шепчет: „О Филон!“

II. Пещера

Кто там, в пещере темной,
Вечернею порой,
Окован ленью томной
Покоится с тобой?
Итак, уж ты вкусила
Все радости любви;
Ты чувствуешь, о Лила,
Волнение в крови,
И с трепетным смятеньем,
С пылающим лицом,
Ты дышишь упоеньем
Амура под крылом.
О жертва страсти нежной,
В безмолвии гори!
Покойтесь безмятежно
До пламенной зари.
Для вас поток игривый
Угрюмой тьмой одет,
И месяц молчаливый
Туманный свет лиет;
Здесь розы наклонились
Над вами в темный кров;
И ветры притаились,
Где царствует любовь...

III. Фавн

Но кто там, близ пещеры,
В густой траве лежит?
На жертвенник Венеры
С досадой он глядит;
Нагнулась меж цветами
Косматая нога;
Над грустными очами
Нависли два рога.

То Фавн, угрюмый житель
Лесов и гор крутых,
Докучливый гонитель
Пастушек молодых.
Любимца Купидона —
Прекрасного Филона
Давно соперник он...
В приюте сладострастья
Он слышит вздохи счастья
И неги томный стон.
В безмолвии несчастный
Страданья чашу пьет,
И в ревности напрасной
Горючи слезы льет.
Но вот ночей царица
Скатилась за леса,
И тихая денница
Румянит небеса;
Зефиры прошептали —
И Фавн в дремучий бор
Бежит сокрыть печали
В ущельях диких гор.

IV. Река

Одна поутру Лила
Нетвердою ногой
Средь рощицы густой
Задумчиво ходила.
„О, скоро ль, мрак ночной,
С прекрасною луной
Ты небом овладеешь?
О, скоро ль, темный лес,
В туманах засинеешь
На западе небес?“
Но шорох за кустами
Ей слышится глухой,
И вдруг — сверкнул очами
Пред нею бог лесной!

Как вешний ветерочек,
Летит она в лесочек;
Он гонится за ней.
И трепетная Лила
Все тайны обнажила
Младой красы своей;
И нежна грудь открылась
Лобзаньям ветерка,
И стройная нога
Невольно обнажилась.
Порхая над травой,
Пастушка робко дышит;
К реке летя стрелой,
Бег Фавна за собой
Всё ближе, ближе слышит.
Отчаянья полна,
Уж чувствует она
Огонь его дыханья...
Напрасны все старанья:
Ты Фавну суждена!
Но шумная волна
Красавицу сокрыла:
Река — ее могила...
Нет! Лила спасена.

V. Чудо

Эроты златокрылы
И нежный Купидон
На помощь юной Лилы
Летят со всех сторон;
Все бросили Цитеру,
И мирных сёл Венеру
По трепетным волнам
Несут они в пещеру —
Любви пустынный храм.
Счастливец был уж там.
И вот уже с Филоном
Веселье пьет она,

И страсти легким стоном
Прервалась тишина...
Спокойно дремлет Лила
На розах нег и сна,
И луч свой угасила
За облаком луна.

VI. Фиал

Поникнув головою,
Несчастный бог лесов
Один с вечерней тьмою
Бродил у берегов:
„Прости, любовь и радость! —
Со вздохом молвил он: —
В печали тратить младость
Я роком осужден!“
Вдруг из лесу румяный,
Шатаясь, перед ним
Сатир явился пьяный
С кувшином круговым;
Он мутными глазами
Пути домой искал
И козьими ногами
Едва переступал;
Шел, шел и натолкнулся
На Фавна моего,
Со смехом отшатнулся,
Склонился на него...
„Ты ль это, брат любезный? —
Вскричал Сатир седой: —
В какой стране безвестной
Я встретился с тобой?“ —
„Ах! — молвил Фавн уныло: —
Завяли дни мои!
Всё, всё мне изменило,
Несчастен я в любви“. —
„Что слышу? От Амура
Ты страждешь и грустишь,

Малютку-бедокура
И ты боготворишь?
Возможно ль? Так забвенье
В кувшине почерпай,
И чашу в утешенье
Наполни через край!“
И пена засверкала
И на краях шипит,
И с первого фиала
Амур уже забыт.

VII. Измена

Кто ж, дерзостный, владеет
Твоею красотой?
Неверная, кто смеет
Пылающей рукой
Бродить по груди страстной,
Томиться, воздыхать
И с Лилою прекрасной
В восторгах умирать?
Итак, ты изменила?
Красавица, пленяй,
Спеши любить, о Лила!
И снова изменяй.

VIII. Очередь

Что, Лила, что с тобою?
В пещерной глубине,
Сокрытая тоскою,
Ты плачешь в тишине;
Грустишь уединенно,
И свет тебе постыл!
Где ж сердца друг бесценный?
Увы, он изменил!
Прошли восторги, счастье,
Как с утром легкий сон;

Где тайны сладострастья?
Где нежный Палемон?
О Лила! вянут розы
Минутныя любви:
Познай же грусть и слезы,
И ныне терны рви.

IX. Философ

В губительном стремленьи
За годом год летит,
И старость в отдаленьи
Красавице грозит.
Амур уже с поклоном
Расстался с красотой,
И вслед за Купидоном
Веселья скрылся рой.
В лесу пастушка бродит
Печальна и одна:
Кого же там находит?
Вдруг Фавна зрит она.
Философ козлоногий
Под липою лежал
И пенистый фиал,
Венком украсив роги,
Лениво осушал.
Хоть Фавн и не находка
Для Лилы прежних лет,
Но вздумала красотка
Любви раскинуть сеть:
Подкралась, устремила
На Фавна томный взор
И, слышал я, клонила
К развязке разговор.
Но Фавн с улыбкой злою,
Напеня свой фиал,
Качая головою,
Красавице сказал:

„Нет, Лила! я в покое —
Других, мой друг, лови;
Есть время для любви,
Для мудрости — другое.
Бывало я тобой
В безумии пленялся;
Бывало восхищался
Коварной красотой,
И сердце, тлея страстью,
К тебе меня влекло.
Бывало... но, по счастью,
Что было — то прошло“.

* * *

И останешься с вопросом
На брегу замерзлых вод:
„Мамзель Шредер с красным носом
Милых Вельо не ведет?“

К письму

В нем радости мои; когда померкну я,
Пускай оно груди бесчувственной коснется:
Быть может, милые друзья,
Быть может, сердце вновь забьется.

Портрет

Вот карапузик наш, монах,
Поэт, писец и воин.
Всегда, за всё, во всех местах,
Крапивы он достоин:
С Мартыном поп он записной,
С Фроловым математик;
Вступает Энгельгардт-герой —
И вмиг он дипломатик.

Couplets

Quand un poète en son extase
Vous lit son ode ou son bouquet,
Quand un conteur traîne sa phrase,
Quand on écoute un perroquet,
Ne trouvant pas le mot pour rire,
On dort, on baille en son mouchoir,
On attend le moment de dire:
Jusqu'au plaisir de nous revoir.

9 Mais tête-à-tête avec sa belle,
Ou bien avec des gens d'esprit,
Le vrai bonheur se renouvelle,
On est content, l'on chante, on rit.
Prolongez vos paisibles veilles,
Et chantez vers la fin du soir
A vos amis, à vos bouteilles:
Jusqu'au plaisir de nous revoir.

17 Amis, la vie est un passage
Et tout s'écoule avec le temps,
L'amour aussi n'est qu'un volage,
Un oiseau de notre printemps;

Trop tôt il fuit, riant sous cape —
C'est pour toujours, adieu l'espoir!
On ne dit pas dès qu'il s'échappe:
Jusqu'au plaisir de nous revoir.

Le temps s'enfuit triste et barbare
Et tôt ou tard on va *lá-haut.*
Souvent — le cas n'est pas si rare —
Hasard nous sauve du tombeau.
Des maux s'éloignent les cohortes
Et le squelette horrible et noir
S'en va frappant à d'autres portes:
Jusqu'au plaisir de nous revoir.

Mais quoi? je sens que je me lasse
En lassant mes chers auditeurs,
Allons, je descends du Parnasse —
Il n'est pas fait pour les chanteurs,
Pour des couplets mon feu s'allume,
Sur un refrain j'ai du pouvoir,
C'est bien assez — adieu ma plume!
*Jusqu'au plaisir de nous revoir.**

*** Куплеты**

<Когда поэт в порыве восторга
Читает оду или мадригал,
Когда рассказчик плетет слово за словом,
Или когда слушаешь попугая,
Не находя чему посмеяться,
Дремлешь, позевываешь в платок
И только ждешь, когда можно будет сказать:
До приятного свиданья.

Но наедине с возлюбленной
Или в кругу людей с умом
Возвращается истинное счастье.
Снова бываешь доволен, поешь, смеешься.
Длите ваши мирные ночные досуги,
И, когда вечер подойдет к концу,
Пойте друзьям, пойте бутылкам:
До приятного свиданья.

К портрету Каверина

В нем пунша и войны кипит всегдашний жар,
На Марсовых полях он грозный был воитель,
Друзьям он верный друг, красавицам мучитель,
И всюду он гусар.

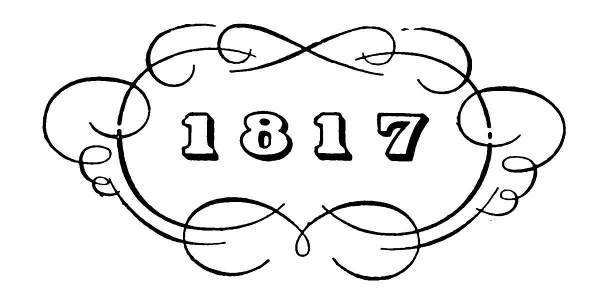
* * *

Я сам в себе уверен,
Я умник из глупцов,
Я маленькой Каверин,
Лицейской Молоствов.

Друзья, преходяща жизнь,
И всё утекает с временем!
Летуча и сама любовь,
Птица наших весенних дней;
Слишком рано исчезает она, смеясь украдкой,
И навсегда — прости, надежда!
Уж не скажешь, как упорхнет:
До приятного свиданья.

Время уносится, печально и жестоко,
И рано ли, поздно ли, — мы все пойдем на небо:
Бывает, и даже часто,
Случай нас спасает от гроба,
Удаляются полчища мук,
И ужасный, черный скелет
Уходит стучаться в другие двери:
До приятного свиданья.

Но что? Я чувствую, что утомился,
Утомив и любезных слушателей..
Итак, я схожу с Парнаса,
Не для певцов он создан.
Вдохновляюсь я на одни куплеты,
В моей власти только припев,
Довольно... прости, перо!
До приятного свиданья.〉

К Каверину

Забудь, любезный мой Каверин,
Минутной резвости нескромные стихи.
Люблю я первый, будь уверен,
Твои гусарские грехи.
Прослыть апостолом Зенонова ученья,
Быть может, хорошо — но ни тебе, ни мне.
Я знаю, что страстей волненья
И шалости, и заблужденья
Пристали наших дней блистательной весне.
Пускай умно, хотя неосторожно,
Дурачиться мы станем иногда —
Пока без лишнего стыда
Дурачиться нам будет можно.
Всему пора, всему свой миг,
Всё чередой идет определенной:
Смешон и ветреный старик,
Смешон и юноша степенный.

Насытясь жизнию у юных дней в гостях,
Простимся навсегда с веселием шумливым,
С Венерой пылкою, и с Вакхом прихотливым,
Вздохнем об них, как о друзьях,
И старость удивим поклоном молчаливым.
Теперь в беспечности живи,
Люби друзей, храни об них воспоминанье,
Молись и Кому и любви,
Минуту юности лови
И черни презирай ревнивое роптанье.
Она не ведает, что можно дружно жить
С стихами, с картами, с Платоном и с бокалом,
Что резвых шалостей под легким покрывалом
И ум возвышенный и сердце можно скрыть.

Элегия

Опять я ваш, о юные друзья!
Туманные сокрылись дни разлуки:
И брату вновь простерлись ваши руки,
Ваш резвый круг увидел снова я.
Всё те же вы, но сердце уж не то же:
Уже не вы ему всего дороже,
Уж я не тот... Невидимой стезей
Ушла пора веселости беспечной,
Ушла навек, и жизни скоротечной
Луч утренний бледнеет надо мной.
Веселие рассталося с душой.
Отверженный судьбиною ревнивой,
Улыбку, смех, и резвость, и покой —
Я всё забыл; печали молчаливой
Покров лежит над юною главой...
Напрасно вы беседою шутливой
И нежностью души красноречивой
Мой тяжкой стон хотите перервать,

Всё кончилось, — и резвости счастливой
В душе моей изгладилась печать.
Чтоб удалить угрюмые страданья,
Напрасно вы несете лиру мне;
Минувших дней погаснули мечтанья,
И умер глас в бесчувственной струне.
Перед собой одну печаль я вижу!
Мне страшен мир, мне скучен дневный свет;
Пойду в леса, в которых жизни нет,
Где мертвый мрак — я радость ненавижу;
Во мне застыл ее минутный след.
Опали вы, листы вчерашней розы!
Не доцвели до месячных лучей.
Умчались вы, дни радости моей!
Умчались вы, — невольно льются слезы,
И вяну я на темном утре дней.

О дружество! предай меня забвенью;
В безмолвии покорствую судьбам.
Оставь меня сердечному мученью,
Оставь меня пустыням и слезам.

К молодой вдове

Лида, друг мой неизменный,
Почему сквозь легкой сон
Часто, негой утомленный,
Слышу я твой тихой стон?
Почему, в любви счастливой
Видя страшную мечту,
Взор недвижный, боязливый
Устремляешь в темноту?
Почему, когда вкушаю
Быстрый обморок любви,
Иногда я замечаю
Слезы тайные твои?

Ты рассеянно внимаешь
Речи пламенной моей,
Хладно руку пожимаешь,
Хладен взор твоих очей...
О бесценная подруга!
Вечно ль слезы проливать,
Вечно ль мертвого супруга
Из могилы вызывать?
Верь мне: узников могилы
Там объемлет вечный сон;
Им не мил уж голос милый,
Не прискорбен скорби стон;
Не для них — весенни розы,
Сладость утра, шум пиров,
Откровенной дружбы слезы
И любовниц робкий зов...
Рано друг твой незабвенный
Вздохом смерти воздохнул
И блаженством упоенный
На груди твоей уснул.
Спит увенчанный счастливец;
Верь любви — невинны мы.
Нет, разгневанный ревнивец
Не придет из вечной тьмы;
Тихой ночью гром не грянет,
И завистливая тень
Близ любовников не станет,
Вызывая спящий день.

Безверие

О вы, которые с язвительным упреком,
Считая мрачное безверие пороком,
Бежите в ужасе того, кто с первых лет
Безумно погасил отрадный сердцу свет;
Смирите гордости жестокой исступленье:
Имеет он права на ваше снисхожденье,
На слезы жалости; внемлите брата стон,
Несчастный не злодей, собою страждет он.
Кто в мире усладит души его мученья?
Увы! он первого лишился утешенья!
Взгляните на него — не там, где каждый день
Тщеславие на всех наводит ложну тень,
Но в тишине семьи, под кровлею родною,
В беседе с дружеством иль темною мечтою.
Найдите там его, где илистый ручей
Проходит медленно среди нагих полей;
Где сосен вековых таинственные сени,
Шумя, на влажный мох склонили вечны тени.
Взгляните — бродит он с увядшею душой,
Своей ужасною томимый пустотой,
То грусти слезы льет, то слезы сожаленья;
Напрасно ищет он унынью развлеченья;
Напрасно в пышности свободной простоты
Природы перед ним открыты красоты;
Напрасно вкруг себя печальный взор он водит:
Ум ищет божества, а сердце не находит.

Настигнет ли его глухих судеб удар,
Отъемлется ли вдруг минутный счастья дар,
В любви ли, в дружестве обнимет он измену
И их почувствует обманчивую цену:
Лишенный всех опор отпадший веры сын
Уж видит с ужасом, что в свете он один,
И мощная рука к нему с дарами мира
Не простирается из-за пределов мира...

Несчастия, страстей и немощей сыны,
Мы все на страшный гроб родясь осуждены.
Всечасно бренных уз готово разрушенье;
Наш век—неверный день, всечасное волненье.
Когда, холодной тьмой объемля грозно нас,
Завесу вечности колеблет смертный час,
Ужасно чувствовать слезы последней муку —
И с миром начинать безвестную разлуку!
Тогда, беседуя с отвязанной душой,
О вера, ты стоишь у двери гробовой,
Ты ночь могильную ей тихо освещаешь,
И ободренную с надеждой отпускаешь...
Но, други! пережить ужаснее друзей!
Лишь вера в тишине отрадою своей
Живит унывший дух и сердца ожиданье.
„Настанет! — говорит, — назначено свиданье!“

А он (слепой мудрец!), при гробе стонет он,
С усладой бытия несчастный разлучен,
Надежды сладкого не внемлет он привета,
Подходит к гробу он, взывает... нет ответа!

Видали ль вы его в безмолвных тех местах,
Где кровных и друзей священный тлеет прах?
Видали ль вы его над хладною могилой,
Где нежной Делии таится пепел милый?
К почившим позванный вечерней тишиной,
К кресту приникнул он бесчувственной главой,
Стенанья изредка глухие раздаются,
Он плачет — но не те потоки слез лиются,
Которы сладостны для страждущих очей
И сердцу дороги свободою своей;
Но слез отчаянья, но слез ожесточенья.
В молчаньи ужаса, в безумстве исступленья
Дрожит, и между тем под сенью темных ив,
У гроба матери колена преклонив,
Там дева юная в печали безмятежной
Возводит к небу взор болезненный и нежный,
Одна, туманною луной озарена,
Как ангел горести является она;

Вздыхает медленно, могилу обнимает —
Всё тихо вкруг его, а, кажется, внимает.
Несчастный на нее в безмолвии глядит,
Качает головой, трепещет и бежит,
Спешит он далее, но вслед унынье бродит.

Во храм ли вышнего с толпой он молча входит,
Там умножает лишь тоску души своей.
При пышном торжестве старинных алтарей,
При гласе пастыря, при сладком хоров пенье,
Тревожится его безверия мученье.
Он бога тайного нигде, нигде не зрит,
С померкшею душой святыне предстоит,
Холодный ко всему и чуждый к умиленью,
С досадой тихому внимает он моленью.
„Счастливцы! — мыслит он,— почто не можно мне
Страстей бунтующих в смиренной тишине,
Забыв о разуме и немощном и строгом,
С одной лишь верою повергнуться пред богом!“

Напрасный сердца крик! нет, нет! не суждено
Ему блаженство знать! Безверие одно,
По жизненной стезе во мраке вождь унылый,
Влечет несчастного до хладных врат могилы.
И что зовет его в пустыне гробовой —
Кто ведает? но там лишь видит он покой.

К Дельвигу

Блажен, кто с юных лет увидел пред собою
Извивы темные двухолмной высоты,
Кто жизни в тайный путь с невинною душою
Пустился пленником мечты!
Наперснику богов безвестны бури злые,
Над ним их промысел, безмолвною порой
Его баюкают камены молодые
И с перстом на устах хранят певца покой.

Стыдливой грации внимает он советы
И, чувствуя в груди огонь еще младой,
Восторженный поет на лире золотой.
О Дельвиг! счастливы поэты!

Мой друг, и я певец! и мой смиренный путь
В цветах украсила богиня песнопенья,
И мне в младую боги грудь
Влияли пламень вдохновенья.
В младенчестве моем я чувствовать умел,
Всё жизнью вкруг меня дышало,
Всё резвый ум обворожало.
И первую черту я быстро пролетел.
С какою тихою красою
Минуты детства протекли.
Хвала, о боги! вам, вы мощною рукою
От ярых гроз мирских невинность отвели.

Но всё прошло — и скрылись в темну даль
Свобода, радость, восхищенье;
Другим и юность наслажденье:
Она мне мрачная печаль!
Так рано зависти увидеть зрак кровавый
И низкой клеветы во мгле сокрытый яд.
Нет, нет! ни счастием, ни славой
Не буду ослеплен. Пускай они манят
На край погибели любимцев обольщенных.
Исчез священный жар!
Забвенью сладких песней дар
И голос струн одушевленных!
Во прах и лиру и венец!
Пускай не будут знать, что некогда певец,
Враждою, завистью на жертву обреченный,
Погиб на утре лет,
Как ранний на поляне цвет,
Косой безвременно сраженный.
И тихо проживу в безвестной тишине;
Потомство грозное не вспомнит обо мне,
И гроб несчастного, в пустыне мрачной, дикой,
Забвенья порастет ползущей повиликой!

1817

Станcы

Ты мне велйшь пылать душою:
Отдай же мне протекши дни,
С моей вечернею зарею
Мое ты утро съедини!

5 Мой век невидимо проходит,
Из круга смехов и харит
Уж время скрыться мне велит
И за руку меня выводит —

9 Не даст оно пощады нам.
Кто применяться не умеет
Своим изменчивым годам,
Тот их несчастья лишь имеет.

13 Счастливцам резвым, молодым
Оставим страсти заблужденья;
Живем мы в мире два мгновенья —
Одно рассудку отдадим.

17 Вы, услаждавшие печали
Минутной младости моей,
Любовь, мечтанья первых дней,
Ужель навек вы убежали?

21 Нам должно дважды умирать:
Проститься с сладостным мечтаньем —
Вот смерть ужасная страданьем!
Что значит после не дышать?

25 На пасмурном моем закате,
Среди пустынной темноты,
Так сожалел я об утрате
Обманов милыя мечты.

Тогда на голос мой унылый
Мне дружба руку подала,
Она любви подобна милой
В одной лишь нежности была.

Я ей принес увядши розы
Отрадных юношества дней,
И вслед пошел, но лил я слезы,
Что мог идти вослед лишь ей!

Послание В. Л. Пушкину

Скажи, парнасский мой отец,
Неужто верных муз любовник
Не может нежный быть певец
И вместе гвардии полковник?
Ужели тот, кто иногда
Жжет ладан Аполлону даром,
За честь не смеет без стыда
Жечь порох на войне с гусаром
И, если можно, города?
Беллона, Муза и Венера,
Вот, кажется, святая вера
Дней наших всякого певца.
Я шлюсь на русского Буфлера
И на Дениса храбреца,
Но не на Глинку офицера,
Довольно плоского певца;
Не нужно мне его примера...
Ты скажешь: „Перестань, болтун!
Будь человек, а не драгун;
Парады, караул, ученья —
Всё это оды не внушит,
А только душу иссушит,
И к Марину для награжденья,
Быть может, прямо за Коцит
Пошлют читать его творенья.

Послушай дяди, милый мой:
Ступай себе к слепой Фемиде
Иль к дипломатике косой!
Кропай, мой друг, посланья к Лиде,
Оставь военные грехи,
И в сладостях успокоенья
Пиши сенатские решенья
И пятистопные стихи;
И не с гусарского корнета,—
Возьми пример с того поэта,
С того, которого рука
Нарисовала Ермака
В снегах незнаемого света,
И плен могучего Мегмета,
И мужа модного рога,
Который, милостию бога,
Министр и сладостный певец,
Был строгой чести образец,
Как образец он будет слога".
Всё так, почтенный дядя мой,
Почтен, кто глупости людской
Решит запутанные споры;
Умен, кто хитрости рукой
Переплетает меж собой
Дипломатические вздоры
И правит нашею судьбой.
Смешон, конечно, мирный воин,
И эпиграммы самой злой
В известных „Святках" он достоин.
Но что прелестней и живей
Войны, сражений и пожаров,
Кровавых и пустых полей,
Бивака, рыцарских ударов?
И что завидней бранных дней
Не слишком мудрых усачей,
Но сердцем истинных гусаров?
Они живут в своих шатрах,
Вдали забав и нег и граций,
Как жил бессмертный трус Гораций
В тибурских сумрачных лесах;

Не знают света принужденья,
Не ведают, что̀ скука, страх;
Дают обеды и сраженья,
Поют и рубятся в боях.
Счастлив, кто мил и страшен миру;
О ком за песни, за дела
Гремит правдивая хвала;
Кто славил Марса и Темиру
И бранную повесил лиру
Меж верной сабли и седла!
Но вы, враги трудов и славы,
Питомцы Феба и забавы,
Вы, мирной праздности друзья,
Шепну вам на ухо: вы правы,
И с вами соглашаюсь я!
Бог создал для себя природу,
Свой рай и счастие глупцам,
Злословие, мужчин и моду,
Конечно, для забавы дам,
Заботы знатному народу,
Дурачество для всех, — а нам
Уединенье и свободу!

Письмо к Лиде

Лишь благосклонный мрак раскинет
Над нами тихой свой покров,
И время к полночи придвинет
Стрелу медлительных часов,
Когда не спит в тиши природы
Одна счастливая любовь:
Тогда моей темницы вновь
Покину я немые своды...
Летучих остальных минут
Мне слишком тягостна потеря —
Но скоро Аргусы заснут,
Замкам предательным поверя,
И я в обители твоей...
По скорой поступи моей,
По сладострастному молчанью,
По смелым, трепетным рукам,
По воспаленному дыханью
И жарким, ласковым устам,
Узнай любовника — настали
Восторги, радости мои!..
О Лида, если б умирали
С блаженства, неги и любви!

Князю А. М. Горчакову

Встречаюсь я с осьмнадцатой весной.
В последний раз, быть может, я с тобой,
Задумчиво внимая шум дубравный,
Над озером иду рука с рукой.
Где вы, лета беспечности недавной?
С надеждами во цвете юных лет,
Мой милый друг, мы входим в новый свет;
Но там удел назначен нам не равный,
И розно наш оставим в жизни след.
Тебе рукой Фортуны своенравной
Указан путь и счастливый, и славный, —
Моя стезя печальна и темна;
И нежная краса тебе дана,
И нравиться блестящий дар природы,
И быстрый ум, и верный, милый нрав;
Ты сотворен для сладостной свободы,
Для радости, для славы, для забав.
Они пришли, твои златые годы,
Огня любви прелестная пора.
Спеши любить и, счастливый вчера,
Сегодня вновь будь счастлив осторожно;
Амур велит: и завтра, если можно,
Вновь миртами красавицу венчай...
О, скольких слез, предвижу, ты виновник!
Измены друг и ветреный любовник,
Будь верен всем — пленяйся и пленяй.

А мой удел... но пасмурным туманом
Зачем же мне грядущее скрывать?
Увы! нельзя мне вечным жить обманом
И счастья тень, забывшись, обнимать.
Вся жизнь моя — печальный мрак ненастья.
Две-три весны, младенцем, может быть,
Я счастлив был, не понимая счастья;

Они прошли, но можно ль их забыть?
Они прошли, и скорбными глазами
Смотря на путь, оставленный навек, —
На краткий путь, усыпанный цветами,
Которым я так весело протек,
Я слезы лью, я трачу век напрасно,
Мучительным желанием горя.

Твоя заря — заря весны прекрасной;
Моя ж, мой друг, — осенняя заря.
Я знал любовь, но не знавал надежды,
Страдал один, в безмолвии любил.
Безумный сон покинул томны вежды,
Но мрачные я грезы не забыл.
Душа полна невольной, грустной думой;
Мне кажется: на жизненном пиру
Один с тоской явлюсь я, гость угрюмый,
Явлюсь на час — и одинок умру.
И не придет друг сердца незабвенный
В последний миг мой томный взор сомкнуть,
И не придет на холм уединенный
В последний раз с любовию вздохнуть!
Ужель моя пройдет пустынно младость?
Иль мне чужда счастливая любовь?
Ужель умру, не ведая, что радость?
Зачем же жизнь дана мне от богов?
Чего мне ждать? В рядах забытый воин,
Среди толпы затерянный певец,
Каких наград я в будущем достоин
И счастия какой возьму венец?

Но что?.. Стыжусь!.. Нет, ропот — униженье.
Нет, праведно богов определенье!
Ужель лишь мне не ведать ясных дней?
Нет! и в слезах сокрыто наслажденье,
И в жизни сей мне будет утешенье:
Мой скромный дар и счастие друзей.

В альбом

Пройдет любовь, умрут желанья;
Разлучит нас холодный свет;
Кто вспомнит тайные свиданья,
Мечты, восторги прежних лет?..
Позволь в листах воспоминанья
Оставить им минутный след.

В альбом Илличевскому

Мой друг! неславный я поэт,
Хоть христианин православный.
Душа бессмертна, слова нет,
Моим стихам удел неравный —
И песни Музы своенравной,
Забавы резвых, юных лет,
Погибнут смертию забавной,
И нас не тронет здешний свет!

Ах! ведает мой добрый гений,
Что̀ предпочел бы я скорей:
Бессмертие ль души моей?
Бессмертие ль своих творений?

Не властны мы в судьбе своей,
По крайней мере, нет сомненья,
Сей плод небрежный вдохновенья,
Без подписи, в твоих руках
На скромных дружества листах
Уйдет от общего забвенья...
Но пусть напрасен будет труд,
Твоею дружбой оживленный —
Мои стихи пускай умрут —
Глас сердца, чувства неизменны
Наверно их переживут!

Товарищам

Промчались годы заточенья;
Недолго, милые друзья,
Нам видеть кров уединенья
И царскосельские поля.
Разлука ждет нас у порогу,
Зовет нас дальний света шум,
И каждый смотрит на дорогу
С волненьем гордых, юных дум.
Иной, под кивер спрятав ум,
Уже в воинственном наряде
Гусарской саблею махнул —
В крещенской утренней прохладе
Красиво мерзнет на параде,
А греться едет в караул;
Другой, рожденный быть вельможей,
Не честь, а почести любя,
У плута знатного в прихожей
Покорным плутом зрит себя;
Лишь я, судьбе во всем послушный,
Счастливой лени верный сын,
Душой беспечный, равнодушный,
Я тихо задремал один...
Равны мне писари, уланы,
Равны законы, кивера,
Не рвусь я грудью в капитаны
И не ползу в асессора;
Друзья! немного снисхожденья —
Оставьте красный мне колпак,
Пока его за прегрешенья
Не променял я на шишак,
Пока ленивому возможно,
Не опасаясь грозных бед,
Еще рукой неосторожной
В июле распахнуть жилет.

Надпись на стене больницы

Вот здесь лежит больной студент —
Его судьба неумолима.
Несите прочь медикамент:
Болезнь любви неизлечима!

В альбом И. И. Пущину

Взглянув когда-нибудь на тайный сей листок,
Исписанный когда-то мною,
На время улети в лицейский уголок
Всесильной, сладостной мечтою.
Ты вспомни быстрые минуты первых дней,
Неволю мирную, шесть лет соединенья,
Печали, радости, мечты души твоей,
Размолвки дружества и сладость примиренья...
Что было и не будет вновь...
И с тихими тоски слезами
Ты вспомни первую любовь.
Мой друг, она прошла... но с первыми друзьями
Не резвою мечтой союз твой заключен;
Пред грозным временем, пред грозными судьбами,
О милый, вечен он!

Кюхельбекеру

В последний раз, в тиши уединенья,
Моим стихам внимает наш пенат!
Лицейской жизни милый брат,
Делю с тобой последние мгновенья!
Итак, они прошли — лета соединенья;
Итак, разорван он — наш братский верный круг!
Прости!.. хранимый тайным небом,
Не разлучайся, милый друг,
С Фортуной, дружеством и Фебом.
Узнай любовь, неведомую мне —
Любовь надежд, восторгов, упоенья:
И дни твои полетом сновиденья
Да пролетят в счастливой тишине!
Прости... где б ни был я: в огне ли смертной битвы,
При мирных ли брегах родимого ручья,
Святому братству верен я!
И пусть... (услышит ли судьба мои молитвы?)
Пусть будут счастливы все, все твои друзья!

* * *

Простите, верные дубравы!
Прости, беспечный мир полей,
И легкокрылые забавы
Столь быстро улетевших дней!
Прости, Тригорское, где радость
Меня встречала столько раз!
На то ль узнал я вашу сладость,
Чтоб навсегда покинуть вас?
От вас беру воспоминанье,
А сердце оставляю вам.
Быть может (сладкое мечтанье!),
Я к вашим возвращусь полям,
Приду под липовые своды,
На скат тригорского холма,
Поклонник дружеской свободы,
Веселья, граций и ума.

* * *

Штабс-капитану, Гете, Грею,
Томсону, Шиллеру привет!
Им поклониться честь имею,
Но сердцем истинно жалею,
Что никогда их дома нет.

К Огаревой, которой митрополит прислал плодов из своего саду

Митрополит, хвастун бесстыдный,
Тебе прислав своих плодов,
Хотел уверить нас, как видно,
Что будто сам он бог садов.

Чему дивиться тут? Харита
Улыбкой дряхлость победит,
С ума сведет митрополита
И пыл желанья в нем родит.

И он, твой встретя взор волшебный,
Забудет о своем кресте,
И нежно станет петь молебны
Твоей небесной красоте.

Послание Тургеневу

Тургенев, верный покровитель
Попов, евреев и скопцов,
Но слишком счастливый гонитель
И езуитов, и глупцов,
И лености моей бесплодной,
Всегда беспечной и свободной,
Подруги благодатных снов!

К чему смеяться надо мною,
Когда я слабою рукою
По лире с трепетом вожу
И лишь изнеженные звуки
Любви, сей милой сердцу муки,
В струнах незвонких нахожу?
Душой предавшись наслажденью,
Я сладко-сладко задремал.

Один лишь ты с глубокой ленью
К трудам охоту сочетал;
Один лишь ты, любовник страстный
И Соломирской, и креста,*
То ночью прыгаешь с прекрасной,
То проповедуешь Христа.
На свадьбах и в Библейской зале,
Среди веселий и забот,
Роняешь Лунину на бале,
Подъемлешь трепетных сирот;
Ленивец милый на Парнасе,
Забыв любви своей печаль,
С улыбкой дремлешь в Арзамасе
И спишь у графа де-Лаваль.

* Креста, сиречь не Анненского и не Владимирского, а честнаго и животворящаго.

Нося мучительное бремя
Пустых и тяжких должностей,
Один лишь ты находишь время
Смеяться лености моей.

Не вызывай меня ты боле
К навек оставленным трудам,
Ни к поэтической неволе,
Ни к обработанным стихам.
Что нужды, если и с ошибкой,
И слабо иногда пою?
Пускай Нинета лишь улыбкой
Любовь беспечную мою
Воспламенит и успокоит!
А труд и холоден, и пуст:
Поэма никогда не стоит
Улыбки сладострастных уст.

К ***

Не спрашивай, зачем унылой думой
Среди забав я часто омрачен,
Зачем на всё подъемлю взор угрюмый,
Зачем не мил мне сладкой жизни сон;
Не спрашивай, зачем душой остылой
Я разлюбил веселую любовь
И никого не называю милой:
Кто раз любил, уж не полюбит вновь;
Кто счастье знал, уж не узнает счастья.
На краткий миг блаженство нам дано:
От юности, от нег и сладострастья
Останется уныние одно.

* * *

Краев чужих неопытный любитель
И своего всегдашний обвинитель,
Я говорил: в отечестве моем
Где верный ум, где гений мы найдем?
Где гражданин с душою благородной,
Возвышенной и пламенно свободной?
Где женщина — не с хладной красотой,
Но с пламенной, пленительной, живой?
Где разговор найду непринужденный,
Блистательный, веселый, просвещенный?
С кем можно быть не хладным, не пустым?
Отечество почти я ненавидел —
Но я вчера Голицыну увидел
И примирен с отечеством моим.

* * *

Не угрожай ленивцу молодому,
Безвременной кончины я не жду.
В венке любви к приюту гробовому
Без ропота, без робких слез иду.

Я мало жил, я наслаждался мало...
Но иногда цветы веселья рвал —
Я жизни видел лишь начало,
[Кто знает]

Кривцову

Не пугай нас, милый друг,
Гроба близким новосельем:
Право, нам таким бездельем
Заниматься недосуг.
Пусть остылой жизни чашу
Тянет медленно другой;
Мы ж утратим юность нашу
Вместе с жизнью дорогой;
Каждый у своей гробницы
Мы присядем на порог,
У пафосския царицы
Свежий выпросим венок,
Лишний миг у верной лени,
Круговой нальем сосуд,
И толпою наши тени
К тихой Лете убегут;
Смертный миг наш будет светел:
И подруги шалунов
Соберут их легкий пепел
В урны праздные пиров.

* * *

Орлов с Истоминой в постеле
В убогой наготе лежал.
Не отличился в жарком деле
Непостоянный генерал.
Не думав милого обидеть,
Взяла Лаиса микроскоп
И говорит: „Дай мне увидеть,
Мой милый, чем меня ты - -“.

Торжество Вакха

Откуда чудный шум, неистовые клики?
Кого, куда зовут и бубны и тимпан?
Что значат радостные лики
И песни поселян?
В их круге светлая свобода
Прияла праздничный венок.
Но двинулись толпы народа...
Он приближается... Вот он, вот сильный бог!
Вот Бахус мирный, вечно юный!
Вот он, вот Индии герой!
О радость! Полные тобой
Дрожат, готовы грянуть струны
Нелицемерною хвалой.
Эван, эвое! Дайте чаши!
Несите свежие венцы!
Невольники, где тирсы наши?
Бежим на мирный бой, отважные бойцы!
Вот он, вот Вакх! О час отрадный!
Державный тирс в его руках;
Венец желтеет виноградный
В чернокудрявых волосах...
Течет. Его младые тигры
С покорной яростью влекут;
Кругом летят эроты, игры,
И гимны в честь ему поют.
За ним теснится козлоногий
И фавнов и сатиров рой,
Плющем опутаны их роги;
Бегут смятенною толпой
Вослед за быстрой колесницей:
Кто с тростниковою цевницей,
Кто с верной кружкою своей;
Тот оступившись упадает
И бархатный ковер полей
Вином багровым обливает
При диком хохоте друзей.

Там дале вижу дивный ход:
Звучат веселые тимпаны;
Младые нимфы и сильваны,
Составя шумный хоровод,
Несут недвижного Силена...
Вино струится, брызжет пена,
И розы сыплются кругом;
Несут за спящим стариком
И тирс, символ победы мирной,
И кубок тяжко-золотой,
Венчанный крышкою сапфирной,
Подарок Вакха дорогой.

Но воет берег отдаленный.
Власы раскинув по плечам,
Венчанны гроздьем, обнаженны,
Бегут вакханки по горам.
Тимпаны звонкие, кружась меж их перстами,
Гремят и вторят их ужасным голосам.
Промчалися, летят, свиваются руками,
Волшебной пляской топчут луг,
И младость пылкая толпами
Стекается вокруг.

Поют неистовые девы;
Их сладострастные напевы
В сердца вливают жар любви;
Их перси дышат вожделеньем;
Их очи, полные безумством и томленьем,
Сказали: счастие лови!
Их вдохновенные движенья
Сперва изображают нам
Стыдливость милого смятенья,
Желанье робкое, а там
Восторг и дерзость наслажденья.
Но вот рассыпались по холмам и полям;
Махая тирсами несутся;
Уж издали их вопли раздаются,
И гул им вторит по лесам:
Эван, эвое! Дайте чаши!

Несите свежие венцы!
Невольники, где тирсы наши?
Бежим на мирный бой, отважные бойцы!

Друзья, в сей день благословенный
Забвенью бросим суеты!
Теки, вино, струею пенной
В честь Вакха, муз и красоты!
Эван, эвое! Дайте чаши!
Несите свежие венцы!
Невольники, где тирсы наши?
Бежим на мирный бой, отважные бойцы!

Именины

Умножайте шум и радость,
Пойте песни в добрый час:
Дружба, грация и младость
Именинницы у нас.
Между тем дитя крылато,
Вас приветствуя, друзья,
Втайне думает: когда-то
Именинник буду я?

Добрый совет

Давайте пить и веселиться,
Давайте жизнию играть,
Пусть чернь слепая суетится,
Не нам безумной подражать.
Пусть наша ветреная младость
Потонет в неге и в вине,
Пусть изменяющая радость
Нам улыбнется хоть во сне.
Когда же юность легким дымом
Умчит веселья юных дней,
Тогда у старости отымем
Всё, что отымется у ней.

К ней

В печальной праздности я лиру забывал,
Воображение в мечтах не разгоралось,
С дарами юности мой гений отлетал,
И сердце медленно хладело, закрывалось.
Вас вновь я призывал, о дни моей весны,
Вы, пролетевшие под сенью тишины
Дни дружества, любви, надежд и грусти нежной,
Когда, поэзии поклонник безмятежный,
На лире счастливой я тихо воспевал
Волнение любви, уныние разлуки,
И гул дубрав горам передавал
Мои задумчивые звуки.
Напрасно! Я влачил постыдной лени груз,
В дремоту хладную невольно погружался,
Бежал от радостей, бежал от милых муз
И — слезы на глазах — со славою прощался!
Но вдруг, как молнии стрела,
Зажглась в увядшем сердце младость,
Душа проснулась, ожила,
Узнала вновь любви надежду, скорбь и радость.
Всё снова расцвело! Я жизнью трепетал;
Природы вновь восторженный свидетель,
Живее чувствовал, свободнее дышал,
Сильней пленяла добродетель...
Хвала любви, хвала богам!
Вновь лиры сладостной раздался голос юный,
И с звонким трепетом воскреснувшие струны
Несу к твоим ногам!..

К. А. Б ***

Что можем наскоро стихами молвить ей?
Мне истина всего дороже.
Подумать не успев, скажу: ты всех милей;
Подумав, я скажу всё то же.

История стихотворца

Внимает он привычным ухом
Свист;
Марает он единым духом
Лист;
Потом всему терзает свету
Слух;
Потом печатает, и в Лету
Бух!

К портрету П. Я. Чаадаева

Он вышней волею небес
Рожден в оковах службы царской.
Он в Риме был бы Брут, в Афинах — Периклес,
А здесь он — офицер гусарской.

Вольность

Ода

Беги, сокройся от очей,
Цитеры слабая царица!
Где ты, где ты, гроза царей,
Свободы гордая певица?
Приди, сорви с меня венок,
Разбей изнеженную лиру —
Хочу воспеть свободу миру,
На тронах поразить порок.

Открой мне благородный след
Того возвышенного галла,
Кому сама средь славных бед
Ты гимны смелые внушала.
Питомцы ветреной судьбы,
Тираны мира! трепещите!
А вы, мужайтесь и внемлите,
Восстаньте, падшие рабы!

Увы! куда ни брошу взор —
Везде бичи, везде железы,
Законов гибельный позор,
Неволи немощные слезы;
Везде неправедная власть
В сгущенной мгле предрассуждений
Воссела — рабства грозный гений
И славы роковая страсть.

Лишь там над царскою главой
Народов не легло страданье,
Где крепко с вольностью святой
Законов мощных сочетанье;

Где всем простерт их твердый щит,
Где сжатый верными руками
Граждан над равными главами
Их меч без выбора скользит

33 И преступленье с высока
Сражает праведным размахом;
Где неподкупна их рука
Ни алчной скупостью, ни страхом.
Владыки! вам венец и трон
Дает закон — а не природа —
Стоите выше вы народа,
Но вечный выше вас закон.

41 И горе, горе племенам,
Где дремлет он неосторожно,
Где иль народу иль царям
Законом властвовать возможно!
Тебя в свидетели зову,
О мученик ошибок славных,
За предков в шуме бурь недавных
Сложивший царскую главу.

49 Восходит к смерти Людовик
В виду безмолвного потомства.
Главой развенчанной приник
К кровавой плахе вероломства.
Молчит закон — народ молчит,
Падет преступная секира...
И се — злодейская порфира
На галлах скованных лежит.

57 Самовластительный злодей!
Тебя, твой трон я ненавижу,
Твою погибель, смерть детей
С жестокой радостию вижу.
Читают на твоем челе
Печать проклятия народы,
Ты ужас мира, стыд природы,
Упрек ты богу на земле.

65 Когда на мрачную Неву
Звезда полуночи сверкает
И беззаботную главу
Спокойный сон отягощает,
Глядит задумчивый певец
На грозно спящий средь тумана
Пустынный памятник тирана,
Забвенью брошенный дворец —

73 И слышит Клии страшный глас
За сими страшными стенами,
Калигулы последний час
Он видит живо пред очами,
Он видит — в лентах и звездах,
Вином и злобой упоенны
Идут убийцы потаенны,
На лицах дерзость, в сердце страх.

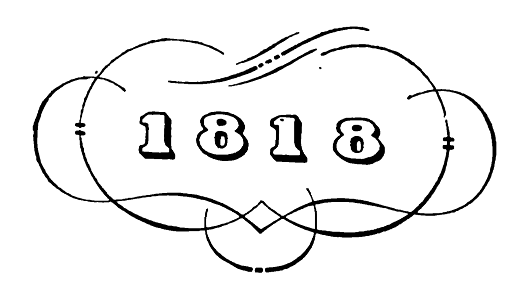
81 Молчит неверный часовой,
Опущен молча мост подъемный,
Врата отверсты в тьме ночной
Рукой предательства наемной...
О стыд! о ужас наших дней!
Как звери, вторглись янычары!..
Падут бесславные удары —
Погиб увенчанный злодей.

89 И днесь учитесь, о цари:
Ни наказанья, ни награды,
Ни кров темниц, ни алтари
Не верные для вас ограды.
Склонитесь первые главой
Под сень надежную закона,
И станут вечной стражей трона
Народов вольность и покой.

Кн. Голицыной

Посылая ей оду „Вольность“

Простой воспитанник природы,
Так я бывало воспевал
Мечту прекрасную свободы
И ею сладостно дышал.
Но вас я вижу, вам внимаю,
И что же? слабый человек!..
Свободу потеряв навек,
Неволю сердцем обожаю.

* * *

Когда сожмешь ты снова руку,
Которая тебе дарит
На скучный путь и на разлуку
Святую библию харит?
Амур нашел ее в Цитере,
В архиве шалости младой.
По ней молись своей Венере
Благочестивою душой.
Прости, эпикуреец мой!
Останься век, каков ты ныне,
Лети во мрачный Альбион!
Да сохранят тебя в чужбине
Христос и верный Купидон!
Неси в чужой предел пената,
Но, помня прежни дни свои,
Люби недевственного брата,
Страдальца чувственной любви!

Молчитъ невѣрный часовой
Опущенъ молча мостъ подъемный
Врата отверсты въ тьмѣ ночной
Рукой предательства наемной
О стыдъ! о ужасъ нашихъ дней
Какъ звѣри вторглись янычары
Падутъ безславные удары
Погибъ увѣнчанный злодѣй

Из рукописи оды „Вольность“ (Институт Литературы Академии Наук СССР)

Выздоровление

Тебя ль я видел, милый друг?
Или неверное то было сновиденье,
Мечтанье смутное, и пламенный недуг
Обманом волновал мое воображенье?
В минуты мрачные болезни роковой,
Ты ль, дева нежная, стояла надо мной
В одежде воина, с неловкостью приятной?
Так, видел я тебя; мой тусклый взор узнал
Знакомые красы под сей одеждой ратной,
И слабым шопотом подругу я назвал...
Но вновь в уме моем стеснились мрачны грезы:
Я слабою рукой искал тебя во мгле...
И вдруг я чувствую твое дыханье, слезы
И влажный поцелуй на пламенном челе...
Бессмертные, с каким волненьем
Желанья, жизни огнь по сердцу пробежал!
Я закипел, затрепетал:
И скрылась ты прелестным привиденьем.
Жестокий друг, меня томишь ты упоеньем.
Приди, меня мертвит любовь!
В молчаньи благосклонной ночи
Явись, волшебница: пускай увижу вновь
Под грозным кивером твои небесны очи,
И плащ, и пояс боевой,
И бранной обувью украшенные ноги...
Не медли, поспешай, прелестный воин мой,
Приди, я жду тебя: здоровья дар благой
Мне снова ниспослали боги,
А с ним и сладкие тревоги
Любви таинственной и шалости младой.

***

Послушай, дедушка, мне каждый раз,
Когда взгляну на этот за́мок Ретлер,
Приходит в мысль: что, если это проза,
Да и дурная?..

Жуковскому

Когда, к мечтательному миру
Стремясь возвышенной душой,
Ты держишь на коленях лиру
Нетерпеливою рукой;
Когда сменяются виденья
Перед тобой в волшебной мгле,
И быстрый холод вдохновенья
Власы подъемлет на челе:
Ты прав, творишь ты *для немногих*,
Не для завистливых судей,
Не для сбирателей убогих
Чужих суждений и вестей,
Но для друзей таланта строгих,
Священной истины друзей.
Не всякого полюбит счастье,
Не все родились для венцов.
Блажен, кто знает сладострастье
Высоких мыслей и стихов,
Кто наслаждение прекрасным
В прекрасный получил удел
И твой восторг уразумел
Восторгом пламенным и ясным!

Сказки

Noël

Ура! в Россию скачет
Кочующий деспòт.
Спаситель громко плачет,
А с ним и весь народ.
Мария в хлопотах Спасителя стращает:
„Не плачь, дитя, не плачь, сударь:
Вот бука, бука — русский царь!“
Царь входит и вещает:

„Узнай, народ российский,
Что знает целый мир:
И прусский, и австрийский
Я сшил себе мундир.
О, радуйся, народ: я сыт, здоров и тучен;
Меня газетчик прославлял;
Я ел, и пил, и обещал —
И делом не измучен.

Узнай еще, в прибавку,
Что сделаю потом:
Лаврову дам отставку,
А Соца — в желтый дом;
Закон постановлю на место вам Горголи
И людям все права людей,
По царской милости моей,
Отдам из доброй воли“.

От радости в постеле
Запрыгало дитя:
„Неужто в самом деле?
Неужто не шутя?“
А мать ему: „Бай-бай! закрой свои ты глазки;
Пора уснуть бы, наконец,
Послушавши, как царь-отец
Рассказывает сказки!“

Юрьеву

Любимец ветреных Лаис,
Прелестный баловень Киприды,
Умей сносить, мой Адонис,
Ее минутные обиды!
Она дала красы младой
Тебе в удел очарованье,
И черный ус, и взгляд живой,
Любви улыбку и молчанье.
С тебя довольно, милый друг.
Пускай, желаний пылких чуждый,
Ты поцелуями подруг
Не наслаждаешься, что нужды?
В чаду веселий городских
На легких играх Терпсихоры,
К тебе красавиц молодых
Летят задумчивые взоры.
Увы! язык любви немой,
Сей вздох души красноречивый,
Быть должен сладок, милый мой,
Беспечности самолюбивой.
И счастлив ты своей судьбой.
А я, повеса вечно праздный,
Потомок негров безобразный,
Взрощенный в дикой простоте,
Любви не ведая страданий,
Я нравлюсь юной красоте
Бесстыдным бешенством желаний;
С невольным пламенем ланит
Украдкой нимфа молодая,
Сама себя не понимая,
На фавна иногда глядит.

К портрету Жуковского

Его стихов пленительная сладость
Пройдет веков завистливую даль,
И, внемля им, вздохнет о славе младость,
Утешится безмолвная печаль,
И резвая задумается радость.

Мечтателю

Ты в страсти горестной находишь наслажденье;
Тебе приятно слезы лить,
Напрасным пламенем томить воображенье
И в сердце тихое уныние таить:
Поверь, не любишь ты, неопытный мечтатель.
О, если бы тебя, унылых чувств искатель,
Постигло страшное безумие любви;
Когда б весь яд ее кипел в твоей крови;
Когда бы в долгие часы бессонной ночи,
На ложе, медленно терзаемый тоской,
Ты звал обманчивый покой,
Вотще смыкая скорбны очи,
Покровы жаркие рыдая обнимал
И сохнул в бешенстве бесплодного желанья:
Поверь, тогда б ты не питал
Неблагодарного мечтанья.
Нет, нет: в слезах упав к ногам
Своей любовницы надменной,
Дрожащий, бледный, исступленный,
Тогда б воскликнул ты к богам:
Отдайте, боги, мне рассудок омраченный,
Возьмите от меня сей образ роковой;
Довольно я любил; отдайте мне покой...
Но мрачная любовь и образ незабвенный
Остались вечно бы с тобой.

На Каченовского

Бессмертною рукой раздавленный зоил,
Позорного клейма ты вновь не заслужил!
Бесчестью твоему нужна ли перемена?
Наш Тацит на тебя захочет ли взглянуть?
Уймись — и прежним ты стихом доволен будь,
„Плюгавый выползок из гузна Дефонтена“!

Ответ на вызов написать стихи в честь ее императорского величества императрицы Елисаветы Алексеевны

На лире скромной, благородной
Земных богов я не хвалил;
И в силе, в гордости свободной,
Кадилом лести не кадил.
Свободу лишь учася славить,
Стихами жертвуя лишь ей,
Я не рожден царей забавить
Стыдливой музою моей.
Но, признаюсь, под Геликоном,
Где Касталийский ток шумел,
Я, вдохновенный Аполлоном,
Елисавету втайне пел.
Небесного земной свидетель,
Воспламененною душой
Я пел на троне добродетель
С ее приветною красой.
Любовь и тайная свобода
Внушали сердцу гимн простой;
И неподкупный голос мой
Был эхо русского народа.

Прелестнице

К чему нескромным сим убором,
Умильным голосом и взором
Младое сердце распалять
И тихим, сладостным укором
К победе легкой вызывать?
К чему обманчивая нежность,
Стыдливости притворный вид,
Движений томная небрежность
И трепет уст и жар ланит?
Напрасны хитрые старанья:
В порочном сердце жизни нет...
Невольный хлад негодованья
Тебе мой роковой ответ.
Твоею прелестью надменной
Кто не владел во тьме ночной?
Скажи, у двери оцененной
Твоей обители презренной
Кто смелой не стучал рукой?
Нет, нет, другому свой завялый
Неси, прелестница, венок;
Ласкай неопытный порок,
В твоих объятиях усталый.
Но гордый замысел забудь:
Не привлечешь питомца Музы
Ты на предательскую грудь.
Неси другим наемны узы,
Своей любви постыдный торг,
Корысти хладные лобзанья
И принужденные желанья,
И златом купленный восторг!

К ***

Счастлив, кто близ тебя, любовник упоенный,
Без томной робости твой ловит светлый взор,
Движенья милые, игривый разговор
И след улыбки незабвенной.

* * *

Дубравы, где в тиши свободы
Встречал я счастьем каждый день,
Ступаю вновь под ваши своды,
Под вашу дружескую тень.
И для [меня] воскресла радость
И душу взволновала вновь
Моя потерянная младость,
Тоски мучительная сладость
[И сердца первая] любовь.

* * *

Могущий бог садов — паду перед тобой.
Твой лик уродливый поставил я с мольбой,
Не с тем, чтоб удалял ты своенравных коз
И птичек от плодов и нежных ⟨и⟩ незрелых,
Тебя украсил ⟨я⟩ венком ⟨из⟩ диких роз
Не с тем, чтобы

1818

* * *

Позволь душе моей открыться пред тобою
И в дружбе сладостной отраду почерпнуть.
Скучая жизнию, томимый суетою,
Я [жажду] близ тебя, друг нежный, отдохнуть...
Ты помнишь, милая, — зарею наших лет,
Младенцы, мы любить умели...
Как быстро наши лета улетели.

В кругу чужих, в немилой стороне,
Я мало жил и наслаждался мало!
И дней моих печальное начало
Наскучило, давно постыло мне!
К чему мне жить? Я не рожден для счастья
[Для наслаждения], для дружбы, для забав,
избежав,
Я хладно пил из чаши сладострастья.

* * *

За ужином объелся я,
Да Яков запер дверь оплошно —
Так было мне, мои друзья,
И *кюхельбекерно*, и тошно.

К Чаадаеву

Любви, надежды, тихой славы
Недолго нежил нас обман,
Исчезли юные забавы,
Как сон, как утренний туман;
Но в нас горит еще желанье,
Под гнетом власти роковой
Нетерпеливою душой
Отчизны внемлем призыванье.
Мы ждем с томленьем упованья
Минуты вольности святой,
Как ждет любовник молодой
Минуту верного свиданья.
Пока свободою горим,
Пока сердца для чести живы,
Мой друг, отчизне посвятим
Души прекрасные порывы.
Товарищ, верь: взойдет она,
Звезда пленительного счастья,
Россия вспрянет ото сна,
И на обломках самовластья
Напишут наши имена!

В альбом Е. Я. Сосницкой

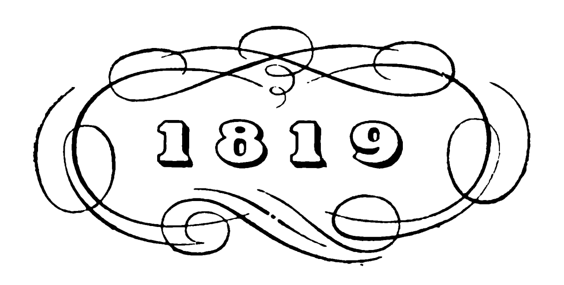
Вы съединить могли с холодностью сердечной
Чудесный жар пленительных очей.
Кто любит вас, тот очень глуп, конечно;
Но кто не любит вас, тот во сто раз глупей.

* * *

Как сладостно!.. Но, боги, как опасно
Тебе внимать, твой видеть милый взор!..
Забуду ли улыбку, взор прекрасный
И огненный, [волшебный] разговор!
Волшебница, зачем тебя я видел?
[Узнав тебя], блаженство я познал
И счастие мое возненавидел.

* * *

И я слыхал, что божий свет
Единой дружбою прекрасен,
Что без нее отрады нет,
Что жизни б путь нам был ужасен,
Когда б не тихой дружбы свет.
Но слушай — чувство есть другое:
Оно и нежит и томит,
В трудах, заботах и в покое
Всегда не дремлет и горит;
Оно мучительно, жестоко,
Оно всю душу в нас мертвит,
Коль язвы тяжкой ⟨и⟩ глубокой
Елей надежды не живит...
Вот страсть, которой я сгораю!
Я вяну, гибну в цвете лет,
Но исцелиться [не желаю].

Эпиграмма на А. М. Колосову

Всё пленяет нас в Эсфири:
Упоительная речь,
Поступь важная в порфире,
Кудри черные до плеч;
Голос нежный, взор любови...
Набеленная рука,
Размалеванные брови
И широкая нога.

27 мая 1819

Веселый вечер в жизни нашей
Запомним, юные друзья;
Шампанского в стекляной чаше
Шипела хладная струя.
Мы пили — и Венера с нами
Сидела, прея за столом.
Когда ж вновь сядем вчетвером
С блядьми, вином и чубуками?

Элегия

Воспоминаньем упоенный,
С благоговеньем и тоской
Объемлю грозный мрамор твой,
Кагула памятник надменный.
Не смелый подвиг россиян,
Не слава, дар Екатерине,
Не задунайский великан
Меня воспламеняют ныне...
. . . .
. . . .

На А. С. Стурдзу

Холоп венчанного солдата,
Благодари свою судьбу:
Ты стоишь лавров Герострата,
Иль смерти немца Коцебу...
А впрочем, ------.

В. В. Энгельгардту

Я ускользнул от Эскулапа
Худой, обритый, но живой.
Его мучительная лапа
Не тяготеет надо мной.
Здоровье, легкий друг Приапа,
И сон, и сладостный покой,
Как прежде, посетили снова
Мой угол тесный и простой.
Утешь и ты полубольного!
Он жаждет видеться с тобой,
С тобой, счастливый беззаконник,
Ленивый Пинда гражданин,
Свободы, Вакха верный сын,
Венеры набожный поклонник
И наслаждений властелин!
От суеты столицы праздной,
От хладных прелестей Невы,
От вредной сплетницы молвы,
От скуки, столь разнообразной,
Меня зовут холмы, луга,
Тенисты клены огорода,
Пустынной речки берега
И деревенская свобода.
Дай руку мне. Приеду я
В начале мрачном октября:
С тобою пить мы будем снова,
Открытым сердцем говоря
Насчет глупца, вельможи злого,
Насчет холопа записного,
Насчет небесного царя,
А иногда насчет земного.

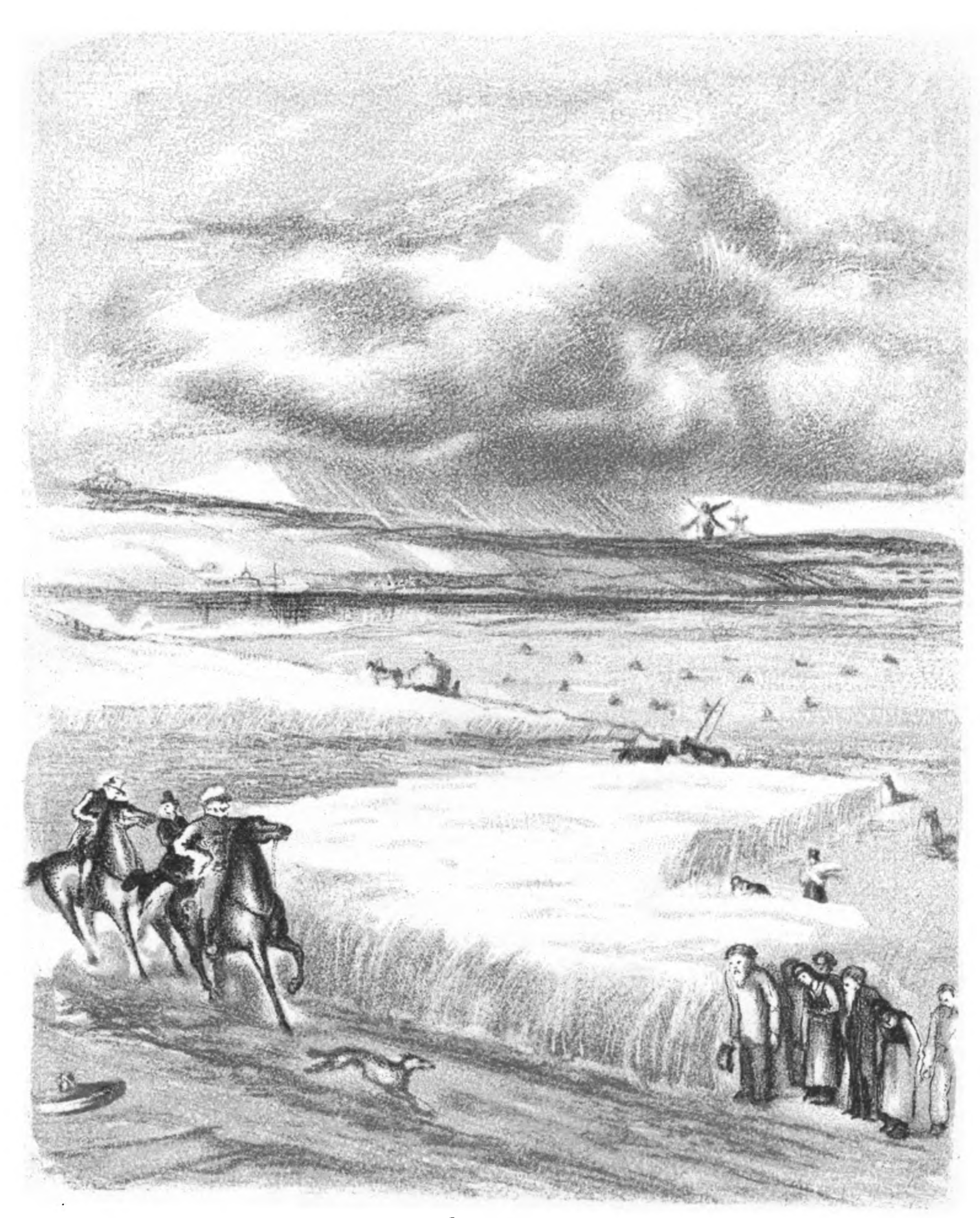
Орлову

О ты, который сочетал
С душою пылкой, откровенной
(Хотя и русской генерал)
Любезность, разум просвещенный;
О ты, который, с каждым днем
Вставая на военну муку,
Усталым усачам верхом
Преподаешь царей науку,
Но не бесславишь сгоряча
Свою воинственную руку
Презренной палкой палача,
Орлов, ты прав: я забываю
Свои гусарские мечты
И с Соломоном восклицаю:
Мундир и сабля — суеты!
На генерала Киселева
Не положу своих надежд,
Он очень мил, о том ни слова,
Он враг коварства и невежд;
За шумным, медленным обедом
Я рад сидеть его соседом,
До ночи слушать рад его;
Но он придворный: обещанья
Ему не стоят ничего.
Смирив немирные желанья,
Без доломана, без усов,
Сокроюсь с тайною свободой,
С цевницей, негой и природой
Под сенью дедовских лесов;
Над озером, в спокойной хате,
Или в траве густых лугов,
Или холма на злачном скате,
В бухарской шапке и в халате

Я буду петь моих богов
И буду ждать. — Когда ж восстанет
С одра покоя бог мечей,
И брани громкой вызов грянет,
Тогда покину мир полей;
Питомец пламенной Беллоны,
У трона верный гражданин!
Орлов, я стану под знамены
Твоих воинственных дружин;
В шатрах, средь сечи, средь пожаров,
С мечом и с лирой боевой
Рубиться буду пред тобой
И славу петь твоих ударов.

* * *

Нет, нет, напрасны ваши пени,
Я вас люблю, всё тот же я.
Дни наши, милые друзья,
Бегут, как утренние тени.
Мы наслаждаемся, цветем,
Но сердце [тихим] сном
В минувшем любит забываться.

„Деревня". С автолитографии *А. А. Суворова*

Деревня

Приветствую тебя, пустынный уголок,
Приют спокойствия, трудов и вдохновенья,
Где льется дней моих невидимый поток
    На лоне счастья и забвенья!
Я твой — я променял порочный двор цирцей,
Роскошные пиры, забавы, заблужденья
На мирный шум дубров, на тишину полей,
На праздность вольную, подругу размышленья.
    Я твой — люблю сей темный сад
    С его прохладой и цветами,
Сей луг, уставленный душистыми скирдами,
Где светлые ручьи в кустарниках шумят.
Везде передо мной подвижные картины:
Здесь вижу двух озер лазурные равнины,
Где парус рыбаря белеет иногда,
За ними ряд холмов и нивы полосаты,
    Вдали рассыпанные хаты,
На влажных берегах бродящие стада,
Овины дымные и мельницы крылаты;
    Везде следы довольства и труда.
Я здесь, от суетных оков освобожденный,
Учуся в истине блаженство находить,
Свободною душой закон боготворить,
Роптанью не внимать толпы непросвещенной,
Участьем отвечать застенчивой мольбе
    И не завидовать судьбе
Злодея иль глупца в величии неправом.
Оракулы веков, здесь вопрошаю вас!
    В уединеньи величавом
    Слышнее ваш отрадный глас;
    Он гонит лени сон угрюмый,
    К трудам рождает жар во мне,
    И ваши творческие думы
    В душевной зреют глубине.

Но мысль ужасная здесь душу омрачает:
Среди цветущих нив и гор
Друг человечества печально замечает
Везде невежества убийственный позор.
Не видя слез, не внемля стона,
На пагубу людей избранное судьбой,
Здесь барство дикое, без чувства, без закона,
Присвоило себе насильственной лозой
И труд, и собственность, и время земледельца.
С поникшею главой, покорствуя бичам,
Здесь рабство тощее влачится по браздам
Неумолимого владельца.
Здесь тягостный ярем до гроба все влекут,
Надежд и склонностей питать не смея,
Здесь девы юные цветут
Для прихоти бесчувственной злодея.
Опора милая стареющих отцов,
Младые сыновья, товарищи трудов,
Из хижины родной идут собой умножить
Дворовые толпы измученных рабов.
О, если б голос мой умел сердца тревожить!
Почто в груди моей горит бесплодный жар,
И не дан мне в удел витийства грозный дар?
Увижу ль, о друзья, народ неугнетенный
И рабство, падшее по манию царя,
И над отечеством свободы просвещенной
Взойдет ли наконец прекрасная заря?

* * *

Давно ли тайными судьбами
Нам жизни чаша подана?
Еще для нас она полна.
К ее краям прильнув устами,
Мы пьем восторги и любовь.
Для нас надежды, наслажденья,
[Для нас] все [новы] заблужденья,
Как новы

К Щербинину

Житье тому, любезный друг,
Кто страстью глупою не болен,
Кому влюбиться недосуг,
Кто занят всем, и всем доволен;
Кто Наденьку под вечерок
За тайным ужином ласкает
И жирный страсбургский пирог
Вином душистым запивает;
Кто, удалив заботы прочь,
Как верный сын пафосской веры,
Проводит набожную ночь
С младой монашенкой Цитеры.
Поутру сладко дремлет он,
Читая листик „Инвалида“;
Весь день веселью посвящен,
А в ночь вновь царствует Киприда!
И мы не так ли дни ведем,
Щербинин, резвый друг забавы,
С Амуром, шалостью, вином,
Покамест молоды и здравы?
Но дни младые пролетят,
Веселья, нега нас покинут,
Желаньям чувства изменят,
Сердца иссохнут и остынут.
Тогда, без песен, без подруг,
Без наслаждений, без желаний,
Найдем отраду, милый друг,
В туманном сне воспоминаний!
Тогда, качая головой,
Скажу тебе у двери гроба:
„Ты помнишь Фанни, милый мой?“
И тихо улыбнемся оба.

Домовому

Поместья мирного незримый покровитель,
Тебя молю, мой добрый домовой,
Храни селенье, лес и дикий садик мой
И скромную семьи моей обитель!
Да не вредят полям опасный хлад дождей
И ветра позднего осенние набеги;
Да в пору благодатны снеги
Покроют влажный тук полей!
Останься, тайный страж, в наследственной сени,
Постигни робостью полуночного вора
И от недружеского взора
Счастливый домик охрани!
Ходи вокруг него заботливым дозором,
Люби мой малый сад и берег сонных вод,
И сей укромный огород
С калиткой ветхою, с обрушенным забором!
Люби зеленый скат холмов,
Луга, измятые моей бродящей ленью,
Прохладу лип и кленов шумный кров:
Они знакомы вдохновенью.

1819

К Ф. Ф. Юрьеву

Здорово, Юрьев именинник!
Здорово, Юрьев лейб-улан!
Сегодня для тебя пустынник
Осушит пенистый стакан.
Здорово, Юрьев именинник,
Здорово, Юрьев лейб-улан!

Здорово, рыцари лихие
Любви, свободы и вина!
Для нас, союзники младые,
Надежды лампа зажжена.
Здорово, рыцари лихие
Любви, свободы и вина!

Здорово, молодость и счастье,
Застольный кубок и бордель,
Где с громким смехом сладострастье
Ведет нас пьяных на постель.
Здорово, молодость и счастье,
Застольный кубок и бордель!

Веселый пир

Я люблю вечерний пир,
Где веселье председатель,
А свобода, мой кумир,
За столом законодатель,
Где до утра слово *пей*
Заглушает крики песен,
Где просторен круг гостей,
А кружок бутылок тесен.

Всеволожскому

Прости, счастливый сын пиров,
Балованный дитя свободы!
Итак, от наших берегов,
От мертвой области рабов,
Капральства, прихотей и моды
Ты скачешь в мирную Москву,
Где наслажденьям знают цену,
Беспечно дремлют наяву
И в жизни любят перемену.
В сей азиатской стороне,
Нас уверяют, жизнь — игрушка!
В почтенной кичке, в шушуне,
Москва премилая старушка.
Разнообразной и живой
Она пленяет пестротой,
Старинной роскошью, пирами,
Невестами, колоколами,
Забавной, легкой суетой,
Невинной прозой и стихами.
Ты там на шумных вечерах
Увидишь важное безделье,
Жеманство в тонких кружевах
И глупость в золотых очках,
И тучной знатности похмелье,
И скуку с картами в руках.
Всего минутный наблюдатель,
Ты посмеешься под рукой;
Но вскоре, верный обожатель
Забав и лени золотой,
Держася моего совета
И волю всей душой любя,
Оставишь круг большого света
И жить решишься для себя.
Уже в приюте отдаленном
Я вижу мысленно тебя:

Кипит в бокале опененном
Аи холодная струя;
В густом дыму ленивых трубок,
В халатах новые друзья
Шумят и пьют; задорный кубок
Обходит их безумный круг,
И мчится в радостях досуг;
А там египетские девы
Летают, вьются пред тобой;
Я слышу звонкие напевы,
Стон неги, вопли, дикий вой;
Их исступленные движенья,
Огонь неистовых очей,
И всё, мой друг, в душе твоей
Рождает трепет упоенья...
Но вспомни, милый: здесь одна,
Тебя всечасно ожидая,
Вздыхает пленница младая;
Весь день уныла и томна,
В своей задумчивости сладкой,
Тихонько плачет под окном,
От грозных аргусов украдкой
И смотрит на пустынный дом,
Где мы так часто пировали
С キпридой, Вакхом и тобой,
Куда с надеждой и тоской
Ее желанья улетали.
О, скоро ль милого найдут
Ее потупленные взоры,
И пред любовью упадут
Замков ревнивые затворы?

А наш осиротелый круг,
Товарищ, скоро ль оживится?
Когда прискачешь, милый друг?
Душа вослед тебе стремится,
Где б ни был ты, возьми венок
Из рук младого сладострастья
И докажи, что ты знаток
В неведомой науке счастья.

Уединение

Блажен, кто в отдаленной сени,
Вдали тиранов и невежд,
Живет меж Вольности и лени,
Воспоминаний и надежд;
Кому судьба друзей послала,
Кто скрыт, по милости творца,
От усыпителя глупца,
От пробудителя нахала.

* * *

Напрасно, милый друг, я мыслил утаить
Обманутой [души] холодное волненье.
Ты поняла меня — проходит упоенье,
Перестаю тебя любить...
[Исчезли навсегда часы] очарованья,
Пора прекрасная прошла,
Погасли юные желанья,
Надежда в сердце умерла.

* * *

За старые грехи наказанный судьбой,
Я стражду восемь дней, с лекарствами в желудке,
С Меркурием в <*нрзбр*>, раскаяньем в рассудке —
[Я стражду — Эскулап ручается душой]

* * *

Всё призрак, суета,
Всё дрянь и гадость;
Стакан и красота —
Вот жизни радость.

Любовь и вино
Нам нужны равно;
Без них человек
Зевал бы весь век.

К ним лень еще прибавлю,
Лень с ними заодно;
[Любовь] я с нею славлю —
Она мне льет вино.

К Лиле

Лила! Лила! я страдаю
Безотрадною тоской,
Я томлюсь, я умираю,
Гасну пламенной душой;
Но любовь моя напрасна:
Ты смеешься надо мной.
Смейся, Лила: ты прекрасна
И бесчувственной красой.

Платоническая любовь

Я знаю, Лидинька, мой друг,
Кому в задумчивости сладкой
Ты посвятила свой досуг,
Кому ты жертвуешь украдкой
От подозрительных подруг.
Тебя страшит проказник милый,
Очарователь легкокрылый,
И хладной важностью своей
Тебе несносен Гименей.
Ты молишься другому богу,
Своей покорствуя судьбе;
Восторги нежные к тебе
Нашли пустынную дорогу.
Я понял слабый жар очей,
Я понял взор полузакрытый
И побледневшие ланиты,
И томность поступи твоей...
Твой бог не полною отрадой
Своих поклонников дарит.
Его таинственной наградой
Младая скромность дорожит.
Он любит сны воображенья,
Он терпит на дверях замок,
Он друг стыдливый наслажденья,
Он брат любви, но одинок.
Когда бессонницей унылой
Во тьме ночной томишься ты,
Он оживляет тайной силой
Твои неясные мечты,
Вздыхает нежно с бедной Лидой
И гонит тихою рукой
И сны, внушенные Кипридой,
И сладкий, девственный покой.
В уединенном наслажденьи
Ты мыслишь обмануть любовь.

Напрасно! — в самом упоеньи
Вздыхаешь и томишься вновь.

Амур ужели не заглянет
В неосвященный свой приют?
Твоя краса, как роза, вянет;
Минуты юности бегут.
Ужель мольба моя напрасна?
Забудь преступные мечты,
Не вечно будешь ты прекрасна,
Не для себя прекрасна ты.

Записка Жуковскому

Раевский, *молоденец* прежний,
А там уже *отважный сын*,
И Пушкин, школьник неприлежный
Парнасских девственниц-богинь,
К тебе, Жуковский, заезжали,
Но к неописанной печали
Поэта дома не нашли
И, увенчавшись кипарисом,
С французской повестью *Борисом*
Домой уныло побрели.
Какой святой, какая сводня
Сведет Жуковского со мной?
Скажи, не будешь ли сегодня
С Карамзиным, с Карамзиной?
На всякой случай — ожидаю!
Тронися просьбою моей,
Тебя зовет на чашку чаю
Раевский, слава наших дней.

Недоконченная картина

Чья мысль восторгом угадала,
Постигла тайну красоты?
Чья кисть, о небо, означала
Сии небесные черты?

Ты гений!.. Но любви страданья
Его сразили. Взор немой
Вперил он на свое созданье
И гаснет пламенной душой.

Русалка

Над озером, в глухих дубровах,
Спасался некогда монах,
Всегда в занятиях суровых,
В посте, молитве и трудах.
Уже лопаткою смиренной
Себе могилу старец рыл
И лишь о смерти вожделенной
Святых угодников молил.

Однажды летом у порогу
Поникшей хижины своей
Анахорет молился богу.
Дубравы делались черней;
Туман над озером дымился,
И красный месяц в облаках
Тихонько по небу катился.
На воды стал глядеть монах.

Глядит, невольно страха полный;
Не может сам себя понять...
И видит: закипели волны
И присмирели вдруг опять...

И вдруг... легка, как тень ночная,
Бела, как ранний снег холмов,
Выходит женщина нагая
И молча села у брегов.

Глядит на старого монаха
И чешет влажные власы.
Святой монах дрожит со страха
И смотрит на ее красы.
Она манит его рукою,
Кивает быстро головой...
И вдруг падучею звездою
Под сонной скрылася волной.

Всю ночь не спал старик угрюмый
И не молился целый день:
Перед собой с невольной думой
Всё видел чудной девы тень.
Дубравы вновь оделись тьмою;
Прошла по облакам луна,
И снова дева над водою
Сидит, прелестна и бледна.

Глядит, кивает головою,
Целует издали шутя,
Играет, плещется волною,
Хохочет, плачет, как дитя,
Зовет монаха, нежно стонет...
„Монах, монах! Ко мне, ко мне!..“
И вдруг в волнах прозрачных тонет;
И всё в глубокой тишине.

На третий день отшельник страстный
Близ очарованных брегов
Сидел и девы ждал прекрасной,
А тень ложилась средь дубров...
Заря прогнала тьму ночную:
Монаха не нашли нигде,
И только бороду седую
Мальчишки видели в воде.

Царское Село

Хранитель милых чувств и прошлых наслаждений,
О ты, певцу дубрав давно знакомый гений,
Воспоминание, рисуй передо мной
Волшебные места, где я живу душой,
Леса, где [я] любил, где [чувство] развивалось,
Где с первой юностью младенчество сливалось!
И где, взлелеянный природой и мечтой,
Я знал поэзию, веселость и покой.

9 Веди, веди меня под липовые сени,
Всегда любезные моей свободной лени,
На берег озера, на тихий скат холмов!..
Да вновь увижу я ковры густых лугов
И дряхлый пук дерев, и светлую долину,
И злачных берегов знакомую картину,
И в тихом [озере], средь блещущих зыбей,
Станицу гордую спокойных лебедей.

1819

* * *

Там у леска, за ближнею долиной,
Где весело теченье светлых струй,
Младой Эдвин прощался там с Алиной;
Я слышал их последний поцелуй.

Взошла луна — Алина там сидела,
И тягостно ее дышала грудь.
Взошла заря — Алина всё глядела
[Сквозь] белый пар на опустелый путь.

Там у ручья, под ивою прощальной,
[В час утренний] пастух ее видал,
Когда к ручью волынкою печальной
В полдневный жар он стадо загонял.

Прошли года — другой уж в половине
И вижу я — вдали Эдвин идет.
Он шел грустя к дубраве по долине,
Где весело <теченье светлых> вод.

Глядит Эдвин — под ивою, где с милой
Прощался он, стоит святой чернец;
Поставлен крест над новою могилой,
И на кресте завялых роз венец.

И в нем душа стеснилась вдруг от страха.
[Кто здесь сокрыт?] читает надпись он —
Главой поник... упал к ногам монаха,
И слышал я его последний стон.

Стансы Толстому

Философ ранний, ты бежишь
Пиров и наслаждений жизни,
На игры младости глядишь
С молчаньем хладным укоризны.

Ты милые забавы света
На грусть и скуку променял
И на лампаду Эпиктета
Златой Горациев фиал.

Поверь, мой друг: она придет,
Пора унылых сожалений,
Холодной истины забот
И бесполезных размышлений.

Зевес, балуя смертных чад,
Всем возрастам дает игрушки:
Над сединами не гремят
Безумства резвые гремушки.

Ах, младость не приходит вновь!
Зови же сладкое безделье
И легкокрылую любовь,
И легкокрылое похмелье!

До капли наслажденье пей,
Живи беспечен, равнодушен!
Мгновенью жизни будь послушен,
Будь молод в юности твоей!

1819

Возрождение

Художник-варвар кистью сонной
Картину гения чернит
И свой рисунок беззаконный
Над ней бессмысленно чертит.

Но краски чуждые с летами
Спадают ветхой чешуей:
Созданье гения пред нами
Выходит с прежней красотой.

Так исчезают заблужденья
С измученной души моей,
И возникают в ней виденья
Первоначальных, чистых дней.

Послание к кн. А. М. Горчакову

Питомец мод, большого света друг,
Обычаев блестящий наблюдатель,
Ты мне велишь оставить мирный круг,
Где, красоты беспечный обожатель,
Я провожу незнаемый досуг.
Как ты, мой друг, в неопытные лета,
Опасною прельщенный суетой,
Терял я жизнь и чувства и покой;
Но угорел в чаду большого света
И отдохнуть убрался я домой.
И, признаюсь, мне во сто крат милее
Младых повес счастливая семья,
Где ум кипит, где в мыслях волен я,
Где спорю вслух, где чувствую живее
И где мы все — прекрасного друзья,

Чем вялые, бездушные собранья,
Где ум хранит невольное молчанье,
Где холодом сердца поражены,
Где Бутурлин — невежд законодатель,
Где Шеппинг — царь, а скука — председатель,
Где глупостью единой все равны.
Я помню их, детей честолюбивых,
Злых без ума, без гордости спесивых,
И, разглядев тиранов модных зал,
Чуждаюсь их укоров и похвал!..
Когда в кругу Лаис благочестивых
Затянутый невежда-генерал
Красавицам внимательным и сонным
С трудом острит французский мадригал,
Глядя на всех с нахальством благосклонным,
И все вокруг и дремлют, и молчат,
Крутят усы и шпорами бренчат,
Да изредка с улыбкою зевают, —
Тогда, мой друг, забытых шалунов
Свобода, Вакх и музы угощают.
Не слышу я бывало острых слов,
Политики смешного лепетанья,
Не вижу я изношенных глупцов,
Святых невежд, почетных подлецов
И мистики придворного кривлянья!..
И ты на миг оставь своих вельмож
И тесный круг друзей моих умножь,
О ты, харит любовник своевольный,
Приятный льстец, язвительный болтун,
Попрежнему остряк небогомольный,
Попрежнему философ и шалун.

***

Но я не тот, мои златые годы,
Безумства жар, веселость, острота,
Любовь стихов, любовь моей свободы —
Проходит всё, как легкая мечта.
Так иногда за чашей ликованья
Найдешь меня объятого тоской,
Задумчива, с поникшею главой —
И ты поймешь души моей страданья.

***

Ольга, крестница Киприды,
Ольга, чудо красоты,
Как же ласки и обиды
Расточать привыкла ты!
Поцелуем сладострастья
[Ты, тревожа сердце в нас,]
Соблазнительного счастья
Назначаешь тайный час.
Мы с горячкою любовной
Прибегаем в час условный,
В дверь стучим — но в сотый раз
Слышим твой коварный шопот
И служанки сонный ропот,
И насмешливый отказ.

Ради резвого разврата
Приапических затей,
Ради неги, ради злата,
Ради прелести твоей,
Ольга, жрица наслажденья,
Внемли наш влюбленный плач —
Ночь восторгов, ночь забвенья
Нам наверное назначь.

П. Б. Мансурову

Мансуров, закадышный друг,
Надень венок терновый!
Вздохни — и рюмку выпей вдруг
За здравие Крыловой.

Поверь, она верна тебе,
Как девственница Ласси,
Она покорствует судьбе
И госпоже Казасси.

Но скоро счастливой рукой
Набойку школы скинет,
На бархат ляжет пред тобой
- - - - - - - - - .

Добрый человек

Ты прав, несносен Фирс ученый,
Педант надутый и мудреный:
Он важно судит обо всем,
Всего он знает понемногу.
Люблю тебя, сосед Пахом:
Ты просто глуп, и слава богу.

* * *

Лаиса, я люблю твой смелый [вольный] взор,
Неутолимый жар открытого желанья
И непрерывные лобзанья
И страсти полный разговор.
Люблю горящих уст я вызовы немые,
Восторги быстрые, живые.

* * *

„Tien et mien,— dit Lafontaine,—
Du monde a rompu le lien“.
Quant à moi, je n'en crois rien.
Que serait ce, ma Climène,
Si tu n'étais plus la *mienne*,
Si je n'étais plus le *tien*?*

Мадригал М -- ой

О вы, которые любовью не горели,
Взгляните на нее: узнаете любовь.
О вы, которые уж сердцем охладели,
Взгляните на нее: полюбите вы вновь.

Е. П. Бакуниной

Напрасно воспевать мне ваши именины
При всем усердии послушности моей:
Вы не милее в день святой Екатерины
Затем, что никогда нельзя быть вас милей.

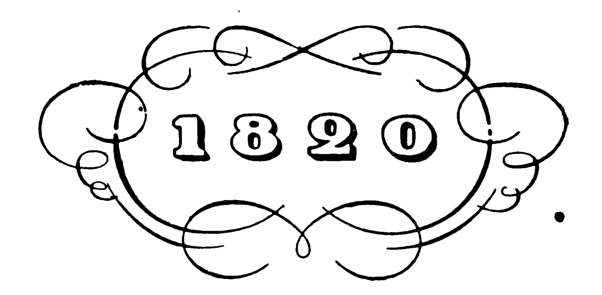
* ⟨„Твое и мое,— сказал Лафонтен,—
Расторгли все связи на свете“.
Что до меня — я в этом не вижу толку.
Что сталось бы, моя Климена,
Когда бы ты не была *моею*,
Когда бы я не был *твоим*?⟩

Ты и я

Ты богат, я очень беден;
Ты прозаик, я поэт;
Ты румян, как маков цвет,
Я, как смерть, и тощ, и бледен.
Не имея ввек забот,
Ты живешь в огромном доме;
Я ж средь горя и хлопот
Провожу дни на соломе.
Ешь ты сладко всякий день,
Тянешь вина на свободе,
И тебе нередко лень
Нужный долг отдать природе...
Я же с черствого куска,
От воды гнилой и пресной,
Сажень за сто с чердака
За нуждой бегу известной.
Окружен рабов толпой,
С грозным деспотизма взором,
Афедрон ты жирный свой
Подтираешь коленкором;
Я же грешную дыру
Не балую детской модой
И Хвостова жесткой одой,
Хоть и морщуся, да тру.

Нимфодоре Семеновой

Желал бы быть твоим, Семенова, покровом,
Или собачкою постельною твоей,
Или поручиком Барковым,
Ах, он поручик! ах, злодей!

* * *

„Скажи, какие заклинанья
Имеют над тобою власть?“ —
„Все хороши: на все призванья
Готов я как бы с неба пасть.
Довольно одного желанья —
Я, как догадливый холоп,
В ладони по-турецки хлоп,
Присвистни, позвони, и мигом
Явлюсь. Что делать — я служу,
Живу, кряхчу под вечным игом,
Как нянька бедная, хожу
За вами — слушаю, гляжу“.

Дориде

Я верю: я любим; для сердца нужно верить.
Нет, милая моя не может лицемерить;
Всё непритворно в ней: желаний томный жар,
Стыдливость робкая, харит бесценный дар,
Нарядов и речей приятная небрежность
И ласковых имен младенческая нежность.

Дорида

В Дориде нравятся и локоны златые,
И бледное лицо, и очи голубые.
Вчера, друзей моих оставя пир ночной,
В ее объятиях я негу пил душой;
Восторги быстрые восторгами сменялись,
Желанья гасли вдруг и снова разгорались.
Я таял; но среди неверной темноты
Другие милые мне виделись черты,
И весь я полон был таинственной печали,
И имя чуждое уста мои шептали.

***

Мне бой знаком — люблю я звук мечей;
От первых лет поклонник бранной славы,
Люблю войны кровавые забавы,
И смерти мысль мила душе моей.
Во цвете лет, свободы верный воин,
Перед собой кто смерти не видал,
Тот полного веселья не вкушал
И милых жен лобзаний не достоин.

На гр. А. А. Аракчеева

Всей России притеснитель,
Губернаторов мучитель
И Совета он учитель,
А царю он — друг и брат.
Полон злобы, полон мести,
Без ума, без чувств, без чести,
Кто ж он, „преданный без лести“?
Бляди грошевой солдат.

* * *

Се самый Дельвиг тот, что нам всегда твердил,
Что коль судьбой ему даны б Нерон и Тит,
То не в Нерона меч, но в Тита сей вонзил —
Нерон же без него правдиву смерть узрит.

Эпиграмма

В жизни мрачной и презренной
Был он долго погружен,
Долго все концы вселенной
Осквернял развратом он.
Но исправясь понемногу,
Он загладил свой позор,
И теперь он — слава богу,
Только что картежный вор.

***

Аптеку позабудь ты для венков лавровых
И не мори больных, но усыпляй здоровых.

***

Увы, зачем она блистает
Минутной, нежной красотой?
Она приметно увядает
Во цвете юности живой...
Увянет! Жизнью молодою
Недолго наслаждаться ей;
Недолго радовать собою
Счастливый круг семьи своей,
Беспечной, милой остротою
Беседы наши оживлять
И тихой, ясною душою
Страдальца душу услаждать.
Спешу в волненьи дум тяжелых,
Сокрыв уныние мое,
Наслушаться речей веселых
И наглядеться на нее.
Смотрю на все ее движенья,
Внимаю каждый звук речей,
И миг единый разлученья
Ужасен для души моей.

***

Мне вас не жаль, года весны моей,
Протекшие в мечтах любви напрасной,—
Мне вас ⟨не⟩ жаль, о таинства ночей,
Воспетые цевницей сладострастной;

[Мне вас не жаль], неверные друзья,
Венки пиров и чаши круговые,
Мне вас не жаль, изменницы младые,—
Задумчивый, забав чуждаюсь я.

Но где же вы, минуты умиленья,
Младых надежд, сердечной тишины,
[Где прежний жар и] нега вдохновенья?..
Придите вновь, года моей весны!

К ***

Зачем безвременную скуку
Зловещей думою питать
И неизбежную разлуку
В уныньи робком ожидать?
И так уж близок день страданья!
Один, в тиши пустых полей,
Ты будешь звать воспоминанья
Потерянных тобою дней;
Тогда изгнаньем и могилой,
Несчастный, будешь ты готов
Купить хоть слово девы милой,
Хоть легкий шум ее шагов.

***

Погасло дневное светило;
На море синее вечерний пал туман.
Шуми, шуми, послушное ветрило,
Волнуйся подо мной, угрюмый океан.
Я вижу берег отдаленный,
Земли полуденной волшебные края;
С волненьем и тоской туда стремлюся я,
Воспоминаньем упоенный...
И чувствую: в очах родились слезы вновь;
Душа кипит и замирает;
Мечта знакомая вокруг меня летает;
Я вспомнил прежних лет безумную любовь,
И всё, чем я страдал, и всё, что сердцу мило,
Желаний и надежд томительный обман...
Шуми, шуми, послушное ветрило,
Волнуйся подо мной, угрюмый океан.
Лети, корабль, неси меня к пределам дальным
По грозной прихоти обманчивых морей,
Но только не к брегам печальным
Туманной родины моей,
Страны, где пламенем страстей
Впервые чувства разгорались,
Где музы нежные мне тайно улыбались,
Где рано в бурях отцвела
Моя потерянная младость,
Где легкокрылая мне изменила радость
И сердце хладное страданью предала.
Искатель новых впечатлений,
Я вас бежал, отечески края;
Я вас бежал, питомцы наслаждений,
Минутной младости минутные друзья;
И вы, наперсницы порочных заблуждений,
Которым без любви я жертвовал собой,
Покоем, славою, свободой и душой,
И вы забыты мной, изменницы младые,

Подруги тайные моей весны златыя,
И вы забыты мной... Но прежних сердца ран,
Глубоких ран любви, ничто не излечило...
Шуми, шуми, послушное ветрило,
Волнуйся подо мной, угрюмый океан...

Дочери Карагеоргия

Гроза луны, свободы воин,
Покрытый кровию святой,
Чудесный твой отец, преступник и герой,
И ужаса людей, и славы был достоин.
Тебя младенца он ласкал
На пламенной груди рукой окровавленной;
Твоей игрушкой был кинжал,
Братоубийством изощренный.
Как часто, возбудив свирепой мести жар,
Он молча над твоей невинной колыбелью
Убийства нового обдумывал удар
И лепет твой внимал и не был чужд веселью!
Таков был: сумрачный, ужасный до конца.
Но ты, прекрасная, ты бурный век отца
Смиренной жизнию пред небом искупила:
С могилы грозной к небесам
Она, как сладкий фимиам,
Как чистая любви молитва, восходила.

Черная шаль

Гляжу, как безумный, на черную шаль,
И хладную душу терзает печаль.

Когда легковерен и молод я был,
Младую гречанку я страстно любил;

Прелестная дева ласкала меня,
Но скоро я дожил до черного дня.

Однажды я созвал веселых гостей;
Ко мне постучался презренный еврей;

„С тобою пируют (шепнул он) друзья;
Тебе ж изменила гречанка твоя".

Я дал ему злата и проклял его,
И верного позвал раба моего.

Мы вышли; я мчался на быстром коне;
И кроткая жалость молчала во мне.

Едва я завидел гречанки порог,
Глаза потемнели, я весь изнемог...

В покой отдаленный вхожу я один...
Неверную деву лобзал армянин.

Не взвидел я света; булат загремел...
Прервать поцелуя злодей не успел.

Безглавое тело я долго топтал,
И молча на деву, бледнея, взирал.

И помню моленья... текущую кровь...
Погибла гречанка, погибла любовь!

С главы ее мертвой сняв черную шаль,
Отер я безмолвно кровавую сталь.

Мой раб, как настала вечерняя мгла,
В дунайские волны их бросил тела.

С тех пор не целую прелестных очей,
С тех пор я не знаю веселых ночей.

Гляжу, как безумный, на черную шаль,
И хладную душу терзает печаль.

Нереида

Среди зеленых волн, лобзающих Тавриду,
На утренней заре я видел Нереиду.
Сокрытый меж дерев, едва я смел дохнуть:
Над ясной влагою полубогиня грудь
Младую, белую, как лебедь, воздымала
И пену из власов струею выжимала.

* * *

Редеет облаков летучая гряда.
Звезда печальная, вечерняя звезда!
Твой луч осеребрил увядшие равнины
И дремлющий залив, и черных скал вершины.
Люблю твой слабый свет в небесной вышине;
Он думы разбудил, уснувшие во мне.
Я помню твой восход, знакомое светило,
Над мирною страной, где всё для сердца мило,
Где стройны тополи в долинах вознеслись,
Где дремлет нежный мирт и темный кипарис,
И сладостно шумят полуденные волны.
Там, некогда в горах, сердечной думы полный,
Над морем я влачил задумчивую лень,
Когда на хижины сходила ночи тень,
И дева юная во мгле тебя искала,
И именем своим подругам называла.

Эпиграмма

Хаврониос! ругатель закоснелый,
Во тьме, в пыли, в презреньи поседелый,
Уймись, дружок! к чему журнальный шум
И пасквилей томительная тупость?
Затейник зол, с улыбкой скажет Глупость.
Невежда глуп, зевая, скажет Ум.

Эпиграмма

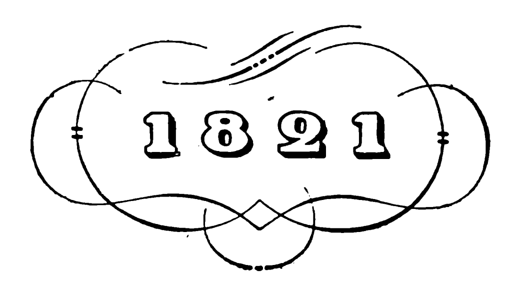
Когда б писать ты начал сдуру,
Тогда б наверно ты пролез
Сквозь нашу тесную цензуру,
Как внидешь в царствие небес.

Эпиграмма

Как брань тебе не надоела!
Расчет короток мой с тобой:
Ну, так, я празден, я без дела,
А ты бездельник деловой.

* * *

Там на брегу, где дремлет лес священный,
Твое я имя повторял;
Там часто я бродил уединенный
И вдаль глядел... и милой встречи ждал.

Земля и море

Когда по синеве морей
Зефир скользит и тихо веет
В ветрила гордых кораблей
И челны на волнах лелеет, —
Забот и дум слагая груз,
Тогда ленюсь я веселее
И забываю песни муз:
Мне моря сладкий шум милее.
Когда же волны по брегам
Ревут, кипят и пеной плещут,
И гром гремит по небесам,
И молнии во мраке блещут,
Я удаляюсь от морей
В гостеприимные дубровы:
Земля мне кажется верней,
И жалок мне рыбак суровый:
Живет на утлом он челне,
Игралище слепой пучины,
А я в надежной тишине
Внимаю шум ручья долины.

Красавица перед зеркалом

Взгляни на милую, когда свое чело
Она пред зеркалом цветами окружает,
Играет локоном, и верное стекло
Улыбку, хитрый взор и гордость отражает.

* * *

Я пережил свои желанья,
Я разлюбил свои мечты;
Остались мне одни страданья,
Плоды сердечной пустоты.

Под бурями судьбы жестокой
Увял цветущий мой венец;
Живу печальный, одинокой,
И жду: придет ли мой конец?

Так, поздним хладом пораженный,
Как бури слышен зимний свист,
Один на ветке обнаженной
Трепещет запоздалый лист.

Из письма к Дельвигу

Друг Дельвиг, мой парнасский брат,
Твоей я прозой был утешен.
Но признаюсь, барон, я грешен:
Стихам я больше был бы рад.
Ты знаешь сам: в минувши годы
Я на брегу парнасских вод
Любил марать поэмы, оды,
И даже зрел меня народ
На кукольном театре моды.
Бывало, что ни напишу,
Всё для иных не Русью пахнет;
Об чем цензуру ни прошу,
Ото всего Тимковский ахнет.
Теперь едва, едва дышу,
От воздержанья муза чахнет,
И редко, редко с ней грешу.
. . . .
К неверной славе я хладею;
И по привычке лишь одной
Лениво волочусь за нею,
Как муж за гордою женой.
Я позабыл ее обеты,
Одна свобода мой кумир,
Но всё люблю, мои поэты,
Счастливый голос ваших лир.
Так точно, позабыв сегодня
Проказы младости своей,
Глядит с улыбкой ваша сводня
На шашни молодых блядей.

Из письма к Гнедичу

В стране, где Юлией венчанный
И хитрым Августом изгнанный
Овидий мрачны дни влачил;
Где элегическую лиру
Глухому своему кумиру
Он малодушно посвятил;
Далече северной столицы
Забыл я вечный ваш туман,
И вольный глас моей цевницы
Тревожит сонных молдаван.
Всё тот же я, как был и прежде,
С поклоном не хожу к невежде,
С Орловым спорю, мало пью,
Октавию, в слепой надежде,
Молебнов лести не пою
И дружбе легкие посланья
Пишу без строгого старанья.
Ты, коему судьба дала
И смелый ум, и дух высокой
И важным песням обрекла,
Отраде жизни одинокой;
О ты, который воскресил
Ахилла призрак величавый,
Гомера музу нам явил
И смелую певицу славы
От звонких уз освободил —
Твой глас достиг уединенья,
Где я сокрылся от гоненья
Ханжи и гордого глупца,
И вновь он оживил певца,
Как сладкий голос вдохновенья.
Избранник Феба! твой привет,
Твои хвалы мне драгоценны;
Для муз и дружбы жив поэт.
Его враги ему презренны.

Он музу битвой площадной
Не унижает пред народом
И поучительной лозой
Зоила хлещет — мимоходом.

Муза

В младенчестве моем она меня любила
И семиствольную цевницу мне вручила;
Она внимала мне с улыбкой; и слегка
По звонким скважинам пустого тростника
Уже наигрывал я слабыми перстами
И гимны важные, внушенные богами,
И песни мирные фригийских пастухов.
С утра до вечера в немой тени дубов
Прилежно я внимал урокам девы тайной;
И, радуя меня наградою случайной,
Откинув локоны от милого чела,
Сама из рук моих свирель она брала.
Тростник был оживлен божественным дыханьем
И сердце наполнял святым очарованьем.

Кинжал

Лемносской бог тебя сковал
Для рук бессмертной Немезиды,
Свободы тайный страж, карающий кинжал,
Последний судия позора и обиды.

Где Зевсов гром молчит, где дремлет меч закона,
Свершитель ты проклятий и надежд,
Ты кроешься под сенью трона,
Под блеском праздничных одежд.

9 Как адской луч, как молния богов,
Немое лезвие злодею в очи блещет.
И озираясь он трепещет
Среди своих пиров.

13 Везде его найдет удар нежданый твой:
На суше, на водах, во храме, под шатрами,
За потаенными замками,
На ложе сна, в семье родной.

17 Шумит под Кесарем заветный Рубикон,
Державный Рим упал, главой поник закон;
Но Брут восстал вольнолюбивый:
Кинжал, ты кровь излил, — и мертв объемлет он
Помпея мрамор горделивый.

22 Исчадье мятежей подъемлет злобный крик;
Презренный, мрачный и кровавый,
Над трупом вольности безглавой
Палач уродливый возник.

26 Апостол гибели, усталому Аиду
Перстом он жертвы назначал,
И высший суд ему послал
Тебя и деву Эвмениду.

30 Свободы мученик, избранник роковой,
О Занд, твой век угас на плахе;
Но добродетели святой
Остался глас в казненном прахе.

34 Твоей Германии он вечной тенью стал,
Грозя бедой преступной силе —
И на торжественной могиле
Горит без надписи кинжал.

Катенину

Кто мне пришлет ее портрет,
Черты волшебницы прекрасной?
Талантов обожатель страстный,
Я прежде был ее поэт.
С досады, может быть, неправой,
Когда одна в дыму кадил
Красавица блистала славой,
Я свистом гимны заглушил.
Погибни злобы миг единый,
Погибни лиры ложный звук:
Она виновна, милый друг,
Пред Селименой и Моиной.
Так легкомысленной душой
О боги, смертный вас поносит;
Но вскоре трепетной рукой
Вам жертвы новые приносит.

Чаадаеву

В стране, где я забыл тревоги прежних лет,
Где прах Овидиев — пустынный мой сосед,
Где слава для меня предмет заботы малой,
Тебя недостает душе моей усталой.
Врагу стеснительных условий и оков,
Нетрудно было мне отвыкнуть от пиров,
Где праздный ум блестит, тогда как сердце дремлет,
И правду пылкую приличий хлад объемлет.
Оставя шумный круг безумцев молодых,
В изгнании моем я не жалел о них;
Вздохнув, оставил я другие заблужденья,
Врагов моих предал проклятию забвенья,

И, сети разорвав, где бился я в плену,
Для сердца новую вкушаю тишину.
В уединении мой своенравный гений
Познал и тихий труд, и жажду размышлений;
Владею днем моим; с порядком дружен ум;
Учусь удерживать вниманье долгих дум;
Ищу вознаградить в объятиях свободы
Мятежной младостью утраченные годы
И в просвещении стать с веком наравне.
Богини мира, вновь явились музы мне
И независимым досугам улыбнулись;
Цевницы брошенной уста мои коснулись,
Старинный звук меня обрадовал: и вновь
Пою мои мечты, природу и любовь,
И дружбу верную, и милые предметы,
Пленявшие меня в младенческие леты,
В те дни, когда, еще незнаемый никем,
Не зная ни забот, ни цели, ни систем,
Я пеньем оглашал приют забав и лени
И царскосельские хранительные сени.
Но дружбы нет со мной: печальный вижу я
Лазурь чужих небес, полдневные края;
Ни музы, ни труды, ни радости досуга,
Ничто не заменит единственного друга.
Ты был целителем моих душевных сил;
О неизменный друг, тебе я посвятил
И краткий век, уже испытанный судьбою,
И чувства, может быть, спасенные тобою!
Ты сердце знал мое во цвете юных дней;
Ты видел, как потом в волнении страстей
Я тайно изнывал, страдалец утомленный;
В минуту гибели над бездной потаенной
Ты поддержал меня недремлющей рукой;
Ты другу заменил надежду и покой;
Во глубину души вникая строгим взором,
Ты оживлял ее советом иль укором;
Твой жар воспламенял к высокому любовь;
Терпенье смелое во мне рождалось вновь;
Уж голос клеветы не мог меня обидеть:
Умел я презирать, умея ненавидеть.

Что нужды было мне в торжественном суде
Холопа знатного, невежды при звезде,
Или философа, который в прежни лета
Развратом изумил четыре части света,
Но, просветив себя, загладил свой позор,
Отвыкнул от вина и стал картежный вор;
Оратор Лужников, никем не замечаем,
Мне мало досаждал своим безвредным лаем.
Мне ль было сетовать о толках шалунов,
О лепетаньи дам, зоилов и глупцов
И сплетней разбирать игривую затею,
Когда гордиться мог я дружбою твоею?
Благодарю богов: прошел я мрачный путь;
Печали ранние мою теснили грудь;
К печалям я привык, расчелся я с судьбою
И жизнь перенесу стоической душою.
Одно желание: останься ты со мной!
Небес я не томил молитвою другой.
О, скоро ли, мой друг, настанет срок разлуки?
Когда соединим слова любви и руки?
Когда услышу я сердечный твой привет?
Как обниму тебя! Увижу кабинет,
Где ты всегда мудрец, а иногда мечтатель
И ветреной толпы бесстрастный наблюдатель;
Приду, приду я вновь, мой милый домосед,
С тобою вспоминать беседы прежних лет,
Младые вечера, пророческие споры,
Знакомых мертвецов живые разговоры;
Поспорим, перечтем, посудим, побраним,
Вольнолюбивые надежды оживим,
И счастлив буду я: но только, ради бога,
Гони ты Шеппинга от нашего порога.

* * *

„Хоть, впрочем, он поэт изрядный,
Эмилий человек *пустой*".
„Да ты чем *полон*, шут нарядный?
А, понимаю: сам собой;
Ты полон дряни, милый мой!"

В. Л. Давыдову

Меж тем как генерал Орлов,
Обритый рекрут Гименея,
Священной страстью пламенея,
Под меру подойти готов;
Меж тем, как ты, проказник умный,
Проводишь ночь в беседе шумной,
И за бутылками Аи
Сидят Раевские мои —
Когда везде весна младая
С улыбкой распустила грязь,
И с горя на брегах Дуная
Бунтует наш безрукой князь...
Тебя, Раевских и Орлова,
И память Каменки любя —
Хочу сказать тебе два слова
Про Кишинев и про себя.
На этих днях, тиран собора,
Митрополит, седой обжора,
Перед обедом невзначай
Велел жить долго всей России
И с сыном птички и Марии
Пошел христосоваться в рай...
Я стал умен, [я] лицемерю —
Пощусь, молюсь и твердо верю,

Что бог простит мои грехи,
Как государь мои стихи.
Говеет Инзов, и намедни
Я променял парнасски бредни
И лиру, грешный дар судьбы,
На часослов и на обедни,
Да на сушеные грибы.
Однакож гордый мой рассудок
[Меня порядочно] бранит,
А мой ненабожный желудок
Причастья вовсе не варит...
Еще когда бы кровь Христова
Была хоть, например, лафит
Иль кло д'вужо, тогда б ни слова,
А то — подумать, так смешно —
С водой молдавское вино.
Но я молюсь и воздыхаю,
Крещусь, не внемлю сатане...
А всё невольно вспоминаю,
Давыдов, о твоем вине...

Вот эвхаристия [другая],
Когда и ты, и милый брат,
Перед камином надевая
Демократический халат,
Спасенья чашу наполняли
Беспенной, мерзлою струей,
И за здоровье *тех* и *той*
До дна, до капли выпивали!
Но *те* в Неаполе шалят,
А *та* едва ли там воскреснет...
Народы тишины хотят,
И долго их ярем не треснет.
Ужель надежды луч исчез?
Но нет! — мы счастьем насладимся,
Кровавой чашей причастимся —
И я скажу: „Христос воскрес".

К моей чернильнице

Подруга думы праздной,
Чернильница моя;
Мой век разнообразный
Тобой украсил я.
Как часто друг веселья
С тобою забывал
Условный час похмелья
И праздничный бокал;
Под сенью хаты скромной,
В часы печали томной,
Была ты предо мной
С лампадой и мечтой.
В минуты вдохновенья
К тебе я прибегал
И музу призывал
На пир воображенья.
Прозрачный легкий дым
Носился над тобою,
И с трепетом живым
В нем быстрой чередою *

Сокровища мои
На дне твоем таятся.
Тебя я посвятил
Занятиям досуга
И с ленью примирил:
Она твоя подруга.
С тобой успех узнал
Отшельник неизвестный...
Заветный твой кристалл
Хранит огонь небесный;
И под вечер, когда

* ⟨Дальше не хватает строк сорока четырех.⟩

Перо по книжке бродит,
Без вялого труда
Оно в тебе находит
Концы моих стихов
И верность выраженья,
То звуков или слов
Нежданное стеченье,
То едкой шутки соль,
То правды слог суровый,
То странность рифмы новой,
Неслыханной дотоль.
С глупцов сорвав одежду,
Я весело клеймил
Зоила и невежду
Пятном твоих чернил...
Но их не разводил
Ни тайной злости пеной,
Ни ядом клеветы.
И сердца простоты
Ни лестью, ни изменой
Не замарала ты.

Но здесь, на лоне лени,
Я слышу нежны пени
Заботливых друзей...
Ужели их забуду,
Друзей души моей,
И им неверен буду?
Оставь, оставь порой
Привычные затеи,
И дактил, и хореи
Для прозы почтовой,
Минуты хладной скуки,
Сердечной пустоты,
Уныние разлуки,
Всегдашние мечты,
Мои надежды, чувства
Без лести, без искусства
Бумаге передай...
Болтливостью небрежной

И ветреной, и нежной
Их сердце утешай...

Беспечный сын природы,
Пока златые годы
В забвеньи трачу я,
Со мною неразлучно
Живи благополучно,
Наперсница моя.

Когда же берег ада
Навек меня возьмет,
Когда навек уснет
Перо, моя отрада,
И ты, в углу пустом
Осиротев, остынешь
И навсегда покинешь
Поэта тихий дом, —
Тебя возьмет унылый
Чадаев, друг мой милый;
Последний будь привет
Любимцу прежних лет!
Иссохшая, пустая,
Меж двух его картин
Останься век немая,
Укрась его камин —
Взыскательного света
Очей не привлекай,
Но верного поэта
Друзьям напоминай.

* * *

Кто видел край, где роскошью природы
Оживлены дубравы и луга,
Где весело, синея, блещут воды
И пышные ласкают берега,
Где на холмы, под лавровые своды,
Не смеют лечь угрюмые снега?
Скажите мне: кто видел край прелестный,
Где я любил, изгнанник неизвестный?

9 Златой предел! любимый край Эльвины,
Туда летят желания мои!
Я помню гор высокие вершины
И беглых вод веселые струи,
И тень, и шум, и красные долины,
Где бедные простых татар семьи
Среди забот и с дружбою взаимной
Под кровлею живут гостеприимной!

17 И шелковиц, и тополей прохлада,
В тени олив уснувшие стада,
Вокруг домов решотки винограда,
Монастыри, селенья, города,
Прилива шум и говор водопада,
И средь валов летучие суда,
И яркие лучи златого Феба,
И синий свод полуденного неба.

25 И там, где мирт шумит над падшей урной,
Увижу ль вновь сквозь темные леса
И своды скал, и моря блеск лазурный
И ясные, как радость, небеса?
Утихнет ли волненье жизни бурной?
Минувших лет воскреснет ли краса?
Приду ли вновь под сладостные тени
Душой уснуть на лоне мирной лени?

Христос воскрес

Христос воскрес, моя Реввека.
Сегодня, следуя душой
Закону бога-человека,
С тобой целуюсь, ангел мой.
А завтра к вере Моисея
За поцелуй я, не робея,
Готов, еврейка, приступить
И то во власть тебе вручить,
Чем можно верного еврея
От православных отличить.

* * *

К<нязь> Г. со мною не знаком.
Я не видал такой негодной смеси:
Составлен он из подлости и спеси,
Но подлости побольше спеси в <нем>;
В сраженьи трус, в трахтире он бурлак,
В передней он подлец, в гостиной он дурак.

Гурзуф. С литографии Рабуса 1822 г.
(Институт литературы Академии Наук СССР)

* * *

Раззевавшись от обедни,
К Катакази еду в дом.
Что за греческие бредни,
Что за греческий содом!
Подогнув под - - ноги,
За вареньем, средь прохлад,
Как египетские боги,
Дамы преют и молчат.

9 „Признаюсь пред всей Европой,—
Хромоногая кричит:—
Маврогений толсто. . .ый
Душу, сердце мне томит.
Муж! вотще карманы грузно
Ты набил в семье моей,
И вотще ты пятишь гузно,
Маврогений мне милей“.

17 Здравствуй, круглая соседка!
Ты бранчива, ты скупа,
Ты неловкая кокетка,
Ты плешива, ты глупа.
Говорить с тобой нет мочи,
Всё прощаю! бог с тобой;
Ты с утра до темной ночи
Рада в банк играть со мной.

25 Вот еврейка с Тадарашкой,
Пламя пышет в подлеце,
Лапу держит под рубашкой,
Рыло на ее лице.
Весь от ужаса хладею:
Ах, еврейка, бог убьет!
Если верить Моисею,
Скотоложница умрет!

33 Ты наказана сегодня,
И тебя пронзил Амур,
О чувствительная сводня,
О краса молдавских дур.
Смотришь: каждая девица
Пред тобою с молодцом,
Ты ж одна, моя вдовица,
С указательным перстом.

41 Ты умна, велеречива,
Кишиневская Жанлис,
Ты бела, жирна, шутлива,
Пучеокая Тарсис.
Не хочу судить я строго,
Но к тебе не льнет душа —
Так послушай, ради бога,
Будь глупа, да хороша.

Посвящение „Гавриилиады“

Вот Муза, резвая болтунья,
Которую ты столь любил.
Раскаялась моя шалунья,
Придворный тон ее пленил;
Ее всевышний осенил
Своей небесной благодатью,
Она духовному занятью
Опасной жертвует игрой.
Не удивляйся, милый [мой],
Ее израильскому платью,
Прости ей прежние грехи,
[И] под заветною печатью
Прими [опасные] стихи.

———

Примите новую тетрадь,
Вы, юноши, и вы, девицы.
Не веселее [ль] вам читать
Игривой Музы небылицы,
Чем пиндарических похвал
Высокопарные страницы
Иль усыпительный журнал,
Который [был когда-то в моде],
[А ныне] так тяжел и груб,
[Который вопреки природе]
Быть хочет зол и только глуп?

О вы, которые любили
Парнаса тайные цветы,
И своевольные ⟨мечты⟩
Вниманьем слабым наградили,
Спасите труд небрежный мой
Под сенью
От рук Невежества слепого,
От взоров Зависти косой.
Картины, думы и рассказы
Для вас я вновь перемешал,
Смешное с важным сочетал
И бешеной любви проказы
В архивах ада отыскал.

Недавно бедный музульман
В Юрзуфе жил с детьми, с женою,
Душевно почитал священный Алькоран
И счастлив был своей судьбою.
Мехмет (так звался он) прилежно целый день
Ходил за ульями, за стадом
И за домашним виноградом,
Не зная, что такое лень;
Жену свою любил; Селима это знала,
И каждый год ему детей она рожала;
По-нашему, друзья, хоть это и смешно,
Но у татар уж так заведено.
Фатима раз (она в то время
Несла трехмесячное бремя),—
А каждый ведает, что в эти времена
И даже самая степенная [жена]
Имеет прихоти то эти, то другие,
И боже упаси какие! —
Фатима говорит умильно муженьку:
„Мой друг, мне хочется ужасно каймаку.
Теряю память я, рассудок,
Во мне так и горит желудок;
Я не спала всю ночь — и посмотри, душа,
Сегодня, верно 〈я〉 совсем нехороша?
Всего мне [должно опасаться:]
Не смею даже почесаться,
Чтоб крошку не родить с сметаной на носу —
Такой я муки не снесу.
Любезный, миленький, красавец мой, дружочек,
Достань мне каймаку, хоть крохотный кусочек“.
Мехмет разжалился, собрался;
В кушак   завязал,
Детей благословил, жену поцеловал,
И в ближнюю долину побежал,
Чтобы порадовать жестокую больную.

Не шел он, а летел. Зато в обратный путь
Пустился по горам, едва-едва шагая;
И скоро стал искать, совсем изнемогая,
Местечка, где бы отдохнуть.
По счастью, на конце долины
Он видит ручеек.
Добрел до берегов и лег в тени ветвей.
Журчанье вод, дерев вершины,
Душистая трава, прохладный бережок,
И тень и ветерок —
Всё нежило, всё говорило:
Люби иль почивай! Люби!
там змей
Мехмету в ум не приходило,
вот это мило.
Хоть было бы не спать
Благоразумно и верней,
Всё же Мехмет, как царь, уснул в долине.
Положим, что царям дано
Под балдахином
Хоть это, впрочем, мудрено.

Кн. П. А. Вяземскому

Язвительный поэт, остряк замысловатый,
И блеском [колких слов], и шутками богатый,
Счастливый Вяземский, завидую тебе.
Ты право получил, благодаря судьбе,
Смеяться весело над Злобою ревнивой.
Невежество разить анафемой игривой.

* * *

Красы Лаис, заветные пиры
И клики радости безумной,
И мирных муз минутные дары,
И лепетанье славы шумной...

———

5 Пленительный разоблачив кумир,
Я вижу призрак безобразный —
Но что ж теперь тревожит хладный мир
Души бесчувственной и праздной?

———

9 Любил я [жизнь] и славу и любовь
И многому на свете верил,
[Когда еще кипела в сердце кровь
И сам с собой я лицемерил.]

* * *

Певец-гусар, ты пел биваки,
Раздолье ухарских пиров
И грозную потеху драки,
И завитки своих усов;
С веселых струн во дни покоя
Походную сдувая пыль,
Ты славил, лиру перестроя,
Любовь и мирную бутыль.

———

Я слушаю тебя — и сердцем молодею,
Мне сладок жар твоих речей.
[И весь] я   пламенею
Воспоминаньем прежних дней.

———

В печальной северной пустыне
[Любовь, разлуку] ты воспел.
Где <б> ни был, но тебя доныне
Люблю

———

Я всё люблю язык страстей,
Его пленительные звуки
Приятны мне как глас друзей
Во дни печальные разлуки.

* * *

Если с нежной красотой
⟨Вы⟩ чувствительны душою,
Если горести чужой
Вам ужасно быть виною,
Если тяжко помнить вам
Жертву [тайного] страданья —
Не оставлю сим листам
Моего воспоминанья.

* * *

A son amant Eglé sans résistance
Avait cédé—mais lui pâle et perclus
Se deménait — enfin n'en pouvant plus
Tout essoufflé tira... sa révérance, —
„Monsieur, — Eglé d'un ton plein d'arrogance, —
Parlez, Monsieur, pourquoi donc mon aspect
Vous glace-t-il? m'en direz vous la cause?
Est-ce dégout?“ — Mon dieu, c'est autre chose. —
„Excès d'amour?“ — Non, excès de respect. *

---

* ⟨Аглая любовнику своему, не противясь,
Уступила, — однако тот, бледный и ослабелый,
Долго суетился и, выбившись из сил,
Кончил ... тем, что стал откланиваться.
„Сударь, — Аглая надменным тоном, —
Скажите, сударь, почему вид мой
Вас леденит? Какая тому причина?
Отвращение?“ — „Боже мой, совсем иное“. —
„Избыток чувства?“ — „Нет, избыток почтительности“.⟩

* * *

В твою светлицу, друг мой нежный,
Я прихожу в последний раз.
Любви, отрады безмятежной
Делю с тобой [последний час].
Вперед одна в надежде томной
Не жди меня средь ночи темной,
До первых утренних лучей
Не жги свечей.

Гроб юноши

.... Сокрылся он,
Любви, забав питомец нежный;
Кругом него глубокий сон
И хлад могилы безмятежный...

Любил он игры наших дев,
Когда весной в тени дерев
Они кружились на свободе;
Но нынче в резвом хороводе
Не слышен уж его припев.

Давно ли старцы любовались
Его веселостью живой,
Полупечально улыбались
И говорили меж собой:
„И мы любили хороводы,
Блистали так же в нас умы;
Но погоди, приспеют годы,
И будешь то, что ныне мы;
Как нам, о мира гость игривый,
Тебе постынет белый свет;

Теперь играй...“ Но старцы живы,
А он увял во цвете лет.
И без него друзья пируют,
Других уж полюбить успев;
Уж редко, редко именуют
Его в беседе юных дев.
Из милых жен, его любивших,
Одна, быть может, слезы льет
И память радостей почивших
Привычной думаю зовет...
К чему?
Над ясными водами
Гробницы мирною семьей
Под наклоненными крестами
Таятся в роще вековой.
Там, на краю большой дороги,
Где липа старая шумит,
Забыв сердечные тревоги,
Наш бедный юноша лежит.

Напрасно блещет луч денницы,
Иль ходит месяц средь небес,
И вкруг бесчувственной гробницы
Ручей журчит, и шепчет лес;
Напрасно утром за малиной
К ручью красавица с корзиной
Идет и в холод ключевой
Пугливо ногу опускает:
Ничто его не вызывает
Из мирной сени гробовой.

Дионея

Хромид в тебя влюблен: он молод, и не раз
Украдкою вдвоем мы замечали вас;
Ты слушаешь его, в безмолвии краснея;
Твой взор потупленный желанием горит,
И долго после, Дионея,
Улыбку нежную лицо твое хранит.

* * *

Умолкну скоро я. Но если в день печали
Задумчивой игрой мне струны отвечали;
Но если юноши, внимая молча мне,
Дивились долгому любви моей мученью;
Но если ты сама, предавшись умиленью,
Печальные стихи твердила в тишине
И сердца моего язык любила страстный;
Но если я любим, — позволь, о милый друг,
Позволь одушевить прощальный лиры звук
Заветным именем любовницы прекрасной.
Когда меня навек обымет смертный сон,
Над урною моей промолви с умиленьем:
Он мною был любим, он мне был одолжен
И песен, и любви последним вдохновеньем.

* * *

Мой друг, забыты мной следы минувших лет
И младости моей мятежное теченье.
Не спрашивай меня о том, чего уж нет,
Что было мне дано в печаль и в наслажденье,
    Что я любил, что изменило мне.
Пускай я радости вкушаю не вполне;
Но ты, невинная, ты рождена для счастья.
Беспечно верь ему, летучий миг лови:
Душа твоя жива для дружбы, для любви,
    Для поцелуев сладострастья;
Душа твоя чиста: унынье чуждо ей;
Светла, как ясный день, младенческая совесть.
К чему тебе внимать безумства и страстей
    Незанимательную повесть?
Она твой тихий ум невольно возмутит:
Ты слезы будешь лить, ты сердцем содрогнешься;
Доверчивой души беспечность улетит,
И ты моей любви, быть может, ужаснешься,
Быть может, навсегда... Нет, милая моя,
Лишиться я боюсь последних наслаждений.
Не требуй от меня опасных откровений:
Сегодня я люблю, сегодня счастлив я.

Алексееву

    Мой милый, как несправедливы
Твои ревнивые мечты:
Я позабыл любви призывы
И плен опасной красоты;
Свободы друг миролюбивый,
В толпе красавиц молодых
Я, равнодушный и ленивый,
Своих богов не вижу в них.

Их томный взор, приветный лепет
Уже не властны надо мной.
Забыло сердце нежный трепет
И пламя юности живой.
Теперь уж мне влюбиться трудно,
Вздыхать неловко и смешно,
Надежде верить безрассудно,
Мужей обманывать грешно.
Прошел веселой жизни праздник.
Как мой задумчивый проказник,
Как Баратынский, я твержу:
„Нельзя ль найти подруги нежной?
Нельзя ль найти любви надежной?“
И ничего не нахожу.
Оставя счастья призрак ложный,
Без упоительных страстей,
Я стал наперсник осторожный
Моих неопытных друзей.
Когда любовник исступленный,
Тоскуя, плачет предо мной
И для красавицы надменной
Клянется жертвовать собой;
Когда в жару своих желаний
С восторгом изъясняет он
Неясных, темных ожиданий
Обманчивый, но сладкий сон
И, крепко руку сжав у друга,
Клянет ревнивого супруга,
Или докучливую мать, —
Его безумнымувереньям
И поминутным повтореньям
Люблю с участием внимать;
Я льщу слепой его надежде,
Я молод юностью чужой
И говорю: так было прежде,
Во время оно и со мной.

1821

Наполеон

Чудесный жребий совершился:
Угас великий человек.
В неволе мрачной закатился
Наполеона грозный век.
Исчез властитель осужденный,
Могучий баловень побед:
И для изгнанника вселенной
Уже потомство настает.

9 О ты, чьей памятью кровавой
Мир долго, долго будет полн,
Приосенен твоею славой,
Почий среди пустынных волн!
Великолепная могила...
Над урной, где твой прах лежит,
Народов ненависть почила,
И луч бессмертия горит.

17 Давно ль орлы твои летали
Над обесславленной землей?
Давно ли царства упадали
При громах силы роковой?
Послушны воле своенравной,
Бедой шумели знамена,
И налагал ярем державный
Ты на земные племена.

25 Когда надеждой озаренный
От рабства пробудился мир,
И галл десницей разъяренной
Низвергнул ветхий свой кумир,
Когда на площади мятежной
Во прахе царский труп лежал,
И день великий, неизбежный,
Свободы яркий день вставал —

Тогда в волненьи бурь народных
Предвидя чудный свой удел,
В его надеждах благородных
Ты человечество презрел,
В свое погибельное счастье
Ты дерзкой веровал душой,
Тебя пленяло самовластье
Разочарованной красой,

И обновленного народа
Ты буйность юную смирил,
Новорожденная свобода,
Вдруг онемев, лишилась сил;
Среди рабов до упоенья
Ты жажду власти утолил,
Помчал к боям их ополченья,
Их цепи лаврами обвил;

И Франция, добыча славы,
Плененный устремила взор,
Забыв надежды величавы,
На свой блистательный позор.
Ты вел мечи на пир обильный;
Всё пало с шумом пред тобой:
Европа гибла; сон могильный
Носился над ее главой.

И се, в величии постыдном
Ступил на грудь ее колосс.
Тильзит!.. (при звуке сем обидном
Теперь не побледнеет росс)
Тильзит надменного героя
Последней славою венчал,
Но скучный мир, но хлад покоя
Счастливца душу волновал.

Надменный, кто тебя подвигнул?
Кто обуял твой дивный ум?
Как сердца русских не постигнул
Ты с высоты отважных дум?

Великодушного пожара
Не предузнав, уж ты мечтал,
Что мира вновь мы ждем, как дара;
Но поздно русских разгадал...

73 Россия, бранная царица,
Воспомни древние права!
Померкни, солнце Австерлица!
Пылай, великая Москва!
Настали времена другие:
Исчезни, краткий наш позор!
Благослови Москву, Россия!
Война по гроб — наш договор.

81 Оцепенелыми руками
Схватив железный свой венец,
Он бездну видит пред очами,
Он гибнет, гибнет наконец.
Бежат Европы ополченья;
Окровавленные снега
Провозгласили их паденье,
И тает с ними след врага.

89 И всё, как буря, закипело;
Европа свой расторгла плен;
Вослед тирану полетело,
Как гром, проклятие племен.
И длань народной Немезиды
Подъяту видит великан:
И до последней все обиды
Отплачены тебе, тиран!

97 Искуплены его стяжанья
И зло воинственных чудес
Тоскою душного изгнанья
Под сенью чуждою небес.
И знойный остров заточенья
Полнощный парус посетит,
И путник слово примиренья
На оном камне начертит,

Где, устремив на волны очи,
Изгнанник помнил звук мечей
И льдистый ужас полуночи,
И небо Франции своей;
Где иногда, в своей пустыне
Забыв войну, потомство, трон,
Один, один, о милом сыне
В уныньи горьком думал он.

Да будет омрачен позором
Тот малодушный, кто в сей день
Безумным возмутит укором
Его развенчанную тень!
Хвала!.. Он русскому народу
Высокий жребий указал,
И миру вечную свободу
Из мрака ссылки завещал.

Эпиграмма на Каченовского

Клеветник без дарованья
Палок ищет он чутьем,
А дневного пропитанья
Ежемесячным враньем.

Дева

Я говорил тебе: страшися девы милой!
Я знал: она сердца влечет невольной силой.
Неосторожный друг, я знал: нельзя при ней
Иную замечать, иных искать очей.
Надежду потеряв, забыв измены сладость,
Пылает близ нее задумчивая младость;
Любимцы счастия, наперсники судьбы
Смиренно ей несут влюбленные мольбы,
Но дева гордая их чувства ненавидит
И, очи опустив, не внемлет и не видит.

Война

Война!.. Подъяты наконец,
Шумят знамена бранной чести!
Увижу кровь, увижу праздник мести;
Засвищет вкруг меня губительный свинец.
И сколько сильных впечатлений
Для жаждущей души моей:
Стремленье бурных ополчений,
Тревоги стана, звук мечей
И в роковом огне сражений
Паденье ратных и вождей!
Предметы гордых песнопений
Разбудят мой уснувший гений.
Всё ново будет мне: простая сень шатра,
Огни врагов, их чуждое взыванье,
Вечерний барабан, гром пушки, визг ядра
И смерти грозной ожиданье.
Родишься ль ты во мне, слепая славы страсть,
Ты, жажда гибели, свирепый жар героев?
Венок ли мне двойной достанется на часть,
Кончину ль темную судил мне жребий боев?
И всё умрет со мной: надежды юных дней,
Священный сердца жар, к высокому стремленье,
Воспоминание и брата, и друзей,
И мыслей творческих напрасное волненье,
И ты, и ты, любовь?.. Ужель ни бранный шум,
Ни ратные труды, ни ропот гордой славы,
Ничто не заглушит моих привычных дум?
Я таю, жертва злой отравы:
Покой бежит меня; нет власти над собой,
И тягостная лень душою овладела...
Что ж медлит ужас боевой?
Что ж битва первая еще не закипела?

К Овидию

Овидий, я живу близ тихих берегов,
Которым изгнанных отеческих богов
Ты некогда принес и пепел свой оставил.
Твой безотрадный плач места сии прославил;
И лиры нежный глас еще не онемел;
Еще твоей молвой наполнен сей предел.
Ты живо впечатлел в моем воображенье
Пустыню мрачную, поэта заточенье,
Туманный свод небес, обычные снега
И краткой теплотой согретые луга.
Как часто, увлечен унылых струн игрою,
Я сердцем следовал, Овидий, за тобою:
Я видел твой корабль игралищем валов
И якорь, вверженный близ диких берегов,
Где ждет певца любви жестокая награда.
Там нивы без теней, холмы без винограда;
Рожденные в снегах для ужасов войны,
Там хладной Скифии свирепые сыны,
За Истром утаясь, добычи ожидают
И селам каждый миг набегом угрожают.
Преграды нет для них: в волнах они плывут
И по льду звучному бестрепетно идут.
Ты сам (дивись, Назон, дивись судьбе превратной!),
Ты, с юных лет презрев волненье жизни ратной,
Привыкнув розами венчать свои власы
И в неге провождать беспечные часы,
Ты будешь принужден взложить и шлем тяжелый,
И грозный меч хранить близ лиры оробелой.
Ни дочерь, ни жена, ни верный сонм друзей,
Ни музы, легкие подруги прежних дней,
Изгнанного певца не усладят печали.
Напрасно грации стихи твои венчали,
Напрасно юноши их помнят наизусть:
Ни слава, ни лета, ни жалобы, ни грусть,
Ни песни робкие Октавия не тронут;

Дни старости твоей в забвении потонут.
Златой Италии роскошный гражданин,
В отчизне варваров безвестен и один,
Ты звуков родины вокруг себя не слышишь;
Ты в тяжкой горести далекой дружбе пишешь:
„О, возвратите мне священный град отцов
И тени мирные наследственных садов!
О други, Августу мольбы мои несите!
Карающую длань слезами отклоните!
Но если гневный бог доселе неумолим,
И век мне не видать тебя, великий Рим,
Последнею мольбой смягчая рок ужасный,
Приближьте хоть мой гроб к Италии прекрасной!“
Чье сердце хладное, презревшее харит,
Твое уныние и слезы укорит?
Кто в грубой гордости прочтет без умиленья
Сии элегии, последние творенья,
Где ты свой тщетный стон потомству передал?

Суровый славянин, я слез не проливал,
Но понимаю их. Изгнанник самовольный,
И светом, и собой, и жизнью недовольный,
С душой задумчивой, я ныне посетил
Страну, где грустный век ты некогда влачил.
Здесь, оживив тобой мечты воображенья,
Я повторил твои, Овидий, песнопенья
И их печальные картины поверял;
Но взор обманутым мечтаньям изменял.
Изгнание твое пленяло втайне очи,
Привыкшие к снегам угрюмой полуночи.
Здесь долго светится небесная лазурь;
Здесь кратко царствует жестокость зимних бурь.
На скифских берегах переселенец новый,
Сын юга, виноград блистает пурпуровый.
Уж пасмурный декабрь на русские луга
Слоями расстилал пушистые снега;
Зима дышала там, а с вешней теплотою
Здесь солнце ясное катилось надо мною;
Младою зеленью пестрел увядший луг;
Свободные поля взрывал уж ранний плуг;

Чуть веял ветерок, под вечер холодея;
Едва прозрачный лед, над озером тускнея,
Кристаллом покрывал недвижные струи.
Я вспомнил опыты несмелые твои,
Сей день, замеченный крылатым вдохновеньем,
Когда ты в первый раз вверял с недоуменьем
Шаги свои волнам, окованным зимой:
И по льду новому, казалось, предо мной
Скользила тень твоя, и жалобные звуки
Неслися издали, как томный стон разлуки.

Утешься: не увял Овидиев венец!
Увы, среди толпы затерянный певец,
Безвестен буду я для новых поколений,
И, жертва темная, умрет мой слабый гений
С печальной жизнию, с минутною молвой!..
Но если, обо мне потомок поздний мой
Узнав, придет искать в стране сей отдаленной
Близ праха славного мой след уединенный —
Брегов забвения оставя хладну сень,
К нему слетит моя признательная тень,
И будет мило мне его воспоминанье.
Да сохранится же заветное преданье:
Как ты, враждующей покорствуя судьбе,
Не славой, участью я равен был тебе.
Здесь, лирой северной пустыни оглашая,
Скитался я в те дни, как на брега Дуная
Великодушный грек свободу вызывал,
И ни единый друг мне в мире не внимал;
Но чуждые холмы, поля и рощи сонны,
И музы мирные мне были благосклонны.

Эпиграмма

Оставя честь судьбе на произвол,
. . . . . . живая жертва фурий,
От малых лет любила чуждый пол,
И вдруг беда: казнит ее Меркурий,
Раскаяться приходит ей пора.
Она больна, глаз пухнет понемногу;
Вдруг лопнул он; что ж дама? — слава богу!
Всё к лучшему, вот лишняя дыра!

Генералу Пущину

В дыму, в крови, сквозь тучи стрел
    Теперь твоя дорога:
Но ты предвидишь свой удел,
    Грядущий наш Квирога!
И скоро, скоро смолкнет брань
    Средь рабского народа,
Ты молоток возьмешь во длань
    И воззовешь: свобода!
Хвалю тебя, о верный брат!
    О каменщик почтенный!
О Кишинев, о темный град!
    Ликуй, им просвещенный!

* * *

Наперсница волшебной старины,
Друг вымыслов игривых и печальных,
Тебя я знал во дни моей весны,
Во дни утех и снов первоначальных.
Я ждал тебя; в вечерней тишине
Являлась ты веселою старушкой,
И надо мной сидела в шушуне,
В больших очках и с резвою гремушкой.
Ты, детскую качая колыбель,
Мой юный слух напевами пленила
И меж пелен оставила свирель,
Которую сама заворожила.
Младенчество прошло, как легкий сон;
Ты отрока беспечного любила,
Средь важных муз тебя лишь помнил он,
И ты его тихонько посетила;
Но тот ли был твой образ, твой убор?
Как мило ты, как быстро изменилась!
Каким огнем улыбка оживилась!
Каким огнем блеснул приветный взор!
Покров, клубясь волною непослушной,
Чуть осенял твой стан полувоздушный;
Вся в локонах, обвитая венком,
Прелестницы глава благоухала;
Грудь белая под желтым жемчугом
Румянилась и тихо трепетала...

Эпиграмма

Поверь мне, быть тебе Панглосом.
Ты болен: это не мечты.
И то-то, братец, будешь с носом,
Когда без носа будешь ты.

* * *

Тадарашка в вас влюблен
И для ваших ножек,
Говорят, заводит он
Род каких-то дрожек.
Нам приходит нелегко;
Как неосторожно!
Ох! на дрожках далеко
Вам уехать можно.

Приметы

Старайся наблюдать различные приметы.
Пастух и земледел в младенческие леты,
Взглянув на небеса, на западную тень,
Умеют уж предречь и ветр, и ясный день,
И майские дожди, младых полей отраду,
И мразов ранний хлад, опасный винограду.
Так, если лебеди, на лоне тихих вод
Плескаясь вечером, окличут твой приход,
Иль солнце яркое зайдет в печальны тучи,
Знай: завтра сонных дев разбудит дождь ревучий,
Иль бьющий в окна град, а ранний селянин,
Готовясь уж косить высокий злак долин,
Услыша бури шум, не выйдет на работу
И погрузится вновь в ленивую дремоту.

Кокетке

[И вы поверить мне могли,
Как простодушная Аньеса?
В каком романе вы нашли,
Чтоб умер от любви повеса?]
Послушайте: вам тридцать лет,
Да, тридцать лет — немногим боле.
Мне за двадцать; я видел свет,
Кружился долго в нем на воле;
Уж клятвы, слезы мне смешны,
Проказы утомить успели;
Вам также с вашей стороны
Измены верно надоели;
Остепенясь, мы охладели,
Некстати нам учиться вновь!
Мы знаем: вечная любовь
Живет едва ли три недели.
Сначала были мы друзья,
Но скука, случай, муж ревнивый...
Безумным притворился я,
И притворились вы стыдливой,
Мы поклялись... потом... увы!
Потом забыли клятву нашу;
Клеона полюбили вы,
А я наперсницу Наташу.
Мы разошлись; до этих пор
Всё хорошо, благопристойно,
Могли б мы жить без дальних ссор
Опять и дружно и спокойно...
[Но нет! сегодня поутру
Вы вдруг в трагическом жару
Седую воскресили древность —
Вы проповедуете вновь
Покойных рыцарей любовь,
Учтивый жар и грусть и ревность.
Помилуйте — нет, право нет,
Я не дитя, хоть и поэт.]

Домик няни в Михайловском. С гравюры ***Л. С. Хижинского***

Когда мы клонимся к закату,
Оставим юный пыл страстей —
Вы старшей дочери своей,
Я своему меньшому брату:
Им можно с жизнию шалить
И слезы впредь себе готовить;
Еще пристало им любить,
А нам уже пора злословить.

* * *

Не тем горжусь я, мой певец,
Что [возбуждать] умел стихами
[Движенье томное сердец,]
Играя смехом и слезами.
Не тем горжусь, что иногда
Мои коварные напевы
Смиряли в мыслях юной девы
Волненье страха <и> стыда;
Не тем, что у столба сатиры
Разврат и злобу я казнил,
И что грозящий голос лиры
Тирана в ужас приводил;
[Не тем], что дерзким вдохновеньем
И бурной [юностью моей],
И страстью воли, и гоненьем
Я стал известен меж людей;
Иная [высшая] награда
Была мне роком суждена.
[Самолюбивых дум отрада!
Мечтанья суетного сна!]

М. Е. Эйхфельдт

Ни блеск ума, ни стройность платья
Не могут вас обворожить;
Одни двоюродные братья
Узнали тайну вас пленить!
Лишили вы меня покоя,
Но вы не любите меня.
Одна моя надежда — Зоя:
Женюсь, и буду вам родня.

* * *

Вечерня отошла давно.
Уже и сам [игумен] строгой
Свои молитвы прекратил
И кости ветхие склонил,
[Перекрестясь], на одр убогой.
[Повсюду] сон и тишина,
Но церкви дверь отворена,
трепещет луч лампады,
И [тускло] озаряет он
И темну живопись икон,
И позлащенные оклады.

———

И раздается в тишине
То тяжкой вздох, <то> шопот важный,
И мрачно дремлет в вышине
Старинный свод глухой и влажный.

———

Стоят за клиросом <чернец>
И грешник, неподвижны оба —
И грешник бледен, как мертвец,
[Как будто] вышел <он из гроба>.

М<онах>:

Несчастный, полно, перестань,
Ужасна исповедь злодея.
Заплачена тобою дань
Тому, кто, в [злобе пламенея],
Лукаво грешника блюдет
И к вечной гибели ведет.
Молись! Опомнись — [время, время],
Я разрешу тебя — грехов
Сложи мучительное <бремя>

* * *

J'ai possédé maîtresse honnête,
Je la servais comme il le faut,
Mais je n'ai point tourné de tête,—
Je n'ai jamais visé si haut.*

* * *

Наперсница моих сердечных дум,
О ты, чей глас приятный и небрежный

Смирял порой [мечты души] мятежной
И веселил [порой унылый] ум,
О верная, задумчивая лира,
[Послушная]   перстам.

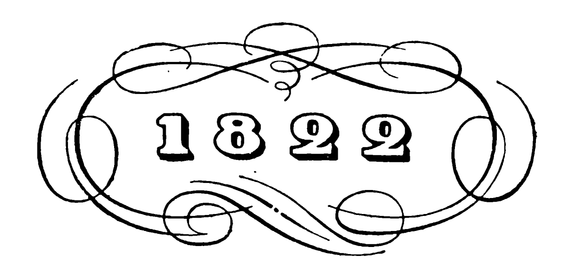
* <У меня была пристойная любовница,
Я ей служил, как должно,
Но головы ей не кружил:
Я никогда не целил так высоко.>

* * *

Всегда так будет, как бывало.
Таков издревле белый свет:
Ученых много — умных мало,
Знакомых тьма — а друга нет!

Десятая заповедь

Добра чужого не желать
Ты, боже, мне повелеваешь;
Но меру сил моих ты знаешь —
Мне ль нежным чувством управлять?
Обидеть друга не желаю,
И не хочу его села,
Не нужно мне его вола,
На всё спокойно я взираю:
Ни дом его, ни скот, ни раб,
Не лестна мне вся благостыня.
Но ежели его рабыня
Прелестна... Господи! я слаб!
И ежели его подруга
Мила, как ангел во плоти, —
О боже праведный! прости
Мне зависть ко блаженству друга.
Кто сердцем мог повелевать?
Кто раб усилий бесполезных?
Как можно не любить любезных?
Как райских благ не пожелать?
Смотрю, томлюся и вздыхаю,
Но строгий долг умею чтить,
Страшусь желаньям сердца льстить,
Молчу... и втайне я страдаю.

* * *

Иной имел мою Аглаю
За свой мундир и черный ус,
Другой за деньги; понимаю.
Другой за то, что был француз;
Клеон — умом ее стращая;
Дамис — за то, что нежно пел;
Скажи теперь, моя Аглая,
За что твой муж тебя имел?

* * *

У Клариcы денег мало,
Ты богат; иди к венцу:
И богатство ей пристало,
И рога тебе к лицу.

Друзьям

Вчера был день разлуки шумной,
Вчера был Вакха буйный пир,
При кликах юности безумной,
При гро́ме чаш, при звуке лир.

Так, музы вас благословили,
Венками свыше осеня,
Когда вы, други, отличили
Почетной чашею меня.

Честолюбивой позолотой
Не ослепляя наших глаз,
Она не суетной работой,
Не резьбою пленяла нас;

Но тем одним лишь отличалась,
Что, жажду скифскую поя,
Бутылка полная вливалась
В ее широкие края.

Я пил и думою сердечной
Во дни минувшие летал,
И горе жизни скоротечной,
И сны любви воспоминал.

Меня смешила их измена:
И скорбь исчезла предо мной,
Как исчезает в чашах пена
Под зашипевшею струей.

* * *

Мой друг, уже три дня
Сижу я под арестом
И не видался я
Давно с моим Орестом.
Спаситель молдаван,
Бахметьева наместник,
Законов провозвестник,
Смиренный Иоанн,
За то, что ясской пан,
Известный нам болван
Мазуркою, чалмою,
Несносной бородою,
И трус, и грубиян,
Побит немножко мною,
И что бояр пугнул
Я новою тревогой,
[К моей канурке] строгой
Приставил караул. *

Невинною [игрой],
А именно — мараю
Небрежные черты,
Пишу карикатуры, —
Знакомых столько лиц, —
Восточные фигуры
- - - кукониц
И их мужей рогатых,
Обритых и брадатых!

* ⟨Нехватает нескольких стихов.⟩

* * *

В лесах Гаргафии счастливой
За ланью быстрой и пугливой
Стремился долго Актеон.
[Уже] на [темный] небосклон
Восходит бледная Диана,
И в сумраке пускает он
Последнюю стрелу колчана.

* * *

Ты прав, мой друг — напрасно я презрел
Дары природы благосклонной;
Я знал досуг, беспечных муз удел,
И наслажденье лени сонной,

5 Я дружбу знал, — и жизни молодой
Ей отдал ветреные годы,
И верил ей за чашей круговой
В часы веселий и свободы.

9 Я знал любовь не мрачною [мечтой],
Не безнадежным заблужденьем,
Я знал любовь прелестною мечтой.
Очарованьем, упоеньем.

13 Младых бесед оставя блеск и шум,
Я знал и труд, и вдохновенье,
И сладостно мне было жарких дум
Уединенное волненье.

17 И свет, и жизнь, и дружбу, и любовь
В их наготе я ныне вижу —

„Песнь о вещем Олеге". С акварели *В. М. Васнецова*

Но всё прошло! — остыла в сердце кровь,
И мрачный опыт ненавижу,

21 Свою печать утратил резвый нрав,
Душа час от часу немеет,
В ней чувств уж нет. Так легкой лист дубрав
В ключах кавказских каменеет.

Песнь о вещем Олеге

Как ныне сбирается вещий Олег
Отмстить неразумным хазарам:
Их села и нивы за буйный набег
Обрек он мечам и пожарам,
С дружиной своей, в цареградской броне,
Князь по полю едет на верном коне.

7 Из темного леса навстречу ему
Идет вдохновенный кудесник,
Покорный Перуну старик одному,
Заветов грядущего вестник,
В мольбах и гаданьях проведший весь век.
И к мудрому старцу подъехал Олег.

13 „Скажи мне, кудесник, любимец богов,
Что сбудется в жизни со мною?
И скоро ль, на радость соседей-врагов,
Могильной засыплюсь землею?
Открой мне всю правду, не бойся меня:
В награду любого возьмешь ты коня“.—

19 „Волхвы не боятся могучих владык,
А княжеский дар им не нужен;
Правдив и свободен их вещий язык
И с волей небесною дружен.
Грядущие годы таятся во мгле;
Но вижу твой жребий на светлом челе.

Запомни же ныне ты слово мое:
Воителю слава — отрада;
Победой прославлено имя твое;
Твой щит на вратах Цареграда;
И волны и суша покорны тебе;
Завидует недруг столь дивной судьбе.

И синего моря обманчивый вал
В часы роковой непогоды
И пращ, и стрела, и лукавый кинжал
Щадят победителя годы...
Под грозной броней ты не ведаешь ран;
Незримый хранитель могущему дан.

Твой конь не боится опасных трудов;
Он, чуя господскую волю,
То смирный стоит под стрелами врагов,
То мчится по бранному полю.
И холод и сеча ему ничего;
Но примешь ты смерть от коня своего".

Олег усмехнулся; однако чело
И взор омрачилися думой.
В молчаньи, рукой опершись на седло,
С коня он слезает угрюмый;
И верного друга прощальной рукой
И гладит и треплет по шее крутой.

„Прощай, мой товарищ, мой верный слуга,
Расстаться настало нам время.
Теперь отдыхай; уж не ступит нога
В твое позлащенное стремя.
Прощай, утешайся, да помни меня.
Вы, отроки-други, возьмите коня!

Покройте попоной, мохнатым ковром;
В мой луг под уздцы отведите;
Купайте, кормите отборным зерном;
Водой ключевою поите".
И отроки тотчас с конем отошли,
А князю другого коня подвели,

61 Пирует с дружиною вещий Олег
При звоне веселом стакана,
И кудри их белы, как утренний снег
Над славной главою кургана...
Они поминают минувшие дни
И битвы, где вместе рубились они.

67 „А где мой товарищ, — промолвил Олег: —
Скажите, где конь мой ретивый?
Здоров ли? Всё так же ль легок его бег?
Всё тот же ль он бурный, игривый?“
И внемлют ответу: на холме крутом
Давно уж почил непробудным он сном.

73 Могучий Олег головою поник
И думает: „Что же гаданье?
Кудесник, ты лживый, безумный старик!
Презреть бы твое предсказанье!
Мой конь и доныне носил бы меня“.
И хочет увидеть он кости коня.

79 Вот едет могучий Олег со двора,
С ним Игорь и старые гости,
И видит: на холме, у брега Днепра,
Лежат благородные кости;
Их моют дожди, засыпает их пыль,
И ветер волнует над ними ковыль.

85 Князь тихо на череп коня наступил
И молвил: „Спи, друг одинокой!
Твой старый хозяин тебя пережил:
На тризне, уже недалекой,
Не ты под секирой ковыль обагришь
И жаркою кровью мой прах напоишь!

91 Так вот где таилась погибель моя!
Мне смертию кость угрожала!“
Из мертвой главы гробовая змея
Шипя между тем выползала;
Как черная лента, вкруг ног обвилась,
И вскрикнул внезапно ужаленный князь.

Ковши круговые запенясь шипят
  На тризне плачевной Олега;
Князь Игорь и Ольга на холме сидят;
  Дружина пирует у брега;
Бойцы поминают минувшие дни
И битвы, где вместе рубились они.

* * *

Люблю ваш сумрак неизвестный
И ваши тайные цветы,
О вы, поэзии прелестной
Благословенные мечты!
Вы нас уверили, поэты,
Что тени легкою толпой
От берегов холодной Леты
Слетаются на брег земной
И невидимо навещают
Места, где было всё милей,
И в сновиденьях утешают
Сердца покинутых друзей;
Они, бессмертие вкушая,
Их поджидают в Элизей,
Как ждет на пир семья родная
Своих замедливших гостей...
Но, может быть, мечты пустые,
Быть может, с ризой гробовой
Все чувства брошу я земные,
И чужд мне будет мир земной;
Быть может, там, где всё блистает
Нетленной славой и красой,
Где чистый пламень пожирает
Несовершенство бытия,
Минутных жизни впечатлений
Не сохранит душа моя,
Не буду ведать сожалений,
Тоску любви забуду я...

Приятелю

Не притворяйся, милый друг,
Соперник мой широкоплечий:
Тебе не страшен лиры звук,
Ни элегические речи.
Дай руку мне: ты не ревнив,
Я слишком ветрен и ленив,
Твоя красавица не дура;
Я вижу всё и не сержусь:
Она прелестная Лаура,
Да я в Петрарки не гожусь.

Баратынскому

Я жду обещанной тетради:
Что ж медлишь, милый трубадур!
Пришли ее мне Феба ради,
И награди тебя Амур.

Я. Н. Толстому

Горишь ли ты, лампада наша,
Подруга бдений и пиров?
Кипишь ли ты, златая чаша,
В руках веселых остряков?
Всё те же ль вы, друзья веселья,
Друзья Киприды и стихов?
Часы любви, часы похмелья
Попрежнему ль летят на зов
Свободы, лени и безделья?
В изгнаньи скучном, каждый час

Горя завистливым желаньем,
Я к вам лечу воспоминаньем,
Воображаю, вижу вас:
Вот он, приют гостеприимный,
Приют любви и вольных муз,
Где с ними клятвою взаимной
Скрепили вечный мы союз,
Где дружбы знали мы блаженство,
Где в колпаке за круглый стол
Садилось милое равенство,
Где своенравный произвол
Менял бутылки, разговоры,
Рассказы, песни шалуна;
И разгорались наши споры
От искр и шуток, и вина.
Я слышу, верные поэты,
Ваш очарованный язык...
Налейте мне вина кометы,
Желай мне здравия, калмык!

Адели

Играй, Адель,
Не знай печали.
Хариты, Лель
Тебя венчали
И колыбель
Твою качали.
Твоя весна
Тиха, ясна:
Для наслажденья
Ты рождена.
Час упоенья
Лови, лови!
Младые лета
Отдай любви
И в шуме света
Люби, Адель,
Мою свирель.

Послание цензору

Угрюмый сторож муз, гонитель давний мой,
Сегодня рассуждать задумал я с тобой.
Не бойся: не хочу, прельщенный мыслью ложной,
Цензуру поносить хулой неосторожной;
Что нужно Лондону, то рано для Москвы.
У нас писатели, я знаю, каковы;
Их мыслей не теснит цензурная расправа,
И чистая душа перед тобою права.

Во-первых, искренно я признаюсь тебе,
Нередко о твоей жалею я судьбе:
Людской бессмыслицы присяжный толкователь,
Хвостова, Буниной единственный читатель,
Ты вечно разбирать обязан за грехи
То прозу глупую, то глупые стихи.
Российских авторов нелегкое встревожит:
Кто английский роман с французского преложит,
Тот оду сочинит, потея да кряхтя,
Другой трагедию напишет нам шутя —
До них нам дела нет, а ты читай, бесися,
Зевай, сто раз засни, а после подпишися.

Так — цензор мученик; порой захочет он
Ум чтеньем освежить: Руссо, Вольтер, Бюфон,
Державин, Карамзин манят его желанье,
А должен посвятить бесплодное вниманье
На бредни новые какого-то враля,
Которому досуг петь рощи да поля,
Да связь утратя в них, ищи ее с начала,
Или вымарывай из тощего журнала
Насмешки грубые и площадную брань,
Учтивых остряков затейливую дань.

Но цензор — гражданин, и сан его священный:
Он должен ум иметь прямой и просвещенный;

Он сердцем почитать привык алтарь и трон;
Но мнений не теснит и разум терпит он.
Блюститель тишины, приличия и нравов
Не преступает сам начертанных уставов,
Закону преданный, отечество любя,
Принять ответственность умеет на себя;
Полезной истине пути не заграждает,
Живой поэзии резвиться не мешает;
Он друг писателю, пред знатью не труслив,
Благоразумен, тверд, свободен, справедлив.

А ты, глупец и трус, что делаешь ты с нами?
Где должно б умствовать, ты хлопаешь глазами,
Не понимая нас, мараешь и дерешь;
Ты черным белое по прихоти зовешь:
Сатиру — пасквилем, поэзию — развратом,
Глас правды — мятежем, Куницына — Маратом.
Решил — а там поди, хоть на тебя проси.
Скажи, не стыдно ли, что на святой Руси,
Благодаря тебя, не видим книг доселе?
И если говорить задумают о деле,
То, славу русскую и здравый ум любя,
Сам государь велит печатать без тебя.
Остались нам стихи: поэмы, триолеты,
Баллады, басенки, элегии, куплеты,
Досугов и любви невинные мечты,
Воображения минутные цветы.
О варвар! Кто из нас, владельцев русской лиры,
Не проклинал твоей губительной секиры?
Докучным евнухом ты бродишь между муз:
Ни чувства пылкие, ни блеск ума, ни вкус,
Ни слог певца „Пиров", столь чистый, благородный —
Ничто не трогает души твоей холодной.
На всё кидаешь ты косой, неверный взгляд.
Подозревая всё, во всем ты видишь яд.
Оставь, пожалуй, труд, нимало не похвальный:
Парнас не монастырь и не гарем печальный.
И, право, никогда искусный коновал
Излишней пылкости Пегаса не лишал.
Чего боишься ты? Поверь мне, чьи забавы —

Осмеивать закон, правительство иль нравы,
Тот не подвергнется взысканью твоему;
Тот не знаком тебе, мы знаем почему —
И рукопись его, не погибая в Лете,
Без подписи твоей разгуливает в свете.
Барков шутливых од тебе не посылал,
Радищев, рабства враг, цензуры избежал,
И Пушкина стихи в печати не бывали —
Что нужды? их и так иные прочитали.
Но ты свое несешь, и в наш премудрый век
Едва ли Шаликов не вредный человек.
Зачем себя и нас терзаешь без причины?
Скажи, читал ли ты „Наказ“ Екатерины?
Прочти, пойми его, увидишь ясно в нем
Свой долг, свои права, пойдешь иным путем.
В глазах монархини сатирик превосходный
Невежество казнил в комедии народной,
Хоть в узкой голове придворного глупца
Кутейкин и Христос два равные лица.
Державин, бич вельмож, при звуке грозной лиры
Их горделивые разоблачал кумиры;
Хемницер истину с улыбкой говорил,
Наперсник Душеньки двусмысленно шутил,
Киприду иногда являл без покрывала —
И никому из них цензура не мешала.
Ты что-то хмуришься? Признайся, в наши дни
С тобой не так легко б разделались они.
Кто ж в этом виноват? Перед тобой зерцало —
Дней Александровых прекрасное начало.
Проведай, что в те дни произвела печать.
На поприще ума нельзя нам отступать.
Старинной глупости мы праведно стыдимся.
Ужели к тем годам мы снова обратимся,
Когда никто не смел отечество назвать,
И в рабстве ползали и люди, и печать?
Нет, нет! оно прошло, губительное время,
Когда невежества несла Россия бремя.
Где славный Карамзин снискал себе венец,
Там цензором уже не может быть глупец...
Исправься ж, будь умней и примирися с нами.

„Всё правда, — скажешь ты, — не стану спорить с вами:
Но можно ль цензору по совести судить?
Я должен то того, то этого щадить.
Конечно, вам смешно, а я нередко плачу,
Читаю да крещусь — мараю наудачу —
На всё есть мода, вкус. Бывало, например,
У нас в большой чести Бентам, Руссо, Вольтер,
А нынче и Миллот попался в наши сети.
Я бедный человек; к тому ж жена и дети..."

Жена и дети, друг, поверь — большое зло;
От них всё скверное у нас произошло.
Но делать нечего. Так, если невозможно
Тебе скорей домой убраться осторожно,
И службою своей ты нужен для царя,
Хоть умного себе возьми секретаря.

Узник

Сижу за решоткой в темнице сырой.
Вскормленный в неволе орел молодой,
Мой грустный товарищ, махая крылом,
Кровавую пищу клюет под окном.

Клюет и бросает, и смотрит в окно,
Как будто со мною задумал одно;
Зовет меня взглядом и криком своим
И вымолвить хочет: „давай, улетим!

Мы вольные птицы; пора, брат, пора!
Туда, где за тучей белеет гора,
Туда, где синеют морские края,
Туда, где гуляем лишь ветер... да я!.."

Гречанке

Ты рождена воспламенять
Воображение поэтов,
Его тревожить и пленять
Любезной живостью приветов,
Восточной странностью речей,
Блистаньем зеркальных очей
И этой ножкою нескромной;
Ты рождена для неги томной,
Для упоения страстей.
Скажи: когда певец Леилы
В мечтах небесных рисовал
Свой неизменный идеал,
Уж не тебя ль изображал
Поэт мучительный и милый!
Быть может, в дальней стороне,
Под небом Греции священной,
Тебя страдалец вдохновенный
Узнал, иль видел, как во сне,
И скрылся образ незабвенный
В его сердечной глубине.
Быть может, лирою счастливой
Тебя волшебник искушал;
Невольный трепет возникал
В твоей груди самолюбивой,
И ты, склонясь к его плечу...
Нет, нет, мой друг, мечты ревнивой
Питать я пламя не хочу:
Мне долго счастье чуждо было,
Мне ново наслаждаться им,
И, тайной грустию томим,
Боюсь: неверно всё, что мило.

К портрету кн. П. А. Вяземского

Судьба свои дары явить желала в нем,
В счастливом баловне соединив ошибкой
Богатство, знатный род с возвышенным умом
И простодушие с язвительной улыбкой.

Ф. Глинке

Когда средь оргий жизни шумной
Меня постигнул остракизм,
Увидел я толпы безумной
Презренный, робкий эгоизм;
Без слез оставил я с досадой
Венки пиров и блеск Афин,
Но голос твой мне был отрадой,
Великодушный гражданин!
Пускай судьба определила
Гоненья грозные мне вновь,
Пускай мне дружба изменила,
Как изменяла мне любовь,
В моем изгнаньи позабуду
Несправедливость их обид:
Они ничтожны — если буду
Тобой оправдан, Аристид.

* * *

Нет ни в чем вам благодати;
С счастием у вас разлад:
И прекрасны вы некстати,
И умны вы невпопад.

Баратынскому из Бессарабии

Сия пустынная страна
Священна для души поэта:
Она Державиным воспета
И славой русскою полна.
Еще доныне тень Назона
Дунайских ищет берегов;
Она летит на сладкий зов
Питомцев муз и Аполлона,
И с нею часто при луне
Брожу вдоль берега крутого;
Но, друг, обнять милее мне
В тебе Овидия живого.

Отрывок

Свод неба мраком обложился;
В волнах варяжских лунный луч,
Сверкая меж вечерних туч,
Столпом неровным отразился.
Качаясь, лебедь на волне
Заснул, и всё кругом почило;
Но вот по темной глубине
Стремится белое ветрило,
И блещет пена при луне;
Летит испуганная птица,
Услыша близкий шум весла.
Чей это парус? Чья десница
Его во мраке напрягла?

Их двое. На весло нагбенный,
Один, смиренный житель волн,
Гребет и к югу правит чолн;
Другой, как волхвом пораженный,

Стоит недвижим; на брега
Глаза вперив, не молвит слова,
И через чолн его нога
Перешагнуть уже готова.
Плывут...
„Причаливай, старик!
К утесу правь“,— и в волны вмиг
Прыгнул пловец нетерпеливый
И берегов уже достиг.
Меж тем рукой неторопливой
Другой, ветрило опустив,
Свой чолн к утесу пригоняет,
К подошвам двух союзных ив
Узлом надежным укрепляет
И входит медленной стопой
На берег дикой и крутой.
Кремень звучит, и пламя вскоре
Далеко осветило море.
Суровый край! Громады скал
На берегу стоят угрюмом;
Об них мятежный бьется вал,
И пена плещет; сосны с шумом
Качают старые главы
Над зыбкой пеленой пучины;
Кругом ни цвета, ни травы,
Песок да мох; скалы, стремнины
Везде хранят клеймо громов
И след потоков истощенных,
И тлеют кости — пир волков
В расселинах окровавленных.
К огню заботливый старик
Простер немеющие руки.
Приметы долголетней муки,
Согбенны кости, тощий лик,
На коем время углубляло
Свои последние следы,
Одежда, обувь — всё являло
В нем дикость, нужду и труды.
Но кто же тот? Блистает младость
В его лице; как вешний цвет,

Прекрасен он; но, мнится, радость
Его не знала с детских лет;
В глазах потупленных кручина.
На нем одежда славянина
И на бедре славянский меч.
Славян вот очи голубые,
Вот их и волосы златые,
Волнами падшие до плеч...
Косматым рубищем одетый,
Огнем живительным согретый,
Старик забылся крепким сном.
Но юноша, на перси руки
Задумчиво сложив крестом,
Сидит с нахмуренным челом...
Проходит ночь, огонь погас,
Остыл и пепел; вот пучина
Белеет; близок утра час;
Нисходит сон на славянина.

Видал он дальные страны,
По суше, по морю носился,
Во дни былые, дни войны,
На западе, на юге бился,
Деля добычу и труды
С суровым племенем Одена,
И перед ним врагов ряды
Бежали, как морская пена
В час бури к черным берегам.
Внимал он радостным хвалам
И арфам скальдов исступленных,
В жилище сильных пировал
И очи дев иноплеменных
Красою чуждой привлекал.
Но сладкий сон не переносит
Теперь героя в край чужой,
В поля, где мчится бурный бой,
Где меч главы героев косит;
Не видит он знакомых скал
Кириаландии печальной,
Ни Альбиона, где искал

Кровавых сеч и славы дальной;
Ему не снится шум валов;
Он позабыл морские битвы
И пламя яркое костров,
И трубный звук, и лай ловитвы;
Другие грезы и мечты
Волнуют сердце славянина:
Пред ним славянская дружина;
Он узнает ее щиты,
Он снова простирает руки
Товарищам минувших лет,
Забытым в долги дни разлуки,
Которых уж и в мире нет...

Меж тем привычные заботы
Средь усладительной дремоты
Тревожат душу старика:
Во сне он парус развивает,
Плывет по воле ветерка,
Его тихонько увлекает
К заливу светлая река,
И рыба сонная впадает
В тяжелый невод старика;
Всё тихо: море почивает,
Но туча виснет; дальний гром
Над звучной бездною грохочет,
И вот пучина под челном
Кипит, подъемлется, клокочет;
Напрасно к верным берегам
Несчастный возвратиться хочет.
Челнок трещит и — пополам!
Рыбак идет на дно морское,
И пробудясь, трепещет он,
Глядит окрест: брега в покое,
На полусветлый небосклон
Восходит утро золотое;
С дерев, с утесистых вершин,
Навстречу радостной денницы,
Щебеча, полетели птицы.
И рассвело...

* * *

Царь Никита жил когда-то
Славно, мирно и богато,
Не творя добра, ни зла,
И земля его цвела.
Царь трудился понемногу,
Кушал, пил, молился богу
И от разных матерей
Прижил сорок дочерей,
Сорок ангелов небесных,
Сорок девушек прелестных,
Милых видом и душой.
Что за глазки — боже мой,
Ротик алый, темный волос,
Ножки — чудо! Нежный голос
Вас с ума свести бы мог.
Словом, с головы до ног
Чувство, душу всё пленяло.
Одного не доставало.
Да чего же одного?
Так, безделки, ничего.
Ничего иль очень мало,
Всё равно — не доставало.
Как бы это изъяснить,
Чтобы нам не прогневить
Богомольной важной дуры
Или чопорной цензуры?

Таврида

Gieb meine Jugend mir zurück. *

Ты вновь со мною, наслажденье;
[В душе] утихло мрачных дум
Однообразное волненье!
Воскресли чувства, ясен ум.
Какой-то негой неизвестной,
Какой-то грустью полон я.
Одушевленные поля,
Холмы Тавриды, край прелестный,
[Тебя я] посещаю вновь,
Пью жадно воздух сладострастья
[И] будто слышу близкой глас
Давно затерянного счастья...

Счастливый край, где блещут воды,
Лаская пышные брега,
И светлой роскошью природы
Озарены холмы, луга,
Где скал нахмуренные своды

* * *

Брат милый, отроком расстался ты со мной —
В разлуке протекли медлительные годы.
[Теперь ты юноша] и полною душой
Цветешь для радостей, для [света], для свободы.
Какое поприще открыто пред тобой!
Как много для тебя восторгов, наслаждений
И сладостных забот, и милых заблуждений!
Как юный жар твою волнует кровь!
Ты сердце пробуешь [с] надеждой торопливой,

* 〈Возврати мне мою юность.〉

* * *

Один, один остался я.
Пиры, любовницы, друзья
Исчезли с легкими мечтами,
Померкла молодость моя
С ее неверными дарами.
Так свечи, в долгу ночь горев
Для резвых юношей и дев,
В конце безумных пирований
Бледнеют пред лучами дня —

* * *

Сегодня я поутру дома
И жду тебя, любезный мой,
Приди ко мне на рюмку рома,
Приди — тряхнем мы стариной.
Наш друг Тардиф, любимец Кома,
Поварни полный генерал,
Достойный дружбы и похвал
Ханжи, поэта, балагура —
Тардиф, который Коленкура
И откормил, и обокрал —
Тардиф, полицией гонимый
За неуплатные долги, —
Тардиф, умом неистощимый
На entre-mets, * на пироги

* ⟨Закуски.⟩

* * *

На тихих берегах Москвы
Церквей, венчанные крестами,
Сияют ветхие главы
Над монастырскими стенами.
Кругом простерлись по холмам
Вовек не рубленные рощи,
Издавна почивают там
Угодника святые мощи.
Щедротой царской

* * *

Недавно я в часы свободы
„Устав наездника“ читал
И даже ясно понимал
Его искусные доводы;
Узнал я резкие черты
Неподражаемого слога;
Но перевертывал листы
И — признаюсь — роптал на бога.
Я думал: ветреный певец,
Не сотвори себе кумира,
Перебесилась наконец
Твоя проказливая лира,
И, сердцем охладев навек,
Ты, видно, стал в угоду мира
Благоразумный человек!
О горе, молвил, я сквозь слезы,
Кто дал Давыдову совет
Оставить лавр, оставить розы?
Как мог унизиться до прозы
Венчанный музою поэт,

Презрев и славу прежних лет,
И Бурцовой души угрозы!
И вдруг растрепанную тень
Я вижу прямо пред собою,
Пьяна, как в самой смерти день,
Столбом усы, виски горою,
Жестокий ментик за спиною
И кивер чудо набекрень.

* * *

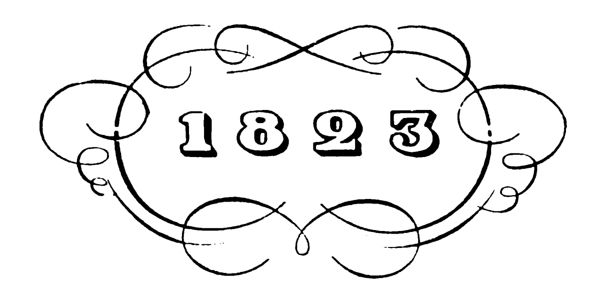
Гречанка верная! не плачь,— он пал героем,
Свинец врага в его вонзился грудь.
Не плачь — не ты ль сама ему пред первым боем
Назначила кровавой чести путь?
Тогда, тяжелую предчувствуя [разлуку],
Супруг [тебе простер] торжественную руку,
Младенца своего в слезах благословил.
Но знамя черное свободой восшумело.
Как Аристогитон, он миртом меч обвил,
Он в сечу ринулся — и падши совершил
Великое, святое дело.

* * *

Всё так же ль осеняют своды
[Сей храм парнасских] трех цариц?
Всё те же ль клики юных жриц?
Всё те же ль вьются хороводы?..
Ужель умолк волшебный глас
Семеновой, сей чудной музы?
Ужель, навек оставя нас,
Она расторгла с Фебом узы
И славы русской луч угас?
Не верю! вновь она восстанет <?>,
Ей вновь готова дань сердец.
Пред нами долго [не увянет]
Ее торжественный венец.
И для нее любовник <?> [славы]
Младой Катенин воскресит
Эсхила гений величавый
И ей порфиру [возвратит].

* * *

Ночь светла; в небесном поле
Ходит Веспер золотой.
Старый дож плывет в гондоле
С догарессой молодой.

Из письма к В. П. Горчакову

Зима мне рыхлою стеною
К воротам заградила путь;
Пока тропинки пред собою
Не протопчу я как-нибудь,
Сижу я дома, как бездельник;
Но ты, душа души моей,
Узнай, что будет в понедельник,
Что скажет наш Варфоломей.

Птичка

В чужбине свято наблюдаю
Родной обычай старины:
На волю птичку выпускаю
При светлом празднике весны.
Я стал доступен утешенью,
За что на бога мне роптать,
Когда хоть одному творенью
Я мог свободу даровать!

* * *

„Внемли, о Гелиос, серебряным луком звенящий,
Внемли, боже кларосской, молению старца — погибнет
Ныне, ежели ты не предыдешь слепому вожатым“,
Рек и сел на камне слепец утомленный. Но следом
Три пастуха за ним, — дети страны той пустынной, —
Скоро сбежались на лай собак, их стада стерегущих,
Ярость уняв их, они защитили бессилие старца.
Издали внемля ему, приближались и думали: кто же
Сей белоглавый старик, одинокой слепой. — Уж не бог ли?
Горд и высок; висит на поясе бедном простая
Лира, и голос его возмущает волны и небо.
Вот шаги он услышал, — ухо клонит и смутен
Руки простер для моленья, страшен несчастный. — „Не бойся,
Коли только не скрыт в земном и дряхлеющем теле
Бог, покровитель жизни, столь величавая прелесть
Старость твою украшает, — вещали они незнакомцу; —
Если ж ты смертный, то знай, что вечно тебя
К людям богов“

Ночь

Мой голос для тебя и ласковый, и томный
Тревожит позднее молчанье ночи темной.
Близ ложа моего печальная свеча
Горит; мои стихи, сливаясь и журча,
Текут, ручьи любви, текут полны тобою.
Во тьме твои глаза блистают предо мною,
Мне улыбаются, и звуки слышу я:
Мой друг, мой нежный друг... люблю... твоя... твоя.

* * *

Кто, волны, вас остановил,
Кто оковал [ваш] бег могучий,
Кто в пруд безмолвный и дремучий
Поток мятежный обратил?

Чей жезл волшебный поразил
Во мне надежду, скорбь и радость
[И душу бурную]
[Дремотой лени] усыпил?

[Вы], ветры, [бури], взройте воды,
Разрушьте гибельный оплот —
Где ты, гроза, символ ⟨свободы⟩?
Промчись поверх невольных вод.

* * *

Изыде сеятель сеяти семена своя.

Свободы сеятель пустынный,
Я вышел рано, до звезды;
Рукою чистой и безвинной
В порабощенные бразды
Бросал живительное семя —
Но потерял я только время,
Благие мысли и труды...

Паситесь, мирные народы!
К чему стадам дары свободы?
Их должно резать или стричь.
Наследство их из рода в роды
Ярмо с гремушками да бич.

* * *

Простишь ли мне ревнивые мечты,
Моей любви безумное волненье?
Ты мне верна: зачем же любишь ты
Всегда пугать мое воображенье?
Окружена поклонников толпой,
Зачем для всех казаться хочешь милой,
И всех дарит надеждою пустой
Твой чудный взор, то нежный, то унылый?
Мной овладев, мне разум омрачив,
Уверена в моей любви несчастной,
Не видишь ты, когда в толпе их страстной,
Беседы чужд, один и молчалив,
Терзаюсь я досадой одинокой;
Ни слова мне, ни взгляда... друг жестокой!
Хочу ль бежать: с боязнью и мольбой
Твои глаза не следуют за мной.
Заводит ли красавица другая
Двусмысленный со мною разговор,—
Спокойна ты; веселый твой укор
Меня мертвит, любви не выражая.
Скажи еще: соперник вечный мой,
Наедине застав меня с тобой,
Зачем тебя приветствует лукаво?..
Что ж он тебе? Скажи, какое право
Имеет он бледнеть и ревновать?..
В нескромный час меж вечера и света,
Без матери, одна, полуодета,
Зачем его должна ты принимать?..
Но я любим... Наедине со мною
Ты так нежна! Лобзания твои
Так пламенны! Слова твоей любви
Так искренно полны твоей душою!
Тебе смешны мучения мои;
Но я любим, тебя я понимаю.
Мой милый друг, не мучь меня, молю:
Не знаешь ты, как сильно я люблю,
Не знаешь ты, как тяжко я страдаю.

Из письма к Вигелю

Проклятый город Кишинев!
Тебя бранить язык устанет,
Когда-нибудь на грешный кров
Твоих запачканных домов
Небесный гром, конечно, грянет,
И — не найду твоих следов!
Падут, погибнут, пламенея,
И пестрый дом Варфоломея,
И лавки грязные жидов;
Так, если верить Моисею,
Погиб несчастливый Содом.
Но с этим милым городком
Я Кишинев равнять не смею, —
Я слишком с Библией знаком,
И к лести вовсе не привычен.
Содом, ты знаешь, был отличен
Не только вежливым грехом,
Но просвещением, пирами,
Гостеприимными домами
И красотой нестрогих дев!
Мне жаль, что ранними громами
Его сразил Еговы гнев!
В блистательном разврате света
Хранимый богом человек,
И член Верховного совета,
Провел бы я смиренно век
В Париже Ветхого Завета!
Но в Кишиневе, знаешь сам,
Нельзя найти ни милых дам,
Ни сводни, ни книгопродавца.
Жалею о твоей судьбе!
Не знаю; придут ли к тебе
Под вечер милых три красавца;
Однако ж кое-как, мой друг,
Лишь только будет мне досуг —

Явлюся я перед тобою;
Тебе служить я буду рад:
Стихами, прозой, всей душою,
Но, Вигель, — пощади мой - - !

Демон

В те дни, когда мне были новы
Все впечатленья бытия —
И взоры дев, и шум дубровы,
И ночью пенье соловья,
Когда возвышенные чувства,
Свобода, слава и любовь
И вдохновенные искусства
Так сильно волновали кровь, —
Часы надежд и наслаждений
Тоской внезапной осеня, —
Тогда какой-то злобный гений
Стал тайно навещать меня.
Печальны были наши встречи:
Его улыбка, чудный взгляд,
Его язвительные речи
Вливали в душу хладный яд.
Неистощимой клеветою
Он провиденье искушал;
Он звал прекрасное мечтою;
Он вдохновенье презирал;
Не верил он любви, свободе;
На жизнь насмешливо глядел —
И ничего во всей природе
Благословить он не хотел.

1823

Кн. М. А. Голицыной

Давно об ней воспоминанье
Ношу в сердечной глубине,
Ее минутное вниманье
Отрадой долго было мне.
Твердил я стих обвороженный,
Мой стих, унынья звук живой,
Так мило ею повторенный,
Замеченный ее душой.
Вновь лире слез и тайной муки
Она с участием вняла —
И ныне ей передала
Свои пленительные звуки...
Довольно: в гордости моей
Я мыслить буду с умиленьем:
Я славой был обязан ей —
А может быть, и вдохновеньем.

* * *

1

Недвижный страж дремал на царственном пороге.
Владыка севера один в своем чертоге
Безмолвно бодрствовал, и жребии земли
В увенчанной главе стесненные лежали,
Чредою выпадали
И миру тихую неволю в дар несли —

2

7 И делу своему владыка сам дивился.
Се благо! думал он, и взор его носился
От тибровых валов до Вислы и Невы,

От сарскосельских лип до башен Гибралтара:
Всё молча ждет удара,
Всё пало — под ярем склонились все главы.

3

Свершилось! молвил он. Давно ль народы мира
Паденье славили великого кумира
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

4

Давно ли ветхая Европа свирепела?
Надеждой новою Германия кипела,
Шаталась Австрия, Неаполь восставал,
За Пиренеями давно ль судьбой народа
Уж правила свобода,
И самовластие лишь север укрывал?

5

Давно ль — и где же вы, зиждители свободы?
Ну, что ж? витийствуйте, ищите прав природы,
Волнуйте, мудрецы, безумную толпу —
Вот Кесарь — где же Брут? О грозные витии,
Целуйте жезл России
И вас поправшую железную стопу.

6

Он рек, и некий дух повеял невидимо,
Повеял и затих — и вновь повеял мимо,
Владыку севера мгновенный хлад объял,
На царственный порог вперил смутясь он очи —
Раздался бой полночи —
И се внезапный гость в чертог царя предстал.

7

То был сей чудный муж, посланник провиденья,
Свершитель роковой безвестного веленья,
Сей всадник, перед кем склонилися цари,

Мятежной Вольности наследник и убийца,
Сей хладный кровопийца,
Сей царь — исчезнувший, как сон, как тень зари.

8

43 Ни тучной праздности ленивые морщины,
Ни поступь тяжкая, ни ранние седины,
Ни пламя бледное нахмуренных очей
Не обличали в нем изгнанного героя,
Мучением покоя
В морях казненного по манию царей.

9

49 Нет, чудный взор его, живой, неуловимый,
То вдаль затерянный, то вдруг неотразимый,
Как боевой перун, как молния сверкал.
Во цвете здравия, и мужества, и мощи
Владыке полунощи
Владыка запада, грозящий, предстоял.

10

55 Таков он был, когда в равнинах Австерлица
Дружины севера гнала его десница,
И русский в первый раз пред гибелью бежал,
Таков он был, когда с победным договором
И с миром и с позором
Пред юным он царем в Тильзите предстоял.

* * *

Как наше сердце своенравно!
томимый вновь,
Я умолял тебя недавно
Обманывать мою любовь,
Участьем, нежностью притворной
Одушевлять свой дивный взгляд,
Играть душой моей покорной,
В нее вливать огонь и яд.

Ты согласилась, негой влажной
Наполнился твой южный взор.
Твой вид задумчивый и важный,
Твой сладострастный разговор
И то, что дозволяешь нежно,
И то, что запрещаешь мне,
Всё впечатлелось неизбежно
В моей сердечной глубине.

* * *

Завидую тебе, питомец моря смелый,
Под сенью парусов и в бурях поседелый!
Спокойной пристани давно ли ты достиг,
Давно ли тишины вкусил отрадный миг?
И снова ты бежишь Европы обветшалой:
Для неба дальнего, для неизвестных стран.
Ищу стихий других, земли жилец усталый!..
Приветствую тебя, свободный океан.

* * *

Придет ужасный [час]... твои небесны очи
Покроются, мой друг, туманом вечной ночи,
Молчанье вечное твои сомкнет уста,
Ты навсегда сойдешь в те мрачные места,
Где прадедов твоих почиют мощи хладны;
Но я, дотоле твой поклонник безотрадный,
В обитель скорбную сойду [я] за тобой
И сяду близ тебя, печальный и немой.
Лампада бледная твой бледный труп осветит,
Мой [взор] движения, ни чувства 〈не〉 заметит,
Не поразит меня коварная измена,
Коснусь я хладных ног; себе их на колена
Сложу — и буду ждать [но чего?],
Чтоб силою . мечтанья моего

* * *

Надеждой сладостной младенчески дыша,
Когда бы верил я, что некогда душа,
Могилу пережив, уносит мысли вечны,
И память, и любовь в пучины бесконечны,
Клянусь! давно бы я покинул страшный <?> мир:
Я сокрушил бы жизнь, уродливый кумир,
Узнал бы я предел свободы, наслаждений,
Предел, где смерти нет, где нет предрассуждений,
Где мысль одна живет в небесной чистоте.
Но тщетно предаюсь пленительной мечте.
Мой ум упорствует, [не верит], [жить] желает,
Меня ничтожеством могила ужасает.
Как! ничего? — ни мысль, ни первая любовь...
Мне страшно, — и на жизнь гляжу печально вновь,
И долго жить хочу, чтоб долго образ милый
Таился и пылал в душе моей унылой!

Жалоба

Ваш дед портной, ваш дядя повар,
А вы, вы модный господин —
Таков об вас народный говор,
И дива нет — не вы один.
Потомку предков благородных,
Увы, никто в моей родне
Не шьет мне даром фраков модных
И не варит обеда мне.

Телега жизни

Хоть тяжело подчас в ней бремя,
Телега на ходу легка;
Ямщик лихой, седое время,
Везет, не слезет с облучка.

С утра садимся мы в телегу,
Мы рады голову сломать
И, презирая лень и негу,
Кричим: пошел! - - - -.

Но в полдень нет уж той отваги;
Порастрясло нас; нам страшней
И косогоры и овраги;
Кричим: полегче, дуралей!

Катит попрежнему телега.
Под вечер мы привыкли к ней,
И дремля едем до ночлега,
А время гонит лошадей.

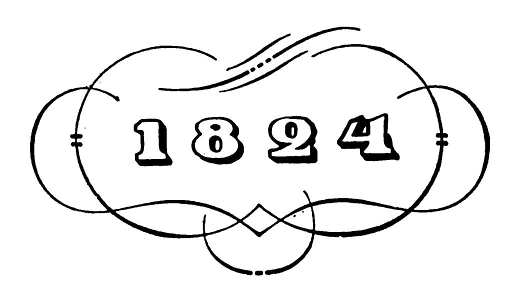
* * *

[Венере], Фебу и Фемиде
Полезно посвящая дни,
Дозором ездят по Тавриде
И проповедуют Парни.

1823

[Чиновник и поэт]

„Куда вы? за город, конечно,
Зефиром утренним дышать
И с вашей музою мечтать
Уединенно [и] беспечно?“ —
„Нет, я сбираюсь на базар,
Люблю базарное волненье,
Скуфьи жидов, усы болгар
И спор, и [крик], и торга жар,
Нарядов пестрое стесненье.
Люблю толпу, лохмотья, шум
И жадной черни   свободный“.—
„Так — наблюдаете? — ваш ум
И здесь вникает в дух народный.
Сопровождать вас рад бы я,
Чтоб слышать ваши замечанья,
Но службы долг зовет меня,
Простите, [нам] не до гулянья“. —
„Куда ж?“ —
                    „В острог. Сегодня мы
Выпровождаем из тюрьмы
[По просьбе]   [Паше]
[За молдаванскую границу]
                    [Кирджали]“.

* * *

„Всё кончено: меж нами связи нет“, —
В последний раз обняв твои колени,
Произносил я горестные пени.
„Всё кончено“, — я слышу твой ответ.
Обманывать себя не стану вновь,
Тебя тоской преследовать не буду,
Про<шедшее> быть может позабуду,
Не для меня сотворена любовь. —

Ты молода, душа твоя прекрасна,
И многими любима будешь ты.

А. Л. Давыдову

Нельзя, мой толстый Аристип:
Хоть я люблю твои беседы,
Твой милый нрав, твой милый хрип,
Твой вкус и жирные обеды,
Но не могу с тобою плыть
К брегам полуденной Тавриды.
Прошу меня не позабыть,
Любимец Вакха и Киприды!
Когда чахоточный отец
Немного тощей Энеиды
Пускался в море наконец,
Ему Гораций, умный льстец,
Прислал торжественную оду,
Где другу Августов певец
Сулил хорошую погоду.
Но льстивых од я не пишу,
Ты не в чахотке, слава богу:
У неба я тебе прошу
Лишь аппетита на дорогу.

Иностранке

На языке, тебе невнятном,
Стихи прощальные пишу,
Но в заблуждении приятном
Вниманья твоего прошу:
Мой друг, доколе не увяну,
В разлуке чувство погубя,
Боготворить не перестану
Тебя, мой друг, одну тебя.
На чуждые черты взирая,
Верь только сердцу моему,
Как прежде верила ему,
Его страстей не понимая.

* * *

Саранча летела, летела,
И села;
Сидела, сидела, всё съела
И вновь улетела.

* * *

Морей [красавец] окриленный,
Тебя зову — плыви, плыви
И сохрани залог бесценный
Мольбам, надеждам и любви.

Ты, ветер, утренним дыханьем
Счастливый парус напрягай
Или ⟨*нрзбр*⟩ колыханьем
Ее груди не утомляй.

* * *

Приют любви, он вечно полн
Прохлады сумрачной и влажной,
Там никогда стесненных волн
Не умолкает гул протяжный.

* * *

Зачем ты послан был, и кто тебя послал?
Чего — добра иль зла ты верный был свершитель?
Зачем потух, зачем блистал,
Земли чудесный [посетитель]?
Вещали книжники, тревожились цари,
Толпа пред ними волновалась,
Разоблаченные пустели алтари,
[Свободы буря] подымалась
И вдруг нагрянула... Упали в прах и кровь,
Разбились ветхие скрижали.
Явился муж судеб; рабы затихли вновь,
Мечи, доспехи зазвучали.
И гордо меч прошел [и]   [стал] разврат,
Порочные сердца застыли,
Отечество [рабы] в отчаяньи забыли,
За злато продал брата брат.
Рекли безумцы: нет Свободы,
И им поверили народы,
Добро и зло — всё стало тенью,
Всё было предано презренью,
Как ветру предан дольний прах.

На гр. М. С. Воронцова

Полу-герой, полу-невежда,
К тому ж еще полу-подлец!..
Но тут однако ж есть надежда,
Что полный будет наконец.

* * *

Певец-Давид был ростом мал,
Но повалил же Голиафа,
Который был и генерал,
И положусь <?>, не проще <?> графа.

* * *

О муза пламенной сатиры!
Приди на мой призывный клич!
Не нужно мне гремящей лиры,
Вручи мне Ювеналов бич!
Не подражателям холодным,
Не переводчикам голодным,
Не беззащитным рифмачам
Готовлю язву эпиграм!
Мир вам, несчастные поэты!
Мир вам, смиренные глупцы!
А вы, ребята-подлецы, —*

Вперед! Всю вашу сволочь буду
Я мучить казнию стыда,
Но, если же кого забуду,
Прошу напомнить, господа!
О, сколько лиц бесстыдно-бледных,
О, сколько лбов широко-медных
Готовы от меня принять
Неизгладимую печать!

---

* <Повидимому, после этого стиха недостает трех стихов.>

Прозерпина

(Подражание)

Плещут волны Флегетона,
Своды тартара дрожат:
Кони бледного Плутона
Быстро к нимфам Пелиона
Из аида бога мчат.
Вдоль пустынного залива
Прозерпина вслед за ним,
Равнодушна и ревнива,
Потекла путем одним.
Пред богинею колена
Робко юноша склонил.
И богиням льстит измена:
Прозерпине смертный мил.
Ада гордая царица
Взором юношу зовет,
Обняла, и колесница
Уж к аиду их несет;
Мчатся, облаком одеты;
Видят вечные луга,
Элизей и томной Леты
Усыпленные брега.
Там бессмертье, там забвенье,
Там утехам нет конца.
Прозерпина в упоенье,
Без порфиры и венца,
Повинуется желаньям,
Предает его лобзаньям
Сокровенные красы,
В сладострастной неге тонет
И молчит, и томно стонет...
Но бегут любви часы;
Плещут волны Флегетона,
Своды тартара дрожат;

Кони бледного Плутона
Быстро мчат его назад.
И Кереры дочь уходит,
И счастливца за собой
Из Элизия выводит
Потаенною тропой;
И счастливец отпирает
Осторожною рукой
Дверь, откуда вылетает,
Сновидений ложный рой.

А. Н. Вульфу

Здравствуй, Вульф, приятель мой!
Приезжай сюда зимой,
Да Языкова поэта
Затащи ко мне с собой
Погулять верхом порой,
Пострелять из пистолета.
Лайон, мой курчавый брат
(Не михайловский приказчик),
Привезет нам, право, клад!
Что? — бутылок полный ящик.
Запируем — уж, молчи!
Чудо — жизнь анахорета!
В Троегорском до ночи,
А в Михайловском до света;
Дни — любви посвящены,
Ночью — царствуют стаканы;
Мы же — то смертельно пьяны,
То мертвецки влюблены.

К Языкову

Издревле сладостный союз
Поэтов меж собой связует:
Они жрецы единых муз;
Единый пламень их волнует;
Друг другу чужды по судьбе,
Они родня по вдохновенью.
Клянусь Овидиевой тенью:
Языков, близок я тебе.
Давно б на дерптскую дорогу
Я вышел утренней порой
И к благосклонному порогу
Понес тяжелый посох мой,
И возвратился б оживленный
Картиной беззаботных дней,
Беседой вольно-вдохновенной
И звучной лирою твоей.
Но злобно мной играет счастье:
Давно без крова я ношусь,
Куда подует самовластье;
Уснув, не знаю, где проснусь.
Всегда гоним, теперь в изгнанье
Влачу закованные дни.
Услышь, поэт, мое призванье,
Моих надежд не обмани.
В деревне, где Петра питомец,
Царей, цариц любимый раб
И их забытый однодомец,
Скрывался прадед мой, арап,
Где, позабыв Елисаветы
И двор и пышные обеты,
Под сенью липовых аллей
Он думал в охлажденны леты
О дальней Африке своей, —
Я жду тебя. Тебя со мною
Обнимет в сельском шалаше

Мой брат по крови, по душе,
Шалун, замеченный тобою;
И муз возвышенный пророк,
Наш Дельвиг всё для нас оставит,
И наша троица прославит
Изгнанья темный уголок.
Надзор обманем караульный,
Восхвалим вольности дары
И нашей юности разгульной
Пробудим шумные пиры,
Вниманье дружное преклоним
Ко звону рюмок и стихов,
И скуку зимних вечеров
Вином и песнями прогоним.

(Михайловское, 1824 г.)

Разговор книгопродавца с поэтом

Книгопродавец

Стишки для вас одна забава,
Немножко стоит вам присесть,
Уж разгласить успела слава
Везде приятнейшую весть:
Поэма, говорят, готова,
Плод новых умственных затей.
Итак, решите; жду я слова:
Назначьте сами цену ей.
Стишки любимца муз и граций
Мы вмиг рублями заменим
И в пук наличных ассигнаций
Листочки ваши обратим.
О чем вздохнули так глубоко,
Нельзя ль узнать?

Поэт

Я был далеко:
Я время то воспоминал,
Когда, надеждами богатый,

Поэт беспечный, я писал
Из вдохновенья, не из платы.
Я видел вновь приюты скал,
И темный кров уединенья,
Где я на пир воображенья
Бывало музу призывал.
Там слаще голос мой звучал;
Там доле яркие виденья,
С неизъяснимою красой,
Вились, летали надо мной
В часы ночного вдохновенья.
Всё волновало нежный ум:
Цветущий луг, луны блистанье,
В часовне ветхой бури шум,
Старушки чудное преданье.
Какой-то демон обладал
Моими играми, досугом;
За мной повсюду он летал,
Мне звуки дивные шептал,
И тяжким, пламенным недугом
Была полна моя глава;
В ней грезы чудные рождались;
В размеры стройные стекались
Мои послушные слова
И звонкой рифмой замыкались.
В гармонии соперник мой
Был шум лесов, иль вихорь буйный,
Иль иволги напев живой,
Иль ночью моря гул глухой,
Иль шопот речки тихоструйной.
Тогда, в безмолвии трудов,
Делиться не был я готов
С толпою пламенным восторгом,
И музы сладостных даров
Не унижал постыдным торгом;
Я был хранитель их скупой;
Так точно, в гордости немой,
От взоров черни лицемерной
Дары любовницы младой
Хранит любовник суеверный.

Книгопродавец

Но слава заменила вам
Мечтанья тайного отрады:
Вы разошлися по рукам,
Меж тем, как пыльные громады
Лежалой прозы и стихов
Напрасно ждут себе чтецов
И ветреной ее награды.

Поэт

Блажен, кто про себя таил
Души высокие созданья
И от людей, как от могил,
Не ждал за чувства воздаянья!
Блажен, кто молча был поэт
И, терном славы не увитый,
Презренной чернию забытый,
Без имени покинул свет!
Обманчивей и снов надежды,
Что слава? Шопот ли чтеца?
Гоненье ль низкого невежды?
Иль восхищение глупца?

Книгопродавец

Лорд Байрон был того же мненья;
Жуковский то же говорил,
Но свет узнал и раскупил
Их сладкозвучные творенья.
И впрямь завиден ваш удел:
Поэт казнит, поэт венчает;
Злодеев громом вечных стрел
В потомстве дальнем поражает;
Героев утешает он;
С Коринной на киферский трон
Свою любовницу возносит.
Хвала для вас докучный звон;
Но сердце женщин славы просит;
Для них пишите; их ушам
Приятна лесть Анакреона:

В младые лета розы нам
Дороже лавров Геликона.

Поэт

Самолюбивые мечты,
Утехи юности безумной!
И я средь бури жизни шумной
Искал вниманья красоты.
Глаза прелестные читали
Меня с улыбкою любви;
Уста волшебные шептали
Мне звуки сладкие мои,
Но полно; в жертву им свободы
Мечтатель уж не принесет;
Пускай их юноша поет,
Любезный баловень природы.
Что мне до них? Теперь в глуши
Безмолвно жизнь моя несется;
Стон лиры верной не коснется
Их легкой, ветреной души;
Нечисто в них воображенье:
Не понимает нас оно,
И, признак бога, вдохновенье,
Для них и чуждо, и смешно.
Когда на память мне невольно
Придет внушенный ими стих,
Я так и вспыхну, сердцу больно:
Мне стыдно идолов моих.
К чему, несчастный, я стремился?
Пред кем унизил гордый ум?
Кого восторгом чистых дум
Боготворить не устыдился?

Книгопродавец

Люблю ваш гнев. Таков поэт!
Причины ваших огорчений
Мне знать нельзя; но исключений
Для милых дам ужели нет?
Ужели ни одна не стоит
Ни вдохновенья, ни страстей,

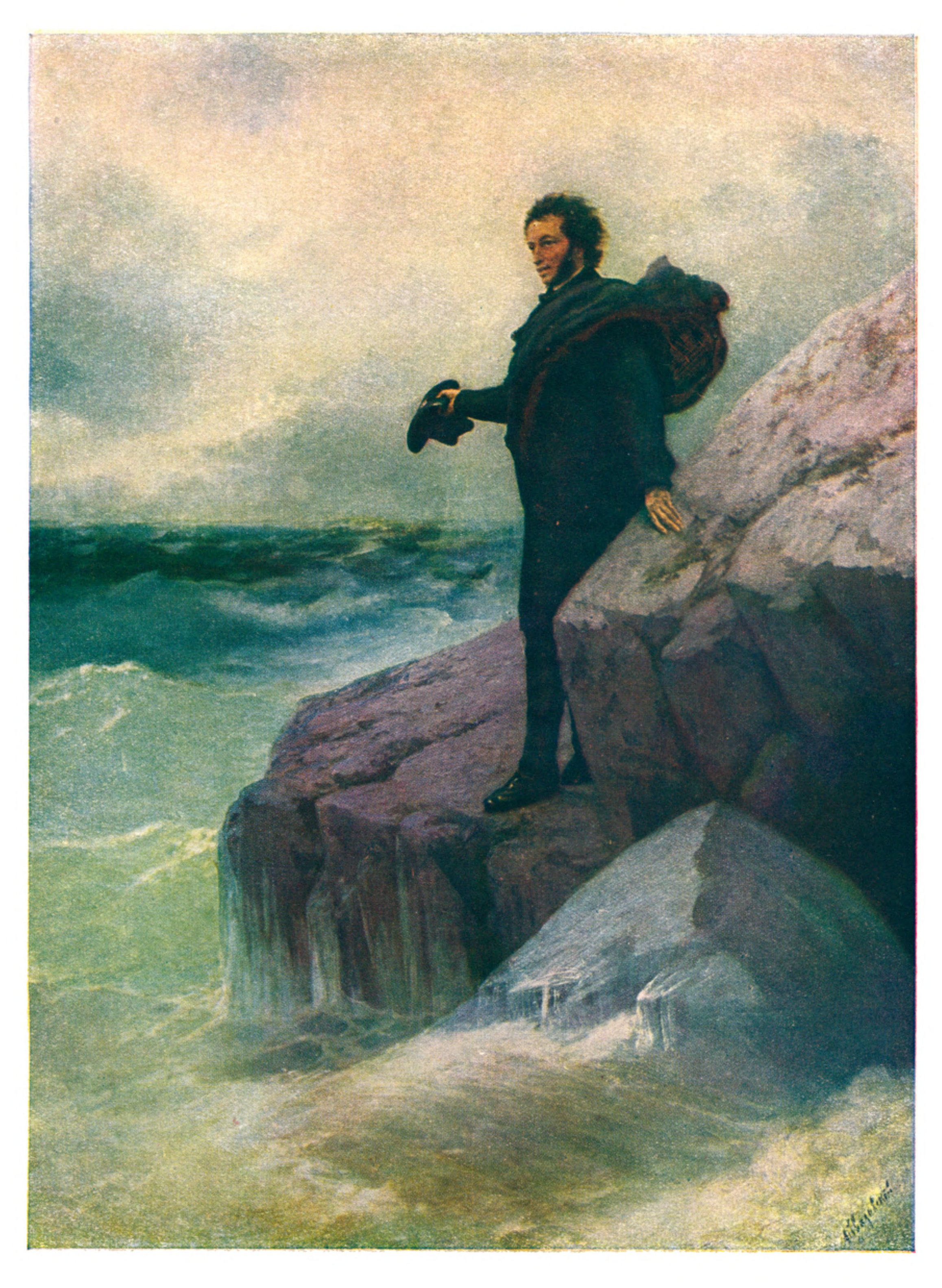
И ваших песен не присвоит
Всесильной красоте своей?
Молчите вы.

Поэт

Зачем поэту
Тревожить сердца тяжкий сон?
Бесплодно память мучит он.
И что ж? Какое дело свету?
Я всем чужой. Душа моя
Хранит ли образ незабвенный?
Любви блаженство знал ли я?
Тоскою ль долгой изнуренный,
Таил я слезы в тишине?
Где та была, которой очи,
Как небо, улыбались мне?
Вся жизнь, одна ли, две ли ночи?
. . . .
И что ж? Докучный стон любви,
Слова покажутся мои
Безумца диким лепетаньем.
Там сердце их поймет одно,
И то с печальным содроганьем.
Судьбою так уж решено.
Ах, мысль о той души завялой
Могла бы юность оживить
И сны поэзии бывалой
Толпою снова возмутить!
Она одна бы разумела
Стихи неясные мои;
Одна бы в сердце пламенела
Лампадой чистою любви.
Увы, напрасные желанья!
Она отвергла заклинанья,
Мольбы, тоску души моей:
Земных восторгов излиянья,
Как божеству, не нужно ей.

Книгопродавец

Итак, любовью утомленный,
Наскуча лепетом молвы,

„Прощай, свободная стихия“. С картины маслом *И. Е. Репина и И. К. Айвазовского* (Госуд. Третьяковская галлерея)

Зране отказались вы
От вашей лиры вдохновенной.
Теперь, оставя шумный свет,
И муз, и ветреную моду,
Что ж изберете вы?

Поэт

Свободу.

Книгопродавец

Прекрасно. Вот же вам совет;
Внемлите истине полезной:
Наш век торгаш; в сей век железный
Без денег и свободы нет.
Что слава? Яркая заплата
На ветхом рубище певца.
Нам нужно злата, злата, злата:
Копите злато до конца!
Предвижу ваше возраженье,
Но вас я знаю, господа:
Вам ваше дорого творенье,
Пока на пламени труда
Кипит, бурлит воображенье;
Оно застынет, и тогда
Постыло вам и сочиненье.
Позвольте просто вам сказать:
Не продается вдохновенье,
Но можно рукопись продать.
Что ж медлить? Уж ко мне заходят
Нетерпеливые чтецы;
Вкруг лавки журналисты бродят,
За ними тощие певцы:
Кто просит пищи для сатиры,
Кто для души, кто для пера;
И, признаюсь, от вашей лиры
Предвижу много я добра.

Поэт

Вы совершенно правы. Вот вам моя рукопись. Условимся.

К морю

Прощай, свободная стихия!
В последний раз передо мной
Ты катишь волны голубые
И блещешь гордою красой.

Как друга ропот заунывный,
Как зов его в прощальный час,
Твой грустный шум, твой шум призывный
Услышал я в последний раз.

Моей души предел желанный!
Как часто по брегам твоим
Бродил я тихий и туманный,
Заветным умыслом томим!

Как я любил твои отзывы,
Глухие звуки, бездны глас
И тишину в вечерний час,
И своенравные порывы!

Смиренный парус рыбарей,
Твоею прихотью хранимый,
Скользит отважно средь зыбей,
Но ты взыграл, неодолимый,
И стая тонет кораблей.

Не удалось навек оставить
Мне скучный, неподвижный брег,
Тебя восторгами поздравить
И по хребтам твоим направить
Мой поэтический побег.

Ты ждал, ты звал... я был окован;
Вотще рвалась душа моя:
Могучей страстью очарован,
У берегов остался я.

31 О чем жалеть? Куда бы ныне
Я путь беспечный устремил?
Один предмет в твоей пустыне
Мою бы душу поразил.

35 Одна скала, гробница славы...
Там погружались в хладный сон
Воспоминанья величавы:
Там угасал Наполеон.

39 Там он почил среди мучений.
И вслед за ним, как бури шум,
Другой от нас умчался гений,
Другой властитель наших дум.

43 Исчез, оплаканный свободой,
Оставя миру свой венец.
Шуми, взволнуйся непогодой:
Он был, о море, твой певец.

47 Твой образ был на нем означен,
Он духом создан был твоим:
Как ты, могущ, глубок и мрачен,
Как ты, ничем неукротим.

51 Мир опустел... Теперь куда же
Меня б ты вынес, океан?
Судьба людей повсюду та же:
Где благо, там уже на страже
Иль просвещенье, иль тиран.

56 Прощай же, море! Не забуду
Твоей торжественной красы
И долго, долго слышать буду
Твой гул в вечерние часы.

60 В леса, в пустыни молчаливы
Перенесу, тобою полн,
Твои скалы, твои заливы
И блеск, и тень, и говор волн.

Коварность

Когда твой друг на глас твоих речей
Ответствует язвительным молчаньем;
Когда свою он от руки твоей,
Как от змеи, отдернет с содроганьем;
Как, на тебя взор острый пригвоздя,
Качает он с презреньем головою; —
Не говори: „он болен, он дитя,
Он мучится безумною тоскою“;
Не говори: „неблагодарен он;
Он слаб и зол, он дружбы недостоин;
Вся жизнь его какой-то тяжкой сон“...
Ужель ты прав? Ужели ты спокоен?
Ах, если так, он в прах готов упасть,
Чтоб вымолить у друга примиренье.
Но если ты святую дружбы власть
Употреблял на злобное гоненье;
Но если ты затейливо язвил
Пугливое его воображенье
И гордую забаву находил
В его тоске, рыданьях, униженье;
Но если сам презренной клеветы
Ты про него невидимым был эхом;
Но если цепь ему накинул ты
И сонного врагу предал со смехом,
И он прочел в немой душе твоей
Всё тайное своим печальным взором —
Тогда ступай, не трать пустых речей —
Ты осужден последним приговором.

* * *

О дева, роза, я в оковах;
Но не стыжусь твоих оков:
Так соловей в кустах лавровых,
Пернатый царь лесных певцов,
Близ розы гордой и прекрасной
В неволе сладостной живет
И нежно песни ей поет
Во мраке ночи сладострастной.

* * *

Т— прав, когда так верно вас
Сравнил он с радугой живою,
Вы милы, как она, для глаз
И, как она, пременчивы душою.
И с розой сходны вы, блеснувшею весной:
Вы так же, как она, пред нами
Цветете пышною красой
И так же колетесь, бог с вами.
Но более всего сравнение с ключом
Мне нравится — я рад ему сердечно;
Да, чисты вы, как он, и сердцем и умом,
И холодней его конечно.
Сравненья прочие не столько хороши,
Поэт не виноват: — сравненья неудобны:
Вы прелестью лица и прелестью души,
К несчастью, бесподобны.

* * *

Мне жаль великия жены,
Жены, которая любила
[И ради славы] дым войны,
И дым парнасского кадила.
В аллеях Сарского Села
Она с Державиным, с Орловым
Беседы [тайные] вела *

С Делиньем иногда

Мы ей одолжены Тавридой
И просвещеньем

Старушка милая жила
Приятно и немного блудно,
Вольтеру первый друг была,
„Наказ“ писала, флоты жгла
И умерла, садясь на судно.
мгла.
Россия, бедная держава,
Твоя удавленная слава
С Екатериной умерла.

Младенцу

Дитя, не смею над тобой
Произносить благословенья,
[Ты тихий] ангел утешенья,
Да будут ясны дни твои,
Как ныне ясен взор

---

* 〈Следующий стих не написан.〉

1824

* * *

Ненастный день потух; ненастной ночи мгла
По небу стелется одеждою свинцовой;
Как привидение, за рощею сосновой
Луна туманная взошла...
Всё мрачную тоску на душу мне наводит.
Далеко, там, луна в сиянии восходит;
Там воздух напоен вечерней теплотой;
Там море движется роскошной пеленой
Под голубыми небесами...
Вот время: по горе теперь идет она
К брегам, потопленным шумящими волнами;
Там, под заветными скалами,
Теперь она сидит печальна и одна...
Одна... никто пред ней не плачет, не тоскует;
Никто ее колен в забвеньи не целует;
Одна... ничьим устам она не предает
Ни плеч, ни влажных уст, ни персей белоснежных.
. . . .
. . . .
. . . .
Никто ее любви небесной не достоин.
Не правда ль: ты одна... ты плачешь... я спокоен;
. . . .
Но если . . . .

Графу Олизару

Певец! издревле меж собою
Враждуют наши племена,
То наша стонет сторона,
То гибнет ваша под грозою.
И вы, бывало, пировали,
Кремля [позор] и плен;
И мы о камень падших стен
Младенцев [ваших] избивали,
Когда в кровавый прах топтали
Красу Костюшкиных знамен.

И тот не наш, кто с девой вашей
Кольцом заветным сопряжен;
Не выпьем мы заветной чашей
Здоровье ваших красных жен;
[И наша дева молодая],
Привлекши сердце поляка,
[Отвергнет] гордою душою
Любовь народного врага.

Но глас поэзии чудесной
Сердца враждебные дружит
Закон волшебный [и] небесный! —
[Вражды] закон молчит!
При звуках песен вдохновенья, *

И восстают благословенья,
На племена нисходит мир...

* 〈Следующий стих не написан.〉

П. А. Плетневу

Ты издал дядю моего;
Творец „Опасного Соседа“
Достоин очень был того,
Хотя покойная Беседа
И не [венчала] лик его.
Теперь издай [меня], приятель,
[Плоды] пустых моих трудов.
Но ради Феба, мой Плетнев,
Когда ты будешь свой издатель?

* * *

Презрев и толки укоризны,
И зовы сладостных надежд,
Иду в чужбине прах отчизны
С дорожных отряхнуть одежд.
[Умолкни] сердца шопот сонный,
Привычки, давной лени глас!
Прости, предел неблагосклонный,
Где свет узрел я в первый раз!
Простите, сумрачные сени,
Где дни мои   в тиши,
Исполнены страстей и лени,
И снов задумчивых души.
Мой брат, в опасный день разлуки
Все думы сердца о тебе,
С тобой соединим же руки
И покоримся мы судьбе.
Благослови побег поэта.

———

Умолкнет он под небом дальным,
Один   печальным
Угаснет в чуждой стороне.

* * *

Сабуров, ты оклеветал
Мои гусарские затеи,
Как я с Кавериным гулял,
Бранил Россию с Молоствовым,
С моим Чадаевым читал;
Как, [все] заботы отгоня,
Провел меж ними год я круглый,
Но Зубов не прельстил меня
Своею - - - - смуглой.

* * *

Как жениться задумал царской арап,
Меж боярынь арап похаживает,
На боярышен арап поглядывает,
Что выбрал арап себе сударушку,
Черный ворон белую лебедушку.
А как он арап чернешенек,
А она-то душа белешенька.

* * *

Ночной зефир
Струит эфир.
Шумит,
Бежит
Гвадалквивир.

Вот взошла луна златая,
Тише... чу... гитары звон...
Вот испанка молодая
Оперлася на балкон.

10 Ночной зефир
Струит эфир.
Шумит,
Бежит
Гвадалквивир.

Скинь мантилью, ангел милый,
И явись как яркой день!
Сквозь чугунные перилы
Ножку дивную продень!

19 Ночной зефир
Струит эфир.
Шумит,
Бежит
Гвадалквивир.

* * *

С перегородкою каморки —
Довольно чистенькие норки.
В углу на полке образа,
Под ними [вербная] лоза
[С иссохшей просвирой и свечкой].
Две канареечки над печкой.

* * *

Пока супруг тебя, красавицу младую,
Между шести других еще не заключил,
Ходи к [фонтану близ] могил
И черпай воду ключевую,
И думай, милая моя:
Как невозвратная струя
Блестит, бежит и исчезает —
Так жизни [юность] убегает;
В гареме так исчезну я.

Фонтану Бахчисарайского дворца

Фонтан любви, фонтан живой!
Принес я в дар тебе две розы.
Люблю немолчный говор твой
И поэтические слезы.

Твоя серебряная пыль
Меня кропит росою хладной:
Ах, лейся, лейся, ключ отрадный!
Журчи, журчи свою мне быль...

Фонтан любви, фонтан печальный!
И я твой мрамор вопрошал:
Хвалу стране прочел я дальной;
Но о Марии ты молчал...

Светило бледное гарема!
И здесь ужель забвенно ты?
Или Мария и Зарема
Одни счастливые мечты?

Иль только сон воображенья
В пустынной мгле нарисовал
Свои минутные виденья,
Души неясный идеал?

Виноград

Не стану я жалеть о розах,
Увядших с легкою весной;
Мне мил и виноград на лозах,
В кистях созревший под горой,
Краса моей долины злачной,
Отрада осени златой,
Продолговатый и прозрачный,
Как персты девы молодой.

1824

Подражания Корану[1]

Посвящено П. А. Осиповой

I

Клянусь четой и нечетой,
Клянусь мечом и правой битвой,
Клянуся утренней звездой,
Клянусь вечернею молитвой:[2]

Нет, не покинул я тебя.
Кого же в сень успокоенья
Я ввел, главу его любя,
И скрыл от зоркого гоненья?

Не я ль в день жажды напоил
Тебя пустынными водами?
Не я ль язык твой одарил
Могучей властью над умами?

Мужайся ж, презирай обман,
Стезею правды бодро следуй,
Люби сирот и мой Коран
Дрожащей твари проповедуй.

II

О жены чистые пророка,
От всех вы жен отличены:
Страшна для вас и тень порока.
Под сладкой сенью тишины
Живите скромно: вам пристало
Безбрачной девы покрывало.
Храните верные сердца
Для нег законных и стыдливых,
Да взор лукавый нечестивых
Не узрит вашего лица.

11 А вы, о гости Магомета,
Стекаясь к вечери его,
Брегитесь суетами света
Смутить пророка моего.
В пареньи дум благочестивых,
Не любит он велеречивых
И слов нескромных и пустых:
Почтите пир его смиреньем
И целомудренным склоненьем
Его невольниц молодых.[3]

III

Смутясь, нахмурился пророк,
Слепца прослышав приближенье:[4]
Бежит, да не дерзнет порок
Ему являть недоуменье.

5 С небесной книги список дан
Тебе, пророк, не для строптивых;
Спокойно возвещай Коран,
Не понуждая нечестивых!

9 Почто ж кичится человек?
За то ль, что наг на свет явился,
Что дышит он недолгий век,
Что слаб умрет, как слаб родился?

13 За то ль, что бог и умертвит
И воскресит его по воле?
Что с неба дни его хранит
И в радостях, и в горькой доле?

17 За то ль, что дал ему плоды,
И хлеб, и финик, и оливу,
Благословив его труды
И вертоград, и холм, и ниву?

21 Но дважды ангел вострубит;
На землю гром небесный грянет:
И брат от брата побежит,
И сын от матери отпрянет.

И все пред бога притекут,
Обезображенные страхом;
И нечестивые падут,
Покрыты пламенем и прахом.

IV

С тобою древле, о всесильный,
Могучий состязаться мнил,
Безумной гордостью обильный;
Но ты, господь, его смирил.
Ты рек: я миру жизнь дарую
Я смертью землю наказую,
На всё подъята длань моя.
Я также, рек он, жизнь дарую,
И также смертью наказую:
С тобою, боже, равен я.
Но смолкла похвальба порока
От слова гнева твоего:
Подъемлю солнце я с востока;
С заката подыми его,

V

Земля недвижна; неба своды,
Творец, поддержаны тобой,
Да не падут на сушь и воды
И не подавят нас собой.[5]

Зажег ты солнце во вселенной,
Да светит небу и земле,
Как лен, елеем напоенный,
В лампадном светит хрустале.

Творцу молитесь; он могучий:
Он правит ветром; в знойный день
На небо насылает тучи;
Дает земле древесну сень.

Он милосерд: он Магомету
Открыл сияющий Коран,
Да притечем и мы ко свету
И да падет с очей туман.

VI

Недаром вы приснились мне
В бою, с обритыми главами,
С окровавленными мечами,
Во рвах, на башне, на стене.

Внемлите радостному кличу,
О дети пламенных пустынь!
Ведите в плен младых рабынь,
Делите бранную добычу!

Вы победили: слава вам,
А малодушным посмеянье.
Они на бранное призванье
Не шли, не веря дивным снам.

Прельстясь добычей боевою,
Теперь в раскаянье своем
Рекут: возьмите нас с собою;
Но вы скажите: не возьмем.

Блаженны падшие в сраженьи:
Теперь они вошли в эдем
И потонули в наслажденьи,
Не отравляемом ничем.

VII

Восстань, боязливый:
В пещере твоей
Святая лампада
До утра горит.
Сердечной молитвой,

Бахчисарайский дворец. С рисунка *С. И. Лобанова*

Пророк, удали
Печальные мысли,
Лукавые сны!
До утра молитву
Смиренно твори;
Небесную книгу
До утра читай!

VIII

Торгуя совестью пред бледной нищетою,
Не сыпь своих даров расчетливой рукою:
Щедрота полная угодна небесам.
В день грозного суда, подобно ниве тучной,
О сеятель благополучный,
Сторицею воздаст она твоим трудам.

7 Но если, пожалев трудов земных стяжанья,
Вручая нищему скупое подаянье,
Сжимаешь ты свою завистливую длань —
Знай: все твои дары, подобно горсти пыльной,
Что с камня моет дождь обильный,
Исчезнут, господом отверженная дань.

IX

И путник усталый на бога роптал:
Он жаждой томился и тени алкал.
В пустыне блуждая три дня и три ночи,
И зноем, и пылью тягчимые очи
С тоской безнадежной водил он вокруг,
И кладезь под пальмою видит он вдруг.

7 И к пальме пустынной он бег устремил,
И жадно холодной струей освежил
Горевшие тяжко язык и зеницы,
И лег, и заснул он близ верной ослицы.
И многие годы над ним протекли
По воле владыки небес и земли.

13 Настал пробужденья для путника час;
Встает он и слышит неведомый глас:
„Давно ли в пустыне заснул ты глубоко?“
И он отвечает: „Уж солнце высоко
На утреннем небе сияло вчера;
С утра я глубоко проспал до утра“.

19 Но голос: „О путник, ты долее спал;
Взгляни, лег ты молод, а старцем восстал;
Уж пальма истлела, а кладезь холодный
Иссяк и засохнул в пустыне безводной,
Давно занесенный песками степей,
И кости белеют ослицы твоей“.

25 И горем объятый мгновенный старик,
Рыдая, дрожащей главою поник...
И чудо в пустыне тогда совершилось:
Минувшее в новой красе оживилось;
Вновь зыблется пальма тенистой главой;
Вновь кладезь наполнен прохладой и мглой.

31 И ветхие кости ослицы встают,
И телом оделись, и рев издают;
И чувствует путник и силу, и радость;
В крови заиграла воскресшая младость;
Святые восторги наполнили грудь—
И с богом он дале пускается в путь.

Примечания

[1] „Нечестивые, — пишет Магомет (глава *Награды*),— думают, что Коран есть собрание новой лжи и старых басен“. Мнение сих *нечестивых* конечно справедливо; но несмотря на сие, многие нравственные истины изложены в Коране сильным и поэтическим образом. Здесь предлагается несколько вольных подражаний. В подлиннике Алла везде говорит от своего имени, а о Магомете упоминается только во втором или третьем лице.

[2] В других местах Корана Алла клянется копытами кобылиц, плодами смоковницы, свободою Мекки, добродетелью и пороком, ангелами и человеком и проч. Странный сей риторический оборот встречается в Коране поминутно.

[3] „Мой пророк, — прибавляет Алла, – вам этого не скажет, ибо он весьма учтив и скромен; но я не имею нужды с вами чиниться", и проч. Ревность араба так и дышит в сих заповедях.

[4] Из книги *Слепец*.

[5] Плохая физика; но зато какая смелая поэзия!

Из письма к А. Г. Родзянку

Прости, украинской мудрец,
Наместник Феба и Приапа!
Твоя соломенная шляпа
Покойней, чем иной венец;
Твой Рим — деревня; ты — мой Папа,
Благослови ж меня, певец!

Чаадаеву

К чему холодные сомненья?
Я верю: здесь был грозный храм,
Где крови жаждущим богам
Дымились жертвоприношенья;
Здесь успокоена была
Вражда свирепой Эвмениды;
Здесь провозвестница Тавриды
На брата руку занесла;
На сих развалинах свершилось
Святое дружбы торжество,
И душ великих божество
Своим созданьем возгордилось.
. . . .
Чадаев, помнишь ли былое?
Давно ль с восторгом молодым

Я мыслил имя роковое
Предать развалинам иным?
Но в сердце, бурями смиренном,
Теперь и лень и тишина,
И в умиленьи вдохновенном,
На камне, дружбой освященном,
Пишу я наши имена.

Послание к Л. Пушкину

[Что же? Будет ли] вино?
[Лайон, жду] его давно.
Знаешь ли какого рода?
Милый мой, мне всё равно,
У меня закон один:
Жажды полная свобода
И терпимость всяких вин.
Погреб мой гостеприимный
Рад мадере золотой
И под пробкой смоляной
Сен-Пере бутылке длинной.
В лета красные мои
Поэтической Аи
Нравился мне пеной шумной,
Сим подобием любви
Или юности безумной.
Я воспомнил о поэте,
И наполненный бокал
всему на свете
Младший брат предпочитал.
[Но бургонское густое]
Мне понравилось потом:
Ныне нет во мне пристрастья,
Без разбора за столом
⟨*нрзбр*⟩ ⟨*нрзбр*⟩ сладострастья
Вина обхожу кругом.

1824

Аквилон

Зачем ты, грозный аквилон,
Тростник болотный долу клонишь?
Зачем на дальний небосклон
Ты облачко столь гневно гонишь?

Недавно черных туч грядой
Свод неба глухо облекался,
Недавно дуб над высотой
В красе надменной величался...

Но ты поднялся, ты взыграл,
Ты прошумел грозой и славой —
И бурны тучи разогнал,
И дуб низвергнул величавый.

Пускай же солнца ясный лик
Отныне радостью блистает,
И облачком зефир играет,
И тихо зыблется тростник.

Второе послание к цензору

На скользком поприще Тимковского наследник!
Позволь обнять себя, мой прежний собеседник.
Недавно, тяжкою цензурой притеснен,
Последних, жалких прав без милости лишен,
Со всею братией гонимый совокупно,
Я, вспыхнув, говорил тебе немного крупно,
Потешил дерзости бранчивую свербежь —
Но извини меня: мне было невтерпеж.
Теперь в моей глуши журналы раздирая,
И бедной братии стишонки разбирая
(Теперь же мне читать охота и досуг),

Обрадовался я, по ним заметя вдруг
В тебе и правила, и мыслей образ новый!
Ура! ты заслужил венок себе лавровый
И твердостью души и смелостью ума.
Как изумилася поэзия сама,
Когда ты разрешил по милости чудесной
Заветные слова *божественный, небесный,*
И ими назвалась (для рифмы) красота,
Не оскорбляя тем уж господа Христа!
Но что же вдруг тебя, скажи, переменило
И нрава твоего кичливость усмирило?
Свои послания хоть очень я люблю,
Хоть знаю, что прочел ты жалобу мою,
Но, подразнив тебя — я переменой сею
Приятно изумлен, гордиться не посмею.
Отнесся я к тебе по долгу моему;
Но мне ль исправить вас? Нет, ведаю, кому
Сей важной новостью обязана Россия.
Обдумав наконец намеренья благие,
Министра честного наш добрый царь избрал,
Шишков наук уже правленье восприял.
Сей старец дорог нам: друг чести, друг народа,
Он славен славою двенадцатого года;
Один в толпе вельмож он русских муз любил,
Их, незамеченных, созвал, соединил;
Осиротелого венца Екатерины
От хлада наших дней укрыл он лавр единый.
Он с нами сетовал, когда святой отец,
Омара да Гали прияв за образец,
В угодность господу, себе во утешенье,
Усердно задушить старался просвещенье.
Благочестивая, смиренная душа
Карала чистых муз, спасая Бантыша,
И помогал ему Магницкий благородный,
Муж твердый в правилах, душою превосходный,
И даже бедный мой Кавелин-дурачок,
Креститель Галича, [Магницкого] дьячок.
И вот за все грехи, в чьи пакостные руки
Вы были вверены, печальные науки!
Цензура! вот кому подвластна ты была!

Но полно: мрачная година протекла,
И ярче уж горит светильник просвещенья.
Я с переменою несчастного правленья
Отставки цензоров, признаться, ожидал,
Но сам не зная как, ты видно устоял.
Итак, я поспешил приятелей поздравить,
А между тем совет на память им оставить.

Будь строг, но будь умен. Не просят у тебя,
Чтоб, все законные преграды истребя,
Всё мыслить, говорить, печатать безопасно
Ты нашим господам позволил самовластно.
Права свои храни по долгу своему.
Но скромной Истине, но мирному Уму
И даже Глупости невинной и довольной
Не заграждай пути заставой своевольной.
И если ты в плодах досужного пера
Порою не найдешь великого добра,
Когда не видишь в них безумного разврата,
Престолов, алтарей и нравов супостата,
То, славы автору желая от души,
Махни, мой друг, рукой и смело подпиши.

Клеопатра

Царица голосом и взором
Свой пышный оживляла пир.
Все, Клеопатру славя хором,
В ней признавая свой кумир,
Шумя, текли к ее престолу,
Но вдруг над чашей золотой
Она задумалась — и долу
Поникла дивною главой.

И пышный пир как будто дремлет,
И в ожиданьи всё молчит...
Но вновь она чело подъемлет

И с видом важным говорит:
„Внемлите мне: могу равенство
Меж вас и мной восстановить.
В моей любви для вас блаженство,
Блаженство можно вам купить:
Кто к торгу страстному приступит?
Свои я ночи продаю.
Скажите, кто меж вами купит
Ценою жизни ночь мою“.

Она рекла. Толпа в молчаньи,
И всех в волнении сердца.
Но Клеопатра в ожиданьи
С холодной дерзостью лица:
„Я жду, — вещает, — что ж молчите?
Иль вы теперь бежите прочь?
Вас было много; приступите,
Торгуйте радостную ночь!“

И гордый взор она обводит
Кругом поклонников своих...
Вдруг — из рядов один выходит,
Вослед за ним и два других.
Смела их поступь, ясны очи.
Царица гордо восстает.
Свершилось: куплены три ночи...
И ложе смерти их зовет.

И снова гордый глас возвысила царица:
„Теперь забыты мной венец и багряница!
Простой наемницей на ложе восхожу;
Неслыханно тебе, Киприда, я служу,
И новый дар тебе ночей моих награда.
О боги грозные, внемлите ж, боги ада,
Подземных ужасов печальные цари!
Примите мой обет: до сладостной зари
Властителей моих последние желанья
И дивной негою, и тайнами лобзанья,
Всей чашею любви послушно упою...
Когда же сквозь завес во храмину мою

Блеснет Авроры луч — клянусь моей порфирой,
Главы их упадут под утренней секирой!“

Благословенные священною рукой,
Из урны жребии выходят чередой,
И первый Аргилай, клеврет Помпея смелый,
Изрубленный в боях, в походах поседелый.
Презренья хладного не снес он от жены
И первый выступил, суровый сын войны,
На вызов роковых последних наслаждений,
Как смело выступал на славный клик сражений.
Критон за ним, Критон, изнеженный мудрец,
  Воспитанный под небом Арголиды,
От отроческих дней поклонник и певец
И пламенных пиров, и пламенной Киприды.
Последний имени векам не передал,
Никем не знаемый, ничем не знаменитый;
Чуть отроческий пух, темнея, покрывал
    Его стыдливые ланиты.
  Огонь любви в очах его пылал,
  Во всех чертах любовь изображалась —
Он Клеопатрою, казалося, дышал,
И молча долго им царица любовалась.

* * *

  Напрасно ахнула Европа,
Не унывайте, не беда!
От петербургского потопа
Спаслась „Полярная Звезда“.
Бестужев, твой ковчег на бреге!
Парнаса блещут высоты,
И в благодетельном ковчеге
Спаслись и люди, и скоты.

Сожженное письмо

Прощай, письмо любви, прощай! Она велела...
Как долго медлил я, как долго не хотела
Рука предать огню все радости мои!..
Но полно, час настал: гори, письмо любви.
Готов я; ничему душа моя не внемлет.
Уж пламя жадное листы твои приемлет...
Минуту!.. вспыхнули... пылают... легкий дым
Виясь теряется с молением моим.
Уж перстня верного утратя впечатленье,
Растопленный сургуч кипит... О провиденье!
Свершилось! Темные свернулися листы;
На легком пепле их заветные черты
Белеют... Грудь моя стеснилась. Пепел милый,
Отрада бедная в судьбе моей унылой,
Останься век со мной на горестной груди...

* * *

Лиде страшно полюбить.
Полно, нет ли тут обмана?
Берегитесь — может быть,
Эта новая Диана
Притаила нежну страсть
И стыдливыми глазами
Ищет робко между вами,
Кто бы ей помог упасть.

* * *

Твое соседство нам опасно,
Хоть мило, может быть, оно, —
[Так утверждаю не напрасно
И доказать не] <мудрено>.
Твой дом, учтивая беседа
И шутки с злостью пополам
Напоминают [живо] нам
И впрямь „Опасного Соседа“.

* * *

Сказали раз царю, что наконец
Мятежный вождь Риэго был удавлен.
„Я очень рад, — сказал усердный льстец: —
От одного мерзавца мир избавлен“.
Все смолкнули, все потупили взор,
Всех рассмешил проворный приговор.
Риэго был пред Фердинандом грешен,
Согласен я, но он за то повешен.
Пристойно ли, скажите, сгоряча
Ругаться нам над жертвой палача?
Сам государь такого доброхотства
Не захотел улыбкой наградить:
Льстецы, льстецы! старайтесь сохранить
И в подлости осанку благородства.

* * *

Ты вянешь и молчишь; печаль тебя снедает;
На девственных устах улыбка замирает.
Давно твоей иглой узоры и цветы
Не оживлялися. Безмолвно любишь ты
Грустить. О, я знаток в девической печали;
Давно глаза мои в душе твоей читали.
Любви не утаишь: мы любим, и, как нас,
Девицы нежные, любовь волнует вас.
Счастливы юноши! Но кто, скажи, меж ними,
Красавец молодой, с очами голубыми,
С кудрями черными?.. Краснеешь? Я молчу,
Но знаю, знаю всё; и если захочу,
То назову его. Не он ли вечно бродит
Вкруг дома твоего и взор к окну возводит?
Ты втайне ждешь его. Идет, и ты бежишь,
И долго вслед за ним незримая глядишь.
Никто на празднике блистательного мая,
Меж колесницами роскошными летая,
Никто из юношей свободней и смелей
Не властвует конем по прихоти своей.

Признание

К А. И. Осиповой

Я вас люблю, — хоть я бешусь,
Хоть это труд и стыд напрасный,
И в этой глупости несчастной
У ваших ног я признаюсь!
Мне не к лицу и не по летам...
Пора, пора мне быть умней!
Но узнаю по всем приметам
Болезнь любви в душе моей:

Без вас мне скучно, — я зеваю;
При вас мне грустно, — я терплю;
И, мочи нет, сказать желаю,
Мой ангел, как я вас люблю!
Когда я слышу из гостиной
Ваш легкий шаг, иль платья шум,
Иль голос девственный, невинный,
Я вдруг теряю весь свой ум.
Вы улыбнетесь, — мне отрада;
Вы отвернетесь, — мне тоска;
За день мучения — награда
Мне ваша бледная рука.
Когда за пяльцами прилежно
Сидите вы, склонясь небрежно,
Глаза и кудри опустя,
Я в умиленьи, молча, нежно
Любуюсь вами, как дитя!..
Сказать ли вам мое несчастье,
Мою ревнивую печаль,
Когда гулять, порой в ненастье,
Вы собираетеся в даль?
И ваши слезы в одиночку,
И речи в уголку вдвоем,
И путешествие в Опочку,
И фортепьяно вечерком?..
Алина! сжальтесь надо мною.
Не смею требовать любви:
Быть может, за грехи мои,
Мой ангел, я любви не стою!
Но притворитесь! Этот взгляд
Всё может выразить так чудно!
Ах, обмануть меня не трудно!..
Я сам обманываться рад!

К **

Ты богоматерь, нет сомненья,
Не та, которая красой
Пленила только дух святой,
Мила ты всем без исключенья;
Не та, которая Христа
Родила, не спросясь супруга. —
Есть бог другой земного круга —
Ему послушна красота,
Он бог Парни, Тибулла, Мура,
Им мучусь, им утешен я.
Он весь в тебя — ты мать Амура,
Ты богородица моя!

* * *

Охотник до журнальной драки,
Сей усыпительный зоил
Разводит опиум чернил
Слюнею бешеной собаки.

* * *

Лихой товарищ наших дедов,
Он друг Венеры и пиров,
Он на обедах — бог обедов,
В своих садах — он бог садов.

* * *

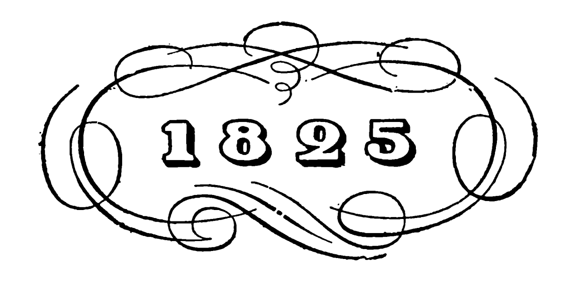
Пускай увенчанный любовью красоты
В заветном золоте хранит ее черты
И письма тайные, награда долгой муки,
Но в тихие часы томительной разлуки
Ничто, ничто моих не радует очей,
И ни единый дар возлюбленной моей,
Святой залог любви, утеха грусти нежной,
Не лечит ран любви безумной, безнадежной.

* * *

Тимковский царствовал — и все твердили вслух,
Что вряд ли где ослов найдешь подобных двух.
Явился Бируков, за ними вслед Красовский:
Ну, право, их умней покойный был Тимковский!

* * *

Воспитанный под барабаном,
Наш царь лихим был капитаном:
Под Австерлицем он бежал,
В двенадцатом году дрожал,
Зато был фрунтовой профессор!
Но фрунт герою надоел —
Теперь коллежский он асессор
По части иностранных дел!

Приятелям

Враги мои, покамест я ни слова...
И, кажется, мой быстрый гнев угас;
Но из виду не выпускаю вас
И выберу когда-нибудь любого:
Не избежит пронзительных когтей,
Как налечу нежданый, беспощадный.
Так в облаках кружится ястреб жадный
И сторожит индеек и гусей.

На Ф. Н. Глинку

Наш друг *Фита*, Кутейкин в эполетах,
Бормочет нам растянутый псалом:
Поэт Фита, не становись фертом!
Дьячок Фита, ты ижица в поэтах!

* * *

„Что козырь?“ — „Черви“. — „Мне ходить“.
— „Я бью“. — „Нельзя ли погодить?“
— „Беру“. — „Кругом нас обыграла!
Эй, смерть! Ты право сплутовала“.
— „Молчи! ты глуп и молоденек.
Уж не тебе меня ловить!
[Ведь] мы играем не <для> денег,
А только б вечность проводить!“

„Кто там?“ — „Здорово, господа!“
— „Зачем пожаловал сюда?“
— „Привел я гостя“. — „Ах, создатель!..“
— „Вот доктор Фауст, наш приятель!“ —
„Живой?“ — „Он жив, да наш давно:
Сегодня ль, завтра ль — всё равно!“
— „Об этом думают двояко;
Обычай требовал, однако,
Соизволенья моего,
Но, впрочем, это ничего.
Вы знаете, всегда ли, другу
Я рада оказать услугу...“
Грех: „Я дамой...“ — „Крой!“ — „Я бью тузом...“
— „Позвольте, козырь“ — „Ну, пойдем...“

Так вот детей земных изгнанье?
Какой порядок и молчанье!
Какой огромный сводов ряд,
Но где же грешников варят?
Всё тихо — там, гораздо дале.
Где мы теперь? — В парадной зале.

Сегодня бал у сатаны...
На именины мы званы...
[Смотри, как эти два бесенка
На кухню тащат поросенка...]
А этот бес — как важен он!
Как чинно выметает вон
Опилки, серу, пыль и кости.
Скажи мне, скоро ль будут гости?

* * *

„Вот Коцит, вот Ахерон,
Вот горящий Флегетон.
Доктор Фауст, посмелее,
Там нам будет веселее“.—
„Где же мост?“ — „Какой тут мост,
На! [вот] сядь ко мне на хвост“.

———

Кто идет? — Солдат.
Это что? — Парад.
Вот обер-[капрал],
Унтер-генерал.

———

Что горит во мгле?
Что кипит в котле?
Фауст, ха, ха, <ха>,
Посмотри, уха,
Щуки ли цари —
О вари, вари!..

* * *

Я был свидетелем златой твоей весны;
Тогда напрасен ум, искусства не нужны,
И самой красоте семнадцать лет замена.
Но время протекло, настала перемена,
Ты приближаешься к сомнительной поре,
Как меньше [женихов] толпятся на дворе,
И тише звук похвал твой [слух обворожает],
А зеркало сильней грозит и упрекает.
утешься и смирись,
От милых прежних прав заране откажись,
Ищи других побед — успехи пред тобою,
Я счастия тебе желаю всей душою,
и опытов моих,
Мой дидактический, благоразумный стих.

Дружба

Что дружба? Легкий пыл похмелья,
Обиды вольный разговор,
Обмен тщеславия, безделья,
Иль покровительства позор.

* * *

От многоречия отрекшись добровольно,
В собраньи полном слов не вижу пользы я.
Для счастия души, поверьте мне, друзья,
Иль слишком мало всех, иль одного довольно.

* * *

Семейственной любви и нежной дружбы ради
Хвалю тебя, сестра! не спереди, а сзади.

Ода

Его Сият. Гр. Дм. Ив. Хвостову

Султан ярится.[1] Кровь Эллады
И резвоскачет,[2] и кипит.
Открылись Грекам древни клады,[3]
Трепещет в Стиксе лютый Питт.[4]
И се — летит продерзко судно
И мещет громы обоюдно.
Се Бейрон, Феба образец,
Притек — но недуг быстропарный,[5]
Строптивый и неблагодарный
Взнес смерти на него резец.

Певец бессмертный и маститый,
Тебя Эллада днесь зовет
На место тени знаменитой,
Пред коей Цербер днесь ревет.
Как здесь, ты будешь там сенатор,
Как здесь, почтенный литератор,
Но новый лавр тебя ждет там,
Где от крови земля промокла:
Перикла лавр, лавр Фемистокла;
Лети туда, Хвостов наш! сам.

Вам с Бейроном шипела злоба,
Гремела и правдива лесть.
Он лорд — Граф ты! Поэты оба!
Се, мнится, явно сходство есть —
Никак! Ты с верною супругой[6]
Под бременем Судьбы упругой
Живешь в любви — и наконец
Глубок он, но единобразен,
А ты глубок, игрив и разен,
И в шалостях ты впрямь певец.

31 А я, неведомый Пиита,
В восторге новом воспою
Вослед Пиита знаменита
Правдиву похвалу свою,
Моляся кораблю бегущу,
Да Бейрона он узрит кущу,[7]
И да блюдут твой мирный сон[8]
Нептун, Плутон, Зевс, Цитерея,
Гебея, Псиша, Крон, Астрея,
Феб, Игры, Смехи, Вакх, Харон.

Примечания

[1] Подражание Г. Петрову, знаменитому нашему лирику.

[2] Слово, употребленное весьма счастливо Вильгельмом Карловичем Кюхельбекером в стихотворном его письме к Г. Грибоедову.

[3] Под словом *клады* должно разуметь правдивую ненависть нынешних Леонидов, Ахиллесов и Мильтиадов к жестоким чалмоносцам.

[4] Г. Питт, знаменитый английский министр и известный противник свободы.

[5] Горячка.

[6] Графиня ⟨А. И.⟩ Хвостова, урожденная княжна Горчакова, достойная супруга маститого нашего Певца. Во многочисленных своих стихотворениях везде называет он ее Темирою (см. последнее замечание к оде: „Заздравный кубок").

[7] Подражание Его Высокопр. Действ. Тайн. Сов. Ив. Ив. Дмитриеву, знаменитому другу Гр. Хвостова:

К тебе я руки простирал
Уже из отческия кущи,
Взирая на суда бегущи.

[8] Здесь поэт, увлекаясь воображением, видит уже Великого нашего лирика, погруженного в сладкий сон и приближающегося к берегам благословенной Эллады. Нептун усмиряет пред ним продерзкие волны; Плутон исходит из преисподней бездны, дабы узреть того, кто ниспошлет ему в непродолжительном времени богатую жатву теней поклонников Лже-пророка; Зевес улыбается ему с небес; Цитерея (Венера) осыпает цветами своего любимого певца; Геба подъемлет кубок за здравие его; Псиша, в образе Ипполита Богдановича, ему завидует; Крон удерживает косу, готовую разить; Астрея предчувствует возврат своего царствования; Феб ликует; Игры, Смехи, Вакх и Харон веселою толпою следуют за судном нашего бессмертного Пиита.

Жив, жив курилка!

„Как! жив еще курилка журналист?“
„Живёхонек! всё так же сух и скучен,
И груб, и глуп, и завистью размучен,
Всё тискает в свой непотребный лист
И старый вздор, и вздорную новинку“.
„Фу! надоел курилка журналист!
Как загасить вонючую лучинку?
Как уморить курилку моего?
Дай мне совет“. — „Да... плюнуть на него“.

Козлову

Певец, когда перед тобой
Во мгле сокрылся мир земной, —
Мгновенно твой проснулся гений,
На всё минувшее воззрел,
И в хоре светлых привидений
Он песни дивные запел.

О милый брат, какие звуки!
В слезах восторга внемлю им:
Чудесным пением своим
Он усыпил земные муки.
Тебе он создал новый мир:
Ты в нем и видишь, и летаешь,
И вновь живешь, и обнимаешь
Разбитый юности кумир.

А я, коль стих единый мой
Тебе мгновенье дал отрады,
Я не хочу другой награды:
Недаром темною стезей
Я проходил пустыню мира,
О нет, недаром жизнь и лира
Мне были вверены судьбой!

Желание славы

Когда, любовию и негой упоенный,
Безмолвно пред тобой коленопреклоненный,
Я на тебя глядел и думал: ты моя;
Ты знаешь, милая, желал ли славы я;
Ты знаешь: удален от ветреного света,
Скучая суетным прозванием поэта,
Устав от долгих бурь, я вовсе не внимал
Жужжанью дальному упреков и похвал.
Могли ль меня молвы тревожить приговоры,
Когда, склонив ко мне томительные взоры
И руку на главу мне тихо наложив,
Шептала ты: скажи, ты любишь, ты счастлив?
Другую, как меня, скажи, любить не будешь?
Ты никогда, мой друг, меня не позабудешь?
А я стесненное молчание хранил,
Я наслаждением весь полон был, я мнил,
Что нет грядущего, что грозный день разлуки
Не придет никогда... И что же? Слезы, муки,
Измены, клевета, всё на главу мою
Обрушилося вдруг... Что я, где я? Стою,
Как путник, молнией постигнутый в пустыне,
И всё передо мной затмилося! И ныне
Я новым для меня желанием томим:
Желаю славы я, чтоб именем моим

Твой слух был поражен всечасно, чтоб ты мною
Окружена была, чтоб громкою молвою
Всё, всё вокруг тебя звучало обо мне,
Чтоб, гласу верному внимая в тишине,
Ты помнила мои последние моленья
В саду, во тьме ночной, в минуту разлученья.

* * *

Веселого пути
Я Блудову желаю
Ко древнему Дунаю,
И - - - .

Ex ungue leonem *

Недавно я стихами как-то свистнул
И выдал их без подписи моей;
Журнальный шут о них статейку тиснул,
Без подписи ж пустив ее, злодей.
Но что ж? Ни мне, ни площадному шуту
Не удалось прикрыть своих проказ:
Он по когтям узнал меня в минуту,
Я по ушам узнал его как раз.

---

* ⟨По когтям льва узнают.⟩

Пруд в Тригорском. С рисунка карандашом ***П. Г. Пастухова***

П. А. Осиповой

Быть может, уж недолго мне
В изгнанье мирном оставаться,
Вздыхать о милой старине,
И сельской музе в тишине
Душой беспечной предаваться.

Но и в дали, в краю чужом
Я буду мыслию всегдашней
Бродить Тригорского кругом,
В лугах, у речки, над холмом,
В саду под сенью лип домашней.

Когда померкнет ясный день,
Одна из глубины могильной
Так иногда в родную сень
Летит тоскующая тень
На милых бросить взор умильный.

Андрей Шенье

Посвящено Н. Н. Раевскому

Ainsi, triste et captif, ma lyre toutefois
S'éveillait... *

Меж тем, как изумленный мир
На урну Байрона взирает,
И хору европейских лир
Близ Данте тень его внимает,

---

* 〈Но хоть и был я печальным пленником, всё же моя лира пробуждалась.〉

Зовет меня другая тень,
Давно без песен, без рыданий
С кровавой плахи в дни страданий
Сошедшая в могильну сень.

Певцу любви, дубрав и мира
Несу надгробные цветы.
Звучит незнаемая лира.
Пою. Мне внемлет он и ты.

Подъялась вновь усталая секира
И жертву новую зовет.
Певец готов; задумчивая лира
В последний раз ему поет.[1]

Заутра казнь, привычный пир народу;
Но лира юного певца
О чем поет? Поет она свободу:
Не изменилась до конца!

„Приветствую тебя, мое светило!
Я славил твой небесный лик,
Когда он искрою возник,
Когда ты в буре восходило.
Я славил твой священный гром,
Когда он разметал позорную твердыню
И власти древнюю гордыню
Развеял пеплом и стыдом;
Я зрел твоих сынов гражданскую отвагу,
Я слышал братский их обет,
Великодушную присягу
И самовластию бестрепетный ответ.
Я зрел, как их могущи волны
Всё ниспровергли, увлекли,
И пламенный трибун предрек, восторга полный,
Перерождение земли.
Уже сиял твой мудрый гений,
Уже в бессмертный пантеон
Святых изгнанников всходили славны тени,

От пелены предрассуждений
Разоблачался ветхий трон;
Оковы падали. Закон,
На вольность опершись, провозгласил равенство,
И мы воскликнули: *блаженство*!
О горе! о безумный сон!
Где вольность и закон? Над нами
Единый властвует топор.
Мы свергнули царей. Убийцу с палачами
Избрали мы в цари. О ужас! о позор!
Но ты, священная свобода,
Богиня чистая, нет, не виновна ты,
В порывах буйной слепоты,
В презренном бешенстве народа
Сокрылась ты от нас; целебный твой сосуд
Завешен пеленой кровавой;
Но ты придешь опять со мщением и славой,
И вновь твои враги падут;
Народ, вкусивший раз твой нектар освященный,
Всё ищет вновь упиться им;
Как будто Вакхом разъяренный,
Он бродит, жаждою томим.
Так — он найдет тебя. Под сению равенства
В объятиях твоих он сладко отдохнет.
Так, буря мрачная минет!
Но я не узрю вас, дни славы, дни блаженства:
Я плахе обречен. Последние часы
Влачу. Заутра казнь. Торжественной рукою
Палач мою главу подымет за власы
Над равнодушною толпою.
Простите, о друзья! Мой бесприютный прах
Не будет почивать в саду, где провождали
Мы дни беспечные в науках и в пирах,
И место наших урн заране назначали.
Но, други, если обо мне
Священно вам воспоминанье,
Исполните мое последнее желанье:
Оплачьте, милые, мой жребий в тишине;
Страшитесь возбудить слезами подозренье;
В наш век, вы знаете, и слезы преступленье:

О брате сожалеть не смеет ныне брат.
Еще ж одна мольба: вы слушали стократ
Стихи, летучих дум небрежные созданья,
Разнообразные, заветные преданья
Всей младости моей. Надежды и мечты,
И слезы, и любовь, друзья, сии листы
Всю жизнь мою хранят. У Авеля, у Фанни[2]
Молю, найдите их; невинной музы дани
Сберите. Строгий свет, надменная молва
Не будут ведать их. Увы, моя глава
Безвременно падет: мой недозрелый гений
Для славы не свершил возвышенных творений;
Я скоро весь умру. Но, тень мою любя,
Храните рукопись, о други, для себя!
Когда гроза пройдет, толпою суеверной
Сбирайтесь иногда читать мой свиток верный
И, долго слушая, скажите: это он;
Вот речь его. А я, забыв могильный сон,
Взойду невидимо, и сяду между вами,
И сам заслушаюсь, и вашими слезами
Упьюсь... и, может быть, утешен буду я
Любовью; может быть, и *Узница* моя,[3]
Уныла и бледна, стихам любви внимая..."
Но, песни нежные мгновенно прерывая,
Младой певец поник задумчивой главой.
Пора весны его с любовию, тоской
Промчалась перед ним. Красавиц томны очи
И песни, и пиры, и пламенные ночи,
Всё вместе ожило; и сердце понеслось
Далече... и стихов журчанье излилось:

„Куда, куда завлек меня враждебный гений?
Рожденный для любви, для мирных искушений,
Зачем я покидал безвестной жизни тень,
Свободу, и друзей, и сладостную лень?
Судьба лелеяла мою златую младость;
Беспечною рукой меня венчала радость,
И муза чистая делила мой досуг.
На шумных вечерах друзей любимый друг,
Я сладко оглашал и смехом, и стихами

Сень, охраненную домашними богами.
Когда ж, вакхической тревогой утомясь
И новым пламенем незапно воспалясь,
Я утром наконец являлся к милой деве
И находил ее в смятении и гневе;
Когда, с угрозами, и слезы на глазах,
Мой проклиная век, утраченный в пирах,
Она меня гнала, бранила и прощала —
Как сладко жизнь моя лилась и утекала!
Зачем от жизни сей, ленивой и простой,
Я кинулся туда, где ужас роковой,
Где страсти дикие, где буйные невежды,
И злоба, и корысть! Куда, мои надежды,
Вы завлекли меня! Что делать было мне,
Мне, верному любви, стихам и тишине,
На низком поприще с презренными бойцами!
Мне ль было управлять строптивыми конями
И круто напрягать бессильные бразды?
И что ж оставлю я? Забытые следы
Безумной ревности и дерзости ничтожной.
Погибни, голос мой, и ты, о призрак ложный,
Ты, слово, звук пустой...
О, нет!
Умолкни, ропот малодушный!
Гордись и радуйся, поэт:
Ты не поник главой послушной
Перед позором наших лет;
Ты презрел мощного злодея;
Твой светоч, грозно пламенея,
Жестоким блеском озарил
Совет правителей бесславных;[4]
Твой бич настигнул их, казнил
Сих палачей самодержавных;
Твой стих свистал по их главам;
Ты звал на них, ты славил Немезиду;
Ты пел Маратовым жрецам
Кинжал и деву-Эвмениду!
Когда святой старик от плахи отрывал
Венчанную главу рукой оцепенелой,
Ты смело им обоим руку дал,

И перед вами трепетал
Ареопаг остервенелый.
Гордись, гордись, певец; а ты, свирепый зверь,
Моей главой играй теперь:
Она в твоих когтях. Но слушай, знай, безбожный:
Мой крик, мой ярый смех преследует тебя!
Пей нашу кровь, живи, губя:
Ты всё пигмей, пигмей ничтожный.
И час придет... и он уж недалек.
Падешь, тиран! Негодованье
Воспрянет наконец. Отечества рыданье
Разбудит утомленный рок.
Теперь иду... пора... но ты ступай за мною;
Я жду тебя".

Так пел восторженный поэт.
И всё покоилось. Лампады тихий свет
Бледнел пред утренней зарею,
И утро веяло в темницу. И поэт
К решотке поднял важны взоры...
Вдруг шум. Пришли, зовут. Они! Надежды нет!
Звучат ключи, замки, запоры.
Зовут... Постой, постой; день только, день один:
И казней нет, и всем свобода,
И жив великий гражданин
Среди великого народа.[5]
Не слышат. Шествие безмолвно. Ждет палач.
Но дружба смертный путь поэта очарует.[6]
Вот плаха. Он взошел. Он славу именует...[7]
Плачь, муза, плачь!..

Примечания

1 Comme un dernier rayon, comme un dernier zéphyre
Anime le soir d'un beau jour,
Au pied de l'échafaud j'essaie encore ma lyre.
*(V. Les derniers vers d'André Chénier.)**

* ⟨Как последний луч, как последнее дуновение зефира
Оживляет вечер прекрасного дня,
Так, у подножья эшафота, я еще раз берусь за лиру.
(См. Последние стихи Андрея Шенье.)⟩

[2] *У Авеля, у Фанни.*

Abel doux confident de mes jeunes mystères (El. 1): * один из друзей А. Ш.
Fanni, l'une des maîtresses d'An. Ch. Voyez les odes qui lui sont adressées.**

[3] *И Узница моя.*

La jeune Captive (M-lle de Coigny).***

[4] Voyez ses ïambes.

Chénier avait mérité la haine des factieux. Il avait célébré Charlotte Corday, flétri Collot d'Herbois, attaqué Robespierre. — On sait que le roi avait demandé à l'Assemblée par une lettre pleine de calme et de dignité le droit d'appeler au peuple du jugement qui le condamnait. Cette lettre signée dans la nuit du 17 au 18 janvier est d'André Chénier. *(H. de la Touche.)*****

[5] Он был казнен 8 термидора, т. е. накануне низвержения Робеспьера.

[6] На роковой телеге везли на казнь с Ан. Шенье и поэта Руше, его друга. Ils parlèrent de poésie à leurs derniers moments: pour eux après l'amitié c'était la plus belle chose de la terre. Racine fut l'objet de leur entretient et de leur dernière admiration. Ils voulurent réciter ses vers. Ils choisirent la première scène d'Andromaque.
*(H. de la Touche.)******

[7] На месте казни он ударил себя в голову и сказал: pourtant j'avais quelque chose là.******

---

* <Авель, нежный наперсник моих юношеских тайн. (Элегия 1.)>

** <Фанни — одна из возлюбленных Андрея Шенье. См. обращенные к ней стихотворения.>

*** <Юная узница (м-ль де-Куаньи.)>

**** <См. его „Ямбы“.

Шенье возбудил к себе ненависть партий. Он прославлял Шарлоту Корде, осмеивал Колло д'Эрбуа, нападал на Робеспьера. — Как известно, король в письме, полном спокойствия и достоинства, требовал у Национального Собрания права апеллировать к народу смертный приговор. Это письмо, подписанное в ночь с 17 на 18 января, было составлено Андреем Шенье (*А. де-Латуш*).>

***** <В свои последние мгновения они говорили о поэзии: после дружбы то была для них самая прекрасная вещь на земле. Предметом их разговора и их последнего восхищения был Расин. Им хотелось декламировать его стихи, и они выбрали первую сцену из трагедии „Андромаха“ (*А. де-Латуш*.)>

****** <Всё же у меня там кое-что было.>

А. Г. Родзянке

Ты обещал о романтизме,
О сем парнасском афеизме,
Потолковать еще со мной,
Полтавских муз поведать тайны,
А пишешь лишь об *ней* одной...
Нет, это ясно, милый мой,
Нет, ты влюблен, Пирон Украйны!

Ты прав: что может быть важней
На свете женщины прекрасной?
Улыбка, взор ее очей,
Дороже злата и честей,
Дороже славы разногласной...
Поговорим опять об *ней*.

Хвалю, мой друг, ее охоту,
Поотдохнув, рожать детей,
Подобных матери своей.
И счастлив, кто разделит с ней
Сию приятную заботу:
Не наведет она зевоту.
Дай бог, чтоб только Гименей
Меж тем продлил свою дремоту.
Но не согласен я с тобой,
Не одобряю я развода:
Во-первых, веры долг святой,
Закон и самая природа...
А во-вторых, замечу я,
Благопристойные мужья
Для умных жен необходимы:
При них домашние друзья
Иль чуть заметны, иль незримы.
Поверьте, милые мои,
Одно другому помогает,
И солнце брака затмевает
Звезду стыдливую любви.

К А. П. Керн

Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.

В томленьях грусти безнадежной,
В тревогах шумной суеты,
Звучал мне долго голос нежный,
И снились милые черты.

Шли годы. Бурь порыв мятежный
Рассеял прежние мечты,
И я забыл твой голос нежный,
Твои небесные черты.

В глуши, во мраке заточенья
Тянулись тихо дни мои
Без божества, без вдохновенья,
Без слез, без жизни, без любви.

Душе настало пробужденье:
И вот опять явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.

И сердце бьется в упоенье.
И для него воскресли вновь
И божество, и вдохновенье,
И жизнь, и слезы, и любовь.

* * *

Блестит луна, недвижно море спит,
Молчат сады роскошные Гассана
Но кто же там во тьме дерев сидит
На мраморе печального фонтана?
Арап-евнух, гарема страж седой,
И с ним его товарищ молодой.
„[Мизрур], недуг тоски душевной
Не от меня сокроешь ты.
Твой мрачный взор, твой ропот гневный,
Твои свирепые мечты
Уже давно мне всё сказали.
Я знаю — жизнь тебе тяжка.
А что виной твоей печали?
Мой сын, послушай старика“.

* * *

Если жизнь тебя обманет,
Не печалься, не сердись!
В день уныния смирись:
День веселья, верь, настанет.

Сердце в будущем живет;
Настоящее уныло:
Всё мгновенно, всё пройдет;
Что пройдет, то будет мило.

Жених

Три дня купеческая дочь
Наташа пропадала;
Она на двор на третью ночь
Без памяти вбежала.
С вопросами отец и мать
К Наташе стали приступать.
Наташа их не слышит,
Дрожит и еле дышит.

9 Тужила мать, тужил отец,
И долго приступали,
И отступились наконец,
А тайны не узнали.
Наташа стала, как была,
Опять румяна, весела,
Опять пошла с сестрами
Сидеть за воротами.

17 Раз у тесовых у ворот,
С подружками своими,
Сидела девица — и вот
Промчалась перед ними
Лихая тройка с молодцом.
Конями, крытыми ковром,
В санях он стоя правит
И гонит всех, и давит.

25 Он, поровнявшись, поглядел,
Наташа поглядела,
Он вихрем мимо пролетел,
Наташа помертвела.
Стремглав домой она бежит:
„Он! он! узнала! — говорит, —
Он, точно он! держите,
Друзья мои, спасите!“

33 Печально слушает семья,
Качая головою;
Отец ей: „Милая моя,
Откройся предо мною.
Обидел кто тебя, скажи,
Хоть только след нам укажи".
Наташа плачет снова
И более ни слова.

41 На утро сваха к ним на двор
Нежданая приходит.
Наташу хвалит, разговор
С отцом ее заводит:
„У вас товар, у нас купец;
Собою парень молодец,
И статный, и проворный,
Не вздорный, не зазорный.

49 Богат, умен, ни перед кем
Не кланяется в пояс,
А как боярин, между тем,
Живет, не беспокоясь;
А подарит невесте вдруг
И лисью шубу, и жемчуг,
И перстни золотые,
И платья парчевые.

57 Катаясь, видел он вчера
Ее за воротами;
Не по рукам ли, да с двора,
Да в церковь с образами?"
Она сидит за пирогом,
Да речь ведет обиняком,
А бедная невеста
Себе не видит места.

65 „Согласен, — говорит отец: —
Ступай благополучно,
Моя Наташа, под венец:
Одной в светелке скучно.

Не век девицей вековать,
Не всё касатке распевать,
Пора гнездо устроить,
Чтоб детушек покоить“.

73 Наташа к стенке уперлась
И слово молвить хочет —
Вдруг зарыдала, затряслась,
И плачет, и хохочет.
В смятеньи сваха к ней бежит,
Водой студеною поит
И льет остаток чаши
На голову Наташи.

81 Крушится, охает семья.
Опомнилась Наташа
И говорит: „Послушна я,
Святая воля ваша.
Зовите жениха на пир,
Пеките хлебы на весь мир,
На славу мед варите,
Да суд на пир зовите“.

89 „Изволь, Наташа, ангел мой!
Готов тебе в забаву
Я жизнь отдать!“ — И пир горой.
Пекут, варят на славу.
Вот гости честные нашли,
За стол невесту повели;
Поют подружки, плачут,
А вот и сани скачут.

97 Вот и жених — и все за стол.
Звенят, гремят стаканы;
Заздравный ковш кругом пошел;
Всё шумно, гости пьяны.
Жених: А что же, милые друзья,
Невеста красная моя
Не пьет, не ест, не служит:
О чем невеста тужит?

Невеста жениху в ответ:
„Откроюсь наудачу.
Душе моей покоя нет,
И день, и ночь я плачу:
Недобрый сон меня крушит“.
Отец ей: „Что ж твой сон гласит?
Скажи нам, что такое,
Дитя мое родное?“

„Мне снилось, — говорит она, —
Зашла я в лес дремучий,
И было поздно; чуть луна
Светила из-за тучи;
С тропинки сбилась я; в глуши
Не слышно было ни души,
И сосны лишь да ели
Вершинами шумели.

И вдруг, как будто наяву,
Изба передо мною.
Я к ней, стучу — молчат. Зову —
Ответа нет; с мольбою
Дверь отворила я. Вхожу —
В избе свеча горит; гляжу —
Везде сребро, да злато,
Всё светло и богато“.

Жених: А чем же худ, скажи, твой сон?
Знать, жить тебе богато.
Невеста: Постой, сударь, не кончен он.
На серебро, на злато,
На сукна, коврики, парчу,
На новгородскую камчу
Я молча любовалась
И диву дивовалась.

Вдруг слышу крик и конский топ...
Подъехали к крылечку.
Я поскорее дверью хлоп
И спряталась за печку.

Вот слышу много голосов...
Взошли двенадцать молодцов,
И с ними голубица
Красавица-девица.

145 Взошли толпой, не поклонясь,
Икон не замечая;
За стол садятся, не молясь
И шапок не снимая.
На первом месте брат большой,
По праву руку брат меньшой,
По леву голубица
Красавица-девица.

153 Крик, хохот, песни, шум и звон,
Разгульное похмелье...
Жених: А чем же худ, скажи, твой сон?
Вещает он веселье.
Невеста: Постой, сударь, не кончен он
Идет похмелье, гром и звон,
Пир весело бушует,
Лишь девица горюет.

161 Сидит, молчит, ни ест, ни пьет
И током слезы точит,
А старший брат свой нож берет,
Присвистывая точит;
Глядит на девицу-красу
И вдруг хватает за косу:
Злодей девицу губит,
Ей праву руку рубит".

169 „Ну, это, — говорит жених, —
Прямая небылица!
Но не тужи, твой сон не лих,
Поверь, душа-девица".
Она глядит ему в лицо.
„А это с чьей руки кольцо?" —
Вдруг молвила невеста,
И все привстали с места.

177 Кольцо катится и звенит,
Жених дрожит, бледнея;
Смутились гости. Суд гласит:
„Держи, вязать злодея!“
Злодей окован, обличен,
И скоро смертию казнен.
Прославилась Наташа!
И вся тут песня наша.

Вакхическая песня

Что смолкнул веселия глас?
Раздайтесь, вакхальны припевы!
Да здравствуют нежные девы
И юные жены, любившие нас!
Полнее стакан наливайте!
На звонкое дно
В густое вино
Заветные кольца бросайте!

9 Подымем стаканы, содвинем их разом!
Да здравствуют музы, да здравствует разум!
Ты, солнце святое, гори!
Как эта лампада бледнеет
Пред ясным восходом зари,
Так ложная мудрость мерцает и тлеет
Пред солнцем бессмертным ума.
Да здравствует солнце, да скроется тьма!

Из письма к кн. П. А. Вяземскому

Сатирик и поэт любовный,
Наш Аристип и Асмодей,
Ты не племянник Анны Львовны,
Покойной тетушки моей.
Писатель нежный, тонкий, острый,
Мой дядюшка — не дядя твой,
Но, милый — музы наши сестры,
Итак, ты всё же братец мой.

Н. Н.

Примите „Невский альманах".
Он мил и в прозе, и в стихах:
Вы тут найдете Полевого,
Великопольского, Хвостова;
Княжевич, дальний ваш родня,
Украсил также книжку эту;
Но не найдете вы меня:
Мои стихи скользнули в Лету.
Что слава мира?.. дым и прах.
Ах, сердце ваше мне дороже!..
Но, кажется, мне трудно тоже
Попасть и в этот альманах.

Сафо

Счастливый юноша, ты всем меня пленил:
Душою гордою и пылкой, и незлобной,
И первой младости красой женоподобной.

* * *

Цветы последние милей
Роскошных первенцев полей.
Они унылые мечтанья
Живее пробуждают в нас.
Так иногда разлуки час
Живее сладкого свиданья.

* * *

Брови царь нахмуря
Говорил: „Вчера
Повалила буря
Памятник Петра".
Тот перепугался.
„Я не знал! — Ужель?"
Царь расхохотался.
„Первый, брат, апрель!"

9 Говорил он с горем
Фрейлинам дворца:
„Вешают за морем
За два - - - !..
То есть разумею,—
Вдруг примолвил он,—
Вешают за шею,
Но жесток закон".

19 октября

Роняет лес багряный свой убор,
Сребрит мороз увянувшее поле,
Проглянет день, как будто поневоле,
И скроется за край окружных гор.
Пылай, камин, в моей пустынной келье;
А ты, вино, осенней стужи друг,
Пролей мне в грудь отрадное похмелье,
Минутное забвенье горьких мук.

Печален я: со мною друга нет,
С кем долгую запил бы я разлуку,
Кому бы мог пожать от сердца руку
И пожелать веселых много лет.
Я пью один; вотще воображенье
Вокруг меня товарищей зовет;
Знакомое не слышно приближенье,
И милого душа моя не ждет.

Я пью один, и на брегах Невы
Меня друзья сегодня именуют...
Но многие ль и там из вас пируют?
Еще кого не досчитались вы?
Кто изменил пленительной привычке?
Кого от вас увлек холодный свет?
Чей глас умолк на братской перекличке?
Кто не пришел? Кого меж вами нет?

Он не пришел, кудрявый наш певец,
С огнем в очах, с гитарой сладкогласной:
Под миртами Италии прекрасной
Он тихо спит, и дружеский резец
Не начертал над русскою могилой
Слов несколько на языке родном,
Чтоб некогда нашел привет унылый
Сын севера, бродя в краю чужом.

33 Сидишь ли ты в кругу своих друзей,
Чужих небес любовник беспокойный?
Иль снова ты проходишь тропик знойный
И вечный лед полунощных морей?
Счастливый путь!.. С лицейского порога
Ты на корабль перешагнул шутя,
И с той поры в морях твоя дорога,
О волн и бурь любимое дитя!

41 Ты сохранил в блуждающей судьбе
Прекрасных лет первоначальны нравы:
Лицейский шум, лицейские забавы
Средь бурных волн мечталися тебе;
Ты простирал из-за моря нам руку,
Ты нас одних в младой душе носил
И повторял: на долгую разлуку
Нас тайный рок, быть может, осудил!

49 Друзья мои, прекрасен наш союз!
Он, как душа, неразделим и вечен —
Неколебим, свободен и беспечен
Срастался он под сенью дружных муз.
Куда бы нас ни бросила судьбина
И счастие куда б ни повело,
Всё те же мы: нам целый мир чужбина;
Отечество нам Царское Село.

57 Из края в край преследуем грозой,
Запутанный в сетях судьбы суровой,
Я с трепетом на лоно дружбы новой,
Устав, приник ласкающей главой...
С мольбой моей печальной и мятежной,
С доверчивой надеждой первых лет,
Друзьям иным душой предался нежной;
Но горек был небратский их привет.

65 И ныне здесь, в забытой сей глуши,
В обители пустынных вьюг и хлада,
Мне сладкая готовилась отрада:
Троих из вас, друзей моей души,

Здесь обнял я. Поэта дом опальный,
О Пущин мой, ты первый посетил;
Ты усладил изгнанья день печальный,
Ты в день его лицея превратил.

73 Ты, Горчаков, счастливец с первых дней,
Хвала тебе — фортуны блеск холодный
Не изменил души твоей свободной:
Всё тот же ты для чести и друзей.
Нам разный путь судьбой назначен строгой;
Ступая в жизнь, мы быстро разошлись,
Но невзначай проселочной дорогой
Мы встретились и братски обнялись.

81 Когда постиг меня судьбины гнев, —
Для всех чужой, как сирота бездомный,
Под бурею главой поник я томной
И ждал тебя, вещун пермесских дев,
И ты пришел, сын лени вдохновенный,
О Дельвиг мой: твой голос пробудил
Сердечный жар, так долго усыпленный,
И бодро я судьбу благословил.

89 С младенчества дух песен в нас горел,
И дивное волненье мы познали;
С младенчества две музы к нам летали,
И сладок был их лаской наш удел:
Но я любил уже рукоплесканья,
Ты, гордый, пел для муз и для души;
Свой дар как жизнь я тратил без вниманья,
Ты гений свой воспитывал в тиши.

97 Служенье муз не терпит суеты;
Прекрасное должно быть величаво,
Но юность нам советует лукаво,
И шумные нас радуют мечты...
Опомнимся, но поздно! и уныло
Глядим назад, следов не видя там.
Скажи, Вильгельм, не то ль и с нами было,
Мой брат родной по музе, по судьбам?

Пора, пора! душевных наших мук
Не стоит мир; оставим заблужденья!
Сокроем жизнь под сень уединенья!
Я жду тебя, мой запоздалый друг,—
Приди; огнем волшебного рассказа
Сердечные преданья оживи;
Поговорим о бурных днях Кавказа,
О Шиллере, о славе, о любви.

Пора и мне... пируйте, о друзья!
Предчувствую отрадное свиданье;
Запомните ж поэта предсказанье:
Промчится год, и с вами снова я,
Исполнится завет моих мечтаний;
Промчится год, и я явлюся к вам!
О сколько слез и сколько восклицаний,
И сколько чаш, подъятых к небесам!

И первую полней, друзья, полней!
И всю до дна в честь нашего союза!
Благослови, ликующая муза,
Благослови: да здравствует лицей!
Наставникам, хранившим юность нашу,
Всем честию, и мертвым и живым,
К устам подъяв признательную чашу,
Не помня зла, за благо воздадим.

Полней, полней! и сердцем возгоря,
Опять до дна, до капли выпивайте!
Но за кого? о други, угадайте...
Ура, наш царь! так! выпьем за царя.
Он человек! им властвует мгновенье,
Он раб молвы, сомнений и страстей.
Простим ему неправое гоненье:
Он взял Париж, он основал лицей.

Пируйте же, пока еще мы тут!
Увы, наш круг час от часу редеет;
Кто в гробе спит, кто дальный сиротеет;
Судьба глядит, мы вянем; дни бегут;

Невидимо склоняясь и хладея,
Мы близимся к началу своему...
Кому ж из нас под старость день лицея
Торжествовать придется одному?

Несчастный друг! средь новых поколений
Докучный гость и лишний и чужой,
Он вспомнит нас и дни соединений,
Закрыв глаза дрожащею рукой...
Пускай же он с отрадой хоть печальной
Тогда сей день за чашей проведет,
Как ныне я, затворник ваш опальный,
Его провел без горя и забот.

Из письма к кн. П. А. Вяземскому

В глуши, измучась жизнью постной,
Изнемогая животом,
Я не парю — сижу орлом
И болен праздностью поносной.

Бумаги берегу запас,
Натуги вдохновенья чуждый,
Хожу я редко на Парнас,
И только за большою нуждой.

Но твой затейливый навоз
Приятно мне щекотит нос:
Хвостова он напоминает,
Отца зубастых голубей,
И дух мой снова позывает
Ко испражненью прежних дней.

Движение

Движенья нет, сказал мудрец брадатый.
Другой смолчал и стал пред ним ходить.
Сильнее бы не мог он возразить;
Хвалили все ответ замысловатый.
Но, господа, забавный случай сей
Другой пример на память мне приводит:
Ведь каждый день пред нами солнце ходит,
Однако ж прав упрямый Галилей.

Соловей и кукушка

В лесах, во мраке ночи праздной,
Весны певец разнообразный
Урчит, и свищет, и гремит;
Но бестолковая кукушка,
Самолюбивая болтушка,
Одно куку свое твердит,
И эхо вслед за нею то же.
Накуковали нам тоску!
Хоть убежать. Избавь нас, боже,
От элегических куку!

Совет

Поверь: когда слепней и комаров
Вокруг тебя летает рой журнальный,
Не рассуждай, не трать учтивых слов,
Не возражай на писк и шум нахальный:
Ни логикой, ни вкусом, милый друг,
Никак нельзя смирить их род упрямый.
Сердиться грех — но замахнись и вдруг
Прихлопни их проворной эпиграммой,

Прозаик и поэт

О чем, прозаик, ты хлопочешь?
Давай мне мысль, какую хочешь:
Ее с конца я завострю,
Летучей рифмой оперю,
Взложу на тетиву тугую,
Послушный лук согну в дугу,
А там пошлю наудалую,
И горе нашему врагу!

* * *

В крови горит огонь желанья,
Душа тобой уязвлена;
Лобзай меня: твои лобзанья
Мне слаще мирра и вина.
Склонись ко мне главою нежной,
И да почию безмятежный,
Пока дохнет веселый день,
И двигнется ночная тень.

* * *

Вертоград моей сестры,
Вертоград уединенный;
Чистый ключ у ней с горы
Не бежит запечатленный.
У меня плоды блестят
Наливные, золотые;
У меня бегут, шумят
Воды чистые, живые.
Нард, алой и киннамон
Благовонием богаты:
Лишь повеет аквилон,
И закаплют ароматы.

Зимний вечер

Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя.
То, как зверь, она завоет,
То заплачет, как дитя,
То по кровле обветшалой
Вдруг соломой зашумит,
То, как путник запоздалый,
К нам в окошко застучит.

9 Наша ветхая лачужка
И печальна, и темна.
Что же ты, моя старушка,
Приумолкла у окна?
Или бури завываньем
Ты, мой друг, утомлена,
Или дремлешь под жужжаньем
Своего веретена?

17 Выпьем, добрая подружка
Бедной юности моей,
Выпьем с горя; где же кружка?
Сердцу будет веселей.
Спой мне песню, как синица
Тихо за морем жила;
Спой мне песню, как девица
За водой поутру шла.

25 Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя.
То, как зверь, она завоет,
То заплачет, как дитя.
Выпьем, добрая подружка
Бедной юности моей,
Выпьем с горя; где же кружка?
Сердцу будет веселей.

Буря

Ты видел деву на скале
В одежде белой над волнами,
Когда, бушуя в бурной мгле,
Играло море с берегами,
Когда луч молний озарял
Ее всечасно блеском алым,
И ветер бился и летал
С ее летучим покрывалом?
Прекрасно море в бурной мгле
И небо в блесках без лазури;
Но верь мне: дева на скале
Прекрасней волн, небес и бури.

* * *

Всё в жертву памяти твоей:
И голос лиры вдохновенной,
И слезы девы воспаленной,
И трепет ревности моей,
И славы блеск, и мрак изгнанья,
И светлых мыслей красота,
И мщенье, бурная мечта
Ожесточенного страданья.

К Баратынскому

Стих каждый в повести твоей
Звучит и блещет, как червонец.
Твоя чухоночка, ей-ей,
Гречанок Байрона милей,
А твой зоил прямой чухонец.

Сцена из „Фауста“

Берег моря. Фауст и Мефистофель

Фауст

Мне скучно, бес.

Мефистофель

Что делать, Фауст?
Таков вам положен предел,
Егож никто не преступает.
Вся тварь разумная скучает:
Иной от лени, тот от дел;
Кто верит, кто утратил веру;
Тот насладиться не успел,
Тот насладился через меру,
И всяк зевает да живет —
И всех вас гроб, зевая, ждет.
Зевай и ты.

Фауст

Сухая шутка!
Найди мне способ как-нибудь
Рассеяться.

Мефистофель

Доволен будь
Ты доказательством рассудка.
В своем альбоме запиши:
Fastidium est quies — скука
Отдохновение души.
Я психолог... о вот наука!..
Скажи, когда ты не скучал?
Подумай, поищи. Тогда ли,
Как над Вергилием дремал,
А розги ум твой возбуждали?
Тогда ль, как розами венчал

Ты благосклонных дев веселья,
И в буйстве шумном посвящал
Им пыл вечернего похмелья?
Тогда ль, как погрузился ты
В великодушные мечты,
В пучину темную науки?
Но, помнится, тогда со скуки,
Как арлекина, из огня
Ты вызвал наконец меня.
Я мелким бесом извивался,
Развеселить тебя старался,
Возил и к ведьмам, и к духам,
И что же? всё по пустякам.
Желал ты славы — и добился,
Хотел влюбиться — и влюбился.
Ты с жизни взял возможну дань,
А был ли счастлив?

Фауст

Перестань,
Не растравляй мне язвы тайной.
В глубоком знанье жизни нет, —
Я проклял знаний ложный свет,
А слава... луч ее случайный
Неуловим. Мирская честь
Бессмысленна, как сон... Но есть
Прямое благо: сочетанье
Двух душ...

Мефистофель

И первое свиданье,
Не правда ль? Но нельзя ль узнать,
Кого изволишь поминать,
Не Гретхен ли?

Фауст

О сон чудесный!
О пламя чистое любви!
Там, там — где тень, где шум древесный,
Где сладко-звонкие струи —

Там, на груди ее прелестной
Покоя томную главу,
Я счастлив был...

Мефистофель

Творец небесный!
Ты бредишь, Фауст, наяву!
Услужливым воспоминаньем
Себя обманываешь ты.
Не я ль тебе своим стараньем
Доставил чудо красоты?
И в час полуночи глубокой
С тобою свел ее? Тогда
Плодами своего труда
Я забавлялся одинокой,
Как вы вдвоем — всё помню я.
Когда красавица твоя
Была в восторге, в упоенье,
Ты беспокойною душой
Уж погружался в размышленье
(А доказали мы с тобой,
Что размышленье — скуки семя).
И знаешь ли, философ мой,
Что думал ты в такое время,
Когда не думает никто?
Сказать ли?

Фауст

Говори. Ну, что?

Мефистофель

Ты думал: агнец мой послушный!
Как жадно я тебя желал!
Как хитро в деве простодушной
Я грезы сердца возмущал!
Любви невольной, бескорыстной
Невинно предалась она...
Что ж грудь моя теперь полна
Тоской и скукой ненавистной?..
На жертву прихоти моей

Гляжу, упившись наслажденьем,
С неодолимым отвращеньем:
Так безрасчетный дуралей,
Вотще решась на злое дело,
Зарезав нищего в лесу,
Бранит ободранное тело;
Так на продажную красу,
Насытясь ею торопливо,
Разврат косится боязливо...
Потом из этого всего
Одно ты вывел заключенье...

Фауст

Сокройся, адское творенье!
Беги от взора моего!

Мефистофель

Изволь. Задай лишь мне задачу:
Без дела, знаешь, от тебя
Не смею отлучаться я —
Я даром времени не трачу.

Фауст

Что там белеет? говори.

Мефистофель

Корабль испанский трехмачтовый,
Пристать в Голландию готовый:
На нем мерзавцев сотни три,
Две обезьяны, бочки злата,
Да груз богатый шоколата,
Да модная болезнь: она
Недавно вам подарена.

Фауст

Всё утопить.

Мефистофель

Сейчас.

(Исчезает.)

* * *

Как роза увядает,
Тогда ее душа,
Амврозией дыша,
[В Элизий] улетает.

———

И там, где волны сонны
Забвение несут,
Их тени благовонны
Над Летою цветут.

* * *

[Припадками болезни женской
Словесность русская больна.]
Лежит в истерике она
И бредит языком мечтаний,
И хладный между тем зоил
Ей [Каченовский застудил]
Теченье месячных изданий.

* * *

В пещере тайной, в день гоненья,
Читал я сладостный Коран,
Внезапно ангел утешенья,
Влетев, принес мне талисман.

Его таинственная сила*

Слова святые начертила
На нем безвестная рука.

---

* ⟨Следующий стих не написан.⟩

* * *

На небесах печальная луна
Встречается с веселою [зарею],
Одна горит, другая холодна.
Заря блестит невестой молодою,
Луна пред ней, как мертвая, бледна.
Так встретился, Эльвина, я с тобою.

* * *

Короче дни, а ночи доле,
[Настала скучная] пора,
И солнце будто поневоле
Глядит на убранное поле.
Что делать в зимни вечера,
Пока не подали [нам] кушать?
Хотите ли теперь послушать,
Мои почтенные друзья,
Рассказ про доброго Роберта,
Что жил во время Дагоберта?

Из Рима ехал он домой,
Имея очень мало денег —
Сей рыцарь был хорош собой,
Разумен, хоть и молоденек.

В то время деньги

И дабы впредь не смел чудесить,
Поймавши истинно повесить
И живота весьма лишить.

Начало 1 песни „Девственницы“

Я не рожден святыню славословить,
Мой слабый глас не взыдет до небес,
Но должен я вас ныне приготовить
К услышанью Иоанниных чудес.
Она спасла французские лилеи.
В боях ее девической рукой
Поражены заморские злодеи.
Могучею блистая красотой,
Она была под юбкою герой.
Я признаюсь — вечернею порой
Милее мне смиренная девица —
Послушная, как агнец полевой,
Иоанна же была душою львица,
Среди трудов и бранных непогод
Являлася всех витязей славнее
И что всего чудеснее, труднее,
Цвет девственный хранила круглый год.

О ты, певец сей чудотворной девы,
Седой певец, чьи хриплые напевы,
Нестройный ум и бестолковый вкус
В былые дни бесили нежных муз,
Хотел бы ты, о стихотворец хилый,
Почтить меня скрыпицею своей,
Да не хочу. Отдай ее, мой милый,
Кому-нибудь из модных рифмачей.

Н. С. Мордвинову

Под хладом старости угрюмо угасал
Единый из седых орлов Екатерины.
В крылах отяжелев, он небо забывал
И Пинда острые вершины.

В то время ты вставал; твой луч его согрел:
Он поднял к небесам и крылья, и зеницы
И с шумной радостью взыграл, и полетел
Во сретенье твоей денницы.

Мордвинов! не вотще Петров тебя любил:
Тобой гордится он и на брегах Коцита.
Ты лиру оправдал: ты ввек не изменил
Надеждам вещего пиита!

Как славно ты сдержал пророчество его!
Сияя доблестью и славой, и наукой,
В советах, недвижим у места своего,
Стоишь ты, новый Долгорукой!

Так, в пенистый поток с вершины гор скатясь,
Стоит седой утес — вотще брега трепещут,
Вотще грохочет гром, и волны, вкруг мутясь,
И увиваются, и плещут.

Один, на рамена поднявши мощный труд,
Ты зорко бодрствуешь над царскою казною;
Вдовицы бедный лепт, и дань сибирских руд
Равно священны пред тобою.

С португальского

Там звезда зари взошла,
Пышно роза процвела:
Это время нас, бывало,
Друг ко другу призывало.

На постеле пуховой
Дева сонною рукой
Протирала томны очи,
Удаляя грезы ночи,

И являлася она
У дверей, иль у окна,
Ранней звездочки светлее,
Розы утренней свежее.

Лишь ее завижу я,
Мнилось, легче вкруг меня
Воздух утренний струился;
Я вольнее становился.

Меж овец деревни всей
Я красавицы моей
Знал любимую овечку,
Я водил ее на речку,

На тенистые брега,
На зеленые луга;
Я поил ее, лелеял,
Перед <ней> цветочки сеял.

Дева издали ко мне
Приближалась в тишине.
[И я] пел, <ее> встречая,
Пел, гитарою бряцая:

29 „Девы, радости моей,
Нет! — на свете нет милей!
Кто посмеет под луною
Спорить в счастии со мною?

33 Не завидую царям,
Не завидую богам,
Как увижу очи томны,
Тонкий стан и косы темны“.

37 Так я пел, [бывало,] ей.
И красавицы моей
Сердце песнью любовалось...
Но блаженство миновалось!

41 Где ж красавица моя?
Одинокий плачу я;
Заменили песни нежны
Стон и слезы безнадежны.

(Gonzago)

* * *

Что с тобой, скажи мне, братец,
Бледен <ты>, как святотатец,
Волоса стоят горой!
Или с девой молодой
Пойман был [ты у забора],
И, приняв тебя за вора,
Сторож гнался за тобой?
Иль смущен ты привиденьем,
Иль за тяжкие грехи,
Мучась диким вдохновеньем,
Сочиняешь ты стихи?

* * *

Под каким созвездием,
Под какой планетою ⟨?⟩
Ты родился, юноша?
[Звездочка ль Кипридина,]
Марса иль Меркурия,
Аль Сатурна дальнего?

———

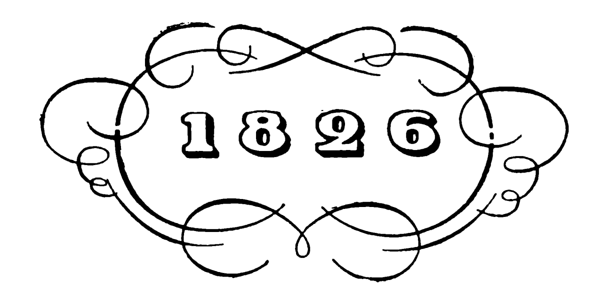
Уродился юноша
Под звездой безвестною,
Под звездой падучею,
Миг один блеснувшею
В тишине [небес].

* * *

О боги мирные полей, дубрав и гор,
Мой гений и стихи ваш любят разговор,
Меж вами я нашел и музу молодую,
Подругу дней моих невинную, простую,
Но чем-то милую — не правда ли? — друзья,
И своенравная волшебница моя,
Как тихий ветерок, иль пчелка золотая,
Иль беглый поцелуй — туда, сюда летая,
Жемчужные

А. Н. Вульф

Увы! напрасно деве гордой
Я предлагал свою любовь:
Ни наша жизнь, ни наша кровь
Ее души не тронет твердой!
Одним страданьем буду сыт,
И пусть мне сердце скорбь расколет.
. . . .
. . . .

Из письма к И. Е. Великопольскому

С тобой мне вновь считаться довелось,
Певец любви то резвый, то унылый;
Играешь ты на лире очень мило,
Играешь ты довольно плохо в штосс:
Пятьсот рублей, проигранных тобою,
Наличные свидетели тому.
Судьба моя сходна с твоей судьбою;
Сейчас, мой друг, увидишь почему.

В альбом Е. Н. Вульф

Вот, Зина, вам совет: играйте!
Из роз веселых заплетайте
Себе торжественный венец —
И впредь у нас не разрывайте
Ни мадригалов, ни сердец.

* * *

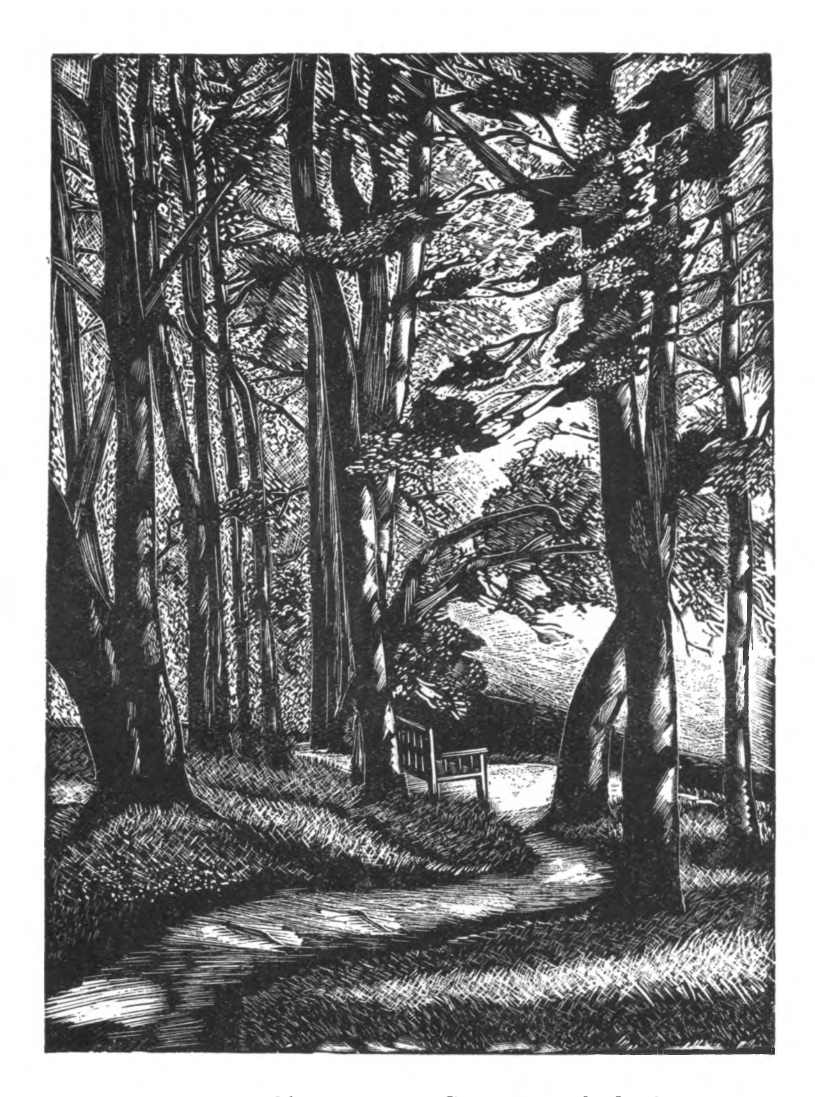
Под небом голубым страны своей родной
Она томилась, увядала...
Увяла, наконец, и верно надо мной
Младая тень уже летала;
Но недоступная черта меж нами есть.
Напрасно чувство возбуждал я:
Из равнодушных уст я слышал смерти весть,
И равнодушно ей внимал я.
Так вот кого любил я пламенной душой
С таким тяжелым напряженьем,
С такою нежною, томительной тоской,
С таким безумством и мученьем!
Где муки, где любовь? Увы, в душе моей
Для бедной легковерной тени,
Для сладкой памяти невозвратимых дней
Не нахожу ни слез, ни пени.

* * *

Едва уста красноречивы
Тебя коснулися — и вмиг
Его ума огонь игривый
В тебя таинственно проник.

Кристалл, поэтом обновленный,
Укрась мой мирный уголок,
Залог поэзии священный
И дружбы сладостный залог.

В тебе таится жар целебный

Скамья Онегина в Михайловском. С гравюры *Л. С. Хижинского*

Из Ариостова „Orlando furioso“ *

(Canto XXIII ott. 100) **

Пред рыцарем блестит водами
Ручей прозрачнее стекла,
Природа милыми цветами
Тенистый берег убрала
И обсадила древесами.

101

6 Луга палит полдневный зной,
Пастух убогой спит у стада,
Устал под латами герой —
Его манит ручья прохлада.
Здесь мыслит он найти покой.
И здесь-то, здесь нашел несчастный
Приют жестокой и ужасный.

102

13 Гуляя, он на деревах
Повсюду надписи встречает.
Он с изумленьем в сих чертах
Знакомый почерк замечает;
Невольный страх его влечет,
Он руку милой узнает...
И в самом деле в жар полдневный
Медор с китайскою царевной
Из хаты пастыря сюда
Сам-друг являлся иногда.

---

* 〈„Неистового Роланда“.〉
** 〈Песнь XXIII, октава 100.〉

103

23 Орланд их имена читает
Соединенны вензелем;
Их буквы каждая гвоздем
Герою сердце пробивает.
Стараясь разум усыпить,
Он сам с собою лицемерит,
Не верить хочет он, хоть верит,
Он силится вообразить,
Что вензеля в сей роще дикой
Начертаны все — может быть —
Другой, не этой Анжеликой.

104

34 Но вскоре, витязь, молвил ты:
„Однако ж эти мне черты
Знакомы очень... разумею,
Медор сей выдуман лишь ею,
Под этим прозвищем меня
Царевна славила, быть может“.
Так басней правду заменя,
Он мыслит, что судьбе поможет.

105

42 Но чем он более хитрит,
Чтоб утушить свое мученье,
Тем пуще злое подозренье
Возобновляется, горит;
Так в сетке птичка, друг свободы,
Чем больше бьется, тем сильней,
Тем крепче путается в ней.
Орланд идет туда, где своды
Гора склонила на ручей.

106

51 Кривой, бродящей повиликой
Завешен был тенистый вход.
Медор с прелестной Анжеликой
Любили здесь у свежих вод

В день жаркой, в тихой час досуга
Дышать в объятиях друг друга,
И здесь их имена кругом
Древа и камни сохраняли;
Их мелом, углем иль ножом
Везде счастливцы написали.

107

61 Туда пешком печальный граф
Идет и над пещерой темной
Зрит надпись. В похвалу забав
Медор ее рукою томной
В те дни стихами начертал,
Стихи, чувств нежных вдохновенье,
Он по-арабски написал,
И вот их точное значенье:

108

69 „Цветы, луга, ручей живой,
Счастливый грот, прохладны тени,
Приют любви, забав и лени,
Где с Анжеликой молодой,
С прелестной дщерью Галофрона,
Любимой многими — порой
Я знал утехи Купидона.
Чем, бедный, вас я награжу?
Столь часто вами охраненный,
Одним лишь только услужу —
Хвалой и просьбою смиренной.

109

80 Господ любовников молю,
Дам, рыцарей и всевозможных
Пришельцев, здешних иль дорожных,
Которых в сторону сию
Фортуна заведет случайно —
На воды, луг, на тень и лес

Зовите благодать небес,
Чтоб нимфы их любили тайно,
Чтоб пастухи к ним никогда
Не гнали жадные стада".

110

Граф точно так, как по-латыне,
Знал по-арабски. Он не раз
Спасался тем от злых проказ.
Но от беды не спасся ныне.

111

Два, три раза и пять, и шесть
Он хочет надпись перечесть;
Несчастный силится напрасно
Сказать, что нет того, что есть,
Он правду видит, видит, ясно,
И нестерпимая тоска,
Как бы холодная рука,
Сжимает сердце в нем ужасно,
И, наконец, на свой позор
Вперил он равнодушный взор.

112

Готов он в горести безгласной
Лишиться чувств, оставить свет.
Ах, верьте мне, что муки нет,
Подобной муке сей ужасной.
На грудь опершись бородой,
Склонив чело, убитый, бледный,
Найти не может рыцарь бедный
Ни вопля, ни слезы одной.

* * *

Так море, древний душегубец,
Воспламеняет гений твой?
Ты славишь лирой золотой
Нептуна грозного трезубец.

Не славь его. В наш гнусный век
Седой Нептун земли союзник.
На всех стихиях человек
Тиран, предатель или узник.

К Языкову

Языков, кто тебе внушил
Твое посланье удалое?
Как ты шалишь и как ты мил,
Какой избыток чувств и сил,
Какое буйство молодое!
Нет, не кастальскою водой
Ты воспоил свою Камену;
Пегас иную Иппокрену
Копытом вышиб пред тобой.
Она не хладной льется влагой,
Но пенится хмельною брагой;
Она разымчива, пьяна,
Как сей напиток благородный,
Слиянье рому и вина,
Без примеси воды негодной,
В Тригорском жаждою свободной
Открытый в наши времена.

Песни о Стеньке Разине

1

Как по Волге реке, по широкой
Выплывала востроносая лодка,
Как на лодке гребцы удалые,
Казаки, ребята молодые.
На корме сидит сам хозяин,
Сам хозяин, грозен Стенька Разин,
Перед ним красная девица,
Полоненная персидская царевна.
Не глядит Стенька Разин на царевну,
А глядит на матушку на Волгу.
Как промолвил грозен Стенька Разин:
„Ой ты гой еси, Волга, мать родная!
С глупых лет меня ты воспоила,
В долгу ночь баюкала, качала,
В волновую погоду выносила.
За меня ли молодца не дремала,
Казаков моих добром наделила.
Что ничем еще тебя мы не дарили“.
Как вскочил тут грозен Стенька Разин,
Подхватил персидскую царевну,
В волны бросил красную девицу,
Волге-матушке ею поклонился.

2

Ходил Стенька Разин
В Астрахань город
Торговать товаром.
Стал воевода
Требовать подарков.
Поднес Стенька Разин
Камки хрущатые,
Камки хрущатые —
Парчи золотые.

Стал воевода
Требовать шубы.
Шуба дорогая:
Полы-то новы,
Одна боброва,
Друга соболья.
Ему Стенька Разин
Не отдает шубы.
— „Отдай, Стенька Разин,
Отдай с плеча шубу!
Отдашь, так спасибо;
Не отдашь — повешу
Что во чистом поле,
На зеленом дубе
Да в собачьей шубе“.
Стал Стенька Разин
Думати думу:
„Добро, воевода.
Возьми себе шубу.
Возьми себе шубу,
Да не было б шуму“.

3

Что не конский топ, не людская молвь,
Не труба трубача с поля слышится,
А погодушка свищет, гудит,
Свищет, гудит, заливается.
Зазывает меня, Стеньку Разина,
Погулять по морю, по синему:
„Молодец удалой, ты разбойник лихой,
Ты разбойник лихой, ты разгульный буян,
Ты садись на ладьи свои скорые,
Распусти паруса полотняные,
Побеги по морю, по синему.
Пригоню тебе три кораблика:
На первом корабле красно золото,
На втором корабле чисто серебро,
На третьем корабле душа-девица“.

Пророк

Духовной жаждою томим,
В пустыне мрачной я влачился,
И шестикрылый серафим
На перепутьи мне явился;
Перстами легкими, как сон,
Моих зениц коснулся он:
Отверзлись вещие зеницы,
Как у испуганной орлицы.
Моих ушей коснулся он,
И их наполнил шум и звон:
И внял я неба содроганье,
И горний ангелов полет,
И гад морских подводный ход,
И дольней лозы прозябанье.
И он к устам моим приник
И вырвал грешный мой язык
И празднословный, и лукавый,
И жало мудрыя змеи
В уста замершие мои
Вложил десницею кровавой.
И он мне грудь рассек мечем,
И сердце трепетное вынул,
И угль, пылающий огнем,
Во грудь отверстую водвинул.
Как труп, в пустыне я лежал.
И бога глас ко мне воззвал:
„Восстань, пророк, и виждь, и внемли,
Исполнись волею моей
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей“.

Е. А. Тимашевой

Я видел вас, я их читал,
Сии прелестные созданья,
Где ваши томные мечтанья
Боготворят свой идеал.
Я пил отраву в вашем взоре,
В душой исполненных чертах,
И в вашем милом разговоре,
И в ваших пламенных стихах.
Соперницы *запретной розы*
Блажен бессмертный идеал...
Стократ блажен, кто вам внушал
И много рифм, и много прозы!

Из письма к С. А. Соболевскому

У Гальяни иль Кольони
Закажи себе в Твери
С пармазаном макарони,
Да яичницу свари.

На досуге отобедай
У Пожарского в Торжке,
Жареных котлет отведай
И отправься налегке.

Как до Яжельбиц дотащит
Колымагу мужичок,
То-то друг мой растаращит
Сладострастный свой глазок!

Поднесут тебе форели!
Тотчас их варить вели,

Как увидишь: посинели,
Влей в уху стакан шабли.

Чтоб уха была по сердцу,
Можно будет в кипяток
Положить немного перцу,
Луку маленький кусок.

Яжельбицы — первая станция после Валдая. — В Валдае спроси, есть ли свежие сельди; если же нет,

У податливых крестьянок
(Чем и славится Валдай)
К чаю накупи баранок
И скорее поезжай.

И. И. Пущину

Мой первый друг, мой друг бесценный!
И я судьбу благословил,
Когда мой двор уединенный,
Печальным снегом занесенный,
Твой колокольчик огласил.
Молю святое провиденье,
Да голос мой душе твоей
Дарует то же утешенье!
Да озарит он заточенье
Лучем лицейских ясных дней!

* * *

Как счастлив я, когда могу покинуть
Докучный шум столицы и двора
И убежать в пустынные дубравы,
На берега сих молчаливых вод.

О, скоро ли она со дна речного
Подымется, как рыбка золотая?

Как сладостно явление ее
Из тихих волн, при свете ночи лунной!
Опутана зелеными власами,
Она сидит на берегу крутом.
У стройных ног, как пена белых, волны
Ласкаются, сливаясь <и> журча.
Ее глаза то меркнут, то блистают,
Как на небе мерцающие звезды.
Дыханья нет из уст ее — но сколь
Пронзительно сих влажных синих уст
Прохладное лобзанье без дыханья —
Томительно и сладко; в летний зной
Холодный мед не столько сладок жажде.
Когда она игривыми перстами
Кудрей моих касается — тогда
Мгновенный хлад, как ужас, пробегает
Мне голову, и сердце громко бьется,
Томительно любовью замирая.
И в этот миг я рад оставить жизнь —
Хочу стонать и пить ее лобзанье —
А речь ее... Какие звуки могут
Сравниться с ней — младенца первый лепет,
Журчанье вод, иль майский шум небес,
Иль звонкие Бояна Славья гусли.

Из письма к Н. С. Алексееву

Прощай, отшельник бессарабской,
Лукавый друг души моей!
Порадуй же меня не сказочкой арабской,
Но русской правдою твоей.

Стансы

В надежде славы и добра
Гляжу вперед я без боязни:
Начало славных дней Петра
Мрачили мятежи и казни.

Но правдой он привлек сердца,
Но нравы укротил наукой,
И был от буйного стрельца
Пред ним отличен Долгорукой.

Самодержавною рукой
Он смело сеял просвещенье,
Не презирал страны родной:
Он знал ее предназначенье.

То академик, то герой,
То мореплаватель, то плотник,
Он всеобъемлющей душой
На троне вечный был работник.

Семейным сходством будь же горд;
Во всем будь пращуру подобен:
Как он, неутомим и тверд,
И памятью, как он, незлобен.

Ответ Ф. Т***

Нет, не черкешенка она,
Но в долы Грузии от века
Такая дева не сошла
С высот угрюмого Казбека.

Нет, не агат в глазах у ней,
Но все сокровища Востока
Не стоят сладостных лучей
Ее полуденного ока.

Зимняя дорога

Сквозь волнистые туманы
Пробирается луна,
На печальные поляны
Льет печально свет она.

По дороге зимней, скучной
Тройка борзая бежит,
Колокольчик однозвучный
Утомительно гремит.

Что-то слышится родное
В долгих песнях ямщика:
То разгулье удалое,
То сердечная тоска...

Ни огня, ни черной хаты...
Глушь и снег... Навстречу мне
Только версты полосаты
Попадаются одне.

Скучно, грустно... Завтра, Нина,
Завтра, к милой возвратясь,
Я забудусь у камина,
Загляжусь не наглядясь.

Звучно стрелка часовая
Мерный круг свой совершит,
И, докучных удаляя,
Полночь нас не разлучит.

Грустно, Нина: путь мой скучен,
Дремля смолкнул мой ямщик,
Колокольчик однозвучен,
Отуманен лунный лик.

* * *

В еврейской хижине лампада
В одном углу бледна горит,
Перед лампадою старик
Читает Библию. Седые
На книгу падают власы.
Над колыбелию пустой
Еврейка плачет молодая,
Сидит в другом углу, главой
Поникнув, молодой еврей,
[Глубоко] в думу погруженный;
В печальной хижине старушка
Готовит позднюю трапезу.
Старик, закрыв святую книгу,
Застежки медные сомкнул;
Старуха ставит бедный ужин
На стол и всю семью зовет.
Никто нейдет, забыв о пище.
Текут в безмолвии часы,
Уснуло всё под сенью ночи.

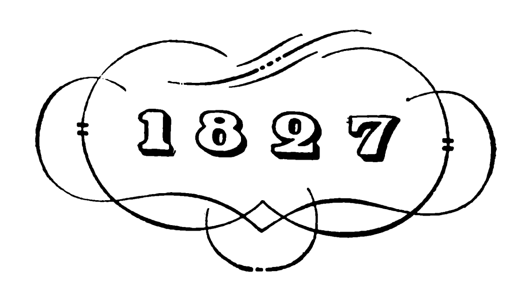
Еврейской хижины одной
Не посетил отрадный сон.
На колокольне городской
Бьет полночь. — Вдруг рукой тяжелой
Стучатся к ним. Семья вздрогнула,
Младой еврей встает и дверь
С недоуменьем отворяет —
И входит незнакомый странник.
В его руке дорожный посох

К имениннице

Хотя стишки на именины
Натальи, Софьи, Катерины
Уже не в моде, может быть;
Но я, ваш обожатель верный,
Я в знак послушности примерной
Готов и ими вам служить...
Но предаю себя проклятью,
Когда я знаю, почему
Вас окрестили *благодатью*!
Нет, нет, по мненью моему,
И ваша речь, и взор унылый,
И ножка (смею вам сказать) —
Всё это чрезвычайно мило,
Но пагуба, не благодать.

Золото и булат

„Всё мое“, — сказало злато;
„Всё мое“, — сказал булат.
„Всё куплю“, — сказало злато;
„Всё возьму“, — сказал булат.

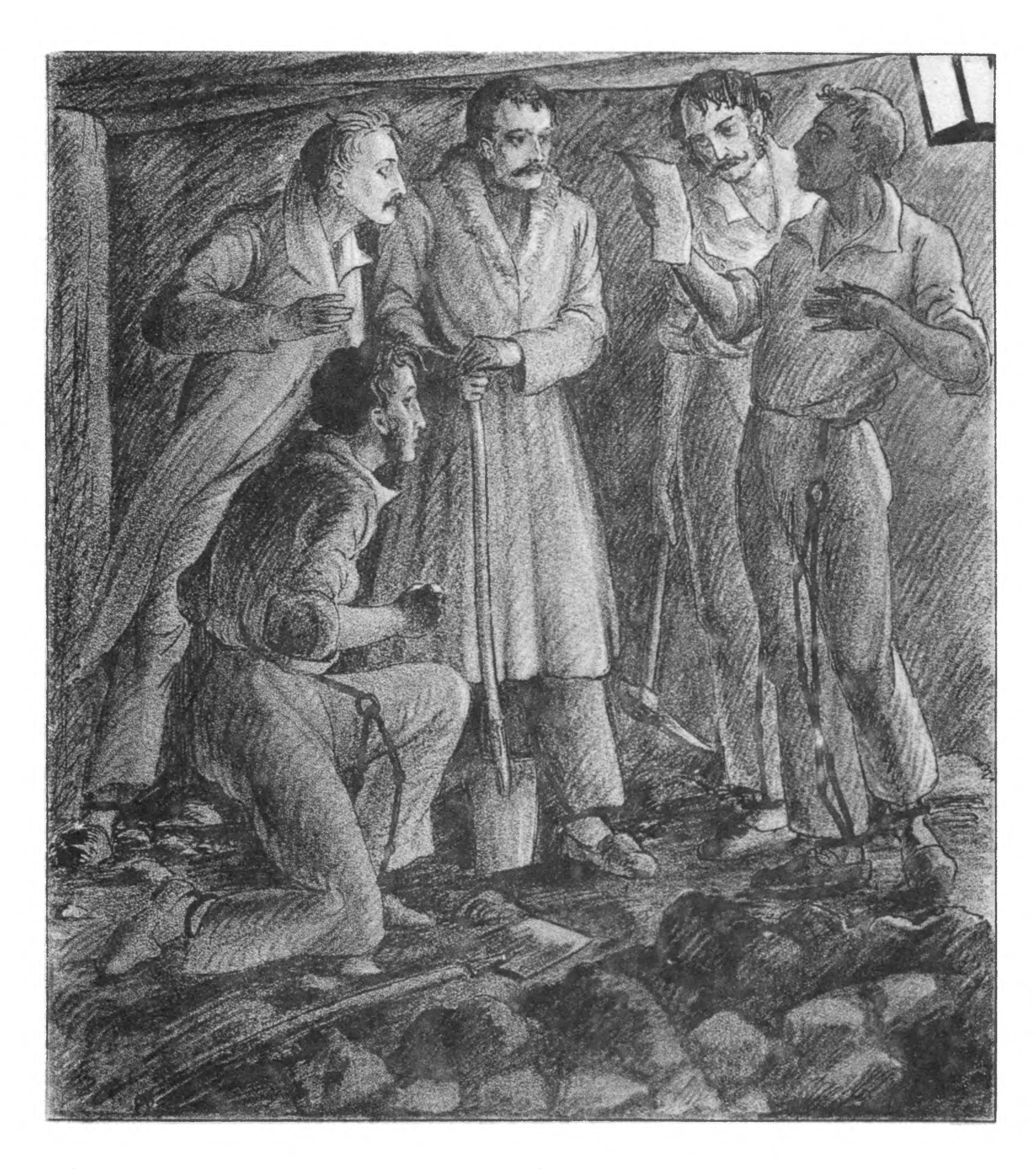
В Сибирь

Во глубине сибирских руд
Храните гордое терпенье,
Не пропадет ваш скорбный труд
И дум высокое стремленье.

Несчастью верная сестра,
Надежда в мрачном подземелье,
Разбудит бодрость и веселье,
Придет желанная пора:

Любовь и дружество до вас
Дойдут сквозь мрачные затворы,
Как в ваши каторжные норы
Доходит мой свободный глас.

Оковы тяжкие падут,
Темницы рухнут — и свобода
Вас примет радостно у входа,
И братья меч вам отдадут.

„Во глубине сибирских руд“. С рис. *Н. П. Дмитревского*

Соловей и роза

В безмолвии садов, весной, во мгле ночей,
Поет над розою восточный соловей.
Но роза милая не чувствует, не внемлет
И под влюбленный гимн колеблется и дремлет.
Не так ли ты поешь для хладной красоты?
Опомнись, о поэт, к чему стремишься ты?
Она не слушает, не чувствует поэта;
Глядишь — она цветет; взываешь — нет ответа.

Эпиграмма

(Из Антологии)

Лук звенит, стрела трепещет,
И клубясь издох Пифон;
И твой лик победой блещет,
Бельведерский Аполлон!
Кто ж вступился за Пифона,
Кто разбил твой истукан?
Ты, соперник Аполлона,
Бельведерский Митрофан.

В альбом кн. П. П. Вяземскому

Душа моя Павел!
Держись моих правил:
Люби то-то, то-то,
Не делай того-то.
Кажись, это ясно.
Прощай, мой прекрасный.

* * *

Какая ночь! Мороз трескучий,
На небе ни единой тучи;
Как шитый полог, синий свод
Пестреет частыми звездами.
В домах всё темно. У ворот
Затворы с тяжкими замками.
Везде покоится народ;
Утих и шум, и крик торговый;
Лишь только лает страж дворовый
Да цепью звонкою гремит.

И вся Москва покойно спит,
Забыв волнение боязни.
А площадь в сумраке ночном
Стоит полна вчерашней казни.
Мучений свежий след кругом:
Где труп, разрубленный с размаха,
Где столп, где вилы; там котлы,
Остывшей полные смолы;
Здесь опрокинутая плаха;
Торчат железные зубцы,
С костями груды пепла тлеют,
На кольях, скорчась, мертвецы
Оцепенелые чернеют...
[Недавно кровь со всех сторон
Струею тощей снег багрила,]
И подымался томный стон,
Но смерть коснулась к ним, как сон,
Свою добычу захватила.

Кто там? Чей конь во весь опор
По грозной площади несется?
Чей свист, чей громкий разговор
Во мраке ночи раздается?
Кто сей? — Кромешник удалой.

Спешит, летит он на свиданье,
В его груди кипит желанье.
Он говорит: „Мой конь лихой,
Мой верный конь! лети стрелой!
Скорей, скорей!..“ Но конь ретивый
Вдруг размахнул плетеной гривой
И стал. Во мгле между столпов
На перекладине дубовой
Качался труп. Ездок суровый
Под ним промчаться был готов,
Но борзый конь под плетью бьется,
Храпит и фыркает, и рвется
Назад. „Куда? мой конь лихой!
Чего боишься? Что с тобой?
Не мы ли здесь вчера скакали,
Не мы ли яростно топтали,
Усердной местию горя,
Лихих изменников царя?
Не их ли кровию омыты
Твои булатные копыты!
Теперь ужель их не узнал?
Мой борзый конь, мой конь удалый,
Несись, лети!..“ И конь усталый
В столбы проскакал.
— — — — —

Русскому Геснеру

Куда ты холоден и сух!
Как слог твой чопорен и бледен!
Как в изобретеньях ты беден!
Как утомляешь ты мой слух!
Твоя пастушка, твой пастух
Должны ходить в овчинной шубе:
Ты их морозишь налегке!
Где ты нашел их: в шустер-клубе,
Или на Красном кабачке?

* * *

Есть роза дивная: она
Пред изумленною Киферой
Цветет румяна и пышна,
Благословенная Венерой.
Вотще Киферу и Пафос
Мертвит дыхание мороза —
Блестит между минутных роз
Неувядаемая роза...

Ек. Ник. Ушаковой

Когда, бывало, в старину,
Являлся дух иль привиденье,
То прогоняло сатану
Простое это изреченье:
„Аминь, аминь, рассыпься!“ В наши дни
Гораздо менее бесов и привидений;
Бог ведает, куда девалися они.
Но ты, мой злой иль добрый гений,
Когда я вижу пред собой
Твой профиль и глаза, и кудри золотые,
Когда я слышу голос твой
И речи резвые, живые —
Я очарован, я горю
И содрогаюсь пред тобою,
И сердцу, полному мечтою,
„Аминь, аминь, рассыпься!“ говорю.

Княгине З. А. Волконской

Среди рассеянной Москвы,
При толках виста и бостона,
При бальном лепете молвы
Ты любишь игры Аполлона.
Царица муз и красоты,
Рукою нежной держишь ты
Волшебный скипетр вдохновений,
И над задумчивым челом,
Двойным увенчанным венком,
И вьется, и пылает гений.
Певца, плененного тобой,
Не отвергай смиренной дани,
Внемли с улыбкой голос мой,
Как мимоездом Каталани
Цыганке внемлет кочевой.

Ек. Н. Ушаковой

В отдалении от вас
С вами буду неразлучен,
Томных уст и томных глаз
Буду памятью размучен;
Изнывая в тишине,
Не хочу я быть утешен, —
Вы ж вздохнете ль обо мне,
Если буду я повешен?

К Языкову

К тебе сбирался я давно
В немецкой град, тобой воспетый,
С тобой попить, как пьют поэты,
Тобой воспетое вино.
Уж зазывал меня с собою
Тобой воспетый Киселев,
И я с веселою душою
Оставить был совсем готов
Неволю невских берегов.
И что ж? Гербовые заботы
Схватили за полы меня,
И на Неве, хоть нет охоты,
Прикованным остался я.
О юность, юность удалая!
Могу ль тебя не пожалеть?
В долгах, бывало, утопая,
Заимодавцев убегая,
Готов был всюду я лететь.
Теперь докучно посещаю
Своих ленивых должников,
Остепенившись, проклинаю
Я тяжесть денег и годов.
Прости, певец: играй, пируй,
С Кипридой, Фебом торжествуй,
Не знай сиятельного чванства,
Не знай любезных должников
И не плати своих долгов
По праву русского дворянства.

* * *

В степи мирской, печальной и безбрежной,
Таинственно пробились три ключа:
Ключ Юности, ключ быстрый и мятежный,
Кипит, бежит, сверкая и журча;
Кастальской ключ волною вдохновенья
В степи мирской изгнанников поит;
Последний ключ, холодный ключ Забвенья,
Он слаще всех жар сердца утолит.

Арион

Нас было много на челне;
Иные парус напрягали,
Другие дружно упирали
В глубь мощны веслы. В тишине
На руль склонясь, наш кормщик умный
В молчаньи правил грузный чолн;
А я — беспечной веры полн,
Пловцам я пел... Вдруг лоно волн
Измял с налету вихорь шумный...
Погиб и кормщик, и пловец! —
Лишь я, таинственный певец,
На берег выброшен грозою,
Я гимны прежние пою
И ризу влажную мою
Сушу на солнце под скалою.

Ангел

В дверях эдема ангел нежный
Главой поникшею сиял,
А демон мрачный и мятежный
Над адской бездною летал.

5 Дух отрицанья, дух сомненья
На духа чистого взирал
И жар невольный умиленья
Впервые смутно познавал.

9 „Прости, — он рек, — тебя я видел,
И ты недаром мне сиял:
Не всё я в небе ненавидел,
Не всё я в мире презирал“.

Кипренскому

Любимец моды легкокрылой,
Хоть не британец, не француз,
Ты вновь создал, волшебник милый,
Меня, питомца чистых муз, —
И я смеюся над могилой,
Ушед навек от смертных уз.

7 Себя, как в зеркале, я вижу,
Но это зеркало мне льстит.
Оно гласит, что не унижу
Пристрастья важных Аонид.
Так Риму, Дрездену, Парижу
Известен впредь мой будет вид.

Няне

Подруга дней моих суровых,
Голубка дряхлая моя!
Одна в глуши лесов сосновых
Давно, давно ты ждешь меня.
Ты под окном своей светлицы
Горюешь, будто на часах,
И медлят поминутно спицы
В твоих наморщенных руках.
Глядишь в забытые вороты
На черный отдаленный путь:
Тоска, предчувствия, заботы
Теснят твою всечасно грудь —
То чудится тебе

Акафист Екатерине Николаевне Карамзиной

Земли достигнув наконец,
От бурь спасенный провиденьем,
Святой владычице пловец
Свой дар несет с благоговеньем;
Так посвящаю с умиленьем
Простой, увядший мой венец
Тебе, высокое светило
В эфирной тишине небес,
Тебе, сияющей так мило
Для наших набожных очес.

Поэт

Пока не требует поэта
К священной жертве Аполлон,
В заботах суетного света
Он малодушно погружен;
Молчит его святая лира;
Душа вкушает хладный сон,
И меж детей ничтожных мира,
Быть может, всех ничтожней он.

Но лишь божественный глагол
До слуха чуткого коснется,
Душа поэта встрепенется,
Как пробудившийся орел.
Тоскует он в забавах мира,
Людской чуждается молвы,
К ногам народного кумира
Не клонит гордой головы;
Бежит он, дикий и суровый,
И звуков, и смятенья полн,
На берега пустынных волн,
В широкошумные дубровы...

* * *

Близ мест, где царствует Венеция златая,
Один ночной гребец, гондолой управляя,
При свете Веспера по взморию плывет,
Ринальда, Годфреда, Эрминию поет.
Он любит песнь свою, поет он для забавы,
Без дальних умыслов; не ведает ни славы,
Ни страха, ни надежд, и тихой музы полн,
Умеет услаждать свой путь над бездной волн.

На море жизненном, где бури так жестоко
Преследуют во мгле мой парус одинокой,
Как он, без отзыва, утешно я пою
И тайные стихи обдумывать люблю.

19 октября 1827

Бог помочь вам, друзья мои,
В заботах жизни, царской службы,
И на пирах разгульной дружбы,
И в сладких таинствах любви!

Бог помочь вам, друзья мои,
И в бурях, и в житейском горе,
В краю чужом, в пустынном море
И в мрачных пропастях земли!

Талисман

Там, где море вечно плещет
На пустынные скалы,
Где луна теплее блещет
В сладкий час вечерней мглы,
Где, в гаремах наслаждаясь,
Дни проводит мусульман,
Там волшебница, ласкаясь,
Мне вручила талисман.

И, ласкаясь, говорила:
„Сохрани мой талисман:
В нем таинственная сила!
Он тебе любовью дан.
От недуга, от могилы,
В бурю, в грозный ураган,
Головы твоей, мой милый,
Не спасет мой талисман.

17 И богатствами Востока
Он тебя не одарит,
И поклонников пророка
Он тебе не покорит;
И тебя на лоно друга,
От печальных чуждых стран,
В край родной на север с юга
Не умчит мой талисман...

25 Но когда коварны очи
Очаруют вдруг тебя,
Иль уста во мраке ночи
Поцелуют не любя, —
Милый друг! от преступленья,
От сердечных новых ран,
От измены, от забвенья
Сохранит мой талисман!“

Рефутация Беранжера

T'en souviens tu, disait un capitaine
Au vétéran qui mendiait son pain.*

Ты помнишь ли, ах, ваше благородье,
Мусье француз, г......й капитан,
Как помнятся у нас в простонародье
Над нехристем победы россиян?
Хоть это нам не составляет много,
Не из иных мы прочих, так сказать;
Но встарь мы вас наказывали строго,
Ты помнишь ли, скажи, - - .

9 Ты помнишь ли, как за горы Суворов,
Перешагнув, напал на вас врасплох?
Как наш старик трепал вас, живодеров,
И вас давил на ноготке, как блох?

* ⟨„Помнишь ли ты?“ — говорил капитан просившему милостыни ветерану.⟩

Хоть это нам не составляет много,
Не из иных мы прочих, так сказать;
Но встарь мы вас наказывали строго,
Ты помнишь ли, скажи, - - .

Ты помнишь ли, как всю пригнал Европу
На нас одних ваш Бонапарт-буян?
Французов видели тогда мы многих - - ,
Да и твою, г......й капитан!
Хоть это нам не составляет много,
Не из иных мы прочих, так сказать;
Но встарь мы вас наказывали строго,
Ты помнишь ли, скажи, - - .

Ты помнишь ли, как царь ваш от угара
Вдруг одурел, как бубен, гол и лыс,
Как на огне московского пожара
Вы жарили московских наших крыс?
Хоть это нам не составляет много,
Не из иных мы прочих, так сказать;
Но встарь мы вас наказывали строго,
Ты помнишь ли, скажи, - -.

Не помнишь ли, фальшивый песнопевец,
Ты наш мороз среди родных снегов
И батарей задорный подогревец,
Солдатской штык и петлю казаков?
Хоть это нам не составляет много,
Не из иных мы прочих, так сказать;
Но встарь мы вас наказывали строго,
Ты помнишь ли, скажи, - -.

Ты помнишь ли, как были мы в Париже,
Где наш казак иль полковой наш поп
Морочил вас, к винцу подсев поближе,
И ваших жен похваливал - - - ?
Хоть это нам не составляет много,
Не из иных мы прочих, так сказать;
Но встарь мы вас наказывали строго,
Ты помнишь ли, скажи, - -.

* * *

Не знаю где, но не у нас
Достопочтенный лорд Мидас,
С душой посредственной и низкой, —
Чтоб не упасть дорогой склизкой,
Ползком прополз в известный чин
И стал известный господин.
Еще два слова об Мидасе:
Он не хранил в своем запасе
Глубоких замыслов и дум;
Имел он не блестящий ум,
Душой не слишком был отважен;
Зато был сух, учтив и важен.
Льстецы героя моего,
Не зная, как хвалить его,
Провозгласить решились тонким, и пр.

Послание Дельвигу

Прими сей череп, Дельвиг: он
Принадлежит тебе по праву.
Тебе поведаю, барон,
Его готическую славу.

Почтенный череп сей не раз
Парами Вакха нагревался;
Литовский меч в недобрый час
По нем со звоном ударялся;
Сквозь эту кость не проходил
Луч животворный Аполлона;
Ну, словом, череп сей хранил
Тяжеловесный мозг барона,
Барона Дельвига. Барон,

Конечно, был охотник славный,
Наездник, чаши друг исправный,
Гроза вассалов и их жен.
Мой друг, таков был век суровый,
И предок твой крепкоголовый
Смутился б рыцарской душой,
Когда б тебя перед собой
Увидел без одежды бранной,
С главою, миртами венчанной,
В очках и с лирой золотой.

Покойником в церковной книге
Уж был давно записан он
И с предками своими в Риге
Вкушал непробудимый сон.
Барон в обители печальной
Доволен, впрочем, был судьбой,
Пастора лестью погребальной,
Гербом гробницы феодальной
И эпитафией плохой.
Но в наши беспокойны годы
Покойникам покоя нет.
Косматый баловень природы,
И математик, и поэт,
Буян задумчивый и важный,
Хирург, юрист, физиолог,
Идеолог и филолог,
Короче вам — студент присяжный,
С витою трубкою в зубах,
В плаще, с дубиной и в усах
Явился в Риге. Там спесиво
В трактирах стал он пенить пиво,
В дыму табачных облаков;
Бродить над берегами моря,
Мечтать о Лотхен, или с горя
Стихи писать, да бить жидов.
Студент под лестницей трактира
В каморке темной жил один;
Там, в виде зеркал и картин,
Короткий плащ, картуз, рапира

Висели на стене рядком.
Полуизмаранный альбом,
Творенья Фихте и Платона,
Да два восточных лексикона
Под паутиною в углу
Лежали грудой на полу,
Предмет занятий разнородных
Ученого да крыс голодных.
Мы знаем: роскоши пустой
Почтенный мыслитель не ищет;
Смеясь над глупой суетой,
В чулане он беспечно свищет.
Умеренность, вещал мудрец,
Сердец высоких отпечаток.
Студент однако ж наконец
Заметил важный недостаток
В своем быту: ему предмет
Необходимый был... скелет;
Предмет, философам любезный,
Предмет приятный и полезный
Для глаз и сердца, слова нет;
Но где достанет он скелет?
Вот он однажды в воскресенье
Сошелся с кистером градским
И, тотчас взяв в соображенье
Его характер и служенье,
Решился подружиться с ним.
За кружкой пива мой мечтатель
Открылся кистеру душой
И говорит: „Нельзя ль, приятель,
Тебе досужною порой
Свести меня в подвал могильный,
Костями праздными обильный,
И между тем один скелет
Помочь мне вынести на свет?
Клянусь тебе айдеским богом:
Он будет дружбы мне залогом
И до моих последних дней
Красой обители моей“.
Смутился кистер изумленный.

„Что за желанье? что за страсть?
Идти в подвал уединенный,
Встревожить мертвых сон почтенный
И одного из них украсть!
И кто же?.. Он, гробов хранитель!
Что скажут мертвые потом?“
Но пиво, страха усыпитель
И гневной совести смиритель,
Сомненья разрешило в нем.
Ну, так и быть! Дает он слово,
Что к ночи будет всё готово,
И другу назначает час.
Они расстались.
                              День угас.
Настала ночь. Плащем покрытый,
Стоит герой наш знаменитый
У галлереи гробовой,
И с ним преступный кистер мой,
Держа в руке фонарь разбитый,
Готов на подвиг роковой.
И вот визжит замок заржавый,
Визжит предательская дверь —
И сходят витязи теперь
Во мрак подвала величавый;
Сияньем тощим фонаря
Глухие своды озаря,
Идут — и эхо гробовое,
Смущенное в своем покое,
Протяжно вторит звук шагов.
Пред ними длинный ряд гробов;
Везде щиты, гербы, короны;
В тщеславном тлении кругом
Почиют непробудным сном
Высокородные бароны...

Я бы никак не осмелился оставить рифмы в эту поэтическую минуту, если бы твой прадед, коего гроб попался под руку студента, вздумал за себя вступиться, ухватя его за ворот, или погрозив ему костяным кулаком, или как-нибудь иначе оказав свое неудовольствие; к несчастию, похищенье совершилось благополучно. Студент по ча-

стям разобрал всего барона и набил карманы костями его. Возвратясь домой, он очень искусно связал их проволокою и таким образом составил себе скелет очень порядочный. Но вскоре молва о перенесении бароновых костей из погреба в трактирный чулан разнеслася по городу. Преступный кистер лишился места, а студент принужден был бежать из Риги, и как обстоятельства не позволяли ему брать с собою *будущего*, то, разобрав опять барона, раздарил он его своим друзьям. Большая часть высокородных костей досталась аптекарю. Мой приятель Вульф получил в подарок череп и держал в нем табак. Он рассказал мне его историю и, зная, сколько я тебя люблю, уступил мне череп одного из тех, которым обязан я твоим существованием.

Прими ж сей череп, Дельвиг: он
Принадлежит тебе по праву.
Обделай ты его, барон,
В благопристойную оправу.
Изделье гроба преврати
В увеселительную чашу,
Вином кипящим освяти,
Да запивай уху да кашу.
Певцу Корсара подражай
И скандинавов рай воинской
В пирах домашних воскрешай,
Или, как Гамлет-Баратынской,
Над ним задумчиво мечтай:
О жизни мертвый проповедник,
Вином ли полный иль пустой
Для мудреца, как собеседник,
Он стоит головы живой.

1827

* * *

Храни меня, мой талисман,
Храни меня во дни гоненья,
Во дни раскаянья, волненья:
Ты в день печали был мне дан.

Когда подымет океан
Вокруг меня валы ревучи,
Когда грозою грянут тучи,
Храни меня, мой талисман.

В уединеньи чуждых стран,
На лоне скучного покоя,
В тревоге пламенного боя
Храни меня, мой талисман.

Священный сладостный обман,
Души волшебное светило...
Оно сокрылось, изменило...
Храни меня, мой талисман.

Пускай же ввек сердечных ран
Не растравит воспоминанье,
Прощай надежда, спи желанье,
Храни меня, мой талисман.

(Из Alfieri)

Сомненье, страх, порочную надежду
Уже в груди не в силах я хранить;
Неверная супруга я Филиппу
И сына я его любить дерзаю!..
Но как же зреть его и не любить?
Нрав пылкий, добрый, гордый, благородный,
Высокий ум — с наружностью прекрасной
Прекрасная душа... Зачем природа
И небеса таким тебя создали?
Что говорю? Ах! так ли я успею
Из глубины сердечной милый образ
Искоренить? — О, если пламень мой
Подозревать он станет! Перед ним
Всегда печальна я: но избегаю
Я встречи с ним. Он знает, что веселье
В Испании запрещено. Кто может
В душе моей читать? Ах, и самой
Не можно мне. И он, как и другие,
Обманется — и станет, как других,
Он убегать меня... Увы, мне, бедной!..
Другого нет мне в горе утешенья,
Окроме слез, и слезы — преступленье.
Иду к себе: там буду на свободе...
Что вижу? Карл! — Уйдем, мне изменить
И речь, и взор, — всё может: ах, уйдем.

* * *

Толпа холодная поэта окружала
И [равнодушные] хвалы ему жужжала,
Но равнодушно ей, задумчив, он внимал
И звучной лирою рассеянно бряцал.

* * *

Сводня грустно за столом
Карты разлагает.
Смотрят барышни кругом,
Сводня им гадает:
„Три девятки, туз червей
И король бубновый —
Спор, досада от речей
И при том обновы...

9 А по картам — ждать гостей
Надобно сегодня".
Вдруг стучатся у дверей;
Барышни и сводня
Встали, отодвинув стол,
Все толкнули --,
Шепчут: „Катя, кто пришел?
Посмотри хоть в щелку".

17 Что? Хороший человек...
Сводня с ним знакома,
Он с блядями целый век,
Он у них, как дома.
[Бляди] в кухню [руки мыть]
Кинулись прыжками
[Обуваться, пукли взбить],
Прыскаться духами.

25 Гостя сводня между тем
Ласково встречает,
Просит лечь его совсем.
Он же вопрошает:
„Что, как торг идет у вас?
Барышей довольно?"
Сводня за щеку 〈?〉 взялась
И вздохнула больно:

„Хоть бывало худо мне,
Но такого горя
Не видала и во сне,
Хоть бежать за море.
Верите ль с Петрова дня
Ровно до субботы
Все девицы у меня
Были без работы.

Четверых гостей, гляжу,
Бог мне посылает.
Я блядей им вывожу,
Каждый выбирает.
Занимаются всю ночь,
- - - -, и что же?
Не платя, пошли все прочь.
Господи, мой боже!“

Гость ей: „Право, мне вас жаль.
Здравствуй, друг Анета,
[Что за шляпка!], что за шаль!
Подойди, Жанета,
А, Луиза, поцелуй.
Выбрать, так обидишь,
- - - - - - - - - - - - ,
Только вас увидишь!

„Что же,— сводня говорит,—
Хочете ль Жанету?
- - - - - - - - - - - -.
Иль возьмете эту?“
Бедной сводне гость в ответ:
„Нет, не беспокойтесь,
Мне охоты что-то нет,
Девушки, не бойтесь“.

Он ушел — всё стихло вдруг,
Сводня приуныла.
Дремлют девушки вокруг,
Свечка

Сводня карты вновь берет,
Молча вновь гадает,
Но никто, никто нейдет —
Сводня засыпает.

* * *

Блажен в златом кругу вельмож
Пиит, внимаемый царями.
Владея смехом и слезами,
Приправя горькой правдой ложь,
Он вкус притупленный щекотит
И к славе спесь бояр охотит.
Он украшает их пиры
И внемлет умные хвалы.
Меж тем, за тяжкими <?> дверями,
Теснясь у черного <?> крыльца,
[Народ], толкаемый слугами,
Поодаль слушает певца.

* * *

В рощах карийских, любезных ловцам, таится пещера;
Стройные сосны кругом склонились ветвями, и тенью
Вход ее заслонен на воле бродящим в извивах
Плющем, любовником скал и расселин. С камня на камень
Звонкой струится дугой, пещерное дно затопляет
Резвый ручей. Он, пробив глубокое русло, виется
Вдаль по роще густой, веселя ее сладким журчаньем.

* * *

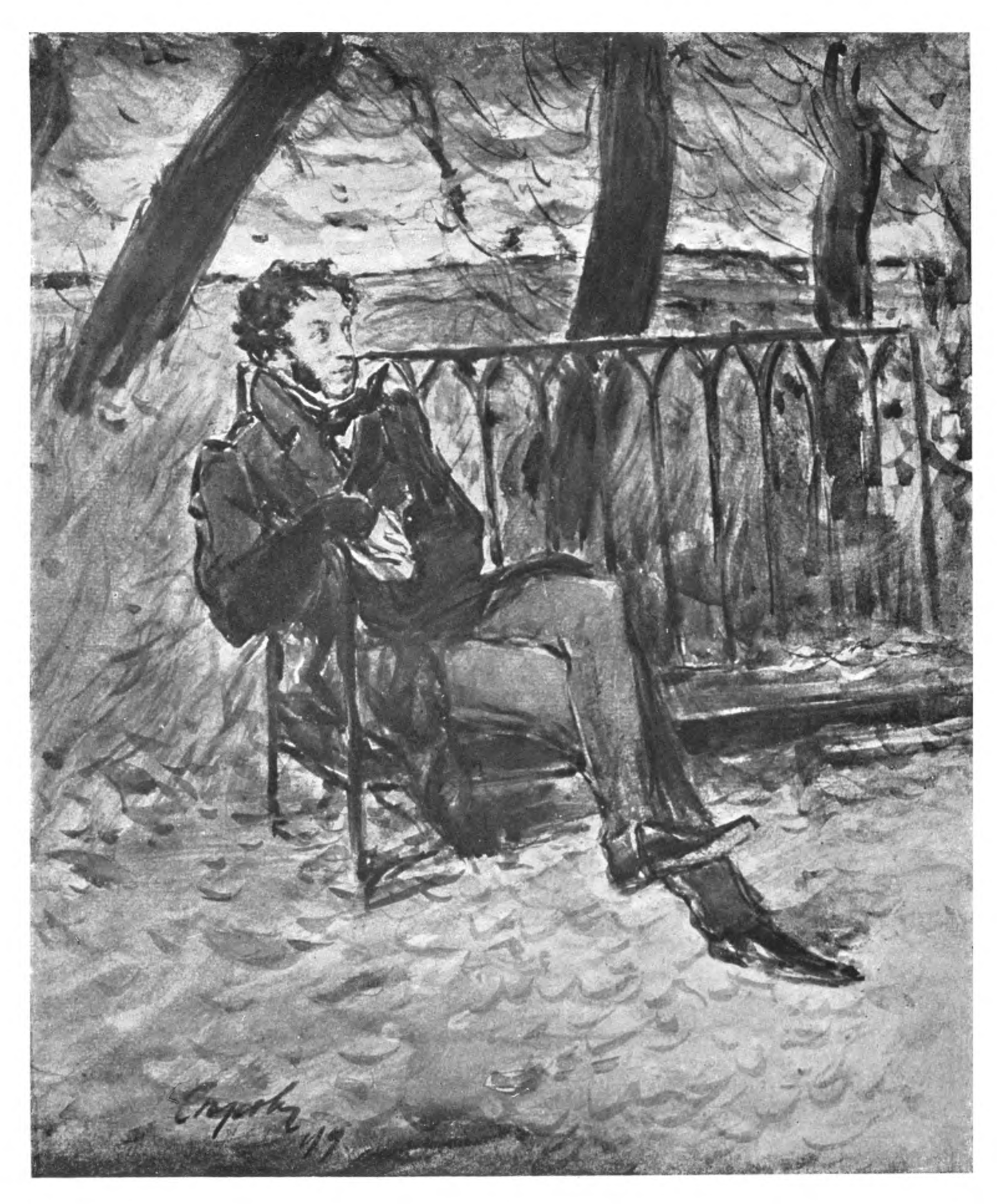
Kennst du das Land?
*Wilh Meister.**

По клюкву, по клюкву,
По ягоду, по клюкву...

Кто знает край, где небо блещет
Неизъяснимой синевой,
Где море теплою волной
Вокруг развалин тихо плещет;
Где вечный лавр и кипарис
На воле гордо разрослись;
Где пел Торквато величавый;
Где и теперь во мгле ночной
Адриатической волной
Повторены его октавы;
Где Рафаэль живописал;
Где в наши дни резец Кановы
Послушный мрамор оживлял,
И Байрон, мученик суровый,
Страдал, любил и проклинал?
. . . .
. . . .
Волшебный край, волшебный край,
Страна высоких вдохновений,
Людмила зрит твой древний рай,
Твои пророческие сени.

На берегу роскошных вод
Порою карнавальных оргий
Кругом ее кипит народ;
Ее приветствуют восторги.

* ⟨Ты знаешь край? — „Вильгельм Мейстер“.⟩

А. С. Пушкин в Летнем саду. С рисунка *В. А. Серова*
(Госуд. Третьяковская галлерея)

Людмила северной красой,
Всё вместе — томной и живой,
Сынов Авзонии пленяет
И поневоле увлекает
Их пестры волны за собой.
На рай полуденной природы,
На блеск небес, на ясны воды,
На чудеса немых искусств
В стесненье вдохновенных чувств
Людмила светлый взор возводит,
Дивясь и радуясь душой,
И ничего перед собой
Себя прекрасней не находит.
Стоит ли с важностью очей
Пред флорентинскою Кипридой,
Их две — и мрамор перед ней
Страдает, кажется, обидой.
Мечты возвышенной полна,
В молчанье смотрит ли она
На образ нежный Форнарины,
Или Мадонны молодой,
Она задумчивой красой
Очаровательней картины...
Скажите мне, какой певец,
Горя восторгом умиленным,
Чья кисть, чей пламенный резец
Предаст потомкам изумленным
Ее небесные черты?
Где ты, ваятель безымянный
Богини вечной красоты?
И ты, харитою венчанный,
Ты, вдохновенный Рафаэль?
Забудь еврейку молодую,
Младенца-бога колыбель,
Постигни прелесть неземную,
Постигни радость в небесах,
Пиши Марию нам другую,
С другим младенцем на руках.
. . . .

* * *

Я знаю край: там на брега
Уединенно море плещет;
Безоблачно там солнце блещет
На опаленные луга;
Дубрав не видно — степь нагая
Над морем стелется одна.

* * *

Когда так нежно, так сердечно,
Так радостно я встретил вас,
Вы удивилися, конечно,
Досадой хладно воружась.

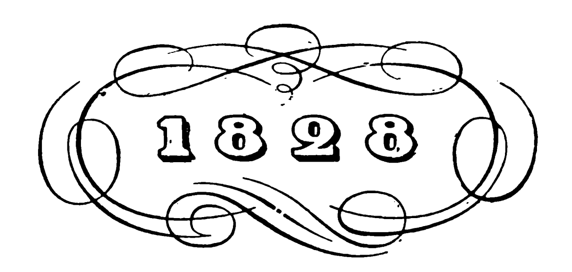
[Вечор в счастливом усыпленье*

Мое живое сновиденье
Ваш милый образ озарил.]

С тех пор   слезами
Мечту прелестную зову.
Во сне был осчастливлен вами
И благодарен наяву.

---

* ⟨Следующий стих не написан.⟩

Стансы

Нет, я не льстец, когда царю
Хвалу свободную слагаю:
Я смело чувства выражаю,
Языком сердца говорю.

Его я просто полюбил:
Он бодро, честно правит нами;
Россию вдруг он оживил
Войной, надеждами, трудами.

О нет, хоть юность в нем кипит,
Но не жесток в нем дух державный:
Тому, кого карает явно,
Он втайне милости творит.

Текла в изгнанье жизнь моя,
Влачил я с милыми разлуку,
Но он мне царственную руку
Подал — и с вами снова я.

Во мне почтил он вдохновенье,
Освободил он мысль мою,
И я ль, в сердечном умиленье,
Его хвалой не воспою?

Я льстец! Нет, братья, льстец лукав:
Он горе на царя накличет,
Он из его державных прав
Одну лишь милость ограничит.

Он скажет: презирай народ,
Гнети природы голос нежный!
Он скажет: просвещенья плод —
Страстей и воли дух мятежный!

Беда стране, где раб и льстец
Одни приближены к престолу,
А небом избранный певец
Молчит, потупя очи долу.

Послание к Великопольскому, сочинителю „Сатиры на игроков“

Так элегическую лиру
Ты променял, наш моралист,
На благочинную сатиру?
Хвалю поэта — дельно миру!
Ему полезен розги свист.
Мне жалок очень твой Арист:
С каким усердьем он молился
И как несчастливо играл!
Вот молодежь: погорячился,
Продулся весь и так пропал!
Дамон твой человек ужасный.

Забудь его опасный дом,
Где, впрочем, сознаюся в том,
Мой друг, ты вел себя прекрасно:
Ты никому там не мешал,
Ариста нежно утешал,
Давал полезные советы
И ни рубля не проиграл.
Люблю: вот каковы поэты!
А то, уча безумный свет,
Порой грешит и проповедник.
Послушай, Персиев наследник,
Рассказ мой:
Некто, мой сосед,
В томленьях благородной жажды,
Хлебнув кастальских вод бокал,
На игроков, как ты, однажды
Сатиру злую написал
И другу с жаром прочитал.
Ему в ответ его приятель
Взял карты, молча стасовал,
Дал снять, и нравственный писатель
Всю ночь, увы! понтировал.
Тебе знаком ли сей проказник?
Но встреча с ним была б мне праздник,
Я с ним готов всю ночь не спать
И до полдневного сиянья
Читать моральные посланья
И проигрыш его писать,

(Из Валленрода)

Сто лет минуло, как тевтон
В крови неверных окупался;
Страной полночной правил он.
Уже прусак в оковы вдался,
Или сокрылся, и в Литву
Понес изгнанную главу.

Между враждебными брегами
Струился Немен. На одном
Еще над древними стенами
Сияли башни, и кругом
Шумели рощи вековые,
Духов пристанища святые.
Символ германца, на другом
Крест веры, в небо возносящий
Свои объятия грозящи,
Казалось, свыше захватить
Хотел всю область Палемона,
И племя чуждого закона
К своей подошве привлачить.

С медвежьей кожей на плечах,
В косматой рысьей шапке, с пуком
Каленых стрел и с верным луком
Литовцы юные, в толпах,
Со стороны одной бродили
И зорко недруга следили.
С другой, покрытый шишаком,
В броне закованный, верхом,
На страже немец, за врагами
Недвижно следуя глазами,
Пищаль, с молитвой, заряжал.
Всяк переправу охранял.
Ток Немена гостеприимный,
Свидетель их вражды взаимной,

Стал прагом вечности для них;
Сношений дружных глас утих,
И всяк, переступивший воды,
Лишен был жизни иль свободы.
Лишь хмель литовских берегов,
Немецкой тополью плененный,
Через реку, меж тростников,
Переправлялся дерзновенный,
Брегов противных достигал
И друга нежно обнимал.
Лишь соловьи дубрав и гор
По старине вражды не знали
И в остров, общий с давних пор,
Друг к другу в гости прилетали.

В. С. Филимонову, при получении поэмы его „Дурацкий колпак“

Вам музы, милые старушки,
Колпак связали в добрый час,
И, прицепив к нему гремушки,
Сам Феб надел его на вас.
Хотелось в том же мне уборе
Пред вами нынче щегольнуть
И в откровенном разговоре
Как вы, на многое взглянуть;
Но старый мой колпак изношен,
Хоть и любил его поэт;
Он поневоле мной заброшен:
Не в моде нынче красный цвет.
Итак, в знак мирного привета,
Снимая шляпу, бью челом,
Узнав философа-поэта
Под осторожным колпаком.

To Dawe, Esqr *

Зачем твой дивный карандаш
Рисует мой арапский профиль?
Хоть ты векам его предашь,
Его освищет Мефистофель.

Рисуй Олениной черты.
В жару сердечных вдохновений,
Лишь юности и красоты
Поклонником быть должен гений.

Воспоминание

Когда для смертного умолкнет шумный день,
И на немые стогны града
Полупрозрачная наляжет ночи тень
И сон, дневных трудов награда,
В то время для меня влачатся в тишине
Часы томительного бденья:
В бездействии ночном живей горят во мне
Змеи сердечной угрызенья;
Мечты кипят; в уме, подавленном тоской,
Теснится тяжких дум избыток;
Воспоминание безмолвно предо мной
Свой длинный развивает свиток;
И, с отвращением читая жизнь мою,
Я трепещу и проклинаю,
И горько жалуюсь, и горько слезы лью,
Но строк печальных не смываю.

---

* 〈Господину Дау〉

* * *

[Увы! язык любви болтливой,
Язык неполный ⟨?⟩ и простой.
Своею прозой нерадивой
Тебе докучен, ангел мой.
[Ты любишь] мерные напевы,
[Ты любишь], рифмы гордый звон,
И сладок уху милой девы
Честолюбивый Аполлон.]
Тебя страшит любви признанье,
Письмо любви ты разорвешь,
Но стихотворное посланье
С улыбкой нежною прочтешь.
Благословен же будь отныне
Судьбою вверенный мне дар,
Доселе в жизненной пустыне,
[Во мне питая сердца] жар,
Мне навлекал одно гоненье, *

[Иль клевету, иль] заточенье,
И редко — хладную хвалу.

Ты и вы

Пустое *вы* сердечным *ты*
Она, обмолвясь, заменила
И все счастливые мечты
В душе влюбленной возбудила.
Пред ней задумчиво стою;
Свести очей с нее нет силы;
И говорю ей: „как *вы* милы!“
И мыслю: „как *тебя* люблю!“

---

* ⟨Следующий стих не написан.⟩

* * *

26 мая 1828

Дар напрасный, дар случайный,
Жизнь, зачем ты мне дана?
Иль зачем судьбою тайной
Ты на казнь осуждена?

Кто меня враждебной властью
Из ничтожества воззвал,
Душу мне наполнил страстью,
Ум сомненьем взволновал?..

Цели нет передо мною:
Сердце пусто, празден ум,
И томит меня тоскою
Однозвучный жизни шум.

В альбом И. В. Сленину

Я не люблю альбомов модных:
Их ослепительная смесь
Аспазий наших благородных
Провозглашает только спесь.
Альбом красавицы уездной,
Альбом домашний и простой,
Милей болтливостью любезной
И безыскусной пестротой.
Ни здесь, ни там, скажу я смело,
Являться впрочем не хочу;
Но твой альбом другое дело,
Охотно дань ему плачу.
Тобой питомцам Аполлона
Не из тщеславья он открыт:

Цариц ты любишь Геликона
И ими сам не позабыт;
Вхожу в него прямым поэтом,
Как в дружеский, приятный дом,
Почтив хозяина приветом
И лар молитвенным стихом.

Эпитафия младенцу кн. Н. С. Волконскому

В сиянии и в радостном покое,
У трона вечного творца,
С улыбкой он глядит в изгнание земное,
Благословляет мать и молит за отца.

* * *

[Еще дуют холодные ветры]
И наносят утренни морозы.
Только что на проталинах весенних
Показались ранние цветочки,
Как из чудного царства воскового,
Из душистой келейки медовой
Вылетала первая пчелка.
Полетела по ранним цветочкам
О красной весне поразведать,
Скоро ль будет гостья дорогая,
Скоро ли луга позеленеют,
Скоро ль у кудрявой березы
Распустятся клейкие листочки,
Зацветет черемуха душиста.

(Из Анакреона)

Кобылица молодая,
Честь кавказского тавра,
Что ты мчишься, удалая?
И тебе пришла пора.
Не косись пугливым оком,
Ног на воздух не мечи,
В поле гладком и широком
Своенравно не скачи.
Погоди; тебя заставлю
Я смириться подо мной:
В мерный круг твой бег направлю
Укороченной уздой.

* * *

Не пой, красавица, при мне
Ты песен Грузии печальной:
Напоминают мне оне
Другую жизнь и берег дальный.

Увы, напоминают мне
Твои жестокие напевы
И степь, и ночь, и при луне
Черты далекой, бедной девы!..

Я призрак милый, роковой,
Тебя увидев, забываю;
Но ты поешь — и предо мной
Его я вновь воображаю.

Не пой, красавица, при мне
Ты песен Грузии печальной:
Напоминают мне оне
Другую жизнь и берег дальный.

Н. Д. Киселеву

Ищи в чужом краю здоровья и свободы,
Но север забывать грешно.
Так слушай: поспешай карлсбадские пить воды,
Чтоб с нами снова пить вино.

* * *

Волненьем жизни утомленный,
Оставя заблуждений путь,
Я сердцем алчу отдохнуть
И близ тебя, мой друг бесценный

Портрет

С своей пылающей душой,
С своими бурными страстями,
О жены севера, меж вами
Она является порой
И мимо всех условий света
Стремится до утраты сил,
Как беззаконная комета
В кругу расчисленном светил.

Наперсник

Твоих признаний, жалоб нежных
Ловлю я жадно каждый крик:
Страстей безумных и мятежных
Как упоителен язык!
Но прекрати свои рассказы,
Таи, таи свои мечты:
Боюсь их пламенной заразы,
Боюсь узнать, что знала ты!

* * *

Счастлив, кто избран своенравно
Твоей тоскливою мечтой,
При ком любовью млеешь явно,
Чьи взоры властвуют тобой;
Но жалок тот, кто молчаливо,
Сгорая пламенем любви,
Потупя голову ревниво,
Признанья слушает твои.

Предчувствие

Снова тучи надо мною
Собралися в тишине;
Рок завистливый бедою
Угрожает снова мне...
Сохраню ль к судьбе презренье?
Понесу ль навстречу ей
Непреклонность и терпенье
Гордой юности моей?

9 Бурной жизнью утомленный,
Равнодушно бури жду:
Может быть, еще спасенный,
Снова пристань я найду...
Но, предчувствуя разлуку,
Неизбежный, грозный час,
Сжать твою, мой ангел, руку
Я спешу в последний раз.

17 Ангел кроткий, безмятежный,
Тихо молви мне: прости,
Опечалься: взор свой нежный
Подыми иль опусти;
И твое воспоминанье
Заменит душе моей
Силу, гордость, упованье
И отвагу юных дней.

Кирджали

В степях зеленых Буджака,
Где Прут, [заветная] река,
Обходит русские владенья,
При [бедном] устье ручейка
Стоит безвестное селенье.
Семействами болгары тут
[В убогой дикости] живут,
Храня родительские нравы,
Питаясь   трудом,
И не заботятся о том,
Как ратоборствуют державы
И грозно правят их судьбой.

Из письма к кн. П. А. Вяземскому

А в ненастные дни
Собирались они
Часто.

4 Гнули, - - - !
От пятидесяти
На сто.

7 И выигрывали,
И отписывали
Мелом.

10 Так в ненастные дни
Занимались они
Делом.

Утопленник

Прибежали в избу дети,
Второпях зовут отца:
„Тятя! тятя! наши сети
Притащили мертвеца“.
— „Врите, врите, бесенята, —
Заворчал на них отец: —
Ох, уж эти мне робята!
Будет вам ужо мертвец!

9 Суд наедет, отвечай-ка;
С ним я ввек не разберусь;
Делать нечего; хозяйка,
Дай кафтан: уж поплетусь...
Где ж мертвец?“ — „Вон, тятя, э-вот!“

В самом деле, при реке,
Где разостлан мокрый невод,
Мертвый виден на песке.

17 Безобразно труп ужасный
Посинел и весь распух.
Горемыка ли несчастный
Погубил свой грешный дух,
Рыболов ли взят волнами,
Али хмельный молодец,
Аль ограбленный ворами
Недогадливый купец, —

25 Мужику какое дело?
Озираясь, он спешит;
Он потопленное тело
В воду за ноги тащит
И от берега крутого
Оттолкнул его веслом,
И мертвец вниз поплыл снова
За могилой и крестом.

33 Долго мертвый меж волнами
Плыл, качаясь, как живой.
Проводив его глазами,
Наш мужик пошел домой.
„Вы, щенки! за мной ступайте!
Будет вам по калачу,
Да смотрите ж, не болтайте,
А не то поколочу“.

41 В ночь погода зашумела,
Взволновалася река.
Уж лучина догорела
В дымной хате мужика.
Дети спят, хозяйка дремлет,
На полатях муж лежит,
Буря воет; вдруг он внемлет:
Кто-то там в окно стучит.

„Кто там?“ — „Эй, впусти, хозяин!“ —
„Ну, какая там беда?
Что ты ночью бродишь, Каин?
Чорт занес тебя сюда;
Где возиться мне с тобою?
Дома тесно и темно“.
И ленивою рукою
Подымает он окно.

Из-за туч луна катится —
Что же? Голый перед ним:
С бороды вода струится,
Взор открыт и недвижим,
Всё в нем страшно онемело,
Опустились руки вниз,
И в распухнувшее тело
Раки черные впились.

И мужик окно захлопнул;
Гостя голого узнав,
Так и обмер: „чтоб ты лопнул!“
Прошептал он, задрожав.
Страшно мысли в нем мешались,
Трясся ночь он напролет,
И до утра всё стучались
Под окном и у ворот.

Есть в народе слух ужасный:
Говорят, что каждый год
С той поры мужик несчастный
В день урочный гостя ждет;
Уж с утра погода злится,
Ночью буря настает,
И утопленник стучится
Под окном и у ворот.

* * *

Ворон к ворону летит,
Ворон ворону кричит:
„Ворон, где б нам отобедать?
Как бы нам о том проведать?“

Ворон ворону в ответ:
„Знаю, будет нам обед;
В чистом поле под ракитой
Богатырь лежит убитый.

Кем убит и отчего,
Знает сокол лишь его,
Да кобылка вороная,
Да хозяйка молодая.

Сокол в рощу улетел,
На кобылку недруг сел,
А хозяйка ждет милого,
Не убитого, живого“.

* * *

Вези, вези, не жалей,
Со мной ехать веселей.

———

Мне изюм
Нейдет на ум,
Цуккерброд
Не лезет в рот,
Пастила нехороша
Без тебя, моя душа.

19 октября 1828

Усердно помолившись богу,
Лицею прокричав *ура*,
Прощайте, братцы: мне в дорогу,
А вам в постель уже пора.

Ее глаза

В ответ на стихи кн. Вяземского

Она мила — скажу меж нами —
Придворных витязей гроза,
И можно с южными звездами
Сравнить, особенно стихами,
Ее черкесские глаза.
Она владеет ими смело,
Они горят огня живей;
Но, сам признайся, то ли дело
Глаза Олениной моей!
Какой задумчивый в них гений,
И сколько детской простоты,
И сколько томных выражений,
И сколько неги и мечты!..
Потупит их с улыбкой Леля —
В них скромных граций торжество;
Поднимет — ангел Рафаэля
Так созерцает божество.

* * *

Рифма — звучная подруга
Вдохновенного досуга,
Вдохновенного труда,*

Ах, зачем ты улетела,
Изменила навсегда?

7 Твой {приветный,] милый лепет
Усмирял сердечный трепет,
Усыплял мою печаль,
Ты ласкалась, ты манила
И от мира уводила
В очарованную даль.

13 Ты [бывало мне] внимала,
За мечтой моей бежала,
Как послушное дитя;
То — свободна и ревнива,
Своенравна и ленива —
С нею спорила шутя.

19 [Но с тобой не расставался,]
Сколько раз повиновался
Резвым прихотям твоим.
Как любовник добродушный
Снисходительно послушный,
Был я мучим и любим.

25 О, когда бы ты явилась
В дни, когда еще толпилась
Олимпийская семья!

---

* ⟨Следующий стих не написан.⟩

Ты бы с ними обитала,
[Как бы пышно] засияла
Родословная твоя!

31 Взяв божественную лиру,
[Так] поведали бы миру
Гезиод или Омир:
Феб однажды [у] Адмета,
Близ тенистого Тайгета
Стадо пас, угрюм и сир.

37 [Он бродил] во мраке леса,
[И никто,] страшась Зевеса,
[Из богинь иль из] богов
Навещать его не смели —
Бога лиры и свирели,
Бога света и стихов!

43 Помня первые свиданья,
Утолить его страданья
Мнемозина притекла,
И подруга Аполлона
В тихой роще Геликона
[Плод восторгов] родила.

49 [И младенца восприяли]
[Боги]
[И от гневного Зевеса]
сокрыла ночь.

1828

* * *

Город пышный, город бедный,
Дух неволи, стройный вид,
Свод небес зелено-бледный,
Скука, холод и гранит —
Всё же мне вас жаль немножко,
Потому что здесь порой
Ходит маленькая ножка,
Вьется локон золотой.

Анчар *

(1828)

В пустыне чахлой и скупой,
На почве, зноем раскаленной,
Анчар, как грозный часовой,
Стоит, один во всей вселенной.

Природа жаждущих степей
Его в день гнева породила
И зелень мертвую ветвей,
И корни ядом напоила.

Яд каплет сквозь его кору,
К полудню растопясь от зною,
И застывает ввечеру
Густой, прозрачною смолою.

К нему и птица не летит,
И тигр нейдет: лишь вихорь черный
На древо смерти набежит —
И мчится прочь уже тлетворный.

---

* Древо яда.

И если туча оросит,
Блуждая, лист его дремучий,
С его ветвей уж ядовит
Стекает дождь в песок горючий.

Но человека человек
Послал к анчару властным взглядом,
И тот послушно в путь потек,
И к утру возвратился с ядом.

Принес он смертную смолу
Да ветвь с увядшими листами,
И пот по бледному челу
Струился хладными ручьями;

Принес — и ослабел, и лег
Под сводом шалаша на лыки,
И умер бедный раб у ног
Непобедимого владыки.

А князь тем ядом напитал
Свои послушливые стрелы,
И с ними гибель разослал
К соседам в чуждые пределы.

Ответ Катенину

Напрасно, пламенный поэт,
Свой чудный кубок мне подносишь
И выпить за здоровье просишь:
Не пью, любезный мой сосед!
Товарищ милый, но лукавый,
Твой кубок полон не вином,
Но упоительной отравой:
Он заманит меня потом
Тебе вослед опять за славой.
Не так ли опытный гусар,
Вербуя рекрута, подносит
Ему веселый Вакха дар,
Пока воинственный угар
Его на месте не подкосит?
Я сам служивый: мне домой
Пора убраться на покой.
Останься ты в строях Парнаса,
Пред делом кубок наливай
И лавр Корнеля или Тасса
Один с похмелья пожинай.

Ответ А. И. Готовцевой

И недоверчиво и жадно
Смотрю я на твои цветы.
Кто, строгий стоик, примет хладно
Привет харит и красоты?
Горжуся им, но и робею:
Твой недосказанный упрек
Я разгадать вполне не смею.
Твой гнев ужели я навлек?
О, сколько б мук себе готовил

Красавиц ветреный зоил,
Когда б предательски злословил
Сей пол, которому служил!
Любви безумством и волненьем
Наказан был бы он; а ты
Была всегда б опроверженьем
Его печальной клеветы.

* * *

За Netty сердцем я летаю
В Твери, в Москве —
И *R* и *O* позабываю
Для *N* и *W*.

Поэт и толпа

Procul este, profani. *

Поэт по лире вдохновенной
Рукой рассеянной бряцал.
Он пел, а хладный и надменный,
Кругом народ непосвященный
Ему бессмысленно внимал.

И толковала чернь тупая:
„Зачем так звучно он поет?
Напрасно ухо поражая,
К какой он цели нас ведет?
О чем бренчит? чему нас учит?
Зачем сердца волнует, мучит,
Как своенравный чародей?
Как ветер, песнь его свободна,

* 〈Отойдите, непосвященные.〉

Зато, как ветер, и бесплодна:
Какая польза нам от ней?“

Поэт

Молчи, бессмысленный народ,
Поденщик, раб нужды, забот!
Несносен мне твой ропот дерзкой.
Ты червь земли, не сын небес;
Тебе бы пользы всё — на вес
Кумир ты ценишь Бельведерской.
Ты пользы, пользы в нем не зришь.
Но мрамор сей ведь бог!.. так что же?
Печной горшок тебе дороже:
Ты пищу в нем себе варишь.

Чернь

Нет, если ты небес избранник,
Свой дар, божественный посланник,
Во благо нам употребляй:
Сердца собратьев исправляй.
Мы малодушны, мы коварны,
Бесстыдны, злы, неблагодарны;
Мы сердцем хладные скопцы,
Клеветники, рабы, глупцы;
Гнездятся клубом в нас пороки:
Ты можешь, ближнего любя,
Давать нам смелые уроки,
А мы послушаем тебя.

Поэт

Подите прочь, — какое дело
Поэту мирному до вас!
В разврате каменейте смело:
Не оживит вас лиры глас!
Душе противны вы, как гробы.
Для вашей глупости и злобы
Имели вы до сей поры
Бичи, темницы, топоры.

Довольно с вас, рабов безумных!
Во градах ваших с улиц шумных
Сметают сор — полезный труд! —
Но, позабыв свое служенье,
Алтарь и жертвоприношенье,
Жрецы ль у вас метлу берут?
Не для житейского волненья,
Не для корысти, не для битв,
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуков сладких и молитв.

* * *

Всем красны боярские конюшни:
Чистотой, прислугой и конями;
Всем довольны добрые кони:
Кормом, стойлами и надзором.
Сбруя блещет на стойках дубовых,
В стойлах лоснятся борзые кони.
Лишь одним конюшни непригожи —
Домовой повадился в конюшни.
По ночам ходит он в конюшни,
Чистит, холит коней боярских,
Заплетает гриву им в косички,
Туго хвост завязывает в узел.
Как не взлюбит он вороного.
На вечерней заре с водопою
Обойду я боярские конюшни
И зайду в стойло к вороному —
Конь стоит исправен и смирен.
А поутру отопрешь конюшни,
Конь не тих, весь в мыле, жаром пышет,
С морды каплет кровавая пена.
Во всю ночь домовой на нем ездит
По горам, по лесам, по болотам,
С полуночи до белого света —
До заката месяца.

Ах ты, старый конюх [неразумный,]
Разгадаешь ли, старый, загадку?
Полюбил красну девку младой конюх,
Младой конюх, разгульный парень —
Он конюшни ночью отпирает,
Потихонько вороного седлает,
Полегонько выводит за ворота,
На коня, на борзого садится,
К [красной девке в гости] скачет.

* * *

Tel j'etais autrefois et tel je suis encore.*

Каков я прежде был, таков и ныне я:
Беспечный, влюбчивый. Вы знаете, друзья,
Могу ль на красоту взирать без умиленья,
Без робкой нежности и тайного волненья.
Уж мало ли любовь играла в жизни мной?
Уж мало ль бился я, как ястреб молодой,
В обманчивых сетях, раскинутых Кипридой,
А не исправленный стократною обидой
Я новым идолам несу мои мольбы...

Цветок

Цветок засохший, безуханный,
Забытый в книге вижу я;
И вот уже мечтою странной
Душа наполнилась моя:

Где цвел? когда? какой весною?
И долго ль цвел? и сорван кем,
Чужой, знакомой ли рукою?
И положен сюда зачем?

* ⟨Таков я был прежде, таков и ныне.⟩

На память нежного ль свиданья,
Или разлуки роковой,
Иль одинокого гулянья
В тиши полей, в тени лесной?

И жив ли тот, и та жива ли?
И нынче где их уголок?
Или уже они увяли,
Как сей неведомый цветок?

* * *

Уродился я, бедный недоносок;
С глупых лет брожу я сиротою;
Недорослем меня бедного женили;
Новая семья не полюбила;
Сударыня жена не приласкала.

* * *

Когда, стройна и светлоока,
Передо мной стоит она...
Я мыслю: „в день Ильи-пророка
Она была разведена!“

* * *

Пожалуй, Федоров, ко мне не приходи;
Не усыпляй меня — иль после не буди.

* * *

Брадатый староста Авдей
С поклоном барыне своей
Заместо красного яичка
Поднес ученого скворца.
Известно вам, такая птичка
Умней иного мудреца.
[Скворец, надувшись] величаво,
Вздыхал о царствии небес
И приговаривал картаво:
„Христос воскрес! Христос воскрес!“

[Скворец мой был не пустомеля,
Не врал он всякой чепухи,
Он был ученее]

* * *

Лищинский околел, — отечеству беда!
Князь Сергий жив еще — утешьтесь, господа.

* * *

Покойник, автор сухощавый,
Писал для денег, пил из славы.

* * *

В прохладе сладостной фонтанов
И стен, обрызганных кругом,
Поэт бывало тешил ханов
Стихов гремучим жемчугом.

5 На нити праздного веселья
Низал он хитрою рукой
Прозрачной лести ожерелья
И четки мудрости златой.

9 [Любили] Крым [птенцы] Саади:
Порой восточный краснобай
Здесь развивал [свои] тетради
И удивлял Бахчисарай.

13 Его рассказы [расстилались],
Как эриванские ковры,
[И ими] ярко [украшались]
Гиреев ханские [пиры].

17 Но ни один волшебник милый,
Владетель умственных даров,
Не вымышлял с такою силой
Так хитро сказок и стихов, —

25 Как прозорливый и [крылатый]
Поэт той чудной стороны,
Где мужи грозны и косматы,
А жены гуриям равны.

* * *

Когда Потемкину в потемках
Я на Пречистенке найду,
То пусть с Булгариным в потомках
Меня поставят наряду.

* * *

Если в жизни поднебесной
Существует дух прелестный,
То тебе подобен он;
Я скажу тебе резон:
Невозможно!

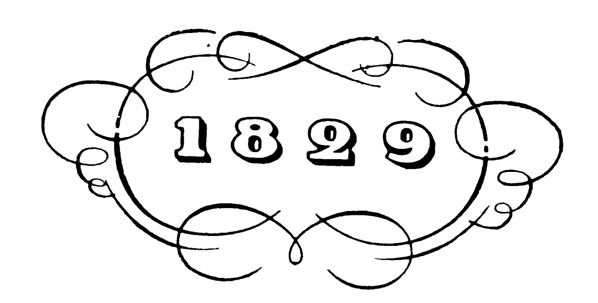
* * *

Amour, exil* —
Какая гиль!

* * *

Не смею вам стихи Баркова
Благопристойно перевесть,
И даже имени такого
Не смею громко произнесть!

* ⟨Любовь, изгнание.⟩

* * *

Как быстро в поле, вкруг открытом,
Подкован вновь, мой конь бежит!
Как звонко под его копытом
Земля промерзлая звучит!
Полезен русскому здоровью
Наш укрепительный мороз:
Ланиты, ярче вешних роз,
Играют холодом и кровью.

Печальны лес и дол завялый,
Проглянет день — и уж темно,
И, будто путник запоздалый,
Стучится буря к нам в окно...

Ел. Н. Ушаковой

Вы избалованы природой;
Она пристрастна к вам была,
И наша вечная хвала
Вам кажется докучной одой.
Вы сами знаете давно,
Что вас любить немудрено,
Что нежным взором вы Армида,
Что легким станом вы Сильфида,
Что ваши алые уста,
Как гармоническая роза...
И наши рифмы, наша проза
Пред вами — шум и суета.
Но красоты воспоминанье
Нам сердце трогает тайком —
И строк небрежных начертанье
Вношу смиренно в ваш альбом.
Авось на память поневоле
Придет вам тот, кто вас певал
В те дни, как Пресненское поле
Еще забор не заграждал.

* * *

Подъезжая под Ижоры,
Я взглянул на небеса
И воспомнил ваши взоры,
Ваши синие глаза.
Хоть я грустно очарован
Вашей девственной красой,
Хоть вампиром именован
Я в губернии Тверской,
Но колен моих пред вами

Преклонить я не посмел
И влюбленными мольбами
Вас тревожить не хотел.
Упиваясь неприятно
Хмелем светской суеты,
Позабуду, вероятно,
Ваши милые черты,
Легкий стан, движений стройность,
Осторожный разговор,
Эту скромную спокойность,
Хитрый смех, и хитрый взор.
Если ж нет... по прежню следу
В ваши мирные края
Через год опять заеду
И влюблюсь до ноября.

Приметы

Я ехал к вам: живые сны
За мной вились толпой игривой,
И месяц с правой стороны
Сопровождал мой бег ретивый.

Я ехал прочь: иные сны...
Душе влюбленной грустно было,
И месяц с левой стороны
Сопровождал меня уныло.

Мечтанью вечному в тиши
Так предаемся мы, поэты;
Так суеверные приметы
Согласны с чувствами души.

Литературное известие

В Элизии Василий Тредьяковский
(Преострый муж, достойный много хвал)
С усердием принялся за журнал.
В сотрудники сам вызвался Поповский,
Свои статьи Елагин обещал;
Курганов сам над критикой хлопочет,
Блеснуть умом „Письмовник“ снова хочет;
И, говорят, на-днях они начнут,
Благословясь, сей преполезный труд, —
И только ждет Василий Тредьяковский,
Чтоб подоспел Михайло Каченовский.

* * *

Когда помилует нас бог,
Когда не буду я повешен,
То буду я у ваших ног,
В тени украинских черешен.

Эпиграмма

Журналами обиженный жестоко,
Зоил Пахом печалился глубоко;
На цензора вот подал он донос;
Но цензор прав, — нам смех, зоилу нос.
Иная брань, конечно, неприличность,
Нельзя писать: *Такой-то де старик,*
Козел в очках, плюгавый клеветник,
И зол, и подл: всё это будет личность.
Но можете печатать, например,
Что господин парнасский старовер

(В своих статьях) бессмыслицы оратор,
Отменно вял, отменно скучноват,
Тяжеловат и даже глуповат;
Тут не лицо, а только литератор.

* * *

Поэт-игрок, о Беверлей-Гораций,
Проигрывал ты кучки ассигнаций,
И серебро, наследие отцов,
И лошадей и даже кучеров —
И с радостью на карту, на злодейку,
Поставил бы тетрадь своих стихов,
Когда б твой стих ходил хотя в копейку.

Эпиграмма

Там, где древний Кочерговский
Над Ролленем опочил,
Дней новейших Тредьяковский
Колдовал и ворожил:
Дурень, к солнцу став спиною,
Под холодный „Вестник“ свой
Прыскал мертвою водою,
Прыскал ижицу живой.

* * *

(При посылке бронзового Сфинкса)

Кто на снегах возрастил Феокритовы нежные розы?
В веке железном, скажи, кто золотой угадал?
Кто славянин молодой, грек духом, а родом германец?
Вот загадка моя: хитрый Эдип, разреши!

* * *

На холмах Грузии лежит ночная мгла;
Шумит Арагва предо мною.
Мне грустно и легко; печаль моя светла;
Печаль моя полна тобою,
Тобой, одной тобой... Унынья моего
Ничто не мучит, не тревожит,
И сердце вновь горит и любит — оттого,
Что не любить оно не может.

Калмычке

Прощай, любезная калмычка!
Чуть-чуть, на зло моих затей,
Меня похвальная привычка
Не увлекла среди степей
Вслед за кибиткою твоей.
Твои глаза конечно узки,
И плосок нос, и лоб широк,
Ты не лепечешь по-французски,
Ты шелком не сжимаешь ног,
По-английски пред самоваром
Узором хлеба не крошишь,
Не восхищаешься Сен-Маром,
Слегка Шекспира не ценишь,
Не погружаешься в мечтанье,
Когда нет мысли в голове,
Не распеваешь: „Ma dov'è“, *
Галоп не прыгаешь в собранье...
Что нужды? — Ровно полчаса,

* ⟨„Но где“.⟩

Пока коней мне запрягали,
Мне ум и сердце занимали
Твой взор и дикая краса.
Друзья! не всё ль одно и то же:
Забыться праздною душой
В блестящей зале, в модной ложе,
Или в кибитке кочевой?

* * *

Благословен и день и час,
Когда   [в горах Кавказа]
Судьба соединила нас.

* * *

Благссловен твой новый путь,
Твой путь на север наш суровый,
Где кратко царствует весна,
[Но где Гафиза и Саади]
[Знакомы   имена].

———

[Ты посетишь наш край] полночный,
[Оставь же след] ⟨в своих стихах⟩,
Цветы фантазии восточной
Рассыпь на северных снегах.

Делибаш

Перестрелка за холмами;
Смотрит лагерь их и наш;
На холме пред казаками
Вьется красный делибаш.

Делибаш! не суйся к *лаве*,
Пожалей свое житье;
Вмиг аминь лихой забаве:
Попадешься на копье.

Эй, казак! не рвися к бою:
Делибаш на всем скаку
Срежет саблею кривою
С плеч удалую башку.

Мчатся, сшиблись в общем крике...
Посмотрите! каковы?..
Делибаш уже на пике,
А казак без головы.

(Из Гафиза)

Не пленяйся бранной славой,
О красавец молодой!
Не бросайся в бой кровавый
С карабахскою толпой!
Знаю: смерть тебя не встретит;
Азраил, среди мечей,
Красоту твою заметит —
И пощада будет ей!

Но боюсь: среди сражений
Ты утратишь навсегда
Скромность робкую движений,
Прелесть неги и стыда!

Лагерь при Евфрате
1829

* * *

Критон, роскошный гражданин
Очаровательных Афин,
Во цвете жизни предавался
Всем упоеньям бытия.
Однажды, — слушайте, друзья,
Он по Керамику скитался,
И вдруг из рощи вековой,
Красою девственной блистая,
В одежде легкой и простой
Явилась нимфа молодая.
Пред банею, между колонн,
Она на миг остановилась
И в дом вошла. Недвижим он
Глядит на дверь, куда, как сон,
Его красавица сокрылась.

* * *

Зорю бьют... из рук моих
Ветхий Данте выпадает,
На устах начатый стих
Недочитанный затих —
Дух далече улетает.
Звук привычный, звук живой,
Сколь ты часто раздавался
Там, где тихо развивался
[Я давнишнею порой.]

Сапожник

Притча

Картину раз высматривал сапожник
И в обуви ошибку указал;
Взяв тотчас кисть, исправился художник.
Вот, подбочась, сапожник продолжал:
„Мне кажется, лицо немного криво...
А эта грудь не слишком ли нага?..“
Тут Апеллес прервал нетерпеливо:
„Суди, дружок, не свыше сапога!“

Есть у меня приятель на примете:
Не ведаю, в каком бы он предмете
Был знатоком, хоть строг он на словах;
Но чорт его несет судить о свете:
Попробуй он судить о сапогах!

На картинки к „Евгению Онегину“ в „Невском альманахе“

Вот перешед чрез мост Кокушкин,
Опершись -- о гранит,
Сам Александр Сергеич Пушкин
С мосье Онегиным стоит.
Не удостоивая взглядом
Твердыню власти роковой,
Он к крепости стал гордо задом:
Не плюй в колодец, милый мой.

2

Сосок чернеет сквозь рубашку,
Наружу т..... — милый вид!
Татьяна мнет в руке бумажку,
Зане живот у ней болит:
Она затем поутру встала
При бледных месяца лучах
И на - - изорвала,
Конечно, „Невский альманах“.

* * *

Счастлив ты в прелестных дурах,
В службе, в картах и в пирах;
Ты St.-Priest в карикатурах,
Ты Нелединский в стихах;
Ты прострелен на дуэле,
Ты разрублен на войне —
Хоть герой ты в самом деле,
Но повеса ты вполне.

Кавказ

Кавказ подо мною. Один в вышине
Стою над снегами у края стремнины;
Орел, с отдаленной поднявшись вершины,
Парит неподвижно со мной наравне.
Отселе я вижу потоков рожденье
И первое грозных обвалов движенье.

Здесь тучи смиренно идут подо мной;
Сквозь них, низвергаясь, шумят водопады;

Под ними утесов нагие громады;
Там ниже мох тощий, кустарник сухой;
А там уже рощи, зеленые сени,
Где птицы щебечут, где скачут олени.

А там уж и люди гнездятся в горах,
И ползают овцы по злачным стремнинам,
И пастырь нисходит к веселым долинам,
Где мчится Арагва в тенистых брегах,
И нищий наездник таится в ущельи,
Где Терек играет в свирепом весельи;

Играет и воет, как зверь молодой,
Завидевший пищу из клетки железной,
И бьется о берег в вражде бесполезной,
И лижет утесы голодной волной...
Вотще! нет ни пищи ему, ни отрады:
Теснят его грозно немые громады.

Монастырь на Казбеке

Высоко над семьею гор,
Казбек, твой царственный шатер
Сияет вечными лучами.
Твой монастырь за облаками,
Как в небе реющий ковчег,
Парит, чуть видный над горами.

Далекий, вожделенный брег!
Туда б, сказав „прости“ ущелью,
Подняться к вольной вышине!
Туда б, в заоблачную келью,
В соседство бога скрыться мне!..

К бюсту завоевателя

Напрасно видишь тут ошибку:
Рука искусства навела
На мрамор этих уст улыбку
И гнев на хладный лоск чела.
Недаром лик сей двуязычен.
Таков и был сей властелин:
К противочувствиям привычен,
В лице и в жизни арлекин.

* * *

„Полюби меня, девица“.
— Что же скажет вся станица?
Я с другим обручена.

„Твой жених теперь далече“.

* * *

Стрекотунья белобока
Под калиткою моей
Скачет пестрая сорока
И пророчит мне гостей.
[Колокольчик небывалый
У меня звенит в ушах,]
На заре алой,
[Серебрится] снежный прах.

1829

* * *

Был и я среди донцов,
Гнал и я османов шайку;
В память битвы и шатров
Я домой привез нагайку.

[На походе, на войне]
Сохранил я балалайку —
С нею рядом, на стене
Я повешу и нагайку.

Что таиться от друзей —
Я люблю свою хозяйку,
Часто думал я об ней
И берег свою нагайку.

Дон

Блеща средь полей широких,
Вон он льется!.. Здравствуй, Дон!
От сынов твоих далеких
Я привез тебе поклон.

Как прославленного брата,
Реки знают тихий Дон;
От Аракса и Евфрата
Я привез тебе поклон.

Отдохнув от злой погони,
Чуя родину свою,
Пьют уже донские кони
Арпачайскую струю.

Приготовь же, Дон заветный,
Для наездников лихих
Сок кипучий, искрометный
Виноградников твоих.

Дорожные жалобы

Долго ль мне гулять на свете
То в коляске, то верхом,
То в кибитке, то в карете,
То в телеге, то пешком?

Не в наследственной берлоге,
Не средь отческих могил,
На большой мне, знать, дороге
Умереть господь судил,

На каменьях под копытом,
На горе под колесом,
Иль во рву, водой размытом,
Под разобранным мостом.

Иль чума меня подцепит,
Иль мороз окостенит,
Иль мне в лоб шлагбаум влепит
Непроворный инвалид.

Иль в лесу под нож злодею
Попадуся в стороне,
Иль со скуки околею
Где-нибудь в карантине.

Долго ль мне в тоске голодной
Пост невольный соблюдать
И телятиной холодной
Трюфли Яра поминать?

То ли дело быть на месте,
По Мясницкой разъезжать,
О деревне, о невесте
На досуге помышлять!

„Зимняя дорога“. С картины маслом *В. А. Серова*
(Институт литературы Академии Наук СССР)

29 То ли дело рюмка рома,
Ночью сон, поутру чай;
То ли дело, братцы, дома!..
Ну, пошел же, погоняй!..

* * *

Как сатирой безымянной
Лик зоила я пятнал,
Признаюсь: на вызов бранный
Возражений я не ждал.
Справедливы ль эти слухи?
Отвечал он? Точно ль так?
В полученьи оплеухи
Расписался мой дурак?

Обвал

Дробясь о мрачные скалы,
Шумят и пенятся валы,
И надо мной кричат орлы,
И ропщет бор,
И блещут средь волнистой мглы
Вершины гор.

7 Оттоль сорвался раз обвал,
И с тяжким грохотом упал,
И всю теснину между скал
Загородил,
И Терека могущий вал
Остановил.

13 Вдруг, истощась и присмирев,
О Терек, ты прервал свой рев;

Но задних волн упорный гнев
Прошиб снега...
Ты затопил, освирепев,
Свои брега.

И долго прорванный обвал
Неталой грудою лежал,
И Терек злой под ним бежал,
И пылью вод,
И шумной пеной орошал
Ледяный свод.

И путь по нем широкий шел:
И конь скакал, и влекся вол,
И своего верблюда вел
Степной купец,
Где ныне мчится лишь Эол,
Небес жилец.

* * *

2 ноября

Зима. Что делать нам в деревне? Я встречаю
Слугу, несущего мне утром чашку чаю,
Вопросами: тепло ль? утихла ли метель?
Пороша есть иль нет? и можно ли постель
Покинуть для седла, иль лучше до обеда
Возиться с старыми журналами соседа?
Пороша. Мы встаем, и тотчас на коня,
И рысью по полю при первом свете дня;
Арапники в руках, собаки вслед за нами;
Глядим на бледный снег прилежными глазами;
Кружимся, рыскаем и поздней уж порой,
Двух зайцев протравив, являемся домой.
Куда как весело! Вот вечер: вьюга воет,
Свеча темно горит; стесняясь, сердце ноет;
По капле, медленно глотаю скуки яд.
Читать хочу; глаза над буквами скользят,

А мысли далеко... Я книгу закрываю;
Беру перо, сижу; насильно вырываю
У музы дремлющей несвязные слова.
Ко звуку звук нейдет... Теряю все права
Над рифмой, над моей прислужницею странной:
Стих вяло тянется, холодный и туманный.
Усталый, с лирою я прекращаю спор,
Иду в гостиную; там слышу разговор
О близких выборах, о сахарном заводе;
Хозяйка хмурится в подобие погоде,
Стальными спицами проворно шевеля,
Иль про червонного гадает короля.
Тоска! Так день за днем идет в уединенье!
Но если под вечер в печальное селенье,
Когда за шашками сижу я в уголке,
Приедет издали в кибитке иль возке
Нежданая семья: старушка, две девицы
(Две белокурые, две стройные сестрицы),
Как оживляется глухая сторона!
Как жизнь, о боже мой, становится полна!
Сначала косвенно-внимательные взоры,
Потом слов несколько, потом и разговоры,
А там и дружный смех, и песни вечерком,
И вальсы резвые, и шопот за столом,
И взоры томные, и ветреные речи,
На узкой лестнице замедленные встречи;
И дева в сумерки выходит на крыльцо:
Открыта шея, грудь, и вьюга ей в лицо!
Но бури севера не вредны русской розе.
Как жарко поцелуй пылает на морозе!
Как дева русская свежа в пыли снегов!

Зимнее утро

Мороз и солнце; день чудесный!
Еще ты дремлешь, друг прелестный —
Пора, красавица, проснись:
Открой сомкнуты негой взоры
Навстречу северной Авроры,
Звездою севера явись!

Вечор, ты помнишь, вьюга злилась,
На мутном небе мгла носилась;
Луна, как бледное пятно,
Сквозь тучи мрачные желтела,
И ты печальная сидела —
А нынче... погляди в окно:

Под голубыми небесами
Великолепными коврами,
Блестя на солнце, снег лежит;
Прозрачный лес один чернеет,
И ель сквозь иней зеленеет,
И речка подо льдом блестит.

Вся комната янтарным блеском
Озарена. Веселым треском
Трещит затопленная печь.
Приятно думать у лежанки.
Но знаешь: не велеть ли в санки
Кобылку бурую запречь?

Скользя по утреннему снегу,
Друг милый, предадимся бегу
Нетерпеливого коня
И навестим поля пустые,
Леса, недавно столь густые,
И берег, милый для меня.

* * *

Я вас любил: любовь еще, быть может,
В душе моей угасла не совсем;
Но пусть она вас больше не тревожит;
Я не хочу печалить вас ничем.
Я вас любил безмолвно, безнадежно,
То робостью, то ревностью томим;
Я вас любил так искренно, так нежно,
Как дай вам бог любимой быть другим.

Эпиграмма

Мальчишка Фебу гимн поднес.
„Охота есть, да мало мозгу.
А сколько лет ему, вопрос?“ —
„Пятнадцать“. — „Только-то? Эй, розгу!“
За сим принес семинарист
Тетрадь лакейских диссертаций,
И Фебу вслух прочел Гораций,
Кусая губы, первый лист.
Отяжелев, как от дурмана,
Сердито Феб его прервал
И тотчас взрослого болвана
Поставить в палки приказал.

Олегов щит

Когда ко граду Константина
С тобой, воинственный варяг,
Пришла славянская дружина
И развила победы стяг,
Тогда во славу Руси ратной,
Строптиву греку в стыд и страх,
Ты пригвоздил свой щит булатный
На цареградских воротах.

Настали дни вражды кровавой;
Твой путь мы снова обрели.
Но днесь, когда мы вновь со славой
К Стамбулу грозно притекли,
Твой холм потрясся с бранным гулом,
Твой стон ревнивый нас смутил,
И нашу рать перед Стамбулом
Твой старый щит остановил.

* * *

Жил на свете рыцарь бедный,
Молчаливый и простой,
С виду сумрачный и бледный,
Духом смелый и прямой.

Он имел одно виденье,
Непостижное уму,
И глубоко впечатленье
В сердце врезалось ему.

Путешествуя в Женеву,
На дороге у креста
Видел он Марию-деву,
Матерь господа Христа.

С той поры, сгорев душою,
Он на женщин не смотрел,
И до гроба ни с одною
Молвить слова не хотел.

С той поры стальной решотки
Он с лица не подымал,
И себе на шею чотки
Вместо шарфа привязал.

Несть мольбы отцу, ни сыну,
Ни святому духу ввек
Не случилось паладину —
Странный был он человек.

Проводил он целы ночи
Перед ликом пресвятой,
Устремив к ней скорбны очи,
Тихо слезы лья рекой.

Полон верой и любовью,
Верен набожной мечте,
Ave, mater Dei,* кровью
Написал он на щите.

Между тем как паладины
Ввстречу трепетным врагам
По равнинам Палестины,
Мчались, именуя дам,

Lumen coeli, sancta rosa!**
Восклицал всех громче он,
И гнала его угроза
Мусульман со всех сторон.

Возвратясь в свой замок дальный,
Жил он строго заключен,

* ⟨Радуйся, матерь божья.⟩
** ⟨Свет небесный, святая роза!⟩

Всё влюбленный, всё печальный,
Без причастья умер он.

Между тем как он кончался,
Дух лукавый подоспел,
Душу рыцаря сбирался
Бес тащить уж в свой предел.

Он де богу не молился,
Он не ведал-де поста,
Не путем-де волочился
Он за матушкой Христа.

Но пречистая сердечно
Заступилась за него
И впустила в царство вечно
Паладина своего.

* * *

Зачем, Елена, так пугливо,
С такой ревнивой быстротой,
Ты всюду следуешь за мной —
И надзираешь торопливо
Мой каждый шаг и каждый взор?

Воспоминания в Царском Селе

Воспоминаньями смущенный,
Исполнен сладкою тоской,
Сады прекрасные, под сумрак ваш священный
Вхожу с поникшею главой.
Так отрок библии, [безумный] расточитель,
До капли истощив раскаянья фиал,

Увидев, наконец, родимую обитель,
Главой поник и зарыдал.

9 В пылу восторгов скоротечных,
В бесплодном вихре суеты,
О, много расточил сокровищ я сердечных
За недоступные мечты,
И долго я блуждал, и часто утомленный,
Раскаяньем горя, предчувствуя беды,
Я думал о тебе, предел благословенный,
Воображал сии сады.

17 Воображаю день счастливый,
Когда средь вас возник лицей,
И слышу наших игр я снова шум*
И вижу вновь семью друзей.
Вновь нежным отроком то пылким, то ленивым,
Мечтанья смутные в груди моей тая,
Скитаясь по лугам, по рощам молчаливым,
Поэтом забываюсь я.

25 И въявь я вижу пред собою
Дней прошлых гордые следы.
Еще исполнены великою женою,
Ее любимые сады
Стоят населены чертогами, вратами,
Столпами, башнями, кумирами богов
И славой мраморной, и медными хвалами
Екатерининских орлов.

33 Садятся призраки героев
У посвященных им столпов.
Глядите: вот герой, стеснитель ратных строев,
Перун кагульских берегов.
Вот, вот могучий вождь полунощного флага,
Пред кем морей пожар и плавал, и летал.
Вот верный брат его, герой Архипелага,
Вот Наваринский Ганнибал.

* ⟨Стих не дописан.⟩

* * *

Поедем, я готов; куда бы вы, друзья,
Куда б ни вздумали, готов за вами я
Повсюду следовать, надменной убегая:
К подножию ль стены далекого Китая,
В кипящий ли Париж, туда ли, наконец,
Где Тасса не поет уже ночной гребец,
Где древних городов под пеплом дремлют мощи,
Где кипарисные благоухают рощи,
Повсюду я готов. Поедем... но, друзья,
Скажите: в странствиях умрет ли страсть моя?
Забуду ль гордую, мучительную деву,
Или к ее ногам, ее младому гневу,
Как дань привычную, любовь я принесу?
. . . .

* * *

Брожу ли я вдоль улиц шумных,
Вхожу ль во многолюдный храм,
Сижу ль меж юношей безумных,
Я предаюсь моим мечтам.

Я говорю: промчатся годы,
И сколько здесь ни видно нас,
Мы все сойдем под вечны своды —
И чей-нибудь уж близок час.

Гляжу ль на дуб уединенный,
Я мыслю: патриарх лесов
Переживет мой век забвенный,
Как пережил он век отцов.

Младенца ль милого ласкаю,
Уже я думаю: прости!
Тебе я место уступаю:
Мне время тлеть, тебе цвести.

День каждый, каждую годину
Привык я думой провождать,
Грядущей смерти годовщину
Меж их стараясь угадать.

И где мне смерть пошлет судьбина?
В бою ли, в странствии, в волнах?
Или соседняя долина
Мой примет охладелый прах?

И хоть бесчувственному телу
Равно повсюду истлевать;
Но ближе к милому пределу
Мне всё б хотелось почивать.

И пусть у гробового входа
Младая будет жизнь играть,
И равнодушная природа
Красою вечною сиять.

* * *

Еще одной высокой, важной песни
Внемли, о Феб, и смолкнувшую лиру
В разрушенном святилище твоем
Повешу я, да издает ⟨*нрзбр,*⟩
Когда столбы его колеблет буря,
Печальный звук! Еще единый гимн —
Внемлите мне, пенаты — вам пою
Ответный гимн, советники Зевеса,
Живете ль вы в небесной глубине,
Иль, божества всевышние, всему

Причина вы, по мненью мудрецов,
И следуют торжественно за вами
Великий Зевс с супругой белоглавой,
И мудрая богиня, дева силы,
Афинская Паллада, — вам хвала.
Примите гимн, таинственные силы!
Хоть долго был изгнаньем удален
От ваших жертв и тихих возлияний,
Но вас любить не переставал, о боги,
И в долгие часы пустынной грусти
Томительно просилась отдохнуть
У вашего святого пепелища
Моя душа — там мир.
Так, я любил вас долго! Вас зову
В свидетели, с каким святым волненьем
Оставил я [людское стадо] там,
Дабы стеречь ваш огнь уединенный,
Беседуя [один] с самим собою.
Часы неизъяснимых наслаждений!
Они дают мне [знать сердечну глубь,]
В могуществе и немощах ее.
Они любить, лелеять научают
Не смертные, таинственные чувства,
И нас они в науке первой учат —
Чтить самого себя. О, нет, вовек
Не преставал молить благоговейно
Вас, божества домашние.

* * *

Меж горных рек несется Терек.
Волнами точит дикий берег,
Клокочет вкруг огромных скал,
То здесь, [то там] дорогу роет,
Как зверь живой, ревет и воет —
И вдруг утих и смирен стал.
Всё ниже, ниже опускаясь,
Уж он бежит едва живой.
Так, после бури истощаясь,
Поток струится дождевой.
И вот   обнажилось
Его кремнистое русло.

* * *

Надеясь на мое презренье,
Седой зоил меня ругал,
И, потеряв [уже] терпенье,
Я эпиграммой [отвечал.]
Укушенный желаньем славы,
Теперь, надеясь на ответ,
[Журнальный шут], холоп лукавый
Ругать бы также стал. — О, нет!
Пусть он, как бес перед обедней,
Себе покоя не дает:
Лакей, сиди себе в передней,
А будет с барином расчет.

Собрание насекомых

> **Какие крохотны коровки!**
> **Есть, право, менее булавочной головки!**
> *Крылов*

Мое собранье насекомых
Открыто для моих знакомых:
Ну, что за пестрая семья!
За ними где ни рылся я!
Зато какая сортировка!
Вот ** ⟨Глинка⟩ — божия коровка,
Вот ** ⟨Каченовский⟩ — злой паук,
Вот и ** ⟨Свиньин⟩ — российский жук,
Вот ** ⟨Олин⟩ — черная мурашка,
Вот ** ⟨Раич⟩ — мелкая букашка.
Куда их много набралось!
Опрятно за стеклом и в рамах
Они, пронзенные насквозь,
Рядком торчат на эпиграммах.

* * *

Когда твои младые лета
Позорит шумная молва,
И ты по приговору света
На честь утратила права,

Один, среди толпы холодной,
Твои страданья я делю
И за тебя мольбой бесплодной
Кумир бесчувственный молю.

Но свет... Жестоких осуждений
Не изменяет он своих:
Он не карает заблуждений,
Но тайны требует для них.

13 Достойны равного презренья
Его тщеславная любовь
И лицемерные гоненья —
К забвенью сердце приготовь;

17 Не пей мучительной отравы,
Оставь блестящий, душный круг;
Оставь безумные забавы:
Тебе один остался друг.

Эпиграмма

Седой Свистов! ты царствовал со славой;
Пора, пора! сложи с себя венец:
Питомец твой младой, цветущий, здравый,
Тебя сменит, великий наш певец!
Се: внемлет мне маститый собеседник,
Свершается судьбины произвол,
Является младой его наследник:
Свистов II вступает на престол!

* * *

И вот ущелье мрачных скал
Пред нами шире становится,
Но тише Терек злой стремится,
Луч солнца ярче засиял.

* * *

Страшно и скучно
Здесь новоселье,
Путь и ночлег.
Тесно и душно.

В диком ущелье —
Тучи да снег.

Небо чуть видно,
Как из тюрьмы.
Ветер шумит.
[Солнцу обидно]

* * *

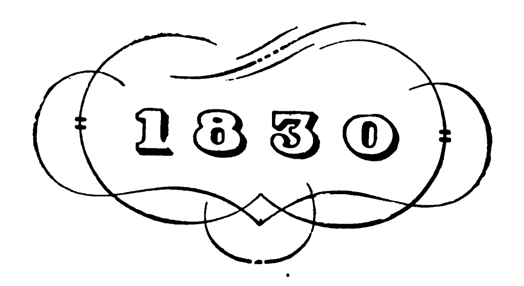
Шумит кустарник... На утес
Олень веселый выбегает.
[Пугливо] он подножный лес
С вершины острой озирает.
Недвижим, строен [он] стоит
И чутким ухом шевелит...
Глядит на светлые ⟨луга⟩,
Глядит на синий свод небесный,
И на днепровские брега,
Венчанны чащею древесной.
Вдруг дрогнул он — незапный звук
Его коснулся — [боязливо]
[Он шею вытянул и вдруг
С вершины прянул]

* * *

В журнал совсем не европейский,
Над коим чахнет старый журналист,
С своею прозою лакейской
Взошел болван семинарист.*

храбро он хлопочет.
Твой барин

* ⟨Следующий стих не написан.⟩

* * *

Язык и ум теряя разом,
Гляжу на вас единым глазом:
Единый глаз в главе моей.
Когда б судьбы того хотели,
Когда б имел я сто очей,
То все бы сто на вас глядели.

* * *

Что в имени тебе моем?
Оно умрет, как шум печальный
Волны, плеснувшей в берег дальный,
Как звук ночной в лесу глухом.

Оно на памятном листке
Оставит мертвый след, подобный
Узору надписи надгробной
На непонятном языке.

Что в нем? Забытое давно
В волненьях новых и мятежных,
Твоей душе не даст оно
Воспоминаний чистых, нежных.

Но в день печали, в тишине
Произнеси его тоскуя;
Скажи: есть память обо мне,
Есть в мире сердце, где живу я.

Ответ

Я вас узнал, о мой оракул!
Не по узорной пестроте
Сих недописанных каракул,
Но по веселой остроте,
Но по приветствиям лукавым,
Но по насмешливости злой
И по упрекам... столь неправым
И этой прелести живой.
С тоской невольной, с восхищеньем
Я перечитываю вас
И восклицаю с нетерпеньем:
Пора! в Москву, в Москву сейчас!
Здесь город чопорный, унылый,
Здесь речи — лед, сердца — гранит;
Здесь нет ни ветрености милой,
Ни муз, ни Пресни, ни харит.

* * *

В часы забав иль праздной скуки,
Бывало, лире я моей
Вверял изнеженные звуки
Безумства, лени и страстей.

Но и тогда струны лукавой
Невольно звон я прерывал,
Когда твой голос величавый
Меня внезапно поражал.

Я лил потоки слез нежданных,
И ранам совести моей
Твоих речей благоуханных
Отраден чистый был елей.

И ныне с высоты духовной
Мне руку простираешь ты,
И силой кроткой и любовной
Смиряешь буйные мечты.

Твоим огнем душа палима,
Отвергла мрак земных сует,
И внемлет арфе серафима
В священном ужасе поэт.

* * *

Нет, я не дорожу мятежным наслажденьем,
Восторгом чувственным, безумством, исступленьем,
Стенаньем, криками вакханки молодой,
Когда, виясь в моих объятиях змеей,
Порывом пылких ласк и язвою лобзаний
Она торопит миг последних содроганий.

О, как милее ты, смиренница моя,
О, как мучительно тобою счастлив я,
Когда, склонясь на долгие моленья,
Ты предаешься мне нежна без упоенья,
Стыдливо-холодна, восторгу моему
Едва ответствуешь, не внемлешь ничему
И разгораешься потом всё боле, боле —
И делишь наконец мой пламень поневоле.

На Булгарина

Не то беда, что ты поляк:
Костюшко лях, Мицкевич лях!
Пожалуй, будь себе татарин,—
И тут не вижу я стыда;
Будь жид — и это не беда;
Беда, что ты Видок Фиглярин.

Сонет

Scorn not the sonnet, critic.
*Wordsworth.**

Суровый Дант не презирал сонета;
В нем жар любви Петрарка изливал;
Игру его любил творец Макбета;
Им скорбну мысль Камоэнс облекал.

5 И в наши дни пленяет он поэта:
Вордсворт его орудием избрал,
Когда вдали от суетного света
Природы он рисует идеал.

9 Под сенью гор Тавриды отдаленной
Певец Литвы в размер его стесненный
Свои мечты мгновенно заключал.

12 У нас еще его не знали девы,
Как для него уж Дельвиг забывал
Гекзаметра священные напевы.

---

* 〈Не презирай сонета, критик. *Вордсворт.*〉

1830

К вельможе

От северных оков освобождая мир,
Лишь только на поля, струясь, дохнет зефир,
Лишь только первая позеленеет липа,
К тебе, приветливый потомок Аристиппа,
К тебе явлюся я; увижу сей дворец,
Где циркуль зодчего, палитра и резец
Ученой прихоти твоей повиновались
И вдохновенные в волшебстве состязались.

Ты понял жизни цель: счастливый человек,
Для жизни ты живешь. Свой долгий, ясный век
Еще ты смолоду умно разнообразил,
Искал возможного, умеренно проказил;
Чредою шли к тебе забавы и чины.
Посланник молодой увенчанной жены,
Явился ты в Ферней — и циник поседелый,
Умов и моды вождь пронырливый и смелый,
Свое владычество на Севере любя,
Могильным голосом приветствовал тебя.
С тобой веселости он расточал избыток,
Ты лесть его вкусил, земных богов напиток.
С Фернеем распростясь, увидел ты Версаль.
Пророческих очей не простирая вдаль,
Там ликовало всё. Армида молодая,
К веселью, роскоши знак первый подавая,
Не ведая, чему судьбой обречена,
Резвилась, ветреным двором окружена.
Ты помнишь Трианон и шумные забавы?
Но ты не изнемог от сладкой их отравы;
Ученье делалось на время твой кумир:
Уединялся ты. За твой суровый пир
То чтитель промысла, то скептик, то безбожник,
Садился Дидерот на шаткий свой треножник,
Бросал парик, глаза в восторге закрывал

И проповедывал. И скромно ты внимал
За чашей медленной афею иль деисту,
Как любопытный скиф афинскому софисту.

Но Лондон звал твое внимание. Твой взор
Прилежно разобрал сей двойственный собор:
Здесь натиск пламенный, а там отпор суровый,
Пружины смелые гражданственности новой.

Скучая, может быть, над Темзою скупой,
Ты думал дале плыть. Услужливый, живой,
Подобный своему чудесному герою,
Веселый Бомарше блеснул перед тобою.
Он угадал тебя: в пленительных словах
Он стал рассказывать о ножках, о глазах,
О неге той страны, где небо вечно ясно,
Где жизнь ленивая проходит сладострастно,
Как пылкий отрока восторгов полный сон,
Где жены вечером выходят на балкон,
Глядят и, не страшась ревнивого испанца,
С улыбкой слушают и манят иностранца.
И ты, встревоженный, в Севиллу полетел.
Благословенный край, пленительный предел!
Там лавры зыблются, там апельсины зреют...
О, расскажи ж ты мне, как жены там умеют
С любовью набожность умильно сочетать,
Из-под мантильи знак условный подавать;
Скажи, как падает письмо из-за решотки,
Как златом усыплен надзор угрюмой тетки;
Скажи, как в двадцать лет любовник под окном
Трепещет и кипит, окутанный плащом.

Всё изменилося. Ты видел вихорь бури,
Падение всего, союз ума и фурий,
Свободой грозною воздвигнутый закон,
Под гильотиною Версаль и Трианон
И мрачным ужасом смененные забавы.
Преобразился мир при громах новой славы.
Давно Ферней умолк. Приятель твой Вольтер,
Превратности судеб разительный пример,

Не успокоившись и в гробовом жилище,
Доныне странствует с кладбища на кладбище.
Барон д'Ольбах, Морле, Гальяни, Дидерот,
Энциклопедии скептический причёт,
И колкий Бомарше, и твой безносый Касти,
Все, все уже прошли. Их мненья, толки, страсти
Забыты для других. Смотри: вокруг тебя
Всё новое кипит, былое истребя.
Свидетелями быв вчерашнего паденья,
Едва опомнились младые поколенья.
Жестоких опытов сбирая поздний плод,
Они торопятся с расходом свесть приход.
Им некогда шутить, обедать у Темиры,
Иль спорить о стихах. Звук новой, чудной лиры,
Звук лиры Байрона развлечь едва их мог.

Один всё тот же ты. Ступив за твой порог,
Я вдруг переношусь во дни Екатерины.
Книгохранилище, кумиры и картины,
И стройные сады свидетельствуют мне,
Что благосклонствуешь ты музам в тишине,
Что ими в праздности ты дышишь благородной.
Я слушаю тебя: твой разговор свободный
Исполнен юности. Влиянье красоты
Ты живо чувствуешь. С восторгом ценишь ты
И блеск Алябьевой, и прелесть Гончаровой.
Беспечно окружась Корреджием, Кановой,
Ты, не участвуя в волнениях мирских,
Порой насмешливо в окно глядишь на них
И видишь оборот во всем кругообразный.

Так, вихорь дел забыв для муз и неги праздной,
В тени порфирных бань и мраморных палат,
Вельможи римские встречали свой закат.
И к ним издалека то воин, то оратор,
То консул молодой, то сумрачный диктатор
Являлись день-другой роскошно отдохнуть,
Вздохнуть о пристани и вновь пуститься в путь.

Поэту

Поэт! не дорожи любовию народной.
Восторженных похвал пройдет минутный шум;
Услышишь суд глупца и смех толпы холодной,
Но ты останься тверд, спокоен и угрюм.

Ты царь: живи один. Дорогою свободной
Иди, куда влечет тебя свободный ум,
Усовершенствуя плоды любимых дум,
Не требуя наград за подвиг благородный.

Они в самом тебе. Ты сам свой высший суд;
Всех строже оценить умеешь ты свой труд.
Ты им доволен ли, взыскательный художник?

Доволен? Так пускай толпа его бранит
И плюет на алтарь, где твой огонь горит,
И в детской резвости колеблет твой треножник.

Мадонна

Не множеством картин старинных мастеров
Украсить я всегда желал свою обитель,
Чтоб суеверно им дивился посетитель,
Внимая важному сужденью знатоков.

В простом углу моем, средь медленных трудов,
Одной картины я желал быть вечно зритель,
Одной: чтоб на меня с холста, как с облаков,
Пречистая и наш божественный Спаситель —

Она с величием, он с разумом в очах —
Взирали, кроткие, во славе и в лучах,
Одни, без ангелов, под пальмою Сиона.

Исполнились мои желания. Творец
Тебя мне ниспослал, тебя, моя Мадонна,
Чистейшей прелести чистейший образец.

* * *

Полюбуйтесь же вы, дети,
Как в сердечной простоте
Длинный Фирс играет в *эти*,
Те, *те*, *те*, и *те*, *те*, *те*,

Черноокая Россети
В самовластной красоте
Все сердца пленяла *эти*,
Те, *те*, *те*, и *те*, *те*, *те*.

О, какие же здесь сети
Рок нам стелет в темноте:
Рифмы, деньги, дамы *эти*,
Те, *те*, *те*, и *те*, *те*, *те*.

Новоселье

Благословляю новоселье,
Куда домашний свой кумир
Ты перенес — а с ним веселье,
Свободный труд и сладкий мир.
Ты счастлив: ты свой домик малый,
Обычай мудрости храня,
От злых забот и лени вялой
Застраховал, как от огня.

Бесы

Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освещает снег летучий;
Мутно небо, ночь мутна.
Еду, еду в чистом поле;
Колокольчик дин-дин-дин...
Страшно, страшно поневоле
Средь неведомых равнин!

„Эй, пошел, ямщик!..“ — „Нет мочи:
Коням, барин, тяжело;
Вьюга мне слипает очи,
Все дороги занесло:
Хоть убей, следа не видно;
Сбились мы. Что делать нам!
В поле бес нас водит, видно,
Да кружит по сторонам.

Посмотри: вон, вон играет,
Дует, плюет на меня;
Вон — теперь в овраг толкает
Одичалого коня;
Там верстою небывалой
Он торчал передо мной;
Там сверкнул он искрой малой
И пропал во тьме пустой“.

Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освещает снег летучий;
Мутно небо, ночь мутна.
Сил нам нет кружиться доле;
Колокольчик вдруг умолк;
Кони стали... — „Что там в поле?“ —
„Кто их знает? пень иль волк?“

33 Вьюга злится, вьюга плачет;
Кони чуткие храпят;
Вот уж он далече скачет;
Лишь глаза во мгле горят;
Кони снова понеслися;
Колокольчик дин-дин-дин...
Вижу: духи собралися
Средь белеющих равнин.

41 Бесконечны, безобразны,
В мутной месяца игре
Закружились бесы разны,
Будто листья в ноябре...
Сколько их! куда их гонят?
Что так жалобно поют?
Домового ли хоронят,
Ведьму ль замуж выдают?

49 Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освещает снег летучий;
Мутно небо, ночь мутна.
Мчатся бесы рой за роем
В беспредельной вышине,
Визгом жалобным и воем
Надрывая сердце мне...

Элегия

Безумных лет угасшее веселье
Мне тяжело, как смутное похмелье.
Но, как вино — печаль минувших дней
В моей душе чем старе, тем сильней.
Мой путь уныл. Сулит мне труд и горе
Грядущего волнуемое море.

Но не хочу, о други, умирать;
Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать,

И ведаю, мне будут наслажденья
Меж горестей, забот и треволненья:
Порой опять гармонией упьюсь,
Над вымыслом слезами обольюсь,
И, может быть — на мой закат печальный
Блеснет любовь улыбкою прощальной.

Ответ Анониму

О, кто бы ни был ты, чье ласковое пенье
Приветствует мое к блаженству возрожденье,
Чья скрытая рука мне крепко руку жмет,
Указывает путь и посох подает;
О, кто бы ни был ты: старик ли вдохновенный,
Иль юности моей товарищ отдаленный,
Иль отрок, музами таинственно храним,
Иль пола кроткого стыдливый херувим,
Благодарю тебя душою умиленной.
Вниманья слабого предмет уединенный,
К доброжелательству досель я не привык —
И странен мне его приветливый язык.
Смешон, участия кто требует у света!
Холодная толпа взирает на поэта,
Как на заезжего фигляра: если он
Глубоко выразит сердечный, тяжкий стон,
И выстраданный стих, пронзительно-унылый,
Ударит по сердцам с неведомою силой, —
Она в ладони бьет и хвалит, иль порой
Неблагосклонною кивает головой.
Постигнет ли певца незапное волненье,
Утрата скорбная, изгнанье, заточенье, —
„Тем лучше, — говорят любители искусств: —
Тем лучше! наберет он новых дум и чувств
И нам их передаст“. Но счастие поэта
Меж ими не найдет сердечного привета,
Когда боязненно безмолвствует оно...
— — — — — — — — —

1830

Труд

Миг вожделенный настал: окончен мой труд многолетний.
Что ж непонятная грусть тайно тревожит меня?
Или, свой подвиг свершив, я стою, как поденщик ненужный,
Плату приявший свою, чуждый работе другой?
Или жаль мне труда, молчаливого спутника ночи,
Друга Авроры златой, друга пенатов святых?

Царскосельская статуя

Урну с водой уронив, об утес ее дева разбила.
Дева печально сидит, праздный держа черепок.
Чудо! не сякнет вода, изливаясь из урны разбитой;
Дева, над вечной струей, вечно печальна сидит.

* * *

В последний раз твой образ милый
Дерзаю мысленно ласкать,
Будить мечту сердечной силой
И с негой робкой и унылой
Твою любовь воспоминать.

Бегут, меняясь, наши лета,
Меняя всё, меняя нас —
Уж ты для страстного поэта
Могильным сумраком одета,
А для тебя поэт угас.

Прими же, дальная подруга,
Прощанье сердца моего,
Как овдовевшая супруга,
Как друг, обнявший молча друга
Перед изгнанием его.

Паж или пятнадцатый год

C'est l'âge de Chérubin...*

Пятнадцать лет мне скоро минет;
Дождусь ли радостного дня?
Как он вперед меня подвинет!
Но и теперь никто не кинет
С презреньем взгляда на меня.

Уж я не мальчик — уж над губой
Могу свой ус я защипнуть;
Я важен, как старик беззубый;
Вы слышите мой голос грубый,
Попробуй кто меня толкнуть.

Читал я „Федру“ и „Заиру“,
Как злой гусар, сижу верхом
И показать могу я миру,
Что мастерски держу рапиру
И ею правлю, как мячом.

[Я нравлюсь дамам, ибо скромен,
И между ими есть одна...
И гордый взор ее так томен,
И цвет ланит ее так темен,
Что жизни мне милей она.]

Она строга, властолюбива,
Я сам дивлюсь ее уму —

* 〈Это возраст Керубино.〉

И ужас как она ревнива;
Зато со всеми горделива
И мне доступна одному.

Вечор она мне величаво,
Клялась, что если буду вновь
Глядеть налево и направо,
То даст она мне яду; — право —
Вот какова ее любовь!

[Давно я только сплю и вижу,
Чтоб за нее подраться мне,
Вели она — весь мир обижу,
Пройду от Стрельны до Парижу,
Рубясь, пешком иль на коне.]

Она готова хоть в пустыню
Бежать со мной, презрев молву.
Хотите знать мою богиню,
Мою севильскую графиню?..
Нет! ни за что не назову!

* * *

Я здесь, Инезилья,
Стою под окном!
Объята Севилья
И мраком, и сном!

Исполнен отвагой,
Окутан плащом,
С гитарой и шпагой
Я здесь под окном!

Ты спишь ли? Гитарой
Тебя разбужу!
Проснется ли старый,
Мечом уложу.

Шелковые петли
К окошку привесь...
Что ж медлишь?.. Уж нет ли
Соперника здесь?..

Я здесь, Инезилья,
Стою под окном!
Объята Севилья
И мраком, и сном!

* * *

Румяный критик мой, насмешник толстопузый,
Готовый век трунить над нашей томной музой,
Поди-ка ты сюда, присядь-ка ты со мной,
Попробуй, сладим ли с проклятою хандрой.
Смотри, какой здесь вид: избушек ряд убогой,
За ними чернозем, равнины скат отлогой,
Над ними серых туч густая полоса.
Где нивы светлые? где темные леса?
Где речка? На дворе у низкого забора
Два бедных деревца стоят в отраду взора,
Два только деревца. И то из них одно
Дождливой осенью совсем обнажено,
И листья на другом, размокнув и желтея,
Чтоб лужу засорить, лишь только ждут Борея.
И только. На дворе живой собаки нет.
Вот, правда, мужичок, за ним две бабы вслед,
Без шапки он; несет подмышкой гроб ребенка
И кличет издали ленивого попенка,
Чтоб тот отца позвал, да церковь отворил.
Скорей! ждать некогда! давно бы схоронил.
Что ж ты нахмурился? — Нельзя ли блажь оставить!
И песенкою нас веселой позабавить? —

———

Куда же ты? — В Москву — чтоб графских именин
Мне здесь не прогулять. — Постой — а карантин!
Ведь в нашей стороне индийская зараза.
Сиди, как у ворот угрюмого Кавказа
Бывало сиживал покорный твой слуга;
Что, брат? уж не трунишь, тоска берет — ага!

* * *

[Крив был Гнедич поэт, преложитель слепого Гомера,
Боком одним с образцом схож и его перевод.]

Отрок

Невод рыбак расстилал по брегу студеного моря;
Мальчик отцу помогал. Отрок, оставь рыбака!
Мрежи иные тебя ожидают, иные заботы:
Будешь умы уловлять, будешь помощник царям.

Рифма

Эхо, бессонная Нимфа, скиталась по брегу Пенея.
Феб, увидев ее, страстию к ней воспылал.
Нимфа плод понесла восторгов влюбленного бога;
Меж говорливых Наяд, мучась, она родила
Милую дочь. Ее приняла сама Мнемозина.
Резвая дева росла в хоре богинь-аонид,
Матери чуткой подобна, послушная памяти строгой,
Музам мила; на земле Рифмой зовется она.

Эпиграмма

Не то беда, Авдей Флюгарин,
Что родом ты не русский барин,
Что на Парнасе ты цыган,
Что в свете ты Видок Фиглярин:
Беда, что скучен твой роман.

* * *

Стамбул гяуры нынче славят,
А завтра кованой пятой,
Как змия спящего, раздавят
И прочь пойдут — и так оставят.
Стамбул заснул перед бедой.

Стамбул отрекся от пророка;
В нем правду древнего Востока
Лукавый Запад омрачил —
Стамбул для сладостей порока
Мольбе и сабле изменил.
Стамбул отвык от поту битвы
И пьет вино в часы молитвы.

Там веры чистый луч потух,
Там жены по базару ходят,
На перекрестки шлют старух,
А те мужчин в харемы вводят,
И спит подкупленный евнух.

Но не таков Арзрум нагорный,
Многодорожный наш Арзрум:
Не спим мы в роскоши позорной,
Не черплем чашей непокорной
В вине разврат, огонь и шум.

Постимся мы: струею трезвой
Одни фонтаны нас поят;
Толпой неистовой и резвой
Джигиты наши в бой летят.
Мы к женам, как орлы, ревнивы,
Харемы наши молчаливы,
Непроницаемы стоят.

Алла велик!
                    К нам из Стамбула
Пришел гонимый янычар —
Тогда нас буря долу гнула,
И пал неслыханный удар.
От Рущука до старой Смирны,
От Трапезунда до Тульчи,
Скликая псов на праздник жирный,
Толпой ходили палачи;
Треща в объятиях пожаров,
Валились домы янычаров;
Окровавленные зубцы
Везде торчали; угли тлели;
На кольях скорчась мертвецы
Окоченелые чернели.
Алла велик — тогда султан
Был духом гнева обуян.

Заклинание

О, если правда, что в ночи,
Когда покоятся живые,
И с неба лунные лучи
Скользят на камни гробовые,
О, если правда, что тогда
Пустеют тихие могилы —
Я тень зову, я жду Леилы:
Ко мне, мой друг, сюда, сюда!

Явись, возлюбленная тень,
Как ты была перед разлукой,

Бледна, хладна, как зимний день,
Искажена последней мукой.
Приди, как дальная звезда,
Как легкой звук иль дуновенье,
Иль как ужасное виденье,
Мне всё равно, сюда! сюда!..

17 Зову тебя не для того,
Чтоб укорять людей, чья злоба
Убила друга моего,
Иль чтоб изведать тайны гроба,
Не для того, что иногда
Сомненьем мучусь... но тоскуя
Хочу сказать, что всё люблю я,
Что всё я твой: сюда, сюда!

Герой

Что есть истина?

Друг

Да, слава в прихотях вольна.
Как огненный язык, она
По избранным главам летает,
С одной сегодня исчезает
И на другой уже видна.
За новизной бежать смиренно
Народ бессмысленный привык;
Но нам уж то чело священно,
Над коим вспыхнул сей язык.
На троне, на кровавом поле,
Меж граждан на чреде иной,
Из сих избранных кто всех боле
Твоею властвует душой?

Поэт

Всё он, всё он — пришлец сей бранный,
Пред кем смирилися цари,

Сей ратник, вольностью венчанный,
Исчезнувший, как тень зари.

Друг

Когда ж твой ум он поражает
Своею чудною звездой?
Тогда ль, как с Альпов он взирает
На дно Италии святой;
Тогда ли, как хватает знамя
Иль жезл диктаторский; тогда ль,
Как водит и кругом и вдаль
Войны стремительное пламя,
И пролетает ряд побед
Над ним одна другой вослед;
Тогда ль, как рать героя плещет
Перед громадой пирамид,
Иль как Москва пустынно блещет,
Его приемля, — и молчит?

Поэт

Нет, не у Счастия на лоне
Его я вижу, не в бою,
Не зятем Кесаря на троне;
Не там, где на скалу свою
Сев, мучим казнию покоя,
Осмеян прозвищем героя,
Он угасает недвижим,
Плащом закрывшись боевым.
Не та картина предо мною!
Одров я вижу длинный строй,
Лежит на каждом труп живой,
Клейменный мощною Чумою,
Царицею болезней... он,
Не бранной смертью окружен,
Нахмурясь, ходит меж одрами
И хладно руку жмет Чуме,
И в погибающем уме
Рождает бодрость... Небесами
Клянусь: кто жизнию своей
Играл пред сумрачным недугом,

Чтоб ободрить угасший взор,
Клянусь, тот будет небу другом,
Каков бы ни был приговор
Земли слепой...

Друг

Мечты поэта —
Историк строгой гонит вас!
Увы, его раздался глас, — *
И где ж очарованье света!

Поэт

Да будет проклят правды свет,
Когда посредственности хладной,
Завистливой, к соблазну жадной,
Он угождает праздно! — Нет!
Тьмы низких истин мне дороже
Нас возвышающий обман...
Оставь герою сердце! Что же
Он будет без него? Тиран!..

Друг

Утешься.....

29 сентября 1830
Москва

Стихи, сочиненные ночью во время бессонницы

Мне не спится, нет огня;
Всюду мрак и сон докучный.
Ход часов лишь однозвучный
Раздается близ меня,
Парки бабье лепетанье,
Спящей ночи трепетанье,
Жизни мышья беготня...

* Mémoires de Bourrienne. ⟨Мемуары Бурьена.⟩

Что тревожишь ты меня?
Что ты значишь, скучный шопот?
Укоризна, или ропот
Мной утраченного дня?
От меня чего ты хочешь?
Ты зовешь или пророчишь?
Я понять тебя хочу,
Смысла я в тебе ищу...

* * *

В начале жизни школу помню я;
Там нас, детей беспечных, было много;
Неровная и резвая семья;

Смиренная, одетая убого,
Но видом величавая жена
Над школою надзор хранила строго.

Толпою нашею окружена,
Приятным, сладким голосом, бывало,
С младенцами беседует она.

Ее чела я помню покрывало
И очи светлые, как небеса.
Но я вникал в ее беседы мало.

Меня смущала строгая краса
Ее чела, спокойных уст и взоров,
И полные святыни словеса.

Дичась ее советов и укоров,
Я про себя превратно толковал
Понятный смысл правдивых разговоров,

И часто я украдкой убегал
В великолепный мрак чужого сада,
Под свод искусственный порфирных скал.

[Там] нежила меня [теней] прохлада;
Я предавал мечтам свой юный ум,
И празднomыслить было мне отрада.

Любил я светлых вод и листьев шум,
И белые в тени дерев кумиры,
И в ликах их печать недвижных дум.

Всё — мраморные циркули и лиры,
Мечи и свитки в мраморных руках,
На главах лавры, на плечах порфиры —

Всё наводило сладкий некий страх
Мне на сердце; и слезы вдохновенья,
При виде их, рождались на глазах.

Другие два чудесные творенья
Влекли меня волшебною красой:
То были двух бесов изображенья.

Один (Дельфийский идол) лик младой —
Был гневен, полон гордости ужасной,
И весь дышал он силой неземной.

Другой женообразный, сладострастный,
Сомнительный и лживый идеал —
Волшебный демон — лживый, но прекрасный.

Пред ними сам себя я забывал;
В груди младое сердце билось — холод
Бежал по мне и кудри подымал.

Безвестных наслаждений темный голод
Меня терзал — уныние и лень
Меня сковали — тщетно был я молод —

[Средь отроков] я молча целый день
Бродил угрюмый — всё кумиры сада
На душу мне свою бросали тень.

1830

На перевод Илиады

Слышу умолкнувший звук божественной эллинской речи;
Старца великого тень чую смущенной душой.

* * *

Для берегов отчизны дальной
Ты покидала край чужой;
В час незабвенный, в час печальный
Я долго плакал пред тобой.
Мои хладеющие руки
Тебя старались удержать;
Томленья страшного разлуки
Мой стон молил не прерывать.

9 Но ты от горького лобзанья
Свои уста оторвала;
Из края мрачного изгнанья
Ты в край иной меня звала.
Ты говорила: „В день свиданья
Под небом вечно голубым,
В тени олив, любви лобзанья
Мы вновь, мой друг, соединим“.

17 Но там, увы, где неба своды
Сияют в блеске голубом,
Где тень олив легла на воды,
Заснула ты последним сном.
Твоя краса, твои страданья
Исчезли в урне гробовой —
А с ними поцелуй свиданья...
Но жду его: он за тобой...

* * *

Пред испанкой благородной
Двое рыцарей стоят,
Оба смело и свободно
В очи прямо ей глядят.
Блещут оба красотою,
Оба сердцем горячи,
Оба мощною рукою
Оперлися на мечи.

9 Жизни им она дороже
И, как слава, им мила:
Но один ей мил — кого же
Дева сердцем избрала?
„Кто, реши, любим тобою?“
Оба деве говорят
И с надеждой молодою
В очи прямо ей глядят.

(Из Barry Cornwall)

Here's a health to thee, Mary. *

Пью за здравие Мери,
Милой Мери моей.
Тихо запер я двери
И один без гостей
Пью за здравие Мери.

6 Можно краше быть Мери,
Краше Мери моей,

* 〈Твое здоровье, Мери.〉

Этой маленькой пери;
Но нельзя быть милей
Резвой, ласковой Мери.

11 Будь же счастлива, Мери,
Солнце жизни моей!
Ни тоски, ни потери,
Ни ненастливых дней
Пусть не ведает Мери.

Моя родословная

Смеясь жестоко над собратом,
Писаки русские, толпой,
Меня зовут аристократом.
Смотри, пожалуй, вздор какой!
Не офицер я, не асессор,
Я по кресту не дворянин,
Не академик, не профессор;
Я просто русский мещанин.

9 Понятна мне времен превратность,
Не прекословлю, право, ей:
У нас нова рожденьем знатность,
И чем новее, тем знатней.
Родов дряхлеющих обломок
(И по несчастью не один)
Бояр старинных я потомок:
Я, братцы, мелкий мещанин.

17 Не торговал мой дед блинами,
Не ваксил царских сапогов,
Не пел с придворными дьячками,
В князья не прыгал из хохлов,

И не был беглым он солдатом
Австрийских пудреных дружин;
Так мне ли быть аристократом?
Я, славу богу, мещанин.

Мой предок Рача мышцей бранной
Святому Невскому служил;
Его потомство гнев венчанный,
Иван IV, пощадил.
Водились Пушкины с царями;
Из них был славен не один,
Когда тягался с поляками
Нижегородский мещанин.

Смирив крамолу и коварство,
И ярость бранных непогод,
Когда Романовых на царство
Звал в грамоте своей народ,
Мы к оной руку приложили,
Нас жаловал страдальца сын.
Бывало, нами дорожили;
Бывало... но — я мещанин.

Упрямства дух нам всем подгадил:
В родню свою неукротим,
С Петром мой пращур не поладил
И был за то повешен им.
Его пример будь нам наукой:
Не любит споров властелин.
Счастлив князь Яков Долгорукой,
Умен покорный мещанин.

Мой дед, когда мятеж поднялся
Средь петергофского двора,
Как Миних, верен оставался
Паденью третьего Петра.
Попали в честь тогда Орловы,
А дед мой в крепость, в карантин,
И присмирел наш род суровый,
И я родился мещанин.

57 Под гербовой моей печатью
Я кипу грамот схоронил,
И не якшаюсь с новой знатью,
И крови спесь угомонил,
Я грамотей и стихотворец,
Я Пушкин просто, не Мусин,
Я не богач, не царедворец,
Я сам большой, я мещанин.

Post scriptum. *

65 Решил Фиглярин, сидя дома,
Что черный дед мой Ганнибал
Был куплен за бутылку рома
И в руки шкиперу попал.

69 Сей шкипер был тот шкипер славный,
Кем наша двигнулась земля,
Кто придал мощно бег державный
Рулю родного корабля.

73 Сей шкипер деду был доступен,
И сходно купленный арап
Возрос усерден, неподкупен,
Царю наперсник, а не раб.

77 И был отец, он Ганнибала,
Пред кем средь чесменских пучин
Громада кораблей вспылала,
И пал впервые Наварин.

81 Решил Фиглярин вдохновенный:
Я во дворянстве мещанин,
Что ж он в семье своей почтенной?
Он?... он в Мещанской дворянин.

* 〈Приписка.〉

* * *

Глухой глухого звал к суду судьи глухого,
Глухой кричал: моя им сведена корова!
Помилуй, возопил глухой тому в ответ:
Сей пустошью владел еще покойный дед.
Судья решил: „чтоб не было разврата,
Жените молодца, хоть девка виновата“.

Цыганы

Над лесистыми брегами,
В час вечерней тишины,
Шум и песни под шатрами
И огни разложены.

Здравствуй, счастливое племя!
Узнаю твои костры:
Я бы сам в иное время
Провождал сии шатры.

Завтра с первыми лучами
Ваш исчезнет вольный след,
Вы уйдете — но за вами
Не пойдет уж ваш поэт.

Он бродящие ночлеги
И проказы старины
Позабыл для сельской неги
И домашней тишины.

1830

* * *

Мы рождены, мой брат названый,
Под одинаковой звездой.
[Киприда, Феб и Вакх румяный]
Играли нашею судьбой.

Явилися мы рано оба
На ипподром, а не на торг
Вблизи Державинского гроба,
И шумный встретил нас восторг.

Твой слог могучий и ⟨*нрзбр*⟩
Какой-то дразнит пародист,
И стих надеждами ⟨*нрзбр*⟩
Жует беззубый журналист.

Но ты, сын [Феба] беззаботный,
Своих возвышенных затей
Не предавал рукой расчетной
Оценке хитрых торгашей.

В одних журналах нас ⟨ругали⟩,
Упреки те же слышим мы,
Мы любим славу ⟨?⟩ да в бокале
Топить разгульные умы.

Избаловало нас начало,
И в гордой лености своей
Заботились мы оба мало
Судьбой гуляющих детей.

* * *

Когда порой воспоминанье
Грызет мне сердце в тишине,
И отдаленное страданье,
Как тень, опять бежит ко мне;
Когда, людей повсюду видя,
В пустыню скрыться я хочу,
Их слабый глас возненавидя, —
Тогда ⟨*нрзбр*⟩ лечу
Не в светлый край, где небо ⟨блещет⟩
Неизъяснимой ⟨синевой⟩,
Где море ⟨теплою волной⟩
На мрамор ветхий тихо плещет,
И лавр и темный кипарис
На воле пышно разрослись,
Где пел Торквато ⟨величавый⟩,
Где и теперь в ⟨тиши ночной⟩
⟨Адриатической волной⟩
Порой далече звонкой славой
Повторены пловца октавы, —
Стремлюсь привычною мечтою
К студеным северным волнам,
Меж белоглавой их толпою
Открытый ⟨?⟩ остров вижу там.
Печальный остров — берег дикой
Усеян зимнею брусникой,
Увядшей тундрою покрыт
И хладной пеною подмыт.
Сюда порою приплывает
[Отважный северный рыбак,]
Здесь рыбарь невод расстилает
[И свой] разводит   очаг.
Сюда погода волновая
Загонит утлый мой челнок.

Болдино. С акварели *П. Ф. Осипова*

1830

* * *

Восстань, о Греция, восстань.
Недаром напрягала силы,
Недаром потрясала брань
Олимп и Пинд и Фермопилы.

Под сенью ветхой их вершин
Свобода юная возникла
На гробах   Перикла
На   мраморных Афин.

Страна героев и богов
Расторгла рабские вериги
При пенье пламенных стихов
Тиртея, Байрона и Риги.

* * *

Опять увенчаны мы славой,
Опять кичливый враг сражен,
Решен в Арзруме спор кровавый,
В Эдырне мир провозглашен.

И [дале] двинулась Россия,
И юг державно облегла
[В свои объятия тугие],
И пол Эвксина подняла.

* * *

„Тебя зову на томной лире,
[Но] где найду мой идеал?
И кто поймет меня в сем мире?“
Но Анатоль не понимал...

* * *

Надо мной в лазури ясной
Светит звездочка одна,
Справа — запад темно-красный,
Слева бледная луна.

* * *

Стою печален на кладбище,
Гляжу кругом — обнажено
Святое смерти пепелище
И степью лишь окружено.
И мимо вечного ночлега
Дорога сельская лежит,
По ней рабочая телега
изредка стучит.
Одна равнина справа, слева,
Ни речки, ни холма, ни древа.
Кой-где чуть видятся кусты.
Немые камни и могилы
И деревянные кресты
Однообразны и унылы.

1830

Медок

(Мѐдок в Уаллах)

Попутный веет ветр. — Идет корабль, —
Во всю длину развиты флаги, вздулись
Ветрила все, — идет, и пред кормой
Морская пена раздается. — Многим
Наполнилася грудь у всех пловцов —
Теперь, когда свершен опасный путь,
Родимый край они узрели снова;
Один стоит, вдаль устремляя взоры,
И в темных очерках <?> ему рисует
Мечта давно знакомые предметы,
Залив и мыс, — пока недвижны очи
Не заболят. Товарищу другой
Жмет руку и приветствует с отчизной,
И господа благодарит, рыдая.
Другой, безмолвную творя молитву
Угоднику и [деве] пресвятой,
И милостынь, и дальних поклонений
Старинные обеты обновляет,
[Когда] найдет он всё благополучно.
Задумчив, нем и ото всех далече
Сам Мѐдок погружен в моленьях
О славном подвиге, то в снах надежды,
То в горестных предчувствиях и страхе.
Прекрасен вечер, и попутный ветр
Звучит меж вервей; корабль надежный быстро
Бежит, шумя, меж волн. Садится солнце.

* * *

Зачем я ею [очарован]?
Зачем расстаться должен с ней?
Когда б я не был избалован
Цыганской жизнию моей

Она [глядит на] вас так нежно,
Она лепечет так небрежно,
Она так тонко весела,
Ее глаза так полны чувством,
Вечор она с таким искусством
Из-под накрытого стола
Мне свою ножку подала.

* * *

„Женись“. — На ком? „На Вере Чацкой“.
— Стара. „На Радиной“. — Проста.
„На Хальской“. — Смех у ней дурацкой.
„На Шиповой“. — Бедна, толста.
„На Минской“. — Слишком томно дышет.
„На Торбиной“. — Романсы пишет.
„На Маше Липской“. — Что за тон!
Гримас, ужимок миллион.
„На Лидьи —“. — Что за семейство!
У них орехи подают,
Они в театре пиво пьют.
[Целует] мать, отец дурак.
„Ну, так <на> Ленской <?>“ — Как не так!
Приму в родство себе лакейство.

1814

* * *

Мы недавно от печали,
Пущин, Пушкин, я, барон,
По бокалу осушали
И Фому прогнали вон.

1816

Ноэль на лейб-гусарский полк

В конюшнях Левашева
Рождается Христос.
Звезда сияет снова,
Всё с шумом понеслось.
. . . .

Иосиф отпер ворота:
„ . . . потише, господа,
Ведь вы здесь не в харчевне“.

9 . . . .
. . . .
Изрек, хлыстом махая,
Полковник филантроп.
. . . .
Я славной Пукаловой друг
. . . хоть тысячи услуг
. . . .

17 Вдруг сабля застучала,
Сияет аксельбант,
Лихого генерала
Вбегает адъютант.
. . . . мой генерал доволен.
Что здесь Христос живет?
. . . а сам он не придет,
От дев немного болен.

1817

Есть в России город Луга
Петербургского округа;
Хуже не было б сего
Городишки на примете,
Если б не было на свете
Новоржева моего.

* * *

Венец желаниям! Итак, я вижу вас,
О други смелых муз, о дивный Арзамас! *

Где славил наш Тиртей „кисель“ и Александра,
Где смерть Захарову пророчила Кассандра, **

в беспечном колпаке,
С гремушкой, лаврами и с розгами в руке.

1818

* * *

Она мила, твоя подруга —
[Ее прекрасен —]

* * *

[Сиятельный Аристофан!
Сиятельный больной всегда мне]

* * *

О ты, надежда нашей сцены.
Уж всюду торжества готовятся твои
На пышных играх Мельпомены,
У тихих алтарей любви.
Явилась ты пред нами в первый раз

* ⟨Неизвестны следующие, по меньшей мере, четыре стиха.⟩
** ⟨Между этим стихом и следующим, первая половина которого неизвестна, должно быть еще какое-то количество стихов.⟩

1819

Послание к А. И. Тургеневу

В себе все блага заключая,
Ты, наконец, к ключам от рая
Привяжешь камергерский ключ.

На А. С. Стурдзу

Вкруг я Стурдзы хожу,
Вкруг библического;
Я на Стурдзу гляжу
Монархического.

* * *

Милый мой, сегодня
Ожидает сводня
Бешеных повес.
Вакх и Геркулес,
Бахус будет дома,
Приглашает 〈?〉 он —
Три бутылки рома
С бочкою

* * *

шляпа с розами
И грудь открытая, и эти кружева,
И на одно плечо накинутая шаль.

* * *

Свободы друг уединенный
В [сени пленительных] дубрав
Я был свидетель умиленный
[Ее младенческих] забав.

Она цвела передо мною,
И ⟨я⟩ чудесной красоты
Уже отгадывал мечтою
Еще неясные черты.

И мысль об ней одушевила
[Моей] цевницы первый звук
И к   приучила

* * *

[Красноречивый забияка,
Повеса, пламенный поэт.]

* * *

Ты мне велишь открыться пред тобою —
Я назовусь — дерзал я обожать,
Но страсть одна повелевала мною,

* * *

Оставь, о Лесбия, лампаду
Близ ложа тихого любви.

1820

* * *

Я видел Азии бесплодные пределы,
Кавказа дальный край, [пустынный], обгорелый,
Жилище [дикое] черкесских табунов.
[Я видел мрачных гор] вершины,
Обвитые венцом летучим облаков,
И закубанские равнины.
[Ужасный край чудес!] — там жаркие ручьи
Кипят в утесах раскаленных.
Благословенные струи!
Надежда верная болезнью изнуренных.
[Мой взор встречал] близ дивных берегов
Увядших юношей пиров,
На [муку] тайную Киприлой осужденных,
И хилых стариков в печальных сединах.

* * *

[Жуковский,
Как ты шалишь и как ты мил,
Тебя хвалить, тебя порочить.]

1821

* * *

Эллеферия, пред тобой
Затмились прелести другие,
Горю тобой
Я твой навек, Эллеферия!

Ее пугает света шум,
Придворный блеск ей неприятен,
Люблю в ней пылкий, [резвый] ум,
И сердцу глас ее понятен.

На юге, в мирной темноте
Живи со мной, Эллеферия,
Твоей   красоте
Вредна холодная Россия.

* * *

                    во дни Дадона
Был монастырь, где чернецы
Без правила ⟨и⟩ без закона

* * *

Вы, дни, [протекшие]
В беспечных радостях, в живом очарованьи —
Теките медленней в моем воспоминаньи.

* * *

Одна черта руки моей,
Тебе довольно, друг мой нежный —

* * *

            до меня доходят,
И звуки [мне знакомых] струн
Печаль на душу мне наводят.

[Молвой покинутый изгнанник,
В степях Молдавии забыт].

[Непримиримою] судьбою
Певцы давно разлучены...
Их лиры ветреной порою
Не славят счастье чередою;
Умы тоской омрачены!

[Младых пиров] утихли смехи
Утих безумства вольный глас,
Любовницы забыли нас,
И разлетелися утехи.

* * *

Генерал не попал *

Но к обеду опоздал
И [вздыхает] Зоя

* * *

[Вдали тех пропастей глубоких,
Где в муках вечных и жестоких]

Где слез во мраке льются реки,
Откуда изгнаны навеки
Надежда, мир, любовь и сон,
Где море адское клокочет,
Где, [грешника] внимая стон,
Ужасный Сатана хохочет

---

* ⟨Следующий стих не написан.⟩

1822

* * *

Недаром ты ко мне воззвал
Из глубины глухой темницы.

* * *

Зачем раздался гром войны
Во славном царстве Зензевея?
Поля и села зажжены

[Народ <*нрзбр*>. Гремят народны клики.
Пред теремом грузинского владыки
Съезжаются могучие цари,
Царевичи, князья, богатыри.
[Царь Зензевей] их ласково встречает,
Готовит пир горой, и ровно сорок дней
Своих гостей он пышно угощает],

Себе ты выбрал, Зензевей,
Кого союзником и другом?
Кто будет счастливым супругом
Царевны, дочери твоей?
Она мила, как [ландыш] мая,
Резва, как лань кавказских гор.

* * *

Дай, Никита, мне одеться:
В митрополии звонят.

* * *

Чугун кагульский, ты священ
Для русского, для друга славы, —
Ты средь торжественных знамен
Упал горящий и кровавый,
Героев севера губя,
Но

* * *

Нет ветра — синяя волна
На прах Афин катится.*

Высокая могила зрится.

* * *

[Поля и горы ночь объемлет.]
[В лесу под] сению небес
Ипсиланти дремлет.

* 〈Следующий стих не написан.〉

1823

* * *

Мой пленник вовсе не любезен;
Он хладен, [скучен], бесполезен —
Всё так, — но пленник мой — не я.

Напрасно   славил,
Дидло плясать его заставил,
Мой пленник следственно не я.

* * *

Жуковский — святой
Парнасский чудотворец
царедворец,
Крылов разбит параличем

* * *

[Скажи] — не я ль тебя заметил
В толпе застенчивых подруг,
[Твой первый взор не я ли] встретил,
Не я ли был <твой> первый друг?

* * *

Улыбка уст, улыбка взоров.

1824

Ф. Ф. Вигелю

Скучной ролью Телемака
Я наскучил, о друзья,
О, Москва, Москва-Итака!
Скоро ли тебя увижу я?

* * *

Мадам Ризнич с римским носом

* * *

Слаб и робок человек,
Слеп умом — и всё тревожит.

* * *

Я не дремал
сон изнеможенья,
И пролетели надо мной
Разнообразные виденья.
Приснились мне древа и воды
и шум и тень

* * *

Они твердили: пусть виденья
Толкует хитрый Магомет,
Они ума его ‹творенья›,
Его ль нам слушать — он поэт!..

* * *

Иван-царевич по лесам
За бурым волком раз гонялся.

1825

* * *

Quand au doux sein de l'oubli
La rose éblouissante a terminé sa vie,

———

Quand au front du convive au beau sein de ‹*нрзбр*›
Soudain de sa tige natale
Comme un léger soupir
Sa douce âme s'exhale,

———

Ses mânes parfumées
Vont charmer du Lethé les bords inanimés.*

---

* ‹Когда в сладостном лоне забвенья
Блистательная роза окончила свои дни,

———

Когда на челе сотрапезника в отрадном лоне
Нежданно с родимого стебля,
Как легкий вздох
Улетучивается ее сладостная душа,

———

Ее благоуханная тень,
Будет услаждать нежилые берега Леты›

* * *

Он вежлив был в иных прихожих,
Но дома скучен, сух и горд.

* * *

Заступники кнута и плети!
Все наши женщины и дети,*

За вас молить [я] бога буду
И никогда не позабуду.
[Когда ⟨же к⟩ делу] позовут
Меня на ⟨*нрзбр*⟩ расправу,
За ваше здравие и славу
[Влепить]   мой первый кнут.

* * *

Скажи мне, ночь, зачем твой тихий мрак
Мне радостней

Кюхельбекеру

[Да сохранит тебя твой добрый гений
Под бурями и в тишине]

---

* ⟨Следующий стих не написан.⟩

* * *

Но ты забудь меня, мой друг,
Забудь меня, как забывают
Томительный, печальный сон —
Когда [поутру] освещают

* * *

Когда б ты родилась

* * *

[Так] на ⟨*нрзбр*⟩ страницы
Пылая капает сургуч.

* * *

Играй, прелестное дитя,
Летай за бабочкой летучей,
Поймай, поймай ⟨ее⟩ шутя
Над розой колючей
отпустя,
Но не советую тебе
Играть с уснувшим змием —
Завидуя [его] судьбе
[Готовы]
[Искусным пойманный] перстом.

1826

* * *

О ты, который сочетал
С глубоким чувством вкус толь верный,
И точный ум, и [слог примерный],
[О ты, который] избежал
[Сентиментальности] манерной,
[И самый легкий мадригал
Умел]

1828

* * *

Символы верности любя,
Она супруга почитает

* * *

То было вскоре после боя.
Как Счастье бросило героя,
И рать побитая кругом
Лежала

* * *

[Проснулся я, — а небосклон]
Еще   почивает.

* * *

На разность утренних одежд

* * *

[Пока в нас сердце замирает]

* * *

В рюмке светлой предо мною
Брыжжет, пенится вино.

1829

* * *

Трудясь над образом прелестной Ушаковой

* * *

О, сколько нам открытий чудных
Готовят просвещенья дух
И опыт, [сын]

* * *

Сей белокаменный фонтан,
Стихов узором испещренный,
[Железный ковшик]
[цепью прикрепленный]

[Кто б ни был ты — пастух,]
[Рыбак иль странник утомленный,
Приди и пей.]

1830

* * *

В пустыне
[Пробился ключ],
Обложен камнями простыми.

* * *

Тому мгновенье
Она цвела, свежа, пышна —
И вот уж вянет — и
[опалена]
Иль жар твоей груди
Младую розу опалил —

* * *

Строгий свет
Смягчил свои предубежденья
Или простил мне заблужденья
Давно минувших темных лет.

КОЛЛЕКТИВНОЕ *

1816

* * *

Там — громкой славою **
Сильной державою
　　Мир он покрыл,
Здесь безмятежною
Сенью надежною,
Благостью нежною
　　Нас осенил.

Брани в ужасный час
Мощно хранила нас
　　Верная длань.
Глас умиления,
Благодарения,
Сердца стремления —
　　Вот наша дань!

---

* В тексте стихотворений принадлежащее определенно не Пушкину напечатано петитом.

** ⟨Стихи Пушкина являются продолжением гимна, начатого В. А. Жуковским.⟩

Куплеты

На слова: „Никак нельзя — ну так и быть".

Я прав, он виноват; решите.
Петра вот Первого указ,
Экстракт и опись и приказ,
В мою вы пользу рассудите,
Почтенный господин судья? —
— Никак нельзя!

Прикажете ль лошадок вятских
Четверку вам в конюшню свесть?
— Постойте... кажется мне... есть
Статья... да, нет, ведь то в Сенатских,
Но, чтобы вас не погубить,
Ну, так и быть.

Клит малый добрый, не деритесь,
Он вас обидеть не хотел,
И сделать этого б не смел.
За что вам драться? помиритесь, —
Дамону говорят друзья.—
— Никак нельзя!

Но Клит идет, идет не струся,
Дугой согнулся страшный ус,
Он с саблей — тут притих мой трус.
— По вашей просьбе помирюся,
И впрямь за что его убить?
Ну, так и быть.

Куплеты

На слова: „С позволения сказать“.

С позволения сказать,
Я сердит на вас ужасно,
Нет! вы просите напрасно,
Не хочу пера марать;
Можно ль честному поэту
Ставить к каждому куплету:
„С позволения сказать“?

С позволения сказать,
Престарелые красотки,
Пересчитывая чотки,
Станут взапуски кричать:
„Это что?“ Да, это скверно!
Сочинитель песни верно,
С позволения сказать...

С позволения сказать,
Есть над чем и посмеяться,
Надо всем, друзья, признаться,
Глупых можно тьму сыскать
Между дам и между нами,
Даже, даже... меж царями,
С позволения сказать.

С позволения сказать,
Доктор мой кнута достоин,
Хоть он трус, хоть он не воин,
Но уж может воевать,
Лечит делом и словами,
Да потом и в гроб пинками,
С позволения сказать.

С позволения сказать,
Моськина, по мне, прекрасна;
Знаю, что она опасна;
Мужу хочется бодать,

Но гусары ведь невинны,
Что у мужа роги длинны,
С позволения сказать.

36 С позволения сказать,
Много в свете рифмодеев,
Всё ученых грамотеев,
Чтобы всякий вздор писать;
Но, в пример и страх Европы,
Многим можно б высечь - - ,
С позволения сказать.

1817

Гауншильд и Энгельгардт,
Карцов и Кошанский,
И танцмейстер Эбергардт,
И Эбергардт кавказский,
Все, как отставной солдат,
Тянут песнь унылу:
„Господа - - - !
Господи помилуй!“

9 Боже мой, ох, боже мой!
Господи мой боже!
Вот приходит год шестой,
И экзамен тоже.
Что ж? какой нам аттестат
Выдали насилу?
„Господа - - - !
Господи помилуй!“

* * *

Писать я не умею,
(Я много уписал).
Я дружбой пламенею,
Я дружбе верен стал.
Мне дружба заменяет
Умершую любовь!
Пусть жизнь нам изменяет;
Что было — будет вновь.

Кн. П. А. Вяземскому

Зачем, забывши славу,
Пускаешься в Варшаву?

Ужель ты изменил
Любви и дружбе нежной,
И резвости небрежной?

Но ты всё так же мил...
Всё мил — и неизменно
В душе твоей живет
Всё то, что в цвете лет
Столь было нам бесценно..

1819

Баллада

Что ты, девица, грустна,
    Молча присмирела.

Хоровод забыв, одна
    В уголку присела?
„Именинницу, друзья,
    Нечем позабавить.
Думала в балладе я
    Счастье наше славить.
Но Жуковский наш заснул,
    Гнедич заговелся,
Пушкин бесом ускользнул,
    А Крылов объелся".

Вот в гостиной стол накрыт —
    Поскорее сядем,
В рюмках пена закипит,
    И балладу сладим:
Вот и слажена она —
    Нужны ли поэты? —
Рюмки высушив до дна,

Скажем: многи леты
Той, которую друзьям
Век любить не поздно!
Многи лета также нам,
Только с ней нерозно.

1825

Элегия на смерть Анны Львовны

Ох, тетенька! ох, Анна Львовна,
Василья Львовича сестра!
Была ты к маменьке любовна,
Была ты к папеньке добра,
Была ты Лизаветой Львовной
Любима больше серебра;
Матвей Михайлович, как кровный,
Тебя встречал среди двора.
Давно ли с Ольгою Сергевной,
Со Львом Сергеичем давно ль,
Как бы на смех судьбины гневной,
Ты разделяла хлеб да соль.
Увы! зачем Василий Львович
Твой гроб стихами обмочил.
Или зачем подлец попович,
Его Красовский пропустил!

1826

Нравоучительные четверостишия

Равновесие

О мирный селянин! В твоем жилище нет
Ни злата, ни сребра, но ты счастлив стократно:
С любовью, с дружбой ты проводишь дни приятно,
А в городе и шум, и пыль, и стук карет!

Верное предсказание

„Пройдет ли мой недуг?“ — лев у осла спросил.
Осел ответствовал: „О царь, сильнейший в мире!
Когда ты не умрешь, то будешь жив, как был“:
Два раза два — четыре.

Справедливость пословицы

Одна свеча избу лишь слабо освещала;
Зажгли другую, — что ж? изба светлее стала.
Правдивы древнего речения слова:
Ум хорошо, а лучше два.

Мстительность

Пчела ужалила медведя в лоб,
Она за соты мстить обидчику желала!
Но что же? Умерла сама, лишившись жала.
Какой удел того, кто жаждет мести? — Гроб.

Непоколебимость

— Познай, светлейший лев, смятения вину, —
Рек слон: — в народе бунт! Повсюду шум и клики!
„Смирятся, — лев сказал, — лишь гривой я тряхну“.
Опасность не страшна для мощного владыки.

Сила и слабость

Орел бьет сокола, а сокол бьет гусей;
Страшатся щуки крокодила;
От тигра гибнет волк, а кошка ест мышей.
Всегда имеет верх над слабостию сила.

Лебедь и гусь

Над лебедем желая посмеяться,
Гусь тиною его однажды замарал;
Но лебедь вымылся и снова белым стал.
Что делать, если кто замаран?.. Умываться.

Мартышка

Мартышка, с юных лет прыжки свои любя,
И дряхлая еще сквозь обручи скакала;
Что ж вышло из того? — лишь ноги изломала.
Поэт! На старости побереги себя!

Общая судьба

Во ржи был василек прекрасный,
Он взрос весною, летом цвел
И, наконец, увял в дни осени ненастной.
Вот смертного удел!

Безвредная ссора

За кость поссорились собаки,
Но, поворчавши, унялись
И по домам спокойно разошлись.
Бывают ссоры и без драки.

Закон природы

Фиалка в воздухе свой аромат лила,
А волк злодействовал в пасущемся народе;
Он кровожаден был, фиалочка — мила:
Всяк следует своей природе.

1827

Эпиграмма на кн. П. И. Шаликова

Князь Шаликов, газетчик наш печальный,
Элегию семье своей читал,
А казачок огарок свечки сальной
В руках со трепетом держал.
Вдруг мальчик наш заплакал, запищал.
„Вот, вот, с кого пример берите, дуры! —
Он дочерям в восторге закричал. —
Откройся мне, о милый сын натуры,
Ах! Что слезой твой осребрило взор?“
А тот ему в ответ: „Мне хочется на двор“.

1828

* * *

Любезнейший наш друг, о ты, Василий Львович!
Буянов в старину, а нынешний Храбров,
Меж проповедников Парнаса — Прокопович!
Пленительный толмач и граций и скотов,
Что делаешь в Москве, первопрестольном граде?
А мы печемся здесь о вечном винограде,
И соком лоз его пьем здравие твое

DUBIA

1809—1811

Dis moi, pourquoi „L'Escamoteur“
Est-il sifflé par le parterre?
— Hélas — c'est que le pauvre auteur
L'escamota de Molière.*

* * *

Je chante ce combat, que Toly remporta,
Où maint guerrier périt, où Paul se signala,
Nicolas Maturin et la belle Nitouche,
Dont la main fut le prix d'une horrible escarmouche.**

---

* 〈Скажи, за что „Похититель“
Освистан партером?
„Увы — за то, что бедняга-сочинитель
Его похитил у Мольера“.〉

** 〈Пою тог бой, в котором Толи одержал верх,
Где немало бойцов погибло, где Поль отличился,
Николая Матюрена и красавицу Нитуш,
Ксей рука была наградою победителю в ужасной схватке.〉

1812—1813

Двум Александрам Павловичам

Романов и Зернов лихой,
Вы сходны меж собою:
Зернов, хромаешь ты ногой,
Романов головою.
Но что, найду ль довольно сил
Сравненье кончить шпицем?
Тот в кухне нос переломил,
А тот под Австерлицем.

1814

Гараль и Гальвина

Взошла луна над дремлющим заливом,
В глухой туман окрестности легли;
Полночный ветр качает корабли
И в парусе шумит нетерпеливом.
Взойдет заря — далек их будет строй.
Остри свой меч, воитель молодой!

Где ты, Гараль? Печальная Гальвина
Ждет милого в пещерной темноте.
Спеши, Гараль, к унылой красоте!
Заря блеснет, — и гордая дружина
Умчится вдаль, грозящая войной.
Где ты, где ты, воитель молодой?

Гальвина с ним. О, сколько слез печали,
И сколько слез восторгов и любви!
Но край небес бледнеет, и вдали
Редеет тень. Уж латы зазвучали;
Близка заря, несется шум глухой...
Что медлишь ты, воитель молодой?

Призывному Гальвина клику внемлет,
Тоски, надежд и робости полна.
Едва дыша, разлуки ждет она;
Но юноша на персях девы дремлет.
Призывы битв умолкли за горой, —
Не слышал их воитель молодой.

Уже суда покинуть брег готовы,
К ним юноши с веселием бегут,
Прощальну длань подругам подают.
Златой зари раскинулись покровы;
Но, утомлен любовью и тоской,
Покоится воитель молодой.

Пылает день. Он открывает очи.
Гальвина мнит ласкающей рукой
Сокрыть от глаз досадный свет дневной.
„Прости, пора! сокрылись тени ночи:
Спешу к мечам!“ — воскликнул — и стрелой
Летит на брег воитель молодой.

Но тихо всё; лишь у пустого брега
Подъемлется шумящая волна;
Лишь дева там, печальна и бледна,
И вдалеке плывут ладьи набега.
О, для чего печальной красотой
Пленялся ты, воитель молодой?

Она в слезах; в немой воитель думе.
„О милый друг! О жизнь души моей!
Что слава нам? Что делать средь мечей?
Пускай другой несется в бранном шуме;
Но я твоя, ты вечно, вечно мой!
Забудь войну, воитель молодой!“

Гараль молчал. Надменное ветрило
Его звало к брегам чужой земли;
Но с бурею так быстро корабли
Летели вдаль, и дева так уныло
Его влекла трепещущей рукой...
Всё, всё забыл воитель молодой!

55 И он у ног своей подруги нежной
Сказал: „Пускай гремят набег и брань:
Забыла меч ослабленная длань!“
Их дни слились в отраде безмятежной;
Лишь у брегов, терзаемых волной,
Дрожа, краснел воитель молодой.

61 Но быстро дни восторгов пролетели.
Бойцы плывут к брегам родной земли;
Сыны побед с добычей притекли,
И скальды им хваленья песнь воспели.
Тогда поник бесславною главой
На пиршествах воитель молодой.

67 Могучие наперсники судьбины
К ногам невест повергли меч и щит;
Кровавый меч героев не лежит
У ног одной оставленной Гальвины.
Красавица вздохнула, — и другой
Ее пленил воитель молодой.

73 С тех пор один бродил Гараль унылый;
Умолк его веселый прежде глас,
Лишь иногда в безмолвный ночи час
Уединен шептал он имя милой.
Война зажглась, — и встречи роковой
Пошел искать воитель молодой.

Исповедь бедного стихотворца

Священник

Кто ты, мой сын?

Стихотворец

Отец, я бедный однодворец,
Сперва подьячий был, а ныне стихотворец.
Довольно в целый год бумаги исчертил;
Пришел покаяться — я много нагрешил.

Священник

Поближе. Наперед скажи мне откровенно,
Намерен ли себя исправить непременно?

Стихотворец

Отец, я духом слаб, не смею слова дать.

Священник

Старался ль ты закон господний соблюдать
И кроме вышнего не чтить другого бога?

Стихотворец

Ах, с этой стороны я грешен очень много:
Мне богом было — *я*, любви предметом — *я*,
В *я* заключалися и братья и друзья,
Лишь *я* был мой и царь и демон-обладатель;
А что всего тошней, лишь *я* был мой читатель.

Священник

Вторую заповедь исполнил ли, мой сын?

Стихотворец

Кумиров у меня бывало не один:
Любил я золото и знатным преклонялся,
Во всякой песенке Глафирами пленялся,

Которых от роду хотя и не видал,
Но тем не менее безбожно обожал.

Священник

А имя божие?

Стихотворец

Когда не доставало
Иль рифмы иль стопы, то, признаюсь, бывало
И имя божие вклею в упрямый стих.

Священник

А часто ль?

Стихотворец

Да во всех элегиях моих;
Там можешь, батюшка, прочесть на каждой строчке
„Увы!“ и „се“, и „ах“, „мой бог!“ тире да точки.

Священник

Нехорошо, мой сын! А чтишь ли ты родных?

Стихотворец

Не много! Да к тому ж не знаю вовсе их,
Зато своих я чад люблю и чту душою.

Священник

Как время проводил?

Стихотворец

Я летом и зимою
Пять дней пишу, пишу, печатаю в шестой,
Чтоб с горем пополам насытиться в седьмой.
А в церковь некогда: в передней Глазунова
Я по три жду часа с лакеями Графова.

Священник

Убийцей не был ли?

Стихотворец

Ах, этому греху,
Отец, причастен я, покаюсь на духу.
Приятель мой Дамон лежал при смерти болен.
Я навестил его; он очень был доволен;
Желая бедному страдальцу угодить,
Я оду стал ему торжественно твердить.
И что же? Бедный друг! Он со строфы начальной
Поморщился, кряхтел... и умер.

Священник

Не похвально.
Но вот уж грех прямой: ведь ты прелюбодей!
Твои стихи...

Стихотворец

Всё лгут, а на душе моей,
Ей-богу, я греха такого не имею;
По моде лишний грех взвалил себе на шею.
А правду вымолвить — я сущий Эпиктет,
Воды не замутить, предобренький поэт.

Священник

Да, лгать нехорошо. Скажи мне бога ради:
Соблюл ли заповедь хоть эту: *не укради*?

Стихотворец

Ах, батюшка, грешон! Я краду иногда!
(К тому приучены все наши господа),
Словцо из Коцебу, стих целый из Вольтера,
И даже у своих; не надобно примера.
Да как же без того беднягам нам писать?
Как мало своего — придется занимать.

Священник

Нехорошо, мой сын, на счет чужой лениться,
Советую тебе скорее отучиться
От этого греха. На друга своего
Не доносил ли ты и ложного чего?

Стихотворец

Лукавый соблазнил. Я малый не богатый —
За деньги написал посланье длинновато,
В котором Мевия усердно утешал —
Он, батюшка, жену недавно потерял.
Я публике донес, что бедный горько тужит,
А он от радости молебны богу служит.

Священник

Вперед не затевай, мой сын, таких проказ.
Завидовал ли ты?

Стихотворец

Завидовал не раз,
Греха не утаю, — богатому соседу,
Хоть не ослу его, но жирному обеду
И бронзе, деревням и рыжей четверне,
Которых не иметь мне даже и во сне.
Завидовал купцу, беспечному монаху,
Глупцу, заснувшему без мыслей и без страху,
И, словом, всякому, кто только не поэт.

Священник

Худого за собой не знаешь больше?

Стихотворец

Нет.
Во всем покаялся; греха не вспомню боле,
Я вечно трезво жил, постился поневоле
И ближним выгоду не раз я доставлял:
Частенько одами несчастных усыплял.

Священник

Послушай же теперь полезного совета:
Будь добрый человек из грешного поэта.

1815

Вишня

Румяной зарею
Покрылся восток,
В селе за рекою
Потух огонек.

Росой окропились
Цветы на полях,
Стада пробудились
На мягких лугах.

Туманы седые
Плывут к облакам,
Пастушки младые
Спешат к пастухам.

С журчаньем стремится
Источник меж гор,
Вдали золотится
Во тьме синий бор.

Пастушка младая
На рынок спешит
И вдаль, припевая,
Прилежно глядит.

Румянец играет
На полных щеках,
Невинность блистает
На робких глазах.

Искусной рукою
Коса убрана,
И ножка собою
Прельщать создана.

Корсетом прикрыта
Вся прелесть грудей,
Под фартуком скрыта
Приманка людей.

Пастушка приходит
В вишѐнник густой
И много находит
Плодов пред собой.

Хоть вид их прекрасен
Красотку манит,
Но путь к ним опасен —
Бедняжку страшит.

Подумав, решилась
Сих вишен поесть,
За ветвь ухватилась
На дерево взлезть.

Уже достигает
Награды своей
И робко ступает
Ногой меж ветвей.

Бери плод рукою —
И вишня твоя,
Но, ах! что с тобою,
Пастушка моя?

Вдали усмо̀трела, —
Спешит пастушок;
Нога ослабела,
Скользит башмачок.

И ветвь затрещала,
Беда! смерть грозит!
Пастушка упала,
Но, ах! какой вид...

Сучок преломленный
За платье задел;
Пастух удивленный
Всю прелесть узрел.

Среди двух прелестных
Белей снегу ног,
На сгибах чудесных
Пастух то зреть мог,

Что скрыто до время
У всех милых дам,
За что из Эдема
Был изгнан Адам.

Пастушку несчастну
С сучка тихо снял
И грудь свою страстну
К красотке прижал.

Вся кровь закипела
В двух пылких сердцах,
Любовь прилетела
На быстрых крылах.

Утеха страданий
Двух юных сердец,
В любви ожиданий
Супругам венец.

Прельщенный красою
Младой пастушок
Горячей рукою
Коснулся до ног.

И в миг зарезвился
Амур в их ногах,
Пастух очутился
На полных грудях.

93 И вишню румяну
В соку раздавил,
И соком багряным
Траву окропил.

1816

Завещание Кюхельбекера

Друзья, простите! Завещаю
Вам всё, чем рад и чем богат;
Обиды, песни — всё прощаю,
А мне пускай долги простят.

1818

* * *

Она тогда ко мне придет,
Когда весь мир угомонится:
Когда всё доброе ложится
И всё недоброе встает.

Про себя

Великим быть желаю,
Люблю России честь,
Я много обещаю,
Исполню ли? бог весть!

Наденьке

С тобой приятно уделить
Часок-два-три уединенью:
Один желаньям посвятить,
А два последних — наслажденью.

1816—1820

На Н. И. Гнедича

С тобою в спор я не вступаю,
Что жесткое в стихах твоих встречаю;
Я руку наложил,
Погладил — занозил.

На гр. Д. И. Хвостова

Сожаленье не поможет,
Всё ж мне жаль, что граф Хвостов
Удержать в себе не может
Ни урины, ни стихов.

На Н. М. Карамзина

1

В его „Истории“ изящность, простота
Доказывают нам, без всякого пристрастья,
Необходимость самовластья
И прелести кнута.

2

„Послушайте я сказку вам начну
Про Игоря да про его жену,

Про Новгород, про время золотое,
И, наконец, — про Грозного царя...“—
„И, бабушка, затеяла пустое!
Докончи нам «Илью-богатыря»“.

1820

На Фотия

Полу-фанатик, полу-плут;
Ему орудием духовным
Проклятье, меч, и крест, и кнут.
Пошли нам, господи, греховным
Поменьше пастырей таких, —
Полу-благих, полу-святых.

На кн. А. Н. Голицына

Вот Хвостовой покровитель,
Вот холопская душа,
Просвещения губитель,
Покровитель Бантыша!
Напирайте, бога ради,
На него со всех сторон!
Не попробовать ли сзади?
Там всего слабее он.

К портрету П. Х. Молоствова

Не большой он русский барин,
Дураком он не был ввек,
Он татарин, он татарин,
А не русский человек.

1825

* * *

Расходились по поганскому граду,
Разломали темную темницу.

1826

* * *

Будь подобен полной чаше
[Молодых счастливый дом] —
Непонятно счастье ваше,
Но молчите ж обо всем.

Что за диво, что за каша
Для рассудка моего.
Чорт возьми! но, воля ваша,
Не скажу я ничего.

То-то праздник мне да Маше,
Другу сердца моего;
Никогда про счастье наше
Мы не скажем ничего.

Стойте — тотчас угадаю
Горе сердца твоего.
Понимаю, понимаю! —
Не болтай же ничего.

Строгий суд <и слово> ваше
Ценим более всего.
Вы ль одни про счастье наше
Не сказали ничего!

———

Он мне ровесник, он так мил,
Всегда видала в нем я брата,
Он, как сестру, меня любил.
Скажите, чем я виновата.

Нет, Маша, ты не виновата.

———

И этой свадьбе не бывать.
Кто ты

1827

Кж. С. А. Урусовой

Не веровал я троице доныне:
Мне бог тройной казался всё мудрен:
Но вижу вас и, верой одарен,
Молюсь трем грациям в одной богине.

1820-ые годы

Гр. А. А. Орловой-Чесменской

Благочестивая жена
Душою богу предана,
А грешной плотию
Архимандриту Фотию.

Разговор Фотия с гр. Орловой

„Внимай, что я тебе вещаю:
Я телом евнух, муж душой“.
— „Но что ж ты делаешь со мной?“ —
„ Я тело в душу превращаю“.

* * *

Воды глубокие
Плавно текут,
Люди премудрые
Тихо живут.

Старик

Уж я не тот любовник страстный,
Кому дивился прежде свет:
Моя весна и лето красно
Навек прошли, пропал и след.
Амур, бог возраста младого!
Я твой служитель верный был;
Ах, если б мог родиться снова,
Уж так ли б я тебе служил!

Лицинию

Лициний, зришь ли ты: на быстрой колеснице,
Венчанный лаврами, в блестящей багрянице,
Спесиво развалясь, Ветулий молодой
В толпу народную летит по мостовой?
Смотри, как все пред ним смиренно спину клонят;
Смотри, как ликторы народ несчастный гонят!
Льстецов, сенаторов, прелестниц длинный ряд
Умильно вслед за ним стремит усердный взгляд;
Ждут, ловят с трепетом улыбки, глаз движенья,
Как будто дивного богов благословенья;
И дети малые и старцы в сединах,
Все ниц пред идолом безмолвно пали в прах:
Для них и след колес, в грязи напечатленный,
Есть некий памятник почетный и священный.
О Ромулов народ, скажи, давно ль ты пал?
Кто вас поработил и властью оковал?
Квириты гордые под иго преклонились.
Кому ж, о небеса, кому поработились?
(Скажу ль?) Ветулию! Отчизны стыд моей,
Развратный юноша воссел в совет мужей;
Любимец деспота сенатом слабым правит,
На Рим простер ярем, отечество бесславит;
Ветулий римлян царь!.. О стыд, о времена!
Или вселенная на гибель предана?
Но кто под портиком, с поникшею главою,
В изорванном плаще, с дорожною клюкою,
Сквозь шумную толпу нахмуренный идет?
„Куда ты, наш мудрец, друг истины, Дамет!“
— „Куда: не знаю сам; давно молчу и вижу;
Навек оставлю Рим: я рабство ненавижу“.
Лициний, добрый друг! Не лучше ли и нам,
Смиренно поклонясь Фортуне и мечтам,
Седого циника примером научиться?
С развратным городом не лучше ль нам проститься,

Где всё продажное: законы, правота,
И консул, и трибун, и честь, и красота?
Пускай Глицерия, красавица младая,
Равно всем общая, как чаша круговая,
Неопытность других в наемну ловит сеть!
Нам стыдно слабости, с морщинами, иметь;
Тщеславной юности оставим блеск веселий:
Пускай бесстыдный Клит, слуга вельмож, Корнелий,
Торгуют подлостью и с дерзостным челом
От знатных к богачам ползут из дома в дом!
Я сердцем римлянин, кипит в груди свобода;
Во мне не дремлет дух великого народа.
Лициний, поспешим далеко от забот,
Безумных мудрецов, обманчивых красот!
Завистливой судьбы в душе презрев удары,
В деревню пренесем отеческие лары!
В прохладе древних рощ, на берегу морском,
Найти нетрудно нам укромный, светлый дом,
Где, больше не страшась народного волненья,
Под старость отдохнем в глуши уединенья.
И там, расположась в уютном уголке,
При дубе пламенном, возженном в камельке,
Воспомнив старину за дедовским фиалом,
Свой дух воспламеню жестоким Ювеналом,
В сатире праведной порок изображу
И нравы сих веков потомству обнажу.
О Рим, о гордый край разврата, злодеянья!
Придет ужасный день, день мщенья, наказанья.
Предвижу грозного величия конец:
Падет, падет во прах вселенныя венец.
Народы юные, сыны свирепой брани,
С мечами на тебя подымут мощны длани,
И горы, и моря оставят за собой
И хлынут на тебя кипящею рекой.
Исчезнет Рим; его покроет мрак глубокой;
И путник, устремив на груды камней око,
Воскликнет, в мрачное раздумье углублен:
„Свободой Рим возрос, а рабством погублен“.

Гроб Анакреона

Всё в таинственном молчаньи;
Холм оделся темнотой;
Ходит в облачном сияньи
Полумесяц молодой.
Вижу: лира над могилой
Дремлет в сладкой тишине;
Лишь порою звон унылый,
Будто лени голос милый,
В мертвой слышится струне.
Вижу: горлица на лире,
В розах кубок и венец...
Други, здесь почиет в мире
Сладострастия мудрец.
Посмотрите: на порфире
Оживил его резец!
Здесь он в зеркало глядится
Говоря: „я сед и стар;
Жизнью дайте ж насладиться;
Жизнь, увы, не вечный дар!"
Здесь, подняв на лиру длани
И нахмуря важно бровь,
Хочет петь он бога брани,
Но поет одну любовь.
Здесь готовится природе
Долг последний заплатить;
Старец пляшет в хороводе,
Жажду просит утолить.
Вкруг любовника седого
Девы скачут и поют;
Он у времени скупого
Крадет несколько минут.
Вот и музы, и хариты
В гроб любимца увели;
Плющем, розами увиты,
Игры вслед за ним пошли.

Он исчез, как наслажденье,
Как веселый сон любви.
Смертный, век твой привиденье:
Счастье резвое лови;
Наслаждайся, наслаждайся,
Чаще кубок наливай;
Страстью пылкой утомляйся
И за чашей отдыхай!

Амур и Гименей

Сегодня, добрые мужья,
Повеселю вас новой сказкой.
Знавали ль вы, мои друзья,
Слепого мальчика с повязкой?
Слепого?.. Вот? Помилуй, Феб!
Амур совсем, друзья, не слеп.
Но шалуну пришла ж охота,
Чтоб, людям на смех и на зло,
Его безумие вело.
Безумие ведет Эрота,
Но вдруг, не знаю почему,
Оно наскучило ему.
Взялся за новую затею:
Повязку с милых сняв очей,
Идет проказник к Гименею...
А что такое Гименей?
Он сын Вулкана молчаливый,
Холодный, дряхлый и ленивый,
Ворчит и дремлет целый век,
А впрочем добрый человек,
Да нрав имеет он ревнивый.
От ревности печальный бог
Спокойно подремать не мог:
Всё трусил маленького брата,
За ним подсматривал тайком
И караулил супостата

С своим докучным фонарем.
Вот мальчик мой к нему подходит
И речь коварную заводит:
„Развеселися, Гименей!
Ну, помиримся, будь умней!
Забудь, товарищ мой любезный,
Раздор смешной и бесполезный!
Да только навсегда, смотри!
Возьми ж повязку в память, милый,
А мне фонарь свой подари!“
И что ж? Поверил бог унылый.
Амур от радости прыгнул,
И на глаза со всей он силы
Обнову брату затянул.
Гимена скучные дозоры
С тех пор пресеклись по ночам;
Его завистливые взоры
Теперь не страшны красотам;
Спокоен он, но брат коварный,
Шутя над честью и над ним,
Войну ведет, неблагодарный,
С своим союзником слепым.
Лишь сон на смертных налетает,
Амур в молчании ночном
Фонарь любовнику вручает,
И сам счастливца провожает
К уснувшему супругу в дом;
Сам от беспечного Гимена
Он охраняет тайну дверь...
Пойми меня, мой друг Елена,
И мудрой повести поверь!

К Морфею

Морфей, до утра дай отраду
Моей мучительной любви.
Приди, задуй мою лампаду,
Мои мечты благослови!
Сокрой от памяти унылой
Разлуки страшный приговор!
Пускай увижу милый взор,
Пускай услышу голос милый.
Когда ж умчится ночи мгла,
И ты мои покинешь очи,
О, если бы душа могла
Забыть любовь до новой ночи!

Друзьям

Богами вам еще даны
Златые дни, златые ночи,
И томных дев устремлены
На вас внимательные очи.
Играйте, пойте, о друзья!
Утратьте вечер скоротечный,
И вашей радости беспечной
Сквозь слезы улыбнуся я.

Шишкову

Шалун, увенчанный Эратой и Венерой,
Ты ль узника манишь в владения свои,
В поместье мирное меж Пиндом и Цитерой,
Где нежился Тибулл, Мелецкий и Парни?
Тебе, балованный питомец Аполлона,
С их лирой соглашать игривую свирель:
Веселье резвое и нимфы Геликона
Твою счастливую качали колыбель.
Друзей любить открытою душою,
В молчаньи чувствовать, пленяться красотою:
Вот жребий мой; ему я следовать готов.
Но, милый, сжалься надо мною,
Не требуй от меня стихов!
Не вечно нежиться в приятном ослепленьи:
Докучной истины я поздний вижу свет,
По доброте души я верил в упоеньи
Мечте, шепнувшей: „ты поэт“ —
И, презря мудрые угрозы и советы,
С небрежной леностью нанизывал куплеты,
Игрушкою себя невинной веселил;
Угодник Бахуса, я, трезвый меж друзьями,
Бывало, пел вино водяными стихами;
Мечтательных Дорид и славил, и бранил,
Иль дружбе плел венок, и дружество зевало,
И сонные стихи впросонках величало.
Но долго ли меня лелеял Аполлон?
Душе наскучили парнасские забавы;
Недолго снились мне мечтанья муз и славы;
И, строгим опытом невольно пробужден,
Уснув меж розами, на тернах я проснулся,
Увидел, что еще не гения печать —
Охота смертная на рифмах лепетать,
Сравнив стихи твои с моими, улыбнулся:
И полно мне писать.

Любопытный

— Что ж нового? — „Ей-богу ничего“.
— Эй, не хитри: ты верно что-то знаешь.
Не стыдно ли, от друга своего,
Как от врага, ты вечно всё скрываешь.
Иль ты сердит? Помилуй, брат, за что?
Не будь упрям: скажи ты мне хоть слово...
— „Ох! отвяжись, я знаю только то,
Что ты дурак, да это уж не ново“.

•

К Каверину, 1817

Забудь, любезный мой Каверин,
Минутной резвости нескромные стихи.
Люблю я первый, будь уверен,
Твои счастливые грехи.
Всё чередой идет определенной,
Всему пора, всему свой миг:
Смешон и ветреный старик,
Смешон и юноша степенный.
Пока живется нам, живи,
Гуляй в мое воспоминанье;
Усердствуй Вакху и любви
И черни презирай ревнивое роптанье;
Она не ведает, что дружно можно жить
С Киферой, с портиком, и с книгой, и с бокалом;
Что ум высокий можно скрыть
Безумной шалости под легким покрывалом.

В. Л. Пушкину

Что восхитительней, живей
Войны, сражений и пожаров,
Кровавых и пустых полей,
Бивака, рыцарских ударов?
И что завидней кратких дней
Не слишком мудрых усачей,
Но сердцем истинных гусаров?
Они живут в своих шатрах,
Вдали забав и нег и граций,
Как жил бессмертный трус Гораций
В тибурских сумрачных лесах;
Не знают света принужденья,
Не ведают, что̀ скука, страх;
Дают обеды и сраженья,
Поют и рубятся в боях.
Счастлив, кто мил и страшен миру;
О ком за песни, за дела
Гремит правдивая хвала;
Кто славил Марса и Темиру
И бранную повесил лиру
Меж верной сабли и седла!

Дельвигу

Любовью, дружеством и ленью
Укрытый от забот и бед,
Живи под их надежной сенью;
В уединении ты счастлив: ты поэт.
Наперснику богов не страшны бури злые:
Над ним их промысел высокий и святой;
Его баюкают камены молодые
И с перстом на устах хранят его покой.
О милый друг, и мне богини песнопенья
Еще в младенческую грудь
Влияли искру вдохновенья
И тайный указали путь:
Я лирных звуков наслажденья
Младенцем чувствовать умел,
И лира стала мой удел.
Но где же вы, минуты упоенья,
Неизъяснимый сердца жар,
Одушевленный труд и слезы вдохновенья! —
Как дым исчез мой легкий дар.
Как рано зависти привлек я взор кровавый
И злобной клеветы невидимый кинжал!
Нет, нет, ни счастием, ни славой,
Ни гордой жаждою похвал
Не буду увлечен! В бездействии счастливом
Забуду милых муз, мучительниц моих;
Но, может быть, вздохну в восторге молчаливом,
Внимая звуку струн твоих.

ВАРИАНТЫ
И
КОММЕНТАРИИ

Стихотворения 1813—1830

1813

3. Послание к Наталье („Так и мне узнать случилось..."). Впервые напечатано В. А. Жуковским в 1841 году в Посмертном изд. соч. Пушкина, т. IX. Печатается по автографу. На основании почерка автографа датируется 1813 годом.

Наталья — актриса крепостного театра гр. В. В. Толстого в Царском Селе.

Стихи эпиграфа взяты Пушкиным из сатиры Пьера Шодерло-де-Лакло „Послание к Марго" (1774).

Ст. 19: *Целадон* — Селадон, герой романа французского писателя Юрфе (1568—1625) „Астрея", платонический, сентиментальный воздыхатель. — Стт. 58—64: *Филимон* и *Анюта* — персонажи оперы Аблесимова „Мельник, колдун, обманщик и сват" (1779). — Стт. 65—67: *Назора* — условное имя театрального персонажа. — Стт. 68—71: *Опекун* (доктор Бартоло) и *Розина* — персонажи комедии Бомарше „Севильский цырюльник" (1775) и оперы того же названия. — Стт. 85—88: *Владетель сераля, араб, турок, учтивый китаец, грубый американец* — персонажи опер и балетов.

7. Монах („Хочу воспеть, как дух нечистый ада..."). Впервые напечатано П. Е. Щеголевым в „Красном Архиве", томы 31 (1928) и 32 (1929). Печатается по автографу. На основании почерка автографа поэма датируется 1813 годом.

Источником сюжета поэмы Пушкина является житие Иоанна Новгородского, в „Четьих-Минеях" Дмитрия Ростовского. Сюжет разработан Пушкиным под сильнейшим воздействием французской литературы и прежде всего „Орлеанской девственницы" Вольтера; влияние поэмы сказалось, кроме отдельных мотивов и выражений, в антиклерикальной направленности, шутливом рассказе, перебиваемом лирическими отступлениями, в обращениях к читателю, выпадах против литературных врагов и эротизме. Первые восемнадцать стихов третьей песни „Монаха" являются подражанием „Илье Муромцу" Карамзина.

Песнь первая.

Стт. 17—26 посвящены И. С. Баркову (1733—1768), получившему громкую известность своими порнографическими пародиями на классические оды. — Ст. 19: *Вильон* — французский поэт XV века. — Ст. 106: *С. С. Бобров* — поэт-мистик, примыкавший к „Беседе любителей русского слова", осмеянный Батюшковым в „Видении на берегах Леты". — Стт. 133 - 141 относятся к той же актрисе, которой посвящено „Послание к Наталье".

Песнь третия.

Стт. 2—32: Все художники, упоминаемые Пушкиным — Корреджио, Цициан (Тициан), Альбан (Альбани), Вернет (Верне), Пуссин (Пуссен) и Рубенс, известны ему были по „Письмам русского путешественника" Карамзина, „Опыту об эпической поэзии" Вольтера, роману „Эмиль" Руссо. — Ст. 29: *Кантемира* — условное имя. — Ст. 34: *Мартынов*

Аркадий Иванович (1802—1850) — товарищ Пушкина по лицею. — Ст. 82: *Банков* — вероятно, условная фамилия банкира бар. Иосифа Вельо, жившего в Царском Селе. — Ст. 91: *Шиловской* — вероятно, кн. А. А. Шаховской, писатель, член „Беседы“. — Ст. 92: *Горчаков* — вероятно, кн. Д. П. Горчаков, поэт, тоже член „Беседы“. — Ст. 93: *Нарышкина* — Марья Антоновна, фаворитка Александра I.

1814

19. К другу стихотворцу („Арист! и ты в толпе служителей Парнаса...“). Впервые напечатано в „Вестнике Европы“ 1814, № 13, с подписью: „*Александр Н. к. ш. п.*“. Печатается по „Вестнику Европы“.

В первой редакции стихотворения (беловой автограф) между стихами 60 и 61 имеются стихи:

„Постойте, скажешь мне, ведь я не однодворец;
Могу я быть богат, хотя и стихотворец“.
Согласен, — будь богат и ты, как тот поэт, *
Который, именем наполнив целый свет,
Развратной прозою, опасными стихами
Успешно торговал с голландскими купцами.
Но разве бедность лишь заставит слезы лить?
Иль зависть богача не смеет уязвить?
Что, если вооружась шипящей клеветою,
Всечасно ползая повсюду за тобою,
Наполнит горечью всю чашу бытия,
Покроет мраком жизнь и ввергнет в гроб тебя?

Это первое появившееся в печати стихотворение Пушкина было написано, вероятно, не ранее января 1814 года; оно принадлежит к весьма распространенному в это время жанру дидактическо-сатирических посланий, являющихся подражанием сатирам Буало. Адресовано послание товарищу Пушкина по лицею Вильгельму Карловичу Кюхельбекеру, стороннику литературных взглядов А. С. Шишкова, главы архаистов, боровшихся против школы Карамзина. Как воинствующий карамзинист и выступает в этом послании Пушкин.

В стт. 5—7 можно видеть характеристику творчества Кюхельбекера в эти годы. Ср. эпиграммы Пушкина на Кюхельбекера: „Вот Виля — он любовью дышит“, „Несчастие Клита“ и „Тошней идиллии и холодней, чем ода“. В словах „унылые могилы“ Пушкин имеет в виду такие стихотворения Кюхельбекера, как „Мертвый живому“, „Зима“ и „Осень“. — Ст. 14: „Телемахида“ Тредьяковского считалась образцом тяжелого, нелепого сочинения, а имя Тредьяковского было синонимом бездарного поэта. — Стт. 15 — 16 разумеют членов „Беседы любителей русского слова“, возглавлявшейся А. С. Шишковым.— Стт. 18—22 имеют в виду эпиграмму 1798 г. В. Л. Пушкина „Какой-то стихотвор (довольно их у нас)“. — Стт. 37—40 задевают поэтов-шишковистов. *Рифматов*—кн. С. А. Ширинский-Шихматов, о котором см. прим. далее, стр. 666. Рифматовым он назван за то, что, считая глагольные рифмы бедными, избегал их. *Графов* — граф Д. И. Хвостов, бездарный поэт, в течение многих лет осмеивавшийся в многочисленных эпиграммах и сатирических посланиях поэтов разных направлений. *Библрус* (от лат. bibere) — С. С. Бобров, о котором см. прим. к „Монаху“. О книжном складе *И. П. Глазунова* (1762—1831) упоминается в ряде сатирических произведений этого времени. (В „Певце в Беседе славяноросов“ Батюшкова „лавка Глазунова“ названа „царством вечным стихов Шихматова лихого“.) — Ст. 56: *Руссо* — Ж.-Б. Руссо (1670—1741), сын сапожника, французский поэт, ученик Буало, автор пользовавшихся большой известностью од. — Ст. 57 в рукописи первой редакции снабжен примечанием Пушкина: „Автор Лузиады умер в гофшпитале, питаясь милостыней“. — Стт. 58—59: О *Е. И. Кострове* (1750—1796), поэте, состоявшем при

* Вольтер. <*Прим. Пушкина.*>

Московском университете официальным „стихотворцем“, Пушкин слышал от своего учителя А. Ф. Кошанского. Ср. рассказы о Кострове в „Table talk“ Пушкина. Стихи, исключенные во второй редакции (см. стр. 654), разумеют Вольтера, издававшего свои произведения в Голландии.— Ст. 91: *Рамаков* расшифрован в рукописи первой редакции как Макаров и сделано примечание: „Славный журналист“. П. И. Макаров (1765—1804) в своем журнале „Московский Меркурий“ в 1803 году выступал против теории Шишкова.

22. Несчастие Клита („Внук Тредьяковского Клит гекзаметром песенки пишет...“). Впервые напечатано В. П. Гаевским в „Современнике“ 1863, № 7. Печатается по автографу в рукописном сборнике „Жертва Мому“. Сборник датирован самим Пушкиным 1814 годом. По почерку сборник очень близок к автографу „К другу стихотворцу“, что позволяет датировать его январем — апрелем 1814 года.

Весь сборник посвящен эпиграммам против Кюхельбекера, которого и нужно разуметь под Клитом.

23. Кольна („Источник быстрый Каломоны...“). Впервые напечатано в „Вестнике Европы“ 1814, № 14, с подписью: *Александр Нкшп*. Печатается по „Вестнику Европы“.

Стихотворение Пушкина — переложение (с сокращениями) в стихи сделанного Костровым прозаического перевода поэмы мифического шотландского барда III века Оссиана „Кольна-Дона“.

27. Старик („Уж я не тот философ страстный...“). Впервые напечатано в „Российском Музеуме“ 1815, № 5, с подписью: *Александр Н. — П.* Печатается по „Российскому Музеуму“. Написано в январе — апреле 1814 года, так как подпись „Александр Н. — П.“ употреблялась Пушкиным не позднее апреля 1814 года.

Стихотворение является вольным переводом восьмистишия крупнейшего французского лирика XVI века Клемана Моро: „De soi-même“ (1537).

Позднейшую редакцию этих стихов см. стр. 640.

28. Рассудок и любовь („Младой Дафнис, гоняясь за Доридой...“). Впервые (без ведома Пушкина) напечатано в альманахе „Весенние Цветы“, М. 1835. Печатается по копии кн. А. М. Горчакова, где под текстом подпись: *Н. К. Ш. П.*

Стихотворение написано в январе — апреле 1814 года, так как подпись „Н. К. Ш. П.“ употреблялась Пушкиным не позднее апреля 1814 года.

29. К сестре („Ты хочешь, друг бесценный...“). Впервые напечатано частично П. И. Бартеневым в „Московских Ведомостях“ от 2 октября 1854, № 118; полностью — в Собр. соч. Пушкина под ред. П. В. Анненкова, т. II. Печатается по копии О. С. Павлищевой, с исправлениями по другим копиям.

В копии О. С. Павлищевой рукой Льва Сергеевича Пушкина помечено: „1814 апрель“.

Послание адресовано сестре поэта Ольге Сергеевне (1797—1868), впоследствии Павлищевой, написано в связи с переездом ее с матерью в Петербург из Москвы. Пушкин не виделся с семьей почти три года. Стихотворение сочинено под влиянием очень популярного послания „La chartreuse“ („Обитель“) французского поэта Ж.-Б. Грессе (1709—1777). В этом послании Грессе, получивший первоначальное образование в иезуитском колледже, называет свою комнату в Латинском квартале „обителью“, а себя „монахом-столпником“.

В подражание Грессе и Пушкин лицей называет „монастырем“, а себя „чернецом“. И по форме, и по содержанию стихотворение Пушкина очень близко к посланию Грессе, которому подражали и Батюшков, и Жуковский, и В. Л. Пушкин.

Ст. 17: *Певец Людмилы* — Жуковский, автор баллады „Людмила“ (1808). — Ст. 22 взят из послания Жуковского к Батюшкову („Сын неги и веселья“). — Ст. 30: *Жанлис* — французская писательница (1746 – 1830), автор многочисленных сочинений для детей и романов в сентиментальном духе. — Ст. 31: *Гамильтон* — французский писатель, автор

фантастических восточных сказок и „Записок герцога де-Граммона“. — Ст. 33: *Грей и Томсон* — английские поэты, авторы сентиментальных сельских элегий. — Ст. 46: *Светлана* — героиня баллады Жуковского „Светлана“ (1811). — Ст. 52: *Пиччини* — итальянский композитор (1728—1800), автор опер. *Рамо* — французский композитор (1683—1764).

32. „Вот зеркало мое — прими его, Киприда!..“. Впервые напечатано в „Вестнике Европы“ 1814, № 18, с подписью: — *П* —. Печатается по „Вестнику Европы“.

Стихотворение, датирующееся на основании подписи январем — апрелем 1814 года, является переводом стихотворения Вольтера. Приведено как образец древней эпиграммы в главе об эпиграммах в античной литературе из Лагарпа, переведенной И. И. Пущиным и помещенной в „Вестнике Европы“. Стихотворение Вольтера в свою очередь является переводом эпиграммы римского поэта Авзония (IV век н. э.).

32. Эпиграмма („Арист нам обещал трагедию такую...“). Впервые напечатано в „Российском Музеуме“ 1815, № 1, с подписью: *1...14—16.* Печатается по рукописному лицейскому сборнику.

Эпиграмма написана, вероятно, на брата товарища Пушкина по лицею П. А. Корсакова (1790—1844), автора трагедии „Амбоар и Оренгцеб или нашествие моголов“, поставленной 24 апреля 1814 года, но успеха не имевшей. Эпиграмму можно датировать концом апреля — началом мая этого года.

33. Опытность („Кто с минугу переможет...“). Впервые напечатано в „Вестнике Европы“ 1814, № 19, с подписью: *1...14—16.* Печатается по „Вестнику Европы“.

Написано в мае — июле 1814 года. Это и другие стихотворения, подписанные псевдонимом в виде цифр, датируются на основании периодизации этих подписей.

34. Блаженство („В роще сумрачной, тенистой...“). Впервые напечатано в „Вестнике Европы“ 1814, № 20, с подписью: *1...14—16.* Печатается по „Вестнику Европы“.

Датируется маем — июлем 1814 года.

37. Казак („Раз полунощной порою...“). Впервые напечатано в „Российском Музеуме“ 1815, № 3, с подписью: *1...14—16.* Печатается по „Российскому Музеуму“. Датируется маем — августом 1814 года.

39. Князю А. М. Горчакову („Пускай, не знаясь с Аполлоном...“). Впервые напечатано В. А. Жуковским в 1841 году в Посмертном изд. соч. Пушкина, т. IX. Печатается по автографу.

Александр Михайлович Горчаков (1798—1883), впоследствии министр иностранных дел и канцлер.

Стихотворение написано ко дню именин Горчакова 30 августа. Датируется на основании почерка 1814 годом.

Ст. 45: *Ершова,* Евдокия Семеновна — молодая жена генерал-маиора И. З. Ершова, посещавшая лицей в июне и июле 1814 года.

41. К Наташе („Вянет, вянет лето красно...“). Впервые напечатано В. А. Жуковским в 1841 году в Посмертном изд. соч. Пушкина, т. IX. Печатается по копии Горчакова, где подпись: *1...14—16.* На основании подписи и содержания стихотворение датируется второй половиной августа — сентябрем 1814 года.

Написано в жанре сентиментальных песен И. И. Дмитриева. В первой редакции стихотворение заканчивалось строфой:

Ах, Наташа! Помни вечно
Нежности, любви закон:
Если радостью сердечной
Юности горит огонь,
То — не трать ни полминуты!
Скоро... старостью согнуты
Будем тихо мы бродить!
И тогда ли нам любить?

Адресовано к горничной фрейлины кж. В. М. Волконской.

42. Пирующие студенты („Друзья, досужный час настал...“). Впервые напечатано В. А. Жуковским в 1841 году в Посмертном изд. соч. Пушкина, т. IX. Печатается по автографу *(ПД)*. В первой редакции между стихами 28 и 29 имеется:

Виват, наш дружеский союз!
Виват, виват, студенты!
Ненадобны питомцу муз
Ни золото, ни ленты;
Пускай с профессором седым
Я в сутки час зеваю;
Зато с бокалом круговым
Весь век не унываю.
Виват, веселья бог младой,
Семелы сын румяный!
Виват и пестун твой седой!
Виват и всякой пьяный!

После стиха 72:

Друзья! приятен звук струны
Средь радостной пирушки,
Где, влагой пенистой полны,
Стучат веселья кружки.

Датировано в тетради *ЛБ*, № 2364 1814 годом. Написано в октябре, не позднее 12—14-го.

Стихотворение является пародией на „Певца во стане русских воинов" Жуковского и написано под влиянием „Певца в Беседе славяноруссов" Батюшкова.

Стт. 19—20 относятся к товарищам-трезвенникам, во главе с Владимиром Дмитриевичем Вольховским, о „спартанской душе" которого Пушкин впоследствии упомянет в стихотворении „19 октября 1825 г".— Стт. 21—28 посвящены Александру Ивановичу Галичу, в комнате которого, по преданию, и происходила воспетая пирушка. О Галиче см. прим. к стихотворению „К Галичу". — Стт. 29—36 адресованы самому близкому товарищу Пушкина бар. Антону Антоновичу Дельвигу. — Стт. 37—40 относятся к Алексею Демьяновичу Илличевскому, в 1811—1812 гг. считавшемуся среди лицеистов первым поэтом. Илличевский особенно отличался в эпиграммах, которые он, действительно, писал „на недруга и друга". — Стт. 41—48 посвящены кн. Александру Михайловичу Горчакову. — Стт. 49—56 относятся к Ивану Ивановичу Пущину, впоследствии одному из выдающихся декабристов. — Стт. 57—64 адресованы Михаилу Лукьяновичу Яковлеву (1798—1868), отличавшемуся в лицее веселостью и талантом имитатора. В лицейских журналах Яковлев помещал басни, вызывавшие эпиграммы Илличевского. — Стт. 65—72 относятся к Ивану Васильевичу Малиновскому, получившему в лицее кличку „казак" за свой вспыльчивый нрав. *Платов*, Матвей Иванович — атаман донских казаков, прославившийся в войну с Наполеоном 1812—1814 гг. — Стт. 73—76 относятся к Николаю Александровичу Корсакову, талантливому музыканту, сочинившему еще в лицее три романса на слова Пушкина („Песня", „К живописцу" и „К Маше").—Стт. 81—84 относятся к М. Л. Яковлеву, автору романсов, которые он хорошо пел. *Роде* — известный в свое время скрипач и композитор (1774—1830), живший в 1803—1807 гг. в России. — Стт. 81—88 Пушкин, работая позднее над стихотворением, вычеркнул. — Стт. 97—100 относятся к Кюхельбекеру, бывшему постоянным предметом насмешек и эпиграмм, главным образом Илличевского и Пушкина.

О том, как Пушкин, будучи в лазарете, читал товарищам это стихотворение, рассказано в „Записках" Пущина.

45. Эпиграмма. Подражание французскому („Супругою твоей я так пленился..."). Впервые напечатано в „Российском Музеуме" 1815, № 1, с подписью: *1...14—16*. Печатается по „Российскому Музеуму". Датируется маем — октябрем 1814 года.

Эпиграмма является сокращенным переводом эпиграммы Ж.-Б. Руссо „J'ai depuis peu vu ta femme nouvelle".

45. К Н. Г. Ломоносову („И ты, любезный друг, оставил..."). Впервые напечатано в „Российском Музеуме" 1815, № 3 с подписью: *1...14—16*. Печатается по „Российскому Музеуму". Датируется маем — октябрем 1814 года.

Посвящено брату лицейского товарища Пушкина Николаю Григорьевичу Ломоносову (ум. в 1853 г.), с которым поэт, вероятно, был знаком еще в Москве.

46. К Батюшкову („Философ резвый и пиит..."). Впервые напечатано в „Рос-

сийском Музеуме“ 1815, № 1, с подписью: *1...14—16*. Печатается по „Российскому Музеуму“. Датируется сентябрем — октябрем 1814 года.

В беловой рукописи (автограф первой редакции) между стихами 71 и 72 имеются стихи:

Скажи по милости Графону,
Ползком ползущу к Геликону,
Чтоб перестал писать, писать
И бедных нас морить со скуки.
Скажи ему, что наши внуки
Не станут вздор его читать.
Всё, всё позволено поэту:
Скажи всему, коль хочешь, свету,
Что .... невпопад
Уродов выставя на сцену,
Визжать заставил Мельпомену;
Что Клит был добрый человек,
Тихонько проводил свой век,
Своим домком спокойно правил
И жил без горя, без забот,
Покамест не печатал од,
Где здравый смысл вверх дном поставил,
Где вы навидитесь всего,
Где все чудовища геенны
На жертву агнцы обреченны...
Где нет лишь смысла одного,
Что с горя ныне иссыхает;
Что неуклюжий славянин,
Изменник ревностных дружин,
Варяжски песни затевает
Теперь на дудочке простой
И слогом древности седой
В деревню братьев приглашает.
Сошел с ума и в пастухи!
Вот каково писать стихи!

Первые тридцать восемь и последние восемь стихов послания (второй редакции) являются перепевом стихотворений Батюшкова „Веселый час“ и „Мои пенаты“.

Ст. 17: *Парни* (1753—1814) — французский поэт. Ст. 18: „Певцом тиисским“ называл Державин Анакреона, родом из ионийского города Теоса. — Стт. 39—50 посвящены пирушкам у кн. П. А. Вяземского, на которых во время своего пребывания в Москве бывал Батюшков. — Стт. 53—54 имеют в виду „Певца во стане русских воинов“ Жуковского. — Стт. 58—59 внушены стихами Батюшкова в стихотворении „Воспоминания“ (1807), на которое Пушкин ссылается в примечании. В сражении 29 мая с. с. 1807 года под Гейльсбергом (Восточная Пруссия) Батюшков был тяжело ранен.

Стт. 60—71 посвящены сатирам „Видение на берегах Леты“ и „Певец в Беседе славяноროссов“, высмеивавшим бездарных поэтов, преимущественно членов Шишковской „Беседы“. В сатирах этих выведен Тредьяковский. — Ст. 81: Римский поэт Публий Овидий Назон назван здесь как автор любовных элегий — „Amores“.

Стт. 1—6 и тридцать стихов, исключенных во второй редакции, относятся к графоману Хвостову. — Стт. 8—11 разумеют, вероятно, трагедию члена „Беседы любителей русского слова“ С. И. Висковатова „Спартак, герой Германии“, впервые поставленную 16 января 1814 года. — Стт. 12—22 посвящены Державину как автору од 1812—1814 гг. Ср. о Державине в „Тени Фонвизина“.—Стт. 12—16 намекают, очевидно, на такие горацианские стихотворения Державина, как „Жизнь Званская“. — Стт. 23—30 имеют в виду горацианское стихотворение кн. С. А. Ширинского-Шихматова „Сельский житель“. *Изменником ревностных дружин* Шихматов назван потому, что до „Сельского жителя“ он был известен лишь произведениями в торжественном стиле. *Варягами* приверженцы Карамзина называли „беседистов“.

48. На Рыбушкина („Бывало прежних лет герой...“). Впервые напечатано в „Российском Музеуме“ 1815, № 6, с подписью: *1—17...14*. Печатается по „Российскому Музеуму“. Датируется ноябрем 1814 года.

Эпиграмма вызвана полемикой между рецензентом в „Сыне Отечества“ трагедии М. С. Рыбушкина „Иоанн или взятие Казани“ и автором трагедии. Полемика закончилась полным поражением последнего.

49. Городок („Прости, мне, милый друг...“). Впервые напечатано в „Российском Музеуме“ 1815, № 7, с подписью: *1...17—14* с пропуском из-за цензуры двадцати одного стиха. Печатается по „Российскому Музеуму“. Датируется ноябрем—декабрем 1814 года.

Стихотворение является подражанием посланию Батюшкова „Мои пенаты“, в свою очередь являющемуся подражанием посланию Грессе „La chartreuse“.

Ст. 76: *Рифмов* — условное имя бездарного поэта. — Стт. 94—104: В этих стихах Вольтер охарактеризован как поэт и автор романа „Кандид“; в словах же „фернейский злой крикун“ можно видеть указание на публицистическую деятельность Вольтера во время его пребывания в Фернее. — Ст. 95 повторен Пушкиным в „Руслане и Людмиле“ (песнь IV, ст. 9). — Ст. 99: Вольтер начал писать стихи с семилетнего возраста. — Стт. 102—105 характеризуют Вольтера как автора трагедий („Соперник Эврипида“), любовных стихотворений („Эраты нежный друг“), поэмы „Орлеанская девственница“ („Арьоста, Тасса внук“) и романов (отец „Кандида“). — Стт. 128—133 относятся к И. Ф. Богдановичу, автору шутливой поэмы „Душенька“, высоко ценившейся современниками. — Стт. 144—151: Главный труд Лагарпа „Лицей или курс древней и новой литературы“, выходивший в шестнадцати томах в 1799—1805 гг., считался лучшим сводом сведений о литературах античной и французской и образцом литературного вкуса, являясь кодексом французского классицизма. В лицее, на старшем курсе, при прохождении французской литературы, „Лицей“ служил пособием. — Стт. 152—161: Под *Визговым* и *Глупоном*, вероятно, разумеются вообще бездарные поэты школы Шишкова, без приурочивания этих кличек к определенным лицам. — Ст. 176 взят из „Певца во стане русских воинов“. — Стт. 178—185 относятся к кн. Д. П. Горчакову (1758—1824), члену „Беседы любителей русского слова“, которого ценили и карамзинисты. Под „куплетами“ Пушкин разумеет „Святки“ Горчакова, сатирическое стихотворение в жанре французских „ноэлей“. — Стт. 186—192 посвящены сатире Батюшкова „Видение на берегах Леты“ (1809). — Стт. 193—196 относятся к В. Л. Пушкину, автору шутливой поэмы „Опасный сосед“ (1811), главный герой которой — Буянов. — Стт. 197—211 посвящены „шуто-трагедии“ „Подщипа, или Трумф“ Крылова (1800). В этой пьесе видели памфлет на Павла I и его двор. — Стт. 212—232 разумеют И. С. Баркова.

60. Воспоминания в Царском Селе („Навис покров угрюмой нощи...“). Впервые напечатано в „Российском Музеуме“ 1815, № 4, с подписью: *Александр Пушкин* и с примечанием редактора: „За доставление сего подарка благодарим искренно родственников молодого поэта, талант которого так много обещает“. Печатается по „Российскому Музеуму“.

По указанию самого Пушкина (в дневнике 1834 года), написать „Воспоминания в Царском Селе“ „заставил“ его Галич „для экзамена“. Это был экзамен при переводе лицеистов с „младшего“, трехлетнего курса в „старший“. Первая редакция стихотворения, заключавшая в себе строфы с первой по двадцатую (1—160 стихи), была написана в октябре — ноябре 1814 года. Одновременно с Пушкиным, Жуковский сочинил хвалебное послание к Александру I и переслал его А. И. Тургеневу. Вероятно, от Тургенева Пушкин получил рукописный текст этого послания и, побуждаемый Тургеневым, добавил две хвалебные строфы об Александре I и Жуковском. Стихотворение в окончательном виде было написано в декабре 1814 года.

Стихотворение написано в стиле высокой лирики XVIII века. Ночной пейзаж в первых шестнадцати стихах и стихи 83—86 о „бледных тенях погибших чад Беллоны“ внушены Оссианом и, вероятно, при посредстве оссиановских од Державина, в частности „Водопада“.

Стт. 11, 17, 18, 19 посвящены липовым аллеям Екатерининского парка, водопадам и „большому пруду“ Царского Села. — Стт. 21—24 говорят об Екатерининском дворце, построенном Растрелли в 1752—1755 гг.

Росская Минерва — Екатерина II. — Стт. 27—28: Царское Село входит в область, завоеванную Россией (орел) у Швеции (лев) в 1702 — 1704 гг. — Стт. 41—48 описывают мраморную колонну в память побед русского флота под начальством гр. А. Г. Орлова, Г. А. Спиридова и С. К. Грейга в 1770 году у острова Хиоса, в Чесменском порту, где был сожжен весь турецкий флот. — Стт. 49—52 описывают находящийся в парке мраморный обелиск, поставленный в память победы русских войск над турками на реке Кагуле в Молдавии, 21 июля 1770 года. См. еще прим. к наброску 1819 года „Элегия" („Воспоминаньем упоенный"). — Ст. 59 говорит об А. Г. Орлове, гр. П. А. Румянцеве-Задунайском, о котором см. прим. к стихотворному наброску 1821—1828 гг. — „Чугун кагульский, ты священ", о генералиссимусе А. В. Суворове. — Ст. 63 упоминает поэта В. П. Петрова (1736—1799), автора од, воспевавших русских полководцев XVIII века. — Стт. 69—71 разумеют Наполеона. Об отношении Пушкина к Наполеону в эти годы см. прим. к стихотворению 1815 года „Наполеон на Эльбе". — Ст. 109 разумеет кн. М. И. Голенищева-Кутузова. — Стт. 155—168 посвящены Александру I. Об отношении Пушкина к Александру I в эти годы см. прим. к стихотворению 1815 года „На возвращение государя императора из Парижа в 1815 г.". — Стт. 163—172 говорят о Жуковском, воспевшем „ратных грозный строй" в „Певце во стане русских воинов". В этих стихах Пушкин говорит о послании Александру I Жуковского, которое он уже знал, но которое в это время еще не было напечатано. Экзамены при переводе лицеистов с младшего курса на старший были первыми публичными испытаниями. Среди присутствовавших на них был Г. Р. Державин. Лет через двадцать Пушкин в своем „Table talk" вспоминал этот знаменательный день его жизни. „Державина видел я..." (см. т. V). Кроме этой записи, Пушкин дважды упомянул об экзамене 8 января 1815 года: в послании к Жуковскому в 1816 году и во второй строфе восьмой главы „Евгения Онегина".

65. Красавице, которая нюхала табак („Возможно ль? вместо роз, Амуром насажденных..."). Впервые напечатано В. А. Жуковским в 1841 году в Посмертном изд. соч. Пушкина, т. IX. Печатается по копии Матюшкина в лицейской тетради Пушкина (№ 2364 *ЛБ*), где стихотворение датировано 1814 годом.

66. Романс („Под вечер, осенью ненастной..."). Впервые напечатано Б. М. Федоровым в альманахе „Памятник отечественных муз, изданный на 1827 год", СПБ. 1827.

Стт. 1—60 печатаются по тетради Всеволожского, а стт. 61—64, не имеющиеся в тетради Всеволожского (вследствие утраты листа, на котором они были написаны), — по альманаху Б. М. Федорова.

При переделке стихотворения в 1825 году IV строфа была вычеркнута. Датируется 1814 годом.

Романс на слова Пушкина получил широкое распространение.

68. Эвлега („Вдали ты зришь утес уединенный..."). Впервые напечатано В. А. Жуковским в 1841 году в Посмертном изд. соч. Пушкина, т. IX. Печатается по копии стихотворения в тетради товарища Пушкина Матюшкина. Датируется предположительно 1814 годом.

Стихотворение является вольным переводом 30—80 стт. первой песни поэмы Парни „Иснель и Аслега. Подражание скандинавскому".

70. Осгар („По камням гробовым, в туманах полуночи..."). Впервые напечатано В. А. Жуковским в 1841 году в Посмертном изд. соч. Пушкина, т. IX. Печатается по копии в тетради А. В. Никитенка. Датируется предположительно 1814 годом. Воздействие макферсоновского Оссиана перебивается здесь влиянием поэмы Парни „Иснель и Аслега".

73. Леда („Средь темной рощицы, под тенью лип душистых..."). Впервые напечатано В. А. Жуковским в 1841 году в Посмертном изд. соч. Пушкина, т. IX. Печатается по копии в тетради Никитенка. Датируется предположительно 1814 годом.

75. Stances („Avez-vous vu la tendre rose...“). Впервые напечатано В. П. Гаевским в „Современнике“ 1863, № 7. Печатается по автографу в архиве Горчакова. Датируется 1814 годом предположительно.

76. Mon portrait („Vous me demandez mon portrait...“). Впервые напечатано братом лицейского товарища Пушкина П. А. Корсаковым в „Маяке современного просвещения и образования“ 1840, ч. III, отд. II с заглавием: „Французские стихи, написанные А. С. Пушкиным (в его молодости) к одному товарищу и совоспитаннику своему по Царскосельскому лицею“. Автограф не сохранился. Датируется 1814 годом предположительно.

Стихотворение обращено к товарищу Пушкина по лицею бар. П. В. Гревеницу.

1815

78. Бова („Часто, часто я беседовал...“). Впервые напечатано В. А. Жуковским в 1841 году в Посмертном изд. соч. Пушкина, т. IX, с цензурными купюрами. Печатается по автографу и по копии в тетради Матюшкина. Поэма писалась в конце 1814—январе 1815 года.

„Бова“ Пушкина является второй попыткой написать шутливую поэму в подражание „La Puccelle d'Orléans“ („Орлеанской девственнице“) Вольтера. Первой попыткой в этом роде, тогда не удавшейся, был „Монах“. Через год Пушкин возвратился к прежнему замыслу, решив на этот раз использовать сюжет сказки о Бове, которую он слышал в детстве от своей бабки Марьи Алексеевны Ганнибал.

Из сказки Пушкин взял имена (самого Бовы, Дадона, Милитрисы и Полкана) и завязку — захват престола царя Гвидона (у Пушкина назван Бендокиром) Дадоном, женитьбу его на вдове Гвидона-Бендокира Милитрисе и заключение в тюрьму сына Гвидона Бовы (стт. 40—47 и 88—93).

Влияние „Орлеанской девственницы“ Вольтера, о котором Пушкин откровенно говорит во вступлении (стт. 23—29), сказалось в игривом тоне, в котором ведется повествование „Бовы“, в ироническом отношении поэта к рассказываемому, в перебивании рассказа отдельными замечаниями, в сатирическом изображении царей и их придворных, в упоминании современных политических событий (стт. 57—70), в фривольности отдельных сцен и намеков, в отступлениях (стт. 57—70 и 255—259), наконец, в ряде мотивов, заимствованных Пушкиным из французской поэмы.

Поэма была неокончена, потому что Пушкин „уступил“ сюжет ее Батюшкову при их первом знакомстве.

Стт. 1—2 разумеют Гомера, характеристика которого взята из „Орлеанской девственницы“ Вольтера. — Ст. 4: *Шапелен* — Жан Шаплен (1595—1674), поэт, считавшийся первым поэтом Франции до выхода в свет в 1656 году двенадцати песен эпопеи „Девственница или Освобожденная Франция“, осмеянных Буало. — Стт. 4—5: *Рифматов* — вероятно, С. С. Бобров, автор книги „Бронноносные и миролюбивые гении России, или Герои севера в лаврах и пальмах“ (1804). — Стт. 10—12 разумеют религиозную поэму немецкого поэта Клопштока (1724—1803) „Мессиада“.

86. Вода и вино („Люблю я в полдень воспаленный...“). Впервые напечатано в „Российском Музеуме“ 1815, № 6. Печатается по „Российскому Музеуму“. Датируется ноябрем 1814 — мартом 1815 года.

86. Измены („Всё миновалось!“). Впервые напечатано в „Российском Музеуме“ 1815, № 12. Печатается по „Российскому Музеуму“, датируется ноябрем 1814 — мартом 1815 года.

Относится к дочери одного из ближайших сотрудников Александра I в начале его царствования, гр. В. П. Кочубея, На-

талье Викторовне (1801—1855), впоследствии гр. Строгановой.

89. К Лицинию („Лициний! зришь ли ты? на быстрой колеснице...“). Впервые напечатано в „Российском Музеуме“ 1815, № 5. Печатается по „Российскому Музеуму“. Датируется ноябрем 1814 — мартом 1815 года.

Написано под влиянием третьей сатиры Ювенала (во французском переводе), написанной, как и стихотворение Пушкина, в виде монолога республиканца-демократа, покидающего в негодовании развратный Рим.

Вторую редакцию, включенную поэтом в „Стихотворения Александра Пушкина“ 1826 и 1829 г., см. стр. 641—642.

91. Батюшкову („В пещерах Геликона...“). Впервые напечатано в „Российском Музеуме“ 1815, № 6. Печатается по „Российскому Музеуму“. Датируется началом февраля — маем 1815 года.

Стихотворение написано после личного знакомства двух поэтов.

Ст. 32 — несколько измененный стих из послания Жуковского к Батюшкову („Сын неги и веселья“): „Будь каждый при своем“.

92. Наполеон на Эльбе („Вечерняя заря в пучине догорала...“). Впервые напечатано в „Сыне Отечества“ 1815, № XXV—XXVI. Печатается по „Сыну Отечества“. Датируется апрелем — началом июня 1815 года.

Стихотворение написано под сильным влиянием послания Жуковского „Императору Александру“, откуда взят образ Наполеона.

Стихов, соответствующих стихам 38—51 Пушкина, у Жуковского нет. Этот мотив привнесен Пушкиным, вернувшимся к нему в своей оде на смерть Наполеона.

Ст. 87: Под „законными царями“ Пушкин разумеет короля Людовика XVIII и его брата.

95. К Пущину („Любезный именинник...“). Впервые напечатано в „Российском Музеуме“ 1815, № 8. Печатается по „Российскому Музеуму“.

Стихотворение написано под влиянием „Моих пенатов“ Батюшкова и послания его к Жуковскому („Прости, балладник мой“).

97. К Галичу („Пускай угрюмый рифмотвор...“). Впервые напечатано в „Российском Музеуме“ 1815, № 8. Печатается по „Российскому Музеуму“. Датируется второй половиной марта — маем 1815 года.

Стт. 20—21: *Золотарев*, Матвей Алексеевич, бывший в лицее помощником надзирателя по хозяйственной части.

Вторая редакция, вероятно, 1819—1820 гг.:

Когда печальный стихотвор,
Венчанный маком и крапивой,
На лире скучной и ретивой
Хвалебный напевая вздор,
Зовет обедать генерала,
О Галич, верный друг бокала
И жирных утренних пиров;
Тебя зову, мудрец ленивый,
В приют поэзии счастливой,
Под отдаленный неги кров.

В тебе трудиться нет охоты.
Садись на тройку злых коней,
Оставь Петрополь и заботы,
Лети в счастливый городок,
Зайди в мой мирный уголок,
И с громом двери на замок
Запрет веселье молодое;
Явится на столе пирог,
И хлынет пиво золотое!

О Галич, близок, близок час,
Когда, послыша славы глас,
Покину кельи кров пустынный,
Забыв волшебный свой Парнас,
Златой досуг и мир невинный,
Татарской сброшу свой халат.
Простите, девственные музы,
Прости, предел младых отрад!
Надену узкие рейтузы,
Завью в колечки гордый ус,
Заблещет пара эполетов,
И я — питомец важных муз —
В кругу пирующих корнетов!
О Галич, Галич, поспешай,
Тебя зовут досуг ленивый,
И друг ни скромный, ни спесивый,
И кубок полный через край.

99. Мечтатель („По небу крадется луна...“). Впервые напечатано в „Российском Музеуме“ 1815, № 9. Печатается по „Российскому Музеуму“. Датируется второй половиной марта — сентябрем 1815 года.

Тема стихотворения — „поэзия — мечтания“, развиваемая в ряде лицейских стихотворений, в „Мечтателе“ разработана наиболее полно, что сближает это стихотворение с такими позднейшими стихотворениями, посвященными „музе“ поэта, как „Наперсница волшебной старины“ (1821), „Муза“ (1821), третья строфа (черновой редакции) VIII главы „Евгения Онегина“ (1830) и последние строфы „Осени“ (1833).

101. Посланье молодой актрисе („Ты не наследница Клероны...“). Впервые напечатано В. А. Жуковским в 1841 году в Посмертном изд. соч. Пушкина, т. IX. Печатается по автографу. Датируется маем — августом 1815 года.

Послание адресовано той же актрисе Наталье, к которой обращено „Послание к Наталье“.

Ст. 1: *Клерона* — знаменитая актриса Клерон (1723—1803), игрой которой восторгался Вольтер. — Ст. 3: *Владелец Пинда* — Аполлон, бог искусства. — Ст. 29: *Милон* — условное имя героя, возможно, связанное с персонажем „пастушеской“ оперы Е. И. Фомина „Клорида и Милон“ (1800).

103. К ней („Эльвина, милый друг приди, подай мне руку...“). Впервые напечатано в „Северном Наблюдателе“ 1817, ч. I, № 11. Печатается по этому журналу. По положению в рукописи датируется 1815 годом.

К кому обращено стихотворение, неизвестно

Варианты текста в автографе (ранняя редакция):

Ст. 4:

Любовник осужден?

Стт. 13—14:

И в радости немой, в восторгах упоенья
Твой шопот сладостный и томный стон внимать.

103. Послание к Галичу („Где ты, ленивец мой?“). Впервые напечатано в „Российском Музеуме“ 1815, № 10—11. Печатается по „Российскому Музеуму“. Датируется июнем — ноябрем 1815 года.

Ст. 111: *Безрифминым* Батюшков назвал С. С. Боброва в стихотворении „Послание к стихам моим“ (1804).— Ст. 121: *Тибурский мудрец*—Гораций. *Тибур* — город в Лациуме, теперешний Тиволи, вблизи которого была вилла Горация.— Ст. 126: *Баллада* Дельвига— „Поляк“. — Ст. 127: *Стансы винограду* — стихотворение до нас не дошедшее.— Ст. 128: *К лилии куплет* — первая строфа стихотворения Дельвига „Лилея“.— Ст. 131: *Милый остряк* — А. Д. Илличевский.

107. Моя эпитафия („Здесь Пушкин погребен; он с музой молодою...“). Впервые напечатано в „Российском Музеуме“ 1815, № 10—11. Печатается по „Российскому Музеуму“. Датируется июнем — ноябрем 1815 года.

Стихотворение принадлежит к распространенному в то время жанру шутливых эпитафий.

108. К Дельвигу („Послушай, муз невинных...“). Впервые напечатано В. А. Жуковским в 1841 году в Посмертном изд. соч. Пушкина, т. IX. Печатается по копии Дельвига в лицейской тетради Пушкина (№ 2364 *ЛБ*). Датируется ноябрем 1815 года.

В первой редакции между стихами 17 и 18 было:

Да я ж и виноват —
Да ты же мне в досаду
(Что скажет белый свет?)
Любви моей в награду
Мне свищешь оду вслед:
Смотрите: вот поэт!..

Между стихами 22 и 23:

Когда б подобны были
Моим твои стихи,
То скоро б все забыли,
Что Пушкин за грехи
В поэзию влюбился,
И лезет на Парнас
И в рифмы весь зарылся
И пишет в добрый час.

Под впечатлением шумного успеха, какой имело чтение Пушкиным „Воспоминаний в Царском Селе“ на лицейском экзамене 8 января 1815 года, Дельвиг написал и напечатал (в № 9 „Российского Музеума“ за 1815 г.) хвалебное стихотворение под заглавием „К А. С. Пушкину“, кончающееся стихами:

Но с младенчества он обучается
Воспевать красоты поднебесные,
И ланиты его от приветствия
Удивленной толпы горят пламенем.

И Паллада туманное облако
Рассекает от взоров — и в юности
Он уж видит священную истину
И порок, исподлобья взирающий.

Пушкин! он и в лесах не укроется:
Лира выдаст его громким пением —
И от смертных восхитит бессмертного
Аполлон на Олимп торжествующий.

Послание Пушкина и является ответом на это стихотворение.

Стт. 8—10: Дядюшка-поэт, сосватавший с музами Пушкина — В. Л. Пушкин.— Ст. 25: *Прадон* — Никола Прадон (1632—1698), французский поэт, автор трагедий, прославившийся своим соперничеством с Расином.

В окончательной (четвертой) редакции стихотворение приобрело такой вид:

К Дельвигу.

Ответ.

Вместо стт. 1—30:

Послушай, муз невинных
Лукавый клеветник!
В тиши полей пустынных,
Природы ученик,
Поэтов грешный лик
Умножил я собою —
И я главой поник
Пред милой суетою.
Жуковский, наш поэт,
[На то мне дал совет]
И с музами сосватал.
Сначала я играл,
Шутя стихи марал,
А там переписал,
А там и напечатал:
И что же — рад не рад -
Но вот уже я брат
Теперь тому, другому,
Что делать, виноват!

Изменник! с Аполлоном
Ты видно заодно!
А мне прослыть Прадоном
Отныне суждено.
Увы мне метроману,
Куда сокроюсь я!
Везде беды достану!
Изменники друзья

Ст. 38:

Признайтесь — нам сказали

Стт. 43—45:

Конечно [василечек],
Лесочек, ветерочек,
Барашков и цветки...

Ст. 50:

Меж лени и Морфея

110. Роза („Где наша роза?“). Впервые напечатано в „Стихотворениях Александра Пушкина“ 1826. Печатается по автографу в лицейской тетради Пушкина (№ 2364 *ЛБ*). Датируется ноябрем 1815 года.

Стихи Вяземского „К друзьям“ о символе молодости — розе, которая „утром гордится красой“ и „к ночи прелестный вянет цветок“, внушили Пушкину первые шесть стихов его „Розы“.

В последних четырех стихах своего стихотворения Пушкин образу розы противополагает образ лилеи, символизирующей неувядающую красоту и жизненную силу. Последний образ, возможно, заимствован Пушкиным из тридцать четвертого письма „Писем русского путешественника“ Карамзина.

Пушкин напечатал стихотворение в „Стихотворениях Александра Пушкина“ 1826 и 1829 г. в редакции 1819 года:

Где наша роза,
Друзья мои?
Увяла роза,
Дитя зари.
Не говори:
Так вянет младость!
Не говори:
Вот жизни радость!
Цветку скажи:
Прости, жалею!
И на лилею
Нам укажи!

110. На возвращение государя императора из Парижа в 1815 году („Утихла брань племен, в пределах отдаленных...“). Впервые напечатано в „Трудах Общества любителей российской словесности при Императорском Московском университете“, ч. IX, М. 1817. Печатается по указанной книге, где стихотворение было напечатано, вероятно, дядей поэта В. Л. Пушкиным. Датируется ноябрем 1815 года.

При сочинении этого стихотворения Пушкин использовал то же самое послание к Александру I Жуковского, которое уже дало ему материал для „Воспоминаний в Царском Селе“ и „Наполеона на Эльбе“.

За исключением двенадцати (33—44) стихов, стихотворение основано на послании Жуковского, однако верноподданническое преклонение перед царем, основной лейтмотив послания Жуковского, звучит у Пушкина гораздо глуше, религиозных мотивов, которыми проникнуты стихи Жуковского, почти нет у Пушкина: из многочисленных „алтарей“ Жуковского он взял лишь один, а молебствие в Казанском соборе превратил в принесение жертвы „перед Янусом“, римским богом войны.

Написано стихотворение ко 2 декабря 1815 года — дню приезда из-за границы Александра I, после вторичного свержения с престола Наполеона.

Стт. 1—5: С 1803 года Россия вела беспрерывные войны.— Ст. 16: Наполеон отрекся от престола 6 апреля н. с. 1814 года и 4 мая н. с. прибыл на остров Эльбу, откуда вернулся 20 марта н. с. 1815 года в Париж, объявив себя императором. После битвы при Ватерлоо Палата представителей 22 июня н. с. потребовала от него отречения от престола.

113. „Итак, я счастлив был, итак, я наслаждался...“. Впервые напечатано П. В. Анненковым в „Материалах для биографии Пушкина“ 1855. Печатается по автографу. Стихотворение представляет собою первую часть записи в дневнике под 29 ноября 1815 года.

Бакунина Екатерина Павловна (1795 — 1869), внушившая эти строки, была сестрой товарища Пушкина по лицею и часто там бывала.

113. Слеза („Вчера за чашей пуншевою...“). Впервые напечатано в альманахе кн. В. Ф. Одоевского и В. К. Кюхельбекера „Мнемозина“, ч. IV, М. 1824 в приложении, в качестве текста при нотах. Печатается по копии Пущина в лицейской тетради Пушкина (№ 2364 *ЛБ*). Датируется началом декабря 1815 года.

„Слеза“— первое из двух „гусарских“ стихотворений Пушкина (второе „Усы“), написанное под влиянием стихотворений Дениса Давыдова и особенно „Разлуки“ Батюшкова. Оно отражает и впечатления личного общения Пушкина с офицерами лейб-гвардии гусарского полка, квартировавшего в Царском Селе и в окрестностях.

114. „Угрюмых тройка есть певцов...“. Впервые напечатано Д. И. Сапожниковым в „Русском Архиве“ 1899, № 2. Печатается по автографу дневника Пушкина, где датировано 8 декабря 1815 года.

Образцом для эпиграммы послужила французская эпиграмма, приписывавшаяся Бомарше. Эпиграмма, впервые наряду с Шишковым и Шихматовым задевающая А. А. Шаховского, является первым откликом Пушкина на борьбу карамзинистов с шишковистами, завязавшуюся после представления 15 сентября 1815 года „Липецких вод“ Шаховского, послужившего поводом к организации „Арзамаса“.

115. К бар. М. А. Дельвиг („Вам восемь лет, а мне семнадцать било...“). Впервые напечатано П. В. Анненковым в Собр. соч.

Пушкина, т. VII. Печатается по изданию Анненкова. Датировано в рукописи: „22 декабря 1815 г.“

Стихотворение написано в альбом бар. Марьи Антоновны Дельвиг, сестры друга Пушкина. В следующем году Пушкин написал ей еще стихотворение — „К Маше“.

116. Моему Аристарху („Помилуй, трезвый Аристарх...“). Впервые напечатано П. В. Анненковым в Собр. соч. Пушкина, т. II. Печатается по копии неизвестной руки в лицейской тетради Пушкина (№ 2364 *ЛБ*). Датируется 1815 годом.

Стихотворение, дающее наиболее полно развернутую автохарактеристику поэта как последователя „легкой“ французской поэзии XVII — начала XIX веков, написано под влиянием произведения одного из представителей этой поэзии — Грессе — „Послание к иезуиту Бужану“ и стихотворения Парни „Разговор поэта с музой“. Адресовано Н. Ф. Кошанскому (1785—1831), профессору латинской и русской словесности в лицее.

Судя по первым двадцати двум стихам „К моему Аристарху“, оно вызвано какими-то замечаниями Кошанского на стихотворение Пушкина.

Стт. 39—45: Неясно, о ком идет речь в этих стихах: разумеет ли здесь Пушкин гр. Д. И. Хвостова, которого в эпиграммах называли Свистовым, Хлыстовым и Графовым, но который не писал „сказочек“, или в Свистове, Хлыстове и Графове нужно видеть вообще беседистов.— В стт. 84—89 разумеется Грессе как автор шутливой поэмы о попугае „Vert-vert“ и послания „La chartreuse“.— Ст. 97: *Шолье* (1639—1720) — видный представитель „легкой“ французской поэзии XVII—XVIII веков.

119. Тень Фонвизина („В раю, за грустным Ахероном...“). Впервые напечатано Л. Б. Модзалевским во „Временнике Пушкинской комиссии“, 1936, кн. I. Печатается по копии, сделанной одним из лицейских товарищей Пушкина и им самим выправленной. Поэма написана в ноябре — декабре 1815 года.

Как и сатиры Батюшкова „Видение на берегах Леты“ и „Певец в Беседе славянороссов“, „Тень Фонвизина“ дает свод сатирических характеристик ряда писателей и в этом отношении является несомненным их подражанием. Особенно близка связь „Тени“ с „Видением“, где среди пребывающих в „Элизии священном“ находится и Фонвизин. Характеристика представителей высших классов (стт. 22—42) представляет собою явное подражание, отчасти даже пересказ стихов „Послания к слугам моим Шумилову, Ваньке и Петрушке“ Фонвизина. В сопровождении того же Эрмия, который действует и в „Видении“ Батюшкова, Фонвизин посещает тех же Хвостова, Шаликова, Ширинского-Шихматова, Шишкова и Бунину, которые выведены в „Видении“ и в „Певце“ Батюшкова, причем характеристики их — варианты и перифразы характеристик, данных в сатирах Батюшкова. Характеристика Хвостова (стт. 93—156) сделана явно по „сказке“ А. Е. Измайлова „Стихотворец и чорт“.

„Аспазия“ — журнал „Кабинет Аспазии“, издававшийся Б. М. Федоровым, А. Х. Рихтером, В. Бахиревым и И. Исаковым, выходивший в январе — августе 1815 года.

Стт. 162 — 171, посвященные кн. П. И. Шаликову — вариант карикатурного изображения этого писателя в „Видении“ Батюшкова. — Ст. 162: *Боскет* взят Пушкиным из послания Шаликова „К соседу“. Видному члену „Беседы любителей русского слова“ кн. С. А. Ширинскому-Шихматову, уже неоднократно осмеянному Пушкиным, посвящены стихи 172—177. *„Петриада“ Шихматова*—лирическое песнопение в восьми песнях „Петр Великий“ (1810), осмеянное Батюшковым в эпиграмме („Не странен ли судеб устав“). — Стт. 178 — 179: Шишков, *попами воскормленный, дьячком Псалтире обученный*, тоже взят у Батюшкова. — Ст. 182: *Невинная другиня* Шишкова— поэтесса Анна Петровна Бунина (1774—1829). Очень ценимая Державиным и Шишковым, с которым была близко знакома, она была избрана в почетные члены „Беседы любителей русского слова“. Бунина — пятый и последний персонаж, взятый Пушкиным из сатир Батюшкова. Независимо от Батюшкова

выведены Пушкиным в „Тени Фонвизина“ два журналиста — Кропотов и Федоров. — Изображенный в стт. 73—87 *Кропов* — Андрей Фролович Кропотов (р. в 1780 г., ум. около 1821 г.), третьестепенный писатель, издавший в 1815 году шесть книжек журнала „Демокрит“, состоящих почти сплошь из сочинений издателя. Преследуя моральные задачи, журнал, открывающийся большими цитатами из рассуждения „О любви к отечеству“, проникнут консервативно-националистическим духом. — Стт. 186—195 посвящены Б. М. Федорову (1794—1875), в это время ближайшему участнику уже упоминавшегося (в ст. 125) журнала „Кабинет Аспазии“, семь книжек которого вышли в 1815 году. Во всех книжках печатались сентиментальные любовные стишки Федорова.

Центральное место в поэме занимают стихи (200—266) о Державине. Стихи эти — яркое свидетельство большой независимости и смелости начинающего поэта. „Благословение“ „певца Фелицы“, полученное Пушкиным на экзамене 8 января 1815 года, не остановило его изобразить дряхлеющего поэта в жалком, смешном виде. — Стт. 231—240—пародия „Гимна лироэпического на прогнание французов из отечества“ Державина. Последние пятьдесят стихов (271—320) поэмы отведены Батюшкову. Образ его взят из „Моих пенатов“ Батюшкова. — Ст. 277: статуя грозящего амура с повязкой на глазах работы Фальконе была распространена в многочисленных копиях. — Ст. 292: немецкого поэта Эвальда-Христиана Клейста (1715—1759), автора идиллий, Пушкин нигде больше не упоминает. Клейста знали лицеисты. Илличевский перевел идиллии „Цефиз“ и „Ирин“. Первую перевел и Дельвиг.

128. Гроб Анакреона („Всё в таинственном молчаньи...“). Впервые напечатано, вероятно, В. Л. Пушкиным в „Трудах Общества любителей российской словесности при Императорском Московском университете“ 1818, ч. X. Печатается по копии неизвестной руки в лицейской тетради Пушкина (№ 2364 *ЛБ*). Написано в 1815 году, вероятно, в декабре.

Скомпановано оно из мотивов од Анакреона, где воспеваются мирты, розы, горлица, кубки, имеющиеся и в стихотворении Пушкина.

129. Сраженный рыцарь („Последним сияньем за лесом горя...“). Впервые напечатано В. А. Жуковским в Посмертном изд. соч. Пушкина 1841, т. IX. Печатается по копии в тетради (№ 2364 *ЛБ*), где стихотворение датировано 1815 годом.

131. Мое завещание. Друзьям („Хочу я завтра умереть...“). Впервые напечатано В. А. Жуковским в Посмертном изд. соч. Пушкина, 1841, т. IX. Печатается по копии в тетради (№ 2364 *ЛБ*), где стихотворение датировано 1815 годом.

Ст. 66: *Она* — Е. П. Бакунина.

133. Послание к Юдину („Ты хочешь, милый друг, узнать...“). Впервые напечатаны П. В. Анненковым в 1855 году отрывки из стихотворения в Собр. соч. Пушкина, тт. I и II; полностью напечатано В. Е. Якушкиным в „Русской Старине“ 1884, № 2. Печатается по автографу в тетради (№ 2364 *ЛБ*), где стихотворение датировано 1815 годом.

Послание адресовано к лицейскому товарищу Пушкина Павлу Михайловичу Юдину (1798—1852).

Стт. 41—50 посвящены имению бабки Пушкина Марьи Алексеевны Ганнибал Захарову (в 4 *км* от станции Голицыно Московско-Белорусско-Балтийской жел. дороги). В этом имении Пушкин жил летом в 1806—1811 гг.—Ст. 90: Пушкин, вероятно, читал во французском переводе поэму Виланда (1733—1813) „Оберон“, влияние которой на „Руслана и Людмилу“ отмечала критика 1820-х годов.— Стт. 165—168 говорят о той „ранней любви“, о которой записал Пушкин в плане своей автобиографии. Героиня этой любви — Софья Николаевна Сушкова (1800—1848), с которой Пушкин был знаком в Москве.

139. К живописцу („Дитя харит и воображенья...“). Впервые напечатано Б. М. Федоровым в его альманахе „Памятник отечественных муз на 1827 год“. Печатается

по копии в тетради (№ 2364 *ЛБ*), где стихотворение датировано 1815 годом.

Стихотворение, написанное под влиянием стихотворения Парни („Портрет монахини“), вызвано чувством, внушенным поэту Е. П. Бакуниной. Под „живописцем“ нужно разуметь Илличевского, ответившего Пушкину стихотворением „От живописца“.

140. Воспоминания. К Пущину („Помнишь ли, мой брат по чаше...“). Впервые напечатано В. А. Жуковским в Посмертном изд. соч. Пушкина, 1841 т. IX. Печатается по копии Горчакова. Написано не позднее 1815 года, являясь воспоминанием об истории с гоголь-моголем, о которой имеется рассказ в „Записках“ Пущина.

Ст. 15: *педант ужасный* — Ф. М. Гауеншильд, профессор немецкого языка, исправлявший с сентября 1814 г. по январь 1815 г. должность директора лицея. См. еще стихотворение „Мы недавно от печали“.

1816

141. „Заутра с свечкой грошевою...“. Впервые напечатано в 1857 году, в Собр. соч. Пушкина под ред. П. В. Анненкова, т. VII. Печатается по копии в „Собрании лицейских стихотворений“. Написано в середине января 1816 года, после недельного пребывания Пушкина в лицейском лазарете.

Эпиграмма направлена против лицейского доктора Ф. О. Пешеля.

Сазонов — лицейский дядька, изобличенный в восьми убийствах.

141. Усы. Философическая ода („Глаза скосив на ус кудрявый...“). Впервые напечатано без ведома Пушкина в альманахе „Эвтерпа“, М. 1831. Печатается по копии неизвестной руки в лицейской тетради Пушкина (№ 2364 *ЛБ*). Датируется второй половиной февраля — первой половиной марта 1816 года.

Пушкин одно время предполагал ввести „Усы“ в свой первый печатный сборник, в 1825 году переделал стихотворение, сохранив всего три строфы (I, III и VIII), и внес в текст их два исправления:

I, ст. 5:

Качая лысой головою,

VIII, ст. 6:

И старость выбелит усы.

Тема стихотворения подсказана „гусарскими“ стихотворениями Д. В. Давыдова („Бурцев, ёра, забияка“, „В дымном поле, на биваке“, „Гусарский пир“). Подзаголовок „Философическая ода“ указывает на пародийный характер стихотворения, выражающийся в комическом снижении высокой темы философических од.

Ст. 11: *Клеон* — кн. А. А. Шаховской, о котором см. эпиграмму „Угрюмых тройка есть певцов“.

143. „Блажен, кто в шуме городском...“. Впервые напечатано П. И. Бартеневым в „Русском Архиве“ 1874, № 1. Стихи из письма к кн. П. А. Вяземскому от 27 марта 1816 года печатаются по автографу. Письмо представляет собою полупрозаическое, полустихотворное послание в жанре посланий французских поэтов XVII—XVIII веков. Письмо к Вяземскому написано через четыре дня после посещения им вместе с Карамзиным и В. Л. Пушкиным лицея на возвратном пути из Петербурга в Москву. Во время этого посещения и состоялось личное знакомство поэта с Вяземским. В этот приезд в Петербург (2 февраля — 23 марта) избранные еще на организационном заседании 14 октября 1815 года „Арзамаса“ москвичи В. Л. Пушкин и Вяземский были приняты в члены общества. Заседания „Арзамаса“, на которых с шутовскими обрядами, пародировавшими чин посвящения в масонские ложи, принимали новых членов, и были, конечно, главной темой беседы Пушкина с Вяземским.

Письмо Пушкина является как бы продолжением этой беседы. Первые семь стихов стихотворной части этого „арзамасского послания“ пародийно перифразируют начало многочисленных подражаний знаменитой эподы Горация („Beatus, qui procul negotiis...“, т. е. „Блажен, кто вдали от дел...“). Ближайшим образом Пушкин, вероятно, имеет в виду высмеянное в послании „К Батюшкову“ (1814) стихотворение С. А. Ширинского-Шихматова „Сельский житель“. Стт. 8—11, вероятно, намекают на восьмое заседание „Арзамаса“ (24 февраля 1816 г.), на котором Вяземский в своей „надгробной“ речи привел свою эпиграмму на П. И. Голенищева-Кутузова.

144. Из письма к В. Л. Пушкину („Христос воскрес, питомец Феба...“). Впервые напечатано Герценом в „Полярной Звезде на 1856 г.“ Печатается по копии в рукописном сборнике Лонгинова-Полторацкого. Датируется 6—11 апреля 1816 года.

Стихотворение представляет собою часть не сохранившегося письма Пушкина к дяде, подобного полупрозаическому полустихотворному письму к Вяземскому, написанному за несколько дней перед этим.

Ст. 7: *Академия почтенная* — Российская Академия, основанная в 1783 году по образцу Парижской для очищения и обогащения русского языка. Возглавляемая с 1813 года А. С. Шишковым, Российская Академия была учреждением враждебным карамзинистам и вместе с „Беседой любителей русского слова“ подвергалась глумлению на заседаниях „Арзамаса“. Ст. 19: *Бобров* — поэт С. С. Бобров, неоднократно осмеянный Пушкиным в лицейских стихотворениях. — Ст. 21: *Николев*, Николай Петрович — плодовитый, но бездарный поэт (1758—1815). — Ст. 22: *Беспокойным* гр. Д. И. Хвостов назван за страсть приставать ко всем с чтением своих стихов.

145. Принцу Оранскому („Довольно битвы мчался гром...“). Впервые напечатано В. А. Жуковским в 1841 году в Посмертном изд. соч. Пушкина, т. IX. Печатается по копии товарища Пушкина Ломоносова. Датируется концом мая 1816 года.

Принц Оранский Вильгельм (1792—1849), проживавший с декабря 1815 года в Петербурге, женился здесь на сестре Александра I, в. кж. Анне Павловне (1795—1865). Перед их отъездом в Павловске 6 июня был дан праздник, стихи для которого было поручено написать Ю. А. Нелединскому-Мелецкому. Последний передал это поручение Пушкину, которому дал и главную мысль, а через час или два уехал из лицея уже со стихами.

Образцом для Пушкина, в отношении композиции стихотворения, послужило стихотворение Жуковского „Стихи на случай первого отречения Бонапарта, петые на празднике, данном английским министром лордом Каткартом“.

Принц Оранский, сражавшийся под начальством Веллингтона („герой дивный Альбиона„ в ст. 22), в битве под Ватерлоо, решившей судьбу Наполеона, был ранен, о чем и говорят стт. 29—30.

Стихотворение Пушкина было положено на музыку и пето на празднике 6 июня. Позднее Пушкин с неприятным чувством вспоминал свои „придворные куплеты“. См. прим. к стихотворению „А. А. Шишкову“, стр. 676—677.

146. Сон („Пускай поэт с кадильницей наемной...“). Впервые напечатано В. А. Жуковским в 1841 году в Посмертном изд. соч. Пушкина, т. IX. Печатается по копии в тетради Матюшкина. Датируется апрелем — декабрем 1816 года.

Тема стихотворения, написанного в жанре шутливых дидактических поэм, внушена, надо думать, прозаическим „Похвальным словом сну“ Батюшкова.

Ст. 97: *Бершу* (1765—1839)—автор юмористической поэмы „Гастрономия“.— Ст. 157: *Кандид* — роман Вольтера. — Стт. 171—186 посвящены бабушке поэта М. А. Ганнибал.

152. Кж. В. М. Волконской („On peut très bien, mademoiselle...“). Впервые напечатано М. И. Жихаревым в „Вестнике Европы“ 1871, № 7. По этому изданию и печатается. Датируется концом июля — началом августа 1816 года.

Эпиграмма направлена против фрейлины кж. Варвары Михайловны Волконской (1781—1865) и вызвана историей, о которой рассказывает в своих „Записках“ Пущин, вспоминающий, как Пушкин в темном коридоре поцеловал фрейлину, приняв ее за горничную Наташу.

152. Экспромпт на Огареву („В молчаньи пред тобой сижу...“). Впервые напечатано В. А. Жуковским в 1841 году в Посмертном изд. соч. Пушкина, т. IX. Печатается по копии в тетради Матюшкина. Датируется концом мая—первой половиной сентября 1816 года.

Огарева, Елизавета Сергеевна, рожд. Новосильцева (1786—1870) — жена сенатора Николая Ивановича Огарева (1789—1852). Большая любительница литературы, красивая Огарева была воспета И. И. Дмитриевым и Вяземским. Пушкин часто встречал ее у Карамзина, который летом 1816 года жил на даче в Царском Селе.

153. Наездники („Глубокой ночи на полях...“). Впервые напечатано В. А. Жуковским в 1841 году в Посмертном изд. соч. Пушкина, т. IX. Печатается по копии Есакова в лицейской тетради Пушкина (№ 2364 *ЛБ*), где датировано 1816 годом.

Первая редакция стихотворения отличается от печатаемой нами многочисленными вариантами в отдельных стихах и окончанием, которое было вскоре отброшено поэтом; его текст:

Умолк — и мчится в бой кровавый,
Уже не возвратится он...
С его конем — на поле славы
Его покрыл безвестный сон.
И утром мрачного поэта
Наездники в веселый час
За чашей дружнего привета
В последний вспомянули раз.

В 1825 году Пушкин, намечая ввести „Наездников“ в свой первый печатный сборник, сильно сократил и переделал стихотворение. Он вычеркнул двадцать восемь стихов: 1—16, 38—41, 46—49, 62—65; некоторые перекомпановал, обработал. Но и в таком виде поэт не напечатал своего юношеского стихотворения.

Этим стихотворением начинается цикл элегий, внушенных Е. П. Бакуниной (см. прим. к „Итак, я счастлив был“). По мотивам и тону стихотворение принадлежит к жанру элегий и посланий Батюшкова, в которых мотивы сентиментальной элегии соединены с батальными картинами.

Тема стихотворения — партизаны 1812 года—внушена рассказами о кампании 1812—1814 гг., слышанными Пушкиным в кружке гусарских офицеров. В рассказах этих, надо полагать, видную роль играл Денис Давыдов, слава о партизанских подвигах которого гремела по всей армии. В стихотворении Пушкина партизаны отряда Давыдова, т. е. простые крестьяне, превратились всё в тех же „усачей“ гусаров, тревоживших воображение поэта в это время (см. „Послание к Юдину“), а в образ начальника отряда Д. Давыдова, „воинственного поэта“, Пушкин внес черты автобиографические.

155. Окно („Недавно темною порою...“). Впервые напечатано В. А. Жуковским в 1841 году в Посмертном изд. соч. Пушкина, т. IX. Печатается по копии Пущина в лицейской тетради Пушкина (№ 2364 *ЛБ*), где датировано 1816 годом.

В первой редакции напечатанному тексту „Окна“ предшествовали следующие строфы:

Где мир одной мечте послушный?
Мне настоящий опустел!
На всё взираю равнодушно,
Дышать уныньем мой удел;
Напрасно летнею порою
Любовник рощиц и лугов
Колышет розой полевою,
Летя с тенистых берегов.

Напрасно поздняя зарница
Мерцает в темноте ночной
Иль в зыбких облаках денница
Разлита пламенной рекой,
Иль день багряный вечереет,
И тихо тускнет неба свод,
И клен на месяце белеет,
Склонясь на берег синих вод.

156. Элегия („Счастлив, кто в страсти сам себе...“). Впервые напечатано В. А. Жуковским в 1841 году в Посмертном изд. соч. Пушкина, т. IX. Печатается по копии неизвестного в лицейской тетради Пушкина (№ 2364 *ЛБ*), где датировано 1816 годом.

Стихотворение входит в цикл элегий, обращенных к Е. П. Бакуниной. Стт. 7—8: реминисценция второй элегии первой книги „Элегий“ Тибулла.

156. Месяц („Зачем из облака выходишь...“). Впервые напечатано В. А. Жуковским в 1841 году в Посмертном изд. соч. Пушкина, т. IX. Печатается по копии Корсакова в лицейской тетради Пушкина (№ 2364 *ЛБ*), где датировано 1816 годом.

Пушкин неоднократно намечал это стихотворение к печати, включив его даже в цензурную рукопись сборника 1826 года. Перерабатывая стихотворение, исключил стт. 18—21.

„Окно“ и „Месяц“ говорят, вероятно, о действительно бывшем свидании поэта с Е. П. Бакуниной.

157. Певец („Слыхали ль вы за рощей глас ночной...“). Впервые напечатано в „Северном Наблюдателе“ 1817, № 1. Печатается по копии Пущина в лицейской тетради Пушкина (№ 2364 *ЛБ*), где датировано 1816 годом.

В несколько переделанном виде Пушкин напечатал стихотворение в „Стихотворениях Александра Пушкина“ 1826 и 1829 г. с следующими вариантами:

Ст. 4:

Свирели звук унылый и простой

Стт. 8—10:

Следы ли слез, улыбку ль замечали,
Иль тихий взор, исполненный тоской,
Встречали вы?

Вопросительная форма стихов заимствована из первой строфы стихотворения Жуковского „Певец“.

В записи о Бакуниной под 29 ноября 1815 года в дневнике Пушкин, приведя два стиха из этого стихотворения Жуковского, применил их к себе, а в „Певце“ дал свой вариант „бедного певца“.

158. К сну („Знакомец милый и старинный...“). Впервые напечатано в альманахе „Полярная Звезда на 1824 г.“ под заглавием: „К Морфею“. Печатается по копии неизвестного в лицейской тетради Пушкина (№ 2364 *ЛБ*), где датировано 1816 годом.

Печатную редакцию „К Морфею“ см. стр. 646.

158. Слово милой („Я Лилу слушал у клавира...“). Впервые напечатано В. А. Жуковским в 1841 году в Посмертном изд. соч. Пушкина, т. IX. Печатается по копии Горчакова в лицейской тетради Пушкина (№ 2364 *ЛБ*), где датировано 1816 годом.

Это и предыдущее стихотворения входят в цикл элегий, внушенных Бакуниной.

Лила — Мария Смит, которой посвящено стихотворение „К молодой вдове“.

159. К Жуковскому („Благослови, поэт!.. В тиши парнасской сени...“). Впервые напечатано А. В. Никитенко в „Сыне Отечества“ 1840, кн. 6. Печатается по автографу, где подпись: *Арзамасец*. Датируется сентябрем (после 5-го, день смерти Озерова) — октябрем 1816 года.

Первые двадцать восемь и последние восемь (115—122) стихов говорят о том, что послание должно было открывать сборник стихотворений Пушкина, первая мысль о котором возникла, следовательно, в сентябре—октябре 1816 года. Назначение послания определяет его „программный“, „арзамасский“ характер.

Ст. 10 имеет в виду нападки на Карамзина Шишкова в его „Рассуждении о старом и новом слоге“ (1803), осмеяние писателя в комедии Шаховского „Новый Стерн“ (1805) и особенно донос гр. П. И. Голенищева-Кутузова, приверженца Шишкова.

Начало знакомства Пушкина с Карамзиным относится к 23 марта 1816 года, когда Карамзин, кн. П. А. Вяземский и В. Л. Пушкин посетили лицей.

Ст. 12: *И Дмитрев слабый дар с улыбкой похвалил* — разумеет какой-то неизвестный нам отзыв о Пушкине И. И. Дмитриева.—В стт. 13—16 Пушкин вспоминает свое чтение „Воспоминаний в Царском Селе“ на

экзамене 8 января 1815 года в присутствии Державина.

Если не считать записи Пушкина в дневнике 1815 года о подаренной ему Жуковским книге стихотворений последнего, послание является первым звеном в длинной цепи дружественных отношений, связывавших обоих поэтов до последнего дня жизни Пушкина. Стт. 29—122 посвящены борьбе карамзинистов с шишковистами.

Ст. 48: *Мевий* — римский поэт, противник Вергилия.— Стт. 49—68 представляют собою полемический выпад против Шишкова, чрезвычайно высоко ценившего Сумарокова.— Ст. 68: Буало сразил Шаплена, бездарного автора поэмы „Девственница", пользовавшегося большим авторитетом как теоретик поэзии.— Стт. 74—76 говорят о произведениях трех главнейших жанров классицизма — героической поэме, торжественной оде и трагедии. *Славянские оды* — жанр, особенно пышно расцветший в годы „отечественной" и европейской кампаний.— Стт. 77—87 посвящены Шаховскому. *Бессмертные гении*, которых Шаховской *сорвать с Парнаса мнит*, — Карамзин, осмеянный в комедии Шаховского „Новый Стерн", и Жуковский, осмеянный в „Липецких водах".— Стт. 80—87 говорят о первом представлении „Липецких вод" (23 сентября 1815 г.), после которого Шаховского в доме петербургского губернатора М. М. Бакунина увенчали лавровым венком. *Куплет*, которым был *ранен* Шаховской, — кантата Дашкова „Венчание Шутовского", а *журнал*, которым он был *низвержен в прах*, — „Письмо к новейшему Аристофану" того же Дашкова в „Сыне Отечества".— Стт. 88—94 посвящены В. Л. Пушкину. Подчеркнутое в ст. 88 слово „чувствительный" намекает на пародийные стихи Шаховского в „Липецких водах", направленные против Жуковского. — Ст. 90: *Шутливая сатира* — „Опасный сосед". — Стт. 91—92 разумеют „арзамасские" послания В. Л. Пушкина к Жуковскому, Дашкову и Вяземскому.— Стт. 99—105 повторяют обвинения Шаховского в преследовании Озерова, высказанные в посланиях В. Л. Пушкина и Жуковского. *Мевий* в ст. 112 — всё тот же Шишков.— Ст. 119: *беседуют* — намек на заседания „Беседы".

162. О с е н н е е у т р о („Поднялся шум, свирелью полевой..."). Впервые напечатано В. А. Жуковским в 1841 году в Посмертном изд. соч. Пушкина, т. IX. Печатается по копии неизвестного в лицейской тетради Пушкина (№ 2364 *ЛБ*), где датировано 1816 годом. Написана элегия в последних числах сентября — в октябре 1816 года, после отъезда Е. П. Бакуниной из Царского Села в Петербург.

163. Р а з л у к а („Когда пробил последний счастью час..."). Впервые напечатано В. А. Жуковским в 1841 году в Посмертном изд. соч. Пушкина, т. IX. Печатается по копии неизвестного в лицейской тетради Пушкина (№ 2364 *ЛБ*), где датировано 1816 годом.

Стихотворение готовилось Пушкиным для печати и уже после того, как оно вошло в цензурную тетрадь „Стихотворений Александра Пушкина" 1826, Пушкин решил не печатать элегии. Переделанное стихотворение имело такой вид:

Мой милый друг! расстался я с тобою.
Душой уснув, безмолвно я грущу.
Блеснет ли день за синею горою,
Взойдет ли ночь с осеннею луною,
Я всё тебя, далекий друг, ищу;
Одну тебя везде воспоминаю,
Одну тебя в неверном вижу сне,
Задумаюсь — невольно призываю,
Заслушаюсь — твой голос слышен мне.

И ты со мной, о лира, приуныла,
Наперсница души моей больной!
Твоей струны печален звон глухой,
И лишь тоски ты голос не забыла!..
О верная, грусти со мной!
Пускай твои небрежные напевы
Изобразят уныние любви,
И, слушая бряцания твои,
Пускай вздохнут задумчивые девы.

Как и предыдущая, элегия посвящена Е. П. Бакуниной.

164. „Л ю б о в ь о д н а — в е с е л ь е ж и з н и х л а д н о й...". Впервые напечатано В. А. Жуковским в 1841 году в Посмертном

изд. соч. Пушкина, т. IX. Печатается по копии в тетради Никитенка. Датируется осенью 1816 года.

Тема стт. 9—35 внушена эпизодом из поэмы Парни „Сельский день", где говорится о прославленных поэтах, воспевавших неразделенную любовь. Тема стихов Парни разработана Пушкиным совершенно самостоятельно.— Стт. 37—43 варьируют уже не раз использованный мотив ухода в природу. Ср. стихотворения: „Осеннее утро", „Певец", „Опять я ваш...".

166. Элегия („Я видел смерть; она в молчаньи села..."). Впервые напечатано П. В. Анненковым в 1855 году в Собр. соч. Пушкина, т. II. Печатается по автографу в лицейской тетради Пушкина (№ 2364 *ЛБ*), где датировано 1816 годом.

Пушкин много работал над элегией. Сохранилось шесть законченных редакций и, тем не менее, включив элегию в цензурную рукопись „Стихотворений Александра Пушкина" 1826, поэт не напечатал своего юношеского стихотворения.

Последняя редакция читается:

Подражание.

Я видел смерть; она сидела
У тихого порога моего.
Я видел гроб; открылась дверь его:
Туда, туда моя надежда полетела...
Умру, и младости моей
Никто следов пустынных не заметит,
И взора милого не встретит
Последний взор моих очей.
. . . .
Прости, печальный мир, где темная стезя
Над бездной для меня лежала,
Где жизнь меня не утешала,
Где я любил, где мне любить нельзя!
Небес лазурная завеса,
Любимые холмы, ручья веселый глас,
Ты, утро — вдохновенья час,
Вы, тени мирные таинственного леса,
И всё, прости в последний раз!

Стихотворение написано под влиянием элегии „Oui, sans regret, du flambeau de mes jours" Парни и „Оды в подражание нескольким псалмам" Жильбера.

167. Желание („Медлительно влекутся дни мои..."). Впервые напечатано Б. М. Федоровым в альманахе „Памятник отечественных муз на 1827 год". Печатается по копии Ф. Х. Стевена в лицейской тетради Пушкина (№ 2364 *ЛБ*), где датировано 1816 годом.

Варианты печатного текста (редакция 1819 г.):

Ст. 2:

И каждый миг в увядшем сердце множит

Ст. 4:

И тяжкое безумие тревожит.

Ст. 7:

Моя душа, объятая тоской,

Ст. 9:

О жизни сон! лети, не жаль тебя!

В 1825 году, подготовляя к печати сборник своих стихотворений, Пушкин откинул в „Желании" первые четыре стиха; следующие четыре стиха перестроил так:

Я слезы лью; мне слезы утешенье,
И я молчу; не слышен ропот мой.
Моя душа, объятая тоской,
В ней горькое находит наслажденье.

167. Друзьям („К чему, веселые друзья..."). Впервые напечатано в „Стихотворениях Александра Пушкина" 1826, где датировано 1816 годом. Печатается по автографу в лицейской тетради Пушкина (№ 2364 *ЛБ*).

Стихотворение развивает тему стихов 28—31 элегии „Разлука". Эта же тема варьируется в элегиях: „Я думал, что любовь..." (стт. 24—31) и „Опять я ваш..." (стт. 16—26).

В более ранней редакции вместо первых восьми стихов сохранились следующие строки:

Среди беседы вашей шумной
Один уныл и мрачен я...
На пир раздольный и безумный
Не призывайте вы меня.
Любил и я когда-то с вами
Под звон бокалов пировать

И гармонически стихами
Пиров веселье воспевать.
Но пролетел миг упоений,
Я радость светлую забыл,
Меня печали мрачный гений
Крылами черными покрыл...
Не кличьте ж вы меня с собою
Под звон бокалов пировать:
Я не хочу своей тоскою
Веселье ваше отравлять.

Текст, напечатанный Пушкиным в переделанном виде, см. стр. 646.

168. Элегия („Я думал, что любовь погасла навсегда...“). Впервые напечатано В. Е. Якушкиным в „Русской Старине“ 1884, № 2. Печатается по копии Ломоносова в лицейской тетради Пушкина (№ 2364 *ЛБ*), где датировано 1816 годом.

По теме и композиции элегия, относящаяся к числу тех, которые внушены чувством к Бакуниной, близка элегии Парни „La rechute“.

169. Наслажденье („В неволе скучной увядает...“). Впервые напечатано В. А. Жуковским в 1841 году в Посмертном изд. соч. Пушкина, т. IX. Печатается по автографу. Датируется 1816 годом.

Это стихотворение, вероятно, замыкает цикл элегий, внушенных Бакуниной.

170. Истина („Издавна мудрые искали...“). Впервые напечатано В. А. Жуковским в 1841 году в Посмертном изд. соч. Пушкина, т. IX. Печатается по копии Вольховского в лицейской тетради Пушкина (№ 2364 *ЛБ*), где датировано 1816 годом. Написано во второй половине октября — ноябре.

Стихотворение написано под влиянием стихотворения Вяземского „Погреб“.

170. На Пучкову („Зачем кричишь ты, что ты *дева*...“). Впервые напечатано В. П. Гаевским в „Современнике“ 1863, № 7. Печатается по автографу. Написано в конце ноября — начале декабря 1816 года.

Эпиграмма вызвана стихотворением члена „Беседы любителей русского слова“ Е. Н. Пучковой „Экспромпт тем, которые укоряли меня: для чего я не написала стихов на кончину Г. Р. Державина“. Экспромпт начинается стихами:

Деве ли робкой
Арфой незвучной
Славному барду
Песнь погребальну
Деве ль брящать?

170. Дяде, назвавшему сочинителя братом („Я не совсем еще рассудок потерял...“). Впервые напечатано в „Сыне Отечества“ 1821, № 11. Печатается по рукописному „Собранию лицейских стихотворений“.

Стихотворение является извлечением (в измененной редакции) из полустихотворного, полупрозаического письма Пушкина к дяде В. Л. Пушкину от 22 декабря 1816 года. Письмо это — ответ на письмо дяди от 17 апреля этого года, где Василий Львович назвал племянника „братом по Аполлону“. Последними словами и объясняется первая половина послания:

„Тебе, о Нестор Арзамаса,
В боях воспитанный поэт,
Опасный для певцов сосед
На страшной высоте Парнаса,
Защитник вкуса, грозный *Вот*!
Тебе, мой дядя, в новый год
Веселья прежнего желанье,
И слабый сердца перевод —
В стихах и прозою посланье.

В письме вашем вы назвали меня братом, но я не осмелился назвать вас этим именем, слишком для меня лестным.

Я не совсем еще рассудок потерял
От рифм вакхических шатаясь на Пегасе.
Я знаю сам себя, хоть рад, хотя не рад...
Нет, нет, вы мне совсем не брат,
Вы дядя мой и на Парнасе.

Итак, любезнейший из всех дядей-поэтов здешнего мира — можно ли мне надеяться, что вы простите девятимесячную беременность пера ленивейшего из поэтов-племянников?

Да, каюсь я; конечно перед вами
Совсем не прав пустынник-рифмоплет:

Он в лености сравнится лишь с богами;
Он виноват и прозой и стихами:
Но *старое* забудьте в *новый* год.

Кажется, что судьбою определены мне только два рода писем: *обещательные* и *извинительные:* первые в начале годовой переписки, а последние при последнем ее издыхании. К тому же приметил я, что и вся она состоит из двух посланий; это, мне кажется, непростительно.

Но вы, которые умели
Простыми песнями свирели
Красавиц наших воспевать,
И с гневной музой Ювенала
Глухого варварства начала
Сатирой грозной осмеять,
И мучить бедного Ослова
Священным Феба языком,
И лоб угрюмый Шутовского
Клеймить единственным стихом!
О вы, которые умели
Любить, обедать и писать —
Скажите искренно — ужели
Вы не умеете прощать?

Напоминаю о себе моим незабвенным; не имею более времени писать, но... надобно ли еще обещать? Простите, вы все, которых любит мое сердце, и которые любите еще меня...

Шолье Андреевич конечно
Меня забыл давным давно,
Но я его люблю сердечно
За то, что любит он беспечно
И пить, и петь свое вино,
И над всемирными глупцами
Своими резвыми стихами
Смеется, право, пресмешно".

Нестором „Арзамаса" Василий Львович назван потому, что на заседании общества 15 марта 1816 года он был произведен в старосты „Арзамаса", да и по годам (50 лет) он был старше всех товарищей. Под *боями,* в которых *воспитан* Василий Львович, разумеются его антишишковские послания к Жуковскому, Дашкову и кн. Вяземскому.—*Опасный для певцов сосед,* т. е. автор „Опасного соседа".—*Вот*—арзамасское прозвище В. Л. Пушкина. *Девятимесячная беременность пера* — намек на то, что на апрельское письмо дяди поэт отвечает в конце декабря. — *Глухого варварства начала* — В. Л. Пушкин осмеивал „сатирой грозной" в посланиях к Жуковскому и к Дашкову. — *Ослов* — А. С. Шишков, выведенный под именем Балдуса и Ариста в послании В. Л. Пушкина к Жуковскому.—*Единственный стих* — стих о кн. А. А. Шаховском в „Опасном соседе":

„Прямой талант везде защитников найдет".

Стих этот, говорящий об успехе произведений Шаховского у обитательниц публичного дома, имел большой успех у арзамасцев.

Слова: *О вы, которые умели любить* намекают на стихотворение Василия Львовича „Люблю и не люблю". — Слова: *умели... обедать* намекают на гурманство Василия Львовича, очень гордившегося своим поваром Власом. — *Незабвенными* Пушкин, очевидно, называет Карамзина, Вяземского и Батюшкова. Эти прозаические строки — стилизация слога „Писем русского путешественника" Карамзина.

Заключительные стихи адресованы Вяземскому, названному именем французского поэта-эпикурейца Шолье.

171. К Маше („Вчера мне Маша приказала..."). Впервые напечатано В. А. Жуковским в 1841 году в Посмертном изд. соч. Пушкина, т. IX. Печатается по копии в рукописном сборнике „Дух лицейских трубадуров". Датируется 1816 годом.

По свидетельству Пущина, „Корсаков положил стихотворение на музыку, и эти стансы пелись иногда юными девицами почти во всех домах, где лицей имел право гражданства".

171. Заздравный кубок („Кубок янтарный..."). Впервые напечатано Б. М. Федоровым в альманахе „Памятник отечественных муз, изданный на 1827 год". Печатается по копии Горчакова в лицейской тетради Пушкина (№ 2364 *ЛБ*), где датировано 1816 годом.

Стихотворение, возможно, написано под влиянием стихотворения Шиллера „Пуншевая песня“.

Варианты текста альманаха:

Ст. 7:

Но за кого же

Стт. 11—12:

Бранной забавы
Любить нельзя;

Стт. 17—20:

Жители неба,
Феба жрецы,
Здравие Феба

Ст. 22:

Резвой Климены

173. Послание Лиде („Тебе, наперсница Венеры...“). Впервые напечатано в „Северном Наблюдателе“ 1817, № 23. Печатается по автографу в лицейской тетради Пушкина (№ 2364 *ЛБ*), где датировано 1816 годом.

Послание построено на одной мужской рифме „он“, повторяющейся в стихотворении тридцать раз. В этом можно видеть подражание Вольтеру, который в эпиграмме „Les Frérons“ также играл рифмой на „on“.

Тема стихотворения — противопоставление философии циников и стоиков „мудрой вере Анакреонов и Нинон“ — и ряд подробностей ее разработки взяты Пушкиным из „Оды господину аббату Куртену“ Ж.-Б. Руссо.

175. Амур и Гименей. Сказка („Сегодня, добрые мужья...“). Впервые напечатано в „Стихотворениях Александра Пушкина“ 1826. Печатается по копии Илличевского в лицейской тетради Пушкина (№ 2364 *ЛБ*), где датировано 1816 годом.

Подзаголовок „Сказка“ указывает на то, что стихотворение Пушкин относил к очень распространенному во французской литературе XVII — XVIII вв. и у нас в XVIII — начале XIX века жанру сказок в стихах, родоначальником и крупнейшим представителем которого был Лафонтен.

Текст „Стихотворений Александра Пушкина“ 1826 см. стр. 644—645.

Стихотворение Пушкина является как бы продолжением и развитием басни Лафонтена „Амур и Безумие“. В басне этой рассказывается, как в ссоре Безумие лишило зрения Амура, и как боги за это заставили Безумие водить слепца.

С рассказа о том, как „Дурачество ведет Амура“, и начинается „новая сказка“ Пушкина.

177. Фиал Анакреона („Когда на поклоненье...“). Впервые напечатано В. А. Жуковским в 1841 году в Посмертном изд. соч. Пушкина, т. IX. Печатается по копии Горчакова в лицейской тетради Пушкина (№ 2364 *ЛБ*), где датировано 1816 годом.

По жанру стихотворение нужно отнести к подражаниям одам Анакреона. Среди последних есть две (XVII и XVIII) „на серебряный кубок“. Отсюда и взят „фиал Анакреона“; самое же содержание стихотворения совершенно независимо от од греческого лирика, являясь лишь их мастерской стилизацией. Последняя объясняет и белые стихи „Фиала Анакреона“.

178. К Шишкову („Шалун, увенчанный Эратой и Венерой...“). Впервые напечатано в „Стихотворениях Александра Пушкина“ 1826, где датировано 1816 годом. Печатается по копии, кажется, руки Саврасова, в лицейской тетради Пушкина (№ 2364 *ЛБ*). Печатную редакцию (1825 г.) см. стр. 647.

В рукописи стихи 18—28 были переработаны так:

Пой, в неге устремив на друга томны очи,
Тебе подвластные красы,
В объятиях Лаис утраченные ночи,
Любви бесценные часы.
Но я..... Друзей любить открытою душою

Пушкин после стиха 45:

И даже, каюсь я — пустынник согрешил

вписал было следующие стихи, но тут же и зачеркнул их:

Простите мне, мой страшный грех, поэты:
Я написал придворные куплеты,
Кадилом дерзостным я счастию кадил.

В этих стихах поэт вспоминал написанное им по заказу стихотворение „Принцу Оранскому“.

Адресат послания *Шишков* Александр Ардальонович (1799—1832) — поэт, племянник главы „Беседы любителей русского слова“ А. С. Шишкова, воспитывавшийся в его доме.

Эротические стихотворения Шишкова, характеристике которых посвящена первая часть послания Пушкина, неизвестны.

180. Пробуждение („Мечты, мечты!..“). Впервые напечатано в „Северном Наблюдателе“ 1817, № 25. Печатается по копии Илличевского в лицейской тетради Пушкина (№ 2364 *ЛБ*), где датировано 1816 годом.

1814—1817

181. На гр. А. К. Разумовского („Ах, боже мой, какую...“). Впервые напечатано П. А. Ефремовым в „Сочинениях А. С. Пушкина“ 1880, т. I. Печатается по копии в „Собрании лицейских стихотворений“.

Эпиграмма направлена против министра народного просвещения гр. А. К. Разумовского. Она написана, может быть, в 1814 году в связи со слухами о его отставке.

Вариант записи В. П. Гаевского со слов товарищей Пушкина: Вместо стт. 1—2:

Ты слышал весть смешную?

Ленты голубой, т. е. ордена Андрея Первозванного, Разумовский не получал.

181. К Делии („О Делия драгая!..“). Впервые напечатано В. А. Жуковским в 1841 году в Посмертном изд. соч. Пушкина т. IX. Печатается по авторизованной копии. Датируется 1815—1816 годами.

„Первый куплет этой песни часто распевался в лицее на два голоса с гитарой на музыку, сочиненную Корсаковым“ (товарищем Пушкина по лицею), — свидетельствует Гаевский со слов товарищей Пушкина.

Имя Делии, героини элегии Тибулла, одно из самых популярных во французской любовной лирике XVII — начала XIX века.

182. Делия („Ты ль передо мною...“). Впервые напечатано В. А. Жуковским в 1841 году в Посмертном изд. соч. Пушкина, т. IX. Печатается по копии в сборнике „Дух лицейских трубадуров“. Датируется 1814—1816 годами.

183. Твой и мой („Бог весть, за что философы, пииты...“). Впервые напечатано В. А. Жуковским в 1841 году в Посмертном изд. соч. Пушкина, т. IX. Печатается по копии Ломоносова в лицейской тетради Пушкина (№ 2364 *ЛБ*). Датируется 1814—1816 годами.

Варианты текста, приготовлявшегося к печати в 1819 и 1825 гг. („тетрадь Всеволожского“): вместо стт. 3—7:

Не спорю я с ученою толпой,
Но, милый друг, и верить им не смею.
Что ежели б ты не была моею?
Что ежели б я не был, Ниса, твой?

Философы, упоминаемые Пушкиным в двух первых стихах, вероятно, Паскаль и Ж.-Ж. Руссо. В „Мыслях“ Паскаля есть такой афоризм: „Мой, твой“. „Эта собака моя“, говорили эти бедняги, „это мое место на солнце“. Вот начало и картина узурпации всей земли“. О происхождении собственности писал Руссо в „Трактате о происхождении неравенства среди людей“.

Из поэтов, писавших на тему „Твой и мой“, Пушкин сам указал Лафонтена, написав уже после окончания лицея французские стихи „Tien et mien, dit Lafontaine“. Разумел он 20-ю басню VI книги басен Лафонтена: „La discorde“.

183. Надпись к беседке („С благоговейною душой...“). Впервые напечатано П. В. Анненковым в 1857 году в Собр. соч. Пушкина, т. VII. Печатается по копии Ломоносова в лицейской тетради Пушкина (№ 2364 *ЛБ*). Датируется 1814—1816 годами.

Кто „она“ стихотворения, остается неизвестным. Вероятно, в 1819 году Пушкин изменил 5-й стих:

В восторге сладостном погас.

183. „Вот Виля — он любовью дышет...“. Впервые напечатано В. П. Гаевским в „Современнике“ 1863 г., № 7. Печа-

тается по автографу. Датируется, вероятно, временем не ранее мая 1814—1816 года.

Эпиграмма направлена против В. К. Кюхельбекера.

Ст. 4 намекает на недостаток Буало, о котором Пушкин говорит в эпиграмме „Ты хочешь ли узнать, моя драгая“.

184. „Скажи, что нового...“. Впервые напечатано в альманахе „Северные цветы на 1829 г.“. Печатается лицейская редакция по автографу.

Переделанное, вероятно, в 1828 году стихотворение см. на стр. 648 („Любопытный“).

184. „Больны вы, дядюшка? Нет мочи...“. Впервые напечатано В. П. Гаевским в „Современнике“ 1863, № 7. Печатается по автографу.

184. На Пучкову („Пучкова, право, не смешна...“). Впервые напечатано Я. К. Гротом в „Русской Старине“ 1884, № 3. Печатается по автографу.

Эпиграмма разумеет заметки о „патриотических приношениях“, написанные сентиментально-выспренним тоном и печатавшиеся в газете „Русский Инвалид“, издававшейся в пользу инвалидов.

184. Сновидение („Недавно, обольщен прелестным сновиденьем...“). Впервые напечатано В. А. Жуковским в 1841 году в Посмертном изд. соч. Пушкина, т. IX. Печатается по копии в „Собрании лицейских стихотворений“.

Стихотворение является вольным переводом мадригала Вольтера „Принцессе прусской Ульрике“.

185. Погреб („О, сжальтесь надо мною...“). Впервые напечатано В. А. Жуковским в 1841 году в Посмертном изд. соч. Пушкина, т. IX. Печатается по копии Горчакова. Датируется предположительно 1816 годом.

Написано под влиянием стихотворения Давыдова „Мудрость“ („Мы недавно от печали...“).

185. „Ты хочешь ли узнать, моя драгая...“. Впервые напечатано Н. В. Гербелем в „Стихотворениях А. С. Пушкина“, Берлин 1861. Печатается по автографу. Датируется предположительно 1816 годом.

186. „Тошней идиллии и холодней, чем ода...“. Впервые напечатано Н. В. Измайловым в „Сборнике Пушкинского дома на 1923 год“, Пгр. 1922. Печатается по единственной копии в „Собрании лицейских стихотворений“, где нет подписи. Датируется предположительно 1816 годом.

Стихотворение обращено к Кюхельбекеру, который ответил стихотворением „Разуверение“, где есть строки:

Надо мною тяготеет
Клятва друга первых лет!
Юношей связали музы,
Радость, молодость, любовь,
Я расторг святые узы...
Он в числе моих врагов!
Ни подруги и ни друга
Не иметь тебе во век!

186. „Пожарский, Минин, Гермоген...“. Впервые напечатано В. П. Гаевским в „Современнике“ 1863, № 7. Печатается по копии в „Собрании лицейских стихотворений“.

Эпиграмма написана на поэму Ширинского-Шихматова „Пожарский, Минин, Гермоген, или спасенная Россия“ (1807).

186. Она („Печален ты: признайся, что с тобой...“). Впервые напечатано В. А. Жуковским в 1841 году в Посмертном изд. соч. Пушкина, т. IX. Печатается по копии в „Собрании лицейских стихотворений“.

187. „От всенощной, вечор идя домой...“. Впервые напечатаны первые шесть стихов в „Записках о Пушкине“ И. И. Пущина в „Атенее“ 1859, № 8. Полностью стихотворение напечатано Н. В. Гербелем в „Стихотворениях А. С. Пушкина“, Берлин 1861. Печатается по копии И. И. Пущина.

187. На Баболовский дворец („Прекрасная, пускай восторгом насладится...“). Впервые напечатано В. Е. Якушкиным в „Русской Старине“ 1884, № 12. Печатается по копии в „Собрании лицейских стихотворений“.

В Баболовском дворце (на самом краю огромного Баболовского парка в Царском Селе) происходили любовные свидания Але-

ксандра I с дочерью придворного банкира Софьей Осиповной Велио.

187. Эпиграмма на смерть стихотворца („Покойник Клит в раю не будет...“). Впервые напечатано в „Северном Наблюдателе“ 1817, № 2. Печатается по этому изданию.

Эпиграмма, внушенная эпиграммой Пирона на Грессе („Damon pleure sur ses ouvrages“), направлена против Кюхельбекера.

188. Фавн и пастушка. Картины („С пятнадцатой весною...“). Впервые напечатано Б. М. Федоровым в альманахе „Памятник отечественных муз“, СПБ. 1827. Печатается по „Сочинениям А. С. Пушкина“ 1880, т. I. Датируется октябрем 1815—1816 годом.

Источником послужило стихотворение Карамзина „К Лиле“ („Ты плачешь, Лилета?“). Форма *картин* заимствована у Парни.

195. „И останешься с вопросом...“. Впервые напечатано И. И. Пущиным в его „Записках“, в „Атенее“ 1859, № 7. Печатается по рукописному тексту „Записок“ Пущина. Датируется предположительно зимой 1816—1817 года.

Стихи обращены к товарищу Пушкина по лицею С. С. Есакову. *Милые Вельо*—младшие сестры бар. С. О. Велио, о которой см. стихотворение „На Баболовский дворец“.

195. К письму („В нем радости мои; когда померкну я...“). Впервые напечатано В. А. Жуковским в 1841 году в Посмертном изд. соч. Пушкина, т. IX. Печатается по копии в „Собрании лицейских стихотворений“.

196. Портрет („Вот карапузик наш, монах...“). Впервые напечатано Я. К. Гротом в его книге „Пушкин, его лицейские товарищи и наставники“, СПБ. 1887. Печатается по копии в тетради Матюшкина. Датируется мартом 1816 — маем 1817 года.

Эпиграмма написана на гувернера и учителя рисования в лицее С. Г. Чирикова.

Ст. 5: *Мартын* — Мартын Степанович Пилецкий-Урбанович, инспектор в лицее в 1811—1813 гг.— Ст. 6: *Фролов* — Степан Степанович Фролов, инспектор в лицее в 1814—1817 гг. — Ст. 7: *Энгельгардт*—Егор Антонович Энгельгардт, директор лицея в 1816—1823 гг.

196. Couplets („Quand un poète, en son extase...“). Впервые напечатаны первые две строфы П. В. Анненковым в „Материалах для биографии Пушкина“ 1855; всё стихотворение — Г. Н. Геннади в „Библиографических Записках“ 1858, № 22. Печатается по автографу. Датируется 1816— маем 1817 года.

Стихотворение написано на заданную тему для собраний у учителя пения в лицее бар. Теппера-де-Фергюссона, жившего в Царском Селе. В ответ на эти куплеты Мария Смит написала свои „Lorsque je vois de vous, monsieur“. О М. Смит см. стихотворение „К молодой вдове“.

198. К портрету Каверина („В нем пунша и войны кипит всегдашний жар...“). Впервые напечатано В. А. Жуковским в 1841 году в Посмертном изд. соч. Пушкина, т. IX. Печатается по копии в „Собрании лицейских стихотворений“.

198. „Я сам в себе уверен...“. Впервые напечатано Ю. Н. Щербачевым в его книге „Приятели Пушкина Михаил Андреевич Щербинин и Петр Павлович Каверин“, М. 1913. Печатается по книге Щербачева. Датируется сентябрем 1816—маем 1817 года.

Ст. 4: *Молоствов*, Панфамир Христофорович — офицер лейб-гвардии гусарского полка.

1817

199. К Каверину („Забудь, любезный мой Каверин...“). Впервые напечатано в „Московском Вестнике“ 1828, № XVII, под заглавием: „К К. 1817“. Печатается по автографу. Написано в первых числах января 1817 года.

Текст „Московского Вестника“, дающий третью редакцию стихотворения, см. стр. 648

Варианты автографа (в тетради № 2364 *ЛБ*):

Стт. 18—22:

У резвой младости не вечно мы в гостях,
Не долго знаться нам с беспечностью игривой,
С Венерой пламенной и с негой прихотливой.
Вздохнем об них, как о друзьях,
И старости дождемся молчаливо.

Поэт извиняется за куплет (до нас не дошедший) о Каверине в ноэле на лейб-гусарский полк (см. стр. 597).

200. Элегия („Опять я ваш, о юные друзья...“). Впервые напечатано В. А. Жуковским в 1841 году в Посмертном изд. соч. Пушкина, т. IX. Печатается по копии Пущина в лицейской тетради Пушкина (№ 2364 *ЛБ*). Написано в первых числах января, после поездки Пушкина в Петербург на рождественские каникулы, где он пробыл с 24 декабря по 1 января.

В 1818 — 1819 г. Пушкин переделал стихотворение; кроме отдельных словесных замен, он вычеркнул совсем стт. 11, 16 — 20 и переставил стт. 25—29 и 21—24.

201. К молодой вдове („Лида, друг мой неизменный...“). Впервые напечатано В. А. Жуковским в 1841 году в Посмертном изд. соч. Пушкина, т. IX. Печатается по беловому автографу, где датировано 1817 годом. Написано в январе — первых числах марта и адресовано француженке Марии Смит, жившей у директора лицея Е. А. Энгельгардта.

Пушкин предполагал еще в конце 1819 года печатать стихотворение, для чего переработал его текст. Вычеркнув стихи 5 — 8, поэт придал началу стихотворения такой вид:

Лида, друг мой неизменный,
Почему сквозь тонкой сон,
Насладденьем утомленный,
Слышу я твой тихий стон?
Почему, когда сгораю
В неге пламенной любви,
Иногда я примечаю
Слезы тайные твои?

203. Безверие („О вы, которые с язвительным упреком...“). Впервые напечатано в „Трудах Общества любителей российской словесности при Императорском Московском университете“, М. 1818, ч. X, кн. XVI. Печатается по копии неизвестной руки в лицейской тетради Пушкина (№ 2364 *ЛБ*). Датируется январем — началом марта 1817 года.

„Безверие“, являющееся по своему жанру „философической одой“, написано как ответ на стихотворение Жуковского „Гимн богу“, являющееся, в свою очередь, вольным переводом из поэмы „Времена года“ Томсона. На призыв Жуковского-Томсона всюду искать бога, признать и славословить его Пушкин отвечает „горестным“ признанием в неисполнимости этого.

Более чем вероятно, что текст „Трудов“ прошел через редакцию Василия Львовича Пушкина; поэтому не приводим многочисленных вариантов этого текста, в котором отсутствуют и два заключительных стиха.

Даем варианты текста, приготовленного к печати в конце 1819 года, по тетради Всеволожского.

Стт. 6—7:

Имеет право он на ваше снисхожденье.
С душою тронутой, внемлите брата стон,

Стт. 11—22 и 61—64 отсутствуют, стт. 23—26 перенесены после 34.

Ст. 38:

Наш век — неверный день, минутное волненье

Ст. 43:

Тогда беседуя с раскованной душой

Ст. 65:

В слезах отчаянья, в слезах ожесточенья,

Ст. 67:

Рыдает — и меж тем под сенью темных ив

Ст. 77—80:

Но тайно вслед за ним немая скука бродит.
Во храм ли вышнего с толпой народа входит;
Там умножает он тоску души своей.
При пышном торжестве священных алтарей,

Ст. 90:

С единой верою повергнуться пред богом!

Ст. 94:

Несчастного влечет до хладных врат могилы,

205. К Дельвигу („Блажен, кто с юных лет увидел пред собою...“). Впервые напечатано в „Стихотворениях Александра Пушкина“ 1826, где датировано 1817 годом. Печатается по копии в тетради А. В. Никитенка. Стихотворение в первой редакции написано в конце 1816 года, во второй — в январе — апреле 1817 года.

Стт. 29—30 говорят об обиде, нанесенной Пушкину редактором-издателем „Вестника Европы“ М. Т. Каченовским, отказавшимся напечатать в журнале три стихотворения Пушкина, в том числе „Гроб Анакреона“. Стихи были посланы поэтом, вероятно, еще весной 1816 года. В течение всего 1816 года не появилось в печати ни одного нового стихотворения поэта, что и объясняет мрачный конец стихотворения.

В ответ на послание Пушкина Дельвиг ответил стихотворением, в котором писал:

Тебе ль, младой вещун, питомец Аполлона,
На лиру звучную потоком слезы лить,
Дрожать пред завистью и под косою Крона
Склоняся — дар небес в безвестности укрыть?
Нет, Пушкин, рок певцов бессмертье, не забвенье,
Пускай Армениус, ученьем напыщен,
В архивах роется и пишет рассужденье,
Пусть в академиях почетный будет член; —
Но он глупец — и с ним умрут его творенья!
Ему ли быть твоих гонителем даров?
Брось на него ты взор, взор грозного презренья.
И в малый сонм вступи божественных певцов...

Армениус — конечно, Каченовский.

Варианты первой редакции:

Между 12 и 13 стихами были следующие:

Певец! в безвестности глухой
Живи под дружественной сенью;
Страшись увидеть свет; неопытной душой
Не жертвуй ослепленью!
Воспитанный в тиши, не зная грозных бед,
С любовью, дружеством и ленью
В уединении ты счастлив, — ты поэт!
Но для меня прошли, увяли наслажденья!

Ст. 17:

Ребенок, лирный звук я чувствовать умел;

Ст. 21:

Сияя тихою красою

Между стт. 24 и 25:

И были дни мои посвящены покою.

Ст. 25:

Но всё прошло навек, и скрылись в темну даль

Ст. 40:

Погиб на утре вешних лет,

Стт. 43 — 46:

Что нужды? Проживу в безвестной тишине.
Потомство грозное не вспомнит обо мне —
И памятник певца в пустыне мрачной, дикой,
Забытый — порастет ползущей повиликой!

Окончательную редакцию, напечатанную в „Стихотворениях Александра Пушкина“ 1829, см. стр. 650.

207. Стансы („Ты мне велишь пылать душою...“). Впервые напечатано В. А. Жуковским в 1841 году в Посмертном изд. соч. Пушкина, т. IX. Печатается по копии Кюхельбекера в лицейской тетради Пушкина (№ 2364 *ЛБ*), где датировано 1817 годом. Написано в январе — мае этого года.

Стихотворение представляет собою перевод стансов Вольтера госпоже Шатле („Si vous voulez que j'aime encore“). Перевод настолько „вольный“, что стихотворение является в сущности самостоятельным произведением.

Готовя стихотворение к печати в 1818—1819 годах, Пушкин переработал его в рукописи, сделал подзаголовок: „Из Вольтера“. Варианты этой последней редакции:

Стт. 1 — 4:

Ты мне велишь пылать душою:
Отдай же мне минувши дни,
И мой рассвет соедини
С моей вечернею зарею!

Стт. 9 – 12:

Пред ним смириться должно нам.
Кто применяться не умеет

Своим пременчивым годам,
Тот горесть их одну имеет.

Стт. 17—20:

Ужель навек вы убежали,
Любовь, мечтанья первых дней —
Вы, услаждавшие печали
Минутной младости моей?

Стт. 25 — 28:

На сумрачном моем закате,
Среди вечерней темноты,
Так сожалел я об утрате
Обманов сладостной мечты. —

Ст. 34:

Веселых юношества дней.

208. Послание В. Л. Пушкину („Скажи, парнасский мой отец...“). Впервые вторая редакция стихотворения была напечатана в альманахе* „Полярная Звезда на 1824 г.“ Первая редакция впервые была напечатана Герценом в „Полярной Звезде на 1858 г.“ Печатается первая редакция по „Полярной Звезде“ Герцена и по копии в сборнике „Стихотворения Пушкина“, принадлежавшем П. Я. Дашкову. В „Стихотворениях Александра Пушкина“ 1826 датировано 1817 годом.

Послание является ответом на письмо Василия Львовича, отговаривавшего племянника от поступления в гусарский полк. Такого рода переписка велась, надо думать, в последние месяцы (март — май) пребывания Пушкина в лицее.

В ст. 13 под *русским Буфлером* Пушкин разумеет Батюшкова. Маркиз *Буффлер* (1738 — 1815)— политический деятель, участник Семилетней войны, автор произведений в прозе и стихах. — Ст. 14: *Денис храбрец* — Д. В. Давыдов, автор „гусарских“ стихотворений. — Стт. 15 — 17 посвящены Федору Николаевичу Глинке (1786 — 1880), как автору военно-патриотических стихотворений.— Стт. 23 — 25 посвящены Сергею Никифоровичу Марину (1775 — 1813), офицеру Преображенского полка. Большой популярностью пользовались шуточные стихотворения Марина, распространявшиеся в списках. Писал Марин и военно-патриотические стихотворения и послания, представляющие собой подражания сатирам Буало. Последние и разумеет Пушкин в 25 ст. — Ст. 29: *Посланье к Лиде* — „Посланье Лиде“ 1816 г., построенное на одной мужской рифме „он“, не могло не нравиться В. Л. Пушкину, забавлявшемуся такими версификационными приемами.—Стт. 35—44 посвящены И. И. Дмитриеву, приятелю Василия Львовича, бывшему министром юстиции (ст. 42) в 1810 — 1814 гг. *Ермака* и *плен могучего Мегмета* Дмитриев *нарисовал* в стихотворении „Ермак“ (1794), в котором есть описание единоборства Ермака с Мегметом-Кулой. — Стт. 52 — 54 имеют в виду куплет в ноэле („Святки“) Вяземского, высмеивающий участника кампании 1812 — 1814 гг. П. А. Кикина, бывшего членом „Беседы“, не имея ни одного литературного труда. — В стт. 62—65 Пушкин имеет в виду седьмую оду второй книги Горация „К Помпею Вару“.

Сокращенную редакцию этого стихотворения, напечатанную Пушкиным в „Стихотворениях Александра Пушкина“ 1826, см. на стр. 649.

211. Письмо к Лиде („Лишь благосклонный мрак раскинет...“). Впервые напечатано П. В. Анненковым в Собр. соч. Пушкина, тт. II (1855) и VII (1857). Печатается по автографу в лицейской тетради Пушкина (№ 2364 *ЛБ*), где датировано 1817 годом. Написано в январе — первых числах июня.

Адресовано, вероятно, той же Лиде, к которой обращено „Послание Лиде“.

Пушкин перерабатывал стихотворение в 1818 — 1819 годах; он исключил стихи 9 — 12, и начало приобрело следующий вид:

Лишь благосклонный мрак раскинет
Над нами тихой свой покров,
Лишь только время передвинет
Стрелу медлительных часов,
В счастливой тишине природы,
Когда не спит одна любовь,
Тогда моей темницы вновь
Покину я глухие своды,
И я в обители твоей...

Дальше исправлен лишь один последний стих:

С восторгов пламенной любви.

212. Князю А. М. Горчакову („Встречаюсь я с осьмнадцатой весной...“). Впервые напечатано М. Н. Лонгиновым в „Современнике“ 1856, № 11. Печатается по „Современнику“. Датируется апрелем — первыми числами июня 1817 года, хотя с „осьмнадцатой весной“ Пушкин „встречался“ в 1816 году. В поэтике того времени восемнадцать лет было символом юности.

Стт. 43—62 — воспоминание о „несчастной“ любви к Бакуниной.

214. В альбом („Пройдет любовь, умрут желанья...“). Впервые напечатано без разрешения Пушкина в альманахе „Листки граций или собрание стихотворений для альбомов“, М. 1829. Печатается по автографу в тетради (№ 2367 *ЛБ*), где датировано 1817 годом.

Стихотворение адресовано Алексею Николаевичу Зубову (1798 — 1864), корнету лейб-гвардии Гусарского полка; с Зубовым Пушкин общался в последние три месяца жизни в лицее.

Даем вторую редакцию стихотворения, попавшую в альманах:

Когда погаснут дни мечтанья
И позовет нас шумный свет,
Кто вспомнит братские свиданья
И дружество минувших лет?...
Позволь в листах воспоминанья
Оставить им минутный след.

214. В альбом Илличевскому („Мой друг! не славный я поэт...“). Впервые напечатано В. А. Жуковским в 1841 году в Посмертном изд. соч. Пушкина, т. IX. Печатается по копии Илличевского в тетради Матюшкина. В автографе (не сохранившемся) датировано: „31 мая 1817 г.“

Стихотворение адресовано товарищу Пушкина по лицею Алексею Демьяновичу Илличевскому (1798 — 1837), начавшему писать стихи еще до поступления в лицей, где он в первые годы считался первым поэтом. Принимавший участие в лицейских журналах, составивший рукописную „антологию“ из стихотворений поэтов-лицеистов, с 1814 года печатавший свои произведения, Илличевский считался мастером „малых“ поэтических жанров, специализировавшись на эпиграммах.

Пушкина с Илличевским в лицее связывала, и то лишь в первые годы, общая страсть к стихотворству, настоящей же дружбы между ними не было. Не было у них тесного общения и по выходе из лицея. В письмах поэта нет ни одного упоминания Илличевского, а в произведениях поэт вспомнил Илличевского один раз для противопоставления настоящему поэту — Дельвигу.

215. Товарищам („Промчались годы заточенья...“). Впервые напечатано В. А. Жуковским в 1841 году в Посмертном изд. соч. Пушкина, т. IX. Печатается по копии Пущина в лицейской тетради Пушкина (№ 2364 *ЛБ*), где датировано 1817 годом.

Стихотворение обращено к двадцати восьми товарищам Пушкина, с которыми он учился со времени своего поступления в лицей.

Ст. 28: *Красный колпак* — остроконечная шапочка республиканцев Великой французской революции, на подобие тех, которые носили во Фригии. Эти „фригийские колпаки“ сделались одним из символов свободы. В этом смысле Пушкин и употребляет эти слова. Едва ли поэт имел в виду заседания „Арзамаса“, на которых председатель сидел во фригийском колпаке.

216. Надпись на стене больницы („Вот здесь лежит больной студент...“). Впервые напечатано в „Записках“ И. И. Пущина в „Атенее“ 1859, № 8. Печатается по копии в „Собрании лицейских стихотворений“. Датируется 2 — 10 июня 1817 года.

В записках Пущина об этих стихах читаем: „...когда я перед самым выпуском лежал в больнице, он как-то успел написать мелом на дощечке у моей кровати (приведены стихи). Я нечаянно увидел эти стихи над моим изголовьем и узнал исковерканный его почерк. Пушкин не сознавался в этом экспромпте“.

216. В альбом И. И. Пущину („Взглянув когда-нибудь на тайный сей листок...“). Впервые напечатано П. А. Плетневым в „Современнике“ 1841, т. XXII, май. Печатается по „Библиографическим Запискам“ 1858, № 11.

По свидетельству И. И. Пущина, стихотворение написано „перед самым выпуском“, почему и датируется концом мая — первыми числами июня 1817 года.

Стт. 11 — 13 говорят о Е. П. Бакуниной, в которую были влюблены Пушкин и Пущин.

Пушкин переделывал стихотворение в 1818 — 1819 годах и в 1825 году. Последняя редакция, сокращенная, такова:

Взглянув когда-нибудь на верный сей листок,
Исписанный когда-то мною,
На время улети в лицейской уголок,
Где подружились мы душою.
Воспомни быстрые минуты первых дней,
Неволю мирную, шесть лет соединенья,
Младой души твоей
Живые впечатленья,
Печали, радости, размолвки, примиренья
И дружбу первую и первую любовь...
Что было — что не будет вновь.

217. Кюхельбекеру („В последний раз, в тиши уединенья...“). Впервые напечатано в „Невском Зрителе“ 1820, ч. 2, апрель, где помечено: „Лицей. 9 июня 1817“. Печатается по „Невскому Зрителю“.

В „Стихотворения Александра Пушкина“ 1826 Пушкин ввел стихотворение под заголовком „Разлука“ с некоторыми вариантами:

Ст. 1:

В последний раз, в сени уединенья,

Стт. 5—8:

Прошли лета соединенья;
Разорван он, наш верный круг.
Прости! Хранимый небом,
Не разлучайся, милый друг,
С свободою и Фебом!

217. „Простите, верные дубравы...“. Впервые напечатано М. И. Семевским в „С.-Петербургских Ведомостях“ 1866, № 175. Печатается по копии П. А. Осиповой в ее альбоме *(ПД)*, где дата: „17 августа 1817 г.“

Стихи вдохновлены усадьбой Тригорское П. А. Осиповой, соседки Пушкина по Михайловскому. Летом 1817 года Пушкин впервые жил в своем Михайловском и тесно сблизился с семьей Осиповых, с которыми дружил до самой смерти.

218. „Штабс-капитану, Гете, Грею...“. Впервые напечатано А. И. Кирпичниковым в „Русской Старине“ 1897, № 2. По этому изданию и печатается. Датируется предположительно летом 1817 года.

Экспромпт, обращенный к В. А. Жуковскому, которого Пушкин, при посещении его квартиры, не застал дома.

Гете, Грей, Томсон, Шиллер — поэты, переводившиеся Жуковским.

218. К Огаревой, которой митрополит прислал плодов из своего саду („Митрополит, хвастун бесстыдный...“). Впервые напечатано Е. И. Якушкиным в „Библиографических Записках“ 1858, № 11. Печатается по автографу в тетради (№ 2364 *ЛБ*), где помечено: „1817... Петербург“. Написано в сентябре этого года.

Об Огаревой см. выше (стр. 670).

Митрополит—петербургский митрополит Амвросий. *Бог садов* — Приап, являющийся одновременно богом плодородия и мужской силы.

219. Послание к А. И. Тургеневу („Тургенев, верный покровитель...“). Впервые напечатано П. И. Бартеневым в „Русском Архиве“ 1895, № 12. По этому изданию и печатается (с поправками по „Русскому Богатству“ 1901, № 1). В копии с автографа — дата: „8 ноября 1817 г.“

Послание обращено к Александру Ивановичу Тургеневу (1784—1845), либеральному директору департамента духовных дел, члену комиссии для устройства евреев и вдохновителю мероприятий по изгнанию из России иезуитов, секретарю Библейского общества, члену „Арзамаса“.

Ст. 19: *Соломирская* — внебрачная дочь дипломата Д. П. Татищева и Н. П. Колтовской, урожд. Турчаниновой; *Аннен-*

ский и *Владимирский кресты* — ордена. — Ст. 24: *Лунина,* Е. С. — сестра декабриста М. С. Лунина, бывшая замужем за Ф. С. Уваровым. — Ст. 29: *Лаваль,* И. С. (1761—1846) — французский эмигрант русской службы, отец жены декабриста Трубецкого, хозяин одного из самых блестящих аристократических салонов Петербурга.

220. К *** („Не спрашивай, зачем унылой думой...“). Впервые напечатано в „Стихотворениях Александра Пушкина“ 1826. Печатается по „Стихотворениям Александра Пушкина“ 1829, ч. II. В автографе, где элегия названа „Уныние“, стихотворение датировано: „27 ноября 1817“.

Откинутое начало в автографе:

Он улетел, любви прекрасный миг...

Стихи тематически и стилистически связаны с посланием „К ней“ (см. стр. 686).

221. „Краев чужих неопытный любитель...“. Впервые напечатано по автографу в газете „Молва“ 1857, № 3. Печатается по автографу *(ПД)*. Датировано Пушкиным в другом автографе: „30 ноября 1817“.

Стихи вдохновлены кн. Евдокией Ивановной Голицыной (1780—1850), известной красавицей, хозяйкой литературно-артистического салона, крайней националисткой.

221. „Не угрожай ленивцу молодому...“. Впервые напечатано В. Е. Якушкиным в „Русской Старине“ 1884, № 3. Печатается по автографу в тетради (№ 2364 *ЛБ*). По положению в тетради датируется декабрем 1817 года.

Стихотворение, обращенное к Н. И. Кривцову (см. след. стихотворение) и начатое в элегическом тоне пятистопным ямбом, было оборвано, и тут же сложилось стихотворение: „Не пугай нас, милый друг...“ (см. ниже).

222. Кривцову („Не пугай нас, милый друг...“). Впервые напечатано в „Стихотворениях Александра Пушкина“ 1826. Печатается по „Стихотворениям Александра Пушкина“ 1829, ч. I, где датировано 1819 годом.

В беловом автографе названо „К Анаксагору“ и датировано: „1817, дек.“

Стихи обращены к приятелю Пушкина Николаю Ивановичу Кривцову (1791—1843), брату декабриста, либералу и атеисту, близко связанному с кругом участников „Арзамаса“. Именем греческого философа Анаксагора, судившегося за оскорбление богов, подчеркивался атеизм Н. И. Кривцова (см. также стр. 687).

222. „Орлов с Истоминой в постеле...“. Впервые напечатано Н. П. Огаревым в сборнике „Русская потаенная литература XIX в.“, Лондон 1861. Печатается по копии Бартенева, где помета: „Писано только что по выходе из лицея“, т. е. в июле — декабре 1817 года.

Эпиграмма направлена, вероятно, на Михаила Федоровича Орлова (1788—1842), генерал-маиора, видного политического деятеля первой трети XIX века, одного из вождей Союза Благоденствия, члена „Арзамаса“.

Авдотья Ильинишна *Истомина* (1799—1848) — премьерша петербургского балета, послужившая Пушкину прототипом в набросках „Русского Пелама“ и упомянутая в „Евгении Онегине“ (глава первая, строфа XX).

223. Торжество Вакха („Откуда чудный шум, неистовые клики...“). Впервые напечатано в „Стихотворениях Александра Пушкина“ 1826. Печатается по „Стихотворениям Александра Пушкина“ 1829, ч. I, где датировано 1817 годом.

Торжество Вакха, прославленное в античном изобразительном искусстве и в поэзии, было одним из популярнейших сюжетов и в XVII—XVIII веках.

Варианты „Стихотворений Александра Пушкина“ 1826:

Ст. 45:

И тирс, символ победный мира,

Ст. 46:

И кубок, тяжкой, золотой,

Стиха 47 нет.

225. Именины („Умножайте шум и радость...“). Впервые напечатано в „Стихотворениях Александра Пушкина“ 1826. Пе-

чатается по „Стихотворениям Александра Пушкина“ 1829, ч. II. Датируется предположительно 1817 годом.

Варианты в тетради Всеволожского, приготовленной к печати в 1819 году, где озаглавлено „Куплет“:

Стт. 5—8:

Но какой-то бог крылатый
Нам знакомый, о друзья,
Молча думает: когда-то
Именинник буду я!

Стихи, по преданию, написанные в одно из посещений семьи директора лицея Е. А. Энгельгардта.

225. Добрый совет („Давайте пить и веселиться...“). Впервые напечатано В. А. Жуковским в 1841 году в Посмертном изд. соч. Пушкина, т. IX. Печатается по автографу *(ПД)*. Датируется предположительно 1817 годом.

Подражание стихотворению Парни „A mes amis“ („Моим друзьям“).

226. К ней („В печальной праздности я лиру забывал...“). Впервые напечатано в 1855 году в Собр. соч. Пушкина под ред. П. В. Анненкова, т. II. По этому изданию и печатается. Датируется 1817 годом (дата в рукописи оглавления „Стихотворений Александра Пушкина“ 1826).

В тетради Всеволожского, приготовленной к печати в 1819 году, между 24 и 25 стихами было:

Тебя увидел я... нет! в сердце не потух
Святой поэзии восторг неизъяснимый;
Нет! он еще горит, поэта прежний дух,
Сей пламень, музами хранимый!

Стихотворение тематически и стилистически связано с посланием К *** („Не спрашивай, зачем унылой думой...“) (см. стр. 220).

227. К. А. Б *** („Что можем наскоро стихами молвить ей?“). Впервые напечатано в „Стихотворениях Александра Пушкина“ 1826. Печатается по „Стихотворениям Александра Пушкина“ 1829, ч. II. Датируется предположительно 1817 годом.

Адресат мадригала не установлен.

227. История стихотворца („Внимает он привычным ухом...“). Впервые напечатано в „Соревнователе Просвещения и Благотворения“ 1821, № V. Печатается по „Стихотворениям Александра Пушкина“ 1829, ч. II. Датируется весьма предположительно 1817 годом.

Против кого направлена эпиграмма, не установлено.

В журнале и в „Стихотворениях Александра Пушкина“ 1826 начинается 3-м и 4-м стихами, за коими следуют 1-й и 2-й.

227. К портрету П. Я. Чаадаева („Он вышней волею небес...“). Впервые напечатано Н. В. Сушковым в альманахе „Раут“ 1854. Печатается по „Вестнику Европы“ 1871, № 7. Датируется весьма предположительно 1817 годом.

Чаадаев, Петр Яковлевич (1794—1854)— приятель Пушкина, в дни создания стихотворения — офицер гвардейского Гусарского полка, стоявшего в Царском Селе, впоследствии член Союза Благоденствия, автор знаменитых „Философических писем“ (см. послания к нему, стр. 242 и 287).

228. Вольность. Ода („Беги, сокройся от очей...“). Впервые напечатано Герценом в „Полярной Звезде на 1856 г.“ Печатается по автографу (*ПД*). Датируется июлем — декабрем 1817 года.

Ода не предназначалась автором для печати, но была распространена в сотнях нелегальных рукописных копий.

В строфе 2 под „возвышенным галлом“ Пушкин разумел или Андре Шенье (см. „Андрей Шенье“ и прим. к этому стихотворению или Экушара Лебрена, автора „Ode au vaisseau le Vengeur“ 1794 г.). Конец строфы 6 и строфа 7 имеет в виду французского короля Людовика XVI, казненного 21 января 1793 года по постановлению Конвента. — Строфа 8 имеет в виду Наполеона, об отношении к которому Пушкина см. стихотворения „Наполеон на Эльбе“ (1815) и „Наполеон“ (1821). Строфы 9—11 говорят об убийстве Павла I, задушенного в ночь на 11 марта 1801 года при косвенном участии

Александра I. — Именем Калигулы, римского императора I века до н. э., знаменитого своей жестокостью и развратом, Пушкин называет Павла I и позднее, в своих „Заметках по русской истории XVIII века".

231. Кн. Голицыной. Посылая ей оду „Вольность" („Простой воспитанник природы..."). Впервые напечатано в сборнике „Молодик" 1841, II. Печатается по автографу *(ПД)*, где дата: „1817".

О Е. И. Голицыной см. стр. 685.

1818

232. „Когда сожмешь ты снова руку...". Впервые напечатано В. А. Жуковским в 1841 году в Посмертном изд. соч. Пушкина, т. IX. Печатается по автографу *(ПБЛ)*, где дата „1818, Марта 2".

Стихотворение написано по случаю отъезда Н. И. Кривцова (см. выше, стр. 685) в Лондон и прислано адресату вместе с экземпляром поэмы Вольтера „Девственница" („La Pucelle"), которую и разумеет автор в словах *святая библия харит* (ст. 4). — Ст. 5: *Цитера* — остров в Греции, на котором находился храм, посвященный богине Венере. — Ст. 11: *Альбион* — древнее название Великобритании, широко распространенное в поэтическом языке XVIII—XIX веков.

233. Выздоровление („Тебя ль я видел, милый друг..."). Впервые напечатано в „Стихотворениях Александра Пушкина" 1826. Печатается по „Стихотворениям Александра Пушкина" 1829, ч. I, где датировано 1818 годом. Написано, вероятно, в марте этого года.

В первой редакции этого, неоднократно перерабатывавшегося стихотворения, названного здесь „Элегия", после 10 стиха были следующие стихи:

На саблю опершись, казалось, ты дрожала,
Я зрел в твоих очах уныния туман,
Казалось, тяжкая тоска приподнимала
  Накинутый на перси доломан.

После 23 стиха шли стихи:

И чуждым поясом объятый крепко стан,
  И сей ревнивый доломан,

Стихотворение связано с болезнью Пушкина в январе — феврале 1818 года, о чем он писал в автобиографических записках (см. V том). По преданию, в это время навестила Пушкина одна из известных петербургских „прелестниц" Елизавета Шот-Шедель, переодевшаяся гусаром.

234. „Послушай, дедушка, мне каждый раз...". Впервые напечатано Л. С. Пушкиным в „Москвитянине" 1853, № 10. Печатается по „Материалам для биографии Пушкина" Анненкова, 1855. Датируется предположительно мартом 1818 года (временем выхода в свет третьей книжки „Для немногих").

Пародия на первые четыре стиха „Тленности" В. А. Жуковского:

Послушай, дедушка, мне каждый раз,
Когда взгляну на этот замок Ретлер,
Приходит мысль, что если то ж случится
И с нашей хижиной?

Пушкин вышучивает белые стихи и отсутствие цезуры в пятистопном ямбе.

234. Жуковскому („Когда к мечтательному миру..."). Впервые напечатано в „Сыне Отечества" 1821, № 52, под заглавием: „К Ж***. По прочтении изданных им книжек «Для немногих»". Печатается по „Стихотворениям Александра Пушкина" 1829, ч. I, где в указателе подзаголовок: „На издание книжек его: «Для немногих»", и датировано 1818 годом. Датируется мартом — апрелем (предположительно) 1818 года.

Отличия первоначальной печатной редакции послания:

Вместо стт. 1—3:

Когда младым воображеньем
Твой гордый гений окрилен,

Тревожит лени праздный сон,
Томясь мятежным упоеньем;
Когда возвышенной душой
Летя к мечтательному миру,
Ты держишь на коленях лиру

Вместо ст. 10:

Не для подкупленных судей,
Ревнивых милостью своей,

Ст. 20:

В завидный получил удел

После ст. 22:

Смотри, как пламенный поэт,
Вниманьем сладким упоенный,
На свиток гения склоненный,
Читает повесть древних лет.
Он духом там, в дыму столетий;
Пред ним волнуются толпой
Злодейства, мрачной славы дети,
С сынами доблести прямой;
От сна воскресшими веками
Он бродит тайно окружен,
И благодарными слезами
Карамзину приносит он
Живой души благодаренье
За миг восторга золотой,
За благотворное забвенье
Бесплодной суеты земной, —
И в нем трепещет вдохновенье.

235. Сказки (Noël) („Ура! в Россию скачет...“). Впервые напечатано в „Русской Библиотеке“ 1858, I. Печатается по „Стихотворениям А. С. Пушкина“, Берлин 1861. Датируется по содержанию второй половиной марта — апрелем 1818 года.

Noël — французская народная сатирическая песенка своеобразной формы, поющаяся на мотив рождественского церковного песнопения. В подражание этим народным песням появились ноэли, заключавшие в себе политическое обозрение событий истекающего года с резкой сатирической характеристикой представителей власти, духовенства, литературы, театра и т. д.

Стихотворение, не рассчитанное на печать, но широко распространенное в нелегальных рукописных копиях, вызвано было речью Александра I в Варшаве 15 марта с. с. 1818 года.

Сказками названы конституционные обещания, данные Александром I при открытии первого сейма Царства Польского и, конечно, не выполненные. Пушкину принадлежит резкая характеристика Александра I в эпиграмме „Воспитанный под барабаном“ (1824) и в отрывках из десятой главы „Евгения Онегина“ (1830) — „Властитель слабый и лукавый, плешивый щеголь, враг труда“.

Ст. 2: *кочующим деспотом* Пушкин называет Александра I за его постоянные разъезды по Западной Европе и России. — Ст. 19: И. П. *Лавров* — директор Исполнительного департамента в Министерстве полиции. — Ст. 20: В. И. *Соц* — секретарь особого Цензурного комитета в Министерстве полиции. — Ст. 21: И. С. *Горголи* — петербургский обер-полицеймейстер с 1811 по 1821 год.

236. Юрьеву („Любимец ветреных Лаис...“). Впервые напечатано без ведома Пушкина в альманахе „Северная Звезда на 1829 г.“ Печатается по печатному оттиску *(ПД)*. Датируется 1818 годом на основании заметки Пушкина о публикации в „Северной Звезде“, но, возможно, относится к 1819—1820 году.

Юрьев Федор Филиппович (1796—1860) — лейб-улан, член общества „Зеленая Лампа“, приятель Пушкина. К нему же обращено стихотворение „Здорово, Юрьев, именинник!“ (1819) (см. далее, стр. 693—694).

237. Мечтателю („Ты в страсти горестной находишь наслажденье...“). Впервые напечатано в „Сыне Отечества“ 1818, № 51. Печатается по „Стихотворениям Александра Пушкина“ 1829, ч. I, где датировано 1818 годом.

Послание посвящено В. К. Кюхельбекеру. „Поэзия создает мне мир мечтательный“, — писал о себе Кюхельбекер.

Варианты первой печатной редакции:

Ст. 4:

И в сердце хладное страдание таит.

Ст. 10:

На ложе, медленно растерзанный тоской

Ст. 11:

Забыв надежду и покой,

Ст. 19:

Дрожащий, дикий, исступленный

Ст. 20:

Тогда б воскликнул он к богам:

Ст. 24:

Довольно я страдал, отдайте мне покой!

238. К портрету Жуковского („Его стихов пленительная сладость...“). Впервые напечатано в „Благонамеренном“ 1818, № 7. Печатается по „Стихотворениям Александра Пушкина“ 1829, ч. II. Датируется маем (предположительно) 1818 года (упоминается как новость в письме А. М. Горчакова от 2 июня).

Первая печатная редакция:

Надпись к портрету
В. А. Жуковского.

Его стихов пленительная сладость
Пройдет времен в таинственную даль:
Услыша их, воспламенится младость,
Безмолвная утешится печаль,
И резвая задумается радость.

Портрет Жуковского, рисованный П. Соколовым и гравированный А. Флеровым, был приложен к № 20 „Вестника Европы“ за 1817 год.

238. На Каченовского („Бессмертною рукой раздавленный зоил...“). Впервые напечатано В. И. Саитовым в „Остафьевском Архиве“, I, 1899. Печатается по копии в письме А. И. Тургенева к кн. П. А. Вяземскому от 18 сентября 1818 года. Датируется августом — первой половиной сентября (предположительно) 1818 года.

Эпиграмма является ответом на статьи Каченовского, направленные против „Истории Государства Российского“ Н. М. Карамзина, и написана под влиянием П. А. Вяземского, который писал 13 августа 1818 года А. И. Тургеневу: „Скажи поэту Пушкину, что ему непременно должно высечь мстительным стихом мерзавца Каченовского... Не надобно личностей, но сильный приговор к смерти: la mort sans phrases“.

Каченовский, Михаил Трофимович (1775—1842)— профессор русской истории Московского университета, редактор-издатель журнала „Вестник Европы“, отстаивавший в литературной борьбе позиции классицизма; принадлежал к числу литературных противников Карамзина и писателей группы „Арзамас“.

Ст. 5: *прежним ты стихом доволен будь* — имеется в виду заключительный стих эпиграммы Пушкина, дословно взятый из эпиграммы И. И. Дмитриева „Ответ“, направленной против Каченовского:

Нахальство, Аристарх, таланту не замена,
Я буду всё поэт, тебе наперекор,
А ты останешься всё тот же крохобор,
Плюгавый выползок из гузна Дефонтена.

Ст. 6: *Дефонтен,* Франсуа (1685—1745) — французский критик, осмеянный Вольтером.

238. Ответ на вызов написать стихи в честь ее императорского величества государыни императрицы Елисаветы Алексеевны („На лире скромной, благородной...“). Впервые напечатано в „Соревнователе Просвещения и Благотворения“ 1819, № 10. По положению в тетради датируется 1818 годом.

Варианты белового автографа:

Ст. 5:

Природу лишь умея славить,

Ст. 13:

Небесного земной свидетель

Стихотворение отражает настроения некоторых оппозиционных военных и литературных кругов, противопоставлявших в конце 10-х годов личность потерявшей влияние царицы ее мужу, Александру I, и считавших ее подходящей кандидаткой на престол в случае успеха подготовлявшегося ими государственного переворота. Надежды на возможность прикрытия именем Елизаветы Алексеевны будущего либерального правительства особенно вдохновляли поэта и публициста

Ф. Н. Глинку (о нем см. стр. 719), вождя правого фланга Союза Благоденствия и руководителя С.-Петербургского Вольного общества любителей российской словесности. В органе последнего и появился впервые „Ответ“ Пушкина.

239. Прелестнице („К чему нескромным сим убором...“). Впервые напечатано в „Невском Зрителе“ 1820, II, апрель. Печатается по „Стихотворениям Александра Пушкина“ 1829, ч. I, где датировано 1818 годом.

Варианты первой печатной публикации:

Ст. 3:

Младое сердце воспалять,

Стт. 14—15 заменены точками.

Ст. 25:

Ты на предательскую грудь!

В „Стихотворениях А. Пушкина“, 1826, те же отличия (кроме ст. 3), как и в „Невском Зрителе“.

К кому обращено стихотворение, неизвестно.

240. К *** („Счастлив, кто близ тебя, любовник упоенный...“). Впервые напечатано П. В. Анненковым в „Материалах для биографии Пушкина“ 1855. Печатается по автографу в тетради (№ 2364 *ЛБ*). По положению в тетради датируется мартом 1817—ноябрем 1818 года.

Набросок, тематически связанный со стихотворением „L'amant timide“ („Робкий любовник“), приписывавшимся французскому поэту Леонару (1744—1793).

240. „Дубравы, где в тиши свободы...“. Впервые напечатано В. Е. Якушкиным в „Русской Старине“ 1884, № 2. Печатается по автографу в тетради (№ 2364 *ЛБ*). По положению в тетради датируется июнем 1817— ноябрем 1818 года.

Набросок, начальной редакции которого предшествовал эпиграф: O Zauberei der ersten Liebe!“ Wieland („О чары первой любви!“ Виланд).

240. „Могущий бог садов—паду перед тобой...“. Впервые напечатано П. О. Морозовым в Собр. соч. Пушкина, в изд. „Просвещение“ 1903, т. I. Печатается по автографу в тетради (№ 2364 *ЛБ*). По положению в тетради датируется июнем 1817 — ноябрем 1818 года.

Набросок, находящийся в рукописи вслед за предыдущим („Дубравы, где в тиши свободы...“). *Бог садов* — Приап.

241. „Позволь душе моей открыться пред тобою...“. Впервые напечатано В. Е. Якушкиным в „Русской Старине“ 1884, № 2. Печатается по автографу в тетради (№ 2364 *ЛБ*). По положению в тетради датируется предположительно 1818 годом.

Набросок послания, адресованного, возможно, сестре поэта, Ольге Сергеевне Пушкиной.

241. „За ужином объелся я...“. Впервые напечатано П. И. Бартеневым в „Русской Речи“ 1861, № 94. Печатается по „Русскому Архиву“ 1866, № 8—9. Датируется предположительно 1818 годом.

Тексту стихов Бартенев предпослал следующий рассказ: „Однажды Жуковский кудато был зван на вечер и не явился. Когда его после спросили, отчего он не был, Жуковский отвечал: „Я еще накануне расстроил себе желудок, к тому же пришел Кюхельбекер, и я остался дома“. Это рассмешило Пушкина, и он стал преследовать поэта стихами „За ужином“ и т. д. Выражение „мне кюхельбекерно“ сделалось поговоркою во всем кружке“.

Яков — слуга В. А. Жуковского.

242. К Чаадаеву („Любви, надежды, тихой славы...“). Впервые напечатано без ведома Пушкина в альманахе „Северная Звезда на 1829 г.“ Печатается по рукописному сборнику 1820-х годов, принадлежавшему А. В. Шереметеву *(ПД)*. Датируется предположительно 1818 годом.

Послание, не рассчитанное на печать, но широко распространенное в нелегальных списках. Возвращение к теме послания „К Чаадаеву“ см. далее, в стихотворении „Чаадаеву“ („К чему холодные сомненья...“) (1824).

242. В альбом Е. Я. Сосницкой („Вы съединить могли с холодностью сердечной...“). Впервые напечатано в Собр. соч. Пушкина под ред. Анненкова, 1857, т. VII. По этому изданию и печатается. Датируется 1818 годом предположительно.

Сосницкая, Елена Яковлевна (1794—1871) — петербургская драматическая актриса.

243. „Как сладостно!.. Но, боги, как опасно...“. Впервые напечатано В. Е. Якушкиным в „Русской Старине“ 1884, № 2. Печатается по автографу в тетради (№ 2364 *ЛБ*). По положению в тетради датируется 1818 годом.

Набросок, находящийся среди черновиков второй песни „Руслана и Людмилы“.

243. „И я слыхал, что божий свет...“. Впервые напечатано В. Е. Якушкиным в „Русской Старине“ 1884, № 3. Печатается по автографу. Датируется предположительно 1818 годом.

Набросок, находящийся среди черновиков второй песни „Руслана и Людмилы“.

1819

244. Эпиграмма на А. М. Колосову („Всё пленяет нас в Эсфири...“). Впервые напечатано П. П. Каратыгиным в „Русской Старине“ 1879, № 6. По этому изданию и печатается. Датируется по содержанию первой половиной января 1819 года.

Эпиграмма, направленная против актрисы А. М. Колосовой (1802 — 1880), дебютировавшей в Петербурге 3 января 1819 года в трагедии Расина „Эсфирь“. Об А. М. Колосовой см. в „Моих замечаниях об русском театре“. С эпиграммой связано позднейшее послание к Катенину (1821).

244. 27 мая 1819 („Веселый вечер в жизни нашей...“). Впервые напечатано Ю. Н. Щербачевым в его книге „Приятели Пушкина Мих. Андр. Щербинин и Петр Павл. Каверин“, М. 1912. По этому изданию, где воспроизведен текст автографа, и печатается.

Стихотворение озаглавлено датой самим поэтом и написано или 27 мая 1819 года, после „веселого вечера“, или в ближайшие дни после этого числа.

Об обстоятельствах написания этих стихов сохранился рассказ П. П. Каверина: „Щербинин, Олсуфьев, Пушкин — у меня в П-бурге ужинали, шампанское в лед было поставлено за сутки вперед, случайно тогдашняя красавица моя мимо шла — ее зазвали, жар был несносный, Пушкина просили память этого вечера у нас продолжить стихами. Вот они — оригинал у меня“.

245. Элегия („Воспоминаньем упоенный...“). Впервые напечатано П. В. Анненковым в „Материалах для биографии Пушкина“ 1855. Печатается по автографу в тетради (№ 2367 *ЛБ*). Датируется апрелем — маем (предположительно) 1819 года, так как в более раннем тексте, где стихотворение озаглавлено „К Кагульскому памятнику“, рядом с заглавием имеется дата: „30 марта 1819“. Она означает, повидимому, день, связанный в воспоминаниях поэта с памятником.

Две строки многоточия входят в композицию стихотворения: они намекают на какое-то событие личной жизни, „воспламенившее“ поэта.

Вариант начала:

Победы памятник надменный!
И с наслажденьем и с тоской
Объемлю славный мрамор твой,
Воспоминанием смущенный.

О „памятнике надменном“ см. „Воспоминания в Царском Селе“ (1814).

245. На А. С. Стурдзу („Холоп венчанного солдата...“). Впервые напечатано в „Стихотворениях А. С. Пушкина“, Берлин 1861. Печатается по книге Ю. Н. Щербачева „Приятели Пушкина Мих. Андр. Щербинин

и Петр Павл. Каверин", М. 1912. Датируется апрелем — июнем (предположительно) 1819 года.

Эпиграмма, широко распространенная в нелегальных списках, неправильно приурочена в большей части их к имени А. А. Аракчеева. См. также стихотворение „Вкруг я Стурдзы хожу..." (стр. 600).

Стурдза, Александр Скарлатович (1791—1854) — чиновник Министерства иностранных дел, официозный публицист, идеолог реакции 10-х —20-х годов, автор трактата о политическом положении Германии, где восставал против университетов, как рассадников революционного духа (1818).

Венчанный солдат — Александр I.

Коцебу, Август (1761—1819)— немецкий писатель, реакционер, тайный политический агент русского правительства, убит 11 марта с.с. 1819 года студентом Карлом Зандом.

246. В. В. Энгельгардту („Я ускользнул от Эскулапа..."). Впервые напечатано в „Стихотворениях Александра Пушкина" 1826. Печатается по „Стихотворениям Александра Пушкина" 1829, ч. I, где датировано 1819 годом, и Собр. соч. Пушкина под ред. Анненкова, т. VII. Датируется концом июня — началом июля 1819 года (перед отъездом числа 11 июля в Михайловское).

О тяжелой болезни Пушкина см. стихотворение „Выздоровление" (стр. 233 и 687). *Энгельгардт,* Василий Васильевич (1785—1837)— отставной полковник, расточительный богач, крупный игрок и гастроном, член общества „Зеленая Лампа" (см. стр. 694).

247. Орлову („О ты, который сочетал..."). Впервые напечатано без ведома Пушкина в альманахе „Северная Звезда на 1829 г." Печатается по автографу *(ПД).* В другом автографе дата: „1819. 4 июля".

Послание обращено к Алексею Федоровичу Орлову (1786—1861), в это время командиру гвардейского Конного полка, впоследствии ближайшему сотруднику Николая I.

А. И. Тургенев писал П. А. Вяземскому 12 марта 1819 года: „Пушкин не на шутку собирается в Тульчин, а оттуда в Грузию и бредит уже войною... Он уже и слышать не хочет о мирной службе". В Тульчине находилась главная квартира 2-й армии, начальником штаба которой был П. Д. Киселев, обещавший, очевидно, помочь Пушкину поступить в армию, но не выполнивший своих обещаний.

Ст. 26: *доломан* — гусарский офицерский плащ-полукафтан, носившийся в накидку на левом плече.

248. „Нет, нет, напрасны ваши пени...". Впервые напечатано в 1905 году В. Е. Якушкиным в Академическом изд. соч. Пушкина, т. II. Печатается по автографу в тетради (№ 2364 *ЛБ*). По положению в тетради датируется январем — августом 1819 года.

Первые четыре стиха первоначально были:

Нет, нет, напрасны ваши пени,
Дни наши, милые <друзья>,
Бегут, как утренние тени,
Как воды быстрого ручья.

249. Деревня („Приветствую тебя, пустынный уголок..."). Впервые напечатаны без ведома Пушкина в альманахе „Майский листок" 1824 г. стт. 1—14 в виде эпиграфа к стихотворению неизвестного „Возвращение на родину. Элегия". Стт. 1—34, под заглавием „Уединение", вошли в „Стихотворения Александра Пушкина" 1826. Вторая половина стихотворения, говорящая о крепостном праве, не могла быть напечатана из-за цензурных соображений. Печатается по „Стихотворениям Александра Пушкина" 1829, ч. I, где датировано 1819 годом, и по авторизованной копии в альбоме Горчакова *(ПД).* В автографе дата: „1819, июля".

В России стихотворение распространялось в многочисленных рукописных списках, в печати же появлялись отдельные „нецензурные" стихи в 1850-х и 1860-х годах.

Полностью текст „Деревни" был напечатан Герценом в Лондоне в „Полярной Звезде на 1856 г.".

Сохранившийся автограф первой редакции стихотворения с заглавием „Деревня" дает следующие варианты, по сравнению с печатаемым нами текстом:

Стт. 1—2:

Приветствую тебя, пустынный уголок,
Предел спокойствия, трудов и размышленья,

Стт. 6—8:

Безумные пиры, заботы, заблужденья
На сладкий шум дубрав, на тишину полей,
На праздность вольную, подругу вдохновенья.

Стт. 12—13:

Где светлые ключи в кустарниках журчат.
Везде вокруг меня подвижные картины.

Ст. 15:

Где парус рыбарей белеет иногда,

Стт. 18—19:

На злачных берегах бродящие стада,
Овины, мельницы крылаты;

Ст. 23:

Желать не многого, добро боготворить —

Ст. 28:

Оракулы веков — я вопрошаю вас.

Ст. 31:

Он будит лени сон угрюмый,

Ст. 37:

Мудрец печальный замечает

Ст. 43:

Здесь горестный ярем до гроба все влекут,

Ст. 50:

Для дерзкой прихоти злодея.

Ст. 51:

Надежда милая стареющих отцов

Стт. 56—57:

Почто в груди моей горит напрасный жар,
И не дан мне судьбой Витийства грозный дар?

Ст. 59:

И Рабство изгнанно по манию царя,

Ст. 28: *Оракулы веков* — великие писатели прошлого.

250. „Давно ли тайными судьбами...". Впервые напечатано в 1905 году В. Е. Якушкиным в Академическом изд. соч. Пушкина, т. II. Печатается по автографу в тетради (№ 2364 *ЛБ*). Датируется январем — августом 1819 года, по положению в тетради.

Черновой набросок этот вписан на полях стихотворения „Нет, нет, напрасны ваши пени" и, повидимому, вышел из него.

251. К Щербинину („Житье тому, любезный друг..."). Впервые напечатано в „Москвитянине" 1841, № 4. Печатается по книге Ю. Н. Щербачева „Приятели Пушкина Мих. Андр. Щербинин и Петр Павл. Каверин", М. 1912. Датируется 27 мая — началом августа 1819 года (так как оно написано после стихотворения „27 мая 1819" и было уже известно в Петербурге А. И. Тургеневу 13 августа).

Из этого послания Пушкин позднее сделал восьмистишие:

Житье тому, мой милый друг,
Кто страстью глупою не болен,
Кому влюбляться недосуг,
Кто занят всем и всем доволен.—
Его не ведает печаль,
Его забавы бесконечны,
Он создал мысленно сераль
И в нем блаженствует беспечный.

Щербинин, Михаил Андреевич (1793—1841) — участник войны 1812 года, член „Зеленой Лампы".— Ст. 5: *Наденька* — Надежда Форст, известная петербургская „прелестница", которой посвящено стихотворение „Наденьке" („С тобой приятно уделить...") (см. стр. 636). Ст. 14: *листик Инвалида* — газета „Русский Инвалид".

252. Домовому („Поместья мирного незримый покровитель..."). Впервые напечатано в альманахе „Полярная Звезда на 1824 г.". Печатается по „Стихотворениям Александра Пушкина" 1829, ч. I, где датировано 1819 годом. Написано в июле — августе в Михайловском.

Варианты первой печатной публикации:

Ст. 2:

Тебя молю, наш добрый домовой,

Ст. 13:

Ходи вокруг его заботливым дозором,

Стихотворение тематически связано с одой Горация „К Фавну".

253. К Ф. Ф. Юрьеву („Здорово, Юрьев, именинник..."). Впервые напечатано Г. Н. Геннади в Собр. соч. Пушкина 1859, т. I. Печатается по автографу *(ПД)*, на котором помета рукой Ф. Ф. Юрьева: „А. Пушкин. 1819 года. СП-бург". Датируется 20—23 сентября 1819 года: 20 сентября 1819 г.

Юрьев был переведен в лейб-гвардии Уланский полк, а именины его (Федор) могли быть и 20 и 23 сентября.

Об адресате послания см. выше примечание к стихам „Любимец ветреных Лаис" (стр. 688). Стт. 7—8: *рыцари лихие любви, свободы и вина* — товарищи Пушкина и Юрьева по обществу „Зеленая Лампа" — Я. Н. Толстой, Всеволожский, Каверин, Щербинин, Энгельгардт и др.— Ст. 10: *Надежды лампа зажжена* — лампа, висевшая в комнате собраний кружка. Ее зеленый цвет (условный цвет надежды) получил отражение и в самом названии кружка.

253. Веселый пир („Я люблю вечерний пир..."). Впервые напечатано в „Мнемозине" 1824, ч. II, под заглавием „Вечер". Печатается по „Стихотворениям Александра Пушкина" 1829, ч. II. Датируется январем — 27 ноября 1819 года по положению автографа в тетради (№ 2364 *ЛБ*).

Варианты „Мнемозины":

Ст. 2:

Где веселье заседатель,

Ст. 8:

Но кружок бутылок тесен.

В черновом автографе стихотворения сохранились еще следующие строки:

Я люблю в моем стекле
Часто видеть перемену,
Рад я вафлям на столе,
[Пирогу я знаю] цену;
Я люблю, чтобы заря
За столом меня застала;
Чтоб желанием горя
близ меня дремала.
Я люблю повес младых

254. Всеволожскому („Прости, счастливый сын пиров..."). Впервые напечатано в „Стихотворениях Александра Пушкина" 1826. Печатается по „Стихотворениям Александра Пушкина" 1829, ч. I, где датировано 1818 годом, и по автографу *(ПД)*, где дата: „1819. 27 Нояб."

Стихотворение адресовано Никите Всеволодовичу *Всеволожскому* (1799 –1862), одному из организаторов общества „Зеленая Лампа", в доме которого и происходили собрания кружка.

Пушкин не мог напечатать подлинного текста стихотворения и опубликовал его в смягченной редакции:

Прости, счастливый сын пиров,
Балованный дитя свободы,
Любимец муз, поклонник моды
И Терпсихоры и стихов!
Ты в жизни любишь перемену:
Ты скачешь в мирную Москву,
Где сладко дремлют наяву
И наслажденьям знают цену.
Разнообразной и живой
Москва пленяет пестротой,
Старинной роскошью, пирами и т. д.

Ст. 19:

И тяжкой знатности веселье,

Текст 1826 года отличается от текста 1829 в одном стихе 17, который в „Стихотворениях Александра Пушкина" 1826 читается:

Жеманство в шитых кружевах,

Ст. 37: *аи*—марка шампанского.—Ст. 43: *египетские девы* — цыганки.— Ст. 53: *пленница младая* — воспитанница театрального училища Овошникова, возлюбленная Всеволожского.

256. Уединение („Блажен, кто в отдаленной сени..."). Впервые напечатано в „Стихотворениях Александра Пушкина" 1826. Печатается по „Стихотворениям Александра Пушкина" 1829, ч. II, где датировано 1819 годом. Стт. 2 и 3 печатаются по автографу, так как поэту пришлось изменить их для печати. По положению в тетради (№ 2364 *ЛБ*) датируется январем — 27 ноября.

Перевод стихотворения французского поэта А. Арно (1768—1834) „La solitude" („Уединение"). Об отношении Пушкина к творчеству Арно см. статью „Французская Академия" (1836).

Цензурные замены для печати:

Ст. 2:

Вдали взыскательных невежд

Ст. 3:

Дни делит меж трудов и лени

256. „Напрасно, милый друг, я мыслил утаить...". Впервые напечатано В. Е. Якушкиным в „Русской Старине" 1884, № 3. Печатается по автографу в тетради (№ 2364 *ЛБ*). По положению в тетради датируется январем — ноябрем 1819 года.

256. „За старые грехи наказанный судьбой...". Впервые напечатано В. Е. Якушкиным в „Русской Старине", 1884, № 3. Печатается по автографу в тетради (№ 2364 *ЛБ*). По положению в тетради датируется январем — ноябрем 1819 года.

Первоначальный вариант ст. 3:

С поэмой на уме, с раскаяньем в рассудке,

Поэма — „Руслан и Людмила", писавшаяся поэтом в это время.

257. „Всё призрак, суета...". Впервые напечатано В. Е. Якушкиным в „Русской Старине" 1884, № 3. Печатается по черновому автографу в тетради (№ 2364 *ЛБ*). По положению в тетради датируется апрелем — ноябрем 1819 года.

Первоначальный вариант конца:

Любовь я с нею славлю,
Она сама вино.

257. К Лиле („Лила, Лила, я страдаю..."). Впервые напечатано в „Стихотворениях Александра Пушкина" 1826, среди „Эпиграмм и надписей". Печатается по „Стихотворениям Александра Пушкина" 1829, ч. I. Черновой набросок стихотворения, находящийся в тетради (№ 2364 *ЛБ*) на той же странице, где и переделка стихотворения „Гроб Анакреона", сделан в это же время, т. е., вероятно, в октябре — ноябре 1819 года, когда Пушкин готовил свой первый сборник стихотворений.

258. Платоническая любовь („Я знаю, Лидинька, мой друг..."). Впервые напечатано В. Е. Якушкиным в „Библиографических Записках" 1858, № 11. Печатается по автографу (архив кн. П. А. Вяземского в *ЦА*). Датируется ноябрем — декабрем (предположительно) 1819 года. Стихотворение по теме близко к стихам поэмы Парни „Coup d'oeuil sur Cythère" („Взгляд на Цитеру").

Отброшенные начала стихотворения в черновых рукописях:

а. Отступница любови сладкой. —

б. Поверь, я точно угадал,
Кому ты жертвуешь украдкой...

в. Посмейся над моей догадкой...

Пересматривая в марте 1825 года свою рукопись стихотворений, приготовленных к печати в конце 1819 года (так наз. тетрадь Всеволожского), Пушкин перечеркнул стихотворение „Платонизм" и объяснил это пометой, обращенной к брату Льву и Плетневу, которые ведали изданием его сборника: „Не нужно, ибо я хочу быть моральным человеком".

259. Записка Жуковскому („Раевский, *молоденец* прежний..."). Впервые напечатано В. П. Гаевским в „Вестнике Европы" 1888, № 3. Печатается по автографу *(ПБЛ)*. Датируется ноябрем — декабрем (предположительно) 1819 года (заезжали Пушкин с Раевским к Жуковскому в Петербурге).

Раевский, Николай Николаевич (1801—1843) — младший из двух сыновей генерала Н. Н. Раевского, офицер гвардейского Гусарского полка. Н. Н. Раевскому посвящены „Кавказский пленник" (1821) и „Андрей Шенье" (1825).

В стт. 1, 2 и 18 Пушкин пародирует стихи Жуковского в его „Певце во стане русских воинов":

Раевский, слава наших дней,
Хвала! Перед рядами
Он первый грудь против мечей
С отважными сынами.

Ст. 9: *Французская повесть „Борис"* — „Boris", nouvelle par A. Saint-Hippolyte („Борис", новелла А. Сент-Ипполита). Париж 1819.

260. Недоконченная картина („Чья мысль восторгом угадала..."). Впервые напечатано в „Московском Вестнике" 1828 № 15. Печатается по „Стихотворениям

Александра Пушкина" 1829, ч. I, где датировано 1819 годом.

В черновой, обильной вариантами, рукописи после 1 строфы вычитывается следующая:

Кто сотворил воображеньем
Сей [пламенный], сей важный взор?
Кто понял гений вдохновеньем?
Кто слышал сердца разговор?

Последняя строфа сперва читалась:

Любовь! Но где поэта пламень!
Кто держит [кисть любимца] муз?
Бесчувствен он как хладный камень,
Расторгнут с жизнию союз.

260. Русалка („Над озером, в глухих дубровах..."). Впервые напечатано в „Стихотворениях Александра Пушкина" 1826, где в оглавлении добавлено: „Баллада". Печатается по „Стихотворениям Александра Пушкина" 1829, ч. I, где датировано 1819 годом.

Вариант журнала „Новости Литературы" 1826, № 1 (для последнего стиха):

Русалки дергали в воде.

В черновом автографе начало было:

В лесах Биармии пустынной

В последней строфе поэт предполагал дать сцену гибели монаха:

... вдруг видит деву он,
Она холодною рукою
Хвата.....

262. Царское Село („Хранитель милых чувств и прошлых наслаждений..."). Впервые напечатано М. Л. Гофманом в гельсингфорсской газете „Путь" 1921, № 199. Печатается по черновому автографу *(ПД)*. Датируется 1819 годом по почерку, цвету чернил и положению в тетради (№ 2364 *ЛБ*), откуда лист вырван.

Между двумя строфами можно вычитать следующие незачеркнутые стихи, которые не вводятся в основной текст, так как они разбивают единый синтаксический план первой и последней строфы:

Другой пускай поет [Героев] и войну,
Я — скромно возлюбил природы тишину
И, чуждый призрака пленительныя славы,
О Царского Села прекрасные дубравы,
Отныне посвятил вам, верный музы друг,
И песни мирные и сладостный досуг.

263. „Там у леска, за ближнею долиной...". Впервые напечатано П. Е. Щеголевым в „Вестнике Литературы" 1922, № 2—3. Печатается по черновому автографу *(ПД)*. Датируется 1819 годом по тем же соображениям, что и „Царское Село", на обороте которого оно написано.

Обильный вариантами текст первоначально имел такое начало:

В густом лесу, где келья за долиной,
Где сладостно шептанье тихих струй,

264. Стансы Толстому („Философ ранний, ты бежишь..."). Впервые напечатано в „Стихотворениях Александра Пушкина" 1826. Печатается по „Стихотворениям Александра Пушкина" 1829, ч. I, где датировано 1819 годом.

Стихотворение адресовано Якову Николаевичу Толстому (1791—1867), поэту, члену Союза Благоденствия, организатору „Зеленой Лампы", как подсобного полулегального литературно-театрального кружка при тайном обществе. Проживая с 1823 года в Париже, Я. Н. Толстой после разгрома декабристов завязал сношения с правительством Николая I и превратился в заграничного агента III отделения. К Я. Н. Толстому обращено послание Пушкина „Горишь ли ты, лампада наша..." (см. стр. 333).

265. Возрождение („Художник-варвар кистью сонной..."). Впервые напечатано в „Невском Альманахе" 1828 г. Печатается по „Стихотворениям Александра Пушкина" 1829, ч. I, где датировано 1819 годом.

265. Послание к кн. А. М. Горчакову („Питомец мод, большого света друг..."). Впервые напечатано Н. В. Сушковым в сборнике „Раут" 1854, III. Печатается по авторизованной копии *(ПД)*. Датировано 1819 годом в копии (в сборнике Лонгинова-Полторацкого).

Об адресате послания см. стр. 656, а также в стихотворениях: „19 октября", „Нам

разный путь судьбой назначен строгой“ и пр. (стр. 437).

Ст. 19: *Бутурлин,* Д. П. (1790—1849)— флигель-адъютант, военный историк, известный своей умственной ограниченностью и реакционными взглядами. — Ст. 20: *барон Д. А. Шеппинг* (1790—1874) — кавалергардский офицер, дважды упомянутый в стихах Пушкина как скучный и надоедливый человек.

267. „Но я не тот, мои златые годы...“. Впервые напечатано Н. В. Сушковым в сборнике „Раут“ 1854, III. Печатается по рукописному сборнику Лонгинова-Полторацкого, где датировано 1819 годом.

Набросок, автограф которого до нас не дошел, является, возможно, частью недописанного послания к кн. А. М. Горчакову.

267. „Ольга, крестница Киприды...“. Впервые напечатано в Собр. соч. Пушкина под ред. Анненкова, т. VII, 1857. Стихи 15 и 16 — в „Библиографических Записках“ 1858, № 11. Печатается по автографу *(ПД)*. Датируется 1819 годом предположительно (подготовительный набросок к этому стихотворению — „Ты не внемлешь“ — находится в тетради (№ 2364 *ЛБ*) среди текстов 1819 года)

Стихотворение посвящено Ольге Массон, знаменитой петербургской „прелестнице“.

268. П. Б. Мансурову („Мансуров, закадышный друг...“). Впервые полностью напечатано в Собр. соч. Пушкина под ред. П. А. Ефремова, 1903, т. I. Печатается по автографу *(ПБЛ)*.

Стихотворение обращено к Павлу Борисовичу *Мансурову* (1795—1880), офицеру Конно-егерского полка, члену общества „Зеленая Лампа“ (см. стр. 694).

Ст. 4: *Крылова* — танцовщица, кончавшая в то время курс Театрального училища. — Ст. 6: *Ласси* — драматическая актриса французской труппы в Петербурге. — Ст. 8: М. Ф. *Казасси* — главная надзирательница Театрального училища.

268. Добрый человек („Ты прав, несносен Фирс ученый...“). Впервые напечатано в „Стихотворениях Александра Пушкина“ 1826. Печатается по „Стихотворениям Александра Пушкина“ 1829, ч. II. По положению в тетради датируется предположительно 1819 годом.

В тетради Всеволожского, приготовленной к печати в 1819 году, варианты:

Ст. 2:

Дурак надутый и мудреный,

Ст. 3:

Он важно бредит обо всем,

Против кого направлена эпиграмма, неизвестно.

268. „Лаиса, я люблю твой смелый [вольный] взор...“. Впервые напечатано В. Е. Якушкиным в „Русской Старине“ 1884, № 3. Печатается по черновому автографу в тетради (№ 2364 *ЛБ)*. По положению в тетради датируется 1819 годом предположительно.

269. „Tien et mien“, — dit Lafontaine...“. Впервые напечатано В. Е. Якушкиным в „Русской Старине“ 1884, № 2. Печатается по автографу в тетради (№ 2364 *ЛБ*). По положению в тетради датируется предположительно 1819 годом.

На эту же тему написаны Пушкиным русские стихи „Твой и мой“ (см. стр. 183).

269. Мадригал М—ой („О вы, которые любовью не горели...“). Впервые напечатано без подписи в альманахе „Опыт русской анфологии“ М. Яковлева 1828. Печатается по этому изданию. Входит в тетрадь Всеволожского, где вычеркнуто Пушкиным. Авторство Пушкина установлено в 1935 г. Датируется предположительно 1817 — 1819 годами. Кому адресован мадригал, неизвестно.

269. Е. П. Бакуниной („Напрасно воспевать мне ваши именины...“). Впервые напечатано Н. О. Лернером в „Ниве“ 1913, № 43. Печатается по автографу *(ПД)*.

Стихотворение, сочиненное ко дню Екатерины, т. е. к 24 ноября с. с., на основании почерка и биографических данных датируется 1817—1819 годами.

270. Ты и я („Ты богат, я очень беден...“). Впервые напечатано в „Библиографических Записках“ 1858, № 12. Печатается

по „Стихотворениям А. С. Пушкина“, Берлин 1861. Датируется 1818—1819 годами.

Стихи приписаны Пушкину в многочисленных рукописных сборниках еще 20-х — 30-х гг. Есть основания предполагать, что „ты“ стихотворения — Александр I.

Ст. 23: *Хвостов* — граф Д. И. Хвостов (см. стр. 654).

270. Нимфодоре Семеновой („Желал бы быть твоим, Семенова, покровом...“). Впервые напечатано в „Стихотворениях А. С. Пушкина“, Берлин 1861. Печатается по Собр. соч. Пушкина, под ред. П. А. Ефремова изд. 1903 г., т. VIII. Датируется 1818—1819 годами.

Четверостишие, посвященное Нимфодоре Семеновне *Семеновой* (1788—1876), известной петербургской красавице, оперной актрисе.

Барков, Дмитрий Николаевич — поручик Егерского полка, театральный рецензент, переводчик, член общества „Зеленая Лампа“.

1820

271. „Скажи, какие заклинанья...“. Впервые напечатаны два стиха П. В. Анненковым в „Материалах для биографии Пушкина“ 1855; весь текст — В. Е. Якушкиным в „Русской Старине“ 1884, № 3. Печатается по автографу в тетради (№ 2364 *ЛБ*). Датируется концом 1819 — началом 1820 года предположительно.

Исчерканный черновой набросок, связанный, быть может, с отрывком „Вдали тех пропастей глубоких“ (1821) (см. стр. 604).

272. Дориде („Я верю: я любим; для сердца нужно верить...“). Впервые напечатано в „Невском Зрителе“ 1820, январь. Печатается по „Стихотворениям Александра Пушкина“ 1829, ч. I, где датировано 1820 годом. Стихотворение написано не позднее января этого года.

В „Стихотворениях Александра Пушкина“ 1826 входит в отдел „Подражания древним“.

Первое стихотворение из ряда произведений 1820—1821 годов, жанр которых восходит к элегиям Андре Шенье (1762—1794), обновившего традиционную форму французской классической идиллии обращением к греческим первоисточникам. Протестуя против отнесения Шенье к романтикам, Пушкин писал о нем в ноябре 1823 года: „Никто более меня не уважает, не любит этого поэта, но он истинный грек, из классиков классик. C'est un imitateur savant <Это ученый подражатель>. От него так и пышет Феокритом и Антологией. Он освобожден от италианских concetti и от французских анти-thèses...“. Об Андре Шенье и об отношении к нему Пушкина см. стихотворение „Андрей Шенье“ (1825) (стр. 417) и критические заметки (т. V).

Последняя строка стихотворения „Дориде“ является точным переводом одного стиха XXV элегии Шенье:

Et des noms caressants la mollesse enfantine.

272. Дорида („В Дориде нравятся и локоны златые...“). Впервые напечатано в „Невском Зрителе“ 1820, ч. I, февраль. Печатается по „Стихотворениям Александра Пушкина“ 1829, ч. I, где датировано 1820 годом, хотя положение черновика в тетради (№ 2364 *ЛБ*) точно указывает на 1819 год.

В „Стихотворениях Александра Пушкина“ 1826 входит в отдел „Подражания древним“.

Стихотворение относится к тому же жанру антологических отрывков, как и предыдущее („Дориде“), о чем говорит и пометка Пушкина в рукописи, обращенная к издателю: „Подражание древним или как хотите“.

272. „Мне бой знаком — люблю я звук мечей...“. Впервые напечатано Г. Н. Геннади в Собр. соч. Пушкина 1859, т. I. Печатается по факсимиле в Собр. соч. Пуш-

кина 1882, т. VII. Датируется началом апреля 1820 года (на обороте листка автографа „недельный репертуар“ пьес, шедших 5—12 апреля 1820 года).

См. выше примечание к стихотворению „Орлову“ (1819), стр. 692.

273. На гр. А. А. Аракчеева („Всей России притеснитель...“). Впервые напечатано Н. П. Огаревым в книге „Русская потаенная литература XIX в.“, Лондон 1861. Печатается по рукописному сборнику Лонгинова-Полторацкого. Датируется 1818 — апрелем 1820 года.

Преданный без лести — девиз в гербе Аракчеева.

Аракчеев, А. А., граф (1769—1834) — генерал-от-артиллерии, организатор и главный начальник военных поселений, ближайший сотрудник Александра I по всем делам внутреннего управления, особенно ненавистный в кругах передовой дворянской общественности конца 10-х и начала 20-х годов.

273. „Се самый Дельвиг тот, что нам всегда твердил...“. Впервые напечатано Б. Л. Модзалевским в „Сборнике Пушкинского Дома на 1923 год“, Пгр. 1922. Печатается по автографу. Датируется июнем 1817 — первыми числами мая 1820 года (до отъезда Пушкина в Екатеринослав).

Стихотворение является надписью к портрету.

Тит Флавий — римский император I века н. э.: для писателей XVIII века и в пушкинское время имя Тита символизировало просвещенного и благодетельного монарха. Верноподданные поэты в России называли Титом Александра I. Смысл противопоставления Тита Нерону в том, что умеренный и просвещенный монарх вреднее явного тирана, ибо его правление скрывает подлинную сущность деспотизма. Эпиграмма говорит о цареубийстве.

273. Эпиграмма („В жизни мрачной и презренной...“). Впервые напечатано П. П. Вилинским в „Русском Архиве“ 1865, № 12. Печатается по автографу в записной книжке *(ПБЛ)*. Датируется 1820 годом по положению в записной книжке *(ПБЛ)*.

Направлена против гр. Федора Ивановича Толстого (1782—1846), авантюрная биография которого отражена в стихах кн. П. А. Вяземского, Дениса Давыдова и в „Горе от ума“ Грибоедова:

Ночной разбойник, дуэлист,
В Камчатку сослан был, вернулся алеутом
И крепко на руку не чист...

Эпиграмма вызвана сплетней, пущенной Толстым еще в начале 1820 года, о том, что Пушкин будто бы был высечен за свои антиправительственные стихи в секретной канцелярии генерал-губернатора. „Мое намерение было не заводить остроумную литературную войну,— писал Пушкин 1 сентября 1822 года П. А. Вяземскому,— но резкой обидой отплатить за тайные обиды человека, с которым расстался я приятелем и которого защищал всякий раз, как представлялся тому случай. Ему показалось забавно сделать из меня неприятеля и смешить на мой счет письмами чердак князя Шаховского, я узнал обо всем будучи уже сослан, и почитая мщение одной из первых христианских добродетелей — в бессилии своего бешенства закидал издали Толстого журнальной грязью“. В течение нескольких лет Пушкин не расставался с мыслью о необходимости смыть кровью полученное им оскорбление. Так, возвратившись из ссылки осенью 1826 года в Москву, он сразу же послал Толстому вызов на дуэль. Перифразировкой эпиграммы являются строки о Толстом в послании Пушкина к Чаадаеву (см. стр. 287).

274. „Аптеку позабудь ты для венков лавровых...“. Впервые напечатано П. О. Морозовым в Собр. соч. Пушкина в изд. „Просвещение“ 1903, т. I. Печатается по автографу в записной книжке *(ПБЛ)*. Датируется июнем — первой половиной сентября 1820 года.

Эпиграмма относится к доктору Е. П. Рудыковскому, сопровождавшему Раевских и Пушкина на кавказские минеральные воды.

274. „Увы, зачем она блистает...“. Впервые напечатано в „Полярной Звезде на

1823 г.“ Печатается по „Стихотворениям Александра Пушкина“ 1829, ч. I, где датировано 1819 годом. Стихотворение написано во второй половине августа — первой половине сентября 1820 года, что совершенно бесспорно на основании пометы „1820. Юрзуф“ под автографом в тетради (№ 2367 *ЛБ*) и по местоположению черновика в записной книжке *(ПБЛ)*. Вероятно, желая отвести ассоциацию стихотворения с Еленой Николаевной Раевской, очень болезненной, постоянно хворавшей девушкой, поэт отодвинул дату написания стихотворения.

275. „Мне вас не жаль, года весны моей...“. Впервые напечатано П. О. Морозовым в Собр. соч. Пушкина 1887, т. I. Печатается по автографу в записной книжке *(ПБЛ)*, где датировано: „1820 Юрзуф. 20 сентября“.

Цевница — свирель.

275. К *** („Зачем безвременную скуку...“). Впервые напечатано в „Московском Вестнике“ 1827, № 2. Печатается по „Стихотворениям Александра Пушкина“ 1829, ч. I, где датировано 1821 годом. По положению чернового текста в записной книжке *(ПБЛ)* стихотворение написано в Гурзуфе, в двадцатых числах августа — первых числах сентября 1820 года.

276. „Погасло дневное светило...“. Впервые напечатано в „Сыне Отечества“ 1820, ч. 65, № 46, под заглавием „Элегия“, и с пометой: „Черное море. 1820. Сентябрь“. Печатается по „Стихотворениям Александра Пушкина“ 1829, ч. I, где датировано 1820 годом. В „Стихотворениях Александра Пушкина“ 1826 помещено в разделе „Элегии“ и имеет в оглавлении помету: „Подражание Байрону“. Последняя сохранена и в издании 1829 года. В рукописи стихотворение было озаглавлено „Черное море“ и имело эпиграф „Good night, my native Land. Byron“ (тетрадь Капниста).

Элегия воспроизводит ряд мотивов знаменитого прощания Чайльд-Гарольда, покидающего родные берега (песнь 1, строфа XIII). Несколько измененная строка этого прощания дана в виде эпиграфа.

Варианты „Сына Отечества“:

Стт. 6—8:

Земли полуденной роскошные края,
С невольным трепетом туда стремлюся я,
Сердечной думой упоенный...

Ст. 10:

Смущенный дух во мне кипит и замирает,

Ст. 12:

Я вспомнил юных лет знакомую любовь

Ст. 17:

Неси меня, корабль, неси к пределам дальным,

Ст. 23:

Где Музы милые мне тайно улыбались,

Ст. 32:

И вы, наперсницы мятежных заблуждений.

277. Дочери Карагеоргия („Гроза луны, свободы воин...“). Впервые напечатано в „Стихотворениях Александра Пушкина“ 1826, в отделе „Послания“. Печатается по „Стихотворениям Александра Пушкина“ 1829, ч. I, где датировано 1820 годом. В автографе (перебеленный текст с поправками) датировано: „Кишинев, 5 октября“.

Карагеоргий, Георгий Петрович, прозванный Черным (по-турецки „Кара“) за то, что, по преданию, он в гневе убил своего отчима и брата, не желавших присоединиться к восстанию сербов, поднятому им в 1804 году против турецкого ига. Восстание увенчалось успехом, и в 1806 году Карагеоргий стал верховным правителем Сербии. Но в 1813 году он был разбит турками и был принужден эмигрировать; в 1817 году тайно возвратился в Сербию и был зарезан подосланными убийцами. Его семейство долго жило в Хотине, недалеко от Кишинева. Пушкин вряд ли видел дочь Карагеоргия, но рассказы о нем мог слышать в Кишиневе.

Ст. 1: *Гроза луны.* — Полумесяц (луна) со звездой служил символом и знаменем ислама и Турции.

278. Черная шаль („Гляжу, как безумный, на черную шаль...“). Впервые напечатано в „Сыне Отечества“ 1821, ч. 69, № 15, под заглавием: „Черная шаль (Молдавская песня)“. Через два с половиной месяца сти-

хотворение было вновь опубликовано в „Благонамеренном“ 1821, № 10, под заглавием „Молдавская песня“ и с сноской: „Напечатано с ошибками в 15 № Сына Отеч. Прим. Соч.“ Печатается по „Стихотворениям Александра Пушкина“ 1829, ч. I, где датировано 1820 годом. В беловом автографе дата: „Кишинев. 1820 ноября 14“.

Подзаголовок „Молдавская песня“ перенесен в издании 1826 и в издании 1829 года в оглавление.

В Румынии и сейчас поется песня, почти дословно соответствующая Пушкинской, но возможно предположить здесь результат обратного влияния.

В „Сыне Отечества“ все три раза слова „черная шаль“ в тексте напечатаны курсивом. По сравнению с изданием 1829 года имеются следующие варианты:

Ст. 1:

Гляжу я безмолвно на черную шаль,

Ст. 4:

Гречанку младую я страстно любил.

Ст. 13:

Мы вышли, — я мчался на борзом коне,

Ст. 17:

Вхожу в отдаленный покой я один...

Варианты „Благонамеренного“:

Ст. 12:

И верного призвал раба моего.

Ст. 13:

Мы вышли; я мчался на борзом коне.

Ст. 16:

Глаза потемнели; я весь изнемог.

Варианты „Стихотворений Александра Пушкина“ 1826:

Ст. 13:

Мы вышли: я мчался на борзом коне;

Ст. 17:

Вхожу в отдаленный покой я один...

279. Н е р е и д а („Среди зеленых волн, лобзающих Тавриду...“). Впервые напечатано в „Полярной Звезде на 1824 г.“. Печатается по „Стихотворениям Александра Пушкина“ 1829, ч. I, где датировано 1820 годом. Стихотворение написано в конце ноября — в декабре этого года.

В „Стихотворениях Александра Пушкина“ 1826 стихотворение помещено в отделе „Подражания древним“.

В рукописи имеется заголовок: „Эпиграммы во вкусе древних“, относящийся и к одновременно написанному стихотворению „Редеет облаков летучая гряда...“. У Пушкина этот жанр связан с его увлечением стихотворениями Андре Шенье. См. выше примечание к „Дориде“, стр. 698.

Вариант „Полярной Звезды“ и „Литературных Листков“ 1824, № 4:

Ст. 3:

Сокрытый меж олив, едва я смел дохнуть.

279. „Р е д е е т о б л а к о в л е т у ч а я г р я д а...“. Впервые напечатано А. Бестужевым без ведома Пушкина в „Полярной Звезде на 1824 г.“, с заглавием „Элегия“. Печатается по „Стихотворениям Александра Пушкина“ 1829, ч. I и по автографу в тетради (№ 2367 *ЛБ*). Стихотворение датировано 1820 годом; написано в конце ноября — декабре этого года, так как автограф имеет помету „Каменка“, где Пушкин в 1820 году был с конца ноября. В „Стихотворениях Александра Пушкина“ 1826 помещено в отделе „Подражания древним“, в изданиях 1826 и 1829 года в тексте отсутствуют последние три стиха, которые Пушкин не хотел печатать.

Варианты „Полярной Звезды“:

Ст. 8:

Над мирною страной, где всё для взоров мило;

Ст. 12:

Там некогда в горах, сердечной неги полный,

Первоначальное название „Таврическая звезда“; элегия связана, вероятно, с воспоминаниями о М. Н. Раевской.

Опубликование полного текста стихотворения в „Полярной Звезде" очень раздосадовало Пушкина: „Конечно, я на тебя сердит, — писал он в январе 1824 года А. А. Бестужеву. — Ты напечатал именно те стихи, об которых именно я просил тебя: ты не знаешь, до какой степени это мне досадно. Ты пишешь, что без трех последних стихов элегия не имела бы смысла. Велика важность... В старину мне случалось забалтываться стихами, и мне грустно видеть, что со мной поступают как с умершим, не уважая ни моей воли, ни бедной собственности".

К довершению неудовольствия Пушкина Булгарин напечатал отрывок из частного письма Пушкина к тому же Бестужеву, в котором говорилось опять-таки о Раевской: „Недостаток плана („Бахчисарайского фонтана") не моя вина. Я суеверно перекладывал в стихи рассказ молодой женщины". В июне раздосадованный Пушкин писал Бестужеву: „Посуди сам: мне случилось когда-то быть влюблену без памяти. Я обыкновенно в таком случае пишу элегии, как другой... Но приятельское ли дело вывешивать на показ мокрые мои простыни? Бог тебя простит! но ты осрамил меня в нынешней Звезде — напечатав 3 последние стиха моей Элегии; чорт дернул меня написать еще кстати о Бахч. Фонтане какие-то чувствительные строчки и припомнить тут же элегическую мою красавицу. — Вообрази мое отчаяние, когда увидел их напечатанными. — Журнал может попасть в ее руки. — Что ж она подумает, видя с какой охотою беседую об ней *с одним из П. Б. моих приятелей.* Обязана ли она знать, что она мною не названа, что письмо распечатано и напечатано Булгариным, что проклятая Элегия доставлена тебе чорт знает кем, и что никто не виноват. — Признаюсь, одной мыслию этой женщины дорожу я более чем мнениями всех журналов на свете и всей нашей публики".

280. Эпиграмма („Хавронпос, ругатель закоснелый..."). Впервые напечатано П. П. Вилинским в „Русском Архиве" 1865, № 12. Печатается по автографу в записной книжке *(ПБЛ).* По положению в тетради *(ПБЛ)* датируется 1820 годом. Эпиграмма направлена против М. Т. Каченовского.

Хавронпос — на греческий лад переделанное слово „хавронья" (свинья); Каченовский был по происхождению грек.

Рукописные варианты:

Стт. 1—2:

Угрюмый враль, невежда закоснелый,
В пыли бумаг, в презреньи поседелый,

280. Эпиграмма („Когда б писать ты начал сдуру..."). Впервые напечатано П. П. Вилинским в „Русском Архиве" 1865, № 12. Печатается по автографу в записной книжке *(ПБЛ).* Датируется 1820 годом по положению в ней.

Направлена неизвестно против кого.

Рукописный вариант:

Ст. 3:

Сквозь нашу узкую цензуру,

280. Эпиграмма („Как брань тебе не надоела!"). Впервые напечатано в „Стихотворениях Александра Пушкина" 1826. Печатается по „Стихотворениям Александра Пушкина" 1829, ч. I. По положению в записной книжке *(ПБЛ)* датируется 1820 годом.

Адресат эпиграммы неизвестен.

Рукописные варианты стиха 3:

а. Я не бездельник, хоть без дела,
б. Ты прав, я празден, я без дела,

280. „Там на брегу, где дремлет лес священный...". Впервые напечатано П. В. Анненковым в „Материалах для биографии Пушкина" 1855. Печатается по этому изданию.

Черновой набросок, связанный, вероятно, с „юрзуфскими воспоминаниями" (см. стр. 700, примечание к стихотворению „Погасло дневное светило..."), на основании чего и датируется предположительно 1820 годом.

1821

281. З е м л я и м о р е („Когда по синеве морей...“). Впервые напечатано в „Новостях Литературы“ 1825, № 1, под заглавием: „Море и земля“. Печатается по „Стихотворениям Александра Пушкина“ 1829, ч. I, где датировано 1821 годом и где в оглавлении есть подзаголовок „Идиллия Мосха“. В рукописи датировано: „8 февраля 1821 г.“

Перевод стихотворения древнегреческого поэта Мосха (II век до н. э.).

Пушкин познакомился с Мосхом в русском переводе Н. Ф. Кошанского, издавшего в 1811 году книгу „Цветы греческой поэзии“.

Стт. 17—20 первоначально читались:

В опасном он челне живет,
Его труды среди пучины...
Я внемлю шуму смирных вод
Под темным явором долины...

282. К р а с а в и ц а п е р е д з е р к а л о м („Взгляни на милую, когда свое чело...“). Впервые напечатано в „Соревнователе Просвещения и Благотворения“ 1825, № 3, под заглавием „Мила... и пр.“. Печатается по „Стихотворениям Александра Пушкина“ 1829, ч. I, где датировано 1821 годом. В рукописи датировано: 9 ⟨февраля 1821 г.⟩ (см. выше „Земля и море“).

Вариант первой публикации:

Ст. 1:

Мила красавица, когда свое чело

282. „Я п е р е ж и л с в о и ж е л а н ь я...“. Впервые напечатано в „Новостях Литературы“ 1823, № 48, под заглавием „Элегия“. Печатается по „Стихотворениям Александра Пушкина“ 1829, ч. I, где датировано 1821 годом. В рукописи датировано: „Каменка 22 февраля 1821 г.“

Первоначально элегия предназначалась к включению в поэму „Кавказский пленник“. Она должна была послужить продолжением речи Пленника (во 2-й части), после строк:

Без упованья, без желаний,
Я вяну жертвою страстей...

Варианты первой публикации:

Стт. 5—7:

Безмолвно жребию послушный,
Влачу страдальческий венец,
Живу печальный, равнодушный

Ст. 10:

Как ветров слышен зимний свист,

283. И з п и с ь м а к Д е л ь в и г у („Друг Дельвиг, мой парнасский брат...“). Впервые напечатано в „Москвитянине“ 1854, № 5. Печатается по автографу в тетради (№ 2367 *ЛБ*). Стихотворение является началом письма к А. А. Дельвигу из Кишинева. Письмо датировано: „1821 г. марта 23. Кишинев“.

„Проза“ Дельвига, полученная Пушкиным, — вероятно, не дошедшее до нас письмо Дельвига к Пушкину.

Ст. 13: *Тимковский*, Иван Осипович (1768—1837) был до 1821 года петербургским цензором, известным своей придирчивостью и строгостью.

Варианты стихов 18—28:

К молве болтливой я хладею
И из учтивости одной
Доныне волочусь за нею,
Как муж ленивый за женой.
Наскуча муз бесплодной службой,
Другой богиней, тихой дружбой
Я славы заменил кумир;
Но всё люблю, мои поэты,
Фантазии волшебный мир
И, чуждым пламенем согретый,
Внимаю звуку ваших лир...
Так точно, позабыв сегодня...

и т. д.

284. И з п и с ь м а к Г н е д и ч у („В стране, где Юлией венчанный...“). Впервые напечатано Я. К. Гротом в сборнике „Складчина“ 1874 года. Печатается по автографу *(ПД)*. Письмо датировано: „1821 г. марта 24. Кишинев“.

Гнедич Николай Иванович (1784—1833)— поэт и переводчик „Илиады“. Непосредствен-

ным поводом к посылке Гнедичу и стихотворения и письма послужило получение Пушкиным от Гнедича печатного экземпляра „Руслана и Людмилы“, хлопоты по выпуску которого в свет Гнедич принял на себя после высылки Пушкина из Петербурга.

Ст. 3: Публий *Овидий* Назон (43 до н. э. — 17 н. э.) — римский поэт, сосланный императором Октавианом Августом на берег Черного моря, в г. Томы, близ устья Дуная. Эту ссылку объясняли связью поэта с дочерью императора Юлией. Версия эта, впоследствии отвергнутая Пушкиным, отразилась в первой строке его стихотворения. — Ст. 13: *Орлов*, Михаил Федорович (1788—1842) — генерал-маиор, один из наиболее выдающихся деятелей Союза Благоденствия, член литературного общества „Арзамас“, муж Ек. Н. Раевской. Командуя дивизией, расположенной в Кишиневе, Орлов сплотил вокруг себя значительный кружок заговорщиков. В 1822 году, в связи с арестом В. Ф. Раевского (см. далее, стр. 787), Орлов был отстранен от командования. Пушкин знал Орлова еще по Петербургу и затем часто встречался с ним в Кишиневе. — Ст. 14: *Октавий* — здесь в смысле император, т. е. Александр I.

285. Муза („В младенчестве моем она меня любила...“). Впервые напечатано в „Сыне Отечества“ 1821, № 23. Печатается по „Стихотворениям Александра Пушкина“ 1829, ч. I, где датировано 1821 годом. В первопечатном тексте дата: „Кишинев. Апреля 5. 1821“.

Стихотворение является переработкой идиллии А. Шенье.

285. Кинжал („Лемносской бог тебя сковал...“). Впервые напечатано Герценом в „Полярной Звезде на 1856 г.“ Печатается по автографу (у Н. И. Тютчева). Датируется мартом 1821 года по положению в списке стихотворений в тетради (№ 2365 *ЛБ*) этого года.

Стихотворение, написанное в 1821 году, т. е. в момент особенного обострения революционной ситуации в южноевропейских странах и оживления деятельности тайных обществ в России, рассчитано было Пушкиным только на нелегальное распространение.

Ст. 1: *Лемносской бог* — Гефест, бог огня, свергнутый Зевсом с неба и упавший на остров Лемнос, где занялся кузнечным ремеслом.— Ст. 17: *Шумит под Кесарем заветный Рубикон.* — В 49 г. до н. э. Юлий Цезарь перешел со своими войсками, вопреки сенатскому декрету, реку Рубикон, отделявшую Галлию от Италии. Этот акт, рассматривавшийся Сенатом как государственная измена, положил начало гражданской войне, из которой Цезарь вышел победителем.— Ст. 21 *Помпея мрамор горделивый.*— Юлий Цезарь был заколот в Сенате у статуи Помпея, римского полководца и государственного деятеля. — Стт. 25 — 27: *Палач уродливый, апостол гибели* — Жан-Поль Марат (1743—1793), вождь революционной мелкой буржуазии в пору французской революции, один из вдохновителей якобинского террора, бешено травимый своими политическими противниками и оклеветанный в позднейшей буржуазной историографии, у которой заимствовал свою характеристику Марата и Пушкин.—Ст. 29: *дева Эвменида* — Шарлота Корде (1768—1793), девушка, член контрреволюционной партии жирондистов, заколовшая кинжалом Марата.— Ст. 31: *Занд*, Карл (1795—1820) — немецкий студент, заколовший в 1819 году реакционного немецкого писателя Августа Коцебу, секретного агента русского правительства. Могила казненного Занда стала местом паломничества для радикальной молодежи.

287. Катенину („Кто мне пришлет ее портрет...“). Впервые напечатано в „Стихотворениях Александра Пушкина“ 1826. Печатается по „Стихотворениям Александра Пушкина“ 1829, ч. I, где датировано 1821 годом. В рукописи датировано: „5 апр.“

Послание обращено не столько к П. А. Катенину (о нем см. стр. 763), сколько к его ученице, известной драматической актрисе А. М. Колосовой. Пушкин приветствовал ее дебюты в ролях Антигоны („Эдип в Афинах“) и Моины („Фингал“). Потом он неодобрительно отозвался о ней в „Моих замечаниях об русском театре“ и высмеял ее в эпиграмме: „Всё пленяет нас в Эсфири...“ (см. стр. 244). Рас-

каяние Пушкина в этой злой эпиграмме и вызвало настоящее послание, предлогом для которого послужило появление гравированного портрета Колосовой.

Ст. 12: *Селимена* — героиня комедии Мольера „Мизантроп". В этой роли А. М. Колосова впервые выступила в ноябре 1823 года. *Моина* — героиня трагедии Озерова „Фингал"; впервые в этой роли Колосова выступила 30 декабря 1818 года.

Вариант первопечатного текста:

Ст. 12:

Пред Мельпоменой и Моиной.

287. Чаадаеву („В стране, где я забыл тревоги прежних лет..."). Впервые напечатано в „Сыне Отечества" 1824, № 35, с датой: „20 апреля 1821. Кишинев". Печатается по „Стихотворениям Александра Пушкина" 1829, ч. I, где датировано 1821 годом, по „Сыну Отечества" и автографам. В рукописи датировано: „6 апреля 1821. Кишинев".

Настоящее стихотворение является вторым посланием Пушкина к Чаадаеву (см. стр. 242 и 395).

При появлении послания „Чаадаеву" в печати цензура не пропустила ст. 82: „Вольнолюбивые надежды оживим", перекликавшийся с первым посланием Пушкина к Чаадаеву („Любви, надежды, тихой славы..."). Вычеркнут был и ст. 54: „Холопа знатного, невежды при звезде".

Ст. 55: *философ* — гр. Ф. И. Толстой, которого Пушкин заклеймил в эпиграмме 1820 года: „В жизни мрачной и презренной..." (см. стр. 273). — Ст. 59 и следующие направлены против М. Т. Каченовского (см. стр. 689), подписывавшего иногда свои статьи псевдонимом „Лужницкий старец". — Ст. 84: *Шеппинг*, Дмитрий Андреевич (1790—1874)— кавалергардский офицер, которого Пушкин столь же не лестно помянул в послании к А. М. Горчакову (см. стр. 697), назвав его царем „бездушного собрания", где „скука председатель".

Варианты „Сына Отечества":

Ст. 10:

В изгнании моем я не жалел об них.

Ст. 12: строка точек.

Ст. 28:

Пленившие меня в младенческие леты,

Ст. 44:

В минуту гибели над бездной разъяренной

Ст. 54: строка точек.

Ст. 55:

Глупца философа, который в прежни лета

Ст. 80:

...живые приговоры

Ст. 82 выпущен.

Ст. 84:

Гони ты *** от нашего порога.

290. „Хоть, впрочем, он поэт изрядный...". Впервые напечатано в „Стихотворениях Александра Пушкина" 1826. Печатается по „Стихотворениям Александра Пушкина" 1829, ч. II. По положению в тетради (№ 2367 *ЛБ*) датируется первыми числами апреля 1821 года.

В первоначальной редакции этой эпиграммы встречаются разночтения, точно вскрывающие ее направленность:

Ты прав; хоть он поэт изрядный,
Людмилин — человек пустой.
— А ты, мой князь, мой шут нарядный,
Ты вечно полон сам собой,
Ты полон глупости большой.

Людмилин этой первой редакции, конечно, сам Пушкин. О *князе* см. набросок „Князь Г. со мною не знаком" (стр. 296).

290. В. Л. Давыдову („Меж тем как генерал Орлов..."). Впервые напечатано (не полностью) П. В. Анненковым в „Вестнике Европы" 1874, № 1. Печатается по автографу в тетради (№ 2365 *ЛБ*). По содержанию датируется первыми числами апреля 1821 года.

Давыдов, Василий Львович (1792—1855)—отставной гусарский полковник и вид-

ный член Южного тайного общества; осужденный в 1826 году по 1-му разряду, В. Л. Давыдов умер в Сибири. Принадлежавшее ему и его брату в Киевской губ. имение Каменка служило обычным местом съездов и совещаний заговорщиков. Пушкин пробыл в Каменке со второй половины ноября 1820 года до конца февраля или начала марта 1821. Одновременно с Пушкиным гостили в Каменке Александр и Николай Раевские, племянники Давыдовых, Орлов, Охотников, Якушкин и др.

В послании к Давыдову почти каждый стих отмечен намеками на политические события того времени. Первые четыре стиха посвящены М. Ф. Орлову (см. стр. 704), в то время жениху Ек. Н. Раевской, племянницы Давыдова.— Ст. 12: *безрукий князь* — вождь греческого восстания Александр Ипсиланти, у которого была ампутирована рука.— Ст. 18: *седой обжора*— внезапно скончавшийся кишиневский митрополит Гавриил Банулеско. — Ст. 21: упоминание Христа, *сына птички и Марии*, связано с „Гавриилиадой“. Ст. 27: *Инзов*, И. Н. — исполнявший должность наместника Бессарабской области. О нем Пушкин писал в своем „Воображаемом разговоре с Александром I“: „Ваше величество, генерал Инзов добрый и почтенный, он русский в душе;... [он] доверяет благородству чувств, потому что сам имеет чувства благородные, не боится насмешек, потому что выше их, и никогда не подвергнется заслуженной колкости, потому что со всеми вежлив“ (1824). — Ст. 45: *эвхаристия* — причащение, одно из главнейших церковных „таинств“.— Ст. 51: *те* — революционеры; *та* — свобода или революция. — Ст. 53: *те в Неаполе шалят* — неаполитанское восстание 1821 года.

292. К моей чернильнице („Подруга думы праздной...“). Впервые напечатано В. А. Жуковским в Посмертном изд. соч. Пушкина, т. IX, 1841. Печатается по беловому автографу, в тетради (№ 2365 *ЛБ*), где датировано: „Кишинев, 11 апреля 1821“. После 20-го стиха вырван лист, и поэтому в тексте не хватает около сорока четырех стихов.

Между стихами 42 и 43 вычеркнуто:

Любовница свободы,
Ты с нею заодно
Прославила вино
И прелести природы;
Ты смеху обрекла
Пустых любимцев моды
И речи и дела.

295. „Кто видел край, где роскошью природы...“. Впервые напечатано В. А. Жуковским в Посмертном изд. соч. Пушкина, т. IX, 1841. Печатается по автографу *(ПД)*. По положению в тетради (№ 2365 *ЛБ*) датируется апрелем 1821 года.

Вернувшись из путешествия с Раевскими на Кавказ и в Крым, Пушкин в письме от 24 сентября 1820 года, из Кишинева, к брату Льву подытожил свои крымские впечатления: „Свободная, беспечная жизнь в кругу милого семейства, жизнь, которую я так люблю и которой никогда не наслаждался; счастливое полуденное небо; прелестный край; природа, удовлетворяющая воображение; горы, сады, море; друг мой, любимая моя надежда — увидеть опять полуденный берег...“.

В рукописи сохранились две опущенные в окончательном тексте строфы. После 2-й строфы:

Всё мило там красою безмятежной,
Всё путника пленяет и манит,
Как в ясный день дорогою прибрежной
Привычный конь по склону гор бежит.
Повсюду труд веселый и прилежный
Сады татар и нивы богатит,
Холмы цветут, и в листьях винограда
Висит янтарь, ночных пиров отрада.

После 3-й строфы печатаемого текста:

Приду ли вновь, поклонник муз и мира,
Забыв молву и света суеты,
На берегах веселого Салгира
Воспоминать души моей мечты?
В моих руках Овидиева лира,
Счастливая певица красоты,
Певица нег, изгнанья и разлуки,
Найдет ли вновь свои живые звуки?

Важнейшие варианты:

Стт. 17—22:

Всё живо там, всё там — очей отрада:
Сады татар, селенья, города,
И шелковиц, и тополей прохлада,
В морской дали плывущие суда;
Янтарь висит на лозах винограда,
В лугах шумят бродящие стада...

Другой вариант стт. 17—23:

Всё живо там, — и тополей прохлада,
И в их тени уснувшие стада,
Склоненных скал приморская громада,
Развалины, селенья, города,
И моря шум, и говор водопада,
И на волнах крылатые суда,
И яркий блеск лучей златого Феба...

Зачеркнутый набросок продолжения стихов:

Как я любил над [блещущим] заливом
Развалины, венчанные плющем...

296. Христос воскрес („Христос воскрес, моя Реввека...“). Впервые напечатано в „Стихотворениях А. С. Пушкина“, Берлин 1861. Печатается по автографу в тетради (№ 2367 *ЛБ*), где датировано: „12 апреля“. Год определяется по положению в тетради.

Стихотворение это через полтора года после написания было послано Пушкиным в числе других „пакостей“ (по его выражению) в письме к Вяземскому из Кишинева.

296. „К⟨нязь⟩ Г. со мною не знаком...“. Впервые напечатано П. О. Морозовым в Собр. соч. Пушкина 1887, т. I. Печатается по автографу в записной книжке *(ПБЛ)*. По положению в записной книжке датируется апрелем 1821 года.

Адресат эпиграммы неизвестен, но, несомненно, это тот же „князь“, к которому обращено стихотворение „Хоть, впрочем, он поэт изрядный...“. В рукописи встречается перечеркнутое выражение „Мишурный князь“.

297. „Раззевавшись от обедни...“. Впервые напечатано П. И. Бартеневым в „Русском Архиве“ 1881, кн. I. Печатается по автографу в тетради (№ 2365 *ЛБ*). По положению в тетради датируется апрелем — маем 1821 года.

Куплеты, в карикатурной форме рисующие кишиневское „высшее общество“, написаны в темпе джока, молдаванской плясовой песни.

Ст. 2: *Катакази*, К. А. — кишиневский губернатор с 1818 по 1826 год. — Ст. 11: *Маврогений* — Петараки — богатый бессарабский помещик, женатый на дочери молдавского господаря Георгия Стурдзы. — Ст. 17: *Круглая соседка* — вдова молдавского боярина Богдан, в доме которой шла большая карточная игра; к ней же обращены стт. 33—40. — Ст. 30: *еврейка* — М. Е. Эйхфельдт, о которой см. далее, стр. 710 и 713. *Тадарашка* — Федор Егорович Крупенский, брат кишиневского вице-губернатора. — Ст. 42: *Кишиневская Жанлис* — Тарсис Катакази, сестра губернатора, по аттестации И. П. Липранди, „дева лет сорока, некрасивая, но образованная и прозванная кишиневской Жанлис“ (Фелисите Жанлис (1746—1830) — французская писательница, автор дидактических книжек для детского чтения).

298. Посвящение „Гавриилиады“ („Вот Муза, резвая болтунья...“). Впервые напечатано: „Вот Муза, резвая болтунья“ П. И. Бартеневым в „Русском Архиве“ 1881, кн. I и полнее В. Е. Якушкиным в „Русской Старине“ 1884, № 4; „Примите новую тетрадь“ и „О вы, которые любили“ — в Собр. соч. под ред. П. В. Анненкова, т. VII, 1857. Печатается по автографу в тетради (№ 2365 *ЛБ*). По положению в тетради датируется апрелем — маем 1821 года.

См. примечание к поэме „Гавриилиада“ (т. II). Первый набросок посвящения адресован Н. С. Алексееву (см. стр. 710).

300. „Недавно бедный музульман...“ Впервые напечатано В. Е. Якушкиным в „Русской Старине“ 1884, № 4. Печатается по автографу в тетради (№ 2365 *ЛБ*). По положению в тетради датируется апрелем — маем 1821 года.

Набросок, представляющий собою начало переделки стихотворной сказки французского поэта Антуана Бодерон-де-Сенесе

(1643—1737) „Каймак или потерянное доверие“. В сказке дальше рассказывается о чудесной змее, съевшей, пока Мехмет спал, каймак и заплатившей за угощение золотой цехин. Змея и впредь всякий день поедала каймак, расплачиваясь золотом, к величайшей радости бедного Мехмета, давшего обет совершить благодарственное странствие в Мекку. Во время его отсутствия каймак стал носить сын Мехмета, задумавший убить змею и сразу завладеть всем ее богатством. Уклонившись от удара топором и лишившись только кончика хвоста, змея задушила своего врага. А когда вернувшийся из Мекки Мехмет, узнав о случившемся, побежал к змее и стал умолять ее о прощении, она отвечала: „До тех пор, пока ты будешь помнить, что я убила твоего сына, а я буду вспоминать о своем отрубленном хвосте, между нами не может быть дружбы“.

301. Кн. П. А. Вяземскому („Язвительный поэт, остряк замысловатый...“). Впервые напечатано П. И. Бартеневым в „Русском Архиве“ 1881, кн. I. Печатается по автографу в тетради (№ 2365 *ЛБ*). По положению в тетради датируется предположительно апрелем — маем 1821 года.

Стихи являются началом недописанного послания, вызванного, повидимому, перепиской автора с Вяземским по поводу резких стихов Пушкина против Ф. И. Толстого (в стихотворении „Чаадаеву“, 1821 года).

Варианты беловой рукописи:

Стт. 1—2:

Поэт блистательный, всегда замысловатый
И смелой колкостью и шутками богатый

В черновой рукописи вычитываются следующие стихи:

И в глупом бешенстве кричу я наконец
Хв⟨остову⟩ — ты дурак, а Стурдзе — ты подлец...

———

А шутку не могу придумать я другую,
Как только отослать Толстого к - -...
Клим пошлою меня щекотит остротой.
Кто Фирс? задорный шут, красавец молодой...
Жеманный говорун, когда-то бывший в моде,
Толстому верный друг — по греческой методе,
И в грязь словцом одним глупца не превратит.

———

Так точно трусивший буян обиняком
Решит в харчевне спор надежным ⟨?⟩ кулаком.

———

Блажен Фирсей — рифмач миролюбивый,
[Никем не знаемый], услужливый, учтивый,
Довольный изредка журнальной похвалой,
Невинный фабулист или смиренный лирик;
[Но Феб во гневе] мне промолвил: „будь сатирик“.
[С тех ⟨пор⟩ бесплодный жар в груди моей] горит,
Браниться жажду я, рука моя свербит.
Знаток насмешливой Науки,
Едва лукавый ум твой поимает звуки,
Он рифму грозную невольно затвердит,
И память темное названье ⟨сохранит⟩.

302. „Красы Лаис, заветные пиры...“. Впервые напечатано В. Е. Якушкиным в „Русской Старине“ 1884, № 4. Печатается по автографу в тетради (№ 2365 *ЛБ*). По положению в тетради датируется апрелем — маем (предположительно) 1821 года.

Набросок, тематика которого развернута была в стихах „Ты прав, мой друг, напрасно я презрел...“ (см. стр. 328).

302. „Певец-гусар, ты пел биваки...“. Впервые напечатано П. И. Бартеневым в „Русском Архиве“ 1881, кн. I. Печатается по автографу в тетради (№ 2365 *ЛБ*). По положению в тетради датируется апрелем — маем (предположительно) 1821 года.

Стихотворение обращено к Денису Васильевичу Давыдову (1784—1839), поэту, видному участнику войны 1812—1814 гг. См. позднейшее послание Пушкина к Д. В. Давыдову („Тебе певцу, тебе герою...“) т. II.

303. „Если с нежной красотой...“. Впервые напечатано С. М. Бонди в его книге „Новые страницы Пушкина“ 1931. Печатается по автографу в записной книжке (*ПБЛ*). По положению в записной книжке датируется апрелем — маем (предположительно) 1821 года.

Стихотворение, дошедшее до нас в виде чернового наброска, адресовано, вероятно, кишиневской красавице Пульхерии Варфоломей (см. стр. 711).

303. „À son amant Eglé sans résistance...“. Впервые напечатано П. И. Бартеневым в „Русском Архиве“ 1881, кн. I. Печатается по автографу в тетради (№ 2365 *ЛБ*). По положению в тетради датируется 4 июня (предположительно) 1821 года.

В рукописи „Eglé“ (Аглая) первоначально названа „Laïs“ (Лаиса). Замена этого имени, ставшего нарицательным, именем Eglé приводит к догадке, что эта эпиграмма обращена к А. А. Давыдовой (см. стр. 713).

304. „В твою светлицу, друг мой нежный...“. Впервые напечатано В. Е. Якушкиным в „Русской Старине“ 1884, № 4. Печатается по автографу в тетради (№ 2365 *ЛБ*). По положению в тетради датируется 5 июня — 18 июля 1821 года.

Черновой набросок, вторая половина которого имеет вариант:

Вперед меня средь темной ночи,
Смыкая сном унылы очи —
В девичьей комнате своей

304. Гроб юноши („...Сокрылся он...“). Впервые напечатано в „Стихотворениях Александра Пушкина“ 1826. Печатается по „Стихотворениям Александра Пушкина“ 1829, ч. I, где датирована 1821 годом. Написано в июле этого года (положение в тетради № 2365 *ЛБ*).

Стихотворение, посвященное памяти лицейского товарища Пушкина, Николая Александровича Корсакова, умершего 26 сентября 1820 года во Флоренции от чахотки. Корсаков был одним из самых даровитых и ярких лицейских однокурсников Пушкина. Живой, остроумный и увлекающийся, он принадлежал к числу наиболее энергичных участников лицейских журналов, обладал поэтическими и, особенно, музыкальными способностями. Он, между прочим, положил на музыку стихотворения Пушкина: „О Делия драгая...“, „К живописцу“ и „Вчера мне Маша приказала...“. Романсы эти, по словам И. И. Пущина, „пелись тогда юными девицами почти во всех домах, где лицей имел право гражданства“.

Важнейшие черновые варианты:

Вместо ст. 26:

Из ветренниц, которых очи
Он прежде втайне привлекал,
Которым он во мраке ночи
Младые бденья посвящал,
Из милых жен, его манивших...

После ст. 30:

Надгробный стон не воззовет...
Не воззовет! его гробница
Уединенна и темна,
Над нею спит ночная птица,
Вблизи ее журчит волна...

После ст. 42:

Не выдет он взглянуть на горы,
Осеребренные луной,
Не улыбнется он, и взоры
Не встретят утра над рекой...

306. Дионея („Хромид в тебя влюблен: он молод, и не раз...“). Впервые напечатано в „Новостях Литературы“ 1825, № 4. Печатается по „Стихотворениям Александра Пушкина“ 1829, ч. II, где датировано 1821 годом. Написано в апреле — июле 1821 г. (положение в тетради № 2367 *ЛБ*).

Первопечатная редакция:

Антологический отрывок.

Подруга милая, я знаю отчего
Ты с нынешней весной от наших игр отстала;
Я тайну сердца твоего
Давно, поверь мне, угадала:
Кларис в тебя влюблен; он молод — и не раз
Украдкою вдвоем я замечала вас;
Ты слушаешь его в безмолвии, краснея,
Твой взор потупленный желанием горит...
И долго после, Галатея!
Улыбку нежную лицо твое хранит.

306. „Умолкну скоро я. Но если в день печали...“. Впервые напечатано в „Стихотворениях Александра Пушкина“ 1826. Печатается по „Стихотворениям Алек-

сандра Пушкина" 1829, ч. I, где датировано 1821 годом. В рукописи датировано: „23 авг. 1821".

В черновой рукописи последней части элегии сохранились строки:

Не бойся ветренной молвы,
Не бойся клеветы ревнивой;
Не обмани моих надежд —
И скромностью души стыдливой...

307. „Мой друг, забыты мной следы минувших лет...". Впервые напечатано в „Новостях Литературы" 1825, № 3, под заглавием: „К ***". Печатается по „Стихотворениям Александра Пушкина" 1829, ч. I, где датировано 1821 годом. В рукописях даты: „24 авг. в ночь" и „25 авг. 1821".

Варианты первопечатного текста:

Ст. 7:

Но ты, прекрасная, ты рождена для счастья

Ст. 12:

Ясна, как светлый день, младенческая совесть

Ст. 19:

Нет, милая моя!

Ст. 20:

Боюсь лишиться я последних наслаждений;

307. Алексееву („Мой милый, как несправедливы..."). Впервые напечатано в „Полярной Звезде на 1825 г.". Печатается по „Стихотворениям Александра Пушкина" 1829, ч. I, где датировано 1821 годом. По положению в списке стихотворений 1821 года в тетради (№ 2365 *ЛБ*) послание написано в сентябре.

Адресат послания — Николай Степанович *Алексеев* (1789—1850), кишиневский приятель Пушкина. „Мы некогда жили вместе, — писал Алексеев в 1826 году Пушкину, — часто одно думали, одно делали и почти одно любили, иногда ссорились, но расставались друзьями... Я имел многих приятелей, но в обществе с тобой я себя лучше чувствовал, и мы, кажется, оба понимали друг друга. Несмотря на названия *лукавого соперника* и *черного друга*, я могу сказать, что мы были друзья-соперники и жили приятно!" Эти эпитеты стоят в непосредственной связи с текстом послания „Алексееву". У Алексеева был роман с М. Е. Эйхфельдт (см. стр. 713), и он, из опасения соперничества Пушкина, не решался даже познакомить его со своей возлюбленной, чем и вызваны уверения поэта в том, что он „позабыл любви призывы".

В рукописи текст послания не вполне обработан, но значительно пространнее печатного. Приводим исключенные Пушкиным стихи:

После ст. 26:

Вдали штыков и барабанов,
Так точно старый инвалид
Встречает молодых уланов
И им о битвах говорит.

Стт. 18—21: Пушкин приводит стихи (переставив их) из стихотворения Е. А. Баратынского „Н. М. Коншину", напечатанного в 1821 году.

В „Полярной Звезде" после ст. 44 следовало:

И что ж? изменой хладнокровной
Я ль стану дружеству вредить
И снова тактики любовной
Уроки хитрые твердить?
Нет, милый, если голос томный,
Обман улыбки, нежный взор,
Умильный вид печали скромной
Тобой владеют до сих пор, —
Люби, ласкай свои желанья,
Надежде, сердцу слепо верь.
Увы! пройдут любви мечтанья
И будешь то, чем я теперь.

В рукописи после ст. 34 было:

Я был рожден для наслажденья;
В моей утраченной весне
Как мало было нужно мне
Для милых снов воображенья!
Зачем же в цвете юных лет
Мне стало чуждо сладострастье?
Зачем же вдруг увяло счастье,
И ни к чему стремленья нет?

310. Наполеон („Чудесный жребий совершился...“). Впервые напечатано в „Стихотворениях Александра Пушкина“ 1826. Печатается по „Стихотворениям Александра Пушкина“ 1829, ч. I (где было напечатано неполностью), факсимиле автографа — в „Историческом Вестнике“ 1899, № 5 и в Собр. соч. Пушкина под ред. П. В. Анненкова, тт. II и VII. В „Стихотворениях Александра Пушкина“ 1829, ч. I датировано 1821 годом. Написано в сентябре — 12 ноября этого года (положение в тетради № 2365 *ЛБ*).

В черновом автографе есть эпиграф: „ingrata patria“ — неблагодарное отечество.

Стихотворение вызвано известием о смерти Наполеона, дошедшим до Пушкина 18 июля 1821 года, т. е. с трехмесячным опозданием.

Ст. 30: казнь Людовика XVI. Ст. 59: *Тильзит*—город в Восточной Пруссии, где 8 июля 1807 года был заключен унизительный для России и ее союзницы Пруссии мир с Францией.—Ст. 75: *Австерлиц* (Аустерлиц)—город в Моравии, у которого 2 декабря 1805 года русско-австрийская армия на голову была разбита Наполеоном. В 1812 году перед началом Бородинского сражения, когда внезапно показалось солнце, Наполеон воскликнул: „Солдаты, это солнце Аустерлица!“

312. Эпиграмма на Каченовского („Клеветник без дарованья...“). Впервые напечатано С. А. Соболевским в „Библиографических Записках“ 1858, № 1. Печатается по автографу — письму Пушкина к брату (№ 1254 *ЛБ*). По положению в тетради (№ 2367 *ЛБ*) и письму Пушкина к брату от 24 января 1822 года датируется 1821 годом.

Эпиграмма сохранилась в письме Пушкина к брату от 22 января 1822 года и является третьим выступлением против М. Т. Каченовского (см. стр. 689).

Ежемесячное вранье — статьи Каченовского в выходивших под его редакцией ежемесячных книжках журнала „Вестник Европы“.

312. Дева („Я говорил тебе: страшися девы милой...“). Впервые напечатано в „Соревнователе Просвещения и Благотворения“ 1825, № 3, под заглавием: „Я говорил...“ и пр. Печатается по „Стихотворениям Александра Пушкина“ 1829, ч. I, где датировано 1821 годом.

Стихотворение это, вероятно, имеет в виду Пульхерию Егоровну Варфоломей, которая, по словам А. Ф. Вельтмана, „в то время... была в цвете лет, во всей красе девственной, которой посвятил и Пушкин несколько восторженных стихов... Многие искали ее руки, — отец изъявлял свое согласие; но едва желающий быть нареченным приступал к объяснению чувств и желаний, Пульхерица прерывала: „Ah, quel vous êtes!..“ <Ах, какой вы!..>. И всё отступалось от исканий“. О Пульхерии Варфоломей см. также мадригал: „Если с нежной красотой...“ (стр. 708).

Варианты первопечатного текста:

Ст. 4.

Другую замечать, иных искать очей.

Ст. 8:

Жужжат вокруг нее ревнивые мольбы:

Ст. 10:

И, очи опустя, не внемлет и не видит.

313. Война („Война!.. Подъяты наконец...“). Впервые напечатано в „Полярной Звезде на 1823 г.“ под заглавием: „Мечта воина“. Печатается по „Стихотворениям Александра Пушкина“ 1829, ч. I, где датировано 1821 годом. В рукописи дата: „29 ноября 1821“.

Стихотворение написано 29 ноября 1821 года, в разгар восстания Греции против власти турок. Руководители восстания, греческие националисты, надеялись на помощь русских войск. Пушкин сочувствовал повстанцам и разделял их надежды. В Петербурге даже распространились слухи о мнимом бегстве Пушкина к восставшим грекам. Сам он выражение своих надежд на скорое возвращение из ссылки в Петербург заключал характерной оговоркой: „Но если есть надежда на войну, ради-Христа оставьте меня в Бессарабии“.

Варианты „Полярной звезды":

Ст. 1:

Война!.. Развиты наконец —

Ст. 5:

И сколько новых впечатлений

Ст. 14:

Огни врагов, их чуждое призванье,

Ст. 26:

Ни грозные труды, ни ропот грозной славы,

Ст. 27:

Ничто не заглушит моих тревожных дум?

314. К Овидию („Овидий, я живу близ тихих берегов..."). Впервые напечатано в „Полярной Звезде на 1823 г." под заглавием: „Овидию". Печатается по „Стихотворениям Александра Пушкина" 1829, ч. I, где датировано 1821 годом. В рукописи дата: „1821 дек. 26".

Послание основано на материалах двух книг Овидия — „Скорби" и „Письма с Понта", а также на преданиях о ссылке Овидия, слышанных Пушкиным в Бессарабии. Посылая 21 июня 1822 года свои стихи А. А. Бестужеву для помещения в „Полярной Звезде", Пушкин предвидел „препятствия в напечатании стихов к Овидию" со стороны цензуры. „Но старушку можно и должно обмануть, ибо она очень глупа, — писал Пушкин, — повидимому ее настращали моим именем, не называйте меня, а поднесите ей мои стихи под именем кого вам угодно". Стихотворение было напечатано с двумя звездочками вместо подписи.

Варианты стт. 103—104:

Но не унизил ввек изменой беззаконной
Ни гордой совести, ни лиры непреклонной.

Получив „Полярную Звезду" со своим стихотворением, Пушкин 30 января 1828 года писал брату: „Каковы стихи к Овидию? Душа моя, и Руслан, и Пленник, и Noël, и всё — дрянь в сравнении с ними".

Вариант „Полярной Звезды":

Ст. 24:

Ты, с юных лет забыв волненье жизни ратной.

317. Эпиграмма („Оставя честь судьбе на произвол..."). Впервые напечатано В. Е. Якушкиным в „Русской Старине", 1884, № 5. Печатается по автографу в тетради (№ 2367 *ЛБ*). По положению в тетради датируется 1821 годом.

Приведена в письме Пушкина к кн. П. А. Вяземскому (конец 1822 — начало 1823 года), непосредственно за стихотворением „Иной имел мою Аглаю..." (см. стр. 325) и обращена к той же А. А. Давыдовой (см. стр. 713).

317. Генералу Пущину („В дыму, в крови, сквозь тучи стрел..."). Впервые частично напечатано П. В. Анненковым в „Вестнике Европы" 1874, № 1. Печатается по копии *(ПД)*. Датируется 1821 годом.

Послание обращено к Павлу Сергеевичу Пущину (1785—1865), командиру бригады 16-й пехотной дивизии, расквартированной в Кишиневе, члену местной ячейки Союза Благоденствия и руководителю масонской ложи *(каменщик почтенный)*, членом которой был и Пушкин. Стихотворение Пушкина связано, вероятно, со слухом о выступлении 16-й пехотной дивизии на помощь восставшим грекам.

Ст. 4: *Квирога,* Антонио (1784 – 1841) — испанский генерал, вождь революционного восстания в Кадиксе в 1820 году.

318. „Наперсница волшебной старины...". Впервые напечатано П. В. Анненковым в Собр. соч. Пушкина 1855, тт. I и II. Печатается по автографу *(ПД)*. Датируется (по традиции с Анненкова) 1821 годом.

В стт. 5—9 Пушкин, возможно, изобразил свою бабушку, Марию Алексеевну Ганнибал, урожд. Пушкину (1745—1818), в имении которой, Захарове, он с 1806 по 1811 год проводил каждое лето. Там будущий поэт заслушивался ее увлекательными рассказами о старине, об Ибрагиме Ганнибале, Петре I и т. д.

318. Эпиграмма („Поверь мне, быть тебе Панглосом ..."). Впервые напечатано П. И. Бартеневым в „Русском Архиве" 1881, кн. I. Печатается по автографу в тетради

(№ 2365 *ЛБ*). По положению в тетради датируется 1821 годом.

Адресат эпиграммы неизвестен.

Вариант автографа в письме к Вяземскому:

Стт. 1—2:

Лечись—иль быть тебе Панглосом,
Ты жертва вредной красоты —

Панглос—герой сатирической повести Вольтера „Кандид или оптимизм", заболевший сифилисом.

319. „Тадарашка в вас влюблен...". Впервые напечатано П.И. Бартеневым в „Русском Архиве" 1881, кн. I. Печатается по автографу в тетради (№ 2365 *ЛБ*). По положению в тетради датируется 1821 годом.

О персонажах этих стихов см. стр. 707.

319. Приметы („Старайся наблюдать различные приметы..."). Впервые напечатано в „Стихотворениях Александра Пушкина" 1826, в отделе „Подражания древним". Печатается по „Стихотворениям Александра Пушкина" 1829, ч. I, где датировано 1821 годом, хотя находится в списке стихотворений 1822 года в тетради (№ 2365 *ЛБ*).

320. Кокетке („И вы поверить мне могли..."). Впервые напечатано П. В. Анненковым в Собр. соч. Пушкина 1857, т. VII. Печатается по автографу в тетради (№ 2367 *ЛБ*). По положению в тетради датируется 1821 годом.

Стихотворение обращено к Аглае Антоновне Давыдовой, жене А. Л. Давыдова, владельца Каменки (см. стр. 706 и 726). По отзыву современника, она „в Каменке была магнитом, привлекающим к себе всех железных деятелей александровской эпохи. От главнокомандующих до корнетов, всё жило и ликовало в селе Каменке, но главное — умирало у ног прелестной Аглаи". Об отношениях к ней Пушкина см. стр. 709 и 714.

В ст. 23 вместо условного поэтического имени „Клеон" — в рукописи значилось:

Себе гусара взяли вы.

Ст. 30: имеется в виду дочь А. А. Давыдовой — Адель (см. стр. 717). — Ст. 40: *меньшой брат*—Лев Сергеевич Пушкин.

321. „Не тем горжусь я, мой певец...". Впервые напечатано П. О. Морозовым в Собр. соч. Пушкина 1887, т. I. Печатается по автографу в записной книжке *(ПБЛ)*. По положению в записной книжке датируется 1821 годом предположительно.

Черновой набросок, стт. 5—8 которого, с незначительными изменениями, впоследствии были перенесены в раннюю редакцию „Разговора книгопродавца с поэтом" (1824):

Мои слова, мои напевы
Коварной силой иногда
Смирять умели в сердце девы
Волненье страха и стыда.

В позднейшей редакции „Разговора" эти стихи отсутствуют.

Ст. 12: *Тиран*—Александр I, инициатор ссылки Пушкина.

322. М. Е. Эйхфельдт („Ни блеск ума, ни стройность платья..."). Впервые напечатано В. П. Горчаковым в „Москвитянине" 1850, № 1; по этому изданию и печатается. Датируется предположительно 1821 годом.

Стихотворение, дошедшее до нас лишь в передаче воспоминаний В. П. Горчакова, адресовано М. Е. Эйхфельдт, урожденной Мило, молодой женщине, с которой был близок кишиневский приятель Пушкина Н. С. Алексеев (см. стр. 710).

Ст. 7: *Зоя* — некрасивая племянница М. Е. Эйхфельдт.

322. „Вечерня отошла давно...". Впервые напечатано П. О. Морозовым в Собр. соч. Пушкина в изд. „Просвещение" 1903, т. I. Печатается по автографу в записной книжке *(ПБЛ)*. По положению в записной книжке датируется 1821 годом предположительно.

Из этого отрывка, представляющего собой, повидимому, начало поэмы, Пушкин

извлек отдельные строки для „Бахчисарайского фонтана“ (стт. 515 — 555):

Безумец, полно, перестань!
Мятежным снам, любви несчастной
Заплачена тобою дань —
Опомнись!

Около того же времени, в 1823 году, у Пушкина, очевидно, являлась мысль о возвращении к оставленному им замыслу. Между черновиками II главы „Евгения Онегина“, среди набросков других стихотворений, сохранились строки:

Вечерня отошла. Монах
Идет один по келье...

323. „J'ai possédé maîtresse honnête...“. Впервые напечатано П. О. Морозовым в Собр. соч. Пушкина в изд. „Просвещение“ 1903, т. VIII. Печатается по автографу в тетради (№ 2365 *ЛБ*). По положению в тетради датируется 1821 годом предположительно.

Четверостишие, представляющее собою, может быть, переделку или запись по памяти чужого произведения.

323. „Наперсница моих сердечных дум...“. Впервые напечатано П. О. Морозовым в Собр. соч. Пушкина в изд. „Просвещение“ 1903, т. I. Печатается по автографу в записной книжке *(ПБЛ)*. По положению в записной книжке датируется 1821 годом предположительно.

Черновой набросок, являющийся, возможно, началом переделки стихов „Разлука“ (1816), где были сходные строки:

И ты со мной, о лира, приуныла,
Наперсница души моей больной...
О верная, грусти, грусти со мной!

324. „Всегда так будет, как бывало...“. Впервые напечатано в альманахе „Листки Граций“ 1829. Печатается по авторизованной копии А. М. Горчакова *(ПД)*. Датируется 1821 годом предположительно.

324. Десятая заповедь („Добра чужого не желать...“). Впервые напечатано Е. И. Якушкиным в „Библиографических Записках“ 1858, № 11. Печатается по копии *(ПД)*. Датируется 1821 годом предположительно.

Стихотворение, относимое ко времени пребывания Пушкина в Кишиневе, представляет собою пародию на „десятую заповедь“ Моисея: „Не пожелай жены ближнего твоего, не пожелай дому ближнего твоего; ни села его, ни раба его, ни рабыни его, ни вола его, ни всякого скота его“.

1822

325. „Иной имел мою Аглаю...“. Впервые напечатано в „Библиографических Записках“ 1858, № 1. Печатается по автографу — письму к брату (№ 1254 *ЛБ*). Датируется 1821 годом — 24 января 1822 года.

Эпиграмма относится к А. А. Давыдовой. Сообщая эпиграмму в письме к брату, Пушкин писал: „Вот тебе еще эпиграмма, которую ради Христа не распускай, в ней каждый стих — правда“.

325. „У Клариссы денег мало...“. Впервые напечатано в „Стихотворениях Александра Пушкина“ 1826. Печатается по „Стихотворениям Александра Пушкина“ 1829, ч. II. Датировано в рукописи: „1822 генв.“. В рукописи озаглавлено „Совет“.

Адресат эпиграммы не установлен.

326. Друзьям („Вчера был день разлуки шумной...“). Впервые напечатано в „Полярной Звезде на 1824 г.“. Печатается по „Стихотворениям Александра Пушкина“

1829, ч. I, где датировано 1822 годом. В рукописи датировано: „15 февраля 1822“.

В рукописях встречаем еще два других заглавия: „Вакхическая песнь“ и „К⟨ек⟩у, П⟨олторацк⟩им и Г⟨орчаков⟩у“.

Кек, В. Т. — офицер, перед отъездом которого из Кишинева приятели устроили прощальный пир. Пушкину поднесли шампанское в самом большом из вкладывающихся один в другой походных стаканов. — *Полторацкие* — Алексей Павл. и Мих. Алдр. — офицеры генерального штаба, приезжавшие в Кишинев для топографической съемки. *Горчаков* В. П. — приятель Пушкина по Кишиневу. — Ст. 14: *Скифская жажда.* — Греки считали, что пить неразбавленное водою вино — варварский, скифский обычай.

Варианты „Полярной Звезды“:

Ст. 4:

При блеске чаш, при звуке лир.

Ст. 23:

Как исчезала в чашах пена

327. „М о й д р у г, у ж е т р и д н я...“. Впервые напечатано В. Е. Якушкиным в „Русской Старине“ 1884, № 5. Печатается по автографу в тетради (№ 2366 *ЛБ*). Датируется 4—28 февраля 1822 года.

После стиха 20 не сохранилось стиха три-четыре, так как оборван угол листа с текстом единственного автографа.

Ст. 4: *Орест* — повидимому, Н. С. Алексеев (о нем см. стр. 710). Ст. 5: *спаситель молдаван* — генерал И. Н. Инзов (см. стр. 706). — Ст. 9: *Ясской пан* — Тодор Балш, молдавский боярин первого ранга, член Верховного совета. — Ст. 12: *несносной бородою.* — В Бессарабии право носить бороду имели только бояре первого ранга. — Ст. 25: *куконица* — жена кукона, т. е. боярина. Пушкин, поссорившись с Балшем из-за его жены, дал ему пощечину. В июле 1824 года Пушкин писал А. И. Тургеневу: „Старичок Инзов сажал меня под арест всякий раз как мне случалось побить молдавского боярина. Правда — но зато добрый мистик в то же время приходил меня навещать и беседовать со мной об Гишпанской революции“.

328. „В л е с а х Г а р г а ф и и с ч а с т л и в о й...“. Впервые напечатано П. В. Анненковым в Собр. соч. Пушкина 1857, т. VII. Печатается по автографу в тетради (№ 2365 *ЛБ*). Датируется предположительно январем — февралем 1822 года.

Тема этого незаконченного наброска — древнегреческий миф об Артемиде, который Овидий обработал в своих „Метаморфозах“.

Пушкин предполагал продолжать поэму, от замысла которой, кроме этих начальных стихов, сохранилось два плана: „Морфей влюблен в Диану...“ и „Актеон, un fat“.

328. „Т ы п р а в, м о й д р у г — н а п р а с н о я п р е з р е л...“. Впервые напечатано П. В. Анненковым в „Материалах для биографии Пушкина“ 1855. Печатается по автографу в тетради (№ 2365 *ЛБ*). Датируется январем — февралем (предположительно) 1822 года.

Стихотворение тематически тесно связано с притчей „Свободы сеятель пустынный...“ и с наброском „Красы Лаис, заветные пиры...“ (см. стр. 302 и 353). Последняя строфа его впоследствии была переработана для „Альбома Онегина“:

Цветок полей, листок дубрав
В ручье кавказском каменеет:
В волненьи жизни так мертвеет
И ветреный, и нежный нрав.

329. П е с н ь о в е щ е м О л е г е („Как ныне сбирается вещий Олег...“). Впервые напечатано в „Северных Цветах на 1825 г.“ Печатается по „Стихотворениям Александра Пушкина“ 1829, ч. I; в рукописи дата „1 марта 1822“.

Пушкин воспользовался сказанием, приведенным у Карамзина в „Истории Государства Российского“: „Волхвы, — так говорит летописец, — предсказали князю ⟨Олегу⟩, что ему суждено умереть от любимого коня своего. С того времени он не хотел ездить на нем. Прошло четыре года; в осень пятого вспомнил Олег о предсказании и, слыша, что конь давно умер, посмеялся над волхвами; захотел видеть его кости; стал ногою на

череп и сказал: его ли мне бояться? Но в черепе таилась змея: она ужалила князя, и герой скончался...".

Позднее, в 1825 году, Пушкин писал А. А. Бестужеву; „Тебе кажется Олег не нравится; напрасно. Товарищеская любовь старого князя к своему коню и заботливость о его судьбе — есть черта трогательного простодушия — да и происшествие само по себе в своей простоте имеет много поэтического".

Олег—первый князь киевский из рода Рюрика, правивший в начале X века и прозванный „Вещим". — Ст. 2: *Хазары*—народ, некогда обитавший в нынешней южной России.—Ст. 9: *Перун*—главное божество восточных славян, бог грома и молнии. — Ст. 28: имеется в виду поход Олега на греков в 907 году, закончившийся, по словам летописца, тем, что Олег в знак победы повесил свой щит на вратах Царьграда (Константинополя).—Ст. 80: *Игорь*—сын Рюрика, киевский князь, опекуном которого был Олег. — Ст. 99: *Ольга* — жена Игоря, ставшая после его смерти правительницей — княгиней киевской.

332. „Люблю ваш сумрак неизвестный...". Впервые напечатано в „Московском Телеграфе" 1826, № 1. Печатается по „Стихотворениям Александра Пушкина" 1829, ч. I, где датировано 1822 годом. Судя по положению в тетради (№ 2369 *ЛБ*), написано в конце мая.

Стихотворение тематически связано с элегиями „Надеждой сладостной младенчески дыша..." и „Придет ужасный час..." (см. стр. 360—361). Ранняя рукописная редакция:

Отрывок.

Ты сердцу непонятный мрак,
Приют отчаянья слепого,
Ничтожество! пустой призрàк,
Не жажду твоего покрова;
Мечтанья жизни разлюбя,
Счастливых дней не знав от века,
Я всё не верую в тебя,
Ты чуждо мысли человека!
Тебя страшится гордый ум!
Так путник, с вышины внимая
Ручьев альпийских вечный шум
И взоры в бездну погружая,
Внезапным ужасом томим,
Дрожит, колеблется, — пред ним
Предметы движутся, темнеют,
В нем чувства хладные немеют,
Кругом оплота ищет он,
Всё мчится, меркнет, исчезает...
И хладный обморока сон
На край горы его бросает...
Но, улетев в миры иные,
Ужели с ризой гробовой
Все чувства брошу я земные,
И чужд мне станет мир земной?
Ужели там, где всё блистает
Нетленной славой и красой,
Где чистый пламень пожирает
Несовершенство бытия,
Минутных жизни впечатлений
Не сохранит душа моя —
Не буду ведать сожалений,
Тоску любви забуду я?

Любви! Но что же за могилой
Переживет еще меня?
Во мне бессмертна память милой,
Что без нее душа моя?
. . . .
Зачем не верить вам, поэты,
Что тени тайною толпой
От берегов печальной Леты
Слетаются на брег земной?
Они уныло посещают
Места, где жизнь была милей,
И в сновиденьях утешают
Сердца покинутых друзей;
Они, бессмертие вкушая,
В Элизий поджидают их,
Как в праздник ждет семья родная
Замедливших гостей своих...
. . . .
Мечты поэзии прелестной,
Благословленные мечты!
Люблю ваш сумрак неизвестный
И ваши тайные цветы.

333. Приятелю („Не притворяйся, милый друг..."). Впервые напечатано в

„Стихотворениях Александра Пушкина“ 1826. Печатается по „Стихотворениям Александра Пушкина“ 1829, ч. II. Датируется январем — июлем 1822 года.

Стихотворение обращено к Н. С. Алексееву (см. стр. 710). В нем говорится о М. Е. Эйхфельдт (см. стр. 713).

Сгт. 9—10: *Петрарка* (1304—1374) — итальянскй поэт, воспевавший свою возлюбленную — Лауру. Его чувство стало в языке классической поэзии синонимом возвышенной, чистой любви.

333. Баратынскому („Я жду обещанной тетради...“). Впервые напечатано в „Северных Цветах на 1826 г.“ Печатается по „Стихотворениям Александра Пушкина“ 1829, ч. I, где датировано 1822 годом. Написано в январе — июле.

О Баратынском см. стр. 719.

Обещанная тетрадь—новые стихи Баратынского.

333. Я. Н. Толстому („Горишь ли ты, лампада наша...“). Впервые напечатано П. В. Анненковым в Собр. соч. Пушкина, тт. I и VII. Печатается по копии в тетради (№ 2395 *ЛБ*); письмо, в котором были посланы стихи, датировано: „26 сентября 1822 года“.

О Я. Н. Толстом и кружке „Зеленая Лампа“ см. стр. 694 и 696. Пушкин, уехав на юг, долго ничего не знал о судьбе „Зеленой Лампы“ и в сентябре 1822 года писал Я. Н. Толстому: „Ты один из всех моих товарищей, минутных друзей минутной младости, вспомнил обо мне. Кстати или некстати, два года и шесть месяцев не имею от них никакого известия, никто ни строчки, ни слова...“.

Ст. 19: *колпак* — фригийская шапочка, которую во время Первой французской революции носили санкюлоты и якобинцы, символ революции и свободы. — Ст. 28: *вино кометы* — шампанское сбора 1811 года; высокое качество его приписывали влиянию появившейся в августе этого года кометы. Ст. 29: *калмык*— мальчик, прислуживавший на собраниях „Зеленой Лампы“. О нем вспоминал Я. Н. Толстой: „Как скоро кто-нибудь отпускал пошлое красное словцо, калмык наш улыбался насмешливо, и наконец мы решили, что этот мальчик всякий раз, как услышит пошлое словцо, должен подойти к тому, кто его отпустил, и сказать: „Здравия желаю!“

334. Адели („Играй, Адель...“). Впервые напечатано в „Полярной Звезде на 1824 г.“, под заглавием: „В альбом малютке“. Печатается по „Стихотворениям Александра Пушкина“ 1829, ч. I, где датировано 1822 годом. Написано в ноябре.

Стихотворение написано 12-летней девочке, Адели Давыдовой, старшей дочери А. А. Давыдовой (см. стр. 713).

Ст. 3: *Лель*, по представлению мифологов начала XIX века, имя древнеславянского бога любви, покровителя певцов и пастухов.

335. Послание цензору („Угрюмый сторож муз, гонитель давний мой...“). Впервые напечатано П. В. Анненковым в Собр. соч. Пушкина, т. VII. Печатается по автографу (№ 4835 *ЛБ*); находится в списке стихотворений 1822 года (в тетради № 2365). Написано в конце этого года (см. письмо Пушкина к Вяземскому: „Благодарю тебя за письмо...“).

Обращено к А. С. Бирукову (1772 – 1844) который был назначен в 1821 году членом Петербургского цензурного комитета. „Вся литература сделалась рукописной, благодаря Красовскому и Бирукову“, — вспоминал впоследствии Пушкин. Цензурное давление достигло угрожающих размеров — и у П. А. Вяземского созрел план организованного коллективного протеста против действий цензуры. Пушкин счел его опасным. „Общая жалоба с нашей стороны может навлечь на нас ужасные подозрения и причинить большие беспокойства, — писал Пушкин в конце 1822 года Вяземскому. — Соединиться тайно — но явно действовать в одиночку, кажется, вернее. В таком случае должно смотреть на поэзию, с позволения сказать, как на ремесло. Руссо не впервые соврал, когда утверждает: que c'est le plus vil des métiers. Pas plus vil qu'un autre <что это самое низкое ремесло. Не более низкое, чем другое>. Аристократические предубеждения пристали тебе, но не мне, — на конченную свою поэму я смотрю как сапожник на пару своих сапог: продаю с барышом.

Цеховой старшина находит мои ботфорты не по форме, обрезывает, портит товар; я в накладе; иду жаловаться частному приставу; всё это в порядке вещей. Думаю скоро связаться с Бируковым и стану его доезжать в этом смысле — но за 2000 верст мудрено щелкать его по носу".

„Послание цензору", не рассчитанное на печать, но распространенное в массе рукописных копий, явилось таким „действием в одиночку". Пушкин в форме сатирического послания характеризует принципы разумно действующей цензуры и пользуется ими, чтобы сильнее ударить по цензору — носителю и проводнику реакционной политики конца царствования Александра I.

Ст. 12: *Хвостов, Д. И.*, граф (1757—1835) — графоман-стихотворец (см. стр. 654); *Бунина*, А. С. (1774 — 1828) — посредственная поэтесса. — Ст. 22: *Бюффон*, Л. (1707—1788) — французский естествоиспытатель, автор широко известной „Естественной истории". — Ст. 48: *Куницын*, А. П. (1783—1841) — профессор права, этики и политической экономии. Изданный им либеральный курс „Естественного права" был в 1821 году запрещен, а сам Куницын отстранен от преподавания. — О *Марате* см. стр. 704.—Ст. 63: *Певец „Пиров"* — Е. А. Баратынский (см. стр. 719). — Ст. 77: *Барков*, Иван (1732—1768) — поэт, известный по преимуществу как автор непристойных стихотворений, распространявшихся в рукописях.— Ст. 78: *Радищев*, А. Н. (1749—1802) — напечатал свое „Путешествие из Петербурга в Москву" в собственной типографии и тем избежал предварительного просмотра книги цензурой. — Ст. 79: *Пушкин* — Василий Львович (1767—1830), дядя А. С. Пушкина, поэт, автор написанной в 1811 году фривольной повести в стихах „Опасный сосед", распространявшейся в рукописи. — Ст. 82: Князь *Шаликов*, П. И. (1768 — 1852) — бездарный стихотворец, эпигон сентиментализма, издатель „Дамского Журнала".—Ст. 84: *„Наказ" Екатерины* — компиляция из сочинений французских философов-просветителей по вопросам государственного права, организации народного просвещения, суда, финансов и пр., составленная Екатериной II в руководство созванной ею Комиссии по составлению проекта Уложения законов.— Ст. 90: *Кутейкин* — персонаж комедии Д. И. Фонвизина „Недоросль". — Ст. 93: *Хемницер*, И. И. (1745—1784) — баснописец. — Ст. 94: *Наперсник Душеньки* — И. Ф. Богданович (1743—1803), автор поэмы „Душенька". — Ст. 100: *Дней Александровых прекрасное начало.* — Либеральные веяния начала царствования Александра I сказались и в общих положениях цензурного устава 1804 года, практически не применявшихся в пору реакции конца 10-х и начала 20-х годов. — Ст. 118: *Бентам*, Иеремия (1748—1832) — либеральный английский правовед; его сочинения были изданы по-русски в 1805—1811 гг. — Ст. 119: *Миллот* (1726—1785) — автор „Всеобщей истории", новый перевод которой был искажен цензурой в 1820 году. — Ст. 126: *Хоть умного возьми себе секретаря* — реминисценция из басни Крылова.

338. Узник („Сижу за решоткой в темнице сырой..."). Впервые напечатано в „Стихотворениях Александра Пушкина" 1832, ч. III. Печатается по автографу в цензурной рукописи „Стихотворений Александра Пушкина" 1832, ч. III, где датировано: „Кишинев. 1822".

Слова об орле, „вскормленном в неволе", указывают на то, что стихотворение внушено впечатлениями, вынесенными из посещений Пушкиным кишиневского острога. См. запись в кишиневском дневнике под 26 мая 1821 года (т. V наст. изд.)

Последнее чтение первого чернового автографа:

И тихо и грустно в темнице [глухой]!
Пленен, обескрылен орел молодой,
Мой верный товарищ в изгнаньи моем
Кровавую пищу клюет под окном.

Клюет и бросает и смотрит в окно
И вымолвить [хочет] мне слово одно.
Зовет меня взором и криком своим:
„Мой верный товарищ, уйдем, улетим;

Давай встрепенемся! пора нам! пора!
Острог нам не ближний, тюрьма не сестра,

Мы вольные птицы, ты, брат мой, и я.
Где сокол [и коршун], там наша семья.

Вариант ст. 10:

Замки нам не братья, тюрьма не сестра.

339. Гречанке („Ты рождена воспламенять...“). Впервые напечатано в „Полярной Звезде на 1823 г.“ Печатается по „Стихотворениям Александра Пушкина“ 1829, ч. I, где датировано 1822 годом.

Стихотворение обращено к гречанке Калипсо Полихрони, после греческого восстания бежавшей из Константинополя и в 1821 году жившей в Кишиневе. В апреле 1823 года Пушкин писал П. А. Вяземскому: „Не завернешь ли по дороге в Кишинев? я познакомлю тебя с героями Скулян и Секу, сподвижниками Иордаки, и с гречанкою, которая целовалась с Байроном“.

К слову *Леила* (ст. 10) Пушкиным в автографе было сделано примечание: „См. поэму лорда Байрона Гяур“.

340. К портрету кн. П. А. Вяземского („Судьба свои дары явить желала в нем...“). Впервые напечатано в „Полярной Звезде на 1824 г.“ Печатается по „Стихотворениям Александра Пушкина“ 1829, ч. II. Датируется июлем—декабрем (предположительно) 1822 года (гравированный портрет Вяземского работы Афанасьева появился в июле этого года).

О Вяземском см. стр. 301.

Рукописный вариант первого стиха:

Чудесные дары судьба явила в нем,

340. Ф. Глинке („Когда средь оргий жизни шумной...“). Впервые напечатано П. И. Бартеневым в „Московских Ведомостях“ 1855, № 145. Печатается по автографу — письму Пушкина к брату (№ 1254 *ЛБ*). Находится в составленном поэтом списке стихотворений 1822 года.

Стихотворение является ответом на послание Ф. Н. Глинки „К Пушкину“, опубликованное в сентябрьской книжке „Сына Отечества“ за 1820 год. Самый факт печатного обращения Глинки к ссыльному Пушкину с выражением сочувствия и привета был актом большого гражданского мужества.

Глинка, Федор Николаевич (1786—1880) — поэт и публицист, один из вождей Союза Благоденствия и председатель С.-Петербургского вольного общества любителей российской словесности. См. рецензию Пушкина на „Карелию“ и эпиграммы „Наш друг Фита, Кутейкин в эполегах...“ (1825) и „Мое собранье насекомых...“ (1829).

Ст. 2: *Остракизм* — изгнание по политическим основаниям из пределов государства, практиковавшееся в древних Афинах.

340. „Нет ни в чем вам благодати...“. Впервые напечатано в альманахе „Урания на 1826 г.“ под заглавием „Мадригал“. Печатается по „Стихотворениям Александра Пушкина“ 1829, ч. II. Датируется 1822 годом.

Адресат стихотворения не установлен.

341. Баратынскому из Бессарабии („Сия пустынная страна...“). Впервые напечатано в „Северных Цветах на 1826 г.“ Печатается по „Стихотворениям Александра Пушкина“ 1829, ч. I, где датировано 1822 годом.

Е. А. Баратынский (1800—1844), исключенный из пажеского корпуса, был вынужден поступить на военную службу рядовым; когда ему удалось получить унтер-офицерский чин, он был переведен в один из стоявших в Финляндии полков. Это изгнание напоминало Пушкину образ Овидия, судьбу которого он в это время постоянно сопоставлял и со своей.

В ст. 3 отмечается ода Державина „Песнь на взятие Измаила“.

Об Овидии Назоне см. стр. 704.

341. Отрывок („Свод неба мраком обложился...“). Впервые напечатаны в „Памятнике Отечественных Муз на 1827 г.“ стт. 71 („Проходит ночь: огонь погас“)—108 („Которых уж и в мире нет“) и нижеследующие двадцать четыре стиха. Здесь заглавие: „Сон“. Отрывок из Новгородской повести: „Вадим“. Печатается по „Стихотворениям Александра Пушкина“ 1829, ч. I, где датировано 1822 годом. Заглавие взято из рукописи приготовленного к печати в 1836 году сборника стихотворений Пушкина (№ 2393 *ЛБ*).

Отрывок незаконченной поэмы из древнерусской истории. Сохранившиеся в чер-

новиках планы указывают на тесную связь отрывка с замыслами трагедии „Вадим“, которая тоже была брошена Пушкиным в самом начале. Самый образ Вадима, вскользь упоминаемого в летописях защитника прав вольного Новгорода, погибшего в борьбе с князем Рюриком в 863 году, широко был использован в русской литературе XVIII и начала XIX века (трагедии Екатерины II и Я. Княжнина, поэма Хераскова, „дума“ Рылеева и пр.).

Ст. 80: *Оден* — верховный бог скандинавской мифологии. *Племя Одена* — скандинавы, варяги. — Ст. 94: *Кариаландия* — Карелия. — Ст. 95: *Альбион* — Англия.

Стихи, напечатанные в „Памятнике Отечественных Муз на 1827 г.“, после ст. 108:

Он видит Новгород великий,
Знакомый терем с давних пор;
Но тын оброс крапивой дикой,
Обвиты окна повиликой,
В траве заглох широкий двор.
Он быстро храмин опустелых
Проходит молчаливый ряд:
Всё мертво... нет гостей веселых,
Застольны чаши не гремят; —
И вот веселая светлица:
В нем сердце бьется: здесь иль нет —
Любовь очей, душа-девица?
Цветет ли здесь — мой милый цвет?
Найду ль ее?.. И с этим словом—
Он входит... Что же? страшный вид!
В постеле хладной, под покровом —
Девица мертвая лежит!..
В нем замер дух и взволновался.
Покров приподнимает он,
Глядит — и слабый стон
Сквозь тяжкий сон его раздался.
Она, она! — ее черты!
На персях рану обнажает; —
Она погибла! восклицает.
Кто мог?... и слышит голос: — ты!

345. „Царь Никита жил когда-то...“. Впервые напечатано С. А. Соболевским в „Библиографических Записках“ 1858, № 4; полнее — В. Е. Якушкиным в „Русской Старине“ 1884, № 5. Печатается по автографу в тетради (№ 2366 *ЛБ*). Находится в списке стихотворений 1822 года (тетрадь № 2365 *ЛБ*).

Начало фривольной сказки, которая, повидимому, была Пушкиным закончена. Однако известные нам тексты продолжения сказки, печатавшиеся в 60-х годах за границей, не принадлежат Пушкину и в лучшем случае являются основанным на устной передаче искажением не дошедших до нас Пушкинских стихов.

346. Таврида („Ты вновь со мною, наслажденье...“). Впервые напечатано В. Е. Якушкиным в „Русской Старине“ 1884, № 5. Печатается по автографу в тетради (№ 2366 *ЛБ*). По положению в тетради датируется 1822 годом.

Вспоминая о Крыме, Пушкин писал 24 сентября 1820 года брату: „Суди, был ли я счастлив: свободная, беспечная жизнь в кругу милого семейства, жизнь, которую я так люблю и которой никогда не наслаждался; счастливое полуденное небо; прелестный край; природа, удовлетворяющая воображение; горы, сады, море; друг мой, любимая моя надежда — увидеть опять полуденный берег и семейство Раевского“.

Та же тема — в стихотворении „Кто видел край, где роскошью природы“ (1821) и в последних строфах поэмы „Бахчисарайский фонтан“.

Эпиграф взят из „Фауста“ Гете.

346. „Брат милый, отроком расстался ты со мной...“. Впервые напечатано П. В. Анненковым в „Материалах для биографии Пушкина“ 1855. Печатается по автографу в тетради (№ 2369 *ЛБ*). Датируется 1822 годом (связь с письмом к Л. С. Пушкину от 21 июля этого года).

Набросок посвящен брату поэта, судьбой которого он очень интересовался, судя по письму: „Скажи мне: вырос ли ты? Я оставил тебя ребенком, найду молодым человеком; скажи, с кем из моих приятелей ты знаком более? Что ты делаешь, что ты пишешь?“

347. „Один, один остался я...“. Впервые напечатано В. Е. Якушкиным в „Русской Старине“ 1884, № 5. Печатается по

автографу в тетради (№ 2366 *ЛБ*). По положению в тетради датируется 1822 годом.

Набросок, которому предшествуют в рукописи черновики „Тавриды" (см. стр. 346) и стихи „Ты сердцу непонятный мрак" (см. стр. 716).

347. „Сегодня я поутру дома...". Впервые напечатано П. В. Анненковым в Собр. соч. Пушкина, т. VII. 1857 Печатается по автографу *(ПД)*. По содержанию датируется 1822 годом.

Француз *Тардиф* — петербургский ресторатор, после разорения скрывшийся в Одессу. В 1822—1825 гг. Тардиф служил поваром в Кишиневе. *Коленкур* — французский посол в Петербурге перед войной 1812 года.

348. „На тихих берегах Москвы...". Впервые напечатано В. Е. Якушкиным в „Русской Старине" 1884, № 5. Печатается по автографу в тетради (№ 2366 *ЛБ*). По положению в тетради датируется 1822 годом.

Набросок, тематически связанный со строками о Москве в послании Батюшкова „К Дашкову". Перечитывая последнее, Пушкин сделал пометку: „Прелесть!" против следующего четверостишия:

И там, где мирно почивали
Останки иноков святых,
И мимо веки пролетали,
Святыни не касаясь их.

348. „Недавно я в часы свободы...". Впервые напечатано В. А. Жуковским в Посмертном изд. соч. Пушкина 1841, т. IX. Печатается по автографу *(ПД)*. По содержанию датируется 1821—1822 годами.

Ст. 2: *Устав наездника* — „Опыт теории партизанского действия" Д. В. Давыдова (см. стр. 668 и 670), изданный им в 1821 году. — Ст. 22: *Бурцев*, А. П. — боевой товарищ Давыдова, „величайший гуляка и самый отчаянный забулдыга из всех гусарских поручиков". Стихотворение Пушкина стилизует обороты, типичные для гусарских посланий Давыдова. Ср.:

Бурцов, ера, забияка,
Собутыльник дорогой!
(1804)

Бурцов, ты — гусар гусаров!
(1804)

Кивер зверски набекрень,
Ментик с вихрями играет.
(1817)

Ст. 27: *Ментик* — короткая гусарская куртка, со шнурами и петлями, с меховой опушкой.

349. „Гречанка верная! не плачь, — он пал героем...". Впервые напечатано (первые три стиха) Б. Л. Модзалевским в 1903 году в сборнике „Пушкин и его современники", вып. XII; полностью — П. О. Морозовым в Академическом изд. соч. Пушкина, т. III. Печатается по автографу *(ПД)*. По содержанию датируется 1821 — 1822 годами.

Стихотворение связано с греческим восстанием 1821 года (см. стр. 711).

349. „Всё так же ль осеняют своды...". Впервые напечатано С. М. Бонди в книге „Новые страницы Пушкина" 1931. Печатается по автографу в записной книжке *(ПБЛ)*. По содержанию и по положению в тетради датируется 1821—1822 годами.

Набросок стихотворения, написанного под впечатлением известия об уходе со сцены знаменитой петербургской трагической актрисы Е. С. Семеновой.

Стт. 1—4 и 15—17 использованы Пушкиным в „Евгении Онегине" (глава первая строфы XVIII и XIX).

Храм Парнасских трех цариц — театр храм трех муз: Мельпомены (трагедии), Талии (комедии) и Терпсихоры (танцев).

350. „Ночь светла; в небесном поле...". Впервые напечатано М. Н. Лонгиновым в „Современнике" 1856, № 7. Печатается по Собр. соч. Пушкина под ред. П. В. Анненкова, т. VII и по копии П. И. Бартенева.

Отрывок тематически связан с новеллой Э. Т. А. Гофмана „Дож и Догаресса", русский перевод которой появился в 1823 году.

1823

351. Из письма к В. П. Горчакову („Зима мне рыхлою стеною...“). Впервые напечатано В. П. Горчаковым в „Московских Ведомостях“ 1858, № 19, откуда и перепечатывается. Датируется, по свидетельству Горчакова, концом января 1823 года.

В стихотворении, обращенном к кишиневскому приятелю Пушкина Владимиру Петровичу Горчакову (1800—1867), поэт спрашивал о бале, который должен был назначить в „понедельник“ богатый откупщик Е. К. Варфоломей.

351. Птичка („В чужбине свято наблюдаю...“). Впервые напечатано в „Литературных Листках“ 1823, № 2. Печатается по „Стихотворениям Александра Пушкина“ 1829, ч. II. Написано, вероятно, 22 апреля 1823 года (день Пасхи).

Стихотворение прислано было Пушкиным Н. И. Гнедичу, которому Пушкин писал: „Знаете ли вы трогательный обычай русского мужика в светлое воскресенье выпускать на волю птичку?“

Варианты первопечатного текста:

Стт. 3—4:

На волю птичку отпускаю
На светлом празднике весны.

Ст. 6:

Зачем на бога мне роптать,

Беловой автограф, кроме указанных вариантов, имеет еще следующий:

Ст. 8:

Могу я волю даровать.

352. „Внемли, о Гелиос, серебряным луком звенящий...“. Впервые напечатано П. О. Морозовым в Собр. соч. Пушкина в изд. „Просвещение“, 1908, т. I. Печатается по автографу в тетради (№ 2366 *ЛБ*). По положению в тетради датируется предположительно июнем 1823 года.

Незаконченный перевод идиллии А. Шенье „Слепец“.

Ст. 2: *боже кларосской* — Гелиос, названный здесь по месту святилища его в Клароссе (Малая Азия). — Ст. 9: *Старик, одинокой, слепой* — Гомер.

352. Ночь („Мой голос для тебя и ласковый и томный...“). Впервые напечатано в „Стихотворениях Александра Пушкина“ 1826, среди „Подражаний древним“. Печатается по „Стихотворениям Александра Пушкина“ 1829, ч. I, где датировано 1823 годом. В рукописи заглавия нет, а перед стихотворением есть подчеркнутая помета: „26 окт. 1823. Одесса“. Она означает, вероятно, памятную дату, вызвавшую стихотворение. Последнее было написано, вероятно, вскоре после 26 октября.

Стихотворение относится ко времени увлечения Пушкина Амалией Ризнич (см. ниже прим. к стихотворению „Простишь ли мне ревнивые мечты“.)

353. „Кто, волны, вас остановил...“. Впервые напечатано В. Е. Якушкиным в „Русской Старине“ 1884, № 6. Печатается по автографу в тетради (№ 2369 *ЛБ*). По положению в тетради датируется 9 мая— 22 октября 1823 года.

Набросок, сохранившийся среди черновиков первой главы „Евгения Онегина“.

353. „Свободы сеятель пустынный...“. Впервые напечатано Герценом в „Полярной Звезде на 1856 г.“. Печатается по автографу — письму к А. И. Тургеневу от 1 декабря 1823 года. Написано в конце ноября этого года.

Стихотворение отражает настроения, вызванные разгромом революционного движения в Италии и Испании и усилением реакции в России (см. подробности на стр. 724). Посылая эти стихи в письме к А. И. Тургеневу, Пушкин характеризовал их как „подражание басне умеренного демократа Иисуса Христа“ („Изыде сеятель сеяти семена своя“).

354. „Простишь ли мне ревнивые мечты...“. Впервые напечатано в „Полярной Звезде на 1824 г.“ под заглавием „Элегия“. В этой публикации был ряд грубых опечаток, искажавших смысл, поэтому Пушкин вновь напечатал стихотворение в „Литературных Листках“ 1824, № 4, где были

пропущены стихи 26—28. Послал ли Пушкин Булгарину стихи в таком виде, или же это сделано по требованию цензора, неизвестно. Печатается по „Стихотворениям Александра Пушкина“ 1829, ч. I, где датировано 1823 годом. В рукописи дата: „11 нояб. 1823 Од⟨есса⟩“.

Стихотворение обращено к Амалии Ризнич.

Амалия *Ризнич* (1803—1825) — жена коммерсанта Ивана Ризнича, приехала с мужем из Вены в Одессу весною 1823 года. Отличавшаяся, по словам современников, исключительной красотой, она привлекла внимание Пушкина. Среди ее поклонников был и польский шляхтич И. Собаньский, последовавший за ней в Австрию, куда Ризнич уехала в мае 1824 года. Упоминание Пушкина о *ревнивых мечтах* и *сопернике,* повидимому, связано с отношением Ризнич с Собаньскому. Ей же посвящены элегии „Под небом голубым страны своей родной“ и „Для берегов отчизны дальной“.

Варианты „Литературных Листков“:

Ст. 2:

Моей любви несчастное волненье?

Стт. 9—12:

Мной овладев, мне чувства омрачив,
Уверена в любви моей безумной,
Не видишь ты когда в толпе их шумной,
Беседы чужд, угрюм и молчалив

Ст. 15:

Хочу ль уйти — с боязнью и мольбой —

Стт. 26—28 выпущены.

Ст. 34:

Но ты верна: тебя я понимаю.

355. Из письма к Вигелю („Проклятый город Кишинев!“). Впервые напечатано П. И. Бартеневым в „Русском Архиве“ 1863, № 5—6. Печатается по копии П. В. Анненкова с белового автографа *(ПД)*. По положению чернового текста письма, часть которого составляет это стихотворение (тетрадь № 2369 *ЛБ*), датируется ноябрем 1823 года.

Этими стихами начинается черновое письмо Пушкина из Одессы к Ф. Ф. Вигелю, приглашавшему Пушкина в Кишинев.

Вигель, Филипп Филиппович 1786—1856) — чиновник Бессарабского верховного совета, автор известных „Записок“, знакомый Пушкина еще по „Арзамасу“. Упоминая о „трех красавцах“ и в заключительном стихе Пушкин намекает на гомосексуальные наклонности Вигеля.

Стт. 10—22: в Библии (в книге Моисея „Бытие“) рассказывается о том, как бог покарал за разврат и нечестие города Содом и Гоморру: они провалились сквозь землю.

356. Демон („В те дни, когда мне были новы...“). Впервые напечатано в „Мнемозине“ 1824, ч. III, с заглавием: „Мой демон“. Печатается по „Стихотворениям Александра Пушкина“ 1826, где датировано 1823 годом. Написано, судя по положению в тетради (№ 2366 *ЛБ*), в октябре — ноябре.

Варианты „Мнемозины“:

Стт. 1—2:

Когда еще мне были новы
Все наслажденья бытия:

Ст. 8:

Мне сильно волновали кровь —

Ст. 9:

В часы надежд и упоений,

Ст. 12:

Стал втайне навещать меня.

Ст. 22:

На жизнь с насмешкою смотрел

Образ „Демона“ связан с личностью А. Н. Раевского (1795—1868), друга Пушкина, находившегося в это время в Одессе и имевшего на него значительное влияние. В черновом письме от октября 1823 года Пушкин называет Раевского своим „постоянным учителем в делах нравственности“ и говорит о его „[байроническом] мельмотическом характере“ (по имени героя романа Матюрена „Мельмот-скиталец“). Образ „Демона“ близок к характеристике Евгения Онегина, данной

Пушкиным в XLV и XLVI строфах первой главы. В 1824 году дружеские отношения между Пушкиным и Раевским прервались из-за вероломства Раевского, соперничавшего с Пушкиным во время увлечения поэта гр. Е. К. Воронцовой (см. далее стихотворение „Коварность“). Чтобы рассеять мнение, установившееся сразу же по напечатании этого стихотворения, что в образе Демона изображен А. Н. Раевский, Пушкин написал опровержение, которое не было им опубликовано, возможно, из опасения этим опровержением усилить нежелательные для него толки см. заметку „Многие того же мнения“ в т. V).

Черновые варианты:

Таков он был
Мое спокойное незнанье
Строптивый демон возмущал,
И я его существованье
С [своим] невинным сочетал.
Души беспечность и незнанье
Строптивый демон возмутил.
Я стал взирать его глазами,
Мне жизни дался бедный клад,
С его неясными словами
Моя душа звучала в лад.

Черновые наброски, находящиеся среди черновиков первой главы „Евгения Онегина“:

Мне было грустно, тяжко, больно,
Но, одолев меня в борьбе,
Он сочетал меня невольно
Своей таинственной судьбе —
Я стал взирать его очами,
С его печальными речами
Мои слова звучали в лад...

Другой черновой набросок:

Мою задумчивую младость
Он для мечтаний охладил —
Я неописанную сладость
В его беседах находил —

357. Кн. М. А. Голицыной („Давно об ней воспоминанье...“). Впервые напечатано в „Карманной книжке для любителей русской старины и словесности на 1830 г.“ Печатается по этому изданию. По положению в тетради (№ 2366 *ЛБ*) датируется концом мая — декабрем 1823 года.

Стихотворение обращено к кн. Марии Аркадьевне Голицыной (1802—1870), урожденной Суворовой-Рымникской, и записано в ее альбоме. В стихотворении упоминается о чтении М. А. Голицыной стихов Пушкина, возможно, положенных ею на музыку.

357. „Недвижный страж дремал на царственном пороге...“. Впервые напечатано М. Н. Лонгиновым в „Современнике“ 1857, № 11. Печатается по автографу *(ПД)*. По положению в тетради (№ 2369 *ЛБ*) датируется декабрем 1823 года.

Стихотворение, являющееся откликом Пушкина на политические события 1823 года, когда „Священным союзом“, возглавлявшимся Александром I, было задушено революционное движение во всей Европе. „Владыку севера“ (ст. 2), Александра I, Пушкин сопоставляет с „чудным мужем“ (ст. 37) — Наполеоном I „мятежной вольности наследник и убийца“). Ср. отрывки сожженной десятой главы „Евгения Онегина“ (т. III), где повторяется то же сопоставление Александра I и Наполеона; Александр назван там „властителем слабым и лукавым“, а характеристика Наполеона повторена почти дословно:

Сей муж, сей странник бранный,
Пред кем унизились цари.

Стт. 7—24 дают широкую картину результатов реакционной политики так называемого „Священного союза“ (Россия, Пруссия и Австрия), вдохновителем и главным деятелем которого был Александр I в 1815—1825 гг. Ст. 20: Немецкие государства, объединенные по Венскому конгрессу в Германский союз, управлялись Союзным сеймом явившимся послушным орудием реакционной политики австрийского министра иностранных дел Меттерниха. Таким образом, надежды буржуазии, возбужденные войной за освобождение Германии, были обмануты — Ст. 21: Восстание в Неаполе, поднятое карбонариями,

было подавлено австрийскими войсками. Стт. 22—23: Испанский король Фердинанд VII, вынужденный присягнуть в 1820 году „конституции 1812 г.“, провозглашавшей верховенство народа, в 1822 году обратился за помощью к „Священному союзу“. Революция в Испании была подавлена французскими войсками.

Об *Австерлице* (ст. 55) и *Тильзите* (ст. 60) — см. стр. 711.

359. „Как наше сердце своенравно...“. Впервые напечатано В. Е. Якушкиным в „Русской Старине“ 1884, № 5. Печатается по автографу в тетради (№ 2366 *ЛБ*). По положению в тетради датируется 13 июня — концом 1823 года.

Набросок стихотворения, вероятно, относящийся к периоду увлечения Пушкина Амалией Ризнич (см. стр. 723).

360. „Завидую тебе, питомец моря смелый...“. Впервые напечатано П. В. Анненковым в „Материалах для биографии Пушкина“ 1855. Печатается по автографу в тетради (№ 2369 *ЛБ*). По положению в тетради датируется июнем — декабрем 1823 года.

Адресат послания не установлен. Стихи связаны с планом бегства за границу (см. примечание „К морю“).

360. „Придет ужасный [час]... твои небесны очи...“. Впервые напечатано П. В. Анненковым в „Материалах для биографии Пушкина“ 1855. Печатается по автографу в тетради (№ 2369 *ЛБ*). По положению в тетради датируется 1823 годом.

Набросок, писанный одновременно со стихами „Надеждой сладостной младенчески дыша...“ и относящийся к периоду увлечения Пушкина Амалией Ризнич.

361. „Надеждой сладостной младенчески дыша...“. Впервые напечатано П. В. Анненковым в „Материалах для биографии Пушкина“ 1855. Печатается по автографу в тетради (№ 2369 *ЛБ*). По положению в тетради датируется 1823 годом.

Стихотворение, сохранившееся среди черновиков второй главы „Евгения Онегина“. Возможно, что здесь сказались настроения и мысли Пушкина, вызванные его изучением атеизма, о чем он писал в начале 1824 года кн. П. А. Вяземскому: „Беру уроки чистого афеизма... Система не столь утешительная, как обыкновенно думают, но, к счастью, более всего правдоподобная“.

361. Жалоба („Ваш дед портной, ваш дядя повар...“). Впервые напечатано В. А. Жуковским в Посмертном изд. соч. Пушкина 1841, т. IX. Печатается по автографу в тетради (№ 2369 *ЛБ*). По положению в тетради датируется 1823 годом.

Эпиграмма направлена на Д. П. Северина.

Северин, Дмитрий Петрович (1781—1865)—чиновник министерства иностранных дел, участник „Арзамаса“, был сыном „воспитанницы“ бар. А. С. Строгановой, и этим объясняется намек на далеко не знатное происхождение матери *модного господина.* В эпиграмме впервые намечается тема, позднее развитая Пушкиным в „Моей родословной“.

362. Телега жизни („Хоть тяжело подчас в ней бремя...“). Впервые напечатано в „Московском Телеграфе“ 1825, № 1. Печатается по „Стихотворениям Александра Пушкина“ 1829, ч. I, где датировано 1823 годом.

Пушкин послал Вяземскому стихотворение, добавив: „Можно напечатать, пропустив русский титул“. Этим объясняются варианты „Московского Телеграфа“:

Ст. 6:

Мы погоняем с ямщиком,

Ст. 8:

Кричим: „валяй по всем, по трем!“

362. „[Венере], Фебу и Фемиде ...“. Впервые напечатано В. Е. Якушкиным в „Русской Старине“ 1884, № 6. Печатается по автографу в тетради (№ 2369 *ЛБ*). По положению в тетради датируется 1823 годом.

Набросок, сохранившийся среди черновиков второй главы „Евгения Онегина“.

363. [Чиновник и поэт] („Куда вы? за город, конечно...“). Впервые напечатано Б. В. Томашевским в „Звезде“ 1930,

№ 7. Печатается по автографу *(ПД)*. Датируется 1823 годом (выдача Кирджали турецкому паше в этом году).

Эпизод, стихотворная обработка которого брошена была Пушкиным в самом начале, впоследствии был оформлен в рассказ „Кирджали“ (1834).

Георгий *Кирджали* — молдавский разбойник, участник греческого восстания 1821 года; *чиновник* — Михаил Иванович Лекс (1793 — 1856), один из сотрудников канцелярии наместника Бессарабской области, впоследствии товарищ министра внутренних дел и сенатор.

1824

364. „Всё кончено: меж нами связи нет...“. Впервые напечатано П. В. Анненковым в „Материалах для биографии Пушкина“ 1855. Печатается по автографу в тетради (№ 2369 *ЛБ)*. По положению в тетради датируется январем — первыми числами февраля 1824 года.

Набросок относится, повидимому, к Амалии Ризнич, увлечение которой послужило темой ряда стихотворений 1823 года (см. стр. 722 и 725).

365. А. Л. Давыдову („Нельзя, мой толстый Аристип...“). Впервые напечатано в „Московском Вестнике“ 1829, ч. I. Печатается по „Стихотворениям Александра Пушкина“ 1829, ч. I, где в оглавлении значится: „Д***у. На приглашение ехать с ним морем на полуденный берег Крыма“ и где датировано 1824 годом. Написано, судя по содержанию, в апреле.

Стихотворение обращено к Давыдову, Александру Львовичу (1773—1833), генерал-маиору в отставке, владельцу Каменки (см. стр. 706). Пушкин называет А. Л. Давыдова именем *толстого Аристипа*, греческого философа (IV век до н. э.), учившего, что счастье заключается в наслаждении жизнью. В „Table talk“ Пушкин охарактеризовал А. Л. Давыдова следующим образом: „[Давыдов] был второй Фальстаф: сластолюбив, трус, хвастлив, не глуп, забавен, без всяких правил, сметлив и толст“. См. также о А. Л. Давыдове в первой главе „Евгения Онегина“: „Рогоносец величавый, всегда довольный сам собой, своим обедом и женой“.

Стт. 9—10: *Чахоточный отец Энеиды* — римский поэт Вергилий. Ниже Пушкин имеет в виду оду Горация „К кораблю, везущему в Афины Вергилия“.

365. Иностранке („На языке, тебе, невнятном...“). Впервые напечатано в „Стихотворениях Александра Пушкина“ 1826. Печатается по „Стихотворениям Александра Пушкина“ 1829, ч. II. В рукописи датировано: „18/19 mai 1824“.

К кому обращено стихотворение, неизвестно.

366. „Саранча летела, летела...“. Впервые напечатано К. П. Зеленецким в „Москвитянине“ 1854, № 9. Печатается по этому изданию. На основании содержания датируется началом июня 1824 года.

Стишки, по преданию, представлены Пушкиным гр. М. С. Воронцову вместо рапорта о результатах служебной командировки в район, пораженный саранчею.

366. „Морей [красавец] окриленный...“. Впервые напечатано П. Е. Щеголевым в „Русском Слове“ 1911, № 181. Печатается по автографу в тетради (№ 2370 *ЛБ*). По положению в тетради и содержанию датируется предположительно 14 июня 1824 года. В этот день гр. Е. К. Воронцова уехала из Одессы в Гурзуф на яхте „Утеха“. Мотив близок к 3-й оде Горация „К кораблю, везущему в Афины Вергилия“.

366. „Приют любви, он вечно полн...“. Впервые напечатано В. Е. Якушкиным в „Русской Старине“ 1884, № 7. Печатается по автографу в тетради (№ 2370 *ЛБ*). По положению в тетради датируется маем — первой половиной июня 1824 года.

Набросок стихов, связанных с гр. Е. К. Воронцовой. Первоначально, вместо „приют любви", в рукописи было „пещера дикая".

367. „Зачем ты послан был, и кто тебя послал...". Впервые напечатано В. Е. Якушкиным в „Русской Старине" 1884, № 7. Печатается по автографу в тетради (№ 2370 *ЛБ*). По положению в тетради датируется маем — первой половиной июня 1824 года.

Черновой набросок, относящийся к Наполеону I и французской революции.

367. На гр. М. С. Воронцова („Полу-герой, полу-невежда..."). Впервые напечатано Н. В. Гербелем в „Стихотворениях А. С. Пушкина" Берлин 1861. Печатается по автографу письма Пушкина к кн. П. А. Вяземскому от 10 октября 1824 года. Написано в Одессе, вероятно, в мае — июне.

Эпиграмма направлена против гр. М. С. Воронцова (1782—1856), бывшего в это время новороссийским генерал-губернатором и непосредственным начальником Пушкина в период его службы в Одессе. Враждебные отношения Пушкина к гр. М. С. Воронцову сказались в ряде отрицательных упоминаний о нем в письмах и в резких эпиграммах: „Сказали раз царю...", „Не знаю где, но не у нас...", „Певец Давид был ростом мал...". Недовольство Пушкина Воронцовым вызвано было сперва высокомерно-покровительственным отношением последнего, а затем политическими преследованиями и личными столкновениями, в результате которых поэт был выслан из Одессы в Михайловское.

Вариант ст. 1: „Полу-милорд, полу-купец" намекает на англоманию Воронцова и на материальную личную заинтересованность генерал-губернатора в операциях Одесского порта.

Другая редакция эпиграммы, вероятно, окончательная, но дошедшая до нас лишь в позднейших списках (по „Стихотворениям А. С. Пушкина", Берлин 1861):

Полумилорд, полукупец,
Полумудрец, полуневежда,
Полуподлец, но есть надежда,
Что будет полным наконец.

368. „Певец-Давид был ростом мал...". Впервые напечатано в Собр. соч. Пушкина под ред. П. А. Ефремова, 1903, т. I. Печатается по автографу в тетради (№ 2366 *ЛБ*). По положению в тетради датируется предположительно июнем 1824 года.

Под библейской аллегорией Давида и Голиафа Пушкин подразумевает свои отношения к гр. М. С. Воронцову (см. примечание к стр. 367).

368. „О муза пламенной сатиры...". Впервые напечатано П. В. Анненковым в Собр. соч. Пушкина 1857, т. VII. Печатается по тетради П. П. Каверина в книге Ю. Н. Щербачева „Приятели Пушкина Мих. Андр. Щербинин и Петр Павл. Каверин", М. 1912. По положению в тетради Каверина датируется 1821 — июнем 1824 года.

Стихотворение, написанное „онегинской строфой", должно было открывать проектировавшийся Пушкиным сборник его эпиграмм. В ряде списков стихотворение составляет вторую часть писания к В. Л. Пушкину („Христос воскрес, питомец Феба...")

Ювенал — римский сатирик I века н. э.

369. Прозерпина („Плещут волны Флегетона..."). Впервые напечатано в „Северных Цветах на 1825 г." Печатается по „Стихотворениям Александра Пушкина" 1829, ч. I. где датировано 1824 годом. В автографе дата: „26 августа 1824 г."

Вольный перевод 27-й картины из поэмы Парни „Превращение Венеры".

370. А. Н. Вульфу („Здравствуй, Вульф, приятель мой!"). Впервые напечатано П. В. Анненковым в Собр. соч. Пушкина 1857, т. VII. Печатается по „Русскому Архиву" 1867, № 1. Письмо со стихами датировано 20 сентября 1824 года.

Этими стихами начинается письмо к А. Н. Вульфу от 20 сентября 1824 года из Михайловского, написанное вскоре после высылки Пушкина из Одессы в село Михайловское под надзор отца. В письме Пушкин сообщает Вульфу: „В самом деле, милый,

жду тебя с отверзтыми объятиями и с откупоренными бутылками. Уговори Языкова да отдай ему мое письмо; так как я под строгим присмотром, то если вам обоим за благо рассудится мне отвечать, пришли письма под двойным конвертом на имя сестры твоей Анны Николаевны".

Вульф, Алексей Николаевич (1805—1881)—сын соседки Пушкина по Михайловскому П. А. Осиповой, владелицы села Тригорского, студент Дерптского университета. В Михайловском Пушкин возобновил дружеские отношения с обитателями Тригорского—П. А. Осиповой (в первом браке Вульф), ее сыном А. Н. Вульфом и старшими дочерьми—Анной Николаевной и Евпраксией Николаевной.

Ст. 7: *Лайон* — брат поэта, Лев Сергеевич Пушкин („Лайон"—по-английски „Лев").

371. К Языкову („Издревле сладостный союз..."). Впервые напечатано в „Литературной Газете" 1830, № 16, стт. 1—34, под заглавием: „Отрывок из послания к Языкову", и с пометой: „1824. Михайловское". Печатается по цензурной рукописи „Стихотворений Александра Пушкина" 1832, ч. III. Стт. 34—49, которые не могли при жизни Пушкина быть напечатанными, печатаются по копии Корфа, опубликованной в „Современном Обозрении" 1863, № 5. В „Стихотворениях Александра Пушкина" слова „Отрывок из послания" были перенесены в оглавление, где помещены в качестве подзаголовка.

Датируется стихотворение по помете в копии с автографа: „Михайловское, 20 сентября 1824".

Послание к Н. М. Языкову написано одновременно с предыдущими стихами к А. Н. Вульфу из села Михайловского.

Языков, Николай Михайлович (1803—1846), в это время учился в Дерптском университете и лично не был знаком с Пушкиным, который знал о нем по рассказам А. Н. Вульфа. Об отношении Пушкина к поэзии Языкова см. стихотворения: „Языков, кто тебе внушил", „К тебе сбирался я давно" и „Евгений Онегин" (глава четвертая, строфа XXXI).

Ст. 28: *Прадед мой, арап*—Абрам Петрович Ганнибал, о котором см. в „Арапе Петра Великого", в „Моей родословной", в „Родословной Пушкиных и Ганнибалов".

Вариант „Литературной Газеты":

Ст. 8:

Языков, близок я к тебе.

Два стиха были заменены по цензурным соображениям в „Литературной Газете" и в „Стихотворениях Александра Пушкина" следующими:

Ст. 19:

Куда подует непогода;

Ст. 21:

Теперь один, в глухом изгнанье,

Стих 19 при этом не давал рифмы к стиху 17. Этим Пушкин, очевидно, намекал, что здесь сделана замена ради цензуры.

372. Разговор книгопродавца с поэтом („Стишки для вас одна забава..."). Впервые напечатано в издании первой главы „Евгения Онегина" 1825 года в виде, так сказать, пролога к роману. К первой ремарке „Книгопродавец" Пушкиным сделана сноска: „Заметим для щекотливых блюстителей приличий, что Книгопродавец и Поэт оба лица вымышленные. Похвалы первого не что иное, как светская вежливость, притворство, необходимое в разговоре, если не в журнале".

Печатается по „Стихотворениям Александра Пушкина" 1835, ч. IV. В рукописи дата: „26 сентября 1824".

В письме к брату от начала января 1824 года Пушкин формулирует основную мысль „Разговора", цитируя стих Ламартина из „Умирающего поэта": „Mais pourquoi chantais-tu? (Но почему ты пел?)". „На сей вопрос Ламартина отвечаю — я пел, как булочник печет, портной шьет, Козлов пишет, лекарь морит — за деньги, за деньги, за деньги — таков я в наготе моего цинизма". Поэт в „Разговоре" Пушкина в известной мере по-

вторяет романтическую позицию Ламартина, у которого поэт „поет“ „так же, как человек дышит, как птица воркует, как ветер вздыхает, как вода журчит“. Этому романтическому представлению поэта и поэтического творчества („вдохновения“) Пушкин противопоставляет Книгопродавца, развивающего взгляды, высказанные самим Пушкиным в письме к А. И. Казначееву от начала июня 1824 года. Пушкин, говоря о своей отставке, пишет: „О чем мне сожалеть? Не о моей ли неудавшейся карьере?.. О моем жалованье?.. Так как мои литературные занятия могут доставить мне больше денег нежели ⟨служба⟩, то совершенно естественно принести им в жертву мои служебные занятия... Я уже поборол в себе отвращение писать и продавать свои стихи, извлекая из них средства к жизни, самый большой шаг сделан; и если я еще пишу под прихотливым влиянием вдохновения, — то раз стихи написаны, я уже смотрю на них исключительно, как на товар, по столько-то за штуку“.

Ссылка Книгопродавца на Байрона и Жуковского относится, вероятно, к словам Байрона о славе в VIII строфе первой песни „Дон Жуана“: „В чем конечный исход славы? В том, что имя наше наполнит несколько столбцов лживой бумаги“ (см. аналогичные высказывания в „Чайльд-Гарольде“), и к стихам в „Светлане“ Жуковского: „Слава — нас учили — дым, свет — судья лукавый“.

Варианты первой публикации:

Ст. 3:

И разгласить успела слава

Ст. 103:

Пускай их Шаликов поет,

Стт. 176 — 177:

Я знаю ваше возраженье;
Но тут не вижу я стыда.

В конце главы была „поправка“, указывающая, что стт. 176 — 177 надо читать в том тексте, который вошел потом в „Стихотворения Александра Пушкина“, а в первом издании шестой главы „Евгения Онегина“ в списке опечаток дана поправка, указывающая, что ст. 115, читавшийся в обеих публикациях:

Я содрогаюсь, сердцу больно:

следует читать:

Я так и вспыхну, сердцу больно.

Перед печатанием стихотворения Пушкин исключил из него ряд стихов слишком интимного характера:

После ст. 96:

Мои слова, мои напевы,
Коварной силой иногда,
Смирять умели в сердце девы
Волненье страха и стыда...

После ст. 120:

Ах, лира, лира! что же ты
Мое безумство разгласила?
Ах, если б Лета поглотила
Мои летучие мечты!

После ст. 147:

С кем поделюсь я вдохновеньем?
Одна была — при ней одной
Дышал я чистым упоеньем
Любви поэзии святой.
Там, там, где тень, где лист чудесный,
Где льются вечные струи,
Я находил огонь небесный,
Сгорая жаждою любви.

Зачеркнутые варианты в черновой редакции:

Перед ст. 57:

Меня не знал в то время свет,
Но мне внимала вся природа;
Воистину я был поэт,
Но для себя — не для народа

Вместо стт. 19—22:

[Отдайте мне мои дубравы,
Мои холмы, приюты скал,
Где я, не понимая славы,
Одной поэзией дышал].

378. К морю („Прощай, свободная стихия...“). Впервые были напечатаны

стт. 45—51 в „Московском Телеграфе“ 1825, № 1 в „Прибавлении“ к статье Вальтер Скотта „Характер лорда Байрона“. Полностью — в „Мнемозине“ 1825, ч. VI, с такой сноской к ст. 51, который здесь читается:

Мир опустел...*

* В сем месте автор поставил три с половиною строки точек. Издателям сие стихотворение доставлено кн. П. А. Вяземским в подлиннике и здесь отпечатано точно в том виде, в каком оно вышло из-под пера самого Пушкина. Некоторые списки оного, ходящие по городу, искажены нелепыми прибавлениями. *Изд.*

Печатается по „Стихотворениям Александра Пушкина“ 1829, ч. I, где датировано 1824 годом. По положению в тетради (№ 2370 *ЛБ*) написано в сентябре.

Стт. 51 — 55 печатаются по рукописи. В „Стихотворениях Александра Пушкина“ вместо них напечатаны лишь два первых слова и три с половиной строки точек.

Стихотворение, написанное в связи с отъездом Пушкина из Одессы в конце июля 1824 года в ссылку в село Михайловское и под впечатлением известия о смерти Байрона.

Пушкин послал это стихотворение П. А. Вяземскому в письме от 1 октября 1824 года, сообщая ему: „Посылаю тебе маленькое поминаньице за упокой души раба божия Байрона“. Байрону посвящены 10—12 строфы. Смерть Байрона в Греции, куда он приехал для участия в борьбе за ее освобождение, вызвала целый ряд поэтических откликов в России, прежде всего у поэтов-декабристов Рылеева и Кюхельбекера.

В 3 и 6 строфах в замаскированной форме говорится о неосуществившемся плане бегства Пушкина за границу. В начале января 1824 года Пушкин писал брату о своем желании „взять тихонько трость и шляпу и поехать посмотреть на Константинополь. Святая Русь мне становится невтерпеж“.

В 9 и 10 строфах упоминается о смерти Наполеона (на острове св. Елены в 1821 г.); отношение к нему высказано Пушкиным в стихотворении „Наполеон“ (см. стр. 309), в которое он ввел одну из строф первоначальной редакции „К морю“.

В стихотворении „К морю“ сказалось отдаленное влияние последней песни „Чайльд-Гарольда“ Байрона и, возможно, стихотворения Ламартина „Adieux à la mer“ („Прощание с морем“).

Отрицательное отношение к „просвещению“, выраженное Пушкиным в это же время и в поэме „Цыганы“, восходит к философии Руссо.

Первая законченная рукописная редакция стихотворения состояла из девяти строф: I — VII, XIV и XV; строфы о Наполеоне написаны позднее.

Варианты „Мнемозины“, где текст напечатан без деления на строфы:

Ст. 21:

И тонет стая кораблей —

Ст. 26:

Мой поэтический набег!

Ст. 29:

Могущей страстью очарован,

К ст. 45 сноска: Байрон.

Ст. 48:

Реви, волнуйся непогодой,

Стт. 61 — 62:

И долго, долго помнить буду
Твой шум в вечерние часы.

380. Коварность („Когда твой друг на глас твоих речей...“). Впервые напечатано в „Московском Вестнике“ 1828, № 6. Печатается по „Стихотворениям Александра Пушкина“ 1829, ч. I, где датировано 1824 годом. В рукописи дата: „18 окт. 1824. Мих.“

Так же, как и „Демон“, это стихотворение относится к А. Н. Раевскому (см. стр. 723). По свидетельству Ф. Ф. Вигеля, Раевский, ухаживавший за гр. Е. К. Воронцовой, ввел Пушкина в дом Воронцовых в расчете прикрыть свои отношения к ней. Раевский, „с тайной яростью устремился на сокрушение семейного счастья, супружеского согласия

Воронцовых... козни его — увы!— были пагубны для другой жертвы. Влюбчивого Пушкина не трудно было привлечь миловидной Воронцовой... Вздохи, сладкие мучения, восторженность Пушкина, коих один он был свидетелем, служили ему беспрестанной забавой. Вкравшись в его дружбу, он заставил его видеть в себе поверенного и усерднейшего помощника, одним словом, самым искусным образом дурачил его...".

381. „О дева-роза, я в оковах...". Впервые напечатано в „Стихотворениях Александра Пушкина" 1826, ч. I, под заглавием: „Подражание турецкой песне". Печатается по „Стихотворениям Александра Пушкина" 1829, ч. I; здесь заглавие перенесено в указатель в качестве подзаголовка. Стихотворение помещено среди произведений 1820 года, так как оно написано под впечатлением Крыма, где поэт был летом этого года. Написано в Михайловском в середине октября 1824 года; черновой текст его находится в тетради (№ 2370 *ЛБ*) среди черновиков этого времени.

Стихотворение первоначально имело заголовок: „Подражание турецкому". Позднейшие вариации этого мотива см. в „Бахчисарайском фонтане" (стт. 288—289), и в стихотворении „Соловей и роза" 1827 (стр. 473).

381. „Т— прав, когда так верно вас...". Впервые напечатано П. В. Анненковым в „Материалах для биографии Пушкина" 1855 г. Печатается по автографу в тетради (№ 2370 *ЛБ*). По положению в тетради датируется сентябрем — октябрем 1824 года.

Адресат послания неизвестен.

„*Т* — " — вероятно, Василий Иванович Туманский (1800 — 1860), поэт и чиновник канцелярии гр. М. С. Воронцова в Одессе, приятель Пушкина.

382. „Мне жаль великия жены...". Впервые напечатано П. О. Морозовым в Собр. соч. Пушкина 1887, т. I. Печатается по автографу в тетради (№ 2370 *ЛБ*). По положению в тетради датируется сентябрем — октябрем 1824 года.

Стихотворение относится к Екатерине II (1729 — 1796), которая в начале царствования прикрывала свою крепостническую политику либеральной фразеологией, но после Пугачевского восстания проводила жесткую политику укрепления дворянской диктатуры. К „либеральному" периоду ее царствования относится „Наказ", для созванной в 1767 году Комиссии для составления проекта нового уложения, представляющий компиляцию из произведений философов-просветителей.

Пушкин свое отношение к Екатерине II высказал как в этом стихотворении, так и в „Заметках по русской истории XVIII в.": „Со временем история оценит влияние ее царствования на нравы, откроет жестокую деятельность ее деспотизма, под личиной кротости и терпения, народ, угнетенный наместниками, казну, расхищенную любовниками, покажет важные ошибки ее в политической экономии, ничтожность в законодательстве, отвратительное фиглярство в сношениях с философами ее столетия, — и тогда голос обольщенного Вольтера не избавит ее славной памяти от проклятия России" (1822).

Ст. 6: *Орлов*, Г. Г. (1734 — 1783) — фаворит Екатерины II; ст. 9: принц Жозеф *Делинь* (1735 — 1814) — французский дипломат и военный деятель.

Вариант последнего стиха:

На судне с нею умерла.

382. Младенцу („Дитя, не смею над тобой..."). Впервые напечатано В. Е. Якушкиным в „Русской Старине" 1884, № 7. Печатается по автографу в тетради (№ 2370 *ЛБ*). По положению в тетради датируется октябрем 1824 года.

В рукописи сохранилось еще несколько исчерканных строк о „клеветнике", который „неверными чертами образ мой опишет" и пр.

383. „Ненастный день потух, ненастной ночи мгла...". Впервые напечатано в „Стихотворениях Александра Пушкина" 1826, где в указателе есть под-

заголовок: „Отрывок“. Печатается по „Стихотворениям Александра Пушкина“ 1829, ч. I, где датировано 1823 годом. Написано, судя по содержанию, в сентябре — октябре (предположительно) 1824 года.

Стихотворение, написанное в селе Михайловском, противопоставляет северный пейзаж недавно покинутой Одессе. Возможно, что стихи обращены к гр. Е. К. Воронцовой.

384. Графу Олизару („Певец! издревле меж собою...“). Впервые напечатано В. Е. Якушкиным в „Русской Старине“ 1884, № 7. Печатается по автографу в тетради (№ 2370 *ЛБ*). По положению в тетради датируется октябрем 1824 года.

Черновой набросок послания к гр. Густаву Олизару (1798 — 1864), киевскому помещику и видному польскому общественному деятелю. Гр. Олизар писал стихи, чем объясняется и обращение к нему, как к „певцу“. Поводом к написанию этого стихотворения послужило неудачное сватовство Олизара к М. Н. Раевской в 1823 году. В своих мемуарах гр. Олизар приводит письмо генерала Раевского, в котором тот отказывает ему в руке дочери, ссылаясь на разницу религии и национальности. Пушкин, близкий семье Раевских, очевидно, знал причины отказа. Об отношениях Пушкина к Польше и польскому национальному движению см. „Перед гробницею святой“, „Клеветникам России“ и „Бородинская годовщина“.

Ст. 10: *Костюшко*—вождь польского восстания 1794 года.

385. П. А. Плетневу („Ты издал дядю моего...“). Впервые напечатано В. Е. Якушкиным в „Русской Старине“ 1884, № 7. Печатается по автографу в тетради (№ 2370 *ЛБ*). По положению в тетради датируется октябрем 1824 года.

Этими стихами начинается черновое письмо Пушкина от сентября — октября 1824 года к П. А. Плетневу, ведавшему изданием первой главы „Евгения Онегина“.

В 1822 году П. А. Плетнев наблюдал за изданием „Стихотворений В. Л. Пушкина“, автора „Опасного соседа“, к которому враждебно относилась „покойная Беседа“, т. е. Шишковская „Беседа любителей русского слова“.

385. „Презрев и толки укоризны...“. Впервые напечатано В. Е. Якушиным в „Русской старине“ 1884, № 7. Печатается по автографу в тетради (№ 2370 *ЛБ*). По положению в тетради датируется октябрем 1824 года.

Черновой набросок незаконченного послания к брату Л. С. Пушкину, связанный с планами бегства ссыльного Пушкина через Дерпт за границу. В своих воспоминаниях А. Н. Вульф так передает этот план: „Пушкин, не надеясь получить в скором времени права свободного выезда из места своего заточения, измышлял разные проекты, как бы получить свободу. Между прочим, предложил я ему такой проект: я выхлопочу себе заграничный паспорт и Пушкина, в роли своего крепостного слуги, увезу с собой за границу“. Слухи о планах бегства проникли в Петербург, и обеспокоенный ими Пушкин писал брату во второй половине декабря 1824 года: „Мне дьявольски не нравятся П<етербургск>ие толки о моем побеге. Зачем мне бежать? Здесь так хорошо! Когда будешь у меня, то станем трактовать о банкире, о переписке, о месте пребывания Чадаева. Вот пункты, о которых можешь уже осведомиться“. В этом письме Пушкин не только не отказывается от побега, но, наоборот, поручает брату „осведомиться“ о всех его этапах, подчеркивая условные слова, обозначающие организацию пересылки денег и корреспонденции за границу. Чаадаев в это время находился в Швейцарии и, возможно, что Пушкин думал к нему там присоединиться.

386. „Сабуров, ты оклеветал...“. Впервые напечатано В. Е. Якушкиным в „Русской Старине“, 1884, № 7. Печатается по автографу в тетради (№ 2370 *ЛБ*). По положению в тетради датируется октябрем 1824 года.

Стихотворение обращено к Я. И. Сабурову, распространявшему неблагоприятные для Пушкина слухи об отношениях его к

А. Н. Зубову, приятелю поэта в последний период лицейской жизни. См. стихотворение „Пройдет любовь, умрут желанья“ (1817) и примечание к нему.

Сабуров, Яков Иванович — лейб-гусар, служил одновременно с Пушкиным в Кишиневе. В начале 1825 г. Пушкин писал брату: „Если Сабуров не уехал еще в Одессу, то попроси его там обо мне ничего не врать“. С этим „враньем“ Сабурова связаны и строки о нем в „Евгении Онегине“:

Тут был Сабуров, заслуживший
Известность низостью души.

О царскосельских лейб-гусарах Каверине и Молоствове см. стр. 679. О Чаадаеве же, стр. 686.

386. „Как жениться задумал царской арап...“. „Впервые напечатано В. Е. Якушкиным в „Русской Старине“ 1884, № 7. Печатается по автографу в тетради (№ 2370 *ЛБ*). По положению в тетради датируется октябрем 1824 года.

Набросок стихотворения, замысел которого сходен с „Арапом Петра Великого“ (1827 – 1828). *Царской арап* — прадед Пушкина Ибрагим Ганнибал (см. стр. 728).

Набросок представляет собою один из опытов Пушкина стихотворений, написанных русским народным стихом.

386. „Ночной зефир...“. Впервые напечатано в альманахе „Литературный Музеум на 1827 г.“ под заглавием „Испанская песня“. В альманахе приложены ноты романса, сочиненного А. Н. Верстовским. Печатается по „Стихотворениям Александра Пушкина“ 1829, ч. I, где в оглавлении названо: „Испанский романс“ и датировано 1824 годом. В рукописи дата: „13 ноября“.

Разночтения „Литературного Музеума“, где строфы „Вот взошла луна златая“ и „Скинь мантилью, друг мой милый“ переставлены:

Вместо стт. 3—4, 12 –13 и 21—22:

Бежит, шумит

Ст. 8:

И гишпанка молодая

Ст. 15:

Сбрось мантилью, друг мой милый,

Ст. 18:

Ножку милую продень.

387. „С перегородкою каморки...“. Впервые воспроизведено факсимильно в „Истории русской литературы“ П. Н. Полевого, 1900, т. III. Напечатано впервые Брюсовым в Сочинениях Пушкина, изд. Госиздата, т. I. ч. I, М. 1920. Печатается по черновому автографу *(ПД)*. Датируется 13 ноября 1824 года (написано на одном листе с „Испанским романсом“).

387. „Пока супруг тебя, красавицу младую...“. Впервые напечатано В. Е. Якушкиным в „Русской Старине“ 1884, № 7. Печатается по автографу в тетради (№ 2370 *ЛБ*). По положению в тетради датируется ноябрем 1824 года.

Набросок сохранился среди черновиков „Подражаний Корану“.

388. **Фонтану Бахчисарайского дворца** („Фонтан любви, фонтан живой...“). Впервые напечатано в „Стихотворениях Александра Пушкина“ 1826. Печатается по „Стихотворениям Александра Пушкина“ 1829, ч. I. Здесь стихотворение помещено среди произведений 1820 года, так как оно связано с впечатлениями Крыма, где поэт был летом 1820 года. Написано в ноябре 1824 года, в Михайловском: черновой текст его находится в тетради (№ 2370 *ЛБ*) среди черновиков этого времени.

В письме к Дельвигу в декабре 1824 года Пушкин рассказывает о своих крымских впечатлениях 1820 года: „В Бахчисарай приехал я больной. Я прежде слыхал о странном памятнике влюбленного хана. К*** поэтически описывала мне его, называя la fontaine des larmes. Вошед во дворец, увидел я испорченный фонтан; из заржавой железной трубки по каплям падала вода. Я обошел дворец с большой досадою на небрежение, в котором он истлевает, и на полуевропейские переделки некоторых комнат. NN почти на-

сильно повел меня по ветхой лестнице в развалины гарема и на ханское кладбище.

Но не тем
В то время сердце полно было...

Растолкуй мне теперь: почему полуденный берег и Бахчисарай имеют для меня прелесть неизъяснимую? Отчего так сильно во мне желание вновь посетить места, оставленные мною с таким равнодушием? Или воспоминание самая сильная способность души нашей, и им очаровано всё, что подвластно ему?"

Из этих впечатлений выросла поэма „Бахчисарайский фонтан", героини которой, Мария и Зарема, упоминаются в стихотворении.

Можно считать установленным, что Пушкин слышал рассказ о фонтане слез от М. Н. Раевской. Букву К он поставил, предназначая письмо для печати и сознательно желая ложным намеком отвести всякие догадки об истинной его вдохновительнице. См. примечания к стихотворению „Редеет облаков летучая гряда" (1820) и к поэме „Бахчисарайский фонтан" (т. II).

388. Виноград („Не стану я жалеть о розах..."). Впервые напечатано в „Стихотворениях Александра Пушкина" 1826. Печатается по „Стихотворениям Александра Пушкина" 1829, ч. I. Здесь стихотворение помещено среди стихотворений 1820 года. Написано в Михайловском в ноябре 1824 года: черновой текст его находится в тетради (№ 2370 *ЛБ*) среди черновиков этого времени.

389. Подражания Корану. Посвящено П. А. Осиповой. („Клянусь четой и нечетой..."). Впервые напечатано в „Стихотворениях Александра Пушкина" 1826. Печатается по „Стихотворениям Александра Пушкина" 1829, ч. I. По положению в тетради датируется ноябрем 1824 года.

Цикл стихотворений, написанных в конце 1824 года в Михайловском. „Подражания Корану" являются свободной переработкой отдельных глав (сур) и стихов Корана. Пушкин не стремился к точной передаче текстов Корана, подбирая и комбинируя отдельные мотивы и темы сообразно своим настроениям и мыслям этого периода. В противовес установившимся литературным традициям того времени, Пушкин в своих подражаниях не сохраняет особенностей восточного стиля, не дает стилизации и „восточной роскоши", а перерабатывает этот „восточный стиль" сообразно принципам своей поэтики.

Принципиальное отношение к „подражаниям" восточному стилю сформулировано самим Пушкиным в высказываниях об английском поэте Томасе Муре, авторе экзотической поэмы „Лалла-Рук" (1817). Еще в 1822 году Пушкин отрицательно отзывается о Муре, „подражателе безобразному восточному воображению", а в письме к П. А. Вяземскому от середины апреля 1825 года (т. е. вскоре по окончании „Подражаний Корану"), он писал о том же Муре: „Знаешь, почему не люблю я Мура? Потому, что он чересчур уже восточен. Он подражает ребячески и уродливо — ребячеству и уродливости Саади, Гафиза и Магомета. Европеец и в упоении восточной роскоши должен сохранить вкус и взор европейца...".

I. „Клянусь четой и нечетой..." Основано на 93-й суре Корана, но в этой суре нет завета: „Стезею правды бодро следуй", а говорится лишь о гонимом пророке, который не должен притеснять сирот и отгонять нищих.

II. „О жены чистые пророка...". Близкое подражание 33-й суре, хотя и здесь данный Пушкиным завет пророка: „Храните верные сердца", отсутствует в суре.

III. „Смутясь нахмурился пророк...". Близкий пересказ 80-й суры.

IV. „С тобою древле, о всесильный...". Обработка 260-го стиха 2-й суры.

V. „Земля недвижна; неба своды...". 1-я строфа соответствует 39-му стиху 35-й суры; 2-я строфа следует 35-му стиху 24-й суры, 3-я строфа написана совершенно самостоятельно.

VI. „Недаром вы приснились мне...". Основано на сочетании строк нескольких мест Коран .

VII. „Восстань боязливый...“. Вольное и сокращенное переложение 3-й суры и нескольких строк из других мест Корана.

VIII. „Торгуя совестью пред бледной нищетою...“. В черновой рукописи озаглавлено: „Милостыня“ и восходит к 107-й суре, содержащей предписания о щедрой благотворительности, хотя значительно отличается от текста суры, в частности — там нет мотива „грозного суда“.

IX. „И путник усталый на бога роптал...“. Подражание 261-му стиху 2-й суры, значительно отходящее от первоисточника.

Варианты „Стихстворений Александра Пушкина“ 1826:

II, ст. 12:

Стекаясь к трапезе его,

IX, ст. 27:

И странное чудо тогда совершилось:

4-е примечание (к 2 ст. III подражания):

Из книги Слепец (Тифля). Вот почему слово сие почитается у турков за жесточайшую брань.

395. Из письма к А. Г. Родзянку („Прости, украинской мудрец...“). Впервые напечатано А. П. Керн в „Библиотеке для Чтения“, 1859, № 3. Печатается по автографу письма (в Харьковском университете), где дата: „8 дек.“ Год письма определяется содержанием.

Это стихотворение находится в письме Пушкина к А. Г. Родзянку от 24 декабря 1824 года.

Родзянко, Аркадий Гаврилович (1793— —1846)—богатый полтавский помещик, поэт, член общества „Зеленая Лампа“, автор эротических стихотворений, чем объясняется обращение к нему как к *наместнику Феба и Приапа*.

395. Чаадаеву („К чему холодные сомненья...“). Впервые напечатано в „Северной Пчеле“ 1825, № 12. Печатается по „Стихотворениям Александра Пушкина“ 1829, ч. I, где датировано 1820 годом и помечено в оглавлении: „С морского берега Тавриды“. Дата и помета входят в поэтический замысел стихотворения, связанного с Крымом, где Пушкин был летом 1820 года. Написано в конце ноября — первой половине декабря 1824 года, после прочтения книги И. М. Муравьева-Апостола „Путешествие по Тавриде в 1820 г.“, Спб. 1823. Первые два стиха послания отвечают на скептические высказывания автора книги, которую Пушкин прочел „с жадностью“ (письмо к Дельвигу).

О П. Я. Чаадаеве см. стр. 686. Стихотворение вызвано посещением развалин так называемого „Храма Артемиды“ на южном берегу Крыма и связано с древнегреческим мифом об Ифигении и Оресте. Ифигения была в Тавриде (Крым) жрицей богини Артемиды (Дианы), которой приносились кровавые человеческие жертвы. Брата Ифигении Ореста преследовали эвмениды—богини мщения. Для избавления от них Орест должен был похитить статую Артемиды из Тавриды, куда он и отправился вместе со своим другом Пиладом. Царь Тавриды, захватив Ореста, обрек его в жертву Артемиде, но Пилад, желая спасти своего друга, выдал себя за Ореста, отказавшегося, однако, от спасения такою ценой. После этого великодушного спора (ст. 10: „святое дружбы торжество“), Ифигения, узнав своего брата, спасла его и бежала с ним в Грецию, где положила основание культу Артемиды Таврической („провозвестница Тавриды“).

Дружба Ореста и Пилада обращает мысль поэта на его дружбу с Чаадаевым. Слова (стт. 16—17) „имя роковое предать развалинам иным“ расшифровываются как стремление разрушить „самовластье“, если сопоставить их с более ранним посланием Чаадаеву (1818) „Любви, надежды, тихой славы...“ (см. стр. 242):

Россия вспрянет ото сна,
И на обломках самовластья
Напишут наши имена.

396. Послание к Л. Пушкину („[Что же? Будет ли] вино?“). Впер-

вые напечатано В. Е. Якушкиным в „Русской Старине“, 1884, № 7. Печатается по автографу в тетради (№ 2370 ЛБ). Черновой набросок по положению в тетради датируется первой половиной декабря 1824 года.

Лайон — прозвище Л. С. Пушкина (см. стр. 728). В примечании 25-м к четвертой главе „Евгения Онегина“, к стиху: „Оно [вино] сверкает Ипокреной“ Пушкин приводит пять стихов этого наброска.

397. Аквилон („Зачем ты, грозный аквилон...“). Впервые напечатано в „Литературных прибавлениях к Русскому Инвалиду“ 1837, № 1. По этому изданию и печатается. В рукописи (перебеленный текст со многими поправками) даты: „1824. „Мих⟨айловское⟩“ (т. е. август — декабрь) и позднейшая — „Болд⟨ино⟩ 7 сент.“ Последняя сделана в 1830 году и свидетельствует о времени отделки стихотворения.

Аквилон — олицетворение северо-восточных ветров в римской мифологии.

Аллегорический смысл стихов несомненен.

397. Второе послание к цензору („На скользком поприще Тимковского наследник...“). Впервые напечатано П. В. Анненковым в Собр. соч. Пушкина 1857, т. VII и дополнительно в „Библиографических Записках“ 1858, № 11. Печатается по автографу в тетради (№ 2367 *ЛБ*). По положению в тетради и по данным переписки Пушкина датируется сентябрем — декабрем 1824 года.

Стихотворение, не рассчитанное на печать, обращено к тому же цензору А. С. Бирукову, что и первое „Послание к цензору“ 1822 года (см. стр. 335). Новое „Послание“ связано с теми ожиданиями, которые возлагал Пушкин на изменения в цензурной политике после назначения министром народного просвещения и главой цензурного ведомства президента Российской Академии адмирала А. С. Шишкова.

Ст. 1: *Тимковский*, Иван Осипович — член Петербургского цензурного комитета с 1804 по 1821 г.—В стт. 18—20 перечисляются действительно бывшие факты: цензор Красовский в стихотворении Олина „Стансы к Элизе“ запретил стих: „Улыбку уст твоих небесную ловить“, этот же цензор запретил гурий называть „божественными“. Стт. 32—42 заключают высокую оценку А. С. Шишкова, сделанную Пушкиным, как объяснял он П. А. Вяземскому, „имея в виду пользу нашей словесности и усмиренье кичливого Красовского“. — В стт. 37—38 говорится о Г. Р. Державине и Екатерине II. — Стт. 39—44: *святой отец* — кн. А. Н. Голицын (1773—1844) — в 1816—1824 гг. министр духовных дел и народного просвещения, мистик и реакционер. — Ст. 40: *Омар* — второй мусульманский калиф, взявший штурмом Александрию и, по преданию, сжегший ее богатейшую библиотеку. — *Гали*, вероятно, Али — четвертый арабский калиф. — Ст. 44: *Бантыш* — Бантыш-Каменский, Н. Н., член Библейского общества, мистик, пользовавшийся покровительством кн. А. Н. Голицына.— Стт. 45—46: *Магницкий*, М. Л.—член главного правления училищ, один из вдохновителей политики феодально-поповской реакции в области народного просвещения.— Стт. 47 — 48: *Кавелин*, Д. А.—директор Петербургского университета с 1819 по 1823 год, проявивший себя злейшим обскурантом. *Моим* Пушкин называет его, вероятно, потому, что был товарищем его по „Арзамасу“; *крестителем Галича* Кавелин назван потому, что, возбудив дело против А. И. Галича за вредное якобы направление лекций, он заставил его в церкви торжественно отречься от его философских „заблуждений“.

399. Клеопатра („Царица голосом и взором...“). Впервые напечатано В. Е. Якушкиным в „Русской Старине“ 1884, № 7. Печатается по автографу в тетради (№ 2367 *ЛБ*). По положению в тетради датируется октябрем — декабрем 1824 года.

Набросок является первой редакцией стихов о Клеопатре, которые Пушкин переработал в 1835 году, предполагая их включить в повесть „Египетские ночи“. Фабула стихотворения основана на рассказе о Клеопатре, египетской царице I века до н. э.,

в книге Аврелия Виктора, римского писателя IV века н. э.

401. „Напрасно ахнула Европа...“. Впервые напечатано Герценом в „Полярной Звезде на 1859 г.“ Печатается по автографу в тетради (№ 2370 *ЛБ*). По положению в тетради датируется второй половиной ноября—декабрем 1824 года.

Стихотворение написано по поводу петербургского наводнения 7 ноября 1824 года.

Бестужев-Марлинский, А. А. (1797—1837) — писатель, редактор-издатель (совместно с К. Ф. Рылеевым) альманаха „Полярная Звезда“, выходившего в 1823—1825 гг., декабрист. Пушкин сотрудничал в „Полярной Звезде“, которую, из-за пестрого состава ее участников, сравнивает здесь с ковчегом.

402. Сожженное письмо („Прощай, письмо любви, прощай! Она велела...“). Впервые напечатано в „Стихотворениях Александра Пушкина“ 1826. Печатается по „Стихотворениям Александра Пушкина“ 1829, ч. II, где датировано 1825 годом. По положению в тетради (№ 2370 *ЛБ*) датируется декабрем 1824 года.

Стихотворение относится к гр. Е. К. Воронцовой.

403. „Лиде страшно полюбить...“. Впервые напечатано П. В. Анненковым в Собр. соч. Пушкина 1857, т. VII. Печатается по автографу в тетради (№ 2367 *ЛБ*). По положению в тетради датируется декабрем 1824 года.

Персональная направленность эпиграммы не раскрыта.

403. „Твое соседство нам опасно...“. Впервые напечатано В. Е. Якушкиным в „Русской Старине“ 1884, № 3. Печатается по автографу в тетради (№ 2370 *ЛБ*). По положению в тетради датируется декабрем 1824 года.

Набросок шуточного послания, адресат которого не установлен.

Ст. 8: *„Опасный сосед“* — фривольная поэма В. Л. Пушкина.

403. „Сказали раз царю, что наконец...“. Впервые напечатано Н. В. Гербелем в „Стихотворениях А. С. Пушкина“, Берлин 1861. Печатается по автографу в тетради (№ 2370 *ЛБ*). По положению в тетради датируется 1824 годом.

Стихотворение написано в связи с казнью испанского революционера Риэго, возглавлявшего в 1820 году восстание в Кадиксе и казненного в Мадриде 26 октября с. с. 1823 года. В записках декабриста Н. В. Басаргина рассказывается, что Александр I, получив письмо от французского министра иностранных дел, сказал сидевшим около него генералам: „Господа, я вас поздравляю: Риэго взят в плен“. Все ответили молчанием и потупили глаза, один только NN воскликнул: „Какая счастливая новость, государь!“ Эта эпиграмма направлена Пушкиным против гр. М. С. Воронцова, что видно из первого варианта: „Я очень рад, сказал полу-подлец“. Полу-подлецом же Пушкин в своих письмах и эпиграммах называл графа Воронцова. См. о нем выше, стр. 727.

Фердинанд — король испанский Фердинанд VII.

404. „Ты вянешь и молчишь; печаль тебя снедает...“. Впервые напечатано в „Стихотворениях Александра Пушкина“ 1826. Печатается по „Стихотворениям Александра Пушкина“ 1829, ч. I, где в оглавлении названо: „Подражание А. Шенье“ и датировано 1824 годом.

Стихотворение представляет собой „свободное подражание“ элегии А. Шенье „Jeune fille, ton coeur avec nous veut se taire“ (Девушка, твое сердце с нами склонно молчать).

404. Признание. К А. И. Осиповой („Я вас люблю,— хоть я бешусь...“). Впервые напечатано в „Библиотеке для Чтения“, 1837, т. XXII, май. Печатается по этому изданию и автографу *(ПД)*. Датируется предположительно 1824 годом, не ранее августа, когда Пушкин приехал в Михайловское.

Стихотворение обращено к падчерице П. А. Осиповой, Александре Ивановне Осиповой, бывшей в 1824 году еще подростком.

Ст. 32: *Опочка* — город Псковской губ. в 48 клм. от села Михайловского.

406. К ** („Ты богоматерь, нет сомненья...“). Впервые напечатано Герценом в „Полярной Звезде на 1859 г.“ Печатается по автографу в тетради (№ 2367 *ЛБ*). По положению в тетради предположительно датируется 1824 годом.

Адресат этого послания не установлен.

406. „Охотник до журнальной драки...“. Впервые напечатано в „Стихотворениях Александра Пушкина“ 1826. Печатается по „Стихотворениям Александра Пушкина“ 1829, ч. II. По положению в тетради предположительно датируется 1824 годом.

Эпиграмма направлена против М. Т. Каченовского (см. стр. 689).

406. „Лихой товарищ наших дедов...“. Впервые напечатано В. Е. Якушкиным в „Русской Старине“, 1884, № 7. Печатается по автографу в тетради (№ 2367 *ЛБ*).

По положению в тетради предположительно датируется 1824 годом.

Эпиграмма, персональная направленность которой не раскрыта.

407. „Пускай увенчанный любовью красоты...“. Впервые напечатано П. О. Морозовым в Академическом изд. Пушкина 1912, т. III.

Печатается по автографу *(ПД)*. Датируется предположительно 1824 годом.

Заветное золото — вероятно, медальон.

407. „Тимковский царствовал — и все твердили вслух...“. Впервые напечатано Н. В. Гербелем в „Стихотворениях А. С. Пушкина“, Берлин 1861. По этому изданию и печатается. На основании содержания датируется предположительно 1824 годом.

Эпиграмма на петербургских цензоров А. С. Бирукова и А. И. Красовского, тесно связанная с неоднократными аналогичными отзывами о них в стихах и письмах Пушкина. См. первое и второе „Послания к цензору“, а также жалобы на „глупость, своенравие и притеснительность“ Бирукова и Красовского в письме Пушкина к брату от 13 июня 1824 года. О Тимковском см. выше, стр. 736.

407. „Воспитанный под барабаном...“. Впервые напечатано М. И. Семевским в „Русском Вестнике“ 1869, № 11. По этому изданию и печатается.

Датируется весьма предположительно 1824 годом.

Эпиграмма на Александра I, дошедшая до нас в авторитетной передаче А. Н. Вульфа, подчеркивает бездарность царя, занимавшегося мелочными вопросами иностранной политики в ущерб делам внутреннего управления. Первая строка намекает на казарменно-фрунтовую выучку, полученную будущим царем на вахт-парадах Павла I. Об Австерлице см. стр. 711.

1825

408. Приятелям („Враги мои, покамест я ни слова...“). Впервые напечатано в „Московском Телеграфе“ 1825, № 3, под заглавием „Журнальным приятелям“. Печатается по „Стихотворениям Александра Пушкина“ 1829, ч. II. Письмо Пушкина, в котором было послано стихотворение кн. П. А. Вяземскому, датировано 25 январем 1825 года.

Черновая редакция стихов:

Враги мои, теперь уж я ни слова.
Доволен я, мой старый гнев погас —
Хоть от меня ушел один из вас —
Но не того, так выберу другого.
Что, каковы следы моих когтей —
Смешон ли вам ⟨под небом⟩ ястреб жадный,

Немедленный, нежд⟨анный⟩, беспо⟨щадный⟩
И много ль вас еще моих гусей?

408. На Ф. Н. Глинку („Наш друг *Фита*, Кутейкин в эполетах...“). Впервые напечатано кн. П. А. Вяземским в „Русском Архиве“ 1874, № 1. Печатается по автографу — письму к Вяземскому от 25 января 1825 года *(ЦА)*. Написано, вероятно, не ранее января этого года в Михайловском.

О Ф. Н. Глинке см. стр. 719; о Кутейкине — стр. 718.

409. „Что козырь?“ — „Черви“.— „Мне ходить...“. Впервые напечатано В. П. Анненковым в 1857 году в Собр. соч. Пушкина, т. VII; полнее им же в „Вестнике Европы“ 1874, № 1. Печатается по автографу в тетради (№ 2370 *ЛБ*). По положению в тетради отрывки датируются январем — февралем 1825 года.

Черновой набросок, связанный, может быть, с работой над „Сценой из Фауста“ (см. стр. 444).

410. „Вот Коцит, вот Ахерон...“. Впервые напечатано П. О. Морозовым в Академическом изд. Пушкина, 1916, т. IV. Печатается по черновому автографу *(ПД)*. Датируется предположительно январем — февралем 1825 года (по некоторой связи с предыдущими отрывками).

411. „Я был свидетелем златой твоей весны...“. Впервые напечатано В. Е. Якушкиным в „Русской Старине“ 1884, № 7. Печатается по автографу в тетради (№ 2370 *ЛБ*). По положению в тетради датируется январем — февралем 1825 года.

Незаконченное стихотворение, обращенное, вероятно, к Анне Ник. Вульф (см. о ней стр. 728).

411. Дружба („Что дружба? Легкий пыл похмелья...“). Впервые напечатано в альманахе „Урания на 1826 г.“ Печатается по „Стихотворениям Александра Пушкина“ 1829, ч. II, где датировано 1825 годом. Датируется концом октября 1824 года (положение в тетради № 2370 *ЛБ*) — первой половиной марта 1825 года (письмо Пушкина к брату от 27 марта).

Черновая редакция четверостишия:

Что дружба? Шумный пыл похмелья,
Обиды [смелый] разговор,
Обмен тщеславия, безделья,
[Да] покровительства позор.

411. „От многоречия отрекшись добровольно...“. Впервые напечатано М. А. Цявловским в „Известиях ЦИК'а“ от 6 июня 1934, № 131. Печатается по тетради Всеволожского. Датируется серединой марта 1825 года. Оно написано во время работы Пушкина над приготовлением к печати своей тетради стихотворений, переписанных еще в конце 1819 года.

411. „Семейственной любви и нежной дружбы ради...“. Впервые напечатано С. А. Соболевским в „Библиографических Записках“ 1858, № 4. Печатается по автографу — письму (№ 1254 *ЛБ*). Письмо к Л. С. Пушкину со стихами, названными „вчерашним impromptu“, датируется 7 апреля 1825 года.

Экспромпт, относящийся к Ольге Сергеевне Пушкиной, сестре поэта.

Вариант:

Почтения, любви, и нежной дружбы ради
Хвалю тебя, мой друг, и спереди и сзади.

412. Ода Его сият. Гр. Дм. Ив. Хвостову („Султан ярится. Кровь Эллады...“). Впервые напечатано П. В. Анненковым в Собр. соч. Пушкина 1857, т. VII. Печатается по беловому автографу *(ЦА)*. Датируется второй половиной февраля (примечание Пушкина о послании Кюхельбекера к А. С. Грибоедову) — апрелем 1825 года (письмо А. И. Тургенева к Вяземскому от 4 мая этого года, где упоминается „Ода“).

Стихотворение полемически направлено против защитников оды как высшей формы поэтического творчества. Пародируя канонические приемы оды и адресуя свои стихи гр. Д. И. Хвостову (см. стр. 654), имя которого в 20-е годы было символом бездарного метромана, Пушкин имел в виду, однако,

не самого Хвостова, а именно новейших одописцев. Так, в стт. 1—2: *Кровь Эллады и резвоскачет, и кипит*—пародически намекалось на выражение В. К. Кюхельбекера „резвоскачущая кровь“ из его послания к А. С. Грибоедову; рифма: *промокла—Фемистокла* (стт. 18—19) была взята из стихотворения К. Ф. Рылеева „На смерть Байрона“.

414. Жив, жив, курилка! („Как! жив еще курилка журналист...“). Впервые напечатано Лонгиновым в „Современнике“ 1857, № 7. Печатается по автографу — письму к Л. С. Пушкину (№ 1254 *ЛБ*). Датируется второй половиной марта — первой половиной мая 1825 года на основании писем Пушкина к брату от 14 марта и от начала апреля этого года.

Эпиграмма была написана в связи с полемикой вокруг „Бахчисарайского фонтана“ и направлена против редактора „Вестника Европы“ М. Т. Каченовского (см. стр. 689).

414. Козлову („Певец, когда перед тобой...“). Впервые напечатано в „Стихотворениях Александра Пушкина“ 1826. Печатается по „Стихотворениям Александра Пушкина“ 1829, ч. II, где в оглавлении к заглавию добавлено: «По получении от него „Чернеца“»— и датировано 1825 годом. Беловой автограф датирован: „15 мая 1825. Михайловское — Арапово“.

„Подпись слепого поэта тронула меня несказанно, — отмечал Пушкин в письме от апреля 1825 года к брату. — Повесть его прелесть... Хочется отвечать ему стихами“.

Козлов, Иван Иванович (1779—1840) — поэт и переводчик, начавший свою литературную деятельность в 1821 году, после того как был разбит параличом и лишился зрения.

415. Желание славы („Когда, любовию и негой упоенный...“). Впервые напечатано в „Соревнователе Просвещения и Благотворения“ 1825, № 6, с подзаголовком „Элегия“. Печатается по „Стихотворениям Александра Пушкина“ 1829, ч. II, где датировано 1825 годом. Начато стихотворение, вероятно, в ноябре 1823 года (положение черновика в тетради № 2369 *ЛБ*), окончено не позднее мая 1825 года (номер „Соревнователя“ со стихотворением процензурован 1 июня этого года).

Стихотворение относится к гр. Е. К. Воронцовой.

Вариант журнальной публикации:

Ст. 6:

Скучая суетой и званием поэта,

416. „Веселого пути...“. Впервые напечатано П. И. Бартеневым в „Русском Архиве“ 1870, № 6. Печатается по автографу — письму к Жуковскому, датируемому концом мая — началом июня 1825 года.

Четверостишие в письме к Жуковскому предварялось следующими строками по поводу трехтомника его стихотворений, изданного в 1824 году под наблюдением Д. Н. Блудова: „Ничего не говорил я тебе о твоих стихотворениях. Зачем слушаешься ты маркиза Блудова? Пора бы тебе удостовериться в односторонности его вкуса. К тому же, не вижу в нем и бескорыстной любви к твоей славе. Выбрасывая, уничтожая самовластно, он не исключил из собрания послания к нему, произведения конечно слабого“.

Блудов, Дмитрий Николаевич (1785 — 1864) —чиновник Министерства иностранных дел, член „Арзамаса“; впоследствии был составителем „Донесения Следственной комиссии“ по делу декабристов, министром внутренних дел и председателем Государственного совета. Четверостишие пародирует начальные строки послания В. А. Жуковского „К Блудову при отъезде его в турецкую армию“: „Веселого пути любезному желаю ко древнему Дунаю: забудь покой, лети...“.

416. Ex ungue leonem („Недавно я стихами как-то свистнул...“). Впервые напечатано в „Московском Телеграфе“ 1825, № 13. Печатается по „Стихотворениям Александра Пушкина“ 1829, ч. II. Эпиграмма вызвана заметкой А. Е. Измайлова в № 19 „Благонамеренного“ о стихотворении „Приятелям“ (см. стр. 408). Заметка вышла в свет в конце мая, а эпиграмма была послана Н. А. Полевому 22 июня 1825 года.

„Ex ungue leonem“ — латинская поговорка, вошедшая в международный литературный обиход: по когтям узнают льва.

Варианты „Московского Телеграфа“:

Стт. 3—4:

Журнальный шут об них статейку тиснул
И в свет пустил без подписи ж, злодей!

417. П. А. Осиповой („Быть может, уж недолго мне...“). Впервые напечатано в „Северных Цветах на 1829 г.“, под заглавием: „В альбом П. А. О.“. Печатается по „Стихотворениям Александра Пушкина“ 1829, ч. II, где датировано 1825 годом. В беловом автографе дата: „С. Михайловское. 25 июня 1825“.

Стихи написаны в альбом П. А. Осиповой (см. стр. 684) и связаны с планами отъезда (может быть, бегства) Пушкина за границу.

417. Андрей Шенье. Посвящено Н. Н. Раевскому („Меж тем, как изумленный мир...“). Впервые напечатано в „Стихотворениях Александра Пушкина“ 1826, в отделе „Элегии“. Печатается по „Стихотворениям Александра Пушкина“ 1829, ч. II и по авторизованной копии *(ПД)*. В „Стихотворениях Александра Пушкина“ 1829, ч. II датировано 1825 годом. По положению в тетради (№ 2370 *ЛБ*) датируется первой половиной 1825 года.

Первопечатный текст по цензурным условиям был опубликован в сокращенном виде — с пропусками стт. 21—64 и 150. В черновой рукописи Пушкина элегия озаглавлена „Андрей Шенье в темнице“.

В той же рукописи сохранился набросок примечания Пушкина к элегии: „André Chénier погиб жертвою французской революции на 31 году от рождения. Долго славу его составляло несколько слов, сказанных о нем Шатобрианом, и два или три отрывка, и общее сожаление об утрате всего прочего. — Наконец, творения его были отысканы и вышли в свет 1819 года — нельзя воздержаться от горестного чувства...“.

Андре Шенье во время французской революции принял деятельное участие в политической жизни; он оставался, однако, всегда в лагере умеренных, примыкал к жирондистам, а во время процесса короля выступил в его защиту. Арестованный по обвинению в участии в монархическом заговоре, Шенье был казнен 27 июля 1794 года 9 термидора X года), накануне падения диктатуры Робеспьера.

Эпиграф взят Пушкиным из стихотворения Шенье „Jeune captive“ („Юная пленница“), написанного в тюрьме.

Злободневность и социально-политическая острота элегии особенно подчеркивались намеками на положение самого Пушкина (эпиграф намекал на ссылку поэта); стт. 142—154 также ассоциировались с именем автора „Вольности“ и „Кинжала“, а заключительная часть монолога поэта („И час придет... и он уж недалек: Падешь, тиран!..“) легко расшифровывалась как предвидение близкого конца царствования Александра I. Элегия была написана Пушкиным за несколько месяцев до восстания декабристов, причем вскоре после напечатания ее исключенные цензурой стихи получили распространение в рукописных списках с заглавием: „На 14 декабря“. Стихи эти попали в руки полиции, лица, у которых они были обнаружены, подверглись аресту и ссылке, а сам Пушкин был привлечен к следствию и трижды давал письменные показания о тематике и времени написания своих стихов.

Ст. 26 разумеет взятие восставшим народом 14 июля 1789 года тюрьмы Бастилии в Париже. — Стт. 29—31 имеют в виду Генеральные штаты, объявленные депутатами третьего сословия „Национальным собранием“: 20 июня 1789 года депутаты принесли торжественную клятву не расходиться и собираться всюду, где потребуют обстоятельства, до тех пор, пока не будет создана и утверждена конституция. — Ст. 32: *бестрепетный ответ* — ответ Мирабо (*пламенный трибун*) на предложение членам третьего сословия разойтись: „Депутаты собрались по воле нации, и удалить их можно лишь силою

штыков". — Стт. 38—39 имеют в виду перенесение праха Вольтера и Руссо в парижский Пантеон. — Стт. 48—49: *убийца с палачами* — выпад Шенье против Робеспьера, Кутона и Сен-Жюста. — Стт. 160 — 171 — обращение Шенье к Робеспьеру.

Вариант „Стихотворений Александра Пушкина" 1826:

Ст. 120:

Когда ж, вакхальною тревогой утомясь

424. А. Г. Родзянку („Ты обещал о романтизме..."). Впервые напечатано М. Г. Родзянком в „Современнике" 1859, № 2. По этому изданию и печатается. По содержанию датируется июнем — первой половиной июля 1825 года.

Послание Пушкина является ответом на шутливое письмо А. Г. Родзянка (см. стр. 735) с приписками А. П. Керн к Пушкину в мае 1825 г. „Вот теперь вздумала мириться с Ермолаем Федоровичем, — писал Родзянко, имея в виду мужа А. П. Керн, — снова пришло давно остывшее желание иметь законных детей, и я пропал. Тогда можно было извиниться молодостью и неопытностью, а теперь чем? Ради бога, будь посредником".

Ст. 7: *Пирон,* Алекси (1689—1773)— французский эротический поэт.

425. К А. П. Керн („Я помню чудное мгновенье..."). Впервые напечатано в „Северных Цветах на 1827 г." Печатается по „Стихотворениям Александра Пушкина" 1829, ч. II, где датировано 1825 годом. Датируется 19 июля этого года (день отъезда А. П. Керн из Тригорского в Ригу).

1-я строфа говорит о встрече Пушкина с А. П. Керн в Петербурге в 1819 году.

426. „Блестит луна, недвижно море спит...". Впервые напечатано П. В. Анненковым в Собр. соч. Пушкина 1857, т. VII. Печатается по автографу *(ПД).* В автографе дата: „22 июля 1825".

Черновой набросок неосуществленного замысла.

Гассан — одно из действующих лиц поэмы Байрона „Гяур".

426. „Если жизнь тебя обманет...". Впервые напечатано в „Московском Телеграфе" 1825, № 17, под заглавием: „Стихи в альбом". Печатается по „Стихотворениям Александра Пушкина" 1829, ч. II, где датировано 1825 годом. На основании цензурного разрешения номера „Московского Телеграфа" со стихотворением (7 сентября 1825 г.), время сочинения последнего — январь — август этого года.

Стихотворение написано было в альбом Евпраксии Николаевне Вульф, впоследствии бар. Вревской (1809—1883), дочери П. А. Осиповой (см. стр. 684).

427. Жених („Три дня купеческая дочь..."). Впервые напечатано в „Московском Вестнике" 1827, № 13, с подзаголовком „Простонародная сказка". Печатается по „Стихотворениям Александра Пушкина" 1829, ч. II, где подзаголовок перенесен в оглавление, и стихотворение помещено среди стихотворений 1825 года. В автографе дата: „30 июля 1825. Михайловское".

В черновой рукописи начальные строфы сказки читаются так:

Три дня купеческая дочь
  Наташа пропадала;
Она домой в четверту ночь
  В беспамятстве вбежала,
И кинулась родная мать
Ее рыдая обнимать:
  „Ты здесь, ты наша снова!"
  Наташа ей ни слова.

Стоит бледна как полотно,
  Открыв недвижно очи,
И всё глядит она в окно,
  В печальный сумрак ночи.
С вопросами отец и мать
К Наташе стали приступать,
  Наташа их не слышит,
  Дрожит и еле дышит.

Поутру   мать
  Плетет Наташе косу,
Но только станет приступать
  К заветному вопросу —

Наташа снова задрожит
И взор недвижный устремит
То в окны, то к порогу,
Молясь тихоньку богу.

Варианты „Московского Вестника“:

Стт. 45—46:

Пора б невесту под венец,
А на примете молодец

Стт. 138—139:

Я погасила свечку,
Да поскорее дверью хлоп.

Ст. 168:

Ей праву ручку рубит.

432. Вакхическая песня („Что смолкнул веселия глас...“). Впервые напечатано в „Стихотворениях Александра Пушкина“ 1826. Печатается по „Стихотворениям Александра Пушкина, 1829, ч. II, где датировано 1825 годом. Датируется январем — августом 1825 г. (имеется в оглавлении рукописи издания 1826 года, посланном Пушкину Плетневым 26 сентября этого года).

Стихотворение тематически связано с ранними — „Торжеством Вакха“ (1817) и „Друзьям“ (1822).

433. Из письма к кн. Вяземскому („Сатирик и поэт любовный...“). Впервые напечатано кн. П. А. Вяземским в „Русском Архиве“ 1874, № 1. Печатается по автографу — письму к Вяземскому от 12 (?) сентября 1825 года. Написано стихотворение вероятно, в тот же день, что и письмо.

Ст. 2: *Асмодей*—прозвище П. А. Вяземского в „Арзамасе“. — Ст. 3: *Анна Львовна*— Пушкина (1769 — 1824), тетка поэта. — Ст. 6: *мой дядюшка*—Василий Львович Пушкин (см. стр. 674).

433. Н. Н. („Примите «Невский альманах»...“). Впервые напечатано в „Невском Альманахе на 1826 г.“ под заглавием: „Н. Н. При посылке ей «Невского Альманаха»“. Печатается по „Стихотворениям Александра Пушкина“ 1829, ч. II, где датировано 1825 годом, и подзаголовок отнесен в оглавление. Написано в январе — сентябре этого года (цензурное разрешение альманаха — 7 октября 1825 г.).

Адресат стихотворения не установлен. „*Невский альманах*“, участником которого был и Пушкин, издавался Вас. Аладьиным. Перечень сотрудников альманаха, даваемый Пушкиным в стихах, относится к первому году его издания. Исключение — И. Е. Великопольский, не участвовавший в „Невском альманахе на 1825 г.“, вместо имени которого в первопечатном тексте стихов „Н. Н.“ стояло „В⟨асилья⟩ П⟨ушкина⟩“.

Варианты „Невского Альманаха“:

Стт. 3 — 4:

Вы тут найдете Полевова,
Василья Пушкина, ...кова;

Последнюю фамилию вскрывают как Маркова.

В „Стихотворениях“ 1829 фамилии зашифрованы так

Стт. 2 — 4:

Вы тут найдете ***ова,
Вел***, Х***ова;
К***, дальний ваш родня.

433. Сафо („Счастливый юноша, ты всем меня пленил...“). Впервые напечатано в „Стихотворениях Александра Пушкина“ 1826 под заглавием: „Юноша“ и с подзаголовком „Сафо“ в оглавлении. Печатается по „Стихотворениям Александра Пушкина“ 1829, ч. II, где датировано 1825 годом. Написано в январе — сентябре этого года (8 октября была процензурована рукопись „Стихотворений“ 1826).

Счастливый юноша—вероятно, Фаон, в которого была влюблена поэтесса Сафо.

434. „Цветы последние милей...“. Впервые напечатано в „Современнике“ 1838, № 1. Печатается по автографу (№ 7016 *ЛБ*). В копии стихотворения дата: „16 октября 1825 г.“

Стихотворение написано в альбом П. А. Осиповой.

434. „Брови царь нахмуря...“ Впервые напечатано кн. П. А. Вяземским в „Русском Архиве“ 1874, № 2. Печатается по автографу — письму к А. А. Дельвигу, да-

тируемому сентябрем — октябрем 1825 года, когда и были написаны стихи.

Стихи в письме дополнялись следующими строками: „Вот тебе, душа моя, приращение к куплетам Эристова“.

Князь *Эристов* — Д. А. (1797 — 1858) — лицеист второго курса, известный остряк и балагур, вероятный автор фривольных куплетов „За трапезой царской“, „дополненных“ Пушкиным.

435. 19 октября („Роняет лес багряный свой убор...“). Впервые напечатано в „Северных Цветах на 1827 г.“. Печатается по „Стихотворениям Александра Пушкина“ 1829, ч. II и автографу *(ПД)*. В „Стихотворениях Александра Пушкина“ 1829, ч. II датировано 1825 годом. Написано стихотворение, судя по содержанию, в октябре этого года.

Стихотворение посвящено Пушкиным дню открытия Царскосельского лицея (19 октября 1811 г.), ежегодно праздновавшемуся бывшими его воспитанниками. Большинство упоминаемых в стихотворении имен — имена друзей и товарищей Пушкина, лицеистов первого выпуска.

Стт. 25 — 32 посвящены памяти Н. А. Корсакова, умершего во Флоренции (см. стр. 709). — Стт. 33 — 48 относятся к Ф. Ф. Матюшкину (1799 — 1872), поступившему по окончании лицея во флот.—Стт. 60 — 64 намекают, вероятно, на А. Н. Раевского (см. стр. 723). — Стт. 70 — 72 имеют в виду приезд в Михайловское И. И. Пущина в январе 1825 года — Стт. 73 — 80 посвящены А. М. Горчакову (см. стр. 656), который встретился с Пушкиным в сентябре 1825 года проездом из-за границы в Петербург. — Стт. 81 — 96 относятся к А. А. Дельвигу (см. стр. 659), гостившему в Михайловском в апреле 1825 года. Стт. 97 — 112 посвящены В. К. Кюхельбекеру (см. стр. 654) и намекают на его литературно-теоретические позиции воскресителя старинной оды и борца за „высокие“ лирические жанры *(прекрасное должно быть величаво)*, на его кавказскую жизнь *(поговорим о бурных днях Кавказа)*, наконец, имеют в виду его нападки на Шиллера. — Ст. 139: *кто в гробе спит*. — К этому времени из лицеистов выпуска 1817 года умер один Н. А. Корсаков. — Стт. 143 — 144. Последним из лицеистов, окончивших курс вместе с Пушкиным, умер кн. А. М. Горчаков (в 1883 г.).

В рукописи между 1-й и 2-й строфами имеются четыре строфы, из которых первая зачеркнута.

[Товарищи! сегодня праздник наш,
Заветный срок! Сегодня *там*, далече,
На пир любви, на сладостное вече,
Стеклися вы при звоне мирных чаш —
Вы собрались, мгновенно молодея,
Усталый дух в минувшем обновить,
Поговорить на языке лицея
И с жизнью вновь свободно пошалить.]

На пир любви душой стремлюся я...
Вот вижу вас, вот милых обнимаю,
Я праздника порядок учреждаю...
Я вдохновен, о, слушайте, друзья:
Чтоб тридцать мест нас ожидали снова!
Садитеся, как вы садились там,
Когда места, в тени святого крова,
Отличие предписывало нам.

Спартанскою душой пленяя нас,
Воспитанный суровою Минервой,
Пускай опять Вальховский сядет первый,
Последним я, иль Брогльо, иль Данзас;
Но многие не явятся меж нами...
Пускай, друзья, пустеет место их:
Они придут; конечно, над водами,
Иль на холме, под сенью лип густых,

Они твердят томительный урок,
Или роман украдкой пожирают,
Или стихи влюбленные слагают, —
И позабыт полуденный звонок.
Они придут! — за праздные приборы
Усядутся; напенят свой стакан;
В нестройный хор сольются разговоры,
И загремит веселый наш пэан.

После 9-й строфы в рукописи идет строфа:

Что ж я тебя не встретил тут же с ним:
Ты, наш казак и пылкий, и незлобный,

Зачем и ты моей сени надгробной
Не озарил присутствием своим?
Мы вспомнили б, как Вакху приносили
Безмолвную мы жертву в первый раз,
Как мы впервой все трое полюбили,
Наперсники, товарищи проказ!..

Эта строфа прежде начиналась со стиха:

Мы вспомнили б, как Вакху в первый раз,

и кончалась стихами:

[И всё прошло — проказы, заблужденья...
Ты, освятив тобой избранный сан,
Ему в очах общественного мненья
Завоевал почтение граждан.]

В 16-й строфе последние четыре стиха в рукописи первоначально были:

Златые дни, уроки и забавы,
И черный стол, и бунты вечеров,
И наш словарь, и плески мирной славы,
И критики лицейских мудрецов,

После 17-й строфы в рукописи имеется строфа, первые четыре стиха которой читаются:

Куницыну дань сердца и вина!
Он создал нас, он воспитал наш пламень,
Поставлен им краеугольный камень,
Им чистая лампада возжена...

Последние четыре стиха — „Наставникам, хранившим юность нашу" и т. д., т. е. стихи, составившие вторую половину 16-й строфы.

Ст. 13: В лицей было принято 30 человек, но один был исключен, и кончили курс 29 лицеистов. Стт. 14—16: Учеников в классе рассаживали по успехам. — Стт. 17—19 посвящены В. Д. Вальховскому (1798—1841), прозванному товарищами „спартанцем" и окончившему лицей первым, впоследствии офицеру гвардейского генерального штаба, члену Союза Благоденствия и Северного тайного общества. В ст. 20 упоминаются граф С. Ф. Броглио (1799 — между 1822 и 1825), родом итальянец, кончивший лицей последним, и К. К. Данзас (1801 — 1870), кончивший курс двадцать пятым, впоследствии секундант Пушкина в его дуэли с Дантесом. Пушкин кончил курс пятнадцатым. — Стт. 33 — 36 относятся к И. В. Малиновскому (1796 — 1873), сыну первого директора лицея, украинцу по происхождению, прозванному лицеистами „казаком". — В стт. 37 — 38 вспоминается о гоголь-моголе с ромом (см. стихотворение: „Мы недавно от печали...", стр. 597). — Ст. 39: *впервой все трое полюбили* — юношеская влюбленность Пушкина, Малиновского и Пущина в Е. П. Бакунину, впоследствии фрейлину (см. стр. 665). — Стт. 41 — 44 посвящены И. И. Пущину (см. стр. 657), занимавшему должность судьи Московского надворного суда. — Ст. 47: *наш словарь* — сборник цитат из философских, политико-общественных и поэтических сочинений, составлявшийся Кюхельбекером; *плески мирной славы* — возможно, имеется в виду овация, которую устроили Пушкину его товарищи после прочтения им стихотворения „Пирующие студенты" (см. стр. 42). — Ст. 48 намекает на журнал „Лицейский Мудрец". — Стт. 49 — 52 относятся к профессору А. П. Куницыну (см. стр. 718), которому лицеисты обязаны были своим политическим развитием.

439. Из письма к кн. П. А. Вяземскому („В глуши измучась жизнью постной..."). Впервые напечатано кн. П. А. Вяземским в „Русском Архиве" 1874, № 2. Печатается по автографу — письму к Вяземскому *(ЦА)* от конца октября—начала ноября, когда и были написаны стихи.

Стихотворение написано в ответ на письмо Вяземского, начинавшееся стихами: „Ты сам Хвостова подражатель... Вот мой, его, твой, наш навоз...".

Ст. 12: *зубастые голуби* — намек на басню Д. И. Хвостова (см. стр. 654) „Два голубя"; в этой басне голубь, попавший в силок, перегрыз петли *зубами*.

440. Движение („Движенья нет, сказал мудрец брадатый..."). Впервые напечатано в альманахе „Урания на 1826 г." Печатается по „Стихотворениям Александра. Пушкина" 1829, ч. II, где датировано 1825 годом.

„Ты приказывал, моя радость, прислать тебе стихов для какого-то альманаха (чорт

его побери), — писал Пушкин кн. П. А. Вяземскому в конце ноября 1825 года из Михайловского. — Вот тебе несколько эпиграмм. У меня их пропасть; избираю невиннейшие". К письму Пушкиным приложены были: „Совет", „Соловей и кукушка", „Движение", „Дружба" (см. стр. 440 и 411).

Ст. 1: *Мудрец брадатый* — греческий философ Зенон, учивший, что движение „есть только название, данное целому ряду одинаковых положений, из которых каждое, отдельно взятое, есть покой". — Ст. 8: *Галилей* (1564 — 1649) — итальянский астроном и математик, преданный церковному суду за то, что защищал открытие Коперника о вращении земли вокруг солнца. Вынужденный подписать отречение от „еретических" взглядов, Галилей, по преданию, подписав, воскликнул: „А всё-таки она вертится!"

440. Соловей и кукушка („В лесах, во мраке ночи праздной..."). Впервые напечатано в альманахе „Урания на 1826 г.". Печатается по „Стихотворениям Александра Пушкина" 1829, ч. II, где датировано 1825 годом. Датируется январем — ноябрем на тех же основаниях, что и предыдущее.

Стихотворение является откликом на теоретико-литературные дискуссии 20-х годов о поэтических жанрах. Противопоставляя соловья, *певца разнообразного, бестолковой кукушке,* Пушкин, вслед за В. К. Кюхельбекером, осуждал эпигонски вырождавшийся жанр элегии.

440. Совет („Поверь: когда слепней и комаров..."). Впервые напечатано в альманахе „Урания на 1826 г.". Печатается по „Стихотворениям Александра Пушкина" 1829, ч. II, где датировано 1825 годом. Датируется январем — ноябрем 1825 года на тех же основаниях, что и два предыдущие.

Стихотворение было послано Пушкиным П. А. Вяземскому из Михайловского вместе с двумя предыдущими эпиграммами.

Вариант „Урании":

Ст. 1:

Поверь: когда и мух и комаров

441. Прозаик и поэт („О чем, прозаик, ты хлопочешь..."). Впервые напечатано в „Московском Вестнике" 1827, № 6. Печатается по „Стихотворениям Александра Пушкина" 1829, ч. II, где датировано 1825 годом.

Стихотворение, как свидетельствует П. А. Вяземский, вызвано было его отзывом о „Цыганах".

441. „В крови горит огонь желанья...". Впервые напечатано в „Московском Вестнике" 1829, ч. I, под заглавием: „Подражание". Печатается по „Стихотворениям Александра Пушкина" 1829, ч. II, где датировано 1825 годом. По положению черновика в тетради (№ 2365 *ЛБ*), стихотворение писалось еще в 1821 году.

В черновой рукописи сохранилась программа стихотворения, являющаяся русским переводом первых двух стихов библейской „Песни песней".

441. „Вертоград моей сестры...". Впервые напечатано в „Московском Вестнике" 1829, № 1, под заглавием „Подражание". Печатается по „Стихотворениям Александра Пушкина" 1829, ч. II, где датировано 1825 годом.

Первоисточником Пушкину послужила „Песнь песней".

Ст. 9: *Нард, алой и киннамон* — благовонные вещества, добываемые из тропических растений.

442. Зимний вечер („Буря мглою небо кроет..."). Впервые напечатано в „Северных Цветах на 1830 г.". Печатается по цензурной рукописи (писарские копии) „Стихотворений Александра Пушкина" 1829, ч. III, где датировано Пушкиным: „1825".

Ст. 11: *моя старушка* — няня Пушкина Арина Родионовна.

443. Буря („Ты видел деву на скале..."). Впервые напечатано в „Московском Вестнике" 1827, № 1. Печатается по „Стихотворениям Александра Пушкина" 1829, ч. II, где датировано 1825 годом.

В первопечатном тексте имеется вариант ст. 7: „И ветер воил и летал".

443. „Всё в жертву памяти твоей...“. Впервые напечатано П. В. Анненковым в „Материалах для биографии Пушкина“ 1855. Печатается по автографу *(ПД)*, где дата: „Триг⟨орское⟩ 23, 1825“.

Стихотворение посвящено гр. Е. К. Воронцовой.

443. К Баратынскому („Стих каждый в повести твоей...“). Впервые напечатано в „Московском Вестнике“ 1829, № 1, где датировано 1825 годом и озаглавлено: „К . . . . “. Печатается по „Стихотворениям Александра Пушкина“ 1829, ч. II, где озаглавлено: „К Б***“.

Стихотворение написано под впечатлением поэмы Е. А. Баратынского „Эда“.

Твоя чухоночка—Эда, героиня поэмы. *Зоил* (IV—III век до н. э.)—древнегреческий критик, имя которого стало нарицательным для обозначения мелочного и придирчивого рецензента. *Зоилом* Баратынского назван Булгарин, автор статьи об „Эде“ в „Северной Пчеле“.

444. Сцена из „Фауста“ („Мне скучно, бес...“). Впервые напечатано в „Московском Вестнике“ 1828, № 9, под заглавием: „Новая сцена между Фаустом и Мефистофелем“. Печатается по „Стихотворениям Александра Пушкина“ 1829, ч. II, где датировано 1825 годом.

По требованию Николая I в „Московском Вестнике“ и „Северной Пчеле“ были изъяты стт. 110—111:

Да модная болезнь: она —
Недавно вам подарена.

„Сцена из Фауста“ связана с „Фаустом“ Гете только образами Фауста и Мефистофеля.

448. „Как роза увядает...“. Впервые напечатано В. Е. Якушкиным в „Русской Старине“, 1884, № 7. Печатается по автографу в тетради (№ 2370 *ЛБ*). По положению в тетради датируется 1825 годом.

Стихотворение связано с французским текстом „Quand au doux sein de l'oubli“ (см. стр. 609).

448. „[Припадками болезни женской...“. Впервые напечатано П. О. Морозовым в юбилейном сборнике Литфонда 1909 года. Печатается по автографу в тетради (№ 2370 *ЛБ*). Стихотворение по положению в тетради датируется 1825 годом.

Эпиграмма на М. Т. Каченовского, редактора „Вестника Европы“, о котором см. стр. 689.

448. „В пещере тайной, в день гоненья...“. Впервые напечатано В. Е. Якушкиным в „Русской Старине“ 1884, № 7. Печатается по автографу в тетради (№ 2370 *ЛБ*). По положению в тетради датируется 1825 годом.

Черновой набросок, относящийся к гр. Е. К. Воронцовой.

449. „На небесах печальная луна...“. Впервые напечатано П. Е. Щеголевым в „Русском Слове“ 1911, № 181. Печатается по автографу в тетради (№ 2370 *ЛБ*). По положению в тетради датируется 1825 годом.

449. „Короче дни, а ночи доле...“. Впервые напечатано П. О. Морозовым в Академическом изд. Пушкина 1916, т. IV. Печатается по автографу *(ПД)*. Датируется 1825 годом (черновой текст на одном листке с „Я помню чудное мгновенье“).

Черновые наброски перевода стихотворной сказки Вольтера „То, что нравится дамам“ („Ce qui plaît aux dames“) 1738 года.

Ст. 9: *Роберт* — герой этой сказки. — Ст. 10: *Дагоберт* — один из первых королей Франции, чье имя стало нарицательным для определения незапамятных времен.

450. Начало 1 песни „Девственницы“ („Я не рожден святыню славословить...“). Впервые напечатано В. Е. Якушкиным в „Русской Старине“, 1884, № 7. Печатается по автографу в тетради (№ 2370 *ЛБ*). По положению в тетради датируется предположительно 1825 годом.

Вольный перевод двадцати шести стихов поэмы Вольтера „La pucelle d'Orléans“ („Орлеанская девственница“), высоко ценившейся Пушкиным. При переводе Пушкиным опущено имя „седого певца“ (ср. стт. 18—26) Ж. Шаплена (1595—1674), автора исторической поэмы „Девственница“ с иро-

нического обращения к которому и начиналась поэма Вольтера.

451. Н. С. Мордвинову („Под хладом старости угрюмо угасал...“). Впервые напечатано П. В. Анненковым в „Материалах для биографии Пушкина“ 1855. Печатается по автографу в тетради (№ 2367 *ЛБ*). По положению в тетради датируется предположительно 1825 годом.

Начало недописанного послания к графу Н. С. Мордвинову (1754—1845), члену Государственного совета, пользовавшемуся широкой популярностью в либерально-дворянских кругах. „Мордвинов,— отмечал Пушкин в письме к П. А. Вяземскому от начала апреля 1824 года,— заключает в себе одном всю русскую оппозицию“.

Ст. 2: *Единый из седых орлов Екатерины* — В. П. Петров (1735—1799), поэт, современник Г. Р. Державина — автор оды „Его высокопревосходительству Н. С. Мордвинову“ (1796).— Ст. 16: князь *Долгоруков*, Яков Федорович (1639—1720) — государственный деятель эпохи Петра I, известный своей независимостью и прямотою в столкновениях с царем.

452. С португальского („Там звезда зари взошла...“). Впервые напечатано П. В. Анненковым в его „Материалах для биографии Пушкина“ 1855 и дополнено В. Е. Якушкиным в „Русской Старине“ 1884, № 6. Печатается по автографу в тетради (№ 2368 *ЛБ*). По положению в тетради датируется предположительно 1825 годом.

Перевод стихотворения Т. А. Гонзаго (1744—1807), португальско-бразильского поэта. Первоисточником Пушкина был, вероятно, французский перевод, вышедший в Париже в 1825 году.

453. „Что с тобой, скажи мне, братец...“. Впервые напечатано И. А. Шляпкиным в сборнике „Из неизданных бумаг Пушкина“ 1903. Печатается по автографу *(ПД)*. Датируется весьма предположительно 1825 годом.

454. „Под каким созвездием...“. Впервые напечатано П. О. Морозовым в Академическом изд. Пушкина 1916, т. IV. Печатается по автографу *(ПД)*. Датируется весьма предположительно 1825 годом.

454. „О боги мирные полей, дубрав и гор...“. Впервые напечатано П. О. Морозовым в Академическом изд. Пушкина 1915, т. IV. Печатается по автографу *(ПД)*. Стихотворение датируется весьма предположительно 1825 годом.

454. А. Н. Вульф („Увы! напрасно деве гордой...“). Впервые напечатано П. А. Ефремовым в „Библиографических Записках“ 1861, № 19. Печатается по Собр. соч. Пушкина 1880, т. I. Датируется предположительно 1825 годом.

Отрывок стихотворения, дошедшего до нас в позднейшей мемуарной передаче и посвященного Анне Н. Вульф (см. стр. 728).

1826

455. Из письма к И. Е. Великопольскому („С тобой мне вновь считаться довелось...“). Впервые напечатано П. И. Бартеневым в „Русском Архиве“ 1884, кн. I. Печатается по автографу письма *(ПД)*, датированного: „3 июня 1826. Преображенское“.

455. В альбом Е. Н. Вульф („Вот, Зина, вам совет...“). Впервые напечатано П. В. Анненковым в Собр. соч. Пушкина 1857, т. VII. По этому изданию и печатается. Копия (руки П. А. Осиповой) датирована: „1 июля 1826. Зуево“.

Стихотворение обращено к Евпраксии Николаевне Вульф (1809—1883), одной из дочерей соседки Пушкина по Михайловскому П. А. Осиповой.

Зина — уменьшительное имя от переделанного по французскому образцу имени Евпраксии — „Euphrosine“.

Имя Е. Н. Вульф упоминается в „Евгении Онегине“ (глава пятая, строфа XXXII):

Зизи, кристалл души моей,
Предмет стихов моих невинных,
Любви приманчивый фиал,
Ты, от кого я пьян бывал.

456. „Под небом голубым страны своей родной...“. Впервые напечатано в „Северных Цветах на 1828 г.“ под заглавием „Элегия“. Печатается по „Стихотворениям Александра Пушкина“ 1829, ч. II; там датировано 1825 годом, может быть, потому, что стихи связаны с событием 1825 года, а может быть, для того, чтобы не было сближения посвящения с определенным лицом. Дата заглавия: „29 июля 1826 г.“, может быть, означает и время сочинения стихотворения.

Стихотворение озаглавлено в одном из пушкинских перечней „На смерть Р.“, посвящено памяти Амалии Ризнич (см. стр. 723). Умерла она в Италии еще в начале 1825 года, но Пушкин узнал об этом только через полтора года. Стихи снабжены в рукописи заглавием: „29 Июля 1826 г.“ и пометой под текстом: „Усл<ышал> о см<ерти> 25 <июля>“.

Варианты рукописи:

Ст. 1:

Под небом сладостным Италии своей

Ст. 9:

Так вот кого любил я бурною душой

Ст. 11:

С такою пламенной, томительной тоской

456. „Едва уста красноречивы...“. Впервые напечатано В. Е. Якушкиным в „Русской Старине“ 1884, № 6. Печатается по автографу в тетради (№ 2368 *ЛБ*). Датируется по почерку и цвету чернил июлем 1826 года.

Стихотворение, продолжение которого до нас не дошло, так-как нижняя часть листа рукописи была кем-то вырезана из тетради уже после смерти Пушкина.

Ст. 5: *Кристалл, поэтом обновленный* — вероятно, хрустальный кубок, подаренный Пушкину.

457. Из Ариостова „Orlando furioso“ („Пред рыцарем блестит водами...“). Впервые напечатано П. В. Анненковым в „Материалах для биографии Пушкина“ 1855. Печатается по автографу. Датируется июлем 1826 года по почерку и цвету чернил, одинаковых с записью (в тетради № 2367 *ЛБ*), датированной 14 июля 1826 года.

Стихотворение является переводом тринадцати октав поэмы итальянского поэта Лодовико Ариосто (1477—1533) „Неистовый Роланд“.

Ст. 20: *Медор* — счастливый любовник Анжелики. Брак Медора и Анжелики, о котором узнает Роланд, влюбленный в Анжелику, является причиной „неистовства“ Роланда.

461. „Так море, древний душегубец...“. Впервые напечатано кн. П. А. Вяземским в „Русском Архиве“ 1874, № 2. Печатается по автографу — письму *(ЦА)* к Вяземскому, датированному „14 августа“. Год письма определяется содержанием.

Откликаясь на только что полученное стихотворение Вяземского „Море“ и на слухи (оказавшиеся ложными) о выдаче Англией русскому правительству эмигранта-декабриста Н. И. Тургенева, Пушкин писал: „Сердечно благодарю тебя за стихи. Критику отложим до другого раза. Правда ли, что Николая Т<ургенева>привезли на корабле в Петербург? Вот каково море наше хваленое! Еще таки я всё надеюсь на коронацию. Повешенные повешены — но каторга 120 друзей, братьев, товарищей ужасна“.

461. К Языкову („Языков, кто тебе внушил...“). Впервые напечатано в „Московском Вестнике“ 1827, № 9. Печатается по „Стихотворениям Александра Пушкина“ 1829, ч. II, где датировано 1826 годом. В рукописи дата: „28 авг.“

Стихотворение является ответом на послание Н. М. Языкова к Пушкину: „О ты, чья дружба мне дороже приветов ласковой молвы...“, и написано 28 августа 1826 года в Михайловском. Об отношениях Пушкина и Языкова см. стр. 728.

462. Песни о Стеньке Разине. Впервые напечатаны Я. К. Гротом в газете „Русь“ 1881, № 11. Печатается по копии

Погодина *(ПД)*. Датируются 1825 годом — августом 1826 года.

Песни о Разине, привезенные Пушкиным в Москву из Михайловского в сентябре 1826 года, неоднократно читались им разным лицам, но запрещены были для печати Николаем I. Сюжетно две первые песни Пушкиным связаны с печатными материалами о Разине; третья является, вероятно, вольной композицией традиционных песенных и сказочных мотивов, не восходящих непосредственно к разинскому фольклору.

464. Пророк („Духовной жаждою томим...“). Впервые напечатано в „Московском Вестнике“ 1828, № 3. Печатается по „Стихотворениям Александра Пушкина“ 1829, ч. II, где датировано 1826 годом. Написано стихотворение до приезда в Москву 8 сентября.

Стихотворение тематически и образно связано с Библией (Книга пророка Исаии, глава VI). По свидетельству М. П. Погодина, кроме „Пророка“, Пушкиным из Михайловского в Москву было привезено еще три стихотворения на тему о пророке, направленные против Николая I. Погодин и А. С. Хомяков по памяти приводили четыре стиха из стихотворения, опуская два нецензурных слова (вероятно, эпитеты Николая I):

Восстань, восстань, пророк России,
В позорны ризы облекись,
Иди, и с вервием на выи
К у. г. явись.

Под буквами „у. г.“, может быть, следует читать „убийце гнусному“.

465. Е. А. Тимашевой („Я видел вас, я их читал...“). Впервые напечатано в альманахе „Радуга на 1830 г.“. Печатается по газете „Наше Время“ 1862, № 228, где воспроизведен текст автографа с датой: „Москва 20 октября 1826“.

Стихотворение адресовано поэтессе Екатерине Александровне Тимашевой (1798—1881) и вписано в ее альбом 20 октября 1826 года.

Ст. 9: *Запретная роза* — стихотворение П. А. Вяземского, который так назвал племянницу Тимашевой—Е. П. Лобанову-Ростовскую, известную московскую красавицу.

Вариант ст. 12 в „Радуге“:

Не много рифм и много прозы.

465. Из письма к С. А. Соболевскому („У Гальяни иль Кольони...“). Впервые напечатано П. В. Анненковым в Собр. соч. Пушкина 1857, т. VII. Печатается по автографу — письму к Соболевскому *(ЦА)*, датированному 9 ноября. Год письма определяется содержанием.

Начало письма: „Мой милый Соболевский! Я снова в моей избе. 8 дней был в дороге, сломал два колеса, и приехал на перекладных. Дорогою бранил тебя немилосердно, но в доказательство дружбы (сего священного чувства) посылаю тебе мой itinéraire (маршрут) от Москвы до Новгорода. Это будет для тебя инструкция. Во-первых, запасись вином, ибо порядочного нигде не найдешь. Потом (*на голос*: Жил да был петух индейской): У Гальяни или Кольони (и т. д.)“.

Ст. 1: *Гальяни*—итальянец, содержатель лучшего трактира в Твери; *Кольони* – непристойное итальянское слово, заимствованное из „Кандида“ Вольтера (глава XI).— Ст. 6: *Пожарский*—содержатель известного трактира в Торжке.— Ст. 21: валдайские *податливые крестьянки* отмечены еще в „Путешествии из Петербурга в Москву“ Радищева: „Кто не знает валдайских баранок и валдайских разрумяненных девок...“ и т. д.

466. И. И. Пущину („Мой первый друг, мой друг бесценный...“). Впервые напечатано П. А. Плетневым в „Современнике“ 1841, май. По этому изданию и печатается. В рукописи дата: „13 декабря 1826. Псков.“

Стихотворение к печати не предназначалось и было отправлено И. И. Пущину на каторгу, вероятно, через А. Г. Муравьеву, вместе с посланием „Во глубине сибирских руд“. Начало стихотворения посвящено воспоминанию о приезде И. И. Пущина в Михайловское 11 января 1825 года.

Первая редакция стихотворения, написанная еще до восстания декабристов, имела такой вид:

Мой давний друг, мой друг бесценный,
И я судьбу благословил,

Когда мой двор уединенный,
Пустынным снегом занесенный,
Твой колокольчик огласил.

Ты озарил шалаш опальный,
Ты вдруг оживил,*
На стороне глухой и дальной;
Ты день отрадный, день печальный
С печальным другом разделил.

Скажи, куда девались годы,
Дни упований и свободы?
Скажи, что наши? что друзья?
Где ж эти липовые своды?
Где молодость? где ты? где я?

Судьба, Судьба рукой железной
Разбила мирный наш лицей,
Но ты счастлив, о брат любезный,
На избранной чреде своей.

Ты победил предрассужденье,
[Ты от признательных] граждан
Умел истребовать почтенье,
В глазах общественного мненья
Ты возвеличил темный сан.

В его смиренном основаньи
Ты правосудие [блюдешь]

467. „Как счастлив я, когда могу покинуть...“. Впервые напечатано П. О. Морозовым в Академическом изд. сочинений Пушкина 1916, т. IV. Печатается по автографу *(ПД)*, где дата „23 Nov.“. Год определяется положением текста среди других на этих же листах автографа.

Набросок, тематически связанный с недописанной драмой „Русалка“ (1828—1832).

Важнейшие варианты:

После ст. 4 зачеркнуто:

Сих милых вод, где счастие мое,
Где милая Русалка обитает.

Ст. 30:

Звончатые Баянов наших гусли.

468. Из письма к Н. С. Алексееву („Прощай, отшельник бессарабской...“). Впервые напечатано П. В. Анненковым в „Материалах для биографии Пушкина“ 1855. Печатается по автографу — письму к Н. С. Алексееву *(ПД)*, датированному „1 дек.“. Год письма определяется содержанием.

468. Стансы („В надежде славы и добра...“). Впервые напечатано в „Московском Вестнике“ 1828, № 1. Печатается по „Стихотворениям Александра Пушкина“ 1829, ч. II, где датировано 1827 годом. В черновом автографе дата: „22 декабря 1826 году. Москва у Зуб⟨кова⟩“.

Стихотворение, обращенное к Николаю I, написано по возвращении из ссылки, вскоре после свидания поэта с царем. Еще 7 марта 1826 года Пушкин писал Жуковскому, прося его ходатайства для возвращения из ссылки: „Вступление на престол государя Николая Павловича подает мне радостную надежду. Может быть его величеству угодно будет переменить мою судьбу. Каков бы ни был мой образ мыслей, политический и религиозный, я храню его про самого себя и не намерен безумно противоречить общепринятому порядку и необходимости“. Надежды, возлагавшиеся Пушкиным на прогрессивность нового правительственного курса, усилились после возвращения поэта из ссылки и личного свидания с царем.

Первая строфа „Стансов“ проводит аналогию между подавлением восстания декабристов Николаем I и усмирением стрелецкого бунта 1698 года Петром I.

Последний стих заключает в себе явный призыв к амнистии декабристов. О Долгоруком см. стр. 748.

469. Ответ Ф. Т*** („Нет, не черкешенка она...“). Впервые напечатано в „Стихотворениях Александра Пушкина“ 1829, ч. II, где датировано 1826 годом. По этому изданию и печатается. Стихотворение написано в Москве в середине сентября — октябре или в двадцатых числах декабря 1826 года.

В стихотворении речь идет о С. Ф. Пушкиной, за которой поэт ухаживал. Разрыв с ней вызвал, вероятно, отказ Пушкина от публикации этих стихов в 1827 году.

* Было:

Забытый кров, шалаш опальный
Ты вдруг отрадой оживил.

*Ф. Т**** — вероятно, гр. Ф. И. Толстой-американец (о нем см. стр. 699).

469. Зимняя дорога („Сквозь волнистые туманы...“). Впервые напечатано в „Московском Вестнике“ 1828, № 4. Печатается по „Стихотворениям Александра Пушкина“ 1829, ч. II, где датировано 1826 годом. Стихотворение написано, судя по содержанию, в ноябре — декабре этого года.

Стихотворение навеяно неоднократными зимними поездками из Москвы в Михайловское и из Михайловского в Псков. Связывать имя *Нина* с каким-либо определенным лицом нет никаких оснований.

470. „В еврейской хижине лампада...“. Впервые напечатано П. В. Анненковым в Собр. соч. Пушкина 1857, т. VII. Печатается по автографу *(ПД)*. Датируется предположительно 1826 годом.

Черновой набросок, являющийся, вероятно, началом большого эпического произведения.

471. К имениннице („Хотя стишки на именины...“). Впервые напечатано П. В. Анненковым в Собр. соч. Пушкина 1857, т. VII, по которому и печатается. Стихотворение, адресованное Анне Ник. Вульф, написано в Михайловском, вероятно, в 1825—1826 годах.

Анна — в переводе с еврейского — благодать.

471. Золото и булат („Всё мое,— сказало злато...“). Впервые напечатано в „Московском Вестнике“ 1827, № 2. Печатается по „Стихотворениям Александра Пушкина“ 1829, ч. II. Датируется весьма предположительно 1827 годом.

Четверостишие это является переводом французской эпиграммы „Le fer et l'or“ („Железо и золото“) из имевшегося в библиотеке Пушкина французского сборника эпиграмм, мадригалов и т. п. В сборнике стихотворений лицейского товарища Пушкина А. Д. Илличевского: „Опыты в антологическом роде“, Спб. 1827 помещен перевод этого же четверостишия:

Золото и железо

„Мое всё!— Золото кричало: —
За что ни вздумаю, плачу“.
— Мое,— Железо отвечало: —
Я граблю, что ни захочу.

1827

472. В Сибирь („Во глубине сибирских руд...“). Впервые напечатано Герценом в „Полярной Звезде на 1856 г.“ По этому изданию и печатается. Написано стихотворение в декабре 1826 — начале 1827 года.

Стихотворение, не рассчитанное на печать, послано было Пушкиным ссыльным декабристам через жену декабриста Н. М. Муравьева, выехавшую из Москвы к мужу в Петровский завод, возле Читы, в начале января 1827 года.

Поэт-декабрист кн. А. И. Одоевский ответил Пушкину следующими стихами:

А. С. Пушкину в ответ на его послание в Сибирь

Струн вещих пламенные звуки
До сердца нашего дошли!
К мечам рванулись наши руки,
Но лишь оковы обрели.
Но будь покоен, бард: цепями,
Своей судьбой гордимся мы,
И за затворами тюрьмы
В душе смеемся над царями.
Наш скорбный труд не пропадет:
Из искры возгорится пламя —
И православный наш народ
Сберется под святое знамя.
Мечи скуем мы из цепей
И вновь зажжем огонь свободы,
И с нею грянем на царей,—
И радостно вздохнут народы.

473. Соловей и роза („В безмолвии садов, весной, во мгле ночей...“). Впервые напечатано в альманахе „Литературный

Музеум на 1827 г.". Печатается по „Стихотворениям Александра Пушкина" 1829, ч. II, где датировано 1827 годом. На основании времени выхода в свет альманаха (март), датируется январем — февралем этого года.

Образ соловья, влюбленного в розу, заимствован из восточной поэзии.

473. Эпиграмма (из Антологии) („Лук звенит, стрела трепещет...“). Впервые напечатано в „Московском Вестнике" 1827, № 6. По этому изданию и печатается. На основании содержания и записи в дневнике М. П. Погодина датируется 1—9 марта 1827 года.

Эпиграмма направлена против Андрея Николаевича Муравьева (1806—1874), члена кружка молодых московских поэтов. В своих воспоминаниях „Знакомство с русскими поэтами" Муравьев рассказал, как однажды в салоне кн. З. А. Волконской он нечаянно отломил руку гипсовой статуи Аполлона, украшавшей залу, и в свое оправдание написал на пьедестале статуи несколько стихов. Это и вызвало эпиграмму Пушкина. Подзаголовок „Из Антологии" имел лишь целью замаскировать личный выпад ссылкой на популярный сборник древнегреческой поэзии.

473. В альбом кн. П. П. Вяземскому („Душа моя Павел...“). Впервые напечатано П. И. Бартеневым в „Русском Архиве" 1867, № 2; по этому изданию и печатается. Датируется по содержанию концом 1826 — мартом 1827 года.

Шуточные стишки в детский альбом кн. Павла Петровича Вяземского (1820—1888), сына приятеля Пушкина.

474. „Какая ночь! Мороз трескучий...“. Впервые напечатано в „Современнике" 1838, № 3. Печатается по автографу в тетради (№ 2368 *ЛБ*). По положению в тетради датируется предположительно ноябрем 1826 — мартом 1827 года.

Стихотворение это является, вероятно, началом задуманного Пушкиным большого эпического произведения.

Стт. 20—23 почти дословно повторяются в стихотворении 1829 года „Стамбул гяуры нынче славят...“ — Ст. 33: *Кромешник* — то же, что и опричник. По толкованию Карамзина (в „Истории Государства Российского"), опричников называли так потому, что видели в них „как бы извергов тьмы кромешной".

575. Русскому Геснеру („Куда ты холоден и сух...“). Впервые напечатано в альманахе „Опыт русской анфологии" 1828; по этому изданию и печатается. Датируется февралем — мартом 1827 года.

Эпиграмма направлена против Бориса Михайловича Федорова (1794—1875), бездарного драматурга, романиста и критика. В ней высмеиваются слащавые „пастушеские" идиллии, которые писал в изобилии Федоров в подражание известному швейцарскому идиллику Соломону Геснеру (1730—1788).

Шустер-клуб — мещанский клуб в Петербурге, основанный в 1772 году немцем Шустером. *Красный кабачок* — трактир под Петербургом, на Московской дороге.

476. „Есть роза дивная: она...“. Впервые напечатано в „Библиографических Записках" 1859, № 6; по этому изданию и печатается. В рукописи датировано 1 апреля 1827 года.

Стихотворение является, вероятно, мадригалом в честь какой-нибудь из московских красавиц 1827 года.

476. Ек. Ник. Ушаковой („Когда бывало в старину...“). Впервые напечатано в „Библиографических Записках" 1859, № 6. Печатается по „Русскому Обозрению" 1895, № 9, где публикация Л. Н. Майкова по копии Ек. Н. Ушаковой, с датой: „3 апр. 1827".

Стихотворение написано на тему, которою послужило известное народное заклятие против „злого духа": „Аминь, аминь, рассыпься".

Ушакова, Екатерина Николаевна (1809—1872) — девушка, которой Пушкин был увлечен в конце 1827 года. Ей посвящены еще два стихотворения: „В отдалении от вас...“ (1827) и „Я вас узнал, о мой оракул...“ (1830).

477. Княгине З. А. Волконской („Среди рассеянной Москвы...“). Впервые напечатано в „Московском Вестнике" 1827, № 10. Печатается по „Стихотворениям Александра

Пушкина" 1829, ч. II, где в оглавлении прибавлено: „При посылке ей поэмы Цыганы"— и датировано 1827 годом. В автографе дата: „6 мая 1827 г."

Кн. *Волконская*, Зинаида Александровна (1792—1862)—известная московская красавица, разнообразно одаренная женщина—поэтесса, композитор и певица. Салон Волконской играл крупную роль в культурной и художественной жизни Москвы 20-х годов. Пушкин в своих стихах увенчал Волконскую *двойным венком*, имея в виду ее поэтическое и музыкальное дарования.

Ст. 2: *Вист и бостон*—карточные игры, распространенные в светском обществе начала XIX века. — Ст. 14: *Каталани*, Анжелика (1779—1849)—итальянская певица, гастролировавшая в России. Было известно, что она отозвалась с похвалой о пении выслушанной ею цыганки одного из московских цыганских хоров.

477. Ек. Ник. Ушаковой („В отдалении от вас..."). Впервые напечатано в „Библиографических Записках" 1859, № 6. Печатается по „Русскому Обозрению" 1895, № 9, где публикация Л. Н. Майкова по копии Ек. Н. Ушаковой с датой: „16 мая 1827".

Последний стих почти дословно совпадает со вторым стихом шуточного четверостишия Пушкина в альбоме А. П. Керн (1829):

Когда помилует нас бог,
Когда не буду я повешен,
То буду я у ваших ног,
В тени украинских черешен.

О Ек. Н. Ушаковой см. выше.

478. К Языкову („К тебе сбирался я давно..."). Впервые напечатано в „Северных Цветах на 1829 г."; по этому изданию и печатается.

Письмо к Языкову со стихотворением датировано: „14 июня. С.П.Б." Год определяется содержанием.

Пушкин познакомился с поэтом Н. М. Языковым (1803—1846) в 1824 году в Тригорском. Послание адресовано в Дерпт, где в 1827 году жил Языков, и куда несколько раз собирался Пушкин, „зазываемый" Языковым, А. Н. Вульфом и общим их приятелем Н. Д. Киселевым.

Ст. 2: *Немецкий град тобой воспетый*. Пушкин имел в виду стихотворение Языкова „Дерпт" (1825). — Ст. 4: *Тобой воспетое вино* — жженка, воспетая Языковым в послании к Пушкину 1826 года („О ты, чья дружба мне дороже ..") — Ст. 6: *Киселев*, Николай Дмитриевич (1802—1869) — товарищ Языкова по Дерптскому университету. Пушкин был с Киселевым в приятельских отношениях.— Ст. 9: *Неволя невских берегов.*— Пушкин летом 1827 года „томился" сперва в Москве, затем в Петербурге, ожидая денег от П. А. Плетнева и А. А. Дельвига, своих *ленивых и любезных должников*. — Ст. 14: *О юность, юность удалая*! — Стих этот встречается у Пушкина раньше — в „Братьях разбойниках".

479. „В степи мирской, печальной и безбрежной...". Впервые напечатано в „Отечественных Записках" 1841, № 1, где дата: „18 июня 1827. С.-Петербург". Печатается по факсимиле автографа в „Русском Библиофиле" 1916, октябрь.

Кастальский ключ — мифологический источник поэтического вдохновения на Парнасе (по имени нимфы Касталии, превращенной Аполлоном в ручей).

479. Арион („Нас было много на челне..."). Впервые напечатано в „Литературной Газете" 1830, № 43; по этому изданию и печатается. В рукописи датировано: $\frac{\text{„16 июля}}{\langle 182\rangle\ 7\text{"}}$.

Стихотворение является откликом Пушкина на события, связанные с восстанием 14 декабря, и характеризует положение поэта в кругу декабристов („пловцы"). Заглавие и некоторые детали стихотворения взяты из легенды о древнегреческом поэте и музыканте Арионе (VI—V век до н. э.): Ариона, плывшего из Италии в Коринф с большими богатствами, корабельщики хотели убить; он выпросил у них позволение исполнить предсмертную песнь. Окончив ее, Арион бросился в море, но дельфин, восхищенный его пением, вынес поэта на берег.

480. Ангел („В дверях эдема ангел нежный...“). Впервые напечатано в „Северных Цветах на 1828 г.“ Печатается по „Стихотворениям Александра Пушкина“ 1829, ч. II, где датировано 1827 годом. Стихотворение написано не позднее 20 июля этого года (письмо Пушкина к Бенкендорфу от этого числа).

Стихотворение вдохновлено воспоминаниями о гр. Е. К. Воронцовой и, возможно, имеет в виду ее отношения к А. Н. Раевскому (см. стр. 730).

480. Кипренскому („Любимец моды легкокрылой...“). Впервые напечатано В. Е. Якушкиным в „Русской Старине“ 1884, № 5. Печатается по автографу в тетради (№ 2367 *ЛБ*). Датируется по содержанию концом мая — концом июля 1827 года. В это время Орест Адамович Кипренский (1783—1836), крупнейший русский портретист, представитель романтизма в русской живописи начала XIX века, писал в Петербурге портрет Пушкина. Портрет был исполнен Кипренским по заказу Дельвига. Последние два стиха объясняются тем, что Кипренский предполагал взять портрет Пушкина на свою выставку, которая объехала именно Рим, Лондон, Париж. Теперь портрет хранится в Третьяковской галлерее в Москве. Репродукцию с него см. в т. II.

481. Няне („Подруга дней моих суровых...“). Впервые напечатано П. В. Анненковым в „Материалах для биографии Пушкина“ 1855. Печатается по автографу в тетради (№ 2368 *ЛБ*). По содержанию датируется предположительно январем—июлем 1827 года.

Стихотворение обращено к няне поэта Арине Родионовне (умерла в 1828 г.), несколько раз упоминающейся в стихотворениях Пушкина.

481. Акафист Екатерине Николаевне Карамзиной („Земли достигнув наконец...“). Впервые напечатано В. Е. Якушкиным (не полностью) в „Русской Старине“ 1884, № 6. Печатается по факсимиле „Русского Библиофила“ 1916, октябрь. В черновой рукописи дата: „31 июля 1827. Мих.“ Стихи эти, написанные в Михайловском, поэт переписал для Карамзиной в день ее именин; в беловой рукописи дата: „24 нояб.“

Адресат — дочь историка, приятельница Пушкина.

482. Поэт („Пока не требует поэта...“). Впервые напечатано в „Московском Вестнике“ 1827, № 23. Печатается по „Стихотворениям Александра Пушкина“ 1829, ч. II, где датировано 1827 годом; в рукописи дата: „15 августа 1827“.

Вариант „Московского Вестника“:

Ст. 15:

К подножью светского кумира.

482. „Близ мест, где царствует Венеция златая...“. Впервые напечатано в „Невском Альманахе на 1828 г.“ под заглавием „Перевод неизданных стихов Андрея Шенье“. Печатается по „Стихотворениям Александра Пушкина“ 1829, ч. II, где заглавие перенесено в оглавление и датировано 1827 годом. В рукописи дата: „17 сент. 1827“.

Французский подлинник был вписан Пушкиным в принадлежавший ему экземпляр „Oeuvres complètes d'André de Chénier“ (1819).

Ст. 4: *Ринальд, Годфред, Эрминия* — персонажи „Освобожденного Иерусалима“ Торквато Тассо (1544—1595), октавы которого пели венецианские гондольеры XVIII века.

483. 19 октября 1827 („Бог помочь вам, друзья мои...“). Впервые напечатано в „Славянине“ 1830, № 13 под заглавием: „К товарищам молодости“. Печатается по цензурной рукописи „Стихотворений Александра Пушкина“ 1829, ч. III. Написано 19 октября 1827 года.

19 октября — день основания Царскосельского лицея (1811). Пушкин посвятил этому дню ряд стихотворений (в 1825, 1828, 1831, 1836 гг.). В этом восьмистишии, написанном еще под свежим впечатлением событий 1825—1826 гг., в последнем стихе имеются в виду лицейские товарищи Пушкина, приговоренные к каторжным работам декабристы И. И. Пущин и В. К. Кюхельбекер.

Варианты „Славянина“:

Стт. 1—2:

Бог в помощь вам, друзья мои,
В успехах дел и царской службы

Стт. 6—7:

Влачить удел тоски и горя
Во дни войны, в открытом море

483. Талисман („Там, где море вечно плещет...“). Впервые напечатано в альманахе „Альбом Северных Муз на 1828 г.“ Печатается по „Стихотворениям Александра Пушкина“ 1829, ч. II, где датировано 1828 годом. В рукописи дата: „6 нояб. ночью“.

Талисман — принадлежащий Пушкину золотой перстень с восьмиугольной сердоликовой печаткой, на которой вырезана надпись на еврейском языке. Перстень, по преданию, был подарен Пушкину Е. К. Воронцовой, которой и вдохновлено стихотворение.

484. Рефутация Беранжера („Ты помнишь ли, ах, ваше благородье...“). Впервые напечатано в „Отечественных Записках“ 1861, т. CXXXIX. Печатается по указанному изданию и книге Ю. Н. Щербачева „Приятели Пушкина Мих. Андр. Щербинин и Петр Павл. Каверин“, М. 1912. Датируется октябрем — первой половиной ноября 1827 года.

Самое раннее свидетельство об этом стихотворении, являющемся ответом на французскую патриотическую песенку Эмиля Деборо „Soldat, t'en souviens tu“, неправильно приписанную Беранже, сохранилось в письме Н. М. Языкова от 20 ноября 1827 года.

Стихотворение это, стилизованное в грубовато-националистических тонах солдатских песен, отвечало на перечень побед Наполеона данными о победах русских над французами, начиная от похода Суворова в Италию и Швейцарию в 1799 году и кончая взятием Парижа в 1814 году.

Рефутация—руссифицированное французское слово „réfutation“, т. е. опровержение.

486. „Не знаю где, но не у нас...“. Впервые напечатано в „Северных Цветах на 1828 г.“; по этому изданию и печатается. Датируется предположительно октябрем — ноябрем 1827 года.

Стихотворению в альманахе предшествует следующее „замечание“: „Тонкость не доказывает еще ума. Глупцы и даже сумасшедшие бывают удивительно тонки. Прибавить можно, что тонкость редко соединяется с гением, обыкновенно простодушным, и с великим характером, всегда откровенным“. Стихотворение кончается пометой: „и пр.“. Конец стихотворения неизвестен.

Эпиграмма направлена против гр. М. С. Воронцова (см. о нем стр. 727), за которым в пушкинском кругу упрочилось наименование „Лорд Мидас“.

Мидас — см. словарь.

486. Послание Дельвигу („Прими сей череп, Дельвиг: он...“). Впервые напечатано в „Северных Цветах на 1828 г.“ с заглавием „Череп“, подзаголовком: „Послание к Д.“ и подписью: *Я.* Печатается по „Стихотворениям Александра Пушкина“ 1829, ч. II, где подзаголовок перенесен в оглавление, и стихотворение помещено среди произведений 1827 года. Написано оно в июле — ноябре этого года (письмо Пушкина к Дельвигу от 31 июля; цензурное разрешение альманаха —3 декабря).

Послание было написано по следующему поводу: А. Н. Вульф подарил Пушкину взятый из какой-то немецкой гробницы в Дерпте череп, который Пушкин в свою очередь преподнес Дельвигу как якобы череп одного из его „высокородных предков“, живших в Прибалтийском крае.

Ст. 76: *кистер* — причетник лютеранской церкви.

Выражение (в прозаическом тексте): *и как обстоятельства не позволяли ему брать с собою будущего* — взято из словаря русских путешественников начала XIX века: ехать с „будущим“ значило взять подорожную не только для себя, но и для попутчика.

Ст. 134: *Певцу Корсара подражай*, т. е. Байрону, автору поэмы „Корсар“. Стих указывает на стихотворение Байрона: „Надпись на кубке из черепа“ (1808). — Ст. 135: *И скан-*

динавов рай воинской — согласно древним скандинавским сказаниям, павшие на поле брани бойцы пьют в раю мед из черепов своих врагов. — Ст. 137: *Или как Гамлет Баратынский* — имеется в виду стихотворение Е. А. Баратынского „Череп", подражание известному монологу Гамлета над черепом Иорика и, отчасти, указанному выше стихотворению Байрона.

491. „Храни меня, мой талисман...". Впервые напечатано П. О. Морозовым в Академическом изд. Пушкина 1916, т. IV. Печатается по автографу *(ПД)*. Датируется 19 октября — ноябрем 1827 года.

Стихотворение это, при жизни Пушкина не напечатанное, связано со стихотворением „Талисман" (см. стр. 483), и, возможно, является его первоначальной редакцией.

492. (Из Alfieri) („Сомненье, страх, порочную надежду..."). Впервые напечатано Анненковым в „Материалах для биографии Пушкина" 1855. Печатается по автографу в тетради (№ 2368 *ЛБ*). По положению в тетради датируется 1827 годом.

Стихотворение является переводом монолога Изабеллы, открывающего собою трагедию Альфиери „Филипп II" (1781).

Альфиери, Витторио (1749—1873) — итальянский драматург и публицист радикально-республиканского лагеря.

492. „Толпа холодная поэта окружала...". Впервые напечатано В. Е. Якушкиным в „Русской Старине" 1884, № 5. Печатается по автографу в тетради (№ 2367 *ЛБ*). По положению в тетради датируется 1827 годом.

Четверостишие, являющееся, возможно, первоначальным наброском стихотворения „Поэт и толпа" (1828).

493. „Сводня грустно за столом...". Впервые напечатано В. Е. Якушкиным в „Русской Старине" 1884, № 6. Печатается по автографу в тетради (№ 2368 *ЛБ*). По положению в тетради датируется 1827 годом.

Стихотворение навеяно псковскими впечатлениями.

495. „Блажен в златом кругу вельмож...". Впервые напечатано В. Е. Якушкиным в „Русской Старине" 1884, № 6. Печатается по автографу в тетради (№ 2368 *ЛБ*). По положению в тетради датируется 1827 годом.

Набросок, тематически связанный со стихотворением „Поэт и толпа" (1828).

495. „В рощах карийских, любезных ловцам таится пещера...". Впервые напечатано П. О. Морозовым в Собр. соч. Пушкина в изд. Литфонда 1887, т. II. Печатается по автографу в тетради (№ 2368 *ЛБ*). По положению в тетради датируется 1827 годом.

Набросок, сохранившийся среди черновиков восьмой главы „Евгения Онегина". Тут же дважды повторены стихи:

Кругом его цветет шиповник,
Минутный вестник теплых дней,
И вьется плющ, могил любовник,
И свищет ночью соловей, —

с некоторыми изменениями вошедшие в VI строфу седьмой главы „Евгения Онегина" (описание могилы Ленского).

Кария — гористая область в Малой Азии.

496. „Кто знает край, где небо блещет...". Впервые напечатано в „Современнике" 1838, т. IX. Печатается по автографу *(ПД)*. Датируется предположительно 1827 годом.

Двойной эпиграф к этому стихотворению объясняется, по словам П. В. Анненкова, „известным в свое время анекдотом: одна молодая русская путешественница, после долгого пребывания за границей, сказала, что по возвращении на родину весьма обрадовалась клюкве. Пушкин намеревался выразить в стихотворении каприз красавицы, но отделал только поэтическую часть пьесы, соответствующую эпиграфу из „Вильгельма Мейстера" (Гете), и не приступил даже ко второй ее половине". „Путешественница" эта — М. А. Мусина-Пушкина, впоследствии жена кн. А. М. Горчакова. В наброске 1830 года (см. стр. 592) „Когда порой воспоми-

ланье...“ Пушкин пытался соединить стихотворение „Кто знает край, где небо блещет...“ и следующий за ним отрывок „Я знаю край: там на брега...“ (см. стр. 498). Нужно думать, что все эти три незаконченных пьесы являются приступами к задуманному Пушкиным, но неосуществленному произведению, построенному на противопоставлении южного (итальянского) и севернорусского пейзажей.

Торквато — Торвато Тассо (1544—1595) — итальянский поэт; *Канова*, Антонио (1757—1822) — итальянский скульптор; *Форнарина* — возлюбленная Рафаэля и оригинал ряда его „мадонн“.

498. „Я знаю край: там на брега...“. Впервые напечатано П. О. Морозовым в журнале „Столица и Усадьба“ 1916, № 55. Печатается по автографу *(ПД)*. Датируется предположительно октябрем — ноябрем 1827 года.

См. выше примечание к стихотворению „Кто знает край, где небо блещет...“.

498. „Когда так нежно, так сердечно...“. Впервые напечатано П. О. Морозовым в Академическом изд. Пушкина 1916, т. IV. Печатается по автографу *(ПД)*. Датируется предположительно 1827 годом.

Адресат стихов не установлен.

1828

499. Стансы („Нет, я не льстец, когда царю...“). Впервые напечатано в Собр. соч. Пушкина под ред. П. В. Анненкова 1857, т. VII. По этому изданию и печатается. Датируется январем — февралем 1828 года (письмо Бенкендорфа к Пушкину от 5 марта этого года).

Стихотворение является ответом на упреки, вызванные публикацией стансов „В надежде славы и добра“... (см. стр. 468).

500. Послание к Великопольскому, сочинителю „Сатиры на игроков“ („Так элегическую лиру...“). Впервые напечатано в „Северной Пчеле“ от 10 марта 1828, № 30; по этому изданию и печатается. Датируется февралем — первыми числами марта 1828 года.

Послание вызвано выходом в свет сочинения И. Е. Великопольского „К Эрасту (Сатира на игроков)“. Фабула этой сатиры: юный Арист, увлеченный пагубной страстью к игре, проигрывает в одну ночь всё свое состояние некоему Дамону и сходит с ума. Пушкин, зная Ивана Ермолаевича Великопольского (1797—1868) как азартного игрока, в своем послании вышучивает его неожиданную позу моралиста. Об ответе Великопольского на это послание и об эпиграмме Пушкина, вызванной этим „ответом“, см. примечание к стихотворению „Поэт-игрок, о Беверлей-Гораций...“ (стр. 767).

Ст. 22: *Персиев наследник* — намек на упоминаемого в „Сатире на игроков“ Персия Флакка, римского сатирика-моралиста I века н. э.

502. (Из Валленрода) („Сто лет минуло, как тевтон...“). Впервые напечатано в „Московском Вестнике“ 1829, ч. I, под заглавием „Отрывок из поэмы Мицкевича: Конрад Валленрод“. Печатается по „Стихотворениям Александра Пушкина“ 1829, ч. II, где заглавие перенесено в оглавление и где датировано 1828 годом. Стихотворение написано в марте 1828 года (письмо Мицкевича к Одынцу).

Перевод первых 39 стихов поэмы Мицкевича „Конрад Валленрод“.

Герой поэмы Мицкевича Валленрод — литовец, воспитанный немцами — рыцарями Тевтонского ордена, но сохранивший тайную любовь к родной Литве и ненависть к ее поработителям-немцам. Став главою ордена, он предательски губит тевтонские войска для спасения своего отечества.

Ст. 17: *Палемон* — легендарный родоначальник литовского дворянства.

Вариант „Московского Вестника“:

Ст. 3:

Страной полночной правит он.

503. В. С. Филимонову, при получении поэмы его „Дурацкий колпак“ („Вам музы, милые старушки...“). Впервые напечатано в „Невском Альбоме“ 1840. По этому изданию и печатается. По содержанию датируется концом марта — началом апреля 1828 года.

Филимонов, Владимир Сергеевич (1787—1858) — автор лирических стихотворений, басен и поэм „Дурацкий колпак“ и „Обед“.

Ст. 9: *Старый мой колпак* — фригийский колпак, символ свободы и независимости, упоминаемый Пушкиным в стихотворении „Товарищам“ (1817): „Оставьте красный мне колпак“, и в послании к Я. Н. Толстому (1822): „Где в колпаке за круглый стол садилось милое равенство“.— Ст. 12: *Не в моде ныне красный цвет* — намек на политическую обстановку после расправы с декабристами.

504. „To Dawe Esq“ („Зачем твой дивный карандаш...“). Впервые напечатано в „Северных Цветах на 1829 г.“ Печатается по „Стихотворениям Александра Пушкина“ 1829, ч. II, где датировано 1828 годом. В рукописи дата: „9 мая 1828 года. Море“.

Стихотворение обращено к английскому портретисту Дж. Доу (1781—1829), работавшему в России.

Ст. 5: *Оленина,* Анна Алексеевна (1808—1888) — дочь директора Публичной библиотеки, искусствоведа А. Н. Оленина, которой в 1828 году увлекался Пушкин.

Портрет Пушкина работы Доу неизвестен.

504. Воспоминание („Когда для смертного умолкнет шумный день...“). Впервые напечатано в „Северных Цветах на 1829 г.“ Печатается по „Стихотворениям Александра Пушкина“ 1829, ч. II, где датировано 1828 годом. В черновой рукописи дата: „19 мая“.

Стихотворение имело в черновой рукописи следующее продолжение:

Я вижу в праздности, в неистовых пирах,
В безумстве гибельной свободы,
В неволе, бедности, изгнании ⟨?⟩, в степях,
Мои утраченные [годы].
Я слышу вновь друзей предательский привет
На играх Вакха и Киприды,
Вновь сердцу наносит хладный [свет]
[Неотразимые обиды].
Я слышу вкруг [меня] жужжанье клеветы,
Решенья глупости лукавой,
И шопот зависти, и легкой суеты
Укор веселый и кровавый.
И нет отрады мне — и тихо предо мной
Встают два призрака младые,
Две тени милые, — два данные судьбой
Мне ангела во дни былые.
Но оба с крыльями и с пламенным мечом,
И стерегут... и мстят мне оба,
И оба говорят мне мертвым языком
О тайнах счастия и гроба.

505. „Увы! язык любви болтливой...“. Впервые напечатано В. Е. Якушкиным в „Русской Старине“ 1884, № 7. Печатается по автографу в тетради (№ 2371 *ЛБ*). В рукописи дата: „9 мая 1828, море. On day“.

Набросок послания к А. А. Олениной (см. выше).

505. Ты и вы („Пустое *вы* сердечным *ты*...“). Впервые напечатано в „Северных Цветах на 1829 г.“ Печатается по „Стихотворениям Александра Пушкина“ 1829, ч. II, где датировано 1828 годом. В рукописи дата: „29 мая“.

Стихотворение относится к А. А. Олениной, о которой см. выше.

506. 26 мая 1828 („Дар напрасный, дар случайный...“). Впервые напечатано в „Северных Цветах на 1830 г.“ Печатается по цензурной рукописи „Стихотворений Александра Пушкина“ 1829, ч. III. В беловой рукописи дата: „26 мая 1828“.

Автобиографическая значимость стихов подчеркнута их датой: 26 мая — день рождения Пушкина. Стихи вызвали полемический ответ московского митрополита Филарета:

Не напрасно, не случайно
Жизнь от бога нам дана,

Не без воли бога тайной
И на казнь осуждена... и пр.

Пушкин ответил на это стихами „В часы забав иль праздной скуки“ (см. стр. 562).

506. В альбом И. В. Сленину („Я не люблю альбомов модных...“). Впервые напечатано в „Северных Цветах на 1829 г.“. Печатается по „Стихотворениям Александра Пушкина“ 1829, ч. II, где датировано 1828 годом. Датируется январем — маем (предположительно) 1828 года.

Стихотворение адресовано Ивану Васильевичу Сленину (1789—1836),— книгопродавцу и издателю, при содействии которого выпускался альманах „Северные Цветы“.

507. Эпитафия младенцу кн. Н. С. Волконскому („В сиянии и в радостном покое...“). Впервые напечатано в Собр. соч. Пушкина под ред. П. В. Анненкова 1857, т. VII. По этому изданию и печатается. Датируется концом января — маем (предположительно) 1828 года.

Написано на смерть двухлетнего сына декабриста С. Г. Волконского. Об отношениях Пушкина к его матери, М. Н. Волконской, урожденной Раевской, см. стр. 734.

507. [Еще дуют холодные ветры...“]. Впервые напечатано П. В. Анненковым в „Материалах для биографии Пушкина“ 1855. Печатается по автографу *(ПД)*. По положению в рукописи датируется концом мая 1828 года.

Исчерканный черновой набросок начала сказки или поэмы.

508. Из Анакреона („Кобылица молодая...“). Впервые напечатано в „Северных Цветах на 1829 г.“ под заглавием „Подражание Анакреону“. Печатается по „Стихотворениям Александра Пушкина“ 1829, ч. II, где заглавие перенесено в оглавление в качестве подзаголовка, и где датировано 1828 годом. В рукописи дата: „6 июня“.

Стихотворение является переделкой приписываемой Анакреону оды „К фракийской кобылице“.

508. „Не пой, красавица, при мне...“. Впервые напечатано в „Северных Цветах на 1829 г.“ Печатается по „Стихотворениям Александра Пушкина“ 1829, ч. II, где датировано 1828 годом. В рукописи дата: „12 июня 1826 г.“ Последняя цифра вместо „8“— описка.

Стихотворение, по свидетельству композитора М. И. Глинки, написано Пушкиным „под грузинскую мелодию, которую он случайно услышал“.

В рукописи между 1-й и 2-й строфами зачеркнуто:

Напоминают мне оне
Кавказа гордые вершины,
Лихих чеченцев на коне
И закубанские равнины.

509. Н. Д. Киселеву („Ищи в чужом краю здоровья и свободы...“). Впервые напечатано в „Русском Архиве“ 1874, I. Печатается по автографу *(ЛБ)*. В рукописи дата: „14 (26) июня 1828: Стрельна“.

Стихотворение написано под автопортретом Пушкина в записной книжке Н. Д. Киселева перед его отъездом за границу.

509. „Волненьем жизни утомленный...“. Впервые напечатано В. Е. Якушкиным в „Русской Старине“ 1884, № 7. Печатается по автографу в тетради (№ 2371 *ЛБ*). Начало стихотворения написано, вероятно, 25 июня 1828 года. Этой датой помечена тут же запись о смерти няни Арины Родионовны. К ней и обращены, очевидно, элегические стихи.

509. Портрет („С своей пылающей душой...“). Впервые напечатано в „Северных Цветах на 1829 г.“; по этому изданию и печатается. В копии (с автографа) дата: „23 июля 1828 г“.

Стихотворение обращено к Аграфене Федоровне Закревской (1799—1879), которая почти портретно („Зинаида Вольская“) зарисована в набросках романа „Гости съезжались на дачу“.

510. Наперсник („Твоих признаний, жалоб нежных...“). Впервые напечатано в „Северных Цветах на 1829 г.“ Печатается по „Стихотворениям Александра Пушкина“ 1829,

ч. II, где датировано 1828 годом. В беловом автографе дата: „12 авг. 1828".

Обращено к А. Ф. Закревской. См. предыдущее примечание.

Вариант „Северных Цветов":

Ст. 6:

Таи в себе свои мечты:

510. „Счастлив, кто избран своенравно...". Впервые напечатано В. А. Жуковским в Посмертном изд. соч. Пушкина 1841, т. IX. Печатается по автографу *(ПД)*. По положению в тетради датируется августом 1828 года.

Обращено к А. Ф. Закревской (см. выше).

510. Предчувствие („Снова тучи надо мною..."). Впервые напечатано в „Северных Цветах на 1829 г." Печатается по „Стихотворениям Александра Пушкина" 1829, ч. II, где датировано 1828 годом. Датируется по содержанию августом 1828 года.

Стихотворение связано с привлечением Пушкина к секретному следствию о распространении поэмы „Гавриилиада".

„Ты зовешь меня в Пензу, — писал Пушкин 1 сентября 1828 года П. А. Вяземскому,— а того и гляди, что поеду я далее, *прямо, прямо на восток*. Мне навязалась на шею преглупая шутка. До правительства дошла, наконец, Гавриилиада; приписывают ее мне; донесли на меня, и я вероятно отвечу за чужие проказы... Всё это не весело".

Ст. 17: *Ангел кроткий* — вероятно, А. А. Оленина (см. стр. 759).

Варианты „Северных Цветов":

Ст. 7:

Непреклонное терпенье

Ст. 9:

Шаткой жизнью утомленный,

Ст. 23:

Славу, гордость, упованье

511. Кирджали („В степях зеленых Буджака..."). Впервые напечатано В. Е. Якушкиным в „Русской Старине", 1884, № 9. Печатается по автографу в тетради (№ 2371 *ЛБ*). По положению в тетради датируется августом 1828 года.

Набросок начала поэмы о Кирджали. См. повесть „Кирджали" (1834).

Буджак — часть Бессарабии, лежащая между Прутом и Днестром, хорошо знакомая Пушкину.

512. Из письма к кн. П. А. Вяземскому („А в ненастные дни.."). Впервые напечатано в сборнике „Старина и Новизна" 1902, кн. V. Печатается по автографу — письму к Вяземскому, датированному 1 сентября. Год определяется содержанием. Стихи написаны, вероятно, в августе 1828 года.

Стихам в письме предшествуют следующие строки: „Пока Киселев и Полторацкий были здесь, я продолжал образ жизни, воспетый мною таким образом". В 1834 году строки эти, с переделкой стиха 2-го, сделаны были эпиграфом к первой главе „Пиковой дамы".

512. Утопленник („Прибежали в избу дети..."). Впервые напечатано в „Московском Вестнике" 1829, ч. I, с подзаголовком: „Простонародная сказка". Печатается по „Стихотворениям Александра Пушкина" 1829, ч. II, где заглавие перенесено в оглавление в качестве подзаголовка, и где стихотворение датировано 1828 годом. Написано не позднее сентября этого года.

515. „Ворон к ворону летит...". Впервые напечатано в „Северных Цветах на 1829 г." под заглавием „Два ворона". Печатается по „Стихотворениям Александра Пушкина" 1829, ч. II, где в оглавлении значится: „(Ворон к ворону летит). Шотландская песня" и датировано 1828 годом. Написано в январе — первой половине октября 1828 года.

Переработка шотландской баллады, известной Пушкину по французскому переводу сборника народных песен Вальтер Скотта.

515. „Вези, вези, не жалей...". Впервые напечатано Б. Л. Модзалевским в издании „Пушкин и его современники", вып. IX—X, 1910. Печатается по автографу *(ПД)*. В рукописи дата (рукой А. П. Керн): „А. К. 19 окт. 1828 года. С.-П-г."

Шуточные стишки, являющиеся вариацией известной песенной темы. Ср.:

Ходи, миленькой, почаще,
Носи пряничков послаще,
Винограду —
Хоть для взгляду,
А изюму —
Ради уму.

516. 19 октября 1828 („Усердно помолившись богу...“). Впервые напечатано в „Отечественных Записках“ 1861, т. CXXXIX. Печатается по автографу *(ПД)*. Стихи написаны 19 октября 1828 года.

Стихи внесены были Пушкиным в составленный им шуточный протокол собрания лицеистов первого курса в день годовщины основания лицея. В ту же ночь Пушкин выехал из Петербурга в тверское имение Вульфов — Малинники.

516. Ее глаза. В ответ на стихи кн. Вяземского („Она мила — скажу меж нами“). Впервые напечатано без ведома и согласия Пушкина в альманахе „Северная Звезда на 1829 г.“ под вымышленным заглавием: „К приятелю, сравнивавшему глаза одной девицы с южными звездами“. Печатается по „Отечественным Запискам“ 1841, № 2. Датируется по содержанию 4 мая — октябрем 1828 года.

Стихотворение является ответом на стихотворение Вяземского „Черные очи“, обращенное к А. О. Россет-Смирновой (см. т. II). Об *А. А. Олениной* см. стр. 759. Последние два стиха имеют в виду изображение ангелов в картине Рафаэля „Сикстинская мадонна“.

Варианты „Северной Звезды“:

Ст. 9:

Глаза Элодии моей!

Ст. 12:

И сколько дивных выражений,

В копии руки Олениной в ее альбоме стихотворение было озаглавлено: „Ответ“. 2-й стих там читался:

Твоя Розетти егоза

Под текстом примечание руки Олениной: „Смягчено: Придворных витязей гроза“.

517. „Рифма — звучная подруга... “. Впервые напечатано П. В. Анненковым в „Материалах для биографии Пушкина“ 1855. Печатается по автографу в тетради (№ 2371 *ЛБ*). По положению в тетради датируется сентябрем — октябрем 1828 года.

Наброски стихотворения, тематически связанного с „Рифмой“ 1830 года.

Черновой вариант:

Своенравная подруга
Гармонической мечты,
Рифма, мне часы досуга
Оживлять умела ты
И стихов моих венчала
Своевольные черты.

519. „Город пышный, город бедный...“. Впервые напечатано в „Северных Цветах на 1829 г.“ Печатается по „Стихотворениям Александра Пушкина“ 1829, ч. II, где датировано 1828 годом. Написано, вероятно, в октябре. в связи с отъездом поэта из Петербурга в Малинники 19 октября. Стихотворение посвящено, повидимому, А. А. Олениной.

519. Анчар („В пустыне чахлой и скупой... “). Впервые напечатано в „Северных Цветах на 1832 г.“ под заглавием: „Анчар, древо яда“. Печатается по цензурной рукописи „Стихотворений Александра Пушкина“ 1832, ч. III. В рукописи дата: „9 ноября 1828. Малинники“.

Стихотворение тематически связано с произведением Кольриджа „Remorse“ („Сожаление“). В одной из рукописей „Анчара“ имеется английский эпиграф: „Это ядовитое древо, и, пронзенное до самой глуби, оно плачет лишь слезами яда“.

Анчар—родовое название древовидных растений из Ост-Индии и Малайского архипелага; млечный сок их (упас) употреблялся для отравления стрел.

Важнейшие рукописные варианты:

Стт. 5—8:

Природа Африки моей
Его в день гнева породила

И жилы мощные корней
Губящим ядом напоила

Стт. 21—24:

Но человека человек
Послал к Анчару самовластно
И тот за ядом в путь потек
И возвратился безопасно.

521. Ответ Катенину („Напрасно, пламенный поэт...“). Впервые напечатано в „Северных Цветах на 1829 г.“ Печатается по „Стихотворениям Александра Пушкина“ 1829, ч. II, где датировано 1828 годом. В рукописи дата: „10 ноября 1828. Малинники“.

Послание вызвано стихотворением П. А. Катенина „Старая быль“, присланным Пушкину в марте 1828 года вместе с особым стихотворным посвящением этой баллады Пушкину. Пушкин послал „Старую быль“ в „Северные Цветы на 1829 г.“, а вместо задержанного им „посвящения“ напечатал свой „Ответ“.

Катенин, Павел Александрович (1792—1853)—поэт и драматург, тесно связанный с первыми тайными организациями будущих декабристов. Его сложная литературная позиция охарактеризована самим Пушкиным в рецензии на „Стихотворения Катенина“ (1833) (см. т. V настоящего издания).

Сюжетом „Старой были“ являлось состязание двух певцов в прославлении великого князя киевского Владимира, причем тайный смысл стихотворения заключался в осуждении политической позиции Пушкина, занятой им после разгрома декабристов и возвращения из ссылки. Из двух певцов в „Старой были“ первую награду от князя Владимира получает женоподобный грек за песнь, преисполненную тонкой лести. Вторую награду — кубок, „добытый в грозной войне“ — получает старый русский воин, вовсе отказавшийся состязаться с греком в прославлении князя. Специальное стихотворное посвящение, в котором выражено было пожелание, чтобы Пушкин занял позицию, достойную кубка, обнажало укорительный по отношению к Пушкину смысл „Старой были“.

В „Ответе Катенину“ Пушкин не только решительно отказывался от пути, на который звал его Катенин („Не пью, любезный мой сосед!“), но и иронизировал над последним. Опальному автору „Старой были“ Пушкин отвечал, имея в виду и свою ссылку *„Он ⟨кубок⟩ заманит меня потом тебе вослед опять за славой“.* Еще более ироническим было пожелание автору „Старой были“, терпевшему поражение за поражением в литературной борьбе, оставаться *в строях Парнаса.* Демонстративен был и отказ Пушкина делить с Катениным *лавры* нищего *Корнеля* и сошедшего с ума от гонений *Тассо.*

521. Ответ А. И. Готовцевой („И недоверчиво и жадно...“). Впервые напечатано в „Северных Цветах на 1829 г.“ под заглавием: „Ответ“. Печатается по „Стихотворениям Александра Пушкина“ 1829, ч. II, где датировано 1828 годом. Написано в середине ноября 1828 года (переписка Пушкина с Вяземским и Дельвигом).

Адресовано поэтессе Анне Ивановне Готовцевой. В своем послании „А. С. Пушкину“ („О Пушкин! Слава наших дней...“) А. И. Готовцева после стиха: „В луне и солнце пятна есть“ поставила две строки точек, а какое-то суждение Пушкина (вероятно, отрывок „Женщины“ из „Евгения Онегина“) называла далее „несправедливым“.

Посылая „Ответ“ Дельвигу, Пушкин 26 ноября 1828 года писал: „Вот тебе ответ Готовцевой (чорт ее побери), как ты находишь ces petits vers froids et coulants?.. ⟨эти холодные и гладкие стишки⟩. Да в чем она меня и впрямь упрекает? В неучтивостях ли противу прекрасного пола, или в похабностях, или в беспорядочном поведении? Господь ее знает“.

Вариант „Северных Цветов“:

Стт. 9—11:

О, сколько мук себе готовил
Красавиц ветреный Зоил,
Когда предательски злословил

522. „За Netty сердцем я летаю...“. Впервые напечатано в Собр. соч.

Пушкина под ред. П. В. Анненкова, 1857, т. VII. По этому изданию и печатается. Датируется по содержанию концом октября — ноябрем 1823 года.

Стихотворение обращено к Анне Ивановне Вульф, с которой Пушкин, по собственному выражению, в Тригорском в это время „миртильничал“ (т. е. разыгрывал влюбленного пастушка).

522. Поэт и толпа. („Поэт по лире вдохновенной...“). Впервые напечатано в „Московском Вестнике“ 1829, ч. I, без эпиграфа. Печатается по „Стихотворениям Александра Пушкина“ 1829, т. II, где датировано 1828 годом. Датируется январем — первой половиной декабря 1828 года (ценз. разр. книжки „Московского Вестника“ со стихотворением — 19 декабря).

Стихотворение, прокламировавшее возможность ухода поэта в область „чистого искусства“, свободного от злободневной тематики, направлено было прежде всего против навязываемых Пушкину требований: одними — „служить видам правительства“, другими — бороться с последним. В своих жестких выпадах против „черни“, неправильно расшифрованной позднейшей критикой как „народ“, Пушкин имел в виду, конечно, не народную массу, а придворно-бюрократические круги и связанную с ними официозную журналистику. Появление „Поэта и толпы“ в „Московском Вестнике“, органе, руководимом шеллингианцами, дало повод для сближения взглядов Пушкина на поэтическое творчество с шеллингианскими толкованиями свободы художественного вдохновения и особых прав „искусства для искусства“. См. также стихотворения „Поэт“ (1827) и „Поэту“ (1830) — стр. 482 и 568.

Вариант „Московского Вестника“:

Ст. 10:

Зачем бренчит? чему нас учит?

В первой редакции черновой рукописи, озаглавленной „Ямб“, в тираде черни стт. 5—12 читались:

Мы малодушны, мы коварны,
Безумны, злы, неблагодарны,
Мы скупы, жадны, мы глупцы,
Рабы, тираны, подлецы.
Гнездятся клубом в нас пороки;
Так расточай же, нас любя,
Сладкоречивые уроки,
А мы послушаем тебя.

Вместо стиха 9 в заключительной тираде поэта было:

Довольно с вас. Поэт ли будет
Водиться с вами сгоряча
И лиру гордую забудет
Для низкой розги палача!
Ему ль казнить, клеймить безумных?

524. „Всем красны боярские конюшни...“. Впервые напечатано В. Е. Якушкиным в „Русской Старине“ 1884, № 6. Печатается по автографу в тетради (№ 2368 *ЛБ*). По положению в тетради датируется концом 1828 года.

Набросок, тематически связанный со стихотворением поэта-крестьянина Ф. Н. Слепушкина „Конь и домовой“, напечатанным в 1828 году с редакционным примечанием: „Пиэса «Конь и домовой» сочинена Слепушкиным по задаче Ал. Серг. Пушкина“.

525. „Каков я прежде был, таков и ныне я...“. Впервые напечатано в „Стихотворениях Александра Пушкина“ 1832, ч. III, где в оглавлении имеется подзаголовок: „Отрывок из Андрея Шенье“. Печатается по цензурной рукописи этого издания, где дата: „1828“.

У Шенье Пушкиным заимствован только первый стих, взятый эпиграфом. Ссылка же на Шенье сделана Пушкиным для затушевания автобиографичности признания.

525. Цветок („Цветок засохший, безуханный...“). Впервые напечатано в „Галатее“ 1829, № 2. Печатается по „Стихотворениям Александра Пушкина“ 1829, ч. II, где датировано 1828 годом.

526. „Уродился я, бедный недоносок...“. Впервые напечатано Б. В. Томашевским в „Атенее“ 1926, кн. III. Печатается по автографу *(ПД)*. Датируется 1828 годом.

Набросок, связанный с Пушкинской записью народной песни: „Уродился я, несчастлив, бесталантлив“ (см. т. II).

526. „Когда, стройна и светлоока...“. Впервые напечатано П. П. Каратыгиным в „Русской Старине“ 1880, № 1; по этому изданию и печатается. Датируется 1828 годом.

Пародия на стихотворение А. И. Подолинского, приуроченная Пушкиным к хлопотам А. П. Керн о разводе. В первоисточнике:

Когда стройна и светлоока
Передо мной стоит она,
Я мыслю: гурия пророка
С небес на землю сведена.

526. „Пожалуй, Федоров, ко мне не приходи...“. Впервые напечатано П. Е. Щеголевым в его книге „Из жизни и творчества Пушкина“ 1931. Печатается по копии Л. С. Пушкина. Датируется предположительно 1828 годом.

Эпиграмма направлена против Б. М. Федорова (см. стр. 667).

527. „Брадатый староста Авдей...“. Впервые напечатано В. Е. Якушкиным в „Русской Старине“ 1884, № 7. Печатается по автографу в тетради (№ 2371 *ЛБ*). По положению в тетради датируется предположительно 1828 годом.

Набросок, тематически близкий рассказу И. П. Липранди о том, как Пушкин выучил попугая, висевшего в клетке на балконе генерала И. Н. Инзова, бранному молдаванскому слову. В первый же день Пасхи 1821 года ученый попугай встретил этим словцом бессарабского митрополита Димитрия.

527. „Лищинский околел — отечеству беда...“. Впервые напечатано В. Е. Якушкиным в „Русской Старине“ 1884, № 7. Печатается по автографу в тетради (№ 2371 *ЛБ*). По положению в тетради датируется предположительно 1828 годом.

Эпиграмма, направленность которой не расшифрована. Вместо „Князь Сергий“ в рукописи сохранился черновой вариант: „Потоцкий“.

527. „Покойник, автор сухощавый...“. Впервые напечатано в „Весах“ 1907, март. Печатается по автографу *(ПД)*. Датируется предположительно 1828 годом.

Эпиграмма, адресат которой не установлен, тематически связана с наброском Пушкина:

Вам слава не нужна:
Смешной и суетной вам кажется она;
Зачем же пишите? — Я? для себя. — За что же
Печатаете вы? — Для денег. — Ах, мой боже,
Как стыдно. — Почему ж?

528. „В прохладе сладостной фонтанов...“. Впервые напечатано П. Е. Щеголевым в „Русском Слове“ 1914, № 181. Печатается по автографу в тетради (№ 2371 *ЛБ*). По положению в тетради датируется предположительно 1828 годом.

Ст. 9: *Саади* Ширазский — один из величайших поэтов Персии.

529. „Когда Потемкину в потемках...“. Впервые напечатано Б. Л. Модзалевским в „Атенее“, 1924, кн. II. Печатается по автографу *(ЦА)*. Датируется предположительно 1828 годом.

Экспромпт, связанный с именем гр. Елизаветы Петровны Потемкиной, урожденной кж. Трубецкой, сестры декабриста и жены гр. С. П. Потемкина, жившей в Москве на Пречистенке.

529. „Если в жизни поднебесной...“. Впервые напечатано А. П. Керн в „Библиотеке для Чтения“ 1859, № 3; по этому изданию и печатается. Датируется предположительно 1828 годом.

529. „Amour, exil...“. Впервые напечатано А. П. Керн в „Библиотеке для Чтения“ 1859, № 3; по этому изданию и печатается. Датируется предположительно 1828 годом.

529. „Не смею вам стихи Баркова...“. Впервые напечатано А. П. Керн в „Библиотеке для Чтения“, 1859, № 3. По этому изданию и печатается. Датируется предположительно 1828 годом.

Все три шутки приведены в воспоминаниях А. П. Керн. Первая — пародия на французский мадригал в альбоме Керн; вто-

рая — записана Пушкиным в ее же альбоме под французской припиской к „весьма плохим стихам“: „Ecrit dans mon exil“ („Писано мною в изгнании“); третья — замечание о каких-то французских, по словам Керн, „всем известных“ стихах, написанных членом „Зеленой Лампы“, театралом Д. Н. Барковым, однофамильцем поэта XVIII в. И. С. Баркова, автора порнографических стихотворений, самое имя которого стало как бы собирательным обозначением всей русской непристойной поэзии („барковщина“).

1829

530. „Как быстро в поле, вкруг открытом...“. Впервые напечатано М. П. Погодиным в „Москвитянине“ 1841, № 1. Печатается по автографу в тетради (№ 2387 *ЛБ*). По положению в тетради датируется концом 1828 — началом 1829 года.

531. Ел. Н. Ушаковой („Вы избалованы природой...“). Впервые напечатано в „Галатее“ 1829, № 5, под заглавием: „В альбом“ и с подзаголовком: „(Е. Н. У . . . . вой)“. Печатается по „Стихотворениям Александра Пушкина“ 1829, ч. II, где слова „В альбом“ перенесены в виде подзаголовка в оглавление, и где стихотворение помещено среди произведений 1829 года. Написано оно 1—6 января, на основании биографических данных.

Стихотворение посвящено младшей из сестер Ушаковых, с которыми Пушкин был дружен в 1826—1829 гг.

Ст. 7: *Армида*—героиня поэмы Тассо „Освобожденный Иерусалим“.— Ст. 8: *Сильфида*—легендарный дух воздуха; в переносном смысле — изящная девушка. — Ст. 19: *Пресненское поле*—Ушаковы жили в Москве на Пресне.

Варианты „Галатеи“:

Ст. 4:

Вам кажется докучной модой.

Ст. 11 пропущен.

Первая редакция этого стихотворения, написанная в апреле — мае 1828 года, была обращена к А. А. Олениной и читается так:

Вы избалованы природой,
Она пристрастна к вам была,
И наша страстная хвала
Вам кажется докучной модой.
Вы сами знаете давно,
Что вас хвалить не мудрено.
[Что ваши взоры — сердцу жалы],
Что ваши ножки — очень малы,
Что вы чувствительны, остры,
Что вы умны, что вы добры,
Что можно вас любить сердечно,—
Но вы не знаете, конечно,
Что и болтливая молва
Порою правды не умалит,
Что иногда и сердце хвалит,
Хоть и кружится голова.

531. „Подъезжая под Ижоры...“. Впервые напечатано в „Северных Цветах на 1830 г.“ под заглавием: „К**“ и с пометой: „1828. Ижоры“. Печатается по цензурной рукописи „Стихотворений Александра Пушкина“ 1832, ч. III. В списке стихотворений, намечавшихся в этот том, стихотворение датировано 1829 годом. На основании биографических данных время написания — 18 января этого года.

Посвящено Е. К. Вельяшевой, с которой Пушкин встречался летом 1828 года в Малинниках Тверской губ.

Ижоры — последняя станция перед Петербургом на почтовой дороге из Москвы.

532. Приметы („Я ехал к вам: живые сны...“). Впервые напечатано в альманахе „Подснежник“ 1829. Печатается по цензурной рукописи „Стихотворений Александра Пушкина“ 1832, ч. III. В списке стихотворений, намечавшихся в этот том, датировано 1829 годом. На основании биографических

данных, время написания — январь этого года.

Стихотворение обращено к А. А. Олениной.

Вариант „Подснежника“:

Ст. 4:

Осеребрял мой путь ретивый.

533. **Литературное известие** („В Элизии Василий Тредьяковский...“). Впервые напечатано в альманахе „Подснежник“ 1829. Печатается по цензурной рукописи „Стихотворений Александра Пушкина“ 1832, ч. III, где датировано 1829 годом. На основании биографических данных время написания — вторая половина февраля этого года.

Эпиграмма направлена против М. Т. Каченовского (см. стр. 689) и его журнала „Вестник Европы“. Состав сотрудников „элизийского“ журнала — злая насмешка над консервативно-классическим направлением „Вестника Европы“ и его традициями. *Поповский, Елагин, Курганов* — литераторы XVIII века; последний — автор популярного „Письмовника“, сборника образцов для писем всякого рода (о нем см. предисловие к „Истории села Горюхина“).

В „Подснежнике“ последний стих довольно прозрачно читался:

Что б подоспел Михайло ......

В „Стихотворениях“, ч. III было зашифровано:

Что б подоспел *** ***.

533. „**Когда помилует нас бог**...“. Впервые напечатано А. П. Керн в „Библиотеке для Чтения“ 1859, № 3; по этому изданию и печатается. На основании биографических данных время написания — вторая половина января — первые числа марта 1829 года.

Четверостишие, приписанное Пушкиным к письму А. П. Керн к ее младшей сестре.

533. **Эпиграмма** („Журналами обиженный жестоко...“). Впервые напечатано в „Московском Вестнике“ 1829, № 7; по этому изданию и печатается. Датируется февралем — первой половиной марта 1829 года. (ценз. разр. книжки „Московского Вестника“ со стихотворением — 27 марта).

Направлена против М. Т. Каченовского. Эпиграмма имеет в виду донос Каченовского на цензора, разрешившего к печати статью, в которой Каченовский усмотрел не литературные, а личные выпады по своему адресу. История эта рассказана в статье Пушкина „Отрывок из литературных летописей“ (1829), см. т. V настоящего издания.

534. „**Поэт-игрок, о Беверлей-Гораций**...“. Впервые напечатано в Собр. соч. Пушкина под ред. П. В. Анненкова 1857, т. VII. Печатается по автографу в тетради (№ 2382 *ЛБ*). На основании биографических данных время написания — первые числа апреля 1829 года.

Эпиграмма направлена против И. Е. Великопольского, который, оскорбившись „Посланием к Великопольскому“ (см. стр. 758), написал „Ответ знакомому сочинителю послания ко мне“, где напоминал Пушкину „как, сменяя былые рублики в кисе, глава Онегина вторая съезжала скромно на тузе“.

И. Е. Великопольский назван *Беверлеем* по имени игрока, героя популярной в свое время французской мелодрамы Сорена, а *Горацием* — как поэт, совмещающий в себе лирическое и сатирическое дарования.

534. **Эпиграмма** („Там, где древний Кочерговский...“). Впервые напечатано в „Московском Телеграфе“ 1829, № 8; по этому изданию и печатается. Датируется январем — первой половиной апреля 1829 года (ценз. разр. книжки „Московского Телеграфа“ — 23 апреля этого года).

Направлена против М. Т. Каченовского, который ввел в „Вестнике Европы“ особую орфографию, основанную на употреблении *е* вместо *э*, *i* или v (ижица) вместо *и* в словах, заимствованных с греческого языка, и пр. Правописание это служило неиссякаемым источником для острословия и шуток.

Древний Кочерговский — В. К. Тредьяковский, упоминаемый здесь как переводчик

старинного и неудобочитаемого многотомного труда французского историка XVII—XVIII века Шарля Роллена.

534. (При посылке бронзового сфинкса). (Кто на снегах возрастил Феокритовы нежные розы?). Впервые напечатано в альманахе „Царское Село на 1830 г.“ под заглавием: „Загадка“ и с подзаголовком: „При посылке бронзового сфинкса“. Печатается по цензурной рукописи „Стихотворений Александра Пушкина“ 1832, ч. III, где „Загадка“ стоит в оглавлении; стихотворение находится среди произведений 1829 года. Оно написано в апреле, после выхода в свет книги „Стихотворения барона Дельвига“ (9 апреля). Пушкин, бывший в это время в Москве (уехал 1 мая на Кавказ), послал Дельвигу в Петербург стихи с бронзовым грифом (ныне гриф хранится в Государственном Литературном музее). Ср. отзыв Пушкина об идиллиях А. А. Дельвига в 1827 году:

„Идиллии Дельвига удивительны. Какую должно иметь силу воображения, дабы из России так переселиться в Грецию, из 19 столетия в золотой век, и необыкновенное чутье изящного, дабы так угадать греческую поэзию сквозь латинские подражания или немецкие переводы“.

535. „На холмах Грузии лежит ночная мгла...“. Впервые напечатано в „Северных Цветах на 1831 г.“ с заглавием „Отрывок“. Этот же подзаголовок в „Стихотворениях Александра Пушкина“ 1832, ч. III. Печатается по цензурной рукописи „Стихотворений Александра Пушкина“ 1832, ч. III. В автографе (перебеленный текст с поправками) дата: „1829. Кавказ“; черновой текст тетради (№ 2382 *ЛБ*), дающий первую редакцию, датирован: „15 мая“.

Всё тихо — на Кавказ идет ночная мгла,
Мерцают звезды надо мною.
Мне грустно и легко, печаль моя светла,
Печаль моя полна тобою,
Я твой попрежнему, тебя люблю я вновь —
И без надежд и без желаний,
Как пламень жертвенный чиста моя любовь
И нежность девственных мечтаний.

Перед последней строфой зачеркнуто:

Прошли за днями дни. Сокрылось много лет.
Где вы, бесценные созданья?
Иные далеко, иных уж в мире нет —
Со мной одни воспоминанья.

Стихотворение связано с воспоминаниями о М. Н. Раевской и о первом пребывании Пушкина на Кавказе. Ср. „Путешествие в Арзрум“, гл. I.

535. Калмычке („Прощай, любезная калмычка...“). Впервые напечатано в „Литературной Газете“ 1830, № 38, где дата: „22 мая 1829. Кап-Кой“. Печатается по цензурной рукописи „Стихотворений Александра Пушкина“, 1832, т. III.

Стихотворение связано с эпизодом, отмеченным в путевых записках Пушкина: „На днях, покамест запрягали мне лошадей, пошел я к калмыцкой кибитке... Молодая калмычка, собою очень недурная, шила, куря табак. Лицо смуглое, темнорумяное, багровые губки, зубки жемчужные... Я сел подле нее... Но моя гордая красавица ударила меня балалайкой по голове. Калмыцкая любезность мне надоела, я выбрался из кибитки и поехал далее. Вот к ней послание, которое, вероятно, никогда до нее не дойдет...“ Ср. также приложения к „Путешествию в Арзрум“ (г. IV).

Ст. 12: „*Сен-Мар*“—исторический роман А. де-Виньи „Сен-Марс или заговор при Людовике XII“.—Ст. 16: „*Ma-dov'è*“—ария из третьего акта оперы Галуппи „Покинутая Дидона“.

536. „Благословен и день и час...“. Впервые напечатано В. Е. Якушкиным в „Русской Старине“ 1884, № 11. Печатается по автографу в тетради (№ 2382 *ЛБ*), где на странице со стихами дата: „25 мая Коби“.

Набросок стихотворения, вдохновленного встречей на Кавказе с персидским поэтом Фазил-ханом (см. „Путешествие в Арзрум“, гл. II).

536. „Благословен твой новый путь...“. Впервые напечатано Н. В. Измайловым и Б. В. Томашевским в Полном собр.

соч. Пушкина издания Госиздата, приложение к ж. „Красная Нива“ 1930, кн. II). Печатается по автографу *(ПД)*, где дата: „Душет 27 мая“.

Набросок стихотворения, посвященного Фазил-хану (см. выше), отправляющемуся с персидской миссией в Петербург.

537. Делибаш („Перестрелка за холмами...“). Впервые напечатано в „Северных Цветах на 1832 г.“. Печатается по цензурной рукописи „Стихотворений Александра Пушкина“ 1832, ч. III, где дата: „1829“. В автографе (перебеленный текст с поправками) даты: „Саган-лу“ и позднейшая „7 сент.“ *Саган-лу* — горный хребет, где Пушкин был 14—18 июня. Дата „7 сент.“ помечает отделку стихотворения в 1830 году.

Стихотворение основано на материалах „Путешествия в Арзрум“ (гл. IV).

Делибаш — по-турецки удалец, сорвиголова. — Ст. 5: *Лава* — казачья сотня, построенная в дугообразную шеренгу.

537. (Из Гафиза) („Не пленяйся бранной славой...“). Впервые напечатано в альманахе „Царское Село на 1830 г.“ под заглавием „Из Гафиза“ и с помегой внизу стихотворения: „5 июля 1829. Лагерь при Евфрате“. Печатается по цензурной рукописи „Стихотворений Александра Пушкина“ 1832, ч. III, заглавие и пометы печатаются по рукописи сборника стихотворений, приготовленной к печати в 1836 г. (№ 2393 *ЛБ*). Стихотворение помещено среди произведений 1829 года.

Стихотворение, впервые опубликованное Пушкиным под заглавием „Из Гафиза“, ни с одним произведением последнего никак, однако, не связано. В рукописи стихотворение озаглавлено: „Шеер I. Фаргат-Беку“.

Шеер — по-татарски полк. В 1829 году так назывались конные мусульманские части, находившиеся в составе русских войск под Арзрумом.

Ст. 6: *Азраил* — ангел смерти в мусульманской мифологии.

538. „Critон, роскошный гражданин...“. Впервые напечатано П. В. Анненковым в „Материалах для биографии Пушкина“ 1855. Печатается по автографу в тетради (№ 2382 *ЛБ*), где дата: „16 июля“. Год определяется по положению стихов в тетради.

538. „Зорю бьют... из рук моих...“. Впервые напечатано П. В. Анненковым в „Материалах для биографии Пушкина“ 1855. Печатается по автографу в тетради (№ 2382 *ЛБ*). По положению в тетради и содержанию датируется 1—16 июля 1829 года.

539. Сапожник. Притча („Картину раз высматривал сапожник...“). Впервые напечатано в „Современнике“ 1836, т. III; по этому изданию и печатается. По положению в тетради (№ 2382 *ЛБ*) датируется временем не ранее 22 мая и не позднее 16 июля 1829 года.

Направлено против критика Н. И. Надеждина (см. стр. 772 и 775). „Притча“ основана на известном анекдоте, отмеченном еще в „Естественной истории“ Плиния (I век н. э.)

539. На картинки к „Евгению Онегину“ в „Невском альманахе“ („Вот перешед чрез мост Кокушкин...“). Впервые напечатано Герценом в „Полярной Звезде на 1859 г.“. „Сосок чернеет сквозь рубашку“—Н. В. Гербелем в „Стихотворениях А. С. Пушкина“, Берлин 1861. Печатаются по копии С. А. Соболевского *(ЦА)* и „Стихотворениям А. С. Пушкина“, Берлин 1861. Датируются концом января (выход в свет альманаха) — первой половиной сентября 1829 года (запись Пушкиным „надписей“ М. И. Пущину во время пребывания поэта на Минеральных кавказских водах).

Стихи написаны на первую и третью картинку из шести гравированных иллюстраций к „Евгению Онегину“, приложенных к альманаху.

Крепость, упоминаемая в описании первой картинки, — Петропавловская крепость, место заключения политических преступников.

540. „Счастлив ты в прелестных дурах...“. Впервые напечатано в „Северных Цветах на 1830 г.“, под заглавием „К N. N.“. Печатается по цензурной рукописи „Стихотворений Александра Пушкина“ 1832, ч. III, где датировано 1829 годом; написано, судя по положению в тетради (№ 2382 *ЛБ*) и по биографическим данным,

в августе — первой половине сентября 1829 года.

Адресат стихотворения неизвестен.

Ст. 3: *St-Priest* — гр. Э. К. Сен-При, карикатурист-дилетант, рисунки которого неизвестны (ср. о нем „Евгений Онегин", глава восьмая, строфа XXVI).

Ст. 4: *Нелединский* — Ю. А. Нелединский-Мелецкий (1752—1829), поэт, известный подражаниями народным песням.

540. Кавказ („Кавказ подо мною. Один в вышине..."). Впервые напечатано в „Литературной Газете" 1831, № 1. Печатается по цензурной рукописи „Стихотворений Александра Пушкина" 1832, ч. III, где датировано 1829 годом. В автографе (перебеленный текст с поправками) дата: „20 сент." Год этой даты может быть 1829 и 1830. Стихотворение, вероятно, писалось в 1829 году, но перебелялось и отделывалось, возможно, в Болдине осенью 1830 года.

Стихотворение связано с записью Пушкина в главе I „Путешествия в Арзрум": „Мгновенный переход от грозного Кавказа к миловидной Грузии восхитителен. Воздух юга вдруг начинает повевать на путешественника. С высоты Гут-горы открывается Кайшаурская долина с ее обитаемыми скалами, ее садами, с ее светлой Арагвой, извивающейся, как серебряная лента, и всё это в уменьшенном виде, на дне трехверстной пропасти, по которой идет опасная дорога. Мы спускались в долину. Молодой месяц показался на ясном небе... Здесь начинается Грузия. Светлые долины, орошаемые веселой Арагвою, сменили мрачные ущелья и грозный Терек. Вместо голых утесов я увидел около себя зеленые горы и плодоносные деревья".

В черновой рукописи сохранился набросок продолжения стихотворения:

Так буйную вольность законы теснят,
Так дикое племя под властью тоскует,
Так ныне безмолвный Кавказ негодует,
Так чуждые силы его тяготят...

541. Монастырь на Казбеке („Высоко над семьею гор..."). Впервые напечатано в „Северных Цветах на 1831 г.". Печатается по цензурной рукописи „Стихотворений Александра Пушкина" 1832, ч. III, где датировано 1829 годом; в автографе (перебеленный текст с поправками) дата: „20 с[ентября]". О годе даты см. предыдущее примечание.

В главе V „Путешествия в Арзрум" Пушкин отмечает: „Утром, проезжая мимо Казбека, увидел чудное зрелище: белые оборванные тучи перетягивались через вершину горы, и уединенный монастырь, озаренный лучами солнца, казалось, плавал в воздухе".

542. К бюсту завоевателя („Напрасно видишь тут ошибку..."). Впервые напечатано П. В. Анненковым в „Материалах для биографии Пушкина" 1855. Печатается по автографу (перебеленный текст с поправками) *(ПД)*, где дата: „21 сент.". О годе даты см. прим. к стихотворению „Кавказ".

Стихотворение относится к бюсту Александра I. Сохранилась заметка Пушкина: „Торвальдсен, делая бюст известного человека, удивился странному разделению лица... Верх грозный, нахмуренный, низ же, выражаемый всегдашней улыбкою... Questa è una brutta figura (Это — отвратительная фигура)".

542. „Полюби меня, девица...". Впервые напечатано В. Е. Якушкиным в „Русской Старине" 1884, № 11. Печатается по автографу в тетради (№ 2382 *ЛБ*). По положению в тетради и содержанию, в связи с биографическими данными, датируется 16 июля — 3 октября 1829 года.

Набросок стихотворения, вдохновленного впечатлениями казачьего быта.

542. „Стрекотунья белобока...". Впервые напечатано в Собр. соч. Пушкина под ред. Анненкова, т. I. Печатается по автографу *(ПД)*. Датируется по положению черновика в тетради (№ 2382 *ЛБ*) 16 июля — 3 октября 1829 года.

Набросок стихотворения, написанного после возвращения из Арзрума.

543. „Был и я среди донцов...". Впервые напечатано П. В. Анненковым в его „Материалах для биографии Пушкина" 1855. Печатается по автографу в тетради

(№ 2382 *ЛБ*). По положению черновика в тетради датируется 16 июля — 3 октября 1829 года.

Стихотворный набросок, связанный с отрывком из путевых записок Пушкина. См. приложения к „Путешествию в Арзрум“.

543. Дон („Блеща средь полей широких...“). Впервые напечатано в „Литературных прибавлениях к Русскому Инвалиду“ 1831, № 83. Печатается по цензурной рукописи „Стихотворений Александра Пушкина“ 1832, ч. III, где датировано 1829 годом. По положению чернового текста в тетради (№ 2382 *ЛБ*) датируется сентябрем — 3 октября 1829 года.

Написано после возвращения Пушкина из путешествия в Арзрум.

Ст. 12: *Арпачай* — пограничная река, отделявшая русские владения на Кавказе от Турецкой Армении.

544. Дорожные жалобы („Долго ль мне гулять на свете...“). Впервые напечатано в „Северных Цветах на 1832 г.“. Печатается по цензурной рукописи „Стихотворений Александра Пушкина“ 1832, ч. III, где датировано 1829 годом. В черновом автографе дата: „4 окт.“

Стт. 27—28:

Об отставке, об невесте,
О деревне помышлять!

545. „Как сатирой безымянной...“. Впервые напечатано в „Московском Телеграфе“ 1829, № 18, под заглавием: „Эпиграмма“. Печатается по цензурной рукописи „Стихотворений Александра Пушкина“ 1832, ч. III, где датировано 1829 годом; в издании слово „эпиграмма“ перенесено в оглавление. Датируется по содержанию второй половиной августа — первыми числами октября 1829 года (ценз. разр. книжки „Московского Телеграфа“ с эпиграммой — 6 октября).

Эпиграмма направлена против Н. И. Надеждина, откликнувшегося в „Вестнике Европы“ на первые эпиграммы против него (см. стр. 539 и 549) замечанием, что „Пушкин ударился в язвительные стишонки и ругательства“.

Вариант „Московского Телеграфа“:

Ст. 2:

На Зоила я напал,

545. Обвал („Дробясь о мрачные скалы...“). Впервые напечатано в „Северных Цветах на 1831 г.“. Печатается по цензурной рукописи „Стихотворений Александра Пушкина“ 1832, ч. III, где датировано 1829 годом. В черновом автографе даты: „29 окт.“ и „30“, т. е. „30 октября“.

Стихотворение связано с эпизодом, отмеченным в главе первой „Путешествия в Арзрум“: „Дорога шла через обвал, обрушившийся в конце июня 1827 года... Огромная глыба, свалясь, засыпала ущелье на целую версту и запрудила Терек... Терек прорвался сквозь обвал не прежде, как через два часа. То-то он был ужасен!“

546. „Зима. Что делать нам в деревне? Я встречаю...“. Впервые напечатано в „Северных Цветах на 1830 г.“. Печатается по цензурной рукописи „Стихотворений Александра Пушкина“ 1832, ч. III, где датировано рукой Пушкина над стихотворением: „1829“, а перед ним: „2 ноября“. В черновом автографе в тетради (№ 2382 *ЛБ*) дата: „2 ноября 1829 г.“

Написано по возвращении с Кавказа, во время пребывания Пушкина в Тверской губ.

548. Зимнее утро („Мороз и солнце; день чудесный...“). Впервые напечатано в альманахе „Царское Село на 1830 г.“. Печатается по цензурной рукописи „Стихотворений Александра Пушкина“ 1832, ч. III, где датировано 1829 годом. В черновом автографе в тетради (№ 2382 *ЛБ*) дата: „3 ноября“.

Написано непосредственно после предыдущего.

В черновой рукописи ст. 24 читается:

Коня черкасского запречь.

Вариант альманаха:

Ст. 6:

Звездою Северной явись!

549. „Я вас любил: любовь еще быть может...“. Впервые напечатано в „Северных Цветах на 1830 г.“. Печатается по цензурной рукописи „Стихотворений Александра Пушкина“ 1832, ч. III, где датировано 1829 годом. Написано в январе — ноябре этого года (ценз. разр. „Северных Цветов на 1830 г.“ — 20 декабря 1829 года).

К кому обращено стихотворение — неизвестно.

549. Эпиграмма („Мальчишка Фебу гимн поднес...“). Впервые напечатано в „Северных Цветах на 1830 г.“; по этому изданию и печатается. Датируется второй половиной августа — ноябрем 1829 года.

Направлена против Н. И. Надеждина, выступившего в „Вестнике Европы“ с резкими нападками на „Полтаву“ и на „Графа Нулина“. Начальное четверостишие эпиграммы является пересказом басни В. Л. Пушкина, на которую сослался Надеждин в одной из своих статей.

Надеждин, Н. И. (1804—1856) был сыном священника, кончившим духовную семинарию, и Пушкин не раз упрекал его в „мещанском жеманстве“, в „чопорности деревенской дьячихи“. Под *лакейскими диссертациями* Пушкин имел в виду диссертацию Надеждина (на латинском языке) о романтической поэзии, написанную в защиту классицизма. *Лакейскими* Пушкин называл работы Надеждина потому, что не верил в искренность его писаний и подозревал в желании лишь услужить редактору, М. Т. Каченовскому.

550. Олегов щит („Когда ко граду Константина. .“). Впервые напечатано в „Северных Цветах на 1830 г.“. Печатается по цензурной рукописи „Стихотворений Александра Пушкина“ 1832, ч. III, где датировано 1829 годом. Написано, судя по содержанию и цензурному разрешению „Северных Цветов“, в сентябре — ноябре 1829 года.

Написано в связи с русско-турецкой войной 1828—1829 гг., в ходе которой русские войска имели задачей овладеть Константинополем, но выполнить ее не сумели.

550. „Жил на свете рыцарь бедный...“. Впервые напечатано в „Современнике“ 1837, т. V. Печатается по автографу *(ПД)*. Черновой текст по положению в тетради (№ 2371 *ЛБ*) датируется октябрем — ноябрем 1829 года.

Стихотворение в сокращенной и измененной редакции (восемь строф из четырнадцати) вошло в так называемые „Сцены из рыцарских времен“ (первая песня Франца). Переработка „Легенды“ вызвана была запрещением цензурой ее полного текста, как кощунственного. Баллада основана на материале западноевропейских средневековых легенд, связанных с культом мадонны, но разработана совершенно самостоятельно.

В первой редакции стихотворение называлось „Легенда“. Пушкин предполагал напечатать его под псевдонимом „Заборский“.

552. „Зачем, Елена, так пугливо...“. Впервые напечатано В. Е. Якушкиным в „Русской Старине“ 1884, № 11. Печатается по автографу в тетради (№ 2382 *ЛБ*). По положению в тетради датируется ноябрем 1829 года.

Незаконченное стихотворение находится на одном листе с заметкой о „Некрологии Н. Н. Раевского“ (1829).

552. Воспоминания в Царском селе („Воспоминаньями смущенный...“). Впервые напечатано П. В. Анненковым в „Материалах для биографии Пушкина“ 1855. Печатается по автографу в тетради (№ 2382 *ЛБ*), где дата „14 дек. 1829“.

Написано под впечатлением посещения Царского Села впервые после возвращения из ссылки.

Ст. 27: *Великая жена* — Екатерина II. — Ст. 36: *Перун кагульских берегов* — гр. П. А. Румянцев, разбивший в 1770 году при Кагуле турецкую армию. — Ст. 37: *Вождь полуночного флага* и *брат его, герой Архипелага* — гр. А. Г. Орлов, уничтоживший турецкий флот при Чесме, и Ф. Г. Орлов, победитель турок при о. Гюдре. — Ст. 40: *Наваринский Ганнибал* — Иван Абрамович Ганнибал, герой наваринского морского боя, дядя матери Пушкина. В честь всех перечислен-

ных в этих стихах полководцев воздвигнуты были в Царском Селе памятники.

554. „Поедем, я готов; куда бы вы, друзья...“. Впервые напечатано в „Московском Вестнике“ 1830, № 11, под заглавием „Элегический отрывок“ и с датой: „23 декабря 1829 г.“ Печатается по цензурной рукописи „Стихотворений Александра Пушкина“ 1832, ч. III, где заглавие, в качестве подзаголовка, находится лишь в оглавлении.

Стихотворение тесно связано с письмом Пушкина от 7 января 1830 года к А. Х. Бенкендорфу: „Так как я еще не женат и не связан службой, я желал бы сделать путешествие либо во Францию, либо в Италию. Если же мне это не будет дозволено, я просил бы разрешения посетить Китай в составе отправляющейся туда миссии“.

Ст. 6: Город, *где Тасса не поет уже ночной гребец* — Венеция (см. стр. 755).— Ст. 11: *Гордая, мучительная дева* — Наталья Николаевна Гончарова, будущая жена поэта.

Вариант „Московского Вестника“:

Ст. 4:

К подножию ль стены недвижного Китая,

554. „Брожу ли я вдоль улиц шумных...“. Впервые напечатано в „Литературной Газете“ 1830, № 2 под заглавием: „Стансы“. Печатается по цензурной рукописи „Стихотворений Александра Пушкина“ 1832, ч. III. В автографе (перебеленный текст с поправками) дата: „26 дек. 1829 СПБ. 3 часа 3 м.“

Варианты „Литературной Газеты“:

Ст. 5:

Я говорю: промчались годы,

Ст. 20:

Меж их стараясь угадать.

В черновом автографе вместо двух первых строф было:

[Кружусь ли я в толпе мятежной,
Вкушаю ль сладостный покой —
Но мысль о смерти неизбежной
Всегда близка, всегда со мной.]

Вместо двух последних строф была заключительная:

[Вотще! судьбы не переломит
[Воображенья] суета,
Но не вотще меня знакомит
С могилой ясная мечта].

555. „Еще одной высокой, важной песни...“. Впервые напечатано В. Е. Якушкиным в „Русской Старине“ 1884, № 11. Печатается по автографу в тетради (№ 2382 *ЛБ*). По положению в тетради датируется концом декабря 1829 года.

Неотделанный вольный перевод первых 32 стихов „Гимна к пенатам“ („Hymn to the Penates“) Р. Соути.

557. „Меж горных рек несется Терек...“. Впервые напечатано Н. В. Измайловым и Б. В. Томашевским в Полном собр. соч. Пушкина, приложение к „Красной Ниве“ 1930, кн. II. Печатается по автографу *(ПД)*. Датируется 24—31 декабря 1829 года.

Незаконченное стихотворение, вдохновленное кавказскими впечатлениями.

557. „Надеясь на мое презренье...“. Впервые напечатано В. Е. Якушкиным в „Русской Старине“ 1884, № 11. Печатается по автографу в тетради (№ 2382 *ЛБ*). По положению в тетради и содержанию датируется второй половиной августа — декабрем 1829 года.

Эпиграмма направлена против Н. И. Надеждина (см. стр. 772).

Ст. 2: *Седой зоил* — М. Т. Каченовский, редактор „Вестника Европы“.

558. Собрание насекомых („Мое собранье насекомых...“). Впервые напечатано в альманахе „Подснежник“ 1830. Печатается по цензурной рукописи „Стихотворений Александра Пушкина“ 1832, ч. III, где датировано рукой Пушкина: „1828“. В списке стихотворений, намечавшихся в этот том (составленном Пушкиным в сентябре 1831 года), значится: „Насекомые 1829“. Последнюю дату нужно признать правильной.

Имена задетых в эпиграмме лиц были обозначены при ее опубликовании звездочками. Эпиграмма давала и при жизни Пуш-

кина и в позднейшей литературе повод к многообразным расшифровкам. Рукопись ее не сохранилась, а потому бесспорной следует признать разгадку только трех первых имен: Глинки (см. стр. 719), Каченовского (см. стр. 689) и П. П. Свиньина — издателя „Отечественных Записок“ и собирателя „Русского Музеума“, заклейменного Пушкиным в сказочке „Маленький лжец“. Вместо В. Н. Олина — бездарного журналиста и переводчика, и С. Е. Раича — поэта и переводчика, близкого кругам московских шеллингианцев, современники Пушкина подставляли, может быть с бо́льшим основанием, имена „Рюмина“ (М. А. Бестужев-Рюмин — редактор враждебного Пушкину „Северного Меркурия“) и „Борьку“ (Б. М. Федоров, литератор, против которого направлены две эпиграммы Пушкина, см. стр. 753 и 526.)

Вариант „Подснежника“:

Стт. 9—10:

Вот ** тощая пиявка,
Вот ** мелкая козявка,

558. „Когда твои младые лета...“. Впервые напечатано в „Литературной Газете“ 1830, № 13, где озаглавлено: „К **“. Печатается по цензурной рукописи „Стихотворений Александра Пушкина“ 1832, ч. III, где датировано 1829 годом. В списке стихотворений, намечавшихся в этот том, Пушкин датировал стихотворение 1830 годом.

Стихотворение посвящено, вероятно, А. Ф. Закревской, о которой см. стр. 760. Ее же образ зарисован в набросках романа „Гости съезжались на дачу“.

Вариант „Литературной Газеты“:

Ст. 17:

Не пей мучительной отравы

559. Эпиграмма („Седой Свистов! ты царствовал со славой...“). Впервые напечатано в „Северных Цветах на 1830 г.“. По этому изданию и печатается. Датируется предположительно 1829 годом. В списке стихотворений, намечавшихся в третий том „Стихотворений Александра Пушкина“, эпиграмма стоит среди стихотворений 1829 года.

Эпиграмма эта в одном из перечней произведений, составленных самим Пушкиным, обозначена по первому стиху, но с характерным изменением: „Седой Хв.“, т. е. Хвостов, о котором см. примечание к пародической „Оде к его сиятельству графу Д. И. Хвостову“. Под именем „Свистова“ Д. И. Хвостов упоминается и в „Городке“ и в послании „Моему Аристарху“.

Кто такой *Свистов II* не установлено, хотя М. А. Бестужев-Рюмин, редактор „Северного Меркурия“ (о нем см. сцены „Альманашник“) и принял намек эпиграммы на свой счет.

559. „И вот ущелье мрачных скал...“. Впервые напечатано В. Е. Якушкиным в „Русской Старине“ 1884, № 11. Печатается по автографу в тетради (№ 2382 *ЛБ*). Датируется предположительно июлем — декабрем 1829 года.

Черновой набросок стихотворения, вдохновленного Дарьяльским ущельем.

559. „Страшно и скучно...“. Впервые напечатано В. Е. Якушкиным в „Русской Старине“ 1884, № 11. Печатается по автографу в тетради (№ 2382 *ЛБ*). Датируется предположительно июлем — декабрем 1829 года.

Черновой набросок стихотворения, вдохновленного Дарьяльским ущельем. В „Путешествии в Арзрум“ Пушкин писал о нем: „Скалы с обеих сторон стоят параллельными стенами. Здесь так узко, пишет один путешественник, что не только видишь, но кажется чувствуешь тесноту. Клочок неба, как лента, синеет над вашей головой“.

560. „Шумит кустарник... На утес...“. Впервые напечатано В. Е. Якушкиным в „Русской Старине“, 1884, № 5. Печатается по автографу в тетради (№ 2367 *ЛБ*). Датируется предположительно 1829 годом.

Черновой набросок перевода нескольких строф из поэмы Вальтер Скотта „Дама озера“.

560. „В журнал совсем не европейский...“. Впервые напечатано С. М. Бонди в его книге „Новые страницы Пушкина“ 1931. Печатается по автографу в

тетради (№ 2382 *ЛБ*). Датируется предположительно 1829 годом.

Набросок эпиграммы, направленной против Н. И. Надеждина, сотрудника „Вестника Европы“, редактор которого Каченовский фигурирует в эпиграмме как „старый журналист“. Эпиграмма вызвана грубыми статьями Надеждина против Пушкина в журнале „Вестник Европы“ („журнал совсем не европейский“).

В рукописях Пушкина имеется набросок плана ненаписанного стихотворения, который можно датировать 1827—1829 гг.

Prologue

J[’ai] я посетил твою могилу — [mais] но там тесно; les morts m’en distrait (мертвые меня отвлекают) — теперь иду на поклонение в Царское Село и в Баболово.

Царское Село!.. (Gray) les jeux de Lycée, nos leçons — — ⟨(Грей) лицейские игры, наши уроки⟩ Delvig et Kuchelbecker, la poésie ⟨Дельвиг и Кюхельбекер, поэзия⟩

Баболово

1830

561. „Язык и ум теряя разом..“. Впервые напечатано в брошюре „Vers, chantés et récités. Saint-Petersbourg, typographie de Pluchart. 1830“, заключающей в себе стихотворения, декламировавшиеся на костюмированном балу. Печатается по автографу *(ПД)*. Письмо Пушкина со стихотворением датировано: „1 января“. Год определяется назначением стихов.

Стихи эти написаны для дочери Е. М. Хитрово гр. Е. Ф. Тизенгаузен, которая на маскараде у в. к. Елены Павловны читала их в костюме циклопа.

561. „Что в имени тебе моем...“. Впервые напечатано в „Литературной Газете“ 1830, № 20 с заглавием: „В альбом“. Печатается по цензурной рукописи „Стихотворений Александра Пушкина“ 1832, ч. III, где слова „В альбом“ отнесены в оглавление в виде подзаголовка. Стихотворение помещено в издании среди произведений 1829 года. В автографе (в альбоме К. Собаньской) дата: „5 янв. 1830. СПБ.“

Стихи вписаны Пушкиным в альбом Каролины Собаньской (1794—1885). Пушкин был знаком с нею еще в Одессе и с 1828 года вновь встречался в Петербурге.

562. Ответ („Я вас узнал, о мой оракул...“). Впервые напечатано в „Литературной Газете“ 1830, № 3. Печатается по цензурной рукописи „Стихотворений Александра Пушкина“ 1832, ч. III, где датировано 1830 годом. Написано 1—9 января 1830 года ценз. разр. „Литературной Газеты“ 1830, № 3—10 января).

Стихи обращены к Ек. Н. Ушаковой, которой Пушкин был увлечен в Москве в 1827 году. О сестрах Ушаковых см. выше, стр. 753 и 766.

Ст. 16: *Ни муз, ни Пресни, ни харит* — сестры Ушаковы жили в Москве на Пресне.

Вариант „Литературной Газеты“:

Ст. 3:

Сих неподписанных каракуль;

562. „В часы забав иль праздной скуки...“. Впервые напечатано в „Литературной Газете“ 1830, № 12, где заглавие: „Станцы“ и дата: „19 января 1830. Спб.“. Печатается по цензурной рукописи „Стихотворений Александра Пушкина“ 1832, ч. III, где датировано 1830 годом, причем дата стоит выше текста вправо, заглавие же „Станцы“ отнесено в оглавление в качестве подзаголовка.

Стихи обращены к митрополиту Филарету (см. стр. 759).

563. „Нет, я не дорожу мятежным наслажденьем...“. Впервые напечатано в „Библиографических Записках“ 1858, № 7; по этому изданию и печатается.

В автографе (ныне неизвестно где находящемся) дата: „1830. 19 Генваря".

564. На Булгарина („Не то беда, что ты поляк..."). Впервые напечатано в „Сыне Отечества" и в „Северном Архиве" 1830, № 17. Печатается по копии кн. П. А. Вяземского *(ЦА)*. В списке стихотворений, намечавшихся в „Стихотворения", ч. III, датировано 1830 годом. — На основании биографических данных датируется февралем этого года.

Эпиграмма, написанная одновременно с памфлетной статьей „О записках Видока", имела целью дискредитацию журналиста и романиста Фаддея Венедиктовича Булгарина (1789—1859) как секретного сотрудника III отделения. В условиях цензурно-полицейского террора проведение в печать даже намеков на это представлялось задачей почти неосуществимой, но Пушкин смелым сочетанием имен и фактов биографии Видока — известного французского сыщика — и Фиглярина (обычное обозначение имени Булгарина в эпиграммах 20-х — 30-х гг.) сумел ясно выразить свою мысль.

Полемичность эпиграммы объясняется клеветническим утверждением Булгарина, что Пушкин преследует его как иноземца.

Костюшко, Тадеуш — вождь польского восстания 1794 года.

564. Сонет („Суровый Дант не презирал сонета..."). Впервые напечатано в „Московском Вестнике" 1830, № 8 с подзаголовком: „Сонет", который в „Стихотворениях Александра Пушкина" 1832, ч. III перенесен в оглавление. Печатается по цензурной рукописи „Стихотворений Александра Пушкина" 1832, ч. III, где датировано 1830 годом. Написано в январе—марте этого года (ценз. разр. книги „Московского Вестника" со стихотворением — 29 апреля).

Стихотворение является переработкой сонета на ту же тему английского поэта Вордсворта. Связь с первоисточником подчеркнута взятым из последнего эпиграфом. Из семи поэтов, упомянутых как мастера сонета у Вордсворта, Пушкин оставил только четырех (Данте, Петрарку, Шекспира и Камоэнса). Вместо же трех других поставил Мицкевича (*певца Литвы*), автора „Крымских сонетов", Дельвига и самого Вордсворта.

565. К вельможе („От северных оков освобождая мир..."). Впервые напечатано в „Литературной Газете" 1830, № 30 под заглавием: „Послание к К. Н. Б. Ю ***" и с пометой: „Москва, 1830". Печатается по цензурной рукописи „Стихотворений Александра Пушкина" 1832, ч. III, где датировано 1830 годом. В автографе (перебеленный текст с поправками) дата: „23 апр. 1830" (первоначально было написано: „1829").

Послание адресовано кн. Николаю Борисовичу Юсупову (1751—1831), много путешествовавшему по Европе с поручениями Екатерины II, в ответ на приглашение посетить его подмосковную усадьбу Архангельское. Как материал для характеристики Н. Б. Юсупова в послании были использованы его рассказы о путешествиях по дореволюционной Европе, о свиданиях с Вольтером и с Дидро, о знакомстве с Бомарше, о Марии-Антуанетте и пр.

Ст. 15: *Циник поседелый* — Вольтер. — *Ферней* — местность около Женевы, где жил Вольтер.—Ст. 21: *Версаль*—резиденция французских королей. – Ст. 23: *Армида молодая*— королева Мария-Антуанетта, названная здесь именем прекрасной волшебницы, героини „Освобожденного Иерусалима" Тассо. — Ст. 27: *Трианон*—дворцовый павильон в Версальском парке. — Ст. 32: *Дидерот*, Дени — Дидро, французский философ, романист и публицист, один из создателей знаменитой французской „Энциклопедии" XVIII века; в стихе 35-м Пушкин намекает на его колебания между атеизмом и деизмом.—Ст. 36: *Как любопытный скиф афинскому софисту* — заимствован из стихотворения Вольтера „Le Russe à Paris". — Ст. 38: *двойственный собор* – нижняя и верхняя палаты, составляющие парламент Англии. — Стт. 63 — 64: подразумевается Первая французская революция. — Ст. 72: прах Вольтера, торжественно перенесенный после революции в Пантеон, был убран оттуда после реставрации Бурбонов.—

Ст. 73: *Барон д'Ольбах, Морле, Гальяни* — французские ученые-материалисты, ближайшие участники „Энциклопедии“. — Ст. 75: *безносый Касти*—итальянский поэт XVIII в., автор сатирических поэм и фривольных рассказов.—Ст. 83: *Темира*—условное имя.—Ст. 95: А. В. *Алябьева* и Н. Н. *Гончарова*—будущая жена Пушкина—пользовались в 1829 — 1830 гг. славой первых московских красавиц.

Послание „К вельможе“ встречено было резкой пародией Н. А. Полевого „Утро в кабинете знатного барина“, упрекавшего автора в низкопоклонстве перед богатым и знатным сановником. Об этой пародии см. заметки Пушкина в „Опыте отражения некоторых нелитературных обвинений“ и в черновых вариантах к „Путешествию из Москвы в Петербург“.

Вариант „Литературной Газеты“:

Ст. 47:

Об неге той страны, где небо вечно ясно.

568. Поэту („Поэт! не дорожи любовию народной...“). Впервые напечатано в „Северных Цветах на 1831 г.“ под заглавием: „Поэту“ и с подзаголовком: „Сонет“. Печатается по цензурной рукописи „Стихотворений Александра Пушкина“ 1832, ч. III, где датировано 1830 годом и где подзаголовок отнесен в оглавление. В автографе (перебеленный текст с поправками) озаглавлено: „Сонет. Награды“, дата: „1 июля 1830“.

Стихотворение, тематически связанное с стихотворениями „Поэт“ (1827) и „Поэт и толпа“ (1828), было написано, вероятно, под впечатлением нападок на послание „К вельможе“.

568. Мадонна („Не множеством картин старинных мастеров...“). Впервые напечатано в альманахе „Сиротка на 1831 г.“, где имеется подзаголовок: („Сонет“). В „Стихотворениях Александра Пушкина“ 1832, ч. III подзаголовок отнесен в оглавление. Печатается по цензурной рукописи „Стихотворений Александра Пушкина“ 1832, т. III, где датировано 1830 годом. В автографе (перебеленный текст с поправками) дата: „8 июля“.

Стихотворение обращено, вероятно, к невесте поэта, Н. Н. Гончаровой, которой Пушкин писал 30 июля 1830 года: „Я утешаю себя, проводя целые часы перед белокурой мадонной, похожей на вас, как две капли воды“.

569. „Полюбуйтесь же вы, дети...“. Впервые напечатано М. Н. Лонгиновым в „Библиографических Записках“ 1858, № 16; по этому изданию и печатается. На основании биографических данных время написания — 19 июля — 10 августа 1830 года.

Стихотворение связано с анекдотом о том, как кн. С. Г. Голицын играл с одним из своих должников в карты и на прежде им выигранные и на вновь поставленные наличные деньги: „И на эти, и на те, и на те, те, те“. *Фирс* — прозвище кн. С. Г. Голицына.

Ст. 5: *Черноокая Россети* — фрейлина А. О. Россет, впоследствии Смирнова (см. о ней прим. к стихам „В тревоге пестрой и бесплодной“ (1832).

569. Новоселье („Благословляю новоселье...“). Впервые напечатано в альманахе „Сиротка на 1831 г.“. Печатается по цензурной рукописи „Стихотворений Александра Пушкина“ 1832, т. III, где датировано 1830 годом. В автографе (беловой текст) дата: „1830 Мос<ква>“. В Москве в этом году Пушкин был во второй половине марта — первой половине июля и во второй половине августа.

Стихотворение обращено к Павлу Воиновичу Нащокину (1800—1854), одному из ближайших друзей Пушкина.

Ст. 2: *Домашний кумир* — одна из достопримечательностей квартиры Нащокина, привлекавшая внимание Пушкина: двухэтажный домик аршина в два длины, каждая отдельная часть и украшения которого специально заказывались за границей. На домик этот, стоивший хозяину, по словам мемуариста, „до 40 тысяч рублей“, специально съезжались смотреть, как на диковинку.

570. Бесы („Мчатся тучи, вьются тучи...“). Впервые напечатано в „Северных Цветах на 1832 г.“. Печатается по цензурной рукописи „Стихотворений Александра Пушкина“ 1832, ч. III, где датировано 1830 годом. Черновой автограф по положению в тетради (№ 2382 *ЛБ*) датируется 16 июля — 3 октября 1829 года. В автографе *(ПД)* перебеленного текста с поправками подзаголовок: „Шалость“ и дата: „1830. 7 сентября. Болдино“. Последняя дата означает, вероятно, день отделки стихотворения. В списке стихотворений, намечавшихся в третьем томе „Стихотворений“, датировано 1829 годом.

Варианты „Северных Цветов“:

Ст. 3:

Освещает мрак летучий

Ст. 27:

Озаряет снег летучий;

Ст. 35:

Вот уж он далече скачет,

571. Элегия („Безумных лет угасшее веселье...“). Впервые напечатано в „Библиотеке для Чтения“ 1834, т. VI. Печатается по „Стихотворениям Александра Пушкина“ 1835, ч. IV. Датируется 8 сентября 1830 года. В списке стихотворений, намечавшихся в „Стихотворения“, датировано 1830 годом. В автографе *(ПД)* (перебеленный текст с поправками) дата: „8 сент.“

572. Ответ Анониму („О, кто бы ни был ты, чье ласковое пенье...“). Впервые напечатано в „Северных Цветах на 1831 г.“. Печатается по цензурной рукописи „Стихотворений Александра Пушкина“ 1832, ч. III, где датировано 1830 годом. В автографе дата: „26 сент. Болд⟨ино⟩“.

Написано в ответ на стихотворное послание, анонимно присланное Пушкину московским ученым И. А. Гульяновым, выражавшим надежду, что в семейной жизни поэт найдет источник новых вдохновений.

573. Труд („Миг вожделенный настал: окончен мой труд многолетний...“). Впервые напечатано в „Северных Цветах на 1832 г.“, среди четырех „Анфологических эпиграмм“ Пушкина. Печатается по цензурной рукописи „Стихотворений Александра Пушкина“ 1832, ч. III, где датировано 1830 годом. Написано, вероятно, в последних числах сентября этого года (25 сентября 1830 года окончен был „Евгений Онегин“).

573. Царскосельская статуя („Урну с водой уронив, об утес ее дева разбила...“). Впервые напечатано в „Северных Цветах на 1832 г.“, среди четырех „Анфологических эпиграмм“ Пушкина. Печатается по цензурной рукописи „Стихотворений Александра Пушкина“ 1832, ч. III, где датировано 1830 годом. В беловом автографе *(ПД)* дата: „1 окт.“

Стихотворение написано на статую Перетты из басни Лафонтена „Молочница“, работы Соколова, поставленную в Царскосельском парке. Статуя устроена так, что из разбитого кувшина круглый год бежит струя воды.

573. „В последний раз твой образ милый...“. Впервые напечатано В. А. Владиславлевым в его „Альманахе на 1838 г.“. Печатается по автографу *(ПД)*, где дата: „5 окт. 1830. Болд.“.

К кому обращено это стихотворение — точно не установлено.

574. Паж или пятнадцатый год („Пятнадцать лет мне скоро минет...“). Впервые напечатано В. А. Жуковским в Посмертном изд. соч. Пушкина 1841, т. IX. Печатается по автографу *(ПД)*, где дата: „7 окт. 1830 г.“.

Стт. 1 и 39: *Севильская графиня* и *паж Керубино* — персонажи комедии Бомарше „Женитьба Фигаро“. — Ст. 11: *„Федра“* — трагедия Расина; *„Заира“* — трагедия Вольтера. — Ст. 34: *Стрельна* — великокняжеское имение под Петербургом, стоянка одного из гвардейских полков.

575. „Я здесь, Инезилья...“. Впервые напечатано в издании романса Глинки 1834 года. Печатается по „Материалам для биографии Пушкина“ П. В. Анненкова. В автографе *(ПД)* (перебеленный текст с поправками) дата: „9 окт. 1830. Болд.“.

Возможно, предназначалось для „Каменного Гостя“. Первый стих является переводом начального стиха „Серенады“ Барри Корнуолла.

576. „Румяный критик мой, насмешник толстопузый...“. Первая часть стихотворения впервые напечатана В. А. Жуковским в Посмертном изд. соч. Пушкина 1841, т. IX, вторая — П. В. Анненковым в „Материалах для биографии Пушкина“ 1855. Печатается по автографу *(ПД)*, где дата: „10 окт.“ Год определяется положением текста в автографе (среди произведений 1830 года).

Стихотворение связано с настроениями, отраженными в письмах Пушкина из Болдина к невесте от 30 сентября и 11 октября 1830 года.

„Мне объявили, что устроено 5 карантинов отсюда до Москвы, и в каждом мне придется провести 14 дней; сосчитайте хорошенько и потом представьте себе, в каком я должен быть сквернейшем настроении!“ И в следующем письме: „Мы... окружены карантинами, но эпидемия еще не проникла сюда. Болдино имеет вид острова, окруженного скалами. Ни соседа, ни книги. Погода ужасная. Я провожу мое время в том, что мараю бумагу и злюсь“.

Ст. 25: Об *индийской заразе* см. материалы записки Пушкина „О холере“. — Ст. 14: *Борей* — северный ветер.

577. „Крив был Гнедич поэт, преложитель слепого Гомера...“. Впервые напечатано П. О. Морозовым в изд. „Пушкин и его современники“, вып. XIII, 1910. Печатается по автографу *(ПД)*. Датируется по положению в рукописи 1—10 октября 1830 года.

Эпиграмма самим Пушкиным в рукописи тщательно зачеркнута. О другом отклике Пушкина на перевод Гнедичем „Илиады“ Гомера см. стр. 780.

577. Отрок („Невод рыбак расстилал по брегу студеного моря...“). Впервые напечатано в „Северных Цветах на 1832 г.“, среди четырех „Анфологических эпиграмм“ Пушкина. Печатается по цензурной рукописи „Стихотворений Александра Пушкина“ 1832, ч. III, где датировано 1830 годом. В автографе *(ПД)* дата: „10 окт.“

Четверостишие связано с биографией Ломоносова, который был сыном архангельского рыбака.

Ст. 3: *Мрежи* — сети.

577. Рифма („Эхо, бессонная Нимфа, скиталась по брегу Пенея...“). Впервые напечатано в „Северных Цветах на 1832 г.“, среди четырех „Анфологических эпиграмм“ Пушкина. Печатается по цензурной рукописи „Стихотворений Александра Пушкина“ 1832, ч. III, где датировано 1830 годом. В автографе (перебеленный текст с поправками) *(ПД)* дата: „10 окт.“.

Вольная композиция мифологических мотивов о происхождении рифмы.

Варианты „Северных Цветов“:

Ст. 5:

Милую дочь. Ее приняла сама Мнемозина.

Ст. 7:

Матери чуткой подобна, послушная памяти строгой,

578. Эпиграмма („Не то беда, Авдей Флюгарин...“). Впервые напечатано в альманахе „Денница на 1831 г.“; по этому изданию и печатается. В списке стихотворений, намечавшихся в „Стихотворения Александра Пушкина“ 1832, ч. III, датировано 1830 годом. Написано, вероятно, 16 октября (текст на одном листе с концом („P. S.“) „Моей родословной“, датированным здесь „16 окт. 1830.“)

Направлена против Фаддея Булгарина и связана с эпиграммой на него же (см. стр. 564 и 776).

В 1830 году вышел в свет роман Булгарина „Дмитрий Самозванец“, резкий отзыв о котором в „Литературной Газете“ Булгарин пытался объяснить вне-литературными соображениями.

578. „Стамбул гяуры нынче славят...“. Впервые напечатано в „Современнике“ 1836, т. I. Печатается по автогра-

фу в тетради (№ 2376 *ЛБ*), где дата: „17 окт. 1830.“

Стихотворение это, в несколько иной редакции, введено было впоследствии в „Путешествие в Арзрум“. Содержание стихотворения — протест консервативного Арзрума против реформ, которыми султан Махмуд II пытался обновить быт и нравы Турции. „Нововведения, затеваемые султаном, не проникли еще в Арзрум“, — отметил Пушкин в „Путешествии в Арзрум“.

Гяуры — у мусульман презрительное название всякого иноверца.

В рукописи перед стихами „Алла велик“ зачеркнуто:

В нас ум владеет плотью дикой,
А покорен Корану ум,
И потому пророк великий
Хранит, как око, свой Арзрум.

579. Заклинание („О, если правда, что в ночи...“). Впервые напечатано В. А. Жуковским в Посмертном изд. соч. Пушкина 1841, т. IX. Печатается по автографу *(ПД)* (перебеленный текст с поправками), где дата „17 окт.“ В списке стихотворений, намечавшихся в „Стихотворения“, ч. III, датировано 1828 годом, но бумага автографа с вод. зн. „⟨18⟩29“. По связи содержания и настроения стихотворения со стихотворением „В последний раз твой образ милый“ и „Для берегов отчизны дальной“ комментируемое стихотворение нужно датировать 1830 годом.

Стихи тематически, хотя и очень отдаленно, связаны с „Заклинанием“ Барри Корнуолла.

580. Герой („Да, слава в прихотях вольна...“). Впервые напечатано в „Телескопе“ 1831, № 1; по этому изданию и печатается. По содержанию датируется октябрем 1830 года.

Стихи написаны под впечатлением известия о приезде Николая I 29 сентября 1830 года (именно эта дата обозначена в печатном тексте „Героя“) в Москву, где свирепствовала холера, безуспешность борьбы с которой угрожала новой пугачевщиной.

Эпиграф, взятый из евангелия, является сентенцией Понтия Пилата на допросе Христа.

Ст. 16: *Сей ратник вольностью венчанный* — Наполеон I, основные моменты политической биографии которого и излагаются в диалоге „Друга“ и „Поэта“. В центре — посещение Наполеоном чумного госпиталя во время пребывания в Яффе. Мемуары Буриена, секретаря Наполеона, на которого ссылается Пушкин как на *историка строгого* (ст. 56), оказались поддельными.

582. Стихи, сочиненные ночью во время бессонницы („Мне не спится, нет огня...“). Впервые напечатано В. А. Жуковским в Посмертном изд. соч. Пушкина 1841, т. IX. Печатается по автографу *(ПД)*, где дата: „окт. 1830. Болдино“. Этот автограф (перебеленный текст с поправками) написан на бумаге с вод. зн. „⟨18⟩34“.

Парка — древнеримская богиня рождения и человеческой судьбы.

583. „В начале жизни школу помню я...“. Впервые напечатано В. А. Жуковским в Посмертном изд. соч. Пушкина 1841, т. IX. Печатается по двум автографам *(ПД)*. Датируется октябрем (предположительно) 1830 года (бумага и положение текстов среди других).

Стихотворение подсказано, вероятно, чтением Данте и написано терцинами (излюбленная Данте строфическая форма). Тема стихотворения — характерное для раннего Возрождения противоречие между монашеским воспитанием в духе строгого аскетизма и увлечением античностью.

Ст. 37: *Дельфийский идол* — статуя Аполлона. — Ст. 40: *другой женообразный, сладострастный* и пр. — статуя Афродиты.

В черновике ст. 41 читается:

Нагой природы женской лживый идеал.

585. На перевод Илиады („Слышу умолкнувший звук божественной эллинской речи...“). Впервые напечатано в альманахе „Альциона на 1832 г.“. Печатается по цензурной рукописи „Стихотворений Александра Пушкина“ 1832, ч. III, где датировано

1830 годом. В автографе *(ПБЛ)* дата: „8 Н<оября>".

Обращено к Н. И. Гнедичу, выпустившему в конце 1829 года свой перевод „Илиады" Гомера. Восторженную заметку об этом издании, отчасти объясняющую стихи, Пушкин напечатал в „Литературной Газете". См., впрочем, эпиграмму „Крив был Гнедич поэт" на стр. 577.

585. „Для берегов отчизны дальной...". Впервые напечатано в альманахе „Утренняя Заря на 1841 г." Печатается по автографу *(ПД)* (перебеленный текст с поправками), где дата: „27 ноябр. 1830 Болд.". В списке стихотворений, намечавшихся в „Стихотворения Александра Пушкина", ч. III, датировано умышленно неверно 1828 годом.

Стихотворение посвящено памяти Амалии Ризнич, о которой см. стр. 723.

586. „Пред испанкой благородной... ". Впервые напечатано В. А. Жуковским в Посмертном изд. соч. Пушкина 1841, т. IX. Печатается по автографу *(ПД)*. Датируется сентябрем — ноябрем 1830 года на основании утверждения Анненкова, пользовавшегося бо́льшим количеством рукописей, чем мы теперь, что это „отрывок, созданный в Болдине, как видно по месту, какое он занимает в бумагах, по самой бумаге и чернилам, хотя год его сочинения Пушкиным не означен".

Стихотворение, возможно, предназначалось для второй сцены „Каменного Гостя" (песнь Лауры).

586. (Из Barry Cornwall) („Пью за здравие, Мери..."). Впервые напечатано в альманахе „Денница на 1831 г." с заглавием „Песня". В „Стихотворениях Александра Пушкина" 1832, ч. III заглавие перенесено в оглавление в качестве подзаголовка. Печатается по цензурной рукописи этого издания, где датировано 1830 годом. Датируется сентябрем — ноябрем (предположительно) 1830 года.

Вольное подражание стихотворению Барри Корнуолла, первая строка которого использована Пушкиным как эпиграф.

587. Моя родословная („Смеясь жестоко над собратом..."). Впервые напечатано в „Отечественных Записках" 1846, № 4. Печатается по беловому автографу *(ПД)*. В черновом автографе post-scriptum'а *(ПД)* дата: „16 окт. 1830. Болд.", в автографе *(ПБЛ)* (перебеленный текст с поправками) дата: „3 дек.", тоже, очевидно, 1830 года.

Стихи были запрещены Николаем I и при жизни Пушкина в печати не появлялись. Они были написаны в ответ на направленный против Пушкина фельетон Булгарина в „Северной Пчеле": „Лордство Байрона и аристократические его выходки, при образе мыслей бог весть каком, свели с ума множество поэтов и стихотворцев в разных странах, — и все они заговорили о 600-летнем дворянстве!.. Рассказывают открыто, что какой-то поэт в испанской Америке, также подражатель Байрона, происходя от мулата или, не помню, от мулатки, стал доказывать, что один из предков его был негритянский принц. В ратуше города доискались, что в старину был процесс между шкипером и его помощником из-за этого негра, и что шкипер доказывал, что он купил негра за бутылку рому!" и пр. Пушкин отвечал Булгарину и в прозе и в стихах.

Стт. 9—24: Второй и третьей строфе „Моей родословной" соответствуют следующие слова прозаического наброска, относящегося к 1829—1830 гг.: „Древне-русское дворянство упало в неизвестность и составило род третьего состояния. Наша дворянская чернь, к которой и я принадлежу, считает своими родоначальниками Рюрика и Мономаха. Но настоящая аристократия наша с трудом может назвать и своего деда. Древность рода их восходит до Петра и до Елисаветы. Денщики, певчие, хохлы — вот их родоначальники. Говорю не в упрек: достоинство — всегда достоинство, и государственная польза требует его возвышения. Смешно только видеть в ничтожных внуках пирожника, денщика, певчего и беглого солдата — спесь герцога Монморанси и Клермон-Тоннера, первого христианского барона".

Содержание стт. 25—56 „Моей родословной“ было изложено Пушкиным около 1835 года в „Родословной Пушкиных и Ганнибалов“ следующим образом:

„Мы ведем свой род от прусского выходца Радши или Рачи (мужа честна, говорит летописец, т. е. знатного, благородного), въехавшего в Россию во время княжества св. Александра Ярославича Невского. Имя предков моих встречается поминутно в нашей истории. В малом числе знатных родов, уцелевших от кровавых опал царя Ивана Васильевича Грозного, историограф именует и Пушкиных. Григорий Гаврилович Пушкин принадлежит к числу самых замечательных лиц в эпоху самозванцев. Другой Пушкин во время междуцарствия, начальствуя отдельным войском, один с Измайловым, по словам Карамзина, сделал честно свое дело. Четверо Пушкиных подписались под грамотою о избрании на царство Романовых, а один из них, окольничий Матвей Степанович, под соборным деянием об уничтожении местничества (что мало делает чести его характеру). При Петре I, сын его, стольник Федор Матвеевич, уличен был в заговоре противу государя и казнен вместе с Цыклером и Соковниным. Прадед мой Александр Петрович умер весьма молод, в припадке сумасшествия зарезав свою жену, находившуюся в родах. Единственный сын его, Лев Александрович, служил в артиллерии и в 1762 году, во время возмущения, остался верен Петру III. Он был посажен в крепость и выпущен через два года. С тех пор он уже в службу не вступил и жил в Москве и в своих деревнях“.

Стт. 5—8 имеют в виду разночинцев, получивших дворянство или за выслугу лет на государственной службе („офицер, асессор, академик“), или за особые отличия, отмечаемые тем или иным орденом (дворянство „по кресту“). — Стт. 17—25 имеют резко памфлетный характер, непосредственно задевая влиятельнейших представителей правящей аристократии: *торговал блинами* до своего возвышения князь А. Д. Меншиков; *царские сапоги ваксил* граф И. П. Кутайсов, бывший камердинером Павла I; с *придворными дьячками* пел граф А. Г. Разумовский, взятый Елизаветой в любовники из простых певчих; *беглым солдатом* был дед гр. П. А. Клейнмихеля. — Ст. 32: *нижегородский мещанин* — Кузьма Минин, нижегородский купец, организатор ополчения, освободившего Москву от поляков в 1612 году. — Ст. 38: *страдальца сын* — Михаил Федорович Романов, отец которого, насильно постриженный в монахи, большую часть жизни провел в плену и в ссылке. — Ст. 47: *князь Яков Долгорукой* — сенатор и полководец, известный своей прямотой и независимостью в спорах с Петром I. — Ст. 51: *Как Миних верен оставался* — фельдмаршал Миних безуспешно пытался организовать сопротивление Екатерине II во время дворцового переворота 1762 года. — Ст. 62: *Я Пушкин просто, не Мусин* — противопоставление двух ветвей одного и того же рода, одна из которых захирела, а другая, Мусины-Пушкины, получив графство, вошла в придворную аристократию. — Ст. 65: *Фиглярин* — обычная замена имени Булгарина в эпиграммах 20-х — 30-х гг.; — ст. 84: *Он в Мещанской дворянин* — Мещанская улица являлась в начале XIX века центром домов терпимости в Петербурге. Стих намекает на то что жена Булгарина будто бы жила в одном из этих домов.

Важнейшие черновые варианты:

Ст. 5:

Я не лейб-кучер, не асессор

Ст. 7:

[Я не штаб-лекарь, не профессор],

Стт. 21—22:

Он не был пудренным солдатом
Исправных гатчинских дружин.

Стт. 29—32:

Водились древле мы с царями,
Был в думе с Мининым один,
Из нас иные головами
Легли за Русь — я мещанин.

Стт. 39—40:

Но нас Романовы забыли...
Бывало... но — я мещанин.

Ст. 41:

Мятежный дух нам всем подгадил:

590. „Глухой глухого звал к суду судьи глухого...“. Впервые напечатано П. В. Анненковым в „Материалах для биографии Пушкина“ 1855. Печатается по автографу в тетради (№ 2387 А *ЛБ*). По положению в тетради датируется 1830 годом.

Эпиграмма является переделкой стихов французского поэта XVI века, Поля Пелиссона „Les trois sourds“. В рукописи эпиграмме предшествовали следующие строки: „У одного из наших известных писателей спрашивали, зачем не возражает он никогда на критики. — „Критика не понимает меня, отвечал он, а я не понимаю критиков. Если будем судиться перед публикой, — вероятно, и она нас не поймет, и мы напомним старинную эпиграмму“.

590. Цыганы („Над лесистыми брегами... “). Впервые напечатано в альманахе „Денница на 1831 г.“, с подзаголовком: „С английского“, который перенесен в оглавление в „Стихотворениях Александра Пушкина“ 1832, ч. III. Печатается по цензурной рукописи „Стихотворений Александра Пушкина“, 1832, ч. III, где датировано 1830 годом.

Стихи эти в прижизненных изданиях Пушкина сопровождались отметкой „С английского“, сделанной, возможно, для того, чтобы скрыть их автобиографическую значимость. Возвращение Пушкина к теме „Цыган“ было связано со стихами Вордсворта „Цыганы“ и Боулса „Цыганский шатер“, с которыми он познакомился в 1830 году.

591. „Мы рождены, мой брат названный...“. Впервые напечатано В. Е. Якушкиным в „Русской Старине“, 1884, № 10. Печатается по автографу в тетради (№ 2376 В *ЛБ*). По положению в тетради датируется 1830 годом.

Начало недописанного послания к поэту А. А. Дельвигу, лицейскому товарищу Пушкина.

592. „Когда порой воспоминанье...“. Впервые напечатано П. О. Морозовым в Академическом изд. Пушкина 1916, т. IV; полнее Б. В. Томашевским — в его книге „Пушкин“ 1925. Печатается по автографу *(ПД)*. Датируется по положению в автографе среди других текстов 1830 годом.

Набросок, примыкающий к циклу стихов 1830 года: „Безумных лет угасшее веселье“, „В последний раз твой образ милый“, „Заклинание“, „Мне не спится, нет огня“.

593. „Восстань, о Греция, восстань...“. Впервые напечатано в Собр. соч. Пушкина под ред. П. В. Анненкова 1857, т. VII. Печатается по автографу *(ПД)*. Датируется 1830 годом (вод. зн. бумаги „1830“).

Незаконченное стихотворение, написанное по поводу Адрианопольского мира 2 сентября 1829 года.

Ст. 12: *Рига*, Константин (1754—1798)— греческий поэт, основатель тайного общества, имевшего целью освобождение Греции от турецкого протектората.

593. „Опять увенчаны мы славой.. “. Впервые напечатано И. А. Шляпкиным в книге „Из неизданных бумаг Пушкина“ 1903. Печатается по автографу *(ПД)*. Датируется 1830 годом (вод. зн. бумаги „1830“).

Незаконченное стихотворение, написанное по поводу Адрианопольского мира, по которому Россия получила устье Дуная и весь восточный берег Черного моря от Анапы до Поти.

Ст. 4: *Эдырн* — турецкое название Адрианополя.

593. „Тебя зову на томной лире...“. Впервые напечатано В. Е. Якушкиным в „Русской Старине“ 1884, № 10. Печатается по автографу в тетради (№ 2371 *ЛБ*). По положению в тетради датируется предположительно 1830 годом.

Набросок, связанный с романом Жюля Жанена „La confession“ („Исповедь“). Последняя строка наброска является точным переводом фразы, несколько раз повторяющейся в четвертой главе романа.

594. „Надо мной в лазури ясной...“. Впервые напечатано П. В. Аннен-

ковым в „Материалах для биографии Пушкина“ 1855. Печатается по автографу *(ПД)*. Датируется предположительно 1830 годом.

594. „Стою печален на кладбище...“. Впервые напечатано П. В. Анненковым в „Материалах для биографии Пушкина“ 1855. Печатается по автографу *(ПД)*. Датируется предположительно 1830 годом.

Набросок, дающий, вероятно, описание болдинского кладбища. Ср. „Когда за городом задумчив я брожу“ (1836).

595. Мѐдок (Медок в Уаллах) („Попутный веет ветр. — Идет корабль...“). Впервые напечатано В. Е. Якушкиным в „Русской Старине“ 1884, № 8. Печатается по автографу в тетради (№ 2373 *ЛБ*). По положению в тетради датируется предположительно 1830 годом.

Набросок перевода первой части поэмы английского поэта Соути „Медок“ (1805). В основе поэмы — предание об уэльском принце, открывшем Америку еще в XII веке.

596. „Зачем я ею [очарован]...“. Впервые напечатано Б. В. Томашевским в книге „Неизданный Пушкин“ 1922. Печатается по автографу *(ПД)*. Датируется предположительно 1830 годом.

К кому относится набросок, неизвестно.

596. „Женись“. — На ком? — „На Вере Чацкой...“. Впервые напечатано И. А. Шляпкиным в книге „Из неизданных бумаг Пушкина“ 1903. Печатается по автографу *(ПД)*. Датируется предположительно 1830 годом.

Набросок, автобиографическая значимость которого несомненна. Ср. „Участь моя решена, я женюсь“ (1830).

Фрагменты и черновые наброски

1814

597. „Мы недавно от печали...“. Впервые напечатано в „Записках“ И. И. Пущина в „Атенее“ 1859, № 8. Печатается по копии И. И. Пущина в его „Записках“. Датируется на основании биографических данных 5—30 сентября 1814 года.

Первая строфа стихотворения, написанного по поводу лицейского происшествия, героями которого были Пушкин, Пущин и Малиновский (см. стихотворение „Воспоминания. К Пущину“ на стр. 140). В одной из коллективных лицейских песен это же происшествие лаконически изложено в двух стихах:

Ребята напилися ромом,
За то Фому прогнали с громом.

Четверостишие приводится со слов И. И. Пущина, отметившего в своих „Записках о Пушкине“: „Фома был дядька, который купил нам ром. Мы кое-как вознаградили его за потерю места. Предполагается, что песню поет Малиновский, но его фамилию не вломаешь в стих. „Барон“ для рифмы означает Дельвига“. Стихотворение являлось пародией на „анакреонтическую оду“ Д. В. Давыдова „Мудрость“, первые стихи которой читаются:

Мы недавно от печали,
Лиза, я, да Купидон
По бокалу осушали
И просили мудрость вон.

1816

597. Ноэль на лейб-гусарский полк („В конюшнях Левашева...“). Впервые напечатано М. А. Цявловским в „Известиях ЦИКа СССР и ВЦИКа РСФСР“ от 29 ноября 1929, № 279. Печатается по копиям П. И. Бартенева (принадлежит М. А. Цявловскому) и К. А. Бутенева (в Государственном Литературном музее). Датируется на основании содержания и биографических данных двадцатыми числами декабря 1816 года.

Отрывки произведения, не дошедшего до нас полностью. Стихи посвящены были офицерам гвардейского Гусарского полка,

стоявшего в Царском Селе и его окрестностях после возвращения из заграничного похода. Офицеры этого полка находились в теснейшем общении с лицеистами, а многие из них были приятелями Пушкина. О „ноэле“ см. стр. 688.

Ст. 1: *Левашев* В. В. — командир гвардейского Гусарского полка. — Ст. 5: *Иосифом*, отцом Христа, назван офицер полка Иосиф Ив. Юшков.— Ст. 17: *адъютант* — В. Д. Олсуфьев, адъютант командира полка. — Ст. 18: *полковник филантроп* — Д. И. Крекшин, обучавший лицеистов верховой езде. — Ст. 19: *Пукалова В. П.* — любовница гр. А. А. Аракчеева.

1817

598. „Есть в России город Луга...“. Впервые напечатано П. И. Бартеневым в „Московских Ведомостях“ 1855, № 142; по этому изданию и печатается. Датируется на основании биографических данных летом 1817 года.

Отрывок стихотворения, принадлежность которого Пушкину определяется воспоминаниями сестры Пушкина О. С. Павлищевой.

598. „Венец желаниям! Итак, я вижу вас...“. Впервые напечатано П. И. Бартеневым в „Московских Ведомостях“ 1855, № 142; по этому изданию и печатается. Датируется на основании биографических данных сентябрем 1817 года.

Отрывки стихов, не дошедших до нас полностью. По некоторым свидетельствам, стихи эти являлись речью Пушкина при его вступлении в „Арзамас“.

Наш Тиртей — В. А. Жуковский, один из основателей и деятельнейших членов „Арзамаса“, шутливо названный именем греческого поэта, поднимавшего своими песнями мужество спартанцев во время войны. В той же строке — шутливый намек на стихотворения В. А. Жуковского „Овсяный кисель“ и „Императору Александру“ (1814). — *И. С. Захаров* — переводчик и стихотворец, скончавшийся в 1816 году, вскоре после шуточной надгробной речи, посвященной ему на заседании „Арзамаса“ Д. Н. Блудовым (арзамасское прозвище „Кассандра“).

-1818

599. „Она мила, твоя подруга...“. Впервые напечатано В. Е. Якушкиным в „Русской Старине“ 1884, № 3. Печатается по автографу в лицейской тетради Пушкина (№ 2364 *ЛБ*). По положению в рукописи датируется предположительно 1818 годом.

Набросок послания, адресат которого неизвестен.

599. „[Сиятельный Аристофан]...“. Впервые напечатано П. О. Морозовым в Собр. соч. Пушкина в изд. „Просвещение“ 1903, т. I. Печатается по автографу в лицейской тетради Пушкина (№ 2364 *ЛБ*). По положению в тетради датируется предположительно 1818 годом.

Набросок начала послания к князю А. А. Шаховскому, прозвище которого в литературно-театральных кругах было „Аристофан“.

599. „О ты, надежда нашей сцены...“. Впервые напечатано В. Е. Якушкиным в „Русской Старине“ 1834, № 3. Печатается по автографу в лицейской тетради Пушкина (№ 2364 *ЛБ*). По положению в тетради датируется предположительно 1818 годом.

Начало мадригала А. М. Колосовой (см. стр. 691).

1819

600. Послание к А. И. Тургеневу („В себе все блага заключая...“). Впервые напечатано В. И. Саитовым в „Остафьевском Архиве“ 1899, т. I. Печатается по копии *(ЦА)* в письме А. И. Тургенева к кн. П. А. Вяземскому от 2 апреля 1819 года. Датируется мартом (предположительно) 1819 года.

Набросок, связанный с назначением А. И. Тургенева (см. стр. 684) камергером.

600. На А. С. Стурдзу („Вкруг я Стурдзы хожу...“). Впервые напечатано П. И. Бартеневым в „Русском Архиве“ 1874, № 1. Печатается по этому изданию

и „Остафьевскому Архиву“ 1899, т. I. Датируется июлем — сентябрем (предположительно) 1819 года (письмо кн. П. А. Вяземского к Тургеневу от 3 октября этого года).

Начало стихотворения, полностью до нас не дошедшего. Куплеты пародируют народную песню „Я вкруг печки хожу, вкруг муравленныя“. Об А. С. Стурдзе см. стр. 692. Эпитет „библический“ подчеркивает деятельное участие А. С. Стурдзы в Библейском обществе и его богословские трактаты.

600. „Милый мой, сегодня...“. Впервые напечатано В. Е. Якушкиным в Академическом изд. Пушкина 1905, т. II. Печатается по автографу в лицейской тетради Пушкина (№ 2364 *ЛБ*). По положению в рукописи датируется январем — ноябрем 1819 года.

Черновой набросок послания, адресат которого неизвестен.

600. „...шляпа с розами...“. Впервые напечатано В. Е. Якушкиным в „Русской старине“ 1884, № 3. Печатается по автографу в лицейской тетради Пушкина (№ 2364 *ЛБ*). По положению в рукописи датируется январем — ноябрем 1819 года.

Набросок, посвященный одной из петербургских „прелестниц“, может быть, Оленьке Масон.

601. „Свободы друг уединенный...“. Впервые напечатано В. Е. Якушкиным в Академическом изд. Пушкина 1905, т. II. Печатается по автографу в лицейской тетради Пушкина (№ 2364 *ЛБ*). По положению в тетради датируется 1818—1819 годами.

К кому обращен набросок стихотворения, неизвестно.

601. „[Красноречивый забияка...]“. Впервые напечатано В. Е. Якушкиным в „Русской Старине“ 1884, № 3. Печатается по автографу в лицейской тетради Пушкина (№ 2364 *ЛБ*). По положению в рукописи датируется предположительно 1819 годом.

Набросок начала послания, может быть, к Д. В. Давыдову.

601. „Ты мне велишь открыться пред тобою...“. Впервые напечатано В. Е. Якушкиным в „Русской Старине“ 1884, № 3. Печатается по автографу в лицейской тетради Пушкина (№ 2364 *ЛБ*). По положению в тетради датируется предположительно 1819 годом.

Набросок, сохранившийся среди черновиков пятой песни „Руслана и Людмилы“.

601. „Оставь, о Лесбия, лампаду...“. Впервые напечатано В. Е. Якушкиным в „Русской Старине“ 1884, № 3. Печатается по автографу в лицейской тетради Пушкина (№ 2364 *ЛБ*). По положению в тетради (среди черновиков конца пятой песни „Руслана и Людмилы“) датируется предположительно 1819 годом.

1820

602. „Я видел Азии бесплодные пределы...“. Впервые напечатано П. О. Морозовым в Собр. соч. Пушкина, изд. „Просвещение“ 1903, т. III. Печатается по автографу в записной книжке *(ПБЛ)*. По содержанию и положению в записной книжке датируется второй половиной 1820 года.

Набросок относится ко времени пребывания Пушкина на кавказских минеральных водах в 1820 году. К теме „благословенных струй“ Пушкин возвратился позднее в „Отрывках из путешествия Онегина“.

602. „[Жуковский,
Как ты шалишь и как ты мил...]“. Впервые напечатано В. Е. Якушкиным в Академическом изд. Пушкина 1905, т. II. Печатается по автографу в записной книжке *(ПБЛ)*. По положению в записной книжке датируется 1820 годом.

Набросок недописанного послания к В. А. Жуковскому.

1821

602. „Эллеферия, пред тобой...“. Впервые напечатано В. Е. Якушкиным в „Русской Старине“ 1884, № 4; полнее в Собр. соч. Пушкина в изд. „Просвещение“ 1903, т. I. Печатается по автографу в тетради (№ 2365 *ЛБ*). По положению в тетради датируется апрелем — маем (предположительно) 1821 года.

Черновой вариант второй строфы:

Пускай иных пленяет ум,
Придворный блеск драгие,
И ласки муз, и света шум —
Милее мне Эллеферия.

603. „...во дни Дадона...". Впервые напечатано В. Е. Якушкиным в „Русской Старине" 1884, № 4. Печатается по автографу в тетради (№ 2365 *ЛБ*). По положению в тетради датируется 5 июня — 18 июля (предположительно) 1821 года.

Набросок, тематически связанный с черновыми стихами „Вечерня отошла давно..." (см. стр. 322 и 713).

603. „Вы, дни [протекшие]...". Впервые напечатано В. Е. Якушкиным в „Русской Старине" 1884, № 4. Печатается по автографу в тетради (№ 2365 *ЛБ*). По положению в тетради датируется 5 июня — 18 июля (предположительно) 1821 года.

Исчерканный набросок, отдаленно связанный с некоторыми стихами послания „Чаадаеву" и „К Овидию".

603. „Одна черта руки моей...". Впервые напечатано В. Е. Якушкиным в „Русской Старине" 1884, № 4. Печатается по автографу в тетради (№ 2365 *ЛБ*). По положению в тетради датируется 19—26 июля 1821 года.

Начало недописанного послания.

603. „...до меня доходят...". Впервые напечатано В. Е. Якушкиным в „Русской Старине" 1884, № 4. Печатается по автографу в тетради (№ 2365 *ЛБ*). По положению в тетради датируется августом 1821 года.

Черновой набросок недописанного послания к одному из петербургских друзей Пушкина, может быть, к товарищам по „Зеленой Лампе".

604. „Генерал не попал...". Впервые напечатано Н. В. Измайловым и Б. В. Томашевским в Собр. соч. Пушкина, приложение к журналу „Красная Нива" 1930, т. I. Печатается по автографу *(ПД)*. Датируется по положению (на одном листе с посланием к Вяземскому „Язвительный поэт...") 1821 годом.

Набросок шуточных стихов, связанных с кишиневскими знакомыми Пушкина.

604. „Вдали тех пропастей глубоких...". Впервые напечатано П. В. Анненковым (с первым стихом „Где слез во мраке льются реки") в „Вестнике Европы" 1874, № 1. Печатается по автографу в тетради (№ 2365 *ЛБ*). По положению в тетради датируется 1821 годом.

Набросок, относящийся, вероятно, к недописанной сатирической поэме, действие которой, по свидетельству П. В. Анненкова, „должно было происходить при дворе сатаны, а действователями назначались люди, события, понятия" начала 20-х годов.

1822

605. „Недаром ты ко мне воззвал...". Впервые напечатано П. О. Морозовым в Академическом изд. Пушкина 1921, т. III. Печатается по автографу в записной книжке *(ПБЛ)*. Датируется февралем — мартом (предположительно) 1822 года (арест В. Ф. Раевского 6 февраля этого года).

Начало недописанного ответного послания Пушкина к маиору Владимиру Федосеевичу Раевскому (1795 — 1872), одному из вождей кишиневской группы Союза Благоденствия, арестованному по обвинению в революционной пропаганде среди солдат и юнкеров руководимой им дивизионной школы. В крепости написано было им послание „К друзьям в Кишиневе", несколько строк которого обращены были непосредственно к Пушкину:

Оставь другим певцам любовь.
Любовь ли петь, где льется кровь,
Где власть с насмешкой и улыбкой
Терзает нас кровавой пыткой,
Где слово, мысль, невольный взор
Влекут, как явный заговор,
Как преступление, на плаху,
И где народ, подвластный страху,
Не смеет шопотом роптать!
Пора, мой друг, пора воззвать
Из мрака век полночной славы,
Царя-народа дух и нравы

И те священны времена,
Когда гремело наше вече,
И гнуло звуком издалече
Царей кичливых рамена.

605. „Зачем раздался гром войны...". Впервые напечатано В. Е. Якушкиным в „Русской Старине" 1884, № 5. Печатается по автографам в тетрадях (№ 2365 и № 2366 *ЛБ*). По положению в рукописи датируется июнем—июлем 1822 года.

Незаконченные наброски сказки о Бове. Черновики показывают, что Пушкин колебался в выборе национальности Зензевея — называя его то грузинским, то армянским владыкой; колебался он и в выборе стихотворного размера сказки.

605. „Дай, Никита, мне одеться...". Впервые напечатано П. И. Бартеневым в „Русской Речи" 1861, № 90; по этому изданию и печатается. Датируется 1820—1822 годами.

Стихи из не дошедшего до нас шуточного стихотворения.

Никита Козлов—дядька, а впоследствии камердинер Пушкина; *митрополия* — резиденция митрополита.

606. „Чугун Кагульский, ты священ...". Впервые напечатано В. Е. Якушкиным в „Русской Старине" 1884, № 5. Печатается по автографу в тетради (№ 2366 *ЛБ*). По положению в тетради датируется 1821—1822 годами.

Набросок обращения к ядру, найденному на поле сражения.

Кагул — река в Бессарабии, на которой русские войска под командою графа Румянцева в 1770 году разбили турецкую армию.

606. „Нет ветра—синяя волна...". Впервые напечатано П. О. Морозовым в Академическом изд. Пушкина 1912, т. III. Печатается по автографу *(ПД)*. По положению в рукописи датируется 1821—1822 годами.

Набросок перевода начала „Гяура" Байрона.

605. [„Поля и горы ночь объемлет..."] Впервые напечатано Н. В. Измайловым и Б. В. Томашевским в Полном собр. соч. Пушкина, приложение к журналу „Красная Нива" 1930, кн. I. Печатается по автографу *(ПД)*. Датируется 1821—1822 годами.

Набросок начала поэмы об Александре Ипсиланти (1792 — 1828), вожде греческого восстания 1821 года.

1823

607. „Мой пленник вовсе не любезен...". Впервые напечатано П. О. Морозовым в Академическом изд. Пушкина 1912, т. III. Печатается по автографу *(ПД)*. Датируется февралем (предположительно) 1823 года (упоминание о балете Дидло, поставленном впервые 15 января этого года).

Набросок ответа на чьи-то суждения об автобиографичности „Кавказского пленника".

Дидло — петербургский балетмейстер, руководитель постановки в январе 1823 года балета „Кавказский пленник" на сюжет поэмы Пушкина.

607. „Жуковский — святой парнасский чудотворец...". Впервые напечатано П. И. Бартеневым в „Русском Архиве" 1881, кн. I. Печатается по автографу в тетради (№ 2369 *ЛБ*). По положению в тетради датируется декабрем 1823 года.

Набросок, сохранившийся в рукописи между черновыми письмами к П. А. Вяземскому от 11 ноября и к А. И. Тургеневу от 1 декабря 1823 года.

607. „Скажи — не я ль тебя заметил...". Впервые напечатано В. Е. Якушкиным в „Русской Старине" 1884, № 6. Печатается по автографу в тетради (№ 2369 *ЛБ*). По положению в тетради датируется 1823 годом.

Набросок, сохранившийся среди первых строф первой главы „Евгения Онегина".

607. „Улыбка уст, улыбка взоров...". Впервые напечатано П. Е. Щеголевым в издании „Пушкин и его современники", вып. XIV, 1911. Печатается по автографу в тетради (№ 2369 *ЛБ*). По положе-

нию в тетради датируется 1821 — 1823 годами.

С каким замыслом связан этот стих — неизвестно.

1824

608. Ф. Ф. Вигелю („Скучной ролью Телемака...“). Впервые напечатано Н. В. Сушковым в книге „Московский университетский пансион“, М. 1858 (в статье Вигеля „Москва и Петербург“). По этому изданию и печатается. Датируется, на основании биографических данных, февралем — началом марта 1824 года.

Набросок, дошедший до нас в передаче Ф. Ф. Вигеля (см. стр. 723) и, очевидно, искаженный.

608. „Мадам Ризнич с римским носом...“. Впервые напечатано И. П. Липранди в „Русском Архиве“ 1866, № 10; по этому изданию и печатается. Датируется первой половиной 1824 года.

Строка не сохранившихся сатирических стихов Пушкина „на некоторых дам, бывших на бале у графа Воронцова“. Стихи эти, дошедшие до нас в передаче И. П. Липранди, „своим содержанием раздражили всех“.

608. „Слаб и робок человек...“. Впервые напечатано В. Е. Якушкиным в „Русской Старине“ 1884, № 7. Печатается по автографу в тетради (№ 2370 *ЛБ*). По положению в тетради датируется сентябрем — октябрем 1824 года.

Набросок, связанный с „Подражаниями Корану“.

608. „Я не дремал
сон изнеможенья...“.

Впервые напечатано П. О. Морозовым в Академическом изд. Пушкина 1912, т. IV. Печатается по автографу в тетради (№ 2370 *ЛБ*). По положению в тетради датируется октябрем 1824 года.

Набросок, связанный, вероятно, с „Подражаниями Корану“.

609. „Они твердили: пусть виденья...“. Впервые напечатано В. Е. Якушкиным в „Русской Старине“ 1884, № 7. Печатается по автографу в тетради (№ 2370 *ЛБ*). По положению в тетради датируется ноябрем 1824 года.

Набросок, связанный с „Подражаниями Корану“.

609. „Иван-царевич по лесам...“ Впервые напечатано П. О. Морозовым в Академическом изд. Пушкина 1912, т. III. Печатается по автографу в тетради (№ 2370 *ЛБ*). По положению в тетради датируется ноябрем 1824 года.

Набросок начала недописанной сказки.

1825

609. „Quand au doux sein de l'oubli...“. Впервые напечатано П. О. Морозовым в Академическом изд. Пушкина 1916, т. IV. Печатается по автографу в тетради (№ 2370 *ЛБ*). По положению в тетради датируется 1825 годом.

Черновой набросок, являющийся первоисточником или переделкой стихов „Как роза увядает“.

610. „Он вежлив был в иных прихожих...“. Впервые напечатано П. О. Морозовым в Академическом изд. Пушкина 1912, т. III. Печатается по автографу в тетради (№ 2370 *ЛБ*). По положению в тетради датируется 1825 годом.

Набросок начала эпиграммы, направленной, вероятно, на графа М. С. Воронцова (см. стр. 727).

610. „Заступники кнута и плети...“. Впервые напечатано П. Е. Щеголевым в „Русском Слове“ 1911, № 181. Печатается по автографу в тетради (№ 2370 *ЛБ*). По положению в тетради датируется 1825 годом.

Набросок сатирических стихов, конкретная направленность которых не расшифрована.

610. „Скажи мне, ночь, зачем твой тихий мрак...“. Впервые напечатано В. Е. Якушкиным в „Русской Старине“ 1884, № 7. Печатается по автографу в тетради (№ 2370 *ЛБ*). По положению в тетради датируется 1825 годом.

Набросок, предшествующий в рукописи стихотворению „Как роза увядает...“ (см. стр. 448).

610. Кюхельбекеру („Да сохранит тебя твой добрый гений...“). Впервые напечатано В. Е. Якушкиным в „Русской Старине“ 1884, № 7. Печатается по автографу в тетради (№ 2370 *ЛБ*). По положению в тетради датируется 1825 годом.

Начало недописанного послания к В. К. Кюхельбекеру.

611. „Но ты забудь меня, мой друг...“. Впервые напечатано П. О. Морозовым в Академическом изд. Пушкина 1916, т. IV. Печатается по автографу *(ПД)*. По положению в тетради датируется предположительно 1825 годом.

Набросок, сохранившийся на обороте листка, занятого стихотворением „Еще дуют холодные ветры“ (1828).

611. „Когда б ты родилась...“. Впервые напечатано В. Е. Якушкиным в „Русской Старине“ 1884, № 6. Печатается по автографу в тетради (№ 2368 *ЛБ*). По положению в тетради датируется предположительно 1825 годом.

611. „[Так] на ⟨*нрзбр*⟩ страницы...“. Впервые напечатано В. Е. Якушкиным в Академическом изд. Пушкина 1905, т. II. Печатается по автографу в тетради (№ 2370 *ЛБ*). По положению в тетради датируется предположительно 1825 годом.

611. „Играй, прелестное дитя...“. Впервые напечатано П. О. Морозовым в Академическом изд. Пушкина 1912, т. III. Печатается по автографу в тетради (№ 2370 *ЛБ*). По положению в тетради датируется предположительно 1825 годом.

Набросок, сохранившийся среди черновиков четвертой главы „Евгения Онегина“.

Этот и предыдущие три наброска, может быть, являются вариантами других стихотворений.

1826

612. „О ты, который сочетал...“. Впервые напечатано В. Е. Якушкиным в „Русской старине“ 1884, № 6. Печатается по автографу в тетради (№ 2367 *ЛБ*). По положению в тетради датируется предположительно 1826 годом.

Набросок начала послания к поэту Е. А. Баратынскому. См. критические заметки Пушкина о Баратынском, т. V.

1828

612. „Символы верности любя...“. Впервые напечатано Т. Г. Зенгер в Полном собр. соч. Пушкина, приложение к журналу „Красная Нива“, т. II. Печатается по автографу *(ПД)*. Датируется предположительно 1828 годом.

Наброски, отнесение которых к 1828 году предположительно.

612. „То было вскоре после боя...“. Впервые напечатано И. А. Шляпкиным в его книге „Из неизданных бумаг Пушкина“ 1903. Печатается по автографу *(ПД)*. Датируется предположительно 1828 годом.

612. „[Проснулся я, а небосклон]...“. Впервые напечатано С. М. Бонди в Полном собр. соч. Пушкина, приложение к журналу „Красная Нива“ 1930, т. II. Печатается по автографу в тетради (№ 2371 *ЛБ*). По положению в тетради датируется предположительно 1828 годом.

613. „На разность утренних одежд...“. Впервые напечатано Н. В. Измайловым и Б. В. Томашевским в Полном собр. соч. Пушкина, приложение к журналу „Красная Нива“ 1930, т. II. Печатается по автографу *(ПД)*. Датируется предположительно 1828 годом.

613. „[Пока в нас сердце замирает]...“ Впервые напечатано Н. В. Измайловым и Б. В. Томашевским в Полном собр. соч. Пушкина, приложение к журналу „Красная Нива“ 1930, т. II. Печатается по автографу *(ПД)*. Датируется предположительно 1828 годом.

613. „В рюмке светлой предо мною...“. Впервые напечатано В. Е. Якушкиным в „Русской Старине“ 1884, № 7. Печатается по автографу в тетради (№ 2371 *ЛБ*). По положению в тетради датируется предположительно 1828 годом.

1829

613. „Трудясь над образом прелестной Ушаковой...". Впервые напечатано М. А. Цявловским в Полном собр. соч. Пушкина, приложение к журналу „Красная Нива" 1930, т. II. Печатается по автографу Ушаковского альбома *(ЛБ)*. Датировано Пушкиным 1 апреля 1829 года.

Первый стих не дошедшего до нас стихотворения, посвященного Ек. Н. Ушаковой (см. стр. 753). Стих этот записан Пушкиным при его зарисовке Ушаковой.

613. „О, сколько нам открытий чудных...". Впервые напечатано В. Е. Якушкиным в „Русской Старине" 1884, № 11. Печатается по автографу в тетради (№ 2382 *ЛБ*). По положению в тетради датируется ноябрем 1829 года.

Набросок, сохранившийся на листке, занятом заметкой „Несколько московских литераторов".

613. „Сей белокаменный фонтан...". Впервые напечатано И. А. Шляпкиным в книге „Из неизданных бумаг Пушкина" 1903. Печатается по автографу *(ПД)*. Датируется июлем — декабрем 1829 года. Набросок, связанный, вероятно, с впечатлениями путешествия в Арзрум.

1830

614. „В пустыне...". Впервые напечатано И. А. Шляпкиным в книге „Из неизданных бумаг Пушкина" 1903. Печатается по автографу *(ПД)*. Датируется январем — 16 апреля 1830 года — дата письма Пушкина к Бенкендорфу; стихи на черновике этого письма.

Набросок недописанного стихотворения.

614. „Тому мгновенье...". Впервые напечатано М. Л. Гофманом в книге „Неизданный Пушкин" 1922. Печатается по автографу *(ПД)*. Датируется 1830 годом (на этом же листке набросок предисловия к „Повестям Белкина").

614. „Строгий свет...". Впервые напечатано П. О. Морозовым в Собр. соч. Пушкина в изд. Литфонда 1887, т. III. Печатается по автографу *(ПД)*. Датируется предположительно 1830 годом (бумага с вод. зн. „1830").

Набросок, дата которого определяется предположительно.

Коллективное

1816

615. „Там — громкой славою...". Впервые напечатано В. А. Жуковским в Собр. соч. Пушкина 1841, т. IX. Печатается по автографу *(ПД)*. Написано, вероятно, по просьбе директора лицея Энгельгардта в середине октября 1816 года, к празднованию годовщины основания лицея. На этом праздновании стихи исполнялись хором лицеистов. Пушкин взял строфу из стихотворения Жуковского „Молитва русских" и присочинил к ней две строфы.

616. Куплеты. На слова: „Никак нельзя — ну, так и быть". Впервые напечатано М. А. Цявловским в Полном собр. соч. Пушкина, приложение к журналу „Красная Нива" 1930, т. I. Печатается по копии кн. А. М. Горчакова в письме его к А. Н. Пещурову от 10 июля 1816 года *(ЦА)*. Датируется на основании этого письма июнем — началом июля этого года. По словам Горчакова, у лицеистов „составилось из наших двух поэтов и нескольких рифмачей род маленького общества, которое собирается раз в неделю, обыкновенно в субботу, и, садясь в кружок, при чашке кофе, каждый читает маленькие стишки на предмет или, лучше, на слово, заданное в прежнем заседании".

617. Куплеты. На слова: „С позволения сказать". Впервые первый, пятый и шестой куплеты напечатаны В. П. Гаевским в

„Современнике“ 1863, № 8; второй, третий и четвертый куплеты — М. А. Цявловским в Полном Собр. соч. Пушкина, приложение к журналу „Красная Нива“ 1930, т. I. Печатаются первые четыре куплета по копии кн. А. М. Горчакова в письме его к А. Н. Пещурову от 10 июля 1816 года *(ЦА)*; пятый и шестой — по „Современнику“. Датируются на основании письма Горчакова июнем — началом июля этого года (см. пред. прим.)

1817

618. „Гауншильд и Энгельгардт...“. Впервые напечатано В. П. Гаевским в „Современнике“ 1863, № 8. Печатается по автографу в рукописном сборнике „Дух лицейских трубадуров“ *(ПД)*. Стихотворение, принадлежащее к так называвшимся в лицее „национальным песням“, сочинявшимся коллективно. Написано в конце мая — первых числах июня 1817 года.

Ст. 1: Ф.-Л. фон-*Гауеншильд* — профессор немецкого языка и словесности в лицее, сухой и заносчивый педант, исправлявший обязанности директора лицея в 1814—1816 гг.; Е. А. *Энгельгардт* — директор лицея с 1816 года.— Ст. 2: Я. И. *Карцов* — профессор математики и физики; Н. Ф. *Кошанский* — профессор латинской и российской словесности в лицее.—Ст. 3: И. Ф. *Эбергардт* лицейский танцмейстер, однофамилец лицейского гувернера, прозванного в отличие от него „кавказским“.

Рефрен „*Господа...*“ (стт. 7—8 и 15—16) — поговорка одного из лицейских дядек.

618. „Писать я не умею...“. См. примечание к следующему стихотворению.

618. Кн. П. А. Вяземскому („Зачем, забывши славу...“). Этот и предыдущий экспромпты впервые напечатаны И. А. Бычковым в описании „Бумаги В. А. Жуковского, поступившие в Императорскую публичную библиотеку в 1884 г.“ Спб. 1887. Печатается по автографу *(ПБЛ)*, на котором дата: „4 сент. 1817. С. Село“.

Коллективное послание к кн. П. А. Вяземскому, уезжавшему на службу в Варшаву. Стт. 1 — 2 написаны А. А. Плещеевым ст. 6 — К. Н. Батюшковым; стт. 7 — 10 — В. А. Жуковским.

1819

619. Баллада („Что ты, девица, грустна...“). Впервые напечатано В. Е. Якушкиным в Академическом изд. Пушкина 1905, т. II. Печатается по автографу *(ПБЛ)*, где рукой А. Н. Оленина приписано: „Сочинено на случай рождения Елизаветы Марковны Олениной во 2 день мая 1819 Жуковским и Пушкиным для шарады, изображенной И. А Крыловым — Баллада“.

Стт. 1—2 принадлежат В. А. Жуковскому.

1825

620. Элегия на смерть Анны Львовны („Ох, тетенька! ох, Анна Львовна...“). Впервые напечатано В. П. Гаевским в „Современнике“ 1854, сентябрь. Печатается по автографу — письму Пушкина к кн. П. А. Вяземскому от конца апреля 1825 года *(ЦА)*. Датируется временем пребывания Дельвига в Михайловском 18 (?) — 26 (?) апреля этого года.

Пародийное стихотворение, написанное Пушкиным совместно с Дельвигом.

Ст. 7: *Матвей Михайлович* — М. М. Сонцев, богатый помещик, муж Елизаветы Львовны, младшей сестры А. Л. Пушкиной.— Ст. 16: *Красовский*, А. И. — член Петербургского цензурного комитета с 1821 по 1828 год.

1826

621. Нравоучительные четверостишия („О, мирный селянин! В твоем жилище нет...“). Впервые напечатано в „Невском Альманахе“ на 1827 и на 1828 гг. Печатается по „Невскому Альманаху“ на 1827 и на 1828 гг. Датируется второй половиной июня — 22 (?) июля 1826 года, временем пребывания Н. М. Языкова в Тригорском.

Пародии на „Апологи“ И. И. Дмитриева. Написано совместно с Н. М. Языковым.

1827

623. Эпиграмма на кн. П. И. Шаликова („Князь Шаликов, газетчик наш

печальный...“). Впервые напечатано Н. В. Гербелем в „Стихотворениях А. С. Пушкина“, Берлин 1861. Печатается по „Речи“ 1911, № 9. Датируется на основании биографических данных 15 мая 1827 года в Москве.

Эпиграмма написана Пушкиным совместно с Баратынским.

Князь Шаликов, Петр Иванович (1768—1852) — бездарный представитель сентиментализма в поэзии, редактор официальных „Московских Ведомостей“ („газетчик“) и „Дамского Журнала“.

1828

623. „Любезнейший наш друг, о ты, Василий Львович...“. Впервые напечатано И. А. Шляпкиным в книге „Из неизданных бумаг Пушкина“ 1903. Печатается по автографу *(ПД)*. На основании биографических данных датируется серединой марта — серединой июля 1828 года.

Послание к В. Л. Пушкину, в котором А. С. Пушкину принадлежит только третий стих. Первый стих написан Вяземским, второй, четвертый и седьмой — Жуковским; авторство их установлено по почеркам; кто написал стихи пятый и шестой, не установлено.

Буянов — герой поэмы „Опасный сосед“. *„Капитан Храбров“* — повесть в стихах В. Л. Пушкина, написанная в 1828—1829 году. *Прокопович*, Феофан (1681—1736) — архиепископ Новгородский, известный проповедник; *Толмач и граций и скотов* — переводчик античных авторов и баснописец, переводивший язык животных на язык людей.

Dubia

1809—1811

624. „Dis moi, pourquoi «L'Escamoteur...»“. Эта эпиграмма и следующий отрывок впервые напечатаны П. В. Анненковым в „Материалах для биографии Пушкина“ 1855. Печатаются по рукописи воспоминаний О. С. Павлищевой. Сочинено Пушкиным в Москве в 1809— первой половине 1811 года.

Эпиграмма Пушкина на собственную комедию, сочиненную в подражание Мольеру и разыгранную самим автором. Комедия была освистана зрителями, т. е. старшей сестрой Пушкина Ольгой Сергеевной.

624. „Je chante ce combat, que Toly remporta...“. См. предыдущее примечание.

Начало эпической поэмы, написанной под впечатлением поэмы Вольтера „Генриада“. В поэме описывалась война между карликами и карлицами, и по имени главного героя — карлика Toly — поэма называлась „La Toliade“ („Толиада“).

1812—1813

625. Двум Александрам Павловичам („Романов и Зернов лихой...“). Впервые напечатано Н. В. Измайловым в Пушкинском сборнике памяти проф. С. А. Венгерова“, М.—Пгр. 1922. Печатается по копии в рукописном „Собрании лицейских стихотворений“ *(ПД)*. Датируется 1812—1813 годами.

Эпиграмма сохранилась без имени автора в одном из рукописных сборников лицейской поры.

Один из Александров Павловичей—император Александр I, другой — А. П. Зернов— помощник гувернера в лицее, уволенный оттуда в 1813 году.— *Австерлиц* (Аустерлиц)— город в Моравии, где в 1805 году союзные русско-австрийские войска были разгромлены Наполеоном.

1814

625. Гараль и Гальвина („Взошла луна над дремлющим заливом...“). Впервые напечатано Н. В. Гербелем в „Русском Архиве“ 1876, № 10; по этому изданию и печатается. Датируется 1814 годом.

Стихотворение, связанное с именем Пушкина в позднейших списках, тематически близко подражаниям Пушкина Оссиану („Кольна“, „Эвлега“, „Осгар“). Самая форма

строфы, размер и куплетное повторение половины последнего стиха заимствованы, вероятно, из стихотворения французского поэта Мильвуа „Гаральд длинноволосый“.

628. Исповедь бедного стихотворца („Кто ты, мой сын?...“). Впервые напечатано Герценом в „Полярной Звезде на 1859 г.“. Печатается по копии С. А. Соболевского в его архиве *(ЦА)*. Датируется предположительно 1814 годом.

Стихотворение связано с именем Пушкина в позднейших списках.

Стт. 33—34: *Глазунов и Графов* (граф Д. И. Хвостов)— см. стр. 654.— Ст. 53: *Коцебу* — см. стр. 692.

1815

632. Вишня („Румяной зарею...“). Впервые (не полностью) напечатано в Собр. соч. Пушкина под ред. П. В. Анненкова 1857, т. VII, пополнено П. А. Ефремовым в „Библиографических Записках“ 1861, № 19 и Н. В. Гербелем в „Стихотворениях А. С. Пушкина“, Берлин 1861. По этим изданиям и печатается. Датируется предположительно 1815 годом.

Стихотворение, неизвестное в рукописях лицейской поры, связано с именем Пушкина лишь в позднейших рукописных сборниках стихотворений, „презревших печать“.

1816

635. Завещание Кюхельбекера („Друзья, простите. Завещаю...“). Впервые напечатано В. П. Гаевским в „Современнике“ 1863, № 7. Печатается по копии Илличевского *(ПД)*. Датируется предположительно 1816 годом.

1818

635. „Она тогда ко мне придет...“. Впервые напечатано Н. В. Гербелем в „Стихотворениях А. С. Пушкина“, Берлин 1861; по этому изданию и печатается. Датируется предположительно 1818 годом.

Четверостишие, принадлежность которого Пушкину основана лишь на позднейшем предании.

635. Про себя („Великим быть желаю...“). Впервые напечатано в „Библиографических Записках“ 1858, № 12; по этому изданию и печатается.

Четверостишие, без веских оснований связанное с именем Пушкина в „Библиографических Записках“ 1858 года, датируется предположительно 1818 годом.

636. Наденьке („С тобой приятно уделить...“). Впервые напечатано П. А. Ефремовым в Собр. соч. Пушкина 1880, т. I. По этому изданию и печатается. Датируется предположительно 1818 годом.

Четверостишие, посвященное Надежде Форст, петербургской „прелестнице“ конца 10-х гг., упоминаемой в послании Пушкина „К Щербинину“ и в набросках повести „Наденька“. Стихи приписаны Пушкину на основании позднейших списков.

1816—1820

636. На Н. И. Гнедича („С тобою в спор я не вступаю...“). Впервые напечатано М. Н. Лонгиновым (со слов Я. Н. Толстого) в „Современнике“ 1857, № 4. По этому изданию и печатается. Датируется на основании биографических данных концом 1819 года.

О Гнедиче см. стр. 781.

636. На гр. Д. И. Хвостова („Сожаленье не поможет...“). Впервые напечатано Н. В. Гербелем в „Стихотворениях А. С. Пушкина“, Берлин 1861. Печатается по „Современнику“ 1863, № 8. Датируется 1819 годом.

Эпиграмма приписана Пушкину в старых рукописных сборниках. О гр. Д. И. Хвостове см. стр. 654.

636. На Н. М. Карамзина (1. „В его «Истории» изящность, простота...“ 2. „Послушайте: я сказку вам начну...“). Впервые напечатано Н. В. Гербелем в „Стихотворениях А. С. Пушкина“, Берлин 1861. По этому изданию и печатается. Датируется предположительно 1818—1819 гг.

Эпиграммы, связанные, очевидно, с выходом в свет в 1818 году первых томов „Истории Государства Российского“ Карам-

зина. В 1826 году, отвечая на упреки кн. П. А. Вяземского, Пушкин писал: „Что ты называешь моими эпиграммами противу Карамзина? Довольно и одной... Моя эпиграмма остра и ничуть не обидна, а другие, сколько знаю, глупы и бешены". Сентенция эта одинаково применима и к первой и к второй из эпиграмм, дошедших до нас в списках с именем Пушкина.

Илья Богатырь — герой русского эпоса, он же главный персонаж сказки Н. М. Карамзина, начатой в 1794 году, но оставшейся незаконченной.

637. На Фотия („Полу-фанатик, полуплут..."). Впервые напечатано Н. В. Гербелем в „Стихотворениях А. С. Пушкина", Берлин 1861. По этому изданию и печатается. Датируется 1818 годом — апрелем 1820 года (до отъезда Пушкина на юг).

Эпиграмма на архимандрита новгородского Юрьевского монастыря Фотия (1792—1838), одного из вдохновителей реакции 20-х годов, лично близкого А. А. Аракчееву. О других эпиграммах на него, приписывавшихся также Пушкину, см. стр. 796.

637. На кн. А. Н. Голицына („Вот Хвостовой покровитель..."). Впервые напечатано Н. В. Гербелем в „Стихотворениях А. С. Пушкина", Берлин 1861. По этому изданию и печатается. Датируется 1818 годом — апрелем 1820 года (до отъезда Пушкина на юг).

Эпиграмма на кн. Александра Николаевича Голицына (1773—1844), министра духовных дел и народного просвещения. Ср. резкую характеристику, которую дает ему Пушкин во „Втором послании к цензору" (1824). По словам Д. В. Давыдова, А. Н. Голицын „отличался и подлостью, и придворным интриганством, и порочными вкусами, на Востоке столь распространенными",—что объясняет последние два стиха эпиграммы.

А. Н. *Хвостова* — участница мистического кружка г-жи Крюденер, и Н. Н. *Бантыш-Каменский* — археограф, член Библейского общества—видные представители реакционно - клерикального движения, покровительствуемого кн. А. Н. Голицыным.

636. К портрету П. Х. Молоствова („Небольшой он русский барин..."). Впервые напечатано Н. Г. Молоствовым в „Русском Архиве" 1898, № 6. Печатается по записи неизвестной руки на обороте акварельного портрета П. Х. Молоствова *(ПД)*. По этой записи и печатается.

Панфамир Христофорович *Молоствов* (1793—1828) — офицер лейб-гвардии Гусарского полка в 1811—1823 гг. Если действительно надпись принадлежит Пушкину, то он мог написать ее в 1816 — апреле 1820 года, общаясь с Молоствовым и в лицее и по выходе из него.

1825

637. „Расходились по поганскому граду...". Впервые напечатано П. О. Морозовым в Академическом изд. Пушкина 1916, т. IV. Печатается по автографу *(ПД)*. Датируется 1825 годом (стихи находятся на одном листке с текстами этого года).

Двустишие, записанное Пушкиным на обороте автографа „Я помню чудное мгновенье" и являющееся, возможно, передачей фольклорного материала.

1826

638. „Будь подобен полной чаше...". Впервые напечатано И. А. Шляпкиным в книге „Из неизданных бумаг Пушкина" 1903. Печатается по автографу *(ПД)*. Датируется предположительно июнем — декабрем 1826 года.

Куплеты, сохранившиеся в автографе Пушкина, но являющиеся, возможно, записью чужого произведения, могли предназначаться для водевиля, о котором писал Пушкину 6 июня 1826 года П. А. Катенин: „Для бенефиса, следующего мне за „Андромаху", нужна была маленькая комедия в заключение спектакля; я выбрал „Minuit", и некто мой приятель Н. И. Бахтин взялся мне ее перевести; но вот горе: там есть романс, или куплеты. Молодой Флоридор (по-русски Владимир) случайно заперт в комнате своей кузины, молодой вдовы, ночью на новый год,

и не теряет времени с нею; пока они разнеживаются, под окном дается серенада, в конце второго куплета бьет полночь, старики входят, застают молодых и остается только послать за попом, ибо всё прочее готово. Французские куплеты дурны, но я прошу тебя мне сделать и подарить хорошие".

1827

639. Кж. С. А. Урусовой („Не веровал я троице доныне..."). Впервые напечатано Н. В. Гербелем в „Стихотворениях А. С. Пушкина", Берлин 1861. Печатается по рукописному сборнику Лонгинова-Полторацкого *(ЛБ)*. Датируется предположительно 1827 годом.

Мадригал фрейлине кж. Софье Александровне Урусовой, впоследствии фаворитке Николая I, с которой Пушкин встречался в 1827 году.

1820-ые годы

639. Гр. А. А. Орловой-Чесменской („Благочестивая жена..."). Впервые напечатано Н. В. Гербелем в „Стихотворениях А. С. Пушкина", Берлин 1861; по этому изданию и печатается. Датируется 1820-ми годами.

Эпиграмма на гр. Анну Алексеевну Орлову (1785 — 1848) — вдохновительницу влиятельного реакционно-клерикального салона, находившуюся, по слухам, в близких отношениях с архимандритом новгородского Юрьевского монастыря Фотием (1792 – 1838), одним из вдохновителей церковной политики начала 20-х годов. См. эпиграмму Пушкина „Полуфанатик, полу-плут".

639. Разговор Фотия с гр. Орловой („Внимай, что я тебе вещаю..") Впервые напечатано Н. В. Гербелем в „Стихотворениях А. С. Пушкина", Берлин 1861. По этому изданию и печатается.

Датируется 1820-ми годами.

См. примечание к предыдущей эпиграмме.

639. „Воды глубокие...". Впервые напечатано М. А. Цявловским в Полном собр. соч. Пушкина, приложение к журналу „Красная Нива" 1930, т. II. Печатается по автографу *(ПД)*. Датируется предположительно 1820-ми годами.

Стихи, сохранившиеся в автографе Пушкина, может быть, ему и не принадлежащие.

Стихотворения 1815—1817 гг., переделанные в 1819—1828 гг.

640. Старик („Уж я не тот любовник страстный..."). В переделанном виде стихотворение вошло в тетрадь Всеволожского и в этой редакции впервые было напечатано в „Стихотворениях Александра Пушкина" 1826, в отделе „Эпиграммы и надписи" и с пометой: „Из Марота" в оглавлении; перепечатано в „Стихотворениях Александра Пушкина" 1829, ч. I, в отделе стихотворений „разных годов" и с пометой: „Из Маро" в оглавлении. По этому изданию и печатается.

641. Лицинию („Лициний, зришь ли ты: на быстрой колеснице..."). В переделанном виде стихотворение впервые было напечатано в „Стихотворениях Александра Пушкина" 1826, в отделе „Послания", с подзаголовком: „С латинского" и датой: „1815" в оглавлении; перепечатано в „Стихотворениях Александра Пушкина" 1829, ч. I, среди стихотворений 1815 года (в оглавлении заглавие: „К Лицинию" и подзаголовок: „С латинского"). Печатается по „Стихотворениям Александра Пушкина" 1829, ч. I.

643. Гроб Анакреона („Всё в таинственном молчаньи..."). В переделанном виде стихотворение впервые было напечатано в „Стихотворениях Александра Пушкина" 1826, в отделе „Разные стихотворения" и с датой в оглавлении: „1815", перепечатано в „Стихотворениях Александра Пушкина" 1829. ч. I среди стихотворений 1815 года. По этому изданию и печатается.

644. Амур и Гименей („Сегодня, добрые друзья..."). Лицейское стихотворение

неоднократно переделывалось, в переделанном виде вошло в тетрадь Всеволожского и впервые было напечатано в „Стихотворениях Александра Пушкина“ 1826, в отделе „Разные стихотворения“, с подзаголовком: „Сказка“ и датой: „1816“ в оглавлении; перепечатано в „Стихотворениях Александра Пушкина“ 1829, ч. I, среди стихотворений 1816 года. По этому изданию и печатается.

646. К Морфею („Морфей, до утра дай отраду...“). Лицейское стихотворение „К сну“ неоднократно переделывалось и в переделанном виде вошло в тетрадь Всеволожского. Впервые было напечатано в „Полярной Звезде на 1824 г.“ По этому изданию и печатается.

646. Друзьям („Богами вам еще даны...“). Лицейское стихотворение неоднократно переделывалось, в переделанном виде вошло в тетрадь Всеволожского и впервые было напечатано в „Стихотворениях Александра Пушкина“ 1826, среди „Элегий“, с датой: „1816“ в оглавлении; перепечатано в „Стихотворениях Александра Пушкина“ 1829, ч. I, среди стихотворений 1816 года. По этому изданию и печатается.

647. Шишкову („Шалун, увенчанный Эратой и Венерой...“). Лицейское стихотворение неоднократно переделывалось, в переделанном виде вошло в тетрадь Всеволожского и впервые было напечатано в „Стихотворениях Александра Пушкина“ 1826, среди посланий и с датой: „1816“ в оглавлении; перепечатано в „Стихотворениях Александра Пушкина“ 1829, ч. I, где помещено среди стихотворений 1816 года. По этому изданию и печатается.

648. Любопытный („—Что ж нового?“—„Ей богу ничего...“). В переделанном виде лицейская эпиграмма была впервые напечатана в „Северных Цветах на 1829 г.“ и перепечатана в „Стихотворениях Александра Пушкина“ 1829, ч. II, среди стихотворений разных годов.

648. К Каверину, 1817 („Забудь любезный мой Каверин...“). Лицейское стихотворение неоднократно переделывалось, вошло в тетрадь Капниста и впервые было напечатано в „Московском Вестнике“ 1828, № 17, под заглавием: „К К. 1817“. Ни в один из сборников стихотворений Пушкина послание не вошло.

649. В. Л. Пушкину („Что восхитительней, живей...“). Лицейское послание во второй редакции, являющейся извлечением из первой, впервые было напечатано под заглавием: „Отрывок из послания В. Л. П — ну“ в „Полярной Звезде на 1824 г.“, затем вошло в „Стихотворения Александра Пушкина“ 1826, с датой в оглавлении: „1817“ и в „Стихотворения“ 1829, ч. I, где помещено среди стихотворений 1817 года. Печатается по „Стихотворениям Александра Пушкина“ 1829, ч. I.

Отличия текста „Полярной Звезды на 1824 г.“ от текста „Стихотворений“:

Ст. 17:

Об ком за песни, за дела

Ст. 19:

Кто славит Марса и Темиру

650. Дельвигу („Любовью, дружеством и ленью...“). В переделанном виде послание вошло в тетрадь Всеволожского и впервые было напечатано в „Стихотворениях Александра Пушкина“ 1826, среди посланий и с датой в оглавлении: „1817“ и перепечатано в „Стихотворениях Александра Пушкина“ 1829, ч. I, где помещено среди стихотворений 1817 года; по этому изданию и печатается.

Словарь малоизвестных мифологических имен и исторических лиц античного мира, упоминаемых в I томе *

Адмет — легендарный фессалийский царь; Феб, изгнанный одно время с Олимпа пас его стада.

Айдесский бог — бог Аида, царства мертвых.

Актеон — охотник, превращенный богиней Дианой, которую он увидел нагой во время купания, в оленя и растерзанный собаками.

Анаксагор — греческий философ V в. до н. э., изгнанный из Афин за оскорбление богов.

Аониды — музы, названные по месту их культа в Аонии (миф.).

Арголида — область древней Греции.

Аристарх — греческий критик II в. до н. э., имя которого в литературной критике стало синонимом педантизма и придирчивости.

Аристид — государственный деятель и афинский полководец VI — V вв. до н. э., увековеченный Плутархом как образец высших гражданских доблестей, олицетворенная справедливость.

Аристипп — греческий философ IV в., учивший, что счастье заключается в наслаждении.

Аристогитон и Гармодий — греческие юноши-заговорщики, убившие тирана Гиппарха (534 г. до н. э.). Чтобы не возбудить подозрений, они, идя на убийство, обвили мечи праздничными ветвями мирта (так как это был день ежегодного большого праздника).

Астрея — богиня справедливости, дочь Зевса и Фемиды.

Ахерон — река в подземном царстве мертвых, через которую переправлялись души умерших (миф.).

Беллона — богиня войны (миф.).

Веспер — вечерняя звезда, Венера.

Гаргафия — долина в Беотии, области древней Греции, где Актеон увидел купающуюся Диану.

Гебея — дочь Зевса, богиня молодости, олицетворение вечной юности (миф.).

Геликон — гора в Греции, ветвь горного кряжа Пинда, считалась, наряду с горой Парнасом, обычным местопребыванием Аполлона и муз; царицы Геликона — музы.

---

* Пояснения даны только в пределах, необходимых для понимания Пушкинского текста. Вовсе не вошли в словарь условные имена, встречающиеся в стихах Пушкина, вроде „Арист“, „Хлоя“, „Климена“, „Темира“, Клеон“, „Дорида“ и т. п.

Зенон — греческий философ V в. до н. э., основатель стоической школы, проповедывавший равнодушие к жизненным благам.

Иппокрена — источник на горе Геликоне, согласно мифу, обладавший свойством возбуждать поэтическое вдохновение.

Истр — древнее название реки Дуная.

Камены — музы, богини поэзии (миф.).

Кастальский источник — ключ на Парнасе, возбудитель поэтического вдохновения (миф.).

Катон Старший — римский государственный деятель III—II в. до н. э., имя его стало нарицательным для характеристики строгого моралиста

Керамик — предместье древних Афин.

Кифера — см. Цитера.

Клио — муза — покровительница истории (миф.).

Ком — бог веселого пира.

Коринна — греческая поэтесса V в. до н. э., ученица Пиндара, победившая его в поэтических состязаниях.

Коцит — „река плача“, одна из рек, окружающих подземное царство (миф.).

Крон, также Сатурн — отец Зевса, бог времени.

Лаиса — греческая гетера, известная своей красотой и доступностью; в классической поэзии имя ее стало нарицательным для обозначения продажных женщин (IV в. до н. э.).

Лары — добрые духи, боги — покровители домашнего очага (миф.).

Либер, также Вакх, Бахус, Дионис — бог вина и веселья (миф.).

Мевий — бездарный римский поэт I в. до н. э., преследовавший своими памфлетами Вергилия; имя его стало нарицательным для обозначения бездарного поэта-завистника.

Мидас — легендарный фригийский царь, которого разгневанный им Аполлон наградил ослиными ушами. Мидас прятал их под короной, но не сумел скрыть свою тайну.

Мнемозина — богиня памяти, мать девяти муз.

Мом — бог насмешки, иронии (миф.).

Нестор — старейший из греческих вождей, участвовавших в осаде Трои („Илиада“ Гомера), в переносном смысле вообще старец, старейшина (миф.).

Омир — Гомер.

Пан — божество стад и пастухов.

Парнас — ветвь горного кряжа Пинда, местопребывание Аполлона и муз (миф.).

Пафос — город на острове Кипре, где процветал культ Венеры.

Пелион — гора в Фессалии, области древней Греции.

Пеней — река в Фессалии.

Пермес — река, берущая начало на горе Геликоне; отсюда музы — пермесские девы, пермесские царицы.

Пинд — горный кряж в Греции, ветвями которого были Геликон и Парнас — местопребывание Аполлона и муз.

Пифон — дракон, убитый Аполлоном стрелой из серебряного лука.

Пиэриды — музы, названные по месту их культа, Пиэрии (миф.).

Помона — богиня плодов (миф.).

Помпей — римский полководец I в. до н. э., около статуи его в сенате был убит заговорщиками Юлий Цезарь.

П р о з е р п и н а — дочь Цереры, богини плодородия, похищенная Плутоном и ставшая царицей подземного царства.

С е м е л е я, или **С е м е л а** — мать Вакха, которого она родила от Зевса (миф.).

С т и к с — река подземного царства (миф.).

Т а й г е т — горный хребет, на склонах которого Аполлон, изгнанный одно время Зевсом с Олимпа, пас стада фессалийского царя Адмета (миф.).

Т и р т е й — греческий поэт, своими песнями возбуждавший мужество спартанцев во время мессенской войны (VII в. до н. э.).

Ф а о н — прекрасный юноша, которого, по преданию, безнадежно любила поэтесса Сафо.

Ф и л о м е л а — дочь афинского царя, обращенная в соловья (миф.).

Ф л е г е т о н — огненная река, окружающая подземное царство мертвых (Аид, Тартар) — (миф.).

Ц и т е р а — также **К и ф е р а** — остров, посвященный Афродите, богине любви.

Ц и т е р е я — Венера.

Э в м е н и д а — богиня возмездия, мстительница за всех несправедливо оскорбленных.

Э в к с и н — древнее название Черного моря.

Э л и з е й — легендарное царство мертвых, спокойная обитель, где нет бурь и непогод.

Я п е т — один из титанов, от которого произошел человеческий род, отец Прометея (миф.).

Перечень иллюстраций

Титульные листы и внутреннее оформление художника А. М. Сурикова. Оформление переплета по макету М. И. Козлова. Барельеф с чеканной медали художника гравера Скуднова—резал на стали гравер Л. Н. Карякин.

Содержание*

Стихотворения 1813—1830

1813

1814

* Второй столбец цифр означает страницы примечаний.

1815

1816

1814 — 1817

1817

1818

1819

1820

1821

1822

1823

1824

1825

1826

1827

1828

1829

1830

Фрагменты и черновые наброски

1814

1816

1817

1818

Dubia

1825

1826

1827

1820-е годы

Стихотворения 1815—1817 гг., переделанные в 1819—1828 гг.

Варианты и комментарии

Редактор *И. М. Рубановский*
Художественная редакция
М. П. Сокольников
и *Е. Л. Орликова*
Лит.-технич. наблюдение
В. В. Чешихина
Техническая редакция
М. П. Ткачуков
Ответственная корректура
Е. Н. Семяновская
Наблюдение на производстве
М. И. Козлов
и *Н. С. Черников*

* * *

Сдано в набор 8/VII 36. Подписано к печати 5/XI 36
Тираж 25300. Уполномоч. Главлита Б-30121. Зак. тип. № 2996. „Ас" 223 Инд. А-0
Бумага 82×110—$^{1}/_{16}$ Вишерского Бумкомбината. Переплетный материал—лидерин Щелковской ф-ки Техноткани. Печ. лист. 52, вкл. лист. 19. Уч.-авт. лист. 49,47

* * *

1-я Образцовая типография Огиза РСФСР треста „Полиграфкнига". Москва, Валовая, 28.

Цена Р. 16.00
Переплет Р. 4.00

Замеченные опечатки

Стр.	*Строка*	*Напечатано*	*Следует*
305	10 св.	думаю	думою
456—457	подпись под рисунком	в Михайловском	в Тригорском
727	23 сн.	писания	послания
811	21 св.	310	309
819	3 сн.	598	599
821	5 св.	плоти!*	плети! *

Юбилейное издание А. С. Пушкина в шести томах набрано, отпечатано и переплетено в Москве, в 1-й ОБРАЗЦОВОЙ ТИПОГРАФИИ ТРЕСТА „ПОЛИГРАФКНИГА" под общим наблюдением: директора типографии Э. М. Штеренгофа, технич. директора А. С. Лизаревича, зав. производством Е. А. Фильцер и инженера-технолога П. М. Романова.

★

Наборные работы велись под наблюдением: начальника цеха В. М. Астафьева и технорука Г. М. Денисова.

★

Печать текста, цветных и тоновых автотипий под наблюдением: начальника цеха Г. Н. Захарова и техноруков С. Н. Трофимова и А. И. Голубева.

★

Брошировка и переплет под наблюдением: Я. А. Аравина, С. В. Васильева, Д. Ф. Галкина.

★

Иллюстрации хромо- и фото-лито отпечатаны в 1-й Образцовой типографии треста „Полиграфкнига" под наблюдением: руководителя группы красочной печати В. В. Фомичева и начальника цеха М. Е. Гераськина.

★

Иллюстрации меццо-тинто отпечатаны в 1-й Образцовой типографии треста „Полиграфкнига" под наблюдением: руководителя группы красочной печати В. В. Фомичева и начальника цеха В. Ф. Машинского.

★

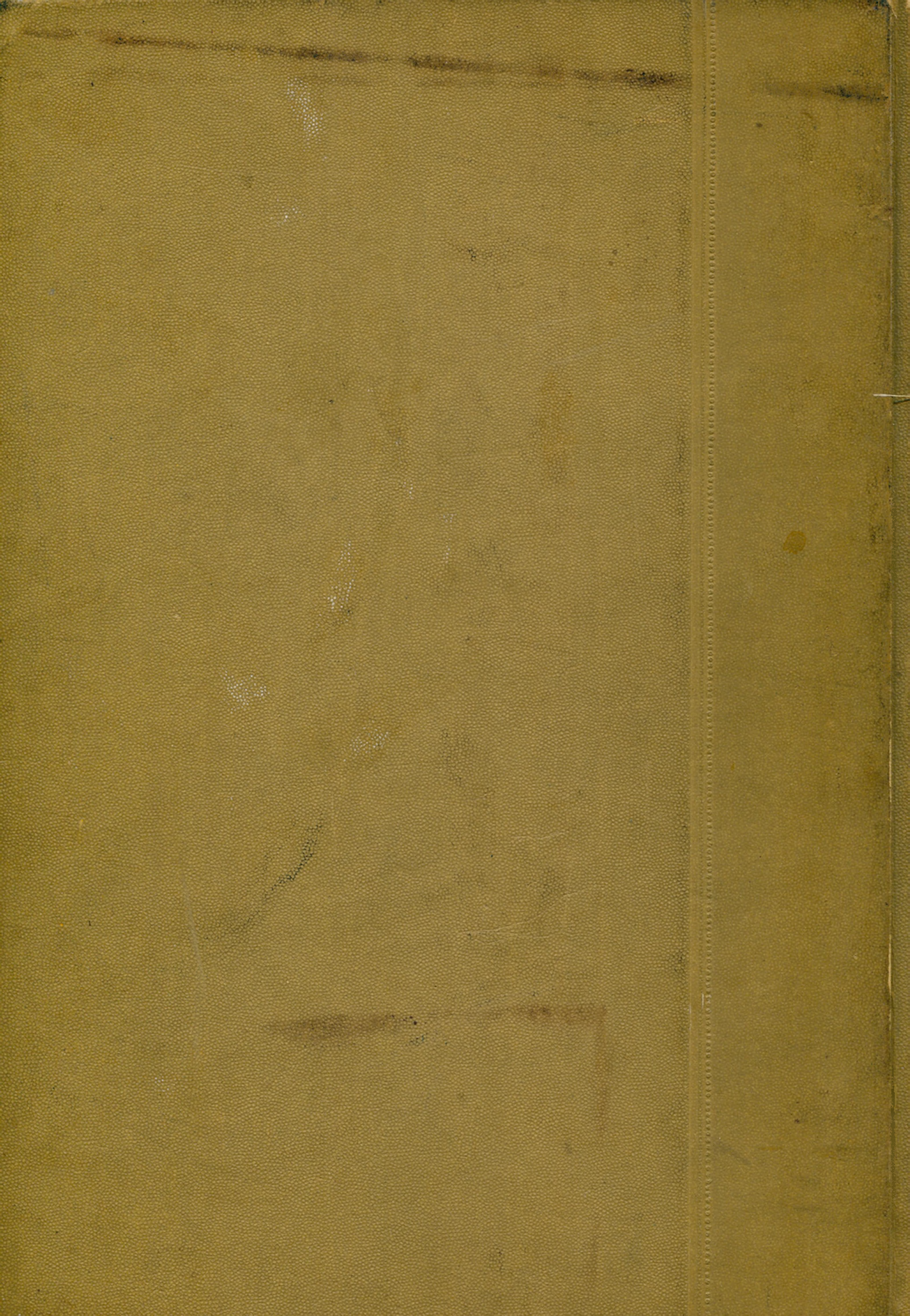
Бумага для текста изготовлена бумажной фабрикой Вишхимз им. Менжинского.

Лидерин изготовлен Щелковской фабрикой „Союзтехноткань".

Краска для печати изготовлена на 3-м красочном заводе в Ленинграде.

★

Фототипные иллюстрации выполнены „Артелью фототипов" Мособлпечатьсоюза, Москва, Варсонофьевский пер., 8.

1837 – 1937

ПУШКИН

ПОЛНОЕ
СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ

